

7348

Г. Геддингъ, 61

профессоръ копенгагенскаго университета.

ОЧЕРКИ
ПСИХОЛОГИИ, 2 12

ОСНОВАННОЙ НА ОПЫТЪ.

1348 2
4839
12178
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ».

4839
НБ ПНУС

7348

МОСКВА.

41 250
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собств. домъ,

1892.

Оригинал
1874

О. у. н.

2
4

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Предметъ и методъ психологіи I
1. Предварительное опредѣленіе психологіи, какъ ученія о душѣ.—
2. Внешнее воспріятіе предшествуетъ внутреннему. — 3. Свидѣ-
тельство языка. — 4. Психологическое развитіе различія между я
и не-я. — 5. Мифологическій взглядъ на душу.— 6. Прямое и кос-
венное воспріятіе душевной жизни.— 7. Психологія и метафизика.—
8. Методъ психологіи. а. Трудность внутреннихъ наблюденій.
б. Вліяніе индивидуальныхъ различій. с. Психологическій ана-
лизъ. d. Экспериментальная психологія. е. Субъективная и объ-
ективная психологія. f. Взаимное отношеніе различныхъ методовъ.—
9. Отношеніе психологіи къ логикѣ и этикѣ.
- II. Душа и тѣло 33
1. Эмпирическая (феноменологическая) точка зрѣнія.— 2. Законъ
сохраненія энергіи.— 3. Органическая жизнь и сохраненіе энер-
гіи.— 4а. Значеніе нервной системы. б. Рефлекторное движеніе.
с. Подчиненные нервные центры. d. Большой мозгъ. е. Большой
мозгъ и низшіе центры.— 5. Предварительная характеристика со-
знательной жизни. — 6. Параллели между сознаніемъ и нервной
системой.— 7. Пропорціональность между жизнью сознанія и дѣя-
тельностью мозга.— 8а. Дуалистически-спиритуалистическая гипо-
теза. б. Монистическо-матеріалистическая гипотеза. с. Монисти-
ческо-спиритуалистическая гипотеза. d. Гипотеза тождественности
(монизмъ).
- III. Сознательное и безсознательное 80
1. Опредѣленіе безсознательнаго. — 2. Сознательный результатъ
мысли послѣ безсознательной работы. — 3. Сознательный резуль-
татъ воспріятія послѣ безсознательной работы.— 4. Познавательные
средніе члены.— 5. Инстинктъ и привычка.— 6. Безсознательная и
сознательная дѣятельность одновременны. — 7. Безсознательный
ростъ чувства.— 8. Состояніе сна.— 9. Пробужденіе вслѣдствіе
психическаго отношенія впечатлѣнія. — 10. Какъ далеко прости-
рается душевная жизнь. — 11. Психологія и физическая механи-
ка.— 12. Общіе законы для духа и матеріи.

IV. Подроздѣленіе психологическихъ элементовъ	98
1. Подроздѣленіе элементовъ, а не состояній.— 2. Психологическое дѣленіе на три части.— 3. Трехчастное дѣленіе не первичный фактъ.— 4. Развитіе индивидуальнаго сознанія.— 5. Психологическая дифференцировка во время развитія рода.— 6. Условія дифференцировки.— 7а. Нѣтъ познанія безъ чувства. б. Нѣтъ познанія безъ воли. с. Нѣтъ чувства безъ познанія. d. Связь между чувствомъ и волею. e. Воля, какъ первое и послѣднее.	
V. Психологія познанія	114
А. Ощущеніе	114
1. Психологическое значеніе вопроса о простотѣ и самостоятельности ощущеній.— 2 Простота ощущеній — 3. Самостоятельность ощущеній.— 4. О качествѣ ощущеній.— 5. Законъ отношенія въ области ощущеній.— 6. Ощущенія движенія.— 7. Ощущеніе и движеніе.	
В. Представленіе	138
1. Ощущеніе и воспріятіе.— 2 Свободныя представленія.— 3. Ощущеніе, перцепція и свободное представленіе.— 4. Обособленіе свободныхъ представленій отъ воспріятій.— 5. Формальное и реальное единство сознанія.— 6. Сохраненіе представленій.— 7а. Образы воспоминанія, галлюцинаціи и иллюзіи. б. Воспоминаніе, какъ оно обусловливается отношеніями во время переживанія. с. Воспоминаніе, какъ оно обусловливается отношеніями воспроизведенія. d. Воспоминаніе, какъ оно обусловливается качествомъ представленій.— 8а. Закономѣрность соединенія представленій. б. Законы сочетанія представленій. с. Основной законъ сочетанія представленій. d. Законы забыванія.— 9. Единичныя, индивидуальныя и общія представленія.— 10. Языкъ и представленія.— 11. Ассоціація идей и мышленіе.— 12. Образованіе свободныхъ конкретныхъ индивидуальныхъ представленій (фантазія).	
С. Воспріятіе времени и пространства	211
1: Условія для представленія времени.— 2. Развитіе представленія времени.— 3. Символическій характеръ представленія времени.— 4. Оцѣнка времени.— 5. Первоначально-ли форма времени? — 6. Первоначально-ли воспріятіе разстоянія? — 7а. Первоначально-ли воспріятіе плоскости? б. Одновременныя впечатлѣнія. с. Мѣстные знаки.— 8. Нативистическая и генетическая теорія.— 9. Органическая основа воспріятія пространства.— 10. Представленіе пространства.	
Д. Воспріятіе дѣйствительности	236
1. Содержаніе познанія, какъ выраженіе дѣйствительности.— 2. Связь, какъ критерій дѣйствительности.— 3. Отношеніе причинности.— 4. Психологическое развитіе понятія причинности.— 5. Градусы познанія.	
VI. Психологія чувства	253
А. Чувство и чувственное ощущеніе	253

1. Единство въ жизни чувства.—2. Чувство въ отличіе отъ чувственного ощущенія.—3. Чувствованіе и отдѣльныя чувства. а. Чувство жизни. б. Чувства при прикосновеніи и при движеніи. с. Чувства при вкусѣ. d. Чувства при обоняніи. e. Чувства при зрѣніи и слухѣ.—4. Естественный ходъ развитія элементарныхъ чувствъ.
- B. Чувство и представленіе 267
1. Врожденность чувства.—2а. Отвращеніе, печаль, ненависть. б. Любовь, радость, симпатія. с. Влеченіе, стремленіе. d. Надежда, боязнь. e. Смѣшанныя чувства. — 3. Законъ развитія чувства. — 4. Воспоминаніе чувствъ.
- C. Эгоистическое и симпатическое чувство 276
1. Эгоистическій центръ тяжести.—2. Психологическій генезисъ симпатіи.—3. Физиологическая основа симпатіи.—4. Чувство любви и симпатія.—5. Симпатія пускаетъ корни, благодаря наследственности и преданію. — 6. Идейное удовлетвореніе симпатіи.—7. Безкорыстная симпатія. — 8. Нравственное и религіозное чувство.—9. Интеллектуальное и эстетическое чувство.
- D. Физиологія и біологія чувства 308
1. Физиологическое мѣсто чувства. — 2. Біологическое значеніе чувства.—3. Чувство и жизненные отношенія.
- E. Законъ отношенія въ примѣненіи къ чувствованіямъ . 318
1. Законъ отношенія—общая черта какъ познанія, такъ и чувства.—2. Контрастъ и ритмъ жизни чувствъ. — 3. Чувства отношенія.—4. Вліяніе повторенія на чувство.—5. Аффектъ и страсть.—6. Пессимизмъ и законъ отношенія.—7. Нѣтъ нейтральныхъ состояній. — 8. Чувство возвышеннаго. — 9. Чувство смѣшнаго. а. Смѣхъ безъ чего-либо смѣшнаго. б. Смѣхъ, какъ выраженіе чувства силы и свободы. с. Симпатическій смѣхъ (юморъ). d. Смѣшное основывается на дѣйствіи контраста. e. Высокое и смѣшное.
- F. Вліяніе чувства на познаніе 345
1. Чувство какъ тормазъ, охрана и выборъ. — 2. Побужденіе со стороны чувства и связь представленій.—3. Телеологія чувства и механизмъ познанія.—4. Ширина чувства. а. Предваряющее и реализирующее дѣйствіе чувства. б. Побудительное вліяніе чувства.
- VII. Психологія воли 358
- A. Первоначальность воли 358
1. Воля самое первичное и въ то же время самое производное душевное явленіе.—2. Самопроизвольность и раздражительность.—3. Самопроизвольныя и рефлекторныя движенія у высшихъ организмовъ.—4. Физиологическое мѣсто инстинкта и воли. — 5. Непроизвольное и произвольное вниманіе.—6а. Воля и представленія движенія. б. Обособленіе и комбинація движеній. с. Значеніе природной основы.
- B. Воля и другіе элементы сознанія 374
1. Высшее развитіе воли, обусловленное развитіемъ познанія и чувства 374

а. Психологія влеченія.—в. Желаніе.—с. Обдумываніе, намѣ- реніе и рѣшеніе.	
2. Воздѣйствіе воли на познаніе и чувство	383
а. Воздѣйствіе воли на познаніе.—в. Воздѣйствіе воли на чув- ство.—с. Воздѣйствіе воли на самое себя.	
3. Противоположность между волею и другими элементами со- знанія (концентрація и экспансивность)	390
4. Сознаніе воли	395
а. Сознаніе хотѣнія.—в. Вопросъ о дѣйствительности въ об- ласти воли.	
5. Воля и бессознательная душевная жизнь	398
а. Центръ сознанія не всегда центръ индивидуальности. — в. Детерминизмъ и индетерминизмъ.	
С. Индивидуальный характеръ	404
1. Типическія индивидуальныя различія.—2. Физическіе, соціаль- ные и унаслѣдованные элементы. — 3. Психическая индивидуаль- ность—фактическая граница познанія.—4. Психологія и гипотеза развитія.	
Указатель	413

Для ознакомленія русской публики съ психологіей въ той ея формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ современному уровню науки, едва-ли можно выбрать изъ европейской психологической литературы лучшее сочиненіе. Прежде всего трудъ Гефдинга имѣетъ въ своемъ основаніи богатый запасъ фактовъ, обдуманно выбранныхъ и критически провѣренныхъ. Въ этомъ отношеніи датскаго психолога никакъ нельзя упрекнуть въ увлеченіи или въ неосмотрительности, но скорѣе даже въ излишней осторожности. Съ меньшею осторожностью поступаетъ онъ и въ освѣщеніи и истолкованіи фактовъ, что, однако, нисколько не мѣшаетъ опредѣленности теоретическихъ выводовъ, которые онъ дѣлаетъ изъ фактовъ. Богатство знаній не только въ философіи и психологіи, но и въ другихъ, особенно сосѣднихъ съ психологіей, областяхъ науки, полное знакомство съ обширною литературой предмета даютъ Гефдингу возможность идти рука объ руку съ авторитетными представителями современной науки. Съ педагогической точки зрѣнія содержаніе психологіи Гефдинга расположено весьма цѣлесообразно и удачно соединяетъ сжатость съ надлежащею полнотою. Сравнительно съ обширностью предмета предлагаемую книгу никакъ нельзя назвать объемистою, а между тѣмъ въ ней не оставленъ безъ вниманія ни одинъ пунктъ, имѣющій значеніе въ пси-

хологіи. Новъ то же время трудъ Гефдинга не расплывается въ излишнихъ подробностяхъ и вообще удовлетворяетъ чувству мѣры. Слогъ у Гефдинга вездѣ ясный и мѣстами даже не лишенъ силы и живости; философская терминологія иринадлежитъ къ наиболѣе установившейся въ настоящее время. Въ пользу книги Гефдинга не мало говоритъ и то обстоятельство, что она нашла себѣ почетный приѣмъ въ нѣмецкой и англійской литературѣ.

По просьбѣ автора, въ русскомъ переводѣ сдѣлано нѣсколько незначительныхъ вставокъ и измѣненій. Редакція первыхъ трехъ главъ принадлежитъ *А. А. Нозлову*, остальныхъ—*Я. Н. Колубовскому*.

Впослѣдствіи *А. А. Нозловъ* имѣетъ въ виду издать свои примѣчанія къ книгѣ Гефдинга.

Декабрь 1891 г.

Предметъ и методъ психологіи.

1. Психологія есть наука о душѣ, это — самое краткое опредѣленіе, которое мы можемъ дать предмету нашихъ настоящихъ изслѣдованій. Но это только предварительное опредѣленіе, вовсе не дающее яснаго и точнаго понятія. Тутъ мы только противопоставляемъ психологію, какъ ученіе о томъ, что думаетъ, чувствуетъ и хочетъ, физикѣ, какъ ученію о томъ, что движется въ пространствѣ и наполняетъ его. Эти двѣ области и заключаютъ въ себѣ все, что можетъ быть предметомъ человѣческаго познанія. Психологія точно такъ же не обязана начинать съ объясненія, что такое душа, какъ физика — съ объясненія, что такое матерія. Въ этомъ общемъ указаніи на предметъ психологіи не заключается никакого предположенія о томъ, существуетъ-ли душа, какъ самостоятельное, отличное отъ матеріи, существо, или не существуетъ. Мы заботимся только о томъ, чтобы установить психологію, какъ чисто опытную науку, и рѣзко отдѣлать дѣйствительно данное отъ гипотезъ, которыми мы пользуемся для того, чтобы это данное привести въ порядокъ и сдѣлать доступнымъ пониманію.

Но, исходя изъ того, что душевныя явленія имѣютъ извѣстные признаки, которыми они отличаются отъ тѣлесныхъ, мы уже предполагаемъ познаніе, которое является только на извѣстной ступени умственнаго развитія и про которое еще и теперь нельзя сказать, что оно вполне установлено. Значитъ, мы поставимъ предметъ психологіи въ болѣе ясномъ свѣтѣ, если приведемъ нѣсколько чертъ для характеристики пути и способа, какимъ развилось представленіе о душѣ въ человѣческомъ родѣ и какимъ оно развивается въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ.

2. Съ духовнымъ зрѣніемъ происходитъ то же, что и съ тѣ-

леснымъ: сначала оно направлено на внѣшнее. Глазь обозрѣваетъ внѣшніе предметы, ихъ цвѣта и формы, и только искусственно, окольнымъ путемъ онъ видитъ самого себя и то, что находится внутри его. Что же касается самихъ внѣшнихъ предметовъ, то зрѣніе по своей природѣ направлено на болѣе отдаленный пунктъ, къ обозрѣнію наибольшей области. Ощущая нѣкоторое напряженіе, когда глазь приспособляется къ ближайшимъ предметамъ, мы испытываемъ чувство облегченія и покоя, когда переносимъ взглядъ съ близкаго на далекое. Точно такъ же и внѣшніе предметы занимаютъ насъ гораздо ранѣе, чѣмъ мы начинаемъ думать о самомъ чувственномъ воспріятіи и представленіи, благодаря которымъ только и существуютъ для насъ внѣшніе предметы. Наша непосредственная, естественная жизнь протекаетъ въ дѣятельности чувственного воспріятія и фантазіи, а не въ субъективномъ размышленіи. Человѣкъ—практикъ прежде, чѣмъ дѣлается теоретикомъ. Его наслажденіе и страданіе связано съ тѣмъ условіемъ, что онъ изъ-за внѣшняго міра можетъ забывать себя. Наблюденія надъ жизнью животныхъ и людей, надъ внѣшнимъ видомъ растеній и плодовъ, надъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ и т. д. гораздо важнѣе въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ наблюденія надъ самимъ собой. Только на болѣе высокой ступени культуры можетъ быть поставлена заповѣдь: познай самого себя! и тѣмъ открыта прямая дорога къ психологическому изслѣдованію.

3. Такъ какъ языкъ развился подъ вліяніемъ вниманія, направленаго на внѣшній міръ, то и выраженія для обозначенія душевныхъ явленій взяты первоначально изъ внѣшняго міра. Внутренній духовный міръ обозначается символами, заимствованными изъ внѣшняго, пространственнаго міра. Это наблюденіе было уже сдѣлано Локкомъ и Лейбницемъ и подтверждено новѣйшею наукою о языкѣ. «Всѣ корни, т.-е. всѣ матеріальные элементы языка, суть звуковые знаки для впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ и только для нихъ; и такъ какъ всѣ слова, даже обозначающія самые отвлеченные и возвышенные предметы, произошли отъ корней, то сравнительная филологія вполне подтверждаетъ мнѣнія Локка» *).

*) Max Müller: Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache II, стр. 320. Локкъ между прочимъ приводитъ примѣры: to imagine, comprehend, conceive, spirit. Мюллеръ между прочимъ добавляетъ: animus отъ anima, Atem, дыханіе; срав. санскритское an, дуть, греческое aenai, и санскритское anila, греческое enemos, вѣтеръ.

Интересные примѣры имѣемъ мы въ словахъ, обозначающихъ въ различныхъ языкахъ духъ и душу, въ названіяхъ душевныхъ дѣятельностей и въ значеніи предлоговъ. «Можно считать доказаннымъ, что всѣ предлоги первоначально обозначаютъ исключительно пространственныя отношенія не только потому, что къ этому приводитъ всякое изслѣдованіе, доходящее до первоначальнаго происхожденія того или другого выраженія, но также и... потому, что только одни эти пространственныя отношенія могли быть ясно указаны и обнаруживались такимъ образомъ, что слова, связанные съ ними и относимыя къ нимъ, могли быть всѣми поняты одинаковымъ образомъ. Слѣдовательно, задача языка, т.-е. потребность и забота говорящихъ людей, состояла въ томъ, чтобы посредствомъ аналогіи съ пространственными отношеніями привести къ нимъ и сдѣлать наглядными представленія, не подлежащія пространственному порядку» *).

4. Если первоначальная область представленій, въ которой живетъ человѣкъ, получаетъ свои элементы изъ внѣшней природы, то спрашивается, какимъ образомъ вообще мы приходимъ къ различенію своего я отъ внѣшнихъ вещей?

Наше сознаніе, вѣроятно, начинается еще до рожденія. Правда, нѣжный организмъ еще отдѣленъ отъ внѣшняго міра; нѣкоторыя важнѣйшія чувственныя впечатлѣнія (зрительныя, слуховыя и обонятельныя) доступны ему только послѣ рожденія, а тѣ чувственныя ощущенія (вкусовыя, осязательныя и двигательныя), которыя для него возможны, конечно, только мало и смутно отличаются отъ общаго чувства растительнаго благосостоянія или нездоровья. Но, быть можетъ, этого опыта, пережитаго еще до рожденія, достаточно для того, чтобы образовалась основа для сознанія внѣшняго міра. Чувство благосостоянія или нездоровья вмѣстѣ съ ощущеніями движенія могутъ уже здѣсь образовать нѣкоторую противоположность съ ощущеніями сопротивленія, соприкосновенія и вкуса. Само собою разумѣется, что этотъ первый зародышъ сознанія о внѣшнемъ мірѣ очень неясенъ, и что мы, стоя на нашей вполнѣ сознательной точкѣ зрѣнія, легко можемъ приписывать этому зародышу много лишняго. Но, несмотря на

*) J. N. Madvig: Sprogvidenskabelige Strøbemærkninger (Филологическія замѣчанія), Копенгагенъ 1871 (университетская программа), стр. 9.—На это уже Лейбницъ обратилъ особенное вниманіе. Nouveaux Essais III, 1, 5 (Opera ed. Erdmann, стр. 298).

это, мы все-таки должны принимать во вниманіе эти первыя возбужденія, именно ради того, что они дѣлають понятною трудность установить какую-либо опредѣленную точку перехода отъ безсознательнаго бытія къ сознательному. *Эразму Дарвину* и *Кабанису* принадлежитъ заслуга указанія на значеніе этого перваго періода душевной жизни.

Переворотъ, вызываемый рожденіемъ, вѣроятно, состоитъ не въ одушевленіи организма, а въ сильной перемѣнѣ жизненныхъ отношеній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Общія ощущенія (ощущенія того, что совершается внутри организма) и чувство жизни (удовольствіе или недовольство, связанная съ общимъ ощущеніемъ) измѣняются отъ того, что пища и воздухъ уже не притекають непосредственно изъ материнскаго организма, съ которымъ зародышъ былъ связанъ жизненнымъ единствомъ, а получаютъ извнѣ и усваиваются посредствомъ особыхъ органовъ (пищеварительнаго канала и легкихъ). Рожденіе, кромѣ большей энергіи и самостоятельности внутреннихъ функцій, вызываетъ также болѣе сильныя колебанія въ общемъ ощущеніи, потому что прежній непрерывный притокъ теперь дѣлается періодическимъ и прерывистымъ, а потому и контрастъ между удовольствіемъ и недовольствомъ становится интенсивнѣе. Тотчасъ же впечатлѣнія внѣшняго міра сильно отражаются на нѣжномъ организмѣ, который особенно воспримчивъ къ дѣйствию холода. Болѣзненный крикъ, которымъ начинается свою жизнь новорожденный, вѣрнѣе всего объясняется отчасти необходимостью дыханія, вызванною отдѣленіемъ отъ материнскаго организма, отчасти ощущеніями холода *).

Хотя первоначально общее ощущеніе продолжаетъ играть главную роль, все-таки въ молодое сознаніе постепенно врывается такое разнообразіе впечатлѣній, что можетъ образоваться болѣе опредѣленный контрастъ между субъективнымъ и объективнымъ полюсомъ. Какъ съ одной стороны чувства удовольствія и недовольства, общее ощущеніе и ощущеніе движенія, въ силу увеличивающейся противоположности съ внѣшнимъ міромъ, выступаютъ все въ болѣе и болѣе ясной формѣ, такъ, съ другой, и вліянія внѣшняго міра становятся все сильнѣе и опредѣленнѣе. Свѣто-

*) *Adolf Kussmaul*: Untersuchungen über das Seelenleben des neugeborenen Menschen, стр. 27 и слѣд.

вья и звуковыя впечатлѣнія дѣлають возможнымъ различіе и распознаваніе, превосходящее по своей тонкости различіе и распознаваніе, основанныя на однихъ только осязательныхъ и двигательныхъ ощущеніяхъ. Сопротивленіе твердаго и жесткаго внѣшняго міра, встрѣчаемое движеніями ребенка, гораздо сильнѣе того, которое они встрѣчали въ жидкой и мягкой средѣ материнскаго организма. Наконецъ, послѣ рожденія образуется цѣлая область воспоминаній и представленій, быстро вступающая въ противоположность съ ощущеніями и воспріятіями.

Свѣтъ рано влияетъ на новорожденнаго, хотя въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, тотчасъ же обнаруживаются индивидуальныя различія. Ребенокъ, повидимому, испытываетъ чувство удовольствія при свѣтовомъ раздраженіи и старается (уже на второй день послѣ рожденія) вернуться къ нему, чтобы его продолжать. Способность фиксировать опредѣленные предметы развивается съ третьей недѣли. Само собою разумѣется, что этой фиксаціи подлежатъ преимущественно близкіе и бросающіеся въ глаза предметы. Особенно привлекають вниманіе яркіе по цвѣту и движущіеся предметы. Воспоминаніе также играетъ важную роль; вмѣсто того, чтобы продолжать плакать во время чувства голода, ребенокъ успокоивается, когда видитъ приготовленія къ удовлетворенію его потребности (уже на 3-й недѣлѣ), и признаетъ мать (начиная съ 3-го мѣсяца) источникомъ этого удовлетворенія, причѣмъ этому содѣйствуютъ также и звуковыя ощущенія, такъ какъ голова ребенка поворачивается въ сторону, откуда исходитъ звукъ *). Правда, свѣтovyя, звуковыя и осязательныя ощущенія оказываются независимыми отъ чувства удовольствія и недовольства индивидуума и отъ его активнаго движенія, однако же они и не вступаютъ въ противорѣчіе съ ними, которое начинается только при ощущеніи сопротивленія и препятствія. Но ощущенія затрудненнаго и задержаннаго движенія, возможныя уже, какъ было замѣчено, и въ зародышевомъ состояніи, становятся по рожденіи болѣе сильными и разнообразными. Въ движеніи членовъ обнаруживается значительная растительная энергія, и благодаря этому ребенокъ экспериментируетъ надъ предметами внѣшняго міра. Активный же экспериментъ даже для взрослога есть самое вѣрное средство ориентироваться.

*) Kussmaul, стр. 26, 39.—Vierbrdt: Die Physiologie des Kindesalters, стр. 154, 159.

Ребенокъ не ожидаетъ, пока къ нему подойдетъ внѣшній міръ, а, напротивъ, съ самаго начала онъ самъ своими произвольными движеніями входитъ въ него и такимъ образомъ лучше всего познаетъ границу между нимъ и самимъ собою. Тамъ, гдѣ движеніе наталкивается на сопротивленіе, а именно, если сопротивленіе причиняетъ боль, начинается *не-я*. Когда представленія воспоминанія становятся болѣе частыми и болѣе связанными другъ съ другомъ, для насъ наступаетъ третій моментъ, имѣющий важное значеніе, именно противоположность между болѣе ясными и сильными впечатлѣніями, возникающими непосредственно, неожиданно и часто безъ связи другъ съ другомъ, и между менѣе яркими образами, которые всегда находятся во власти сознанія, т. е. моментъ противоположности между воспріятіями и воспоминаніями.

Теперь спрашивается, что нужно разумѣть подъ *я*? Первоначально границы *я* совпадаютъ съ границами собственнаго организма. Все, что принимаетъ участіе въ движеніи и наталкивается на сопротивленіе, мы причисляемъ къ нашему *я*, и границы его познаются только путемъ опыта. Ребенокъ постепенно открываетъ свое собственное тѣло. Сперва самымъ знакомымъ членомъ собственнаго организма становятся руки, ознакомленіе съ которыми происходитъ посредствомъ губъ и языка, такъ какъ дитя иногда уже съ перваго дня кладетъ пальцы въ ротъ и сосетъ ихъ. Позже ребенокъ выучивается разсматривать ихъ глазами. Послѣ этого скоро въ нашемъ представленіи образуется прочная связь между мускульнымъ ощущеніемъ, сопровождающимъ движеніе рукъ, и созерцаніемъ этого движенія. Позже открываются для познанія ноги; это становится возможнымъ только тогда, когда ребенокъ можетъ уже сидѣть прямо и видѣть ихъ, или же когда, лежа на спинѣ съ поднятыми кверху ногами, онъ разсматриваетъ ихъ и старается схватить руками. Большой интересъ, съ которымъ ребенокъ наблюдаетъ свои члены и ихъ движенія, быть можетъ, вытекаетъ изъ того страннаго обстоятельства, что здѣсь является нѣчто видимое, осязаемое и оказывающее сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе принимающее участіе въ активномъ движеніи. Это объектъ, который въ то же время есть субъектъ. Ребенокъ продѣлываетъ здѣсь тотъ же опытъ, что и собака, которая кружится за своимъ хвостомъ. Если ребенокъ еще къ концу втораго года предлагаетъ своей ногѣ сухарь, то,

очевидно, онъ видитъ въ своей ногѣ самостоятельное существо. Взаимное соприкосновенiе членовъ и сопротивленiе однихъ движенiямъ другихъ постепенно уясняютъ представленiе о сходствѣ и въ то же время объ особаго рода отличii своего тѣла отъ другихъ предметовъ. Всего яснѣе становится это представленiе тогда, когда ребенокъ, обращаясь съ частями своего организма, какъ съ постороннимъ предметомъ, причиняетъ себѣ боль.

Здѣсь возможенъ еще одинъ шагъ; но онъ совершается въ болѣе старшемъ возрастѣ и не всѣми людьми и не во всѣ времена. Собственное тѣло, которое до сихъ поръ было отдѣляемо отъ *не-я*, оказывается обладающимъ существенными, общими съ этимъ *не-я* признаками: оно тоже подлежитъ чувственному воспрiятiю и можетъ оказывать сопротивленiе. Этимъ оно становится въ противоположность съ чувствами удовольствiя и недовольства и съ внутреннимъ потокомъ воспоминанiй и представлений. То, отъ чего мы чувствуемъ удовольствiе, еще можетъ быть воспринимлемо посредствомъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, *но не само чувство*. То, что мы вспоминаемъ и представляемъ, еще можетъ быть предметомъ внѣшняго воспрiятiя, *но не само воспоминанiе и представленiе*. Эта противоположность имѣетъ на столько рѣшительный характеръ, что представленiе тѣла можетъ быть перенесено отъ субъективнаго къ объективному полюсу, или къ *не-я*; и тогда намъ для представленiя объ *я* остается не болѣе какъ то, что оно есть субъектъ мышленiя, чувствованiя, желанiя. Противоположность между внутреннимъ и внѣшнимъ становится рѣже, или, говоря точнѣе, мы употребляемъ выраженiе «внутреннiй», какъ метафорическое обозначенiе душевной области въ противоположность тѣлесной, какъ «внѣшней». Значитъ, *внутреннiй опытъ* касается мыслей, представлений и чувствованiй, какъ душевныхъ состоянiй; а *внѣшнiй опытъ* касается того, что чувственно воспринимаемо и что можетъ оказать сопротивленiе движенiю въ пространствѣ.

5. Психологiя народовъ учитъ, что представленiе о душевной области прошло въ исторiи человѣческаго рода тѣ же стадii, которыя оно проходитъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ.

Обыкновенная мифологическая теорiя приписываетъ первобытному человѣку склонность понимать и объяснять всѣ явленiя природы путемъ подкладыванiя подъ всякое явленiе своей собственной сознательной жизни. «Объяснить», въдѣ, значитъ при-

вести неизвѣстное къ извѣстному; и откуда же могъ человѣкъ (такъ говоритъ эта теорія) заимствовать съ самаго начала элементы для объясненія явленій природы, какъ не изъ самого себя? Несомнѣнно, что мифологическое пониманіе природы отличается отъ научнаго своею склонностью къ олицетворенію. Но развѣ эта склонность сама не нуждается въ объясненіи, развѣ нельзя спросить, нѣтъ-ли необходимыхъ среднихъ членовъ, при помощи которыхъ представленіе о личныхъ силахъ переносится на явленія природы? Названная теорія, повидимому, приписываетъ первобытному человѣку творческую фантазію, которая возможна только на высшей ступени развитія. Будь эта теорія вѣрна, слѣдовало бы ожидать, что языкъ обозначалъ бы тѣлесныя вещи выраженіями, первоначально относящимися къ духовной области, тогда какъ въ дѣйствительности онъ обозначаетъ духовныя вещи выраженіями, относящимися къ тѣлесной области.

Поэтому новѣйшія изслѣдованія о духовной жизни дикихъ народовъ привели если не къ полному отверженію, то къ видоизмѣненію теоріи о первоначальной способности олицетворенія. *Тейлоръ*, *Леббокъ* и *Спенсеръ* указали, что сновидѣнія играютъ очень большую роль при выработкѣ первоначальнаго міросозерцанія. Во снѣ человѣкъ видитъ самого себя и другихъ; и такъ какъ онъ первоначально не имѣетъ основанія допустить различіе между сновидѣніями и воспріятіями, то онъ считаетъ первыя столь же дѣйствительными, какъ и воспріятія бодрственной жизни. Какъ ребенокъ передаетъ поклоны отъ тѣхъ, кого онъ видѣлъ во снѣ, такъ и первобытный человѣкъ принимаетъ пережитое во снѣ за дѣйствительно испытанное. Такимъ образомъ онъ былъ въ далекихъ странахъ, хотя оказывается, что его тѣло не двигалось съ мѣста; съ другой стороны, его посѣщали лица, несомнѣнно удаленныя отъ него или же умершія. Но для убѣжденія въ другой формѣ существованія, чѣмъ та, которая связана съ пребываніемъ тѣла на опредѣленномъ мѣстѣ, даютъ также опору, кромѣ сновидѣній, и отраженія въ зеркальныхъ поверхностяхъ образовъ собственнаго индивидуума и другихъ. Дикарь, которому показали зеркало, воскликнулъ: «я гляжу въ міръ духовъ!» Десятимѣсячный ребенокъ Дарвина поворачивался къ зеркалу, когда его называли по имени. Такіе опыты ведутъ къ признанію двойнаго существованія человѣка: какъ душа, онъ есть свободное эфирное существо; какъ тѣло, онъ связанъ съ опре-

дѣленнымъ и ограниченнымъ мѣстомъ въ пространствѣ. Эта двойственность даетъ твердую точку опоры для фантазіи. Самыя поразительныя явленія—измѣненіе, возникновеніе и исчезновеніе, жизнь и смерть—находятъ тогда свое естественное объясненіе, такъ какъ вездѣ принимается подобная двойственность. Особенно души умершихъ даютъ важный элементъ для объясненія; ими больше всего заняты сонъ и фантазія, а потому и появляется общая склонность всюду видѣть ихъ вмѣшательство. Изъ міра сновидѣній населяется вся природа.

Однако нельзя совсѣмъ обойтись безъ предположенія склонности къ олицетворенію, хотя одна она и не можетъ удовлетворительно объяснять явленія. Человѣкъ все-таки долженъ признать себя въ сновидѣніи и приписать образамъ другихъ людей, являющихся ему во снѣ, соответствующія его собственнымъ чувства и желанія. Если совершенно отвергнуть склонность къ олицетворенію, то нельзя объяснить, какимъ образомъ человѣкъ вообще можетъ допустить существованіе другихъ личностей, кромѣ себя. Теорія, опирающаяся на сновидѣніяхъ, есть прогрессъ, поскольку она дѣлаетъ понятнымъ то, что человѣкъ приписываетъ своему двойнику свою собственную душевную жизнь; здѣсь онъ непосредственно узнаетъ самого себя, но только при другихъ обстоятельствахъ. Но вѣдь то, что здѣсь совершается, отличается только по степени отъ постоянного факта, когда человѣкъ признаетъ душевную жизнь другихъ существъ, производящихъ движенія, подобныя тѣмъ, которыя онъ при извѣстныхъ состояніяхъ духа совершаетъ самъ. Инстинктъ самосохраненія рано заставляетъ его объяснять движенія другихъ существъ и толковать нѣкоторыя мины и жесты ихъ, какъ знаки извѣстныхъ чувствъ. Такое толкованіе совершается инстинктивно и безсознательно и, быть можетъ, судя по легкости, съ которою маленькое дитя отличаетъ ласковое выраженіе лица отъ угрожающаго, основано на прирожденной способности. Если это формулировать на языкѣ логики, то тутъ бываетъ заключеніе по аналогіи. На сколько далеко можетъ быть проведена здѣсь аналогія, зависитъ отъ различія въ точкѣ зрѣнія. Стоя на міеологической точкѣ зрѣнія, человѣкъ очень щедро одаряетъ внѣшніе предметы жизнью, похожую на его душевную жизнь. Граница между *я* и *не-я* здѣсь такъ же неопредѣленна, какъ и у ребенка. Только накопляющійся опытъ можетъ установить болѣе ясныя границы.

Душа на этой стадіи понимается, какъ эфирное существо, въ противоположность тѣлу,—существу болѣе грубому и тяжелому. Эта двойственность должна претерпѣть еще много превращеній, пока не станетъ противоположностью между тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ существомъ. Только медленно и постепенно изглаживаются въ понятіи о душѣ физическіе признаки. Въ духовномъ развитіи грековъ этотъ процессъ произошелъ въ теченіи времени между Гомеромъ и Платономъ. По Гомеру душа есть только болѣе блѣдная копія, отраженіе тѣла; собственное существо чело-вѣческое, по его ребяческому пониманію, совпадаетъ съ тѣломъ, почему онъ (Иліада I, 3 и 4) души своихъ героевъ низводитъ въ преисподнюю, тогда какъ они сами дѣлаются добычею псовъ и птицъ! Напротивъ, у Платона Сократъ на вопросъ Критона, какъ его хоронить, отвѣчаетъ своимъ друзьямъ: «я никакъ не могу убѣдить Критона, что я тотъ Сократъ, который съ вами теперь говоритъ и разбираетъ передъ вами сказанное, а онъ все думаетъ, что я тотъ, кого онъ скоро увидитъ мертвымъ, и поэтому спрашиваетъ меня, какъ меня хоронить» (Федонъ 115 с). Здѣсь высказано чисто духовное представленіе о душѣ, ибо сущность ея полагается въ ея мыслящей дѣятельности. Это чистое представленіе, не проведенное впрочемъ вполнѣ древними философами, было опять затемнено въ средніе вѣка, когда вѣра носила рѣшительно матеріалистическій отпечатокъ и, напр., представляла себѣ души горящими въ чистилищѣ. Какъ Платонъ относится къ Гомеру, такъ въ новѣйшее время Декартъ, видѣвшій сущность души въ сознаниі, относится къ возрѣніямъ среднихъ вѣковъ.—Если бы мы стали объяснять путемъ психологическаго анализа этотъ переходъ отъ точки зрѣнія Гомера къ точкѣ зрѣнія Платона, то пришли бы къ процессу, подобному тому, который мы уже выше описали въ индивидуальномъ сознаниі (стр. 5 и слѣд.).

6. Въ томъ, что мы знаемъ непосредственно нашу духовную жизнь лишь по самимъ себѣ, а внѣ насъ открываемъ ее путемъ аналогіи, можно окончателно убѣдиться, если стать на физиологическую точку зрѣнія. До тѣхъ поръ пока всѣ органическіе процессы и движенія объяснялись особенною жизненною силою или бессознательною дѣятельностью души, до тѣхъ поръ, конечно, можно было видѣть душевную жизнь во всѣхъ органическихъ явленіяхъ. Но и тогда предстоялъ вопросъ объ отношеніи

между «душею» въ широкомъ смыслѣ жизненной силы и душею въ тѣсномъ смыслѣ сознанія. Декартъ первый ясно установилъ чисто психологическій критерій для душевной жизни въ противоположность старому аристотелевскому пониманію, приписавшему названіе «души» также и принципу растительной жизни. Онъ предпочиталъ избѣгать слова «душа» (anima) изъ-за его двусмысленности и употреблялъ поэтому слово «сознаніе» (mens), когда желалъ обозначить предметъ психологіи. Царство душъ было этимъ значительно ограничено. Самъ Декартъ нашелъ возможнымъ признать сознаніе только у людей; въ животныхъ онъ видѣлъ простыя машины. Хотя это и былъ парадоксъ, но все-таки онъ указываетъ на реформу въ пониманіи природы. Въмѣсто того, чтобы ссылаться на мистически дѣйствующія силы, стало возможнымъ, послѣ выдѣленія души изъ тѣлеснаго міра, ввести чисто механическое объясненіе природы.

Новѣйшая физиологія объясняетъ явленія органической жизни посредствомъ физическихъ и химическихъ законовъ. Этимъ путемъ и пришла она ко всѣмъ тѣмъ научнымъ приобрѣтеніямъ, которыя ей до сихъ поръ посчастливилось сдѣлать. Поэтому физиологія называется органической физикой *). Хотя физиологія и признаетъ загадочность возникновенія и развитія жизни, она все-таки не имѣетъ другого пути для разрѣшенія загадки, какъ сведеніе органическихъ явленій на физическіе и химическіе процессы. Смыслу на «жизненную силу» или на вмѣшательство души она не считаетъ научнымъ объясненіемъ органическаго явленія, но видитъ въ ней только сознаніе въ нашемъ незнаніи природы явленія.

Физиологія, конечно, не отрицаетъ душевной жизни въ значеніи сознательной жизни. Она изслѣдуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, даютъ-ли право тѣлесныя движенія, которыя мы видимъ передъ собой, дѣлать предположеніе, что съ ними связано сознаніе. Это изслѣдованіе отчасти сводится къ вопросу, въ такой-ли степени движенія тѣлесообразны, чтобы необходимо было признать, что они исполняются съ сознательнымъ намъреніемъ, а частію къ вопросу, похожи-ли они на тѣ движенія, которыя мы сами дѣлаемъ, когда чувствуемъ удовольствіе или стра-

*) *Ranum*: Indledning til Physiologien (введеніе въ физиологію), Копенгагенъ 1883, стр. 7.

даніе. Въ томъ и другомъ случаѣ мы слишкомъ много вносимъ отъ себя. Цѣлесообразныя движенія могутъ быть выполняемы совсѣмъ безъ сознанія или посредствомъ врожденнаго механизма, или посредствомъ приобрѣтеннаго упражненіемъ. Тогда это чисто рефлекторныя движенія, т.-е. возникающія вслѣдствіе того, что раздраженіе, проведенное въ центральный органъ посредствомъ нерва, идущаго отъ периферіи къ центру, тотчасъ же снова отсылается («рефлектируется») посредствомъ нерва, идущаго отъ центра къ периферіи. Такія произвольныя и безсознательныя движенія надо видѣть въ движеніяхъ обезглавленной лягушки, которая она дѣлаетъ для того, чтобы избавиться отъ ѣдкой кислоты или вообще отъ насилія, хотя вслѣдствіе ихъ цѣлесообразности предполагали возможнымъ допустить у обезглавленныхъ животныхъ существованіе «души спинного мозга». Даже въ такъ называемыхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ часто трудно рѣшить, въ какой степени участвуетъ тамъ сознательное намѣреніе. Что касается чувства удовольствія и страданія, то физиология, полагая, что можно доказать параллель между степенью развитія сознанія и степенью развитія нервной системы, считаетъ возможнымъ утверждать, что низшія животныя (лучистыя, мягкотѣлыя и суставчатыя) «не чувствуютъ ни при какомъ поврежденіи ихъ такихъ же страданій или мученій, какія можетъ испытывать человекъ и какія заслуживали бы человеческого состраданія». Она же полагаетъ, что боль, которую могутъ чувствовать рыбы и пресмыкающіяся, очень незначительна, приблизительно почти такая, какъ ощущеніе, «вызванное у человека укусомъ блохи или комара», болѣе того—что боль птицъ также нельзя сравнить съ той, которую испытываетъ человекъ при подобныхъ поврежденіяхъ *). Если по конвульсіямъ и хрипѣнію заключаютъ объ ужасномъ страданіи умирающаго, то часто заключеніе это ложно. При медленномъ наступленіи смерти боли прекращаются до начала предсмертной агоніи, и конвульсіи являются часто только рефлекторными движеніями, бывающими послѣ остановки кровообращенія и прекращенія мозговой дѣятельности **). Съ другой стороны несвѣдущій наблюдатель могъ бы предположить,

*) *Ranum*: Indledning (введеніе), стр. 56.

***) *F. Hornemann*: Om Menneskets Tilstand kort før Døden (О состояніи человека передъ самою смертью), Копенгагенъ 1874, стр. 18.

что смерть отъ отравленія кураре происходитъ безъ страданія, такъ какъ при ней не бываетъ никакихъ конвульсій и хрипѣній. Но этотъ ядъ сперва поражаетъ связь между двигательными нервами и мускулами, и такимъ образомъ препятствуетъ всякому проявленію внутренняго чувства въ теченіи того времени, пока ядъ уничтожаетъ всѣ жизненныя функціи. Слѣдовательно, возможенъ самый ужасный страхъ смерти безъ всякаго внѣшняго проявленія. *Клодъ Бернаръ* *) приводитъ этотъ примѣръ въ подтвержденіе того, что область чувствъ (чувствительность) съ полною достовѣрностью намъ извѣстна только изъ нашего собственнаго сознанія, и что мы часто заблуждаемся, когда хотимъ рѣшить, есть-ли она у другихъ существъ, или нѣтъ.

Значить, если мы желаемъ изучить жизнь сознанія, то прежде всего мы должны изучать ее тамъ, гдѣ она намъ доступна непосредственно, именно въ нашемъ собственномъ сознаніи. Только изъ этого непосредственнаго опыта черпаетъ также и физиологія, когда она старается опредѣлить значеніе для душевной жизни различныхъ органовъ мозга. Непосредственный опытъ есть твердый исходный пунктъ для всего нашего знанія о духовномъ мірѣ.

7. Что же даетъ намъ этотъ исходный пунктъ? Предметъ психологіи не можетъ быть доступенъ фантазіи или чувственному воспріятію. Мы не можемъ найти его непосредственно внѣ насъ, но сознательно или безсознательно, при каждомъ удобномъ случаѣ переносимъ его съ себя на другія существа. Поэтому мы и не имѣемъ права положить въ основаніе этого предмета больше того, чѣму учить насъ внутреннее наблюденіе надъ нашимъ собственнымъ сознаніемъ. Но здѣсь есть нѣчто такое, реальность чего никто не можетъ оспаривать. Никто не можетъ отрицать, что существуютъ чувственные ощущенія и представленія, чувствованія и намѣренія, и когда мы говоримъ, что психологія есть ученіе о душѣ, то мы подъ душею пока понимаемъ не болѣе, какъ совокупность всѣхъ этихъ внутреннихъ состояній. Въ этомъ смыслѣ существованіе души не есть проблема, напротивъ того — необходимое предположеніе. Но кромѣ того существуетъ другое знаніе, въ которомъ можетъ возникнуть вопросъ объ отношеніи науки къ существованію души. Спиритуализмъ, не довольству-

*) *Claude Bernard: Le curare („La science expérimentale“, Paris 1878).*

ясь простымъ исходнымъ пунктомъ психологическаго опыта, считаетъ необходимымъ ставить въ основаніе психологіи идею души, какъ самостоятельнаго, особаго существа (субстанціи). Эта идея является историческимъ отголоскомъ мифологической двойственности, очищенной и преобразованной при посредствѣ отчасти этическихъ, отчасти теоретическихъ мотивовъ. Съ одной стороны тутъ вліяло *чувство высокоаго значенія душевной жизни*, чувство, что все важное для насъ заключается въ этомъ внутреннемъ мірѣ мыслей и чувствъ, а что внѣшній міръ матеріи имѣетъ для насъ значеніе только какъ предметъ нашего мышленія и нашихъ чувствъ. Поэтому-то и возвысили этотъ внутренній міръ надъ внѣшнимъ и рѣзко отдѣлили отъ него. Съ другой стороны спиритуалистическое воззрѣніе имѣетъ свое основаніе и въ анализъ признаковъ душевныхъ состояній. Особенность сознанія—собирать разсѣянное въ пространствѣ и во времени. Въ воспоминаніи упраздняются временныя различія, а въ комбинирующемъ и сравнивающимъ мышленіи соединяется раздѣленное пространствомъ. Здѣсь является то всепроникающее единство, та внутренняя связь, которыхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Развѣ этого не достаточно, чтобы приписать душѣ самостоятельное существованіе и понимать ее, какъ безтѣлесную субстанцію?

Но какъ бы ни было сильно это основаніе, мы все-таки не можемъ признать его въ самомъ началѣ психологіи. Здѣсь самое главное—строить только на непосредственномъ воспріятіи. Да предположеніе души нисколько и не содѣйствуетъ намъ лучше понимать испытываемыя нами душевныя состоянія. О душевной субстанціи заключаютъ изъ характера извѣстныхъ по опыту состояній, но знаютъ о ней лишь то, что заключается въ нихъ, а если хочется знать болѣе, то во всякомъ случаѣ теряется дальнѣйшее право на заключеніе. Правда, опытъ учитъ, что особенность сознанія, въ противоположность тѣлеснымъ явленіямъ, состоитъ во внутреннемъ единствѣ всего разнообразнаго содержанія сознанія, въ единствѣ, не встрѣчающемся въ пространственномъ мірѣ, но однако онъ вовсе не учитъ насъ, что это единство абсолютно, безусловно и независимо. Если принимать понятіе «субстанція» въ строгомъ смыслѣ, именно, какъ само по себѣ и для себя существующее, ни отъ чего другого не зависящее или не имѣющее основанія въ чемъ-либо другомъ, то мы на основаніи опыта не имѣемъ никакого права прилагать это понятіе къ душѣ. Это ясно

понялъ также *Германъ Лотце*, самый талантливый защитникъ спиритуалистической психологіи въ новѣйшее время. Приписывая душѣ субстанціальность, онъ этимъ только хочетъ обозначить ее, какъ самостоятельный элементъ въ мірѣ; какъ средоточіе дѣйствія и страданія, не говоря ничего объ ея абсолютной сущности. Поэтому онъ высказывается также, что изъ сущности души, какъ субстанции въ его смыслѣ, не вытекаетъ никакихъ дальнѣйшихъ заключеній для философіи религіи, какъ это предполагала старая спиритуалистическая психологія; тутъ не открывается намъ пути для познанія судебъ души, ея видовъ на будущее или ея происхожденія. Онъ даже согласенъ съ *Спинозой*, что, если мыслить понятіе субстанции въ самомъ строгомъ смыслѣ, то можетъ существовать только одна субстанція, потому что «существовать само по себѣ» можетъ только одно безконечное существо, которое внѣ себя ничего не имѣетъ, что могло бы его обуславливать. Конечное существо всегда зависимо и ограничено чѣмъ-нибудь другимъ, и если нельзя а priori опредѣлить, какъ далеко идетъ эта зависимость, то опредѣленіе души, какъ «субстанции» не только вводитъ въ заблужденіе, но бесполезно и бесплодно.

Лотце, опредѣляя душу, какъ субстанцію, въ смыслѣ самостоятельнаго, исходнаго и центрального пункта, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ ея отношеніе къ явленіямъ тѣла. Итакъ, по его взгляду, изъ самыхъ главныхъ признаковъ душевной природы должно явствовать, что она сама по себѣ есть нѣчто отличное отъ тѣлесности; и что нужно предположить взаимодѣйствіе между душою и тѣломъ,—все равно, какъ бы мы ни понимали это взаимодѣйствіе при ближайшемъ изслѣдованіи. И тутъ сказано больше того, на что пока даетъ право опытъ. Изъ непосредственнаго опыта, относящагося къ нашимъ внутреннимъ состояніямъ, мы никакъ не можемъ заключать объ ихъ отношеніи къ другимъ сторонамъ существованія. Психологическій опытъ знакомитъ насъ только съ самыми внутренними душевными явленіями, но не съ родомъ и способомъ ихъ связи съ другими явленіями. Это особый вопросъ, который психологія не можетъ рѣшить прямо и только съ своей стороны. Для рѣшенія его должны быть привлечены другія области опыта, кромѣ психологической, и весьма важно, чтобы мы не вносили въ каждую изъ этихъ особыхъ областей опыта необоснованныхъ представлений.

которыя могли бы предрѣшить вопросъ въ томъ или другомъ направленіи. Мы не можемъ съ самаго начала рѣшить, лежатъ ли въ основаніи духовной и тѣлесной области два различныхъ принципа или субстанціи. Мы имѣемъ передъ собой только двѣ области опыта, со своими особенностями каждая, и изучаемъ ихъ для того, чтобы потомъ, постоянно подъ руководствомъ опыта, попытаться опредѣлить ихъ взаимныя отношенія.

Такая постановка дѣла требуется даже въ разумно понятномъ интересѣ самого метафизическаго умозрѣнія. Человѣческій умъ никогда не перестанетъ задумываться надъ послѣдними основаніями бытія, въ которомъ онъ и самъ принимаетъ участіе. Онъ всегда будетъ стараться основать свое міровоззрѣніе на нѣкоторыхъ высочайшихъ, конечныхъ идеяхъ. Но онъ долженъ же понять, — это ему давно пора бы знать, — что умозрѣніе не въ правѣ вмѣшиваться въ обиходъ опытнаго познанія и предрѣшать чисто опытные проблемы. Однако это вовсе не значить, что умозрѣнію надо ждать, пока не будетъ исчерпанъ опытъ, потому что этого никогда не случится. Но дѣйствительно разумный метафизикъ тотъ, идеи котораго идутъ въ направленіи, намѣчаемомъ руководящими чертами опытнаго познанія. Такимъ образомъ онъ высказываетъ только мысли, уже болѣе или менѣе безсознательно лежащія въ основѣ опытнаго изслѣдованія, и выводитъ изъ нихъ слѣдствія. Онъ ищетъ послѣдней, заключительной гипотезы, но и онъ, и эмпирикъ имѣютъ общее основаніе. Поэтому метафизика *предполагаетъ* какъ психологію, такъ и другія опытные науки, а потому и взглядъ Лотце на психологію, какъ на прикладную метафизику, будетъ все болѣе и болѣе обнаруживать свою несостоятельность.

Психологія, какъ мы ее понимаемъ, есть «психологія безъ души» въ томъ отношеніи, что она ничего не говоритъ объ абсолютной шности духовной жизни или вообще объ существованіи такой шности. Какъ физика ничего не говоритъ по поводу трансцендентныхъ (превышающихъ опытное познаніе) вопросовъ въ области внѣшней природы, такъ ничего не говоритъ объ этомъ и психологія въ области внутренней природы. Это еще не значить, что психологія не можетъ внести своей важной доли въ всеобщее міросозерзаніе. Напротивъ, ничего не можетъ имѣть для него большаго значенія, какъ знаніе душевныхъ явленій, ихъ взаимныхъ отношеній и законовъ ихъ развитія. И какъ разъ только

выработанное на основаніи опыта возрѣніе на эти явленія можетъ освѣтить точки зрѣнія на нихъ и исправить многіе предразсудки.

Защищая эмпирической характеръ психологіи въ противоположность метафизическому умозрѣнію, мы исключаемъ изъ психологіи какъ матеріализмъ, такъ и спиритуализмъ. Выше мы особенно говорили о спиритуалистической психологіи, потому что она возбуждаетъ наибольшій интересъ и имѣетъ чрезвычайно остроумныхъ защитниковъ. Но легко видѣть, что и материализмъ позволяетъ себѣ преувеличенія такія же, какъ и спиритуализмъ. Онъ также предполагаетъ субстанцію, скрывающуюся за явленіями сознанія, но находитъ ее въ матеріи, а не въ духовномъ началѣ. Спиритуализмъ основывается на различіи духовной жизни отъ тѣлесныхъ явленій и отсюда заключаетъ объ особенной духовной субстанціи, которая сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ матеріей. Материализмъ, напротивъ, изъ связи между духовною жизнью и тѣлесною заключаетъ, что «душа» должна быть тѣлеснымъ существомъ. «Намъ достаточно знать, говоритъ Гольбахъ («Système de la nature» I, стр. 118), что душа подчиняется воздѣйствію и измѣняется отъ дѣйствующихъ на нее тѣлесныхъ причинъ. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что она должна быть тѣлесною». Бруссэ опредѣляетъ душу какъ un cerveau agissant et rien de plus (дѣятельный мозгъ и ничего болѣе). Материализмъ какъ въ томъ, что онъ утверждаетъ, такъ и въ томъ, что отрицаетъ, точно такъ же какъ и спиритуализмъ, идетъ далѣе точки зрѣнія опытной психологіи. Совсѣмъ иное дѣло, когда психологія своими собственными изслѣдованіями приведетъ насъ къ тому, что мы можемъ высказать какое-либо сужденіе о гипотезахъ спиритуализма или матеріализма.

Слѣдовательно, психологія сама по себѣ не есть часть философіи, если подъ философіей разумѣть метафизику, стремленіе къ общему міросозерцанію; она, подобно опытной наукѣ о внѣшней природѣ, является подготовкой къ философіи, частью того основанія, на которомъ должно строить философію, какъ метафизическое умозрѣніе; она принадлежитъ къ свидѣтелямъ, которыхъ должна допрашивать философія. Психологія не есть философія даже и тогда, когда подъ философіей разумѣютъ критическое ученіе о сущности и границахъ познанія; тогда психологія имѣетъ вполне естественно-историческое

45 39

изучаетъ душевныя явленія въ ихъ развитіи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, теорія познанія (подъ этимъ названіемъ, разумѣется иногда и логика) старается при помощи критическаго анализа установить общіе принципы познанаія. Поэтому и теорія познанія предполагаетъ психологію.

Съ другой стороны, и философская мысль становится однимъ изъ объектовъ психологіи. Философія, какъ форма психической дѣятельности, входитъ въ область психологическаго наблюденія. Философское изслѣдованіе разными путями было кстаті для психологическаго знанія; сознательно или безсознательно, но философское умозрѣніе всегда работаетъ надъ психологическими элементами, а потому въ философскихъ системахъ и встрѣчаются многія психологическія наблюденія и идеи.

Признаніе самостоятельности психологіи, въ противоположность метафизическому умозрѣнію, было заслугою *англійской школы*. Правда, уже *Декартъ* сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ освобожденію понятія о душѣ отъ мифологическихъ двусмысленностей, указавъ на сознаніе, какъ на признакъ душевныхъ явленій. Однако онъ не сталъ твердо на опытную точку зрѣнія, а напротивъ какъ разъ положилъ основаніе *метафизическо-спиритуалистической* психологіи, опредѣливъ душу, какъ «мыслящую субстанцію» (*substantia cogitans*), вмѣсто того чтобъ остановиться на явленіяхъ сознанія, какъ прочной эмпирической основѣ. Что же касается знаменитой философской реформы *Канта*, то она имѣла важное значеніе для психологіи своею критикой метафизической («раціональной») психологіи, — критикою, значеніе которой было только временно поколеблено попытками романтической реставраціи.

8. Мы пытались установить психологическое знаніе, какъ нѣчто отличное отъ науки о внѣшней природѣ и отъ метафизическаго умозрѣнія. Непосредственное самонаблюденіе и непосредственное сознаніе какъ для физиолога, такъ и для метафизика являются источникомъ, изъ котораго они черпаютъ, но который часто и упускаютъ изъ виду, потому что ихъ существенный интересъ состоитъ не въ этомъ непосредственномъ наблюденіи, но въ томъ, что они предполагаютъ возможнымъ вывести изъ него. Но допустимъ, что необходимо черпать изъ этого источника; возникнетъ ли психологія, вызывается ли самостоятельность предмета вслѣдствіе міросозерцанія и самостоятельность метода? Этотъ вопросъ большого значенія, какъ къ отношеній и законс

ставляетъ насъ изслѣдовать ближе природу и границы субъективнаго наблюденія *).

а. Здѣсь представляется первое затрудненіе, происходящее отъ того, что душевныя состоянія вовсе не такіе твердые и неподвижные объекты, какъ объекты, составляющіе предметъ физическаго наблюденія. Какъ пространство есть особая форма тѣлесныхъ явленій, такъ время есть форма душевныхъ. Происходящее внутри насъ, въ нашемъ мышленіи и нашемъ чувствованіи, непостоянно и измѣнчиво. Когда ботаникъ кладетъ предъ собою растеніе, или химикъ помѣщаетъ въ свою реторту вещество, то они не торопясь могутъ наблюдать, что происходитъ съ этими предметами при извѣстныхъ совершенно опредѣленныхъ условіяхъ. Но состояніе сознанія нельзя изолировать такимъ образомъ; оно не имѣетъ границъ въ пространствѣ; каждое мгновеніе приноситъ новые элементы или можетъ принести ихъ. Такимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда я хочу наблюдать состояніе сознанія, оно уже исчезло или слилось съ другими элементами. Но несомнѣнно, что въ одинъ и тотъ же моментъ въ нашемъ сознаніи могутъ пройти многіе различныя ряды представленій: наше я вовсе не такое единство, которое исключало бы различныя, даже встрѣчныя теченія. Можно бы себѣ представить, что одновременно съ главнымъ теченіемъ, состоящимъ, наприм., изъ наблюденія и восхищенія произведеніемъ искусства, протекаетъ побочное теченіе, относящееся критически къ этому главному. Такимъ образомъ можно, слѣдовательно, восхищаться и одновременно изучать психологію восхищенія. Каждый навѣрно знаетъ по собственному опыту состоянія, когда въ насъ все говоритъ и говоритъ внутренній голосъ, хотя мы, повидимому, всецѣло заняты чѣмъ-нибудь другимъ, а не собою. Такія состоянія совершенно неизбежны у людей съ разъ уже пробудившеюся рефлексією. Эта двойственность теченій можетъ имѣть особенно большое значеніе въ этическомъ отношеніи, когда важно разобрать и постепенно вытѣснить низменныя стремленія душевной жизни. Критика является тогда побочнымъ явленіемъ, противодѣйствующимъ мотивомъ, ста-

*) О методѣ психологіи можно сравнить *Stuart Mill: System of Logic*, кн. VI, гл. 4.—*Bain: Logic II*, стр. 275 до 292.—*Ad. Horwitz: Methodologie uchenia oдушъ (Zeitschrift für Philosophie und philosoph. Kritik*, т. 60, 1872).—*Delboeuf: La psychologie comme science naturelle*, Paris 1876.—*Wilh. Wundt: Logik II*, стр. 482—501.—*J. Sully: Illusions*, гл. 8.

4539

рающимъ преодолѣть пока еще господствующіе мотивы. Но хотя подобныя двойныя теченія могутъ быть полезны и для психологическаго наблюденія, однако психологія въ своемъ собственномъ интересѣ должна остерегаться ихъ. Запасъ энергіи, которымъ можетъ располагать душевная жизнь, необходимо дѣлится между ея теченіями, а потому каждое изъ нихъ въ отдѣльности становится слабѣе. Если нужно пережить какое-либо настроеніе вполнѣ и всецѣло, то надо вытѣснить побочное теченіе, а потому и не слѣдуетъ задумываться надъ переживаемыми внутренними состояніями, чтобы не отнять у нихъ часть наличной энергіи. Кромѣ того наблюдательное побочное теченіе вовсе не индифферентно, но всегда болѣе или менѣе измѣняетъ главное теченіе. Сознательное вниманіе непремѣнно вліяетъ на состояніе, на которое оно направлено, и вслѣдствіе этого можетъ отчасти разрушить или измѣнить свой объектъ. На мѣсто природы оно ставитъ искусство.

Что невозможно въ переживаемый моментъ, то можетъ выступить позже. Во время переживанія надо только тащить на берегъ съѣмъ содержимымъ, или подобно ботанику собирать, что попадетъ подъ руку. Вполнѣ и ясно пережитое останется въ воспоминаніи и, благодаря этому, можетъ стать предметомъ изслѣдованія. Ритмическая смѣна самозабвенія и самосознанія содѣйствуетъ психологическому самоизслѣдованію, и психологическій талантъ состоитъ въ легкости и эластичности, съ какою можно переходить изъ одного состоянія въ другое, такъ чтобы въ моменты воспоминанія и размышленія пережитое сохранялось съ ясностью и точностью, а, наоборотъ, непосредственныя душевныя движенія не нарушались рефлексіей. Но нельзя сказать, что оба эти состоянія остаются совѣмъ безъ вліянія другъ на друга. Безсознательно, а потому и безъ вреда, упражненіе въ воспоминаніи и рефлексіи будетъ содѣйствовать тому, чтобы болѣе освѣщались или сильнѣе затрогивались тѣ элементы непосредственно переживаемаго, которые особенно интересны психологу. Мы можемъ, подобно ботаникамъ, въ области изслѣдованія духа предусмотрительно сохранять то, что имѣетъ интересъ для нашего психологическаго наблюденія и познанія, и быстро проходить мимо того, что не имѣетъ такого значенія.

в. Но если и удастся преодолѣть сейчасъ указанную трудность, то возникаетъ новая, именно, что, вслѣдствіе индивидуальныхъ

различій наблюдателей, нѣтъ ручательства въ томъ, что они дѣйствительно видятъ одно и то же. Вѣдь, объектъ здѣсь не внѣ ихъ и не между ними, но у каждаго онъ въ немъ самомъ!

Но это болѣе или менѣе имѣетъ силу и относительно физическаго наблюденія. Наблюденіе есть субъективная дѣятельность; то, что каждый наблюдаетъ, существуетъ для него въ томъ видѣ, въ какомъ онъ это наблюдаетъ, и только путемъ сравненія онъ можетъ заключить, что другіе наблюдаютъ то же самое (ср. напр. воспріятія цвѣтовъ). Тотъ, кто желаетъ показать что-либо другому, долженъ заставить этого другого видѣть то же самое, долженъ возбудить въ немъ собственную дѣятельность наблюденія. Какія возможны въ этомъ случаѣ индивидуальныя различія, видно, напр., изъ того, что у двухъ астрономовъ-наблюдателей всегда является различіе въ опредѣленіи времени движенія одной и той же звѣзды, не одинаковое, смотря по наблюдателямъ и въ зависимости отъ различія въ быстротѣ, съ которою воспринимается и отмѣчается впечатлѣніе. Поэтому астрономическія наблюденія обыкновенно начинаются съ опредѣленія «личнаго уравненія» по отношенію къ другимъ наблюдателямъ. При этомъ оказалось, что это индивидуальное различіе не постоянно, но со дня на день, а также съ теченіемъ времени подвергается колебаніямъ. Подобный взаимный контроль—хотя, конечно, далеко не въ такой совершенной формѣ—есть единственное средство, чтобы вывести психологическія наблюденія изъ чисто индивидуальной сферы, или, лучше сказать, чтобы отличить индивидуальное отъ того, что имѣетъ болѣе общее значеніе. Различеніе типическаго отъ нетипическаго должно начаться уже въ самой индивидуальной области: если индивидуумъ хочетъ познать свою собственную внутреннюю природу, то онъ долженъ оставить безъ вниманія множество наблюденій, потому что они являются изолированными и обязаны своимъ происхожденіемъ преходящимъ обстоятельствамъ. Такую сортировку невольно дѣлаетъ каждый, и точно такъ же ежедневное общеніе съ другими индивидуумами невольно приводитъ къ различенію общаго, универсальнаго отъ исключительно индивидуальнаго въ личныхъ наблюденіяхъ. Психологическая наука въ обоихъ отношеніяхъ только продолжаетъ начатое безъ сознательнаго намѣренія. Но при своемъ критическомъ изслѣдованіи она должна искать себѣ опоры внѣ чисто субъективнаго метода, недостаточность котораго уже и теперь совер-

шенно ясна. Уже въ основательномъ контролѣ индивидуальнаго опыта мы оставляемъ чисто субъективную исходную точку зрѣнія. Однако, прежде чѣмъ говорить обстоятельнѣе объ объективномъ психологическомъ методѣ, намъ должно остановиться на способѣ обработки субъективныхъ наблюдений.

с. Разсѣянные наблюденія представляютъ хаосъ, который надо привести въ порядокъ. Первая обработка его состоитъ въ классификаціи, при помощи которой образуются опредѣленные группы или разряды душевныхъ явленій. Отдѣльные состоянія по ихъ болѣе выдающимся признакамъ размѣщаются въ различные классы. Но подобную *классификацію* не такъ легко установить, какъ это одно время думали. Какъ классификація въ зоологической и ботанической области привела къ представленію постоянныхъ и неизмѣняемыхъ видовъ, такъ что теперь нужно не мало усилій для доказательства того, что эти виды—плоды естественной исторіи развитія, такъ и психологическая наука думала одно время, что достигла своей цѣли, сведя различныя внутреннія явленія къ различнымъ «способностямъ» души. А между тѣмъ этотъ приемъ приводитъ психологію къ удивительному противорѣчію съ строго спиритуалистическимъ воззрѣніемъ на единство души. Вмѣстѣ съ тѣмъ на эти «способности» смотрѣли какъ на причины соответственныхъ явленій и этимъ весьма удобнымъ, хотя вполнѣ сомнительнымъ способомъ удовлетворяли потребности въ причинномъ объясненіи. Въ этомъ случаѣ упускали изъ виду, что при классификаціи былъ принятъ во вниманіе только одинъ выдающийся признакъ, и что, слѣдовательно, классифицировались не дѣйствительныя конкретныя *состоянія*, а *элементы*, изъ которыхъ, какъ это оказывается при ближайшемъ изслѣдованіи, они образуются. Едва-ли есть, какъ это въ подробностяхъ будетъ доказано позже, какое-либо отдѣльное состояніе сознанія, которое было бы *только* представленіемъ, *только* чувствомъ, *только* волей. Поэтому психологическія рубрики могутъ быть очень полезны, чтобы ориентироваться на первыхъ порахъ; но, чтобы имѣть научное значеніе, онѣ должны опираться на строго проведенномъ *анализѣ*, изслѣдующемъ отдѣльные элементы и законы ихъ связи и взаимодѣйствія. Этотъ анализъ, пытающійся отыскать составныя части, изъ соединенія которыхъ произошли наши душевныя состоянія, можетъ часто противорѣчить тому, что, повидимому, содержится въ непосредственномъ «свидѣтельствѣ сознанія».

Именно, наблюдение даетъ намъ только факты и не учитъ, какъ эти факты возникли. Какъ непосредственное сознание не можетъ сказать намъ, движется-ли земля, или солнце, такъ въ немъ самомъ по себѣ нѣтъ какой-либо психологической теоріи. Наши мысли и чувства — въ высшей степени сложные продукты духа, плоды долгаго, спокойнаго и незамѣтнаго роста. Поэтому простое наблюдение и описание ихъ можетъ послужить только основаніемъ для дальнѣйшей обработки.

Душевные состоянія слѣдуютъ одно за другимъ и вызываютъ другъ друга. Спрашивается, можно-ли установить законы и правила этой смѣны и можно-ли показать, какіе элементы различныхъ состояній сознания ведутъ отъ одного къ другому? На эти вопросы и отвѣчаетъ психологическій анализъ. Поэтому онъ идетъ въ двухъ направленіяхъ, находящихся между собой во внутренней связи: онъ ищетъ общія черты, то, что повторяется въ частныхъ случаяхъ, и такимъ путемъ устанавливаетъ всеобщіе эмпирическіе законы (наприм. для соединенія представленій, для отношенія между представленіемъ и чувствомъ и т. д.), и далѣе онъ старается открыть въ каждомъ отдѣльномъ состояніи элементы, изъ которыхъ оно составлено. Мысль, чувство, рѣшеніе не представляютъ абсолютнаго единства; при обстоятельномъ изслѣдованіи они оказываются плодомъ долгаго развитія, во время котораго они пользовались матеріаломъ, притекавшимъ съ разныхъ сторонъ. Любовь, совѣсть и—возьмемъ примѣръ изъ области чисто интеллектуальной—представленіе внѣшняго предмета составляютъ нѣчто цѣльное и замкнутое, а между тѣмъ оказывается, что они имѣютъ свою исторію и основываются на взаимодействіи болѣе простыхъ душевныхъ элементовъ, выдѣляемыхъ психологическимъ изслѣдованіемъ. Анализъ идетъ здѣсь отъ сложнаго къ простому, тогда какъ тамъ онъ шелъ отъ отдѣльныхъ случаевъ къ общему правилу. Одну форму можно бы назвать обобщающимъ, другую—элементарнымъ анализомъ. Но мы увидимъ, что законы слѣдованія и способъ сложенія находятся въ полномъ соотвѣтствіи, потому что самыми всеобщими законами должны быть тѣ, которые имѣютъ силу для самыхъ элементарныхъ дѣятельностей, для тѣхъ душевныхъ функций, которыя повторяются во всѣхъ душевныхъ явленіяхъ.

Никогда нельзя будетъ узнать съ полною увѣренностью, всели исчерпано нашимъ объясненіемъ, и находимся-ли мы дѣйстви-

тельно передъ неразложимыми далѣ элементами. Тутъ нѣтъ чего-либо такого, что было бы особенностью одной только психологіи,—это особенность всего нашего познанія. Последнее, достигаемое нами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, является послѣднимъ только для насъ. Мы даже не въ силахъ знать, не поведетъ-ли насъ прогрессивное развитіе еще дальше, такъ что границы человѣческаго познанія еще не достигнуты. Гдѣ останавливается отдѣльный наблюдатель или цѣлый вѣкъ, тамъ позднѣйшее время съ болѣе богатыми пріобрѣтеніями опыта и при болѣе ясныхъ принципахъ изслѣдованія можетъ идти далѣе. Замѣчательный примѣръ рѣшительной перемѣны въ основѣ психологическаго пониманія представляетъ преобладающее значеніе, которое со временъ *Руссо* все болѣе и болѣе приписывается чувству въ противоположность другимъ сторонамъ душевной жизни, между тѣмъ какъ въ теченіе долгаго времени элементы чувства относились частію къ психологіи представленія, частію къ психологіи воли. Не говоря уже о ясности наблюденія и анализа, никакъ нельзя отрицать возможности, что человѣческая душевная жизнь будетъ претерпѣвать медленные измѣненія.

d. Чисто субъективное наблюденіе скоро оказывается слишкомъ несовершеннымъ пособіемъ для психологическаго анализа. Отдѣльныя составныя части состояній сознанія можно ясно отличить только тогда, когда возможенъ экспериментъ. Онъ отличается отъ наблюденія тѣмъ, что не ожидаетъ наступленія извѣстныхъ явленій, но старается вызвать ихъ при опредѣленныхъ наглядныхъ условіяхъ. Такимъ путемъ не только можно легче изолировать отдѣльныя составныя части явленія, но и проложить путь къ причинѣ явленія, видя, какъ оно видоизмѣняется при различныхъ обстоятельствахъ. Согласно съ самой сущностью дѣла, предметомъ экспериментальнаго изслѣдованія могутъ быть именно простѣйшія явленія сознанія. Возникновеніе и взаимодействіе чувственныхъ ощущеній, простѣйшіе случаи соединенія представленій и время, которое занимаютъ эти и имъ подобныя элементарныя явленія сознанія, въ послѣдніе годы были изслѣдованы такимъ экспериментальнымъ путемъ. Въ предѣлахъ субъективной психологіи и физиологіи возникла новая наука—*психопфизика* или *экспериментальная психологія*.

Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ работаетъ экспериментальная психологія, можетъ стать точнѣе и достовѣрнѣе не только *качествен-*

ный анализъ (ислѣдованіе того, изъ *какихъ* составныхъ частей образуется явленіе сознанія), но, повидимому, открываются виды и на *количественный анализъ*, такъ что можно установить какъ масштабъ, по которому извѣстныя явленія сознанія увеличиваются или уменьшаются, такъ и промежутокъ времени, какой требуется для ихъ возникновенія. Этими изслѣдованіями психологія приближается къ точнымъ наукамъ, до которыхъ ей, повидимому, далеко вслѣдствіе непространственнаго характера ея предмета.

Явленія сознанія не вмѣщаются, подобно внѣшнимъ явленіямъ, въ форму пространства. Одно чувство не лежитъ направо или налево отъ другого, одна мысль не находится надъ или подъ другою. Различныя теченія, какъ указано выше, могутъ проходить одновременно въ нашемъ сознаніи, но мы не можемъ, какъ при одновременныхъ внѣшнихъ явленіяхъ, опредѣлить ихъ взаимное отношеніе посредствомъ математическаго построенія. Намъ недостаетъ здѣсь формы созерцанія, которая,—подобно пространству, общей формѣ для возникновенія тѣлесныхъ явленій,—могла бы дать основаніе для подобнаго построенія. Поэтому въ психологической области у насъ и нѣтъ ничего вполне соответствующаго общимъ законамъ движенія, которые содержатъ самыя общія начала всякаго точнаго изученія природы въ физической области.

Но все-таки у явленій сознанія есть одно свойство, благодаря которому они доступны математикѣ. Это различіе въ силѣ и ясности, съ которою они выступаютъ при взаимномъ отношеніи другъ къ другу, или, другими словами, въ степени, съ которою они овладѣваютъ вниманіемъ. Уже *Гербартъ* взялъ это свойство за исходную точку при своей попыткѣ основать математическую психологію. Позже *Фехнеръ* искалъ масштаба для силы чувственныхъ ощущеній и вообще душевныхъ явленій, изслѣдуя, какъ они измѣняются сравнительно съ усиленіемъ или ослабленіемъ физическихъ раздраженій. Опираясь на собственные и чужіе эксперименты, онъ установилъ законъ, что повышеніе ощущенія зависитъ отъ того, какъ относится прибавка въ раздраженіи къ наличному раздраженію. Въ ученіи объ ощущеніи (VA) мы еще вернемся къ этому. Для того, чтобы измѣрять взаимное отношеніе ощущеній, нужна единица, и *Фехнеръ* предложилъ считать этою единицею ощущеніе такой незначительной силы, что оно едва замѣтно или, по выраженію *Фехнера* (заимствованному у *Гербарта*), едва переходитъ за порогъ сознанія.

Фехнеръ, конечно, имѣлъ право полагать, что эта степень ощущенія постоянна, если вниманіе постоянно. Но онъ самъ сознаетъ, что она различна въ каждой изъ различныхъ областей ощущенія или модальностей (зрѣніе, слухъ и т. д.). Степень эта, повидимому, различна, какъ для разныхъ родовъ ощущеній (качествъ) въ области одного и того же чувства (наприм. способность схватить разницу въ освѣщеніи при голубомъ и красномъ свѣтѣ различна), такъ и для различныхъ частей одного и того же органа чувствъ (центральныя и периферическія части сѣтчатки). Если даже предположеніе Фехнера и будетъ въ состояніи устоять противъ направленной на него критики, то оно не даетъ никакой *общей* единицы, пригодной для *всей* жизни сознанія, даже и такой единицы, которая была бы приложима ко *всѣмъ* самымъ элементарнымъ явленіямъ сознанія. Предположеніе Фехнера не открываетъ намъ дороги къ общей психической ариѳметикѣ. Мы не можемъ надѣяться, что когда-либо будемъ въ состояніи установить формулы для дѣятельности совѣсти или поэтической фантазіи. Но отъ этого экспериментально-психологическія изслѣдованія вовсе не теряютъ своего значенія. Результаты ихъ интересны не для одного только пониманія и уразумѣнія явленій, къ которымъ они прямо относятся; но экспериментальная психологія, въ силу внутренней связи между простѣйшими и болѣе сложными явленіями сознанія, будетъ въ состояніи дать цѣнныя указанія, при изслѣдованіи высшей жизни сознанія, если даже эта наука и всегда останется ограниченною нѣкоторыми элементарными областями.

е. Строго психологическая точка зрѣнія опирается на явленія сознательной жизни. Мы особенно подчеркивали это во избѣжаніе недоразумѣній и путаницы. Непосредственно о душевной жизни мы знаемъ столько, сколько знаемъ объ явленіяхъ сознанія. Но сознаніе вовсе не есть законченный міръ; въ немъ всегда всплываютъ новыя явленія, которыя мы, стоя на строго психологической точкѣ зрѣнія, не можемъ вывести изъ чего-либо прежняго. Каждое новое ощущение какъ будто происходитъ изъ ничего. Мы, быть можетъ, въ состояніи прослѣдить его превращенія и дѣйствія въ сознаніи, но не въ силахъ сказать, какъ оно въ него вступаетъ съ самаго начала.

Кромѣ того мы и въ силу другихъ основаній ищемъ средствъ помочь несовершенству строго психологической точки зрѣнія.

Сравненiе нашихъ собственныхъ наблюденiй съ наблюденiями другихъ людей, какъ уже указано, необходимо для избѣжанiя индивидуальныхъ односторонностей, а затѣмъ и для того, чтобы удостовѣриться, въ какой степени дѣйствительно были замѣчены элементы, участвующiе въ данномъ психологическомъ явленiи. Наконецъ, для конкретнаго психологическаго познанiя недостаточно знать общiе законы связи между явленiями сознанiя. На практикѣ обнаруживается такое разнообразiе, такая сутолока возможностей, что нельзя заключить на основанiи общаго психологическаго закона, какое направление приметъ жизнь сознанiя. Для каждаго индивидуума и въ каждомъ отдѣльномъ положенiи результатъ зависитъ отъ врожденнаго темперамента, отъ жизненныхъ условiй и отъ частнаго опыта.

Строго психологическая точка зрѣнiя поэтому должна быть дополнена физиологическимъ и историческимъ (социологическимъ) изслѣдованiемъ, или (употребляя терминъ, введенный Г. Спенсеромъ) субъективная психологiя должна быть дополнена объективной. Сообразно съ выше изложеннымъ, можно утверждать, что объективная психологiя всегда въ послѣдней инстанци основана на заключенiи по аналогiи; только субъективная психологiя стоитъ прямо передъ явленiями. Предполагая, въ качествѣ объективныхъ психологовъ, душевную жизнь за предѣлами нашего собственнаго сознанiя, мы воспроизводимъ ее въ себѣ самихъ, благодаря симпатiи, тѣсно связанной съ аналогiей. Но эти аналогiи могутъ дать необходимыя поправки къ нашему субъективному наблюденiю.

Объективная психологiя состоитъ изъ *физиологической* и *социологической* психологiи. Физиологическая опирается на тѣсную связь душевной жизни съ органическою жизнью вообще. Всякое объясненiе функций органическою жизни, которое въ состоянiи дать *физиологiю*, можетъ быть въ какомъ бы то ни было отношенiи полезно для психологическаго познанiя. Особенное вниманiе надо обратить на то, какимъ образомъ сознательная душевная жизнь скрывается въ безсознательной органическою жизни. Физиологiя именно и изслѣдуетъ безсознательныя функции, предшествующiя душевной дѣятельности и образующiя ихъ постоянную основу. Именно тамъ, гдѣ лишь очень слабо мерцаетъ свѣтъ субъективнаго наблюденiя, на границахъ между сознательною и безсознательною областью, физиологiя своимъ физическимъ методомъ и можетъ констатировать опре-

дѣленные отношенія. Постоянно и вездѣ существуетъ тѣсная взаимная связь между сознательнымъ и бессознательнымъ; не только маленькій ребенокъ пробуждается отъ мрака бессознательно сти къ сознанию,—ежедневный сонъ есть относительное возобновленіе этого мрака. Въ инстинктѣ, въ влеченіи и въ привычкѣ мы имѣемъ формы, въ которыхъ бессознательное пользуется услугами сознательнаго, а сознательная жизнь въ свою очередь вліяетъ на бессознательное, производя новыя привычки и влеченія. Физиологическое изученіе этихъ элементарныхъ душевныхъ явленій проливаетъ свѣтъ и на болѣе развитую душевную жизнь. Споръ будетъ только въ томъ, въ какой степени и съ какими измѣненіями можно переносить на высшую духовную жизнь то, что нервная физиологiя и физиологiя чувствъ нашла относительно элементарной жизни души,—причемъ никогда не слѣдуетъ забывать что физиологическій экспериментаторъ и наблюдатель при своемъ объясненіи элементарныхъ душевныхъ проявленій заключаетъ отъ вполне развитого къ элементарному сознанию. Настоящихъ физиологовъ интересуютъ въ изслѣдованіяхъ нервной физиологiи и физиологiи чувствъ не состоянія сознания сами по себѣ, но физическіе процессы, съ которыми они связаны. Для физиолога психологическія состоянія являются только симптомами, по которымъ онъ заключаетъ о физиологическихъ фактахъ. Онъ исходитъ изъ предположенія, что каждому психологическому явленію соответствуетъ физиологическій процессъ, который слѣдуетъ открыть и объяснить на основаніи общихъ естественно-научныхъ принциповъ. Пока этому объясненію больше всего доступны самыя элементарныя явленія сознания; но тутъ данъ принципъ, что физиологическую психологiю можно вполне законно принимать за основаніе и при изслѣдованіи высшихъ душевныхъ явленій.

Если мы примемъ во вниманіе, что душевная жизнь, какъ мы ее знаемъ, развивается при опредѣленныхъ физическихъ и химическихъ условіяхъ и посредствомъ цѣлаго ряда ступеней, изъ которыхъ низшія и высшія взаимно освѣщаютъ другъ друга, то ясно, что, несмотря на самостоятельность, которую вначалѣ призывали за психологiей, мы должны ее разсматривать какъ часть всеобщей биологiи. Биологiя должна установить понятіе жизни, подходящее ко всѣмъ ея ступенямъ, начиная съ органическихъ процессовъ питанія въ его простѣйшихъ формахъ, до самыхъ

идейныхъ процессовъ чувства или мысли. Біологія нашего времени, повидимому, приближается къ такому общему біологическому воззрѣнію, разсматривая жизнь во всѣхъ ея формахъ, какъ приспособленіе внутренняго къ внѣшнему. Жизнь сознанія обозначаетъ высшую точку жизненнаго развитія, показываетъ намъ высшія формы, въ которыхъ живыя существа ведутъ самую сильную борьбу съ міровыми условіями и въ этой борьбѣ раскрываютъ свою природу. При исключительно субъективной разработкѣ психологіи легко упустить изъ виду великую истину, что все, что ни происходитъ въ душѣ, обусловлено ея положеніемъ въ великой міровой связи.

Важнымъ вспомогательнымъ источникомъ для психологическаго познанія, кромѣ нервной фізіологіи и фізіологіи чувствъ, является наука о душевныхъ болѣзняхъ, какъ своими указаніями на связь между разстройствомъ тѣлесныхъ и духовныхъ функций, такъ и изслѣдованіями формъ и развитія ненормальной душевной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи эта наука представляетъ переходъ отъ фізіологической къ *соціологической психологіи*, разсматривающей душевную жизнь, какъ она проявляется въ движеніи и дѣйствіи, словѣ и образѣ. Матеріалъ для соціологической или сравнительной психологіи составляетъ жизнь животныхъ, дѣтей, дикарей, вся исторія человѣчества, произведенія поэтовъ и біографіи. Соціологическую психологію поэтому можно раздѣлить на множество отраслей (психологію ребенка, психологію животныхъ, психологію народовъ, психологію языка, психологію литературы и т. д.), которыя всѣ указываютъ намъ на великую историческую связь, въ которой развивается индивидуальное сознаніе, точно такъ же какъ фізіологическая психологія указывала на физическую связь, въ силу которой душевная жизнь принимаетъ участіе въ жизни вселенной. Родъ и способъ образованія мыслей и чувствъ въ данное время у каждаго человѣка обусловливается не только унаслѣдованной, первоначальной организаціей, но и культурно-исторической атмосферой, въ которой онъ развивается. Физическая и историческая связь тѣсно соединены между собою. Изученіе вліянія наслѣдственности (такъ же какъ и изученіе душевныхъ болѣзней) представляетъ посредствующее звено между фізіологической и соціологической психологіей, особенно когда мы распространимъ нашъ взглядъ на весь великій горизонтъ, открывающійся намъ при посредствѣ гипоте-

зы развитія. Черезъ это органическая природа, болѣе того—вся природа въ ея цѣломъ и ея законы приобрѣтаютъ историческій характеръ, точно такъ же какъ, наоборотъ, органическія силы и законы изучаются въ ихъ вліяніи на историческое развитіе человѣческой природы и человѣческихъ жизненныхъ отношеній.

f. Уже поверхностный взглядъ на эти различные источники показываетъ, что психологія не можетъ быть строго размежованною наукой. Ею можно заниматься многими способами и методами; здѣсь мы хотѣли только разяснить принципиальное отношеніе между этими различными методами. Слѣдовательно, существуетъ не одна, а многа психологій. Но, согласно принципиальному положенію, занимаемому субъективною психологіей,—несмотря на возрастающее значеніе объективнаго психологическаго изученія—всегда будетъ естественнымъ и законнымъ стремленіе видѣть въ ней основу, вокругъ которой, какъ вокругъ центра, должны быть собраны богатства другихъ источниковъ. Въ дѣйствительности психологія идетъ по этому пути съ тѣхъ поръ, какъ *Аристотель* основалъ опытную психологію. Только временно психологія, направляемая интересомъ извращеннаго спиритуализма, пыталась отдѣлить свой предметъ отъ физиологіи и другихъ объективныхъ наукъ, такъ что возобновеніе связи между ними можно бы принять за новое открытіе. Субъективной психологіи пришлось ждать объективной. Лишь только она вполне уяснила себѣ свой принципъ, она быстро въ общихъ чертахъ достигла нѣкоторой полноты, прежде чѣмъ изученіе физиологіи и социологіи развилось на столько, что могло оказать серьезную помощь психологіи. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что поворотъ наступилъ въ наше время.

Кто изучаетъ психологію изъ философскаго интереса, у того есть особенное основаніе повсюду твердо помнить о принципиальномъ отношеніи между разными источниками психологическаго познанія, дабы не исказить вклада, вносимаго психологіей для образованія общаго міросозерцанія. Здѣсь, какъ и вездѣ, на обязанности наблюденія лежитъ расширить содержаніе опыта въ такой степени, чтобы рѣзко отдѣлить данное отъ гипотетическаго, и чтобы, съ другой стороны, ясно и отчетливо выступали общія и постоянныя черты и законы; ибо на нихъ, а не на пробѣлы, которые неизбежны въ человѣческомъ познаніи, должно опираться всякое широкое философское изслѣдованіе.

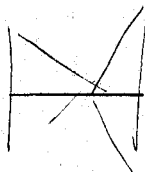
9. Итакъ, психологія находится въ пунктѣ, гдѣ пересѣкаются наука о природѣ и наука о духѣ, гдѣ одна переходитъ въ другую. Въ своемъ принципѣ она имѣетъ центральный пунктъ, вокругъ котораго перекрещиваются теченія съ обѣихъ сторонъ, потому что всякое познаніе, — какъ познаніе на основаніи чело-вѣческой природы и организаци, — прямо или косвенно стано-вится также и познаніемъ чело-вѣка.

Психологія образуетъ основаніе, на которомъ строятся идеаль-ныя науки о духѣ, логика и этика. Что такое истина и благо, это можно опредѣлить только съ чело-вѣческой точки зрѣнія, и это-го нельзя понять безъ знанія дѣйствительной природы чело-вѣка. Логика и этика устанавливаютъ идеалы чело-вѣческихъ стремле-ній въ мышленіи и дѣйствиі. Но для того, чтобы эти идеалы могли прилагаться къ дѣйствительности, они должны коренить-ся въ ней и образоваться на основаніи знанія самыхъ глубокихъ и самыхъ общихъ элементвъ и силъ чело-вѣческой природы.

Логика, какъ ученіе о методѣ, изучаетъ спеціальныя методы из-слѣдованія и старается привести ихъ къ основнымъ методамъ, вытекающимъ непосредственно изъ сущности чело-вѣческаго со-знанія. Какъ философское ученіе о познаніи, логика стремится установить общія основныя начала и связанныя съ ними границы чело-вѣческаго познанія; но это стремленіе не можетъ имѣть успѣ-ха безъ психологическаго знанія того, какъ развивается жизнь представленій. *Этика* старается установить общіе принципы для оцѣнки чело-вѣческаго хотѣнія и дѣйствиія и опредѣлить напра-вленіе, по которому должна развиваться, согласно этимъ прин-ципамъ, чело-вѣческая жизнь; но при этомъ стремленіи этика всегда должна исходить изъ дѣйствительно данной чело-вѣческой природы и изъ возможностей, открывающихся въ ея психологиче-скихъ законахъ. Этика дѣлаетъ выборъ изъ этихъ возможностей по установленному ею критерию.

Напротивъ того, къ искаженію психологіи ведетъ смѣшеніе логическихъ и этическихъ идеаловъ съ психологическою дѣй-ствительностью. Психологія занимается только тѣмъ, что *есть*, а не тѣмъ, что *должно быть*. Конечно, къ психологіи принадлежитъ также и состояніе сознанія, въ которомъ намъ ясно, что для насъ существуетъ нѣчто долженствующее быть; и это состоя-ніе изслѣдуется ею, какъ и всякое другое. Но психологія не да-етъ оцѣнки; она только спрашиваетъ о фактической связи и о

способѣ и законахъ, по какимъ она развилась, и предоставляетъ этикѣ высказать свое сужденіе о различныхъ состояніяхъ. Психологія разсматриваетъ душевныя явленія, какъ явленія природы, и изслѣдуетъ ихъ съ спокойствіемъ и безпристрастіемъ. Эту независимость психологіи отъ этики энергически защищалъ уже Спиноза *), но она еще далеко не признана, какъ слѣдуетъ. Все еще существуетъ склонность считать не подлежащими объясненію и анализу извѣстныя формы душевной жизни, вслѣдствіе ихъ возвышеннаго характера и чрезвычайной важности. Но какъ разъ самая-то цѣнная въ этическомъ отношеніи психологическія явленія не бывають простыми и несложными, потому что они завершаютъ собой длинный и богатый процессъ развитія. Ихъ высокое значеніе именно и не допускаетъ, чтобы они стали исключеніемъ изъ общихъ психологическихъ условій. Вообще неправильно думаютъ, будто опредѣленіе цѣны необходимо исключаетъ причинное объясненіе. Теоретическое изслѣдованіе, конечно, можетъ открыть иллюзіи; оно добивается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ того, чтобы постоянно провѣрять справедливость оцѣнки; но оно само по себѣ вполнѣ соединимо съ опредѣленіемъ цѣны. Предполагать, что явленіе теряетъ свое значеніе только потому, что оно понято, есть мифологическое суевѣріе или же пустословіе. Между тѣмъ должно сознаться, что установленіе гармоніи между оцѣнкою и причиннымъ объясненіемъ принадлежитъ будущему; но психологія учитъ насъ, что гармонія будетъ расти въ силу естественной необходимости, такъ какъ познаніе и чувство не могутъ надолго двигаться въ противоположныхъ направленіяхъ.

*) См. мое сочиненіе: Spinozas Liv og Lære, Копенгагенъ 1871, стр. 120 и слѣд.

II.

Душа и тѣло.

1. Предыдущимъ изслѣдованіемъ установлено, что знаніе души и знаніе тѣла исходятъ изъ двухъ различныхъ источниковъ. Теперь возникаетъ вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ различныхъ областей опыта. Въ нашей постановкѣ этотъ вопросъ не приводитъ къ метафизическимъ изслѣдованіямъ. Мы принимаемъ слово «душа» только въ значеніи сознанія, какъ выраженіе единства всего нашего внутренняго опыта (ощущеній, мыслей, чувствованій и намѣреній), и спрашиваемъ, къ чему приводитъ насъ опытъ, если принимать во вниманіе связь этихъ опытовъ съ тѣми, содержаніе которыхъ состоитъ изъ движеній въ пространствѣ. Наша точка зрѣнія пока чисто *эмпирическая* или *феноменологическая*, но не метафизическая или онтологическая. Согласно воззрѣнію, высказанному въ предыдущемъ отдѣлѣ, работа метафизики начинается только тогда, когда пройдена область опыта, и когда будутъ разобраны обнаружившіяся тамъ тенденціи и возможности.

Здѣсь, какъ и вездѣ, различіе между ходячимъ и научнымъ воззрѣніемъ опредѣляется тѣмъ, что первое есть смѣсь опыта и метафизики. Ходячее воззрѣніе часто съ инстинктивною вѣрностью схватываетъ бросающіеся въ глаза опыты, но оно объясняетъ и описываетъ ихъ подъ бессознательнымъ вліяніемъ метафизическихъ представленій, отчасти полученныхъ по преданію, отчасти образованныхъ самопроизвольно. Научное же воззрѣніе прежде всего стремится сознать источникъ своихъ предположеній и рѣзко отличить опытъ отъ его объясненія. Поэтому ему предстоятъ затрудненія и проблемы, которыхъ и не подозреваетъ ходячее воззрѣніе.

Проблемы объ отношеніи души и тѣла собственно не существуютъ до тѣхъ поръ, пока не станутъ предметомъ отчетливаго пониманія явленія сознанія и тѣлесныя явленія, и притомъ со всѣми ихъ особенностями и въ ихъ внутренней связи. Если подъ душою понимать вообще движущее начало, внутреннюю силу вещей, то нѣтъ основанія видѣть тутъ затрудненія, потому что подобные принципы и силы можно съ одинаковымъ правомъ предполагать во всевозможныхъ областяхъ. Только если понятіе души прямо относится къ жизни сознанія и ея фактамъ, и если, съ другой стороны, тѣлесныя явленія отдѣляютъ въ особый міръ, имѣющій собственные принципы и законы, тогда только обнаруживается трудность связать эти двѣ области. Проблема, слѣдовательно, возникаетъ не вслѣдствіе того, что догматически или безусловно различаются двѣ субстанции или существа. Есть-ли это различіе по существу, или нѣтъ, этого мы пока не знаемъ; мы знаемъ только, что здѣсь есть различіе, и спрашиваемъ, что заключается въ этомъ, данномъ въ опытѣ, феноменальномъ различіи и что изъ него слѣдуетъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы сопоставимъ тѣ черты, которыя ярче всего характеризуютъ обѣ области опыта.

2. Первый главный признакъ *тѣлесныхъ* явленій состоитъ въ томъ, что они принимаютъ форму пространства и могутъ быть сведены прямо или косвенно къ движенію въ немъ. Этимъ они отличаются отъ состояній сознанія, которыя въ пространственномъ видѣ можно представить лишь символически. Но въ этомъ признакѣ самомъ по себѣ нѣтъ еще ничего, почему тѣлесную область слѣдовало бы выдѣлять въ особый міръ. Вѣдь, можно было бы представить, что сами эти пространственныя движенія производятся чѣмъ-то непространственнымъ. Въ такомъ случаѣ тѣлесный міръ былъ бы открытъ воздѣйствію извнѣ.

Однако естественно-научное изслѣдованіе все болѣе и болѣе отрѣзываетъ путь къ такой возможности. Оно примѣняетъ теперь во всѣхъ областяхъ принципъ, что всякое *тѣлесное движеніе надо объяснять другимъ тѣлеснымъ движеніемъ*.

Первѣйшій принципъ, на которомъ основываются точныя естественныя науки, состоитъ въ томъ, что состояніе одной тѣлесной точки (покой или прямолинейное движеніе) можетъ измѣниться только благодаря воздѣйствію другой тѣлесной точки. Этимъ принципомъ (законъ косности) физика и отграничиваетъ принад-

лежащую ей область, убѣдившись, что она можетъ достигнуть научнаго познанія природы, только признавъ въ этомъ принципѣ свое основаніе. Естественныя науки были бы невозможны, если бы въ какой-либо тѣлесной точкѣ заключалась капризная сила, которая могла бы каждую минуту двигать эту точку то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, или же то оставлять ее въ покоѣ, то приводить въ движеніе.

Принципъ этотъ по своей природѣ не можетъ быть предметомъ строгаго доказательства. Это основное предположеніе, съ котораго начинается существованіе науки о природѣ. Поэтому оно было установлено уже *Галилеемъ*, основателемъ физики. Его нельзя, какъ это иногда пытались, вывести изъ всеобщаго начала причинности. Вѣдь, тѣлесное явленіе, тѣлесное движеніе сами по себѣ могутъ имѣть *нетѣлесную* причину: всеобщее начало причинности можетъ быть удовлетворено различными способами. Но фактъ — тотъ, что настоящее развитіе естествознанія стало возможно только при болѣе точномъ опредѣленіи и отграниченіи, которое законъ косности даетъ началу причинности въ области тѣлесной природы. Законъ косности нельзя также вполне доказать и опытомъ; онъ не выражаетъ, какъ это иногда думали, «факта». Можно только доказать, что *чѣмъ болѣе* оберегать тѣло отъ внѣшнихъ вліяній, *тѣмъ болѣе* оно остается въ томъ состояніи, въ которомъ оно находится (покой или прямолинейное движеніе). Такимъ образомъ этотъ первый законъ въ ученіи о движеніи подтверждается на опытѣ только приблизительно. Главное его значеніе состоитъ въ томъ, что онъ ставитъ задачу: свести тѣлесныя явленія къ другимъ тѣлеснымъ явленіямъ, какъ къ ихъ причинѣ.

Точно такъ же дѣло обстоитъ и съ спеціальнымъ принципомъ, придающимъ особенный характеръ новѣйшему естествознанію, а именно съ принципомъ *сохраненія матеріи и энергіи*. Новѣйшая химія строится на подтвержденномъ многочисленными опытами предположеніи, что сумма частицъ вещества (атомовъ) остается всегда одна и та же при всѣхъ измѣненіяхъ матеріи. Если тѣла приобрѣтаютъ новыя свойства, то это объясняется перемѣною въ соединеніи или положеніи частицъ. Возникновеніе и исчезновеніе вещества означаетъ соединеніе или разъединеніе атомовъ, которые существовали уже прежде, но въ другихъ соединеніяхъ. Объясняя всѣ измѣненія вещества различными движеніями ато-

мовъ, химія проводить въ своей области тотъ принципъ, что тѣлесныя явленія объясняются другими тѣлесными явленіями. Подобно тому, какъ признають, что вещество сохраняется при всѣхъ измѣненіяхъ, точно такъ же признають, что сумма энергіи (т.-е. способность къ работѣ, способность къ преодолѣнію препятствія), проявляющейся въ тѣлесной природѣ, остается одной и тою же. Возникновеніе или потеря энергіи могутъ быть только кажущимися. Нѣсколько примѣровъ выяснятъ значеніе этого закона.

При химическомъ соединеніи можетъ образоваться теплота. Но сколько теплоты происходитъ при соединеніи, ровно столько же исчезаетъ ея при его распаденіи. Откуда же берется эта теплота и куда она исчезаетъ? Она является эквивалентомъ упругой силы, разъединявшей частицы до ихъ соединенія, и она опять получаетъ свой эквивалентъ въ видѣ напряженія, съ какимъ удерживаются частицы другъ отъ друга послѣ своего разъединенія.—Сила, съ которою падаетъ камень на землю, зависитъ отъ высоты, съ которой онъ падаетъ; высота же въ свою очередь зависитъ отъ силы, съ которою былъ брошенъ камень. Когда камень удерживается землею, то сила какъ будто теряется, потому что камень, вѣдь, не можетъ двинуть землю, но и тутъ исчезновеніе силы обозначаетъ только переходъ ея въ другую форму, въ теплоту. То же самое бываетъ, когда движеніе не совсѣмъ прекращается, но затрудняется треніемъ. Сила, теряемая тѣломъ отъ тренія, не пропадаетъ, но превращается въ теплоту. Когда вода ударяетъ въ мельничное колесо, то производится теплота.—Наоборотъ, теплота можетъ произвести механическое движеніе, какъ, напр., паръ, расширяясь отъ теплоты, выталкиваетъ поршень, приводящій въ свою очередь въ движеніе колесо локомотива. И многочисленные, постоянно подтверждающіеся опыты доказали, что количество силы или энергіи *), исчезающее въ одной формѣ, получаетъ свой опредѣленный эквивалентъ въ другой, такъ что опять можно возстановить то же самое количество извѣстнаго рода энергіи.

Такимъ образомъ какъ бы ни измѣнялись каждая въ отдѣльности различныя формы энергіи, сумма ея всегда одна и та же. Поэтому подъ энергіей мы должны разумѣть не только дѣйстви-

*) Такъ какъ слово „сила“ имѣетъ разныя значенія, то обыкновенно употребляется слово „энергія“, подъ которымъ разумѣется не что иное, какъ способность произвести работу или преодолѣть препятствіе.

тельно произведенную работу (живую силу, наличную энергію), но также и возможную работу (напряженность, потенциальную энергію), сбереженную работу, которая при извѣстныхъ условіяхъ можетъ освободиться и пойти въ дѣло. Когда Сизифъ вкатилъ свой камень на гору, онъ дѣйствительно сдѣлалъ кое-что; его работа не потеряна, такъ какъ камень на вершинѣ горы обладаетъ гораздо большею энергіею, чѣмъ лежа у ея подошвы. Въ обоихъ случаяхъ онъ покоится, но потенциальная энергія въ первомъ случаѣ больше, нежели въ послѣднемъ, что и обнаруживается, какъ скоро камень приведенъ въ движеніе. Несчастье Сизифа заключается лишь въ томъ, что онъ не можетъ употребить большей потенциальной энергіи на что-нибудь полезное себѣ или другимъ; онъ всегда долженъ начинать сызнова.—Итакъ, сумма наличной и потенциальной энергіи остается всегда одной и той же, на сколько мы можемъ разсматривать міръ, какъ замкнутое цѣлое.

Положеніе о сохраненіи матеріи и энергіи можно формулировать или какъ законъ, или какъ гипотезу, или какъ принципъ. Мы имѣемъ право назвать его закономъ природы, такъ какъ оно доказано опытами относительно многихъ веществъ и силъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣетъ-ли значеніе этотъ законъ для *всѣхъ* веществъ и силъ природы, и съ этой точки зрѣнія, т. е. какъ *всеобщій* законъ природы, онъ имѣетъ только гипотетическое значеніе. Такъ какъ намъ никогда не будетъ извѣстна вся совокупность содержанія природы, то онъ можетъ подтверждаться опытомъ лишь *приблизительно*. Къ этому нужно добавить, что мы не знаемъ безусловно обособленныхъ и замкнутыхъ совокупностей, а только для нихъ и имѣетъ силу законъ сохраненія матеріи и энергіи въ строгомъ смыслѣ, ибо существа или системы, стоящія въ отношеніи къ другимъ существамъ или системамъ, передаютъ имъ энергію или получаютъ ее отъ нихъ. Слѣдовательно, мы можемъ только показать, что *чѣмъ больше* мы въ состояніи замкнуть и обособить какую-либо систему тѣлъ, тѣмъ болѣе будетъ сохраняться ея вещество и энергія. Итакъ, что касается подтвержденія опытомъ, то и съ этимъ принципомъ дѣло обстоитъ въ такомъ же родѣ, какъ и съ закономъ косности. Оба они имѣютъ большое значеніе въ смыслѣ методическаго принципа, который требуетъ искать эквивалентовъ для всякаго количества матеріи или энергіи, которое, повидимому, то возникаетъ, то исчезаетъ.

3. Есть однако классъ существъ, которыхъ долгое время не только ходячее воззрѣніе, но и наука были склонны считать исключеніемъ изъ этого общаго закона. *Организмы* съ ихъ своеобразнымъ развитіемъ формъ, съ ихъ способностью къ самосохраненію по отношенію къ внѣшнему міру, кажутся маленькими мірами, которые могутъ черпать жизнь изъ внутреннихъ источниковъ, находящихся въ нихъ самихъ. Долгое время объясненіе явленій органической жизни общими силами природы считали за матеріализмъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, было ясно, что сознающая душа не является прямой причиной органическихъ процессовъ, которые часто принимаютъ направленіе, совершенно противоположное сознательной волѣ индивидуума, то для объясненія этихъ явленій между тѣломъ и душой вставили такъ называемую жизненную силу. Этотъ взглядъ, такъ называемый витализмъ, не могъ, конечно, не замѣтить, что живыя существа находятся въ многообразномъ и постоянномъ взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ, что каждое мгновеніе они воспринимаютъ и оказываютъ сами различныя воздѣйствія, и что ихъ процессы развитія и разложенія вполнѣ обусловлены этимъ отношеніемъ. Значитъ, и „жизненная сила“ должна была идти такимъ же путемъ. Но витализмъ вводился въ заблужденіе тѣмъ особымъ способомъ, какимъ организмъ отвѣчаетъ на всѣ внѣшнія воздѣйствія. Что шаръ покатится, если мы его толкнемъ, намъ кажется естественнымъ, но что растеніе поворачивается къ свѣту, что пища превращается въ мясо и кровь, что пальцы сгибаются, когда мы тихонько дотронемся до ладони,—все это намъ кажется удивительнымъ, потому что тутъ, повидимому, нѣтъ никакого соотвѣтствія между возбужденіемъ и отвѣтомъ на него. Витализмъ впадаетъ здѣсь въ ошибку тѣмъ, что смотритъ на организмъ, какъ на абсолютное единство, тогда какъ въ дѣйствительности онъ есть только очень сложно составленное цѣлое. Полученное воздѣйствіе распространяется тутъ отъ одной части къ другой и отъ этого мало-по-малу совсѣмъ измѣняетъ свой видъ. Оно превращается частію въ другія формы энергіи, частію въ потенциальную энергію или въ связанную силу, отчасти же оно служитъ для освобожденія потенциальной энергіи въ организмъ. По мѣрѣ того какъ изслѣдованіе старается прослѣдить шагъ за шагомъ за этими преобразованіями, оно начинаетъ понимать, что слѣдствіе въ этомъ взаимодействіи можетъ быть

совершенно непохожимъ на причину. Оно понимаетъ, что организмъ долженъ обнаружить совершенно иную самостоятельность относительно внѣшняго міра, чѣмъ органическія формы существованія, благодаря запасу потенциальной энергіи, накопившейся въ его тканяхъ и циркулирующей въ его сокахъ, играющихъ, такъ сказать, роль внѣшняго міра внутри организма (*milieu intérieur*, по мѣткому выраженію Клода Бернара). Органическій отвѣтъ на возбужденіе внѣшняго міра (раздражительность) тѣмъ богаче и своеобразнѣе, чѣмъ болѣе готово связанныхъ силъ къ освобожденію. Ученіе о „жизненной силѣ“ собственно есть миеологическое выраженіе изумленія, вызваннаго своеобразиемъ органическихъ явленій. Новѣйшая физиологія оставила за собой эту точку зрѣнія, благодаря анализу отдѣльныхъ звеньевъ жизненнаго процесса. Отъ этого представленіе единой, недѣлимой жизненной силы уступило мѣсто крайне запутанному взаимодействию, въ которомъ отдѣльныя проявленія силы можно свести къ общимъ силамъ природы и отдѣльныя частицы матеріи къ общимъ элементарнымъ веществамъ. Это и есть принципъ, на которомъ стоитъ современная физиологія, и мы должны поэтому строго держаться его, хотя никто не можетъ утверждать, что онъ проведенъ повсюду или что его когда-либо можно провести. Главное дѣло въ томъ, что физиологія обязана ему всѣми своими успѣхами. Какъ ни много передъ нами еще загадокъ, напр., въ морфологической области, все-таки уже не допускается объясненія, противорѣчащаго этому принципу. Обязанность доказывать во всякомъ случаѣ падаетъ на того, кто ссылается на вліяніе безтѣлесныхъ причинъ *).

Для всего возникающаго или исчезающаго въ организмѣ слѣдуетъ искать физическихъ или химическихъ эквивалентовъ или въ самомъ организмѣ или внѣ его. Отъ того органическая жизнь входитъ въ великій круговоротъ природы. Подъ вліяніемъ свѣта,

* Срав. *Ranum*: Indledning til Physiologien (введеніе въ физиологію), 2-е изд., Копенгагенъ 1883.—*Charles Robin*: Anatomie et physiologie cellulaires, Paris 1873, introduction.—*Claude Bernard*: Leçons sur les phénomènes de la vie, Paris 1878. (Особенно здѣсь нужно отмѣтить слѣдующее совершенно определенное выраженіе: „чѣмъ бы ни занимался физиологъ, онъ постоянно находить передъ собой только механическихъ, физическихъ или химическихъ дѣятелей“, стр. 52).—*Exner*: Physiologie der Grosshirnrinde, 1879 (*Hermanns Handbuch der Physiologie*, II, 2), стр. 189—191.

особенно въ зеленыхъ клѣткахъ растенія, происходитъ превращеніе неорганическихъ веществъ въ болѣе сложныя органическія вещества *). Накопленное такимъ образомъ органическое вещество тратится въ функціяхъ растенія и животнаго. Обмѣнъ веществъ зависитъ отъ сохраненія энергіи, а отъ обмѣна веществъ въ свою очередь зависитъ дѣятельность органическихъ существъ. Форма и способъ, какъ расходуетъ накопленная энергія, зависитъ отъ строенія организма. Каждая органическая клѣточка содержитъ запасъ энергіи; но употребленіе этого запаса зависитъ отъ строенія органа.

Итакъ, принципъ сохраненія энергіи ближе и ближе становится передъ нами. Можно бы, поэтому, съ легкимъ сердцемъ отдать ему растительную жизнь и функціи питанія. Но точно такъ же нервная и мускульная системы не могутъ ускользнуть отъ его власти. Энергія, затрачиваемая при всякой нервной или мускульной дѣятельности, накапливается путемъ питанія. Сами нервная и мускульная системы представляютъ только своеобразно развитые (дифференцированные) аппараты для выполненія тѣхъ же функцій, которыя въ чрезвычайно простой формѣ совершаются и въ протоплазмѣ, лишенной всякой структуры. Уже и тутъ раздраженіе какого-либо пункта организма можетъ распространиться на всю массу и вызвать движеніе въ совѣмъ другихъ мѣстахъ его или же въ цѣлой массѣ. Прогрессирующее раздѣленіе труда дѣлаетъ необходимымъ существованіе различныхъ системъ у высшихъ организмовъ. Это болѣе богатое развитіе (дифференцированіе) не можетъ однако освободиться отъ общихъ элементарныхъ законовъ **): они дѣйствуютъ постоянно, только при чрезвычайно

*) Нельзя сказать, чтобы въ животномъ организмѣ совѣмъ не было способности образовывать органическія соединенія изъ неорганическихъ элементовъ, хотя въ растительномъ организмѣ для этого находятся особенно благоприятныя условія. Срав. *Pflüger*: О физиологическомъ сожиганіи, *Archiv für Physiologie*, XI, стр. 345.

**) „На нервы мы должны прежде всего смотрѣть, какъ на мѣста въ ткани, черезъ которыя легче проходить дѣйствіе наступающаго раздраженія, и намнѣтъ надобности отыскивать въ нихъ болѣе таинственныя силы, чѣмъ тѣ, какія дѣйствуютъ и въ другихъ частяхъ“ (*Lotze: Allgemeine Physiologie des körperlichen Lebens, Leipzig 1850, стр. 386*).—Доказательство этого искали въ томъ, что дѣйствіе наркотическихъ веществъ на нервную ткань отличается отъ дѣйствія ихъ на другія органическія ткани лишь степенью и быстротою. Срав. *Laycock*: Дальнѣйшія изслѣдованія о функціяхъ мозга (*The British and*

сложныхъ, часто недоступныхъ наблюденію обстоятельствахъ. Какъ нервы, такъ и мышцы во время и послѣ функціи представляются иными, чѣмъ до функціи. Кровь, протекающая по мускуламъ во время ихъ дѣятельности, содержитъ нѣсколькими процентами менѣе кислорода и болѣе углекислоты, чѣмъ кровь покоящихся мускуловъ. Какъ волокна нервной ткани, такъ и ея центральные органы не могутъ функционировать безъ достаточно обильнаго притока крови, содержащей матеріалъ, необходимый для повышеннаго вслѣдствіе функціи обмѣна веществъ. Мозгъ страдаетъ отъ всякой перемѣны въ кровообращеніи; какъ анемія, такъ и гиперемія разстраиваютъ его дѣятельность. Работа мозга потребляетъ органической запасъ точно такъ же, какъ и дѣятельность всякаго другого органа.

Пока еще остается неизвѣстнымъ, что собственно происходитъ въ нервной системѣ во время ея дѣятельности. Совершенно ясно только одно, что здѣсь дѣло не въ веществѣ, которое распространялось бы отъ одного конца къ другому (какъ это раньше приписывали такъ называемымъ «жизненнымъ духамъ»). Вѣроятно, нервный процессъ состоитъ въ перемѣнѣ, проходящей по нервному волокну, въ освобожденіи связанной энергіи, вызванномъ внѣшнимъ раздраженіемъ и распространяющемся отъ одной части къ другой, такъ что одинъ нервный элементъ служитъ раздражителемъ по отношенію къ другому. Связанныя силы, которыя такимъ образомъ освобождаются, повидимому, имѣютъ химическую природу; однако чисто химическая теорія нервной дѣятельности все-таки представляетъ различнаго рода трудности *).

4а. *Растеніе* вполне погружено въ жизнь питанія. Оно воспринимаетъ и выдѣляетъ вещества, растетъ и размножается. Все необходимое для такого образа жизни оно находитъ непосредственно вблизи себя и только при этомъ условіи и можетъ жить. Поверхность растенія должна быть окружена воздухомъ, водою, свѣтомъ и т. д., чтобы оно могло существовать. Растеніе подобно

Foreign Medico-Chirurgical Review, июль 1855), стр. 185. *Claude Bernard*: Leçons sur les phénomènes de la vie, стр. 289. *Herbert Spencer*: Principles of psychology, I, стр. 631 и слѣд.

*) Срав. *L. Hermann*: Allgemeine Nervenphysiologie 1879 (Hermanns Handbuch der Physiologie II, 1), стр. 186—193.—*Panum*: Nervevævets, de kontraktile Vævs og Nervesystemens Fysiologie (физиологія нервной ткани, сократительныхъ тканей и нервной системы), Копенгагенъ 1883, стр. 56.

зародышу, который покоится въ материнскомъ лонѣ природы и еще не вышелъ изъ него для самостоятельной индивидуальной жизни. Вѣдь, зародышъ непосредственно получаетъ себѣ питаніе изъ материнскаго организма. *Животная жизнь въ собственномъ смыслѣ тѣмъ* и обусловлена, что все устроено не такъ. Животное должно искать, работать и бороться для удовлетворенія своихъ потребностей; оно должно поэтому выступать по отношенію къ внѣшнему міру чѣмъ-то цѣлымъ, должно имѣть возможность собирать свою энергію и направлять ее на опредѣленные пункты. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно принимать во вниманіе обстоятельства и факты, не затрагивающіе его непосредственно въ данную минуту. Эти требованія удовлетворяются *нервною системою*; она приводитъ въ тѣсную связь различные части и отдѣлы организма, такъ что организмъ становится цѣлымъ въ болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ это можно сказать про растеніе. И благодаря нервной системѣ возникаетъ возможность, что условія внѣшняго міра могутъ опредѣлять не только прямо, но и косвенно движенія организма.

Правда, у низшихъ животныхъ организмовъ еще нельзя было доказать присутствія нервовъ, а съ другой стороны многія растенія совершаютъ дѣйствія, сходныя съ тѣми, которыя у высшихъ животныхъ выполняются черезъ посредство нервной системы. Однако, вообще говоря, растенія и животныя можно характеризовать, какъ два жизненныхъ типа, изъ которыхъ одинъ находится только въ прямомъ, а другой одновременно и въ косвенномъ, и въ прямомъ взаимодействіи съ окружающею средою. Чѣмъ выше мы поднимаемся въ животномъ царствѣ, тѣмъ большую роль играетъ нервная система, потому что взаимодействие съ внѣшнимъ міромъ распространяется все шире и шире, слѣдовательно, дѣлается все менѣе и менѣе непосредственнымъ и мгновеннымъ.

в. Простѣйшей формой нервной дѣятельности является такъ называемое *рефлекторное движеніе*. Тутъ раздраженіе проводится черезъ идущее внутрь (центростремительное) нервное волокно къ внутреннему центру (ганглию), гдѣ оно въ свою очередь освобождаетъ импульсъ, приводящій въ движеніе мускуль или другой органъ (наприм. железу) посредствомъ нервнаго волокна, идущаго наружу (центробѣжное). Здѣсь мы имѣемъ простую схему, повторяющуюся, повидимому, на всѣхъ стадіяхъ развитія нервной системы,—только въ очень большомъ количествѣ побочныхъ

и подчиненныхъ слоевъ. Именно: ганглій обыкновенно посылаетъ отъ себя не только волокна, идущія наружу, къ органамъ, которые должны быть возбуждены къ движенію, но также и волокна, идущія внутрь къ высшимъ центрамъ, которые такимъ образомъ получаютъ импульсы съ различныхъ сторонъ, импульсы, частью усиливающіе, частью ослабляющіе другъ друга. Ганглій самъ оказываетъ задерживающее вліяніе на импульсъ, такъ какъ путемъ эксперимента можно доказать, что нервный процессъ во время своего теченія совершается медленнѣе въ головномъ и спинномъ мозгу, чѣмъ въ периферическихъ нервахъ. Повидимому, эта задержка приводитъ къ тому, что данный импульсъ прежде своего дальнѣйшаго распространенія можетъ измѣниться подъ вліяніемъ другихъ импульсовъ. Благодаря этой обработкѣ периферическихъ раздраженій въ центральныхъ частяхъ, движеніе, произведенное въ силу этихъ раздраженій, опредѣляется не только исключительно воздѣйствіями въ какомъ-либо мѣстѣ и въ какое-либо время, но до извѣстной степени вліяніями отъ цѣлаго организма. Слѣдовательно, нервные центральные органы являются модифицирующими и комбинирующими органами.

Очень простой примѣръ такого отношенія представляютъ намъ щупальцы каракатицы. Каждый сосочекъ щупальца этого животного имѣетъ свой ганглій и можетъ поэтому сократиться или присосаться, когда предметъ прикасается только къ нему. Это можетъ происходить даже и тогда, когда щупальце отдѣлено отъ цѣлаго животного. Тутъ мы имѣемъ нервную функцію въ ея простѣйшей формѣ: распространеніе возбужденія къ простому центральному органу и освобожденіе въ немъ импульса для сокращенія. Но ганглии всѣхъ сосочковъ соединены какъ между собою, такъ и съ высшими центрами животного (глочнымъ кольцомъ), такъ что оно при охватываніи предмета цѣлымъ щупальцемъ можетъ пустить въ ходъ одновременно всѣ сосочки. Тогда каждая элементарная нервная функція является членомъ цѣлой системы функцій.

И у высшихъ животныхъ можно доказать это отношеніе между подчиненными и господствующими центрами, хотя болѣе тѣсная связь и взаимная зависимость органовъ затрудняютъ въ этомъ случаѣ ясное наблюденіе всѣхъ этихъ отношеній, особенно чѣмъ выше поднимаемся мы въ ряду развитія. Самостоятельность подчиненныхъ центровъ больше у животныхъ съ холодною кровью

(какъ наприм., у лягушки, которой поэтому главнымъ образомъ и приходится отдѣлываться при физиологическихъ опытахъ), чѣмъ у животныхъ теплокровныхъ, а въ ряду теплокровныхъ эта самостоятельность болѣе у птицъ и кроликовъ, чѣмъ у обезьянъ и въ томъ числѣ и у человѣка. Полное удаленіе обоихъ мозговыхъ полушарій выдерживаютъ только тѣ животныя, у которыхъ большой мозгъ не достигъ высшей степени развитія. Высшія же млекопитающія быстро погибаютъ, если ихъ лишитъ всей массы полушарій.

с. *Растительные органы* находятся въ соединеніи съ спиннымъ и головнымъ мозгомъ посредствомъ идущихъ внутрь и наружу волоконъ; дѣятельность ихъ регулируется этими центральными органами. Однако нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, имѣютъ въ себѣ или около себя особенные, до извѣстной степени самостоятельные, нервные центры. Вырѣзанное сердце лягушки продолжаетъ биться нѣсколько часовъ и этимъ доказываетъ свою относительную независимость отъ высшихъ центровъ. Опыты (надъ собаками и кроликами) показали, что пульсъ бьется быстрѣе, когда перерѣзкою *nervus vagus* нарушена связь сердца съ продолговатымъ мозгомъ. При сильномъ страхѣ сердце кролика приостанавливается, чтобы потомъ биться быстрѣе прежняго, но послѣ перерѣзки *nervus vagus* не замѣтно никакого вліянія на біеніе сердца. То же можно сказать и о кишечномъ каналѣ. Перистальтическія движенія могутъ продолжаться послѣ перерѣзки соединенія съ высшими центрами *).

Спинной мозгъ является важнымъ органомъ рефлекторныхъ движеній. У обезглавленной лягушки путемъ достаточно сильнаго раздраженія на какой-либо части кожи можно вызвать рефлекторныя движенія во всѣхъ направленіяхъ. Въ этихъ движеніяхъ удивительна ихъ координація и цѣлесообразность. Если, перерѣзавъ спинной мозгъ и произведя раздраженіе ниже разрѣза, бывало возможно вызвать рефлекторныя движенія у млекопитающихъ, то эти движенія, хотя и казались до извѣстной степени координированными, но не были такъ цѣлесообразны, какъ у лягушекъ. Дѣятельность спинного мозга у высшихъ животныхъ, по-

*) *M. Foster: Text-book of Physiology, Лондонъ 1877, стр. 81. — Eschhard: Physiologie des Rückenmarks (Hermann II, 2), стр. 71. — Exner: Physiol. der Grosshirnrinde (Hermann II, 2), стр. 289.*

видимому, сводится къ тому, чтобы быть посредствующимъ членомъ между головнымъ мозгомъ и внѣшними частями организма *).

Въ *продолговатомъ мозгу* помѣщается множество центровъ, важныхъ для сохраненія жизни. Они могутъ функционировать независимо отъ высшихъ частей мозга и рефлекторно приводить въ движеніе очень сложные механизмы. Таковы центръ дыханія, центръ, регулирующий нервную систему сердца, центры отдѣленія слюны, глотанія, отдѣленія мочи.

Лягушка, лишенная большого мозга, но имѣющая еще *средній мозгъ* (мозговые узлы, находящіеся передъ продолговатымъ мозгомъ), владѣетъ еще необходимыми двигательными аппаратами для исполненія самостоятельныхъ движеній, но, какъ кажется, она движется только тогда, когда ее возбуждаетъ опредѣленное чувственное раздраженіе. У нея недостаетъ способности къ инициативѣ. Ея преимущество передъ лягушкой съ однимъ только спиннымъ мозгомъ заключается въ томъ, что она впечатлительнѣе къ болѣе тонкимъ чувственнымъ раздраженіямъ и поэтому не такъ пассивна. Тогда какъ лягушка съ однимъ только спиннымъ мозгомъ обыкновенно не возбуждается дѣйствіемъ свѣта и падаетъ на дно, если ее бросить въ воду, лягушка съ среднимъ мозгомъ избѣгаетъ очень сильной тѣни и, брошенная въ воду, плаваетъ, раздражаясь движеніемъ водяныхъ частицъ. Но для движенія ей постоянно необходимъ внѣшній толчокъ. — Подобныя же явленія бывають у птицъ и млекопитающихъ, если они переживаютъ удаленіе мозговыхъ полушарій. У нихъ недостаетъ инициативы и способности самопомощи въ болѣе затруднительныхъ случаяхъ, но, напротивъ, отдѣльныя элементарныя раздраженія чувствъ вызываютъ движенія отчасти очень сложныя. — Физиологическое значеніе *малаго мозга* не достаточно извѣстно. Нѣкоторые полагають, что онъ способствуетъ координаціи и комбинаціи движеній.

d. Роль, вѣроятно, предоставленная важнѣйшей части мозга, *головному мозгу*, не можетъ заключаться въ чемъ-либо иномъ, какъ въ томъ, чтобы обрабатывать и комбинировать элементарныя раздраженія, воспринятія въ продолговатомъ мозгу и узлахъ, а также и согласовать аппараты, уже существующіе въ этихъ низшихъ частяхъ мозга съ результатомъ такой обработки. Большой

*) М. Foster, стр. 420.

мозгъ есть какъ бы вѣнецъ всего замысловатаго зданія нервной системы. Чѣмъ больше мы приближаемся къ нему, тѣмъ сложнѣе становятся отношенія, тѣмъ многочисленнѣе нервныя клѣтки и соединительныя волокна. Здѣсь заложены пути, которые дѣлаютъ возможнымъ самое сложное взаимодействіе различныхъ импульсовъ. Если мы вспомнимъ, что всякое раздраженіе проявляется черезъ освобожденіе сбереженной энергіи въ органическихъ клѣткахъ, и что результатъ этого освобожденія въ одной клѣткѣ можетъ соединиться въ большомъ мозгу съ результатами изъ милліона другихъ клѣтокъ *), то у насъ можетъ закружиться голова при мысли о возможныхъ въ этомъ случаѣ комбинаціяхъ.

Вопросъ о томъ, функционируетъ-ли большой мозгъ, какъ цѣлоѣ, или каждая изъ различныхъ функцій связана съ опредѣленнымъ въ немъ мѣстомъ, рѣшался различными способами и теперь еще является предметомъ спора между физиологами. *Галль*, основатель френологіи, училъ объ очень подробной локализациі всѣхъ высшихъ и низшихъ душевныхъ способностей, но подорвалъ довѣріе къ идеѣ о локализациі своими невыдерживающими критики изслѣдованіями и своей фантастической краніоскопіей. Противникомъ его ученія является *Флурансъ*, который изъ своихъ опытовъ сдѣлалъ заключеніе, что любая часть мозговыхъ полушарій можетъ быть повреждена или удалена безъ вреда для мозговыхъ функцій.

Эта теорія господствовала почти полъ-столѣтія. За это время ее поколебало только открытіе *Брока*, что важнѣйшіе центральные органы рѣчи и языка находятся въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія (1861). Новый періодъ въ физиологіи мозга начинается съ изслѣдованій *Фрича* и *Гицца* (1870). По мнѣнію этихъ изслѣдователей можно доказать, что раздраженіе опредѣленныхъ точекъ на поверхности большого мозга вызываетъ опредѣленные движенія опредѣленныхъ частей тѣла. Позже, именно *Германъ Мункъ* пытался доказать въ большомъ мозгу существованіе опредѣленныхъ органовъ для пониманія и узнаванія элемен-

*) *Мейнертъ* и *Бэнъ* независимо другъ отъ друга насчитали въ корковомъ слоѣ большого мозга человѣка до милліарда нервныхъ клѣтокъ (*Meynert: Zur Mechanik des Gehirnbaues*, Вѣна 1874, стр. 4, рус. пер. М. 1880).— „Часть сѣраго вещества на поверхности мозговой извилины величиною только съ маленькую булавочную головку содержитъ частицы нѣсколькихъ тысячъ нервныхъ волоконъ“, *Билъ* по цитатѣ *Маудсли*, Физиологія души, по франц. переводу стр. 110.

тарныхъ чувственныхъ впечатлѣній (зрительная сфера, слуховая сфера и т. д.). Слѣдовательно, было бы основаніе опять признать локализацию, раздѣленіе труда въ большомъ мозгу, однако съ тою значительною разницею, что локализуются только элементарныя дѣятельности души, но не мышленіе, или «умъ» *) въ собственномъ смыслѣ. Но, несмотря на это ограниченіе, и новая теорія локализации подвергается спору. Во-первыхъ, доказано, что мѣстные центры движенія не дѣйствуютъ въ первые 8—10 дней жизни новорожденной собаки (пока животное не дѣлается зрячимъ). Слѣдовательно, можно бы не безъ основанія принять, что они образуются только подъ вліяніемъ опыта и упражненія **). А, во-вторыхъ, противъ новой теоріи локализации выступилъ съ возраженіемъ Гольцъ. Онъ занимаетъ среднее мѣсто между ученіемъ Флуранса и новою теоріею. Не отрицая возможности локализации различныхъ функций большого мозга, онъ оспариваетъ ученіе Флуранса, будто каждая часть мозга способна заступать мѣсто всякой другой. Удаленіе значительныхъ частей обоихъ полушарій мозга оставляетъ за собой продолжительную слабость, но ослабленіе опредѣленныхъ функций чувствъ и движенія, слѣдующее за удаленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ поверхности большого мозга, Гольцъ объясняетъ отчасти какъ результатъ задержки отъ операциіи. Если же поврежденіе не очень обширно, то животное опять поправляется, что теорія локализации объясняетъ уже не естественнымъ образомъ, допуская образованіе новыхъ специальныхъ центровъ въ такихъ частяхъ мозга, въ которыхъ ихъ до того времени совершенно не было ***).

Итакъ, споря о томъ, въ какой степени существуетъ локализация отдѣльныхъ функций чувствъ въ большомъ мозгу, всѣ противныя партіи согласны, что высшія проявленія душевной жизни не связаны съ опредѣленными участками большого мозга. Важнѣйшія функции большого мозга, дѣйствія, по которымъ мы дѣлаемъ заключеніе объ умѣ, чувствѣ, страсти и природномъ

*) „Умъ находится въ корковомъ слоѣ большого мозга повсюду и нигдѣ въ особенности, потому что онъ есть совокупность и результатъ всѣхъ представленій, происходящихъ изъ чувственныхъ воспріятій“ (Н. Мунк: Ueber die Funktionen der Grosshirnrinde, Берлинъ 1881, стр. 73).

***) Опыты Зольтмана, см. Vierordt: Die Physiologie des Kindesalters, стр. 134 и слѣд.

***) Гольцъ въ Pflügers Archiv für Physiologie, т. 20 и 26.

влеченіи, не могутъ быть въ зависимости отъ опредѣленныхъ участковъ большого мозга *). Въ этомъ какъ Гольцъ, такъ и Мункъ согласны съ Флурансомъ.

е. Нѣсколько примѣровъ укажутъ намъ на фізіологическое отношеніе большого мозга къ остальнымъ нервнымъ органамъ.—Изученіе болѣзней рѣчи, повидимому, привело къ выводу, что въ участкахъ мозга, лежащихъ подъ поверхностью большого мозга, находятся только аппараты для механическаго произведенія и соединенія звуковыхъ движеній, тогда какъ настоящее образованіе слоговъ и словъ происходитъ въ поверхности большого мозга. Механическія условія, регулируюшія первоначальные звуки маленькаго ребенка, быть можетъ, даже находятся только въ продолговатомъ мозгу, тогда какъ совсѣмъ выработанные звуки родного языка, которые соединяются въ слоги и слова и обусловливаются развитіемъ разума, предполагаютъ вмѣшательство высшихъ центровъ **).—Движенія, исходящія изъ средняго головного, продолговатаго и спинного мозга, имѣютъ характеръ произвольныхъ движеній. Напротивъ, произвольныя дѣйствія, предполагающія болѣе или менѣе ясныя представленія движеній, происходятъ только при содѣйствіи большого мозга ***).—Воспріятіе и пониманіе раздраженія въ дѣйствительномъ смыслѣ слова происходитъ только тогда, когда не поврежденъ большой мозгъ, тогда какъ элементарныя чувственныя раздраженія, какъ было указано выше, имѣютъ вліяніе даже на животныхъ, которыя лишены большого мозга. Собака, при значительномъ поврежденіи обѣихъ затылочныхъ долей большого мозга, не понимаетъ того, что она видитъ и слышитъ. Она и ухомъ не ведетъ, если ей грозитъ плетью, не обращаетъ вниманія на свою пищу, если она не стоитъ на обычномъ мѣстѣ, не пугается шума, не слушается, если ее кличутъ, не беспокоится отъ табачнаго дыма и безъ признаковъ отвращенія пожираетъ трупъ собаки. Напротивъ, та же собака, встрѣчая препятствія на своемъ пути, обходитъ ихъ и боится яркаго освѣщенія. Гольцъ и Мункъ описываютъ состояніе такого животнаго почти одинаково, но объясненія ихъ различны. По Мунку эта, какъ онъ выражается, «душевная слѣпота» связана съ поврежденіемъ опредѣленнаго участка мозговой по-

*) Гольцъ, тамъ же, т. 26, стр. 35.

**) Ad. Kussmaul: Die Störungen der Sprache, Leipzig 1877.

***) Мункъ, стр. 51 и слѣд. Срав. Гольцъ въ Pflügers Archiv, т. 26, стр. 6.

верхности; по Гольцу всякое обширное поврежденіе большого мозга влечетъ за собою такое состояніе. Психологически Мункъ объясняетъ это состояніе потерю представлений воспоминанія, при помощи которыхъ могутъ узнаваться и пониматься новыя раздраженія, тогда какъ Гольцъ объясняетъ его общею интеллектуальною притупленностью, особенно же, можетъ быть, недостаткомъ внимательности. Изъ обоихъ объясненій ясно обнаруживается значеніе большого мозга по отношенію къ подчиненнымъ центрамъ *).

Большой мозгъ относится не только положительно, но и отрицательно къ подчиненнымъ нервнымъ органамъ, такъ какъ онъ можетъ и препятствовать ихъ дѣятельности. Растительныя функціи совершаются энергичнѣе во время сна, потому что большой мозгъ вмѣшивается тогда не такъ сильно, какъ въ состояніи бодрствованія. Даже у низшихъ животныхъ, гдѣ большой мозгъ не играетъ уже такой важной роли, какъ у высшихъ, все-таки и у нихъ замѣтно его задерживающее вліяніе. Когда обезглавленная лягушка оправилась послѣ операціи, ея подвижность становится даже больше прежней. Подчиненные центры легче поддаются раздраженіямъ, нежели высшіе. Само по себѣ это - простое слѣдствіе того, что раздраженія въ высшихъ центрахъ должны пройти длинный процессъ и, такъ сказать, поладить со многими другими участниками въ дѣйствіи, такъ что отдѣльное раздраженіе не такъ легко и полно достигаетъ своей цѣли, чѣмъ въ менѣе сложныхъ органахъ.

Усиленная энергія, съ какою совершаются низшіе нервные процессы, по удаленіи высшихъ центровъ, объясняется нѣкоторыми тѣмъ, что количество нервной дѣятельности, вызванное въ низшемъ центрѣ путемъ идущаго внутрь нерва, теперь распространяется въ гораздо меньшей области и потому вызываетъ болѣе скорыя и сильныя дѣйствія. Но не всѣ явленія можно объяснить такимъ образомъ. Сильная мозговая дѣятельность, какъ, наприм., при внезапныхъ и живыхъ чувственныхъ раздраженіяхъ, при душевныхъ волненіяхъ, умственной работѣ, повидимому, оказываетъ вліяніе именно на подчиненные центры, такъ что непосредственныя раздраженія на эти центры не имѣютъ того дѣйствія, которое они имѣли бы при другихъ условіяхъ **).

*) Гольцъ въ Pflügers Archiv, XXVI, стр. 42 и слѣд.—Мункъ, стр. 29.

**) Eschhard: Physiol. des Rückenmarks (Hermann II, 2), стр. 37.

Благодаря этой задерживающей дѣятельности, то, что совершается въ высшихъ центрахъ, приобретаетъ значеніе для низшихъ. Извѣстно,—чтобы не ходить далеко за примѣрами,—какъ внезапное чувственное раздраженіе можетъ воспрепятствовать чиханію. Сильныя душевныя волненія или боль задерживаютъ (подъ вліяніемъ головного мозга черезъ продолговатый мозгъ и *nervus vagus*) движенія сердца и этимъ вызываютъ обморокъ. Сильный страхъ можетъ остановить отдѣленіе слюны,—фактъ, служившій основаніемъ «Божьяго суда», по которому обвиняемый признавался виновнымъ, если могъ держать ризъ во рту, не смачивая его. Внезапное и сильное раздраженіе можетъ задержать роды, воздѣйствіе на *nervus splanchnicus* можетъ остановить перистальтическія движенія кишечника. Не только отдѣльныя чувственныя раздраженія проявляютъ такимъ образомъ задерживающія дѣйствія, но и болѣе сложныя мозговыя функціи оказываютъ то же вліяніе, и въ одномъ изъ позднѣйшихъ отдѣловъ мы увидимъ, что съ этимъ фактомъ стоитъ въ связи весьма важная часть области воли. Здѣсь можно замѣтить еще, что явленія, въ которыхъ выражается задержка, обнаруживаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ бодрѣ организмъ, тогда какъ при усталости они слабѣе. Тутъ рѣшающее вліяніе имѣетъ состояніе центрального органа; если онъ утомленъ, получаетъ плохое питаніе, испытываетъ дѣйствіе холода или стрихнина и нѣкоторыхъ другихъ ядовъ, то рефлекторное движеніе выигрываетъ въ скорости, силѣ и объемѣ. У «слабонервныхъ субъектовъ», болѣзненное состояніе которыхъ связано съ нарушеніемъ питанія въ мускулахъ и нервахъ, встрѣчается сильная склонность къ рефлекторнымъ движеніямъ и къ судорогамъ *). — Если говорить о рефлекторныхъ движеніяхъ въ самомъ мозгу (въ смыслѣ прямыхъ актовъ его движенія), то, конечно, на мозгъ можно смотрѣть, какъ на цѣлый маленькій міръ, имѣющій въ міриадахъ его клѣтокъ и волоконъ достаточно средствъ для внутренняго усиленія или задержки, для внутренней борьбы за господство между всѣми импульсами, которые могутъ въ немъ возникнуть.

5. Съ чисто *физической* точки зрѣнія, которую физиологія также признаетъ своею, все, что ни совершается въ нервной системѣ и ея высшихъ центрахъ, есть превращеніе силы, такъ какъ

*) *Wundt: Physiol. Psychologie*. I, стр. 260—263. — *Ranum: Nervärvets Fysiologi* (физиологія нервной ткани), стр. 196 и слѣд.

раздраженіе организма изъ внѣшняго міра или же изъ него самого освобождаетъ сбереженную силу нервной ткани. *Физиологически* это выражается слѣдующимъ образомъ: всякое раздраженіе вызываетъ реакцію, обнаруживающуюся или въ мускульномъ движеніи, или въ выдѣленіи железы, или же въ процессѣ, возбуждающемъ центры нервной системы. Но оказывается, что къ нѣкоторымъ явленіямъ, подходящимъ подъ эти двѣ точки зрѣнія, необходимо еще примѣнить третью, именно *психологическую* точку зрѣнія, такъ какъ физико-физиологическіе процессы связаны съ извѣстными состояніями сознанія. Въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, какъ относятся между собою эти разныя точки зрѣнія. Подчинена-ли одна точка зрѣнія другимъ, такъ что, подобно тому какъ физиологическая точка зрѣнія заключается въ физической, если эту послѣднюю принимать въ широкомъ смыслѣ, точно такъ же и психологическая точка зрѣнія должна заключаться въ физиологической, какъ ея частная форма? Не есть-ли то, что намъ является съ одной точки зрѣнія, причина или слѣдствіе того, что является съ другихъ?

Для выясненія этого вопроса намъ здѣсь еще кое-чего не достааетъ, ибо, сдѣлавъ очеркъ того, что важно для рѣшенія нашей задачи по ученію физиологіи, мы вовсе еще не дали обстоятельной характеристики явленій сознанія. Значить, психологическая точка зрѣнія указана еще не вполне ясно. Задача всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій и состоитъ собственно въ томъ, чтобы сдѣлать характеристику душевной жизни, и уже по тому одному было бы невозможно дать эту характеристику теперь же. Однако, если я предпочелъ рассмотретьъ общую проблему объ отношеніи души къ тѣлу, прежде чѣмъ приниматься за частныя психологическія изслѣдованія, предполагающія тѣмъ или другимъ путемъ извѣстный взглядъ на этотъ вопросъ, то мнѣ не остается ничего другого, какъ сдѣлать здѣсь же предварительную характеристику психологическихъ явленій съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующихъ отдѣлахъ были даны болѣе полныя доказательства справедливости этой характеристики.

Съ сознаніемъ вообще дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ и съ частными формами или элементами его въ особенности (наприм. съ цвѣтами и тонами): описаніе или опредѣленіе ихъ невозможно, такъ какъ это основные факты, которыхъ нельзя свести къ чему-либо болѣе простому или болѣе ясному. Это од-

нако не исключаетъ указанія важнѣйшихъ признаковъ. Такъ можно направить вниманіе на *предѣльные случаи*, когда сознаніе готово перейти въ область безсознательнаго; можно также наблюдать за *переходами* слабого и темнаго сознанія въ болѣе сильное и ясное и изучать, чѣмъ обусловливаются высшія состоянія сознанія.

Вполнѣ однообразное и неизмѣнное состояніе ведетъ къ исчезновенію сознанія. Однообразныя впечатлѣнія (журчаніе источника и т. п.) дѣйствуютъ усыпляющимъ образомъ. Чѣмъ меньше перемѣны и разнообразія, тѣмъ больше мѣста сознаніе уступаетъ безсознательнымъ состояніямъ. Граница между обѣими областями образуется путемъ сосредоточенія на одномъ пунктѣ. Уже *Гоббесъ*, основатель англійской психологіи, училъ, что постоянно ощущать одно и то же—все равно, что совсѣмъ не ощущать *).

Однообразными дѣйствіями можно привести субъекта въ *ипнотическое* или сомнамбулическое состояніе, наприм. равномерно поводя по немъ руками вверхъ и внизъ, или заставивъ его сосредоточить вниманіе на одной какой-либо точкѣ. *Джемсъ Брэдъ*, открывшій гипнотизмъ, считаетъ условіемъ его наступленія «моноидеизмъ» **), погруженіе только въ одно какое-либо представленіе.

Сосредоточеніе вниманія на одной мысли дѣйствуетъ такимъ же образомъ, какъ и погруженіе въ какое-либо одно чувственное раздраженіе. *Мистики* стараются погрузиться въ божество, являющееся для него абсолютнымъ единствомъ, и слиться съ нимъ; поэтому онъ стремится удалиться отъ всѣхъ измѣнчивыхъ представлений, и чѣмъ больше ему это удастся, тѣмъ болѣе онъ приближается къ экстазу, къ состоянію, которое, какъ описываютъ, выше всякаго сознанія. Впрочемъ, для достиженія этой цѣли мистики часто прибѣгали къ гипнотизму.

Благодаря перемѣнамъ, сознаніе пробуждается какъ бы отъ сна или разсѣянности. Пробужденное сознаніе изошряется и повышается контрастами и перемѣнами. Мы чувствуемъ холодъ сильнѣе, когда приходимъ изъ теплой комнаты, свѣтъ является намъ съ особеннымъ блескомъ, когда мы переходимъ изъ глубокаго

*) De corpore XXV, 5. — Срав. *Лейбницъ*: *Монадологія*, § 24 (Гр. псих. общ., вып. 5).

**) Ср. *Preyer*: *Die Entdeckung des Hypnotismus*, Berlin 1881, стр. 41 и слѣд., 81. — *Richet*: *Le somnambulisme provoqué* (въ сочиненіи «L'homme et l'intelligence», Paris 1884).

мрака; тишину и покой мы сознаемъ вполнѣ только тогда, когда оставляемъ шумный городъ или тяжелую работу.

Но перемены и противоположности самихъ по себѣ еще не достаточно. Онѣ вызываютъ внезапный толчокъ, застаютъ врасплохъ; но если бы ихъ дѣйствіе не сохранялось, то оно было бы все равно, что лучъ свѣта, который опять сейчасъ же исчезаетъ. Можно бы себѣ представить живое существо съ такою организаціею, что въ немъ отъ времени до времени возникали бы совершенно изолированныя ощущенія. Но такіе разъединенныя лучи не соотвѣтствовали бы тому, что мы считаемъ въ нашемъ сознаниіи ощущеніями; отдѣльные элементы сознанія въ насъ не изолированы, но находятся въ болѣе или менѣе прочной связи отъ начала до конца. Такая связь необходима для того, чтобы могли получить значеніе и отдѣльныя впечатлѣнія, каждое само по себѣ. Въ такомъ случаѣ прежнія состоянія должны быть или сохранены, или воспроизведены для того, чтобы могло произойти соединеніе или взаимодѣйствіе между различными элементами сознанія. Это подтверждается тѣмъ, что отсутствіе связи и недостатокъ внутренняго взаимодѣйствія между элементами сознанія является признакомъ распада сознательной жизни. Во время усиливающейся душевной болѣзни появляются *idées fixes*, которыя дѣлаютъ невозможнымъ естественное теченіе представленій и борьбу между ними. Позже даже и эти *idées fixes* не могутъ держаться и выступать во всей ихъ послѣдовательности. Нѣтъ мѣста никакимъ сравненіямъ и комбинаціямъ. Наконецъ наступаетъ полное отсутствіе образовъ и мыслей. Внѣшнія впечатлѣнія уже не перерабатываются, память почти угасаетъ и способность рѣчи большею частью теряется *).

Но приведенныхъ двухъ условій все-таки еще не достаточно для характеристики жизни сознанія. Они могли бы очень хорошо подходить и къ органической жизни вообще. Способность сохранять и воспроизводить прежнія состоянія встрѣчается и въ бессознательной природѣ. Но у нея нѣтъ способности *узнавать* воспроизведенное состояніе. У бессознательныхъ существъ одно мгновеніе лежитъ внѣ другого даже тогда, когда содержаніе перваго мгновенія есть также и содержаніе второго. Узнаваніе же, напротивъ, уничтожаетъ различіе времени и пространства,

*) Ср. *Griesinger: Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten, Stuttgart 1861, стр. 323—351.*

потому что имъ непосредственно связывается пережитое въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Въ узнаваніи и воспоминаніи обнаруживается *внутреннее единство*, чему матеріальный міръ не можетъ представить ничего подобнаго.

Итакъ, сознательную жизнь характеризуютъ слѣдующія три главныя свойства: 1) *переменная и противоположность*, какъ условія возникновенія отдѣльныхъ элементовъ сознанія; 2) *сохраненіе и воспроизведеніе* прежнихъ элементовъ, а также соединеніе ихъ между собою и съ новыми элементами; 3) *внутреннее единство* узнаванія.

Когда мы вспоминаемъ наши прежнія состоянія сознанія, то они являются намъ въ видѣ ряда ощущеній, представленій и чувствованій, въ видѣ потока, волны котораго смѣняются другъ друга. Для воспоминанія часто можетъ казаться, что этотъ рядъ слагается изъ самостоятельныхъ отдѣльныхъ членовъ, связанныхъ между собою только внѣшнимъ образомъ. Поэтому нѣкоторые психологи (особенно Юмъ) изображали сознаніе, какъ простое слѣдованіе представленій безъ внутренней связи, или, точнѣе, какъ «рядъ нашихъ возможныхъ и дѣйствительныхъ ощущеній» (*Стюартъ Милль*). Однако правильности такого описанія рѣшительно противорѣчитъ невозможность допустить, чтобы отдѣльные элементы того, что намъ извѣстно, какъ сознаніе, могли встрѣчаться въ *абсолютномъ* разъединеніи между собою. Каждый отдѣльный элементъ принадлежитъ сознанію только благодаря соединенію его съ другими элементами. Слѣдовательно, важны соединеніе и взаимная связь, а не члены въ ихъ отдѣльности. Особенность явленій сознанія, въ противоположность тѣлеснымъ явленіямъ, составляющимъ предметъ науки о внѣшней природѣ, состоитъ именно во внутренней связи между отдѣльными элементами, отчего они являются принадлежащими одному и тому же субъекту, — связи, имѣющей свое типическое выраженіе въ *воспоминаніи*, которое поэтому можно назвать основнымъ явленіемъ въ области духа. То, что укрылось отъ воспоминанія, еще можетъ своими послѣдствіями оказать косвенно большое вліяніе на жизнь нашего сознанія, но все-таки это уже не часть ея. Въ физическомъ мірѣ можно говорить о воспоминаніи только метафорически. Повсюду, гдѣ происходитъ развитіе, послѣдующее опредѣляется предыдущимъ, и въ силу закона сохраненія энергіи ничто, какъ бы оно ни было незначительно, не остается безъ

влянія на то, что совершается позже. Но только при предположеніи сознанія исчезнувшее переживается вновь и становится даже членомъ позднѣйшей духовной связи, такъ что уничтожаются различія во времени.—Различныя степени и формы, въ которыхъ обнаруживается это основное психологическое явленіе, будутъ разобраны въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

Здѣсь надо еще добавить, что эта тѣсная связь и единство могутъ обнаруживаться въ разной степени, но въ нашемъ психологическомъ опытѣ мы никогда не находимъ ихъ въ высшей степени, какая только доступна нашей мысли. Наше сознаніе при всей ясности и связности всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторый темный хаосъ; первичные элементы нашего сознанія должны возникать въ немъ какъ нѣчто такое, что служитъ матеріаломъ для его дѣятельности. Слѣдовательно, въ самой сущности сознанія есть *пассивная* и *активная* стороны: первая соотвѣтствуетъ *разнообразію* элементовъ, вторая—*единству и связи* во всемъ содержаніи сознанія. Энергія сознанія обнаруживается въ способѣ соединенія отдѣльныхъ элементовъ и ихъ взаимодѣйствія. Поэтому *Кантъ* вполне справедливо охарактеризовалъ сознаніе, какъ *синтезъ*. Синтезъ предполагаетъ данное разнообразіе, на какой бы ступени развитія сознательной жизни мы его ни изслѣдовали. Онъ соединяетъ отдѣльныя ощущенія въ воспріятія, образуетъ понятія изъ представленій и т. д. Такая работа начинается сейчасъ же у порога сознанія; это ясно уже изъ того факта, что сознаніе тѣмъ ближе къ безсознательности, чѣмъ ближе оно къ состоянію, когда въ немъ остается только одинъ отдѣльный элементъ. Поэтому сознаніе застаетъ свое дѣло въ полномъ ходу, какъ только оно пробуждается къ ясности. Синтезъ—это, говоря словами Канта, «слѣпая, хотя неизбѣжная функція души, безъ которой мы вовсе не имѣли бы познанія, но которую мы рѣдко сознаемъ, хотя бы только одинъ разъ за всю жизнь» *).

Это основное свойство жизни сознанія и дѣлаетъ очень труднымъ объясненіе ея начала. Вѣдь, если даже допустить существованіе элементарныхъ ощущеній на низшихъ ступеняхъ развитія, то все же рѣшающее значеніе имѣетъ связь, единство этихъ ощущеній. *Перваго* ощущенія нельзя связать ни съ какимъ другимъ элементомъ духа; какъ же можетъ въ такомъ случаѣ

*) *Кант*: Kritik der reinen Vernunft, 1-е изд., стр. 78; по переводу *Владиславлева* стр. 73.

существовать синтезъ и сознание?—Подобные вопросы возникаютъ вездѣ, гдѣ мы доходимъ до начала. Вопросъ о происхожденіи органической жизни представляетъ такую же трудность. Основное положеніе физиологіи то, что каждая клѣточка происходитъ изъ другой клѣточки (*omnis cellula e cellula*); но тогда *первая* органическая клѣточка должна произойти при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ послѣдующія!

Исторія психологіи показываетъ, что различныя направленія придавали неодинаковое значеніе двумъ сторонамъ, изъ которыхъ состоитъ сущность сознания. *Нѣмецкая школа* (Лейбницъ, Кантъ, Гегель) придаетъ преобладающее значеніе синтезу, активности, единству. *Англійская школа* (и Гербартъ въ Германіи) особенно выдвинула пассивную или механическую сторону, разнообразіе и взаимодействіе элементовъ сознания. Каждое направленіе сильно обработкой различныхъ вопросовъ. Англійская школа обращаетъ больше вниманія на элементарную, реальную сторону жизни сознания, на то, какъ возводится духовное знаніе изъ сложенія основныхъ элементовъ; нѣмецкая же школа, наоборотъ, обращаетъ больше вниманія на связь и единство, которыя являются признаками сознания отъ его начала и до конца. *Новѣйшая* англійская школа, повидимому, согласна съ нѣмецкою въ томъ, что отдѣльное ощущеніе или представленіе существуетъ только являясь членомъ связной цѣпи сознания; поэтому сознание никогда нельзя понимать просто какъ сумму, или продуктъ *).

Нѣмецкая психологія часто обнаруживала стремленіе сблизиться съ метафизикой; съ другой стороны англійская психологія сблизжалась съ механическимъ естествовѣдѣніемъ и брала изъ него аналогіи для пониманія душевныхъ явленій.

Въ только-что данной характеристикѣ сознания мы держались преимущественно формальной стороны; и лишь при болѣе спеціальному психологическомъ изслѣдованіи намъ можно будетъ ближе затронуть реальную сторону. Въ настоящемъ случаѣ мы должны довольствоваться указаніемъ, что единство душевной жизни обнаруживается не только въ явленіяхъ воспоминанія и синтеза, но также и въ господствѣ основного чувствованія, отличительнымъ признакомъ котораго является противоположность между удовольствіемъ и недовольствомъ, и, наконецъ, въ томъ

* См. объ этомъ мою книгу: „Den engelske Filosofi i vor Tid“ (Англійская философія нашего времени), Копенгагенъ 1874.

влеченіи къ движенію и дѣятельности, которое порождается этимъ чувствованіемъ.

Синтезъ есть *основная форма* всякаго сознанія. Но дѣятельность, выражающаяся въ синтезѣ, направляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ опредѣленной цѣли. Эта цѣль можетъ сознаться въ большей или меньшей степени, но дѣятельность, направленная къ ней, связана съ чувствомъ удовольствія, а въ случаѣ препятствія—съ чувствомъ недовольства. *Способность чувствовать удовольствіе и недовольство*, такъ же какъ и всеобъединяющая дѣятельность, предполагаетъ единство, внутренній центръ, въ отношеніе къ которому ставится все измѣнчивое разнообразіе элементовъ сознанія. Въ другомъ мѣстѣ (V B, 5) мы изслѣдуемъ ближе отношеніе формальной и реальной стороны сознанія.

6. Если мы теперь попытаемся сравнить дѣятельность сознанія, какъ мы ее пока описали, съ функціями нервной системы, то передъ нами явится множество параллельныхъ чертъ. Можно даже сказать, что такъ часто обнаруживающаяся въ наивномъ міросозерцаніи потребность имѣть наглядный образъ души удовлетворяется самой природой при помощи формъ и способа управленій нервной системы. Значитъ, въ этомъ случаѣ ближайшею нашею задачею будетъ истолковать этотъ образъ и отыскать отношеніе между символомъ и самимъ предметомъ.

а. Какъ мы раньше видѣли, нервная система имѣетъ важное значеніе, какъ центральный органъ, соединяющій различныя части организма, приводящій во внутреннюю гармонію всѣ его дѣятельности и содѣйствующій образованію замкнутаго цѣлаго по отношенію къ внѣшнему міру. Эту же задачу по-своему разрѣшаетъ и сознаніе. Въ немъ соединяется разсѣянное во времени и пространствѣ; въ немъ колебаніе жизненныхъ условій обнаруживается, какъ ритмъ удовольствія и недовольства, и въ воспоминаніи и дѣятельности мышленія проявляется глубочайшая сосредоточенность, какая только можетъ быть во всемъ нашемъ опытѣ.

б. Чтобы что-нибудь стало доступнымъ сознанію, необходимы перемѣна, переходъ, противоположность. Содержаніе сознанія и энергія его должны быть выведены изъ равновѣсія, должно пробудиться вниманіе. Точно такъ же возбужденіе, раздраженіе является условіемъ для функцій нервной системы. Раздраженіе дѣйствуетъ, освобождая связанную силу, нарушая равновѣсіе въ нервныхъ волокнахъ и центрахъ.

с. Но раздраженіе дѣйствуетъ не на отдѣльные только центры: вслѣдствіе многообразно развѣтвленнаго соединенія между различными нервными центрами, оно вызываетъ цѣлый рядъ процессовъ, которые усиливаютъ или ослабляютъ другъ друга, такъ что совокупное дѣйствіе является результатомъ этой борьбы. Въ психической жизни этому соотвѣтствуетъ образование схожихъ представлений путемъ простыхъ ощущений. Простое ощущение производитъ поэтому не простое, но весьма сложное дѣйствіе. Психологическое отношеніе между ощущеніемъ и воспоминаніемъ имѣетъ свою физиологическую параллель въ отношеніи между появленіемъ раздраженія въ нервныхъ центральныхъ органахъ и ихъ внутреннимъ взаимодействіемъ. Не только съ чисто физической, но и съ физиологической точки зрѣнія дѣйствіе искры на порохъ является самой подходящей иллюстраціей того, что здѣсь происходитъ.

d. Образование и возникновеніе ощущений и представлений требуютъ извѣстнаго времени. Ни одно изъ нашихъ движеній не совершается такъ быстро, какъ безсознательныя движенія. Чѣмъ больше обдуманности, тѣмъ медленнѣе дѣятельность. Чѣмъ запутаннѣе предпринимаемыя дѣйствія, тѣмъ больше имъ нужно времени. И на нервный процессъ также идетъ извѣстное время, измѣреніе котораго уже начато физиологією. Здѣсь интересуетъ насъ только то обстоятельство, что движеніе въ нервныхъ волокнахъ происходитъ быстрѣе, чѣмъ движеніе въ нервныхъ центрахъ (сѣромъ веществѣ), особенно же то, что функции центральныхъ частей нервной системы (психофизическія функции), съ которыми, повидимому, связана дѣятельность сознанія, требуютъ больше времени, чѣмъ исключительно физиологическія. Съ этимъ согласуется и тотъ фактъ, что дѣйствія вначалѣ сознательныя послѣ частаго повторенія и упражненія выполняются безсознательно и скорѣе. Когда ребенокъ учится читать, онъ тщательно разсматриваетъ каждую букву, пока не узнаетъ ее, и точное произношеніе ея требуетъ отъ него особеннаго вниманія и труда. Потомъ онъ постепенно выучивается читать вслухъ, нисколько не думая о формѣ буквы и о характерѣ звука. То же бываетъ съ одѣваньемъ и раздѣваньемъ, съ ходьбой, танцами, плаваньемъ и со многими другими ежедневными занятіями. Чѣмъ меньше времени протекаетъ между раздраженіемъ и вызваннымъ имъ движеніемъ (время реакціи, физиологическое время), тѣмъ безсознательнѣе совершается дѣйствіе.

е. Физиологической іерархіи высшихъ и низшихъ нервныхъ центровъ и относительной самостоятельности послѣднихъ соотвѣтствуетъ то, что въ нашемъ организмѣ могутъ совершаться дѣятельности, которыя не связаны съ сознаниемъ при нормальныхъ условіяхъ, но которыя становятся сознательными при нарушении этихъ условій. Напр., функции питанія обыкновенно происходятъ незамѣтно для насъ. Только если что-либо особенно благоприятствуетъ или задерживаетъ ихъ, то въ насъ возникаютъ ощущенія, соединенныя съ удовольствіемъ или неудовольствіемъ. При недостаточномъ питаніи прекращается также притокъ крови къ желудку, которому въ такомъ случаѣ нечего перерабатывать, а такъ какъ благодаря этому является недостатокъ въ питаніи нервовъ, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, возникаетъ чувство голода. Чувство голода какъ разъ представляетъ хорошій примѣръ перехода отъ отсутствія сознанія къ сознанію, такъ какъ оно проходитъ цѣлую скалу различныхъ степеней, начиная съ неопредѣленнаго чувства какаго-то недостатка до самой ужасной муки.

Съ другой стороны, психологическая параллель къ отношенію между высшими и низшими нервными центрами выступаетъ въ явленіяхъ движенія. Мы только-что видѣли, какъ при постоянномъ повтореніи дѣятельности высшихъ центровъ могутъ образоваться новыя рефлекторныя движенія. Но высшіе центры, какъ уже было указано прежде, также и задерживаютъ произвольныя движенія, которыя исходятъ отъ низшихъ центровъ. Какъ навыкъ въ новыхъ рефлекторныхъ движеніяхъ соотвѣтствуетъ положительной работѣ воли, такъ задержка первоначальныхъ и произвольныхъ движеній соотвѣтствуетъ отрицательной работѣ воли. Наше воспитаніе, какъ и самовоспитаніе, состоитъ въ томъ, что мы то приучаемся къ чему-нибудь, то отвыкаемъ. Подробнѣе это будетъ разсмотрѣно въ отдѣлѣ о психологіи воли; здѣсь мы хотѣли только указать, что борьба между «духомъ и плотью» имѣетъ свое физиологическое соотвѣтствіе.

г. Наконецъ, существуетъ параллель между различными сторонами жизни сознанія и различными органами нервной системы. Въ познаніи и чувствѣ сознаніе обращается къ *не-я* какъ бы своей открытой стороной; здѣсь, въ этой открытой области, оно является преимущественно воспринимающимъ и усвояющимъ. Въ волѣ же (на ея различныхъ ступеняхъ, каковы: инстинктъ, влеченіе, намѣреніе и рѣшеніе) мы имѣемъ какъ бы отвѣтъ со-

знательной жизни, душевную реакцію. Точно такая же двухсторонность видна въ нервной системѣ, именно въ противоположности между чувствительными и двигательными органами. Мы возобновили бы всѣ недоразумѣнія френологіи, если бы считали познаніе, чувство и волю локализованными въ опредѣленныхъ мѣстахъ мозга. Съ психологической точки зрѣнія всѣ они не являются отдѣльными и простыми процессами, теченіе которыхъ можно было бы представлять локализованнымъ въ какомъ-либо опредѣленномъ органѣ; они, какъ будетъ показано позже, въ такой степени проникаютъ другъ друга, что мы только абстрактно можемъ говорить о нихъ, какъ о различныхъ процессахъ. Поэтому мы придерживаемся здѣсь лишь общей схемы нервной системы: движеніе, идущее внутрь, центральная обработка его и движеніе, идущее наружу. Та же схема примѣнима и къ жизни сознанія.

7. У этихъ параллелей должно признать реальное значеніе. Между жизнью сознанія и мозгомъ должна существовать внутренняя связь.

Всего проще можно было бы рѣшить этотъ вопросъ, если бы мы могли непосредственно наблюдать связь между сознательною жизнью и мозгомъ такъ, чтобы при извѣстномъ состояніи сознанія имѣть въ то же время и ощущеніе извѣстнаго состоянія мозга. Правда, при напряженной умственной работѣ мы какъ будто ощущаемъ нѣчто и въ мозгу, но ощущеніе это не есть ощущеніе самой функціи мозга. По *Гризингеру* *) эти явленія, повидимому, соотвѣтствуютъ процессамъ, которые стоятъ въ связи съ состояніемъ мозговыхъ оболочекъ и запасомъ въ нихъ крови.

Для убѣжденія въ томъ, что сознаніе связано съ мозгомъ, потребовалось много времени. Въ древности душу помѣщали въ кровь, грудобрюшную преграду и сердце. Изъ древнихъ грековъ только *Алкмеонъ* и *Платонъ* учили, что мы мыслимъ головою. Только великій александрійскій анатомъ *Герофилъ* (приблизительно за 300 лѣтъ до Р. Х.) перенесъ душу въ мозгъ, опираясь на извѣстный по наблюденію фактъ, что всѣ нервы, а особенно нервы органовъ чувствъ, собираются въ мозгу, какъ послѣднемъ средоточіи **). Но этого анатомическаго доказательства не

*) Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten, 2-е изд., стр. 26.

**) *Exner*: Physiologie der Grosshirnrinde (Hermanns Handbuch II, 2), стр. 193.

было еще достаточно для убѣжденія въ реальной связи сознанія и мозга. Напротивъ, рѣшающее значеніе здѣсь имѣлъ цѣлый рядъ сравнительныхъ наблюденій и опытовъ.

У самыхъ низшихъ животныхъ нервной системы еще не найдено. У мягкотѣлыхъ и суставчатыхъ является лишь незначительная централизація нервной системы, и центральная нервная система состоитъ самое большое изъ кольца нервныхъ гангліевъ. Низшее позвоночное, ланцетникъ, имѣетъ только спинной мозгъ, но не имѣетъ головного; вообще въ низшихъ классахъ позвоночныхъ головной мозгъ развитъ въ гораздо мѣншей степени, чѣмъ спинной.

Чѣмъ сильнѣе развитъ большой мозгъ сравнительно съ другими частями его, тѣмъ выше по своему развитію и жизнь сознанія. Высшіе центры занимаютъ въ человѣческомъ мозгу гораздо больше мѣста, чѣмъ у животныхъ, у которыхъ, повидимому, преобладаютъ непосредственные центры чувственныхъ ощущеній и мускульныхъ движеній. Большое или меньшее обиліе извилинъ въ мозгу также находится въ связи съ большею или меньшею степенью развитія жизни сознанія. У болѣе умныхъ породъ собакъ мозгъ имѣетъ больше извилинъ, чѣмъ у породъ менѣе умныхъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ совсѣмъ отличается отъ обезьянъ, которыя вообще такъ близки къ нему по своей структурѣ; мозговые полушарія у выдающихся людей очень велики и богаты извилинами.

Все это подтверждается также свойствами мозга зародыша и новорожденнаго ребенка. На первыхъ ступеняхъ развитія зародыша большой мозгъ у человѣка, какъ и у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, лежитъ впереди остальныхъ частей мозга, не закрывая ихъ. Во время роста онъ закрываетъ у человѣка (и частью у обезьянъ) сперва средней мозгъ и, наконецъ, малый. Большой мозгъ новорожденныхъ дѣтей какъ по своему строенію, такъ и по своей способности къ отправленію, мало развитъ, тогда какъ подчиненные мозговые аппараты можно пускать въ ходъ немедленно.

Наконецъ, опытами дознано, что ощущенія образуются только тогда, когда раздраженія отъ поверхности организма доходятъ до мозга, и что произвольное движеніе возможно только въ томъ случаѣ, когда не повреждены двигательные центры мозга. Удаленіе большого мозга ослабляетъ жизнь сознанія у животныхъ,

переживающихъ эту операцію, и они теряютъ смышленность и инициативу. Съ другой стороны, тупая и неразвитая жизнь сознанія (какъ, наприм., у идиотовъ) связана съ недостаточнымъ пита-ніемъ и развитіемъ мозга. Прогрессирующій распадъ жизни сознанія при какой-либо душевной болѣзни сопровождается прогрессирующимъ уменьшеніемъ мозга, преимущественно большого. Перевязка сосудовъ, приносящихъ артеріальную кровь къ мозгу, вызываетъ безсознательное состояніе и затѣмъ смерть *).

8. Къ чему же приводитъ насъ это формальное соотвѣтствіе и эта реальная связь между жизнью сознанія и жизнью мозга?

Только та гипотеза можетъ быть законной, которая выдержитъ повѣрку во всѣхъ вышеизложенныхъ моментахъ. По самой сущности дѣла, здѣсь можно себѣ представить четыре возможности: а) или сознаніе и мозгъ, душа и тѣло дѣйствуютъ другъ на друга, какъ два различныя существа или субстанціи; б) или душа есть только форма или продуктъ тѣла; в) или тѣло есть только форма или продуктъ одного или нѣсколькихъ духовныхъ существъ; г) или, наконецъ, душа и тѣло, сознаніе и мозгъ развиваются какъ различныя формы проявленія одного и того же существа. Теперь, опираясь на все вышеизложенное, слѣдуетъ провѣрить эти различныя возможности. Ясно, что какую бы изъ возможностей мы ни предпочли, это будетъ только не что иное, какъ предварительная гипотеза. При предстоящемъ изслѣдованіи этихъ различныхъ гипотезъ нужно твердо помнить, что мы, какъ это уже было замѣчено выше, рассматриваемъ отношеніе души къ тѣлу съ точки зрѣнія опытной психологіи, но не стремимся къ окончательной философской или метафизической теоріи. Быть можетъ, результатъ, который мы получимъ, потребуетъ новой работы для того, чтобы войти въ составъ философскаго міровоззрѣнія, но здѣсь наша задача не въ этомъ. Гипотезы, которыя мы изслѣдуемъ теперь, находятся на рубежѣ между опытной наукой и метафизикой, но мы рассматриваемъ ихъ только съ точки зрѣнія первой.

а. Обычный взглядъ тотъ, что душа дѣйствуетъ на тѣло и тѣло на душу. Возможно, что кто-либо думаетъ, будто это дѣйствіе можетъ быть предметомъ даже непосредственнаго ощущенія, хотя этому противорѣчитъ уже тотъ фактъ, что не всѣ со-

*) Exner, стр. 193—206.—Griesinger, стр. 418—444.—Tardieu: Etude médico-légale sur la folie, 2-е изд., стр. 85—89, 119.

гласны признать существованіе самостоятельной, отдѣльной отъ тѣла души, и что во всякомъ случаѣ знаніе того, съ какою частью тѣла преимущественно связана душа, приобрѣталось очень окольными путями. «Но развѣ нѣтъ безспорныхъ фактовъ, изъ которыхъ вытекало бы это предположеніе? Вѣдь, раздраженіе органа чувствъ достигаетъ мозга и переходитъ тамъ въ ощущеніе, и, наоборотъ, наша воля въ состояніи привести тѣло въ движеніе!» Но вопросъ и касается именно отношенія между тѣмъ, что происходитъ въ мозгу, и между состояніями сознанія, и если бы вышеприведенныя слова были фактами, то у насъ не было бы и основанія для вопросовъ, — мы тогда знали бы все, что намъ нужно. *Если состояніе мозга, съ которымъ связано ощущеніе или движеніе, само не становится предметомъ сознанія, то невозможно открыть, существуетъ-ли дѣйствительно отношеніе причинности и взаимодѣйствія между мозгомъ и сознаніемъ.* Слѣдовательно, нѣтъ основанія утверждать какъ фактъ, что тѣлесный процессъ— причина духовнаго, или обратно. При болѣе глубокомъ размысленіи нужно признать, что если бы даже физиологія мозга и могла дать научное объясненіе состоянію мозга, которое возникаетъ, когда въ меня бросятъ камень, то все-таки возникшее во мнѣ чувство боли не включалось бы въ предметъ этого физиологическаго объясненія. Физиологія, какъ и всякая другая естественная наука, объясняетъ тѣлесный процессъ посредствомъ другихъ тѣлесныхъ процессовъ. Ея гипотезы не могутъ обнимать такого случая, гдѣ одинъ членъ причиннаго отношенія отличается пространственностью, а другой—нѣтъ.

Предположеніе, что можетъ быть причинное отношеніе между духовными и тѣлесными явленіями, противорѣчитъ закону *сохраненія энергии*, потому что въ томъ пунктѣ, гдѣ тѣлесный нервный процессъ долженъ превращаться въ душевную дѣятельность, исчезала бы нѣкоторая сумма физической энергіи, не замѣняясь соотвѣтственной суммой той же энергіи. На это возражали, что, конечно, переходъ тѣлесной дѣятельности въ духовную не понятенъ, но, строго говоря, намъ не понятенъ и всякій другой переходъ, всякое превращеніе силы, да кромѣ того законъ сохраненія энергіи требуетъ только того, чтобы извѣстная соотвѣтственная сумма энергіи стала дѣйствительною вмѣсто исчезнувшей, — все равно, будетъ-ли этотъ эквивалентъ физической или психической природы. Но это было бы произвольнымъ и незаконнымъ расширеніемъ закона сохраненія

энергіи, потому что въ той формѣ, въ которой мы его знаемъ, это законъ чисто физическій. Подобное расширеніе предполагало бы возможность найти общій масштабъ для тѣлесныхъ и духовныхъ явленій. Къ какому же общему знаменателю можно привести мысль и тѣлесное движеніе? Какая общая форма примѣнима къ обоимъ? Пока не будетъ указано такой общей формы, всякое разглагольствованіе о взаимодействіи между духомъ и тѣломъ съ научной точки зрѣнія должно считаться неосновательнымъ. Пока мы находимся въ области тѣлесной, намъ все ясно; и пока мы находимся въ области духовной, намъ также все ясно; но какъ только отъ насъ требуется представить себѣ переходъ отъ физическихъ законовъ къ психическимъ, или обратно, то мы наталкиваемся на то, что непостижимо. Въ понятіи причинности, какъ и во всѣхъ понятіяхъ, имѣющихъ рѣшительное значеніе для нашего пониманія дѣйствительности, заключается проблема по теоріи познанія. Повсюду, гдѣ бы мы ни приближались къ пограничнымъ столбамъ нашего познанія, являются трудности; но возникаетъ трудность въ квадратъ, если приходится пользоваться понятіемъ причинности для соединенія двухъ членовъ, не имѣющихъ общей мѣры.

Обычное пониманіе, — конечно, невольно — всегда вноситъ однородность, такъ какъ оно то видитъ въ духѣ нѣчто тѣлесное, допуская влияніе на него тѣлеснаго движенія, то превращаетъ тѣлесное въ нѣчто духовное, считая тѣлесное подлежащимъ духовному влиянію (такъ у Платона разумъ «уговариваетъ» матерію).

Легко видѣть бесполезность увѣренія, что, если душа не можетъ увеличить *сумму* физической энергіи въ мірѣ, то все-таки она можетъ измѣнить *направленіе* въ приложеніи энергіи. Физическое движеніе не измѣняетъ своего направленія до тѣхъ поръ, пока на него не подѣйствуетъ физическая же сила съ извѣстною степенью напряженія, а потому и это воззрѣніе также необходимо превращаетъ энергію сознанія въ физическую энергію.

Примѣненіе понятія причинности предполагаетъ не только общій масштабъ, но также и *различіе во времени*. Вопросъ объ одновременности или неодновременности причины и дѣйствія основывается частью на недоразумѣніи и во всякомъ случаѣ насъ здѣсь не касается. Напротивъ, никто не можетъ отрицать, что мы никогда не образовали бы понятія причинности, если бы явленія не подвергались перемѣнамъ. Если бы все было однообразно

и неизмѣнно, то намъ и не къ чему было бы спрашивать о причинѣ. Причинное отношеніе предполагаетъ наступленіе какого-либо событія. Если отношеніе души и тѣла, или сознанія и мозга есть отношеніе причинности, то должно, слѣдовательно, существовать различіе во времени между мозговымъ процессомъ и сознательнымъ актомъ. Это предположеніе однако противорѣчитъ указанію, данному физиологіей. Физиологія, какъ мы видѣли, исходитъ изъ того, что признаетъ всѣ процессы организма за физическіе или химическіе. Она не хвалится тѣмъ, что объяснила происхожденіе органической жизни; она только утверждаетъ, что если и достигла какого-либо пониманія въ области органической жизни, то только благодаря тому, что сводила органическія явленія къ химическимъ или физическимъ законамъ. Итакъ, если есть переходъ отъ физиологическихъ отправленій къ психической дѣятельности, отъ тѣла къ душѣ, то физиологія во всякомъ случаѣ не можетъ его открыть, пока *прилагаетъ свой теперешній методъ*.

Допустивъ такой переходъ, слѣдовало бы предполагать, что физиологическій процессъ въ извѣстныхъ пунктахъ *прерывается* психологическимъ, именно, когда раздраженіе становится ощущеніемъ души, чтобы потомъ вновь начаться при измѣненныхъ условіяхъ, когда душа оправляется послѣ тѣлеснаго возбужденія и отвѣчаетъ на него волевымъ актомъ. Такимъ образомъ, если допустить возможность перехода отъ тѣла къ душѣ, то физиологіи навязывается перерывъ, съ которымъ она едва-ли когда-нибудь можетъ согласиться. Не говоря уже о физическомъ затрудненіи, которое состоитъ въ томъ, что нарушается законъ сохраненія энергіи,—а физическая трудность является вмѣстѣ и физиологическою,—нервный процессъ, съ физиологической точки зрѣнія, надо понимать какъ непрерывный круговоротъ. Здѣсь много еще не выясненнаго. Отношеніе между нервнымъ волокномъ и нервною клѣткой очень неясно *); физическія свойства

*) Ср. *Ditlefsen: Menneskets Histologie* (гистологія челоуѣка), Копенгагенъ 1879, стр. 582: „Новѣйшія открытія относительно строенія нервныхъ волоконъ нисколько не повели насъ дальше, что касается того, какъ понимать отношеніе между ними и нервными клѣтками. Пока, въ данную минуту мы должны, вѣроятно, придерживаться того, что нервныя клѣтки суть центры нервныхъ волоконъ, и впредь должны направить гистологическія изслѣдованія къ тому,

ганглиозныхъ клѣтокъ, а слѣдовательно и физическое возникновение простѣйшаго рефлекторнаго движенія еще далеко не выяснено, и даже еще не вполне достоверно, что ганглиозныя клѣтки образуютъ посредствующій членъ между нервными волокнами, идущими внутрь и наружу. Точно такъ же не было возможности доказать анатомическую связь между центрами центростремительныхъ и центробѣжныхъ нервовъ въ спинномъ мозгу *). Но не смотря на все это, физиологія не можетъ допустить, чтобы ея границы были проведены извнѣ. Ея основу составляетъ идея постоянной связи органической жизни; слишкомъ запутанные процессы она старается объяснять, приводя ихъ къ простѣйшимъ; изъ низшихъ явленій она учится понимать высшія, предполагая, что принципы строенія и дѣятельности повсюду одни и тѣ же. Такъ, напр., ученіе о рефлекторныхъ движеніяхъ бросаетъ свѣтъ на объясненіе высшихъ функцій мозга **), хотя это вовсе еще не даетъ права утверждать, что всякая мозговая дѣятельность есть рефлекторная дѣятельность. На сколько можно говорить о достигнутыхъ результатахъ физиологіи мозга, она представляетъ его намъ въ видѣ республики нервныхъ центровъ, изъ коихъ каждый является съ своею функціею и находится во взаимодействіи съ другими; но здѣсь нѣтъ и намекъ на то, чтобы физиологическій процессъ гдѣ-либо прекращался и переходилъ въ процессъ совершенно другого рода.

Конечно, всегда открытъ выходъ изъ затрудненій,—стоитъ только усомниться во *всеобщемъ* значеніи закона сохраненія энергіи. Экспериментально онъ не доказанъ и, строго говоря, какъ мы видѣли, никогда не можетъ быть доказанъ. Но, согласно общимъ методологическимъ основоположеніямъ, выставляя новыя

чтобы получить удовлетворительное морфологическое разъясненіе этого физиологическаго факта“.

*) *C. Lange: Rygmarvens Patologi* (патологія спинного мозга), стр. 24.—*Eckhardt: Physiologie des Rückenmarks und des Gehirns* (Hermann II, 2), стр. 7—19, 61 и слѣд.

**) Послѣ того какъ *Маршалъ Галль* установилъ въ 1833 теорію рефлекторнаго движенія, *Лейкокъ* въ 1840 г. показалъ, что принципы этой теоріи должны найти примѣненіе и въ физиологіи мозга (О рефлекторной дѣятельности мозга, *The British and Foreign Medical Review*, 1845). Повидимому, совершенно независимо отъ него ту же мысль высказалъ *Гризинеръ* въ своей статьѣ: О психическихъ рефлекторныхъ дѣйствіяхъ (*Archiv für physiologische Heilkunde*, 1843).

гипотезы и обсуждая уже выставленные, мы не должны идти въ разрѣзъ съ руководящими научными принципами. А такимъ руководящимъ принципомъ въ новѣйшемъ естествознаніи служить законъ сохраненія энергіи. Итакъ, если гипотеза противорѣчитъ этому закону, то до поры до времени это говоритъ рѣшительно не въ ея пользу.

Обыкновенное ученіе о взаимодействіи (ученіе объ *influxus physicus*, какъ его называли въ прежнее время) является въ болѣе строгой, метафизической и въ болѣе неопредѣленной формѣ. Метафизическую форму это ученіе имѣло у *Декарта*, понимавшаго душу и тѣло, какъ двѣ совершенно различныя, но все-таки другъ на друга дѣйствующія субстанціи. Такимъ образомъ здѣсь принималось вышеупомянутое преждевременное понятіе души, какъ самостоятельной субстанціи, вслѣдствіе чего точка зрѣнія опытной психологіи была замѣнена точкою зрѣнія метафизики. Но именно рѣзкая и ясная форма, данная *Декартомъ* ходячему ученію, особенно много способствовала разоблаченію его слабыхъ сторонъ. Оно и было оставлено, какъ показываетъ исторія философіи, лишь только ему дали строго логическій видъ. Поэтому *Декарту* принадлежитъ та заслуга, что онъ поставилъ проблему о душѣ и тѣлѣ, такъ какъ для ходячаго воззрѣнія въ его расплывчатой формѣ не существуетъ въ этомъ отношеніи, никакихъ затрудненій. Съ естественною необдуманностью практическое словоупотребленіе не останавливается передъ теоретическими затрудненіями. Подобно тому какъ обычное употребленіе языка обращаетъ мало вниманія на сомнѣніе *Коперника* въ дѣйствительности движенія солнца вокругъ земли, точно такъ же оно мало принимаетъ въ расчетъ, что физиологія и психологія не согласны допустить обоюднаго вліянія мозга на сознаніе и обратно. Кромѣ того наша рѣчь образовалась подъ вліяніемъ отчасти спиритуалистической, отчасти матеріалистической метафизики.

в. Можно положить конецъ этой непослѣдовательности и неопредѣленности, если прямо исключить одинъ изъ членовъ, о связи которыхъ идетъ рѣчь. Такъ какъ созерцаніе внѣшняго тѣлеснаго міра играетъ преобладающую роль въ общемъ кругѣ представленій, тогда какъ внутреннее самосознаніе не легко вырабатывается до той же степени ясности и отчетливости, то, быть-можетъ, на первыхъ порахъ всего естественнѣе отождествить тѣлесное съ *дѣйствительностью*, а духовное понять какъ его

форму или дѣйствіе. Исторически *матеріализмъ*, конечно, древнѣе, чѣмъ ходячее ученіе о взаимодѣйствіи. *Гомеръ* и древнѣйшіе греческіе философы (до Сократа и Платона)—матеріалисты; даже у христіанскихъ учителей церкви до Августина преобладали матеріалистическія представленія. Но эти *древнѣйшія формы* матеріализма все же дѣлали различіе между душою и тѣломъ, хотя и рассматривали ихъ какъ тѣлесныя субстанціи (ср. I, 5). Современный матеріализмъ, рассматривая духовное, какъ функцію или одну изъ сторонъ тѣлеснаго, уничтожаетъ эту двойственность. Въ новѣйшее время матеріализмъ нашелъ себѣ твердую опору въ ученіи о сохраненіи вещества и энергіи и въ ученіи о физиологической непрерывности. За нимъ можно признать полное право сравнительно со всякимъ спиритуалистическимъ воззрѣніемъ, которое приводитъ къ тому, чтобы поставить внѣшнія границы для ряда физическихъ и физиологическихъ причинъ. Матеріализмъ, какъ естественно-научный методъ, не сокрушимъ; но совсѣмъ другое дѣло, если методъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій превращается въ систему. Онъ имѣетъ полное право считать тѣлеснымъ каждое измѣненіе и функцію организма, особенно мозга, но какъ система онъ идетъ дальше и утверждаетъ, что явленія сознанія не что иное, какъ измѣненія или функціи мозга, и въ этомъ-то и состоитъ его ошибка.

Въ свое время *Карлъ Фогтъ* возбудилъ много недовольства, высказавъ (въ своихъ «Физиологическихъ письмахъ»), что «какъ сокращеніе есть функція мускуловъ и какъ почки выдѣляютъ мочу, точно такъ же и мозгъ производитъ мысли, движенія и чувства». Могло бы казаться, какъ будто онъ предоставилъ здѣсь выбрать между двумя представленіями: понимать мысль какъ *вещество*, или какъ *движеніе*. Первый способъ пониманія ближе всего къ непосредственному воззрѣнію, почему древній матеріализмъ преимущественно и придерживался его, но при всякомъ серьезномъ размышленіи онъ представляетъ нѣчто до такой степени странное, что не заслуживаетъ никакого разбора. Въ сравненіи Фогта, что происхожденіе мысли похоже на происхожденіе вещества при выдѣленіяхъ, центръ тяжести надо видѣть главнымъ образомъ въ *дѣятельности* выдѣленія, а не въ продуктѣ ея. Но въ принципѣ дѣло отъ этого ничуть не мѣняется. Даже у мыслящихъ и отчасти философски образованныхъ физиологовъ можно навѣрно натолкнуться на положеніе, что сознательная дѣятельность *есть функція моза*. Однако какъ разъ стро-

физиологическое употребленіе выраженія «функція», казалось, должно бы противорѣчить этому положенію. Сокращеніе, наприм., есть функція мускула. Это значить только то, что въ движеніи находится извѣстная форма и извѣстное состояніе мускула; какъ сказалъ Гете, «функція есть существованіе въ дѣятельности». Но функционирующій мускуль точно такъ же тѣлесенъ, какъ и мускуль въ покоѣ, и то, что не имѣеть тѣлесныхъ свойствъ, не можетъ быть формою дѣятельности чего-нибудь тѣлеснаго. Понятіе функціи (въ физиологическомъ смыслѣ)*), какъ и понятіе вещества или продукта, указываетъ на нѣчто такое, что является для насъ предметомъ созерцанія въ пространственной формѣ. Мыслей же и чувствъ нельзя представлять подобно пространственнымъ предметамъ или движеніямъ. Мы знакомимся съ ними не посредствомъ внѣшняго созерцанія, а путемъ самоощущенія и самосознанія, источникъ котораго—не всегда съ полнымъ сознаниемъ—ищетъ и физиологъ, желая изслѣдовать отношеніе сознательной жизни къ органической. Наконецъ, послѣ продолжительнаго блужданія по окольнымъ путямъ открывается, что извѣстныя явленія сознанія связаны съ функціей нѣкоторыхъ опредѣленныхъ частей мозга. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что даже высшимъ дѣятельностямъ сознанія соотвѣтствуютъ мозговья функціи,—точно такъ же какъ самыя красивыя мелодіи не такъ ужъ возвышены, чтобы ихъ нельзя было выразить нотами. Но мы постоянно знакомимся съ дѣятельностью сознанія посредствомъ различныхъ источниковъ опыта. Ошибка матеріализма въ томъ, что онъ прямо устраняетъ это различіе. Совершенно просто приписывая мозгу способность къ сознанію или, пожалуй, даже дѣлая мозгъ субъектомъ проявленій сознанія**), онъ соб-

*) Въ математическомъ смыслѣ, напротивъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что сознаніе есть функція мозга, такъ какъ опытъ показываетъ намъ нѣкоторую пропорціональность между степенями въ развитіи сознанія и мозга. Въ такомъ случаѣ дѣятельность сознанія есть, строго говоря, математическая функція физиологической функціи мозга.

**) Наприм. Ш. Робенъ опредѣляетъ „чувствительность“ слѣдующимъ образомъ (Anat. et physiol. cellulaire, стр. 540): „этотъ способъ нервнаго дѣйствія характеризуется тѣмъ фактомъ, что *нервные элементы*, пользующіеся имъ, получивъ впечатлѣніе извнѣ, передаютъ его отъ этой точки къ другой, гдѣ они (sic) его воспринимаютъ“. Подобныя же выраженія встрѣчаются у Бруссе. Но какое же собственно представленіе можно связать съ словами, что нервныя элементы нѣчто воспринимаютъ или понимаютъ?

ственно возвращается къ миеологически-фантастической точкѣ зрѣнія.

Мы обращаемъ здѣсь вниманіе преимущественно на *эмпирической* или *феноменологической* матеріализмъ, т.-е. на воззрѣніе, которое прямо признаетъ результатомъ опытной науки, что явленія сознанія не что иное, какъ формы или слѣдствія тѣлесныхъ явленій, такъ что всю дѣйствительность можно бы свести къ движеніямъ въ пространствѣ. Вслѣдствіе этого мы попадаемъ въ такую область, которую мы не только предпочли бы здѣсь всѣмъ другимъ, но и въ какой, по собственному увѣренію, постоянно двигался матеріализмъ. Но онъ не замѣчалъ, что, даже оставаясь вполне правымъ во всѣхъ своихъ утверженіяхъ, онъ и тогда все-таки упускаетъ изъ виду нѣчто такое, что создаетъ новую и страшную для него проблему, а именно то обстоятельство, что пространственное движеніе познается нами только какъ предметъ нашего сознанія. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія *теоріи познанія* понятія сознанія, представленія, воззрѣнія лежатъ глубже, чѣмъ понятія матеріи и движенія. Поэтому абсолютный и рѣшительный матеріализмъ былъ возможенъ только въ древности, до пробужденія болѣе глубокой философской рефлексіи. *Демокритъ*—единственный послѣдовательный матеріалистъ. Ни одинъ изъ новѣйшихъ матеріалистовъ не можетъ говорить съ тѣмъ спокойствіемъ и увѣренностью, съ какими *Люкрецій* излагаетъ ученіе Демокрита. Большинство новѣйшихъ матеріалистовъ сознаютъ, что мы, даже будучи въ состояніи свести все къ матеріи, все-таки не знаемъ, что такое матерія сама по себѣ. Такъовы *Ламетри*, *Гольбахъ*, *Кабанисъ*, не говоря уже о легкомысленныхъ непослѣдовательностяхъ авторовъ новѣйшаго времени (*Бюхнера*, *Молешотта*).

Говоря противъ матеріализма, мы не указываемъ однако той его непослѣдовательности, въ которой онъ повиненъ въ своей *теоріи познанія*, требуя, чтобы жизнь сознанія признала абсолютно первоначальнымъ и единственно дѣйствительнымъ нѣчто такое, что дано только какъ предметъ сознанія, и что можно представить и познать только при помощи собственной дѣятельности сознанія. Напротивъ, наша задача здѣсь — только отыскать такой взглядъ, къ которому приводитъ насъ само это данное въ сознаніи; и результатъ нашей критики матеріализма тотъ, что онъ погрѣшаетъ уже въ понятіяхъ опыта.

с. Говоря о *монистическомъ спиритуализмѣ*, какъ о третьей возможной гипотезѣ, мы всегда должны твердо помнить разницу между *феноменологической* и *метафизической* точкой зрѣнія. Очень многія неясности относительно рѣшенія нашей задачи происходятъ именно отъ того, что упускается изъ виду эта разница. Какъ материализмъ, такъ и спиритуализмъ почти всегда смѣшивали метафизическіе и *эмпирические* результаты. Монистическій спиритуализмъ есть воззрѣніе, по которому душа есть *духовная субстанція, а духъ есть единственная реальность*; все тѣлесное, всякое движеніе въ пространствѣ есть только внѣшняя форма духовной жизни. Этимъ послѣднимъ положеніемъ *монистическій* спиритуализмъ отличается отъ *дуалистическаго*, выставленнаго Декартомъ. Онъ опирается на невозможность объяснить духовное изъ тѣлеснаго и на фактъ, который материализмъ частью упускалъ изъ виду, частью не придавалъ ему должнаго значенія, а именно, что наше понятіе матеріи есть продуктъ духа, и что мы помимо этого понятія не знаемъ, что такое матерія. Слѣдовательно, духовное есть *pricus*, есть предположеніе, на которое опирается всякое мышленіе, и разумная гипотеза состоитъ только въ сведеніи менѣе извѣстнаго къ болѣе извѣстному. Собственно только область духа намъ вполне понятна, потому что мы имѣемъ здѣсь не только знаніе внѣшнихъ обстоятельствъ и отношеній (*cognitio circa rem*), но и знаніе самой вещи (*cognitio rei*).

Будь даже все это вѣрно, все-таки оно насъ не касается. Именно если признать, что все духовно, и что ничего другого не существуетъ кромѣ мыслей и представленій, все-таки всегда остается различіе между *представленіями тѣлеснаго движенія и представленіями явленій сознанія*, и только вновь возникаетъ вопросъ, какъ связать эти различныя представленія, возникшія путемъ опыта. Другими словами, это значить, что *эмпирическая проблема не зависитъ отъ метафизической*. Мы не изслѣдуемъ здѣсь, лежитъ-ли въ основѣ духъ или матерія,—мы изслѣдуемъ, какимъ образомъ духовныя и тѣлесныя явленія связаны въ томъ опытѣ, который сознательно или безсознательно предполагается всякой метафизикой.

Германъ Лотце, самый выдающійся представитель спиритуализма въ современной философіи, съ большою ясностью отгѣнилъ различіе между феноменологическимъ (или окказіоналистическимъ,

какъ онъ называлъ его въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ) и метафизическимъ изслѣдованіемъ. Но онъ не удержалъ этого различія, а напротивъ произвольно оставилъ его въ сторонѣ.

Лотце—одинъ изъ писателей, которые въ новѣйшее время очень энергично защищаютъ механическое воззрѣніе на органическія явленія и утверждаютъ, что понятію механизма слѣдуетъ господствовать надъ всѣми нашими объясненіями природы. Тѣмъ удивительнѣе, что онъ возстаетъ противъ неизбежныхъ послѣдствій закона сохранения энергіи. «Физики», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ сочиненій (Allg. Physiol., стр. 461), «кажется, убѣждены, что всякое пространственно-временное движеніе массъ можетъ быть уничтожено только другимъ, равнымъ и противоположнымъ движеніемъ, и отсюда-то являлась задача разъ образовавшееся движеніе прослѣдить черезъ всѣ измѣненія его формы до тѣхъ поръ, пока оно наконецъ не перейдетъ изъ организма во внѣшній міръ, или пока оно не прекратится, встрѣтивъ противоположное движеніе. Я не вполне убѣжденъ въ безусловной вѣрности этого основоположенія; вѣрнѣе сказать, на основаніи натуръ-философскихъ воззрѣній, я рѣшительно не въ силахъ отвергать, *что пространственныя движенія могутъ быть поглощены путемъ перехода реальности въ интенсивныя состоянія*». Согласно съ воззрѣніемъ, высказаннымъ имъ позже (Mikrokosmos I, 2-е изд., стр. 326), сѣдалище души слѣдуетъ искать въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ переходъ отъ пространственнаго міра въ непространственный. Въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи (Drei Bücher der Metaphysik), этомъ послѣднемъ дарѣ остроумнаго изслѣдователя, онъ высказывается точнѣе о своемъ отношеніи къ закону сохранения энергіи. Онъ особенно напираетъ на то, что этотъ законъ самъ по себѣ выражаетъ только эквивалентность въ проявленіи силъ, что онъ указываетъ только на *нѣкоторое* замѣщеніе уничтожающейся энергіи, но ничего не говоритъ намъ о родѣ этой энергіи. Поэтому Лотце думаетъ, что нѣтъ ничего невозможнаго примѣнить это положеніе и къ такому случаю, когда духовная энергія смѣняетъ физическую или наоборотъ. Феноменологически онъ, слѣдовательно, становится на точку зрѣнія ученія о естественномъ взаимодействіи, и въ такомъ случаѣ его теорія падаетъ въ виду приведенныхъ выше возраженій противъ этого ученія (смотри выше стр. 62—67). Но онъ не останавливается на феноменологической точкѣ зрѣнія.

Различіе между духовными и тѣлесными явленіями служить для него лишь точкой отправленія; область духовнаго, — какъ онъ старается доказать путемъ *метафизическихъ* изслѣдованій, — для него единственная реальность; тѣлесныя явленія — только проявленіе *взаимодѣйствія* духовныхъ элементовъ; и переходъ изъ того духовнаго, которое составляетъ основу для тѣлесныхъ явленій, въ духовное, которое сказывается въ явленіяхъ сознанія, не представляетъ никакихъ теоретическихъ затрудненій: ихъ разнородность, отсутствіе общаго масштаба устраняется метафизическою рефлексією. Теорія Лотце является ученіемъ о *взаимодѣйствіи* въ такомъ же родѣ, какъ и картезіанское, но только Лотце принимаетъ лишь *взаимодѣйствіе* между *духовными субстанціями*, а не между духовною и тѣлесною, какъ у Декарта.

Не легко понять, зачѣмъ Лотце призываетъ тутъ на помощь метафизику, если въ ученіи о сохраненіи *энергіи* нѣтъ препятствія для ученія о *взаимодѣйствіи*. Это очевидная непослѣдовательность въ теоріи Лотце, — непослѣдовательность, которая возникла отъ *черезчуръ* сильнаго желанія защитить идеалистическое міровоззрѣніе. Можно, конечно, согласиться съ основною метафизическою мыслью Лотце, что тѣлесное по своей внутренней сущности точно такой же природы, какъ и то, что живетъ въ нашемъ сознаніи, но нельзя однако согласиться съ тѣмъ, какъ онъ примѣняетъ эту основную мысль къ теоріи объ отношеніи тѣла и души. Эта мысль имѣетъ такое глубокое философское значеніе, что ее можно защитить, не нуждаясь въ нарушеніи правъ руководящихъ положеній опытной науки.

d. Итакъ, остается только четвертая возможность. Если переходъ изъ одной области въ другую противорѣчитъ закону сохраненія физической энергіи, и если все-таки обѣ эти области въ нашемъ опытѣ являются различными, то онѣ должны раскрываться, каждая соотвѣтственно своимъ законамъ, *одновременно*, такъ что для каждаго явленія въ мірѣ сознанія существуетъ соотвѣтственное явленіе въ мірѣ матеріи и наоборотъ (въ той мѣрѣ, въ какой есть основаніе признавать связь сознательной жизни съ тѣлесными явленіями). Параллели, которыя мы провели раньше, прямо указываютъ на такое отношеніе; такое повтореніе признаковъ было бы странною случайностью, если бы въ основѣ его не было внутренней связи. Какъ *параллелизмъ*, такъ и *пропорциональность* между дѣятельностью сознанія и мозга указываютъ на

тождественность, лежащую въ основаніи ихъ. Различіе, остающееся несмотря на согласіе, заставляетъ насъ признать, что одинъ и тотъ же принципъ выражается въ двойкой формѣ. Мы не имѣемъ права считать душу и тѣло за два различныя существа или субстанціи, дѣйствующія другъ на друга. Напротивъ того, мы склонны понимать тѣлесное *взаимодѣйствіе* между элементами мозга и нервной системы, какъ *внѣшнюю форму внутренняю идеальнаго единства сознанія*. Итакъ, что мы сознаемъ въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, какъ мысли, чувствованія, намѣренія, то выражается въ тѣлесномъ мірѣ извѣстными тѣлесными процессами мозга, которые, какъ таковыя, подчиняются закону сохраненія энергии, тогда какъ этотъ законъ не находитъ никакого примѣненія въ отношеніяхъ между процессами мозга и сознанія. Это все равно, какъ если бы одно и то же содержаніе было выражено на двухъ языкахъ.

Только опытъ можетъ рѣшить, далеко-ли на самомъ дѣлѣ идутъ рядомъ обѣ эти формы. Мы уже касались того, какъ трудно указать нижнюю границу сознательной жизни; слѣдующій отдѣлъ дастъ намъ поводъ опять поднять этотъ вопросъ. Съ другой стороны, нѣкоторые все еще думаютъ, что благороднѣйшія проявленія духовной жизни не связаны съ тѣлесными процессами. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что чувственное воспріятіе и такъ называемое физическое удовольствіе и физическая боль связаны съ извѣстными нервными процессами; только при высшихъ проявленіяхъ сознанія считаютъ необходимымъ признать совершенно новый принципъ. Но уже общая характеристика жизни сознанія, данная выше, указываетъ на невозможность провести демаркаціонную линію между высшимъ и низшимъ въ сознаніи. Начиная отъ простѣйшихъ до самыхъ высшихъ формъ господствуетъ одинъ и тотъ же типъ. Какъ ни высоко стоитъ идеальный міръ мысли и чувства надъ рядомъ отдѣльных, мимолетныхъ ощущеній, все-таки какъ тамъ, такъ и здѣсь господствуетъ одинъ и тотъ же принципъ; различна только степень развитія, но не планъ или матеріаль постройки. Послѣдующія спеціальныя психологическія изслѣдованія выяснятъ это еще больше.

Какъ нельзя провести рѣзкую границу между низшимъ («чувственнымъ») и высшимъ («духовнымъ») содержаніемъ, смотря по условіямъ ихъ существованія, точно такъ же нѣтъ основанія ду-

мать, что матеріаль или содержаніе сознанія связанъ съ физическими процессами, а та дѣятельность духа, которая даетъ форму и перерабатываетъ содержаніе, будто бы не имѣетъ физической параллели. Тогда какъ отдѣльныя чувственныя ощущенія, даже по мнѣнію самыхъ рѣшительныхъ спиритуалистовъ, связаны съ фізіологическими процессами, многіе все-таки думаютъ, что этого нельзя допустить относительно дѣятельности, которая сравниваетъ и обсуждаетъ ощущенія. Между тѣмъ дальше будетъ видно, что невозможно установить прочной и неизмѣнной границы между первоначальнымъ даннымъ и его обработкой, между абсолютнымъ содержаніемъ и отношеніями, которымъ подлежатъ составныя части этого содержанія. Уже въ простѣйшемъ воспріятіи, у самаго порога сознанія, мы находимъ продуктъ дѣятельности духа, соединяющей элементы въ единство, т.-е. синтезъ. Безусловно простое состояніе не было бы предметомъ сознанія. Поэтому нигдѣ нельзя отдѣлить матерію и форму. Кромѣ того, фізіологическая связь и взаимодействіе между необыкновенно многочисленными центрами мозга представляютъ достаточное основаніе признать, что не только духовные элементы, но и ихъ соединенія имѣютъ физическое выраженіе.

Какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ мірѣ мы держимся закона непрерывности. *Гипотеза тождественности* разсматриваетъ оба міра, какъ данныя въ опытѣ проявленія одной и той же сущности. Два языка, на которыхъ выражена здѣсь одна и та же мысль, мы не въ силахъ свести къ общему праязыку. Кромѣ того, пока мы строго держимся опыта, одна область является намъ въ видѣ отрывка, тогда какъ другая въ ея непрерывной связи простирается до безконечности. Законъ сохранения энергіи дѣлаетъ изъ тѣлеснаго міра одно цѣлое, котораго мы, конечно, никогда не будемъ въ состояніи измѣрить, но въ которомъ однако мы можемъ прослѣдить судьбу отдѣльныхъ формъ и элементовъ. Въ духовномъ мірѣ нѣтъ подобнаго закона. Духовные элементы возникаютъ и исчезаютъ такъ, что нельзя указать на эквивалентъ, который бы въ первомъ случаѣ замѣщался, а во второмъ являлся замѣстителемъ. Такъ какъ духовныхъ состояній нельзя измѣрять подобно физическимъ энергіямъ или химическимъ веществамъ, то уже этого достаточно, чтобы исчезла надежда найти духовную параллель закону сохранения энергіи. Къ тому же даже основное понятіе о духовномъ бытіи влечетъ за

собою затрудненія. Тѣлесное бытіе можетъ переходить одно въ другое, такъ что потерянная энергія одного сохраняется въ другомъ. Законъ сохраненія энергіи указываетъ намъ на единство и вѣчность природы, хотя всѣ тѣлесныя существа то возникаютъ, то исчезаютъ. Но основною формой духовнаго бытія, какъ мы видѣли, является воспоминаніе, синтезъ, а синтезъ предполагаетъ индивидуальность. Тѣлесный міръ не представляетъ намъ дѣйствительныхъ индивидуальностей; ихъ знаетъ только психологическая точка зрѣнія, съ которой открываются центральные пункты воспоминанія, дѣйствія и страданія. А если представить себѣ, что отдѣльные духовные элементы (ощущенія, мысли, чувствованія и т. д.), подобно химическимъ атомамъ, превращаются въ другія соединенія, то отсюда слѣдовало бы, что они существуютъ внѣ какого-либо опредѣленнаго индивидуальнаго сознанія, что, по предыдущему, нелѣпо. Ощущенія, мысли и чувствованія—это духовныя дѣятельности, которыхъ не можетъ быть, когда прекратилась опредѣленная индивидуальная связь, въ которую онѣ входятъ. Онѣ соотвѣтствуютъ органическимъ функціямъ, но не химическимъ элементамъ. Если организмъ разлагается на свои элементы, то органическая функція невозможна. Духовная индивидуальность имѣетъ свое физическое выраженіе въ суммѣ энергіи, которою располагаетъ организмъ въ состояніи зародыша и во время своего развитія, а также въ органической формѣ (преимущественно нервнофизиологической), въ которой обнаруживается эта энергія.

Теорія, къ которой мы здѣсь пришли, вовсе не полное рѣшеніе проблемы объ отношеніи тѣла и души. Она представляетъ лишь эмпирическую формулу, опредѣленіе того, какъ представляется пока это отношеніе, если, слѣдуя указаніямъ опыта, принимать во вниманіе тѣсную связь между тѣломъ и духомъ и въ то же время невозможность привести одну область къ другой, вмѣстѣ съ тѣми затрудненіями, которыя возникаютъ, разъ допущенъ переходъ одной въ другую. Мы не предлагаемъ никакого ученія о внутреннемъ отношеніи между духомъ и матерією, мы принимаемъ лишь, что и тамъ и здѣсь дѣйствуетъ единая сущность. Но что это за сущность? Почему она имѣетъ двоякую форму проявленія? Почему не довольно одной? Это вопросы, лежащіе внѣ области нашего познанія. Духъ и матерія являются намъ какъ несводимая къ единству двоица, подобно субъекту и объ-

екту. Мы, следовательно, отодвигаемъ этотъ вопросъ дальше. И это не только законно, но даже необходимо, если оказывается, что въ действительности онъ идетъ гораздо глубже, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Думать, что гипотеза тождества смотреть на тѣлесное, какъ на существующее въ точномъ смыслѣ, а на духовное—какъ на излишній придатокъ, значило бы плохо понимать ее. Гипотеза тождественности, какъ мы ее здѣсь устанавливаемъ, не изслѣдуетъ, что лежитъ въ основѣ бытія, — духъ или матерія. По смыслу этой гипотезы то, что живетъ, распространяется и образуется во внѣшнемъ тѣлесномъ мірѣ, оно же внутри себя, раскрывается въ актахъ мысли, чувства и воли. Когда мы спрашиваемъ о внутренней связи духовнаго и физическаго міра, то мы стоимъ на границѣ нашего познанія, и до сихъ поръ еще ни одно воззрѣніе, каково бы оно ни было, на вопросъ о необходимости духовной жизни въ бытіи не отвѣчало иначе, какъ теологическимъ постулатомъ, до законности или незаконности котораго вовсе нѣтъ дѣла психологіи. Несомнѣнно только одно, что если мы имѣемъ право признавать вышеуказанную двойственность, то и она должна имѣть свое основаніе. И это не единственный примѣръ въ нашемъ опытѣ, когда мы принуждены принять фактически существующую связь, не умѣя доказать ея необходимости.

Эмпирическая формула, которою мы заканчиваемъ свое сужденіе, не исключаетъ однако болѣе глубокой метафизической гипотезы. Основную мысль идеализма, что духовное стоитъ ближе къ глубочайшей сущности бытія, очень хорошо можно согласовать съ эмпирической гипотезой тождественности. Какъ эмпирическая формула, она ничего не говоритъ о томъ, абсолютны-ли обѣ формы бытія, т.-е. имѣютъ-ли онѣ значеніе, если оставить въ сторонѣ человѣческую точку зрѣнія. Нельзя не видѣть недостаточно продуманной метафизики въ ученіи Спинозы, что матерія и духъ—два одинаково вѣчныхъ и безконечныхъ атрибута абсолютной субстанціи. Абсолютной субстанціи мы не знаемъ, а следовательно не можемъ знать, одинаково-ли существенны для нея духъ и матерія. Напротивъ, теорія познанія заставляетъ смотреть на явленія сознания, какъ на самые основные факты въ нашемъ опытѣ, потому что субъективная точка зрѣнія логически лежитъ глубже объективной. Съ этой точки зрѣнія самый естественный

взглядъ былъ бы тотъ, который видѣлъ бы въ душевной жизни самую существенную, а въ соответствующей ей дѣятельности мозга только доступную для чувственного воззрѣнія форму проявленія бытія. Но мы однако не имѣемъ никакого права утверждать вмѣстѣ съ монистическимъ спиритуализмомъ, что духовное существованіе выражаетъ внутреннюю сущность бытія. Вѣдь, возможно безконечно больше формъ существованія, чѣмъ тѣ двѣ которыя мы только и знаемъ, и которыя мы склонны разсматривать какъ единственно-возможныя, потому что намъ извѣстны только онѣ однѣ.

Легко поэтому впастъ въ заблужденіе, если гипотезу тождественности назвать новоспинозизмомъ. Она, безспорно, связана съ именемъ Спинозы; надо отдать ему честь, что онъ первый выставилъ эту теорію и тѣмъ оставилъ за собою враждебныя материалистическія и спиритуалистическія теоріи. Къ этому вынуждали его три разныхъ мотива. Прежде всего онъ хотѣлъ устранить изъ идеи безконечной субстанціи всѣ несовершенныя представленія; нѣтъ ничего внѣ ея, ничего, что не было бы проникнуто ею; поэтому матерія должна быть не внѣшней границей ея, а только особой формой ея проявленія. Кромѣ этого религіозно-философскаго или метафизическаго мотива тутъ сказалось также убѣжденіе въ непрерывной связи физическаго причиннаго ряда. Если духовная дѣятельность не можетъ войти въ этотъ рядъ причинности, то остается только признать, что тѣлесная и духовная дѣятельность не смѣняють другъ друга, а протекають одновременно (*simul natura*), тѣмъ болѣе что ихъ нельзя свести къ общей мѣрѣ. Спиноза предвосхитилъ побѣду механическаго воззрѣнія на природу,—онъ понялъ, что всю тѣлесную природу надо подвести подъ принципы, установленныя Галилеемъ и Декартомъ. Наконецъ Спиноза опирался на эмпирическія основанія. Хотя для него, какъ спекулятивнаго философа, вопросъ разрѣшался безъ всякаго сомнѣнія при посредствѣ двухъ указанныхъ апіорныхъ основаній, все-таки онъ полагалъ, «что люди едва ли бы спокойно обсудили этотъ вопросъ», не приведи онъ опытныхъ доказательствъ. Поэтому онъ ссылался отчасти на то, какъ цѣлесообразна дѣятельность тѣла, даже когда нѣтъ никакого сознанія въ точномъ смыслѣ слова, напр. при инстинктивныхъ дѣйствіяхъ, сомнамбулическихъ состояніяхъ, отчасти же—на пропорціональность между состояніями души и тѣла, на—

конецъ отчасти — на аналогію психологической и органической связи *).

Теорія, выставленная Спинозою, держалась съ тѣхъ поръ въ различныхъ формахъ. *Лейбницъ*, подобно Спинозѣ, утверждалъ, что мысли можно объяснять лишь мыслями, движенія—лишь движеніями; только онъ на основаніи этого параллелизма попытался пойти глубже въ идеалистическомъ направленіи. *Кантъ* сдѣлалъ указаніе на гипотезу тождественности въ первомъ изданіи «Критики чистаго разума», тогда какъ во второмъ изданіи онъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ измѣнилъ свой прежній, болѣе послѣдовательный взглядъ **). Послѣ Канта эта гипотеза встрѣчается съ большею или меньшею ясностью и послѣдовательностью какъ въ умозрительномъ направленіи (Шеллингъ, Гегель), такъ и въ критически-эмпирическомъ (Фризь, Бенеке). Въ датской литературѣ она появляется у Трешова и Зибберна. Ее можно найти у цѣлаго ряда философовъ и естествоиспытателей новѣйшаго времени. Особенно же надо назвать *Фехнера*, который первый построилъ теорію отношенія тѣла и души на основаніи выводовъ изъ закона о сохраненіи энергіи ***).

Насъ интересуесть здѣсь эта гипотеза, какъ самое естественное рѣшеніе вопроса объ отношеніи между фізіологіей и психологіей. Обѣ онѣ работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, но разсматриваютъ его съ двухъ различныхъ сторонъ; и споръ между ними возможенъ такъ же мало, какъ (говоря сравненіемъ Фехнера) между наблюдателями выпуклой и вогнутой поверхности одного и того же свода. Всякое явленіе сознанія даетъ поводъ къ двойному изслѣдованію. Намъ бываетъ доступнѣе то психическая, то фізическая сторона явленія, но это нисколько не расшатываетъ принципіальнаго отношенія между тою и другою.

Вас

*) Ср. мою книгу: *Spinozas Liv og Lære* (жизнь и ученіе Спинозы), Копенгагенъ 1877, стр. 89—100.

**) Ср. Критика чистаго разума, у Кербаха стр. 306, 320 и 340, 699. У Владиславлева стр. 307, 322, 342, 331—333. Ср. *Vaihinger* въ страсбургскихъ *Philosophische Studien*, стр. 151 и слѣд.

***) *Elemente der Psychophysik* 1860; новое изданіе въ 1889 г.

III.

Сознательное и бессознательное.

1. Въ предыдущей характеристикѣ душевной жизни было обращено вниманіе на два главныхъ признака: на перемѣну, благодаря которой возникаютъ новые элементы сознанія, и на связь между всѣми элементами его. Если эта характеристика вѣрна, то сознаніе можетъ прекратиться по двумъ причинамъ: или потому, что отдѣльные элементы не имѣютъ достаточной силы, чтобы проявить себя, или потому, что между ними прекращается связь.

Область душевной жизни окажется очень не велика по своему объему, если строго придерживаться взгляда, что мы знаемъ душу только по проявленіямъ сознанія. Не со всѣми нервными процессами мы имѣли основаніе связывать сознаніе; даже тѣ нервныя процессы, которые и отличаются этимъ признакомъ, могутъ также протекать безъ сознанія, если ихъ интенсивность не достаточно велика. Такъ физическое раздраженіе можетъ дѣйствовать на нервную систему безъ чувственного ощущенія, которое появляется лишь при извѣстной силѣ раздраженія. Напротивъ того, нервный процессъ долженъ происходить уже при низшихъ степеняхъ силы раздраженія, такъ что онъ достигаетъ уже извѣстной степени силы, когда ощущеніе переступить черезъ порогъ сознанія. Пусть напр. x обозначаетъ такую степень силы нервного процесса, что ему какъ разъ отвѣчаетъ едва замѣтное ощущеніе, которое мы назовемъ y . Здѣсь мы встрѣчаемся съ замѣчательнымъ обстоятельствомъ: тогда какъ сила физической стороны процесса непрерывно убываетъ, начиная съ x , психическая сторона остается пустою, — она вдругъ останавливается на y . Таково это отношеніе, изъ какой бы основной гипотезы мы ни исходили въ вопросѣ о связи между тѣломъ и душою. Съ

составомъ дѣло стоитъ такъ же, какъ и со степенью силы, ибо между строеніемъ и способомъ дѣйствій низшихъ и высшихъ клѣтокъ существуетъ различіе только по степени. Но вѣроятно-ли, чтобы на какой-либо ступени лѣстницы возникало что-нибудь такое, чего совсѣмъ нѣтъ на низшихъ ступеняхъ? Если рядъ непрерывенъ въ одной области, то не долженъ-ли онъ отличаться тѣмъ же и въ другой? Мы не имѣемъ никакого права признавать гдѣ-либо въ природѣ скачки и пробѣлы; по крайней мѣрѣ успѣхи знанія преимущественно состоятъ въ томъ, чтобы заполнять и связывать пробѣлы и промежутки.

Вопросъ здѣсь въ томъ, можетъ-ли бессознательное быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ отрицательнаго понятія. Въ обычной рѣчи (и еще съ бѣльшимъ правомъ также и въ научномъ словоупотребленіи) мы пользуемся выраженіями въ родѣ: бессознательныя ощущенія, бессознательныя представленія, бессознательныя чувствованія. Но такія выраженія въ точномъ смыслѣ слова бессмысленны, такъ какъ ощущенія, представленія и чувствованія суть элементы сознанія. Если подѣ бессознательнымъ представленіемъ подразумѣвается представленіе, которое я *имѣю*, то предикатъ «бессознательное» обозначаетъ только, что я не думаю или не обращаю вниманія на то, что у меня есть. Это употребленіе слова «бессознательность» тѣсно связано съ двоякимъ употребленіемъ слова «сознаніе». Именно сознаніе употребляется не только для обозначенія внутренняго появленія нашихъ ощущеній, представленій и чувствованій, но также и для обозначенія самосознанія, вниманія, намѣренно направленнаго на наши ощущенія, представленія и чувствованія. Конечно, мы *имѣемъ* много ощущеній и представленій, не сознавая, что мы ихъ имѣемъ; много чувствованій и влеченій *шевелится въ насъ, хотя мы не отдаемъ себѣ отчета въ ихъ сущности и направленіи*. Въ этомъ смыслѣ можно говорить, напр., о бессознательной любви. Тотъ, у кого возникаетъ это чувство, не понимаетъ, что происходитъ въ немъ, хотя, быть можетъ, это замѣчаютъ другіе, или же онъ постепенно угадываетъ это самъ; но все-таки у него *есть* это чувство, жизнь его сознанія опредѣлена особеннымъ образомъ.

Напротивъ, предпринимая здѣсь изслѣдованіе объ отношеніи между сознательнымъ и бессознательнымъ, мы подѣ послѣднимъ разумѣемъ состояніе, лежащее вообще ниже порога нашего сознанія (а не только ниже порога нашего самосознанія). Мы желаемъ

обсѣдовать, не окажутся-ли сознательное и бессознательное на столько родственными, что различіе между ними какъ съ физической, такъ и съ психической стороны есть лишь различіе въ степени. Но пока мы твердо будемъ стоять на томъ, что бессознательное есть понятіе отрицательное. Не въ нашихъ видахъ идти по пути мистики, который Эдуардъ Гартманъ мечталъ положить въ своей «Философіи бессознательнаго». Гартманъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій не только считаетъ бессознательное положительнымъ понятіемъ, но и пользуется имъ какъ объяснительнымъ принципомъ всюду, гдѣ, по его мнѣнію, физической и психической рядъ причинности пресѣкаются.—Психологія только тогда идетъ по вѣрному пути, когда она опирается на ясныя и вѣрныя явленія и законы сознанія. А съ этой точки зрѣнія она какъ разъ открываетъ бессознательное и замѣчаетъ къ своему удивленію, что психологическіе законы господствуютъ далеко за областью сознательной жизни. Мы приведемъ для разъясненія этого нѣсколько примѣровъ *).

2. Уже не разъ было указано на воспоминаніе, какъ на типическое явленіе сознанія. Воспоминаніе предполагаетъ смѣну элементовъ сознанія. Гдѣ же остаются исчезнувшія представленія до ихъ новаго появленія? Обыкновенно воспоминаніе представляется какъ бы магазиномъ или кладовой, гдѣ хранятся представленія до новаго употребленія. И такимъ образомъ мы только въ переносномъ смыслѣ приписываемъ дѣйствительное существованіе представленіямъ, исчезнувшимъ изъ сознанія. Но замѣчательно то, что, повидимому, они все-таки играютъ роль и въ дѣйствительной дѣятельности сознанія. Когда намъ никакъ не удастся вызвать что-либо въ нашемъ воспоминаніи, то самое извѣстное средство—прекратить всякія попытки вспомнить и думать совсѣмъ о другомъ, и тогда вдругъ можетъ всплыть въ сознаніи отыскиваемое представленіе. Здѣсь мы покидаемъ сознательные поиски и вмѣсто нихъ даемъ полную волю совершенно бессознательному процессу. Подобный же случай бываетъ и тогда, когда мы собрали матеріалъ для какого-либо труда, наприм. для обработки какого-либо

*) У Карпентера: *Mental physiology*, стр. 515 и слѣд. (рус. пер. 2 тт., Спб. 1877—1887) находится длинный рядъ примѣровъ. Нѣкоторые изъ приводимыхъ ниже взяты оттуда.—Уже Бенке въ первомъ томѣ своихъ *Psychologische Skizzen* (Геттингенъ 1827) прослѣдилъ очень остроумно отношеніе между сознательнымъ и бессознательнымъ.

научного вопроса. Въ этомъ случаѣ насъ часто до такой степени подавляютъ подробности, что мы бываемъ не въ состояніи привести этотъ матеріалъ въ порядокъ и систему. И тутъ занятіе совершенно посторонними предметами является очень хорошимъ средствомъ. Въ самый разгаръ такой новой дѣятельности и можетъ внезапно явиться въ сознаниі, какъ бы самъ собою, именно самый надлежащій способъ обработки и рѣшенія нашего вопроса. Бессознательная дѣятельность уладила то, что, быть-можетъ, никогда бы не удалось прямой, напряженной и сознательной работѣ. Конечно, до такихъ результатовъ никогда не дойти во снѣ; напряженная работа—необходимое условіе для того, чтобы бессознательная дѣятельность увѣнчала дѣло.

Нѣкоторые психологи объясняютъ подобныя явленія просто большею свѣжестью мозга и души, если дѣло оставить на время въ покоѣ. Но это объясненіе подходитъ лишь къ тѣмъ случаямъ, когда данное дѣло прямо возобновляется послѣ перерыва, но не къ тѣмъ, когда оставленный нами предметъ внезапно съ полною ясностью представляется нашей мысли въ самый разгаръ совершенно постороннихъ занятій. Здѣсь самый предметъ подвергся уже нѣкоторой дальнѣйшей обработкѣ, но эта обработка произошла подъ порогомъ сознания; она совершена въ насъ, но не нами. Однако и эта бессознательная дѣятельность несетъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ же принциповъ и законовъ, которые управляютъ и сознательною работою.

3. Такимъ образомъ все, что бываетъ съ большинствомъ нашихъ мыслей, то же самое, какъ это доказала физиологія чувствъ, относится также и къ нашимъ на видъ простымъ и непосредственнымъ ощущеніямъ и воспріятіямъ. Мы составляемъ цѣльный зрительный образъ, хотя въ сѣтчатой оболочкѣ находится мѣсто, не воспринимающее никакого раздраженія (слѣпое пятно). Многія изъ нашихъ цвѣтовыхъ ощущеній, которыя мы считаемъ непосредственными, опредѣляются дѣйствіемъ контраста по отношенію къ другимъ цвѣтамъ. Воспріятіе пространства, представляющееся намъ *разомъ*, образовалось путемъ комбинаціи различныхъ впечатлѣній. Оба наши глаза имѣютъ не одно и то же поле зрѣнія, и все-таки намъ кажется, что мы видимъ непосредственно обоими глазами бинокулярное поле зрѣнія. О направленіи зрительной линіи мы судимъ (слѣдуя Гельмгольцу) по волевому напряженію, при помощи котораго мы стараемся измѣнить

положеніе глаза. Но всѣхъ этихъ комбинацій мы не знаемъ, и если говорятъ, что наши чувственные воспріятія не что иное, какъ результаты «бессознательныхъ заключеній», то должно замѣтить, что это выраженіе можно допустить только потому, что для процессовъ, извѣстныхъ намъ только по ихъ результатамъ, у насъ нѣтъ другихъ названій, кромѣ заимствованныхъ нами по аналогіи съ высшею сознательною жизнью *). Мы примѣняемъ здѣсь нѣчто въ родѣ обратнаго антропоморфизма.

4. Мало того, что предварительная бессознательная работа даетъ сознаваемые результаты, но и въ сознательную работу могутъ входить бессознательные промежуточные члены. Если представленіе a связано съ b , а b въ свою очередь съ c , то a въ концѣ концовъ будетъ прямо вызывать c , не проходя черезъ b . Положеніе, которое мы усвоили посредствомъ доказательства, продолжаетъ жить въ нашемъ сознаніи послѣ того, какъ доказательство уже забыто. Все воспитаніе основывается на томъ, чтобы промежуточные члены могли указаннымъ способомъ спуститься подъ «порогъ сознанія». Авторитетъ воспитателя не избѣженъ на первыхъ порахъ, но онъ постепенно отступаетъ на второй планъ. Часто промежуточные члены до такой степени многочисленны, что ихъ или совсѣмъ невозможно открыть, или, если и можно, то только съ большимъ трудомъ. Многіе психологическіе парадоксы и внезапныя мысли можно объяснить этой бессознательною мотивировкой сознаваемыхъ представленій.

5. Все, что мы называемъ инстинктомъ, тактомъ, приобрѣтеннымъ или прирожденнымъ складомъ характера, дѣйствуетъ такимъ же образомъ. Привычки и склонности, которыя усвоили мы сами, или которымъ мы потворствовали, или, наконецъ, которыя завѣщаны намъ прежними поколѣніями, еще долго живутъ послѣ исчезновенія ихъ причинъ. Представленія, чувства и дѣйствія, къ которымъ приводятъ насъ эти склонности, не имѣютъ полнаго объясненія въ самой жизни сознанія. Всегда есть промежуточные члены, которые можно открыть только путемъ фи-

*) *Helmholtz*: Physiologische Optik, стр. 811.—Позже Гельмгольцъ избѣгалъ употреблять это выраженіе вслѣдствіе того, что имъ злоупотребляли Шопенгауеръ и Гартманъ. Но все-таки онъ настаиваетъ на томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементарнымъ процессомъ, лежащимъ въ основаніи всего такъ называемаго мышленія (*Die Thatsachen in der Wahrnehmung*, Берлинъ 1879, стр. 27 и слѣд.).

зіологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій. Сознательные мотивы исчезли, но ихъ послѣдствія еще живутъ. Поэтому инстинктъ опредѣлили, какъ цѣлесообразное дѣйствіе, не сопровождаемое сознаниемъ. Сознательное дѣйствіе отчасти опредѣляется бессознательными мотивами, а также оставляетъ несознаваемая послѣдствія. Какъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ едва-ли много значатъ внезапные перевороты; обыкновенно держатся подпольныя склонности, съ которыми можно совладать далеко не сразу. Поэтому израильтянамъ пришлось сорокъ лѣтъ пространствовать въ пустынѣ. *Геродотъ* (IV, 3—4) рассказываетъ, что рабы скиѳовъ во время длинныхъ и отдаленныхъ походовъ ихъ господъ поженились на ихъ женахъ и овладѣли властію; когда же господа возвратились, то силою оружія не могли сладить съ молодымъ поколѣніемъ, родившимся отъ этихъ браковъ, но усмирили его только тѣмъ, что стали хлопать бичами, которыми обыкновенно наказывали рабовъ. Этотъ рассказъ можетъ служить, во всякомъ случаѣ, поэтическимъ подтвержденіемъ мысли о силѣ унаслѣдованныхъ привычекъ. — Жизнь выдающихся и пролагавшихъ новые пути людей часто показываетъ намъ, какъ много приходилось имъ бороться съ тѣмъ, что вкоренилось, благодаря впечатлѣніямъ юности и практикѣ.

Всякій духовный переворотъ распатываетъ прежде всего лишь то, что живетъ въ ясномъ сознаниі; бессознательныя подпольныя теченія еще долго могутъ продолжать свой путь, и движеніе, начавшееся на поверхности, не доходитъ до нихъ *). Реакція, слѣдующая за революціей, нерѣдко обнаруживаетъ, какъ поверхностно было движеніе. Сознательно прибрѣтенное укореняется лишь тогда, когда оно дѣйствуетъ бессознательно, или, какъ говорятъ, переходитъ въ плоть и кровь. Сознательная работа только прокладываетъ путь, а затѣмъ все дѣло въ томъ, чтобы пустить въ ходъ бессознательныя приспособленія. — И, наоборотъ,

* В сочиненіи Брехнера: *Om Udviklingsgangen i Filosofiens Historie* (О ходѣ развитія въ исторіи философіи, Копенгагенъ 1869) можно найти много интересныхъ доказательствъ того, какъ идеи могутъ бессознательно дѣйствовать на преемниковъ и даже на противниковъ того вѣка, который ихъ произвелъ. — См. также его статью въ *Nyt dansk Maanedsskrift* (новый датскій ежемѣсячный журналъ 1871) объ отношеніи между сознательнымъ и бессознательнымъ.

можно совершенно механически усвоить нѣчто такое, чѣмъ потомъ постепенно овладѣетъ сознание. Принудительное обращеніе въ вѣру можетъ вести къ пламенной вѣрѣ, если не въ томъ же, то въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Принужденіе противодѣйствуетъ тому, что жить въ ясномъ сознаниі; поэтому принудительное обращеніе удастся только тамъ, гдѣ нѣтъ ясной и развитой сознательной жизни. Между тѣмъ механическое упражненіе можетъ постепенно ослабить сознание. По выраженію *Паскаля*, человекъ въ одно и то же время и автоматъ, и духъ, почему Паскаль и совѣтуетъ всегда и все начинать святой водой и молебномъ: все остальное пойдетъ ужъ само собою. Это его пресловутый принципъ: *il faut s'abêtir*.

6. Одновременно съ сознаваемою дѣятельностью можетъ протекать и несознаваемая. Въ то время, какъ мысль пряхи гдѣ-нибудь далеко, сама она вертитъ колесо и тянетъ нитку. Чтець вслухъ можетъ быть вполне занятъ содержаніемъ читаемаго, или даже совершенно посторонними мыслями, хотя онъ и видитъ буквы и произноситъ соотвѣтственные слова. Въ этихъ примѣрахъ всегда второстепенное дѣйствіе во всякомъ случаѣ приближается къ бессознательному, и едва-ли подлежитъ сомнѣнію возможность, что оно перешагнетъ границу сознанія. И однако то, что совершалось бессознательно, впоследствии можетъ сказаться въ области сознанія. Какъ рассказываетъ *Фехнеръ* (*Elemente der Psychophysik II*, стр. 432 по 1-му изд.), онъ однажды утромъ въ постели былъ пораженъ тѣмъ, что ему представилось бѣлое изображеніе печной трубы, когда онъ закрылъ глаза. Передъ тѣмъ, лежа съ открытыми глазами и размышляя, онъ видѣлъ передъ собой, не сознавая этого, черную печную трубу на бѣломъ фонѣ стѣны, и то, что показалось ему теперь, было только негативнымъ слѣдомъ *). Значитъ, физическое раздраженіе происходило такимъ образомъ, что ощущеніе видѣнія *могло* возникнуть; но, за недостаткомъ вниманія въ сознаниі, возникло не самое ощущеніе, а только болѣе живой слѣдъ отъ него. Точно такъ же, если мы разсѣянно слушали нашего собесѣдника, то лишь долгое время спустя мы можемъ сознать, что онъ говорилъ. Здѣсь только, благодаря особенному усиленію вниманія, бессознательно воспринятія впечатлѣнія поднимаются надъ «порогомъ со-

*) Я самъ сдѣлалъ такое же наблюденіе.

знанія». Поэтому, если мы въ состояніи вспомнить что-нибудь, то это вовсе еще не доказательство того, что мы въ свое время дѣйствительно усвоили его вполне сознательно. Въ воспоминаніи можетъ быть вновь вызвано и бессознательное впечатлѣніе, благодаря его связи съ воспринятымъ сознательно *).

7. Особенно большую роль играютъ несознаваемые впечатлѣнія при развитіи чувствованій. Чувствованіе опредѣляется не только ясными и отчетливыми ощущеніями и представленіями, но также и незамѣтными впечатлѣніями, которыя лишь въ итогѣ доходятъ до сознанія. Вотъ откуда нѣчто мистическое и необъяснимое, составляющее сущность столь многихъ чувствъ; они непонятны человѣку именно въ ихъ первомъ пробужденіи, такъ какъ онъ не знаетъ ихъ опредѣленныхъ причинъ. Такъ чувство жизни зависитъ отъ воздѣйствія на мозгъ органическихъ функций; но отдѣльныя впечатлѣнія здѣсь выступаютъ не отчетливо, а только въ результатѣ даютъ темное и измѣнчивое настроеніе здоровья или недомоганія. Чувство любви, особенно при первыхъ своихъ проблескахъ, имѣетъ мистическій характеръ, въ силу пробужденія непонятныхъ органическихъ инстинктовъ и въ виду ихъ вліянія на чувство жизни и фантазію. Но нѣчто подобное есть и въ другихъ чувствахъ, и мы никогда вполне не сознаемъ вліянія пережитаго нами опыта и жизненныхъ условій на жизнь нашихъ чувствованій до тѣхъ поръ, пока чувство не приметъ яснаго характера, а можетъ быть даже и проявится въ дѣйствіи. Это все равно, какъ, вдыхая воздухъ, мы нисколько не думаемъ объ этомъ. Въ силу этого въ насъ идетъ незамѣтный ростъ, и притомъ нерѣдко того, что имѣетъ самое важное и рѣшительное значеніе для нашей духовной жизни. Тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ общимъ условіемъ жизни сознанія и нервныхъ процессовъ, что только болѣе или менѣе внезапная перемѣна приводитъ ихъ въ

*) Koch: Vom Bewusstsein in Zuständen sogenannter Bewusstlosigkeit, Stuttgart 1877, стр. 19: «Воспоминаніе можетъ быть и при дѣйствительно бессознательномъ состояніи, наприм., когда изъ цѣлага ряда событій, не вошедшихъ въ сознаніе, послѣдній членъ попадаетъ туда, вслѣдствіе чего воспроизводятся въ немъ и предшествовавшіе, бессознательно протекавшіе члены, или когда впослѣдствіи въ сознательномъ состояніи наступаетъ такое положеніе мозга, которое крайне близко къ положенію, бывшему при бессознательномъ состояніи, такъ что, благодаря этому, тѣ же процессы могутъ воспроизводиться уже какъ сознательныя, или какъ воспоминаніе».

дѣятельность. Медленное усиленіе тепла или электричества можетъ причинить лягушкѣ смерть, не сдвинувъ ея съ мѣста.

Внутренняя связь въ исторіи отдѣльныхъ людей и цѣлаго рода сохраняется только въ силу этого бессознательнаго прироста, результаты котораго имѣютъ большое значеніе для такой обширной части содержанія и энергіи сознательной жизни. Лишь при разсматриваніи рѣзко выраженныхъ состояній сознанія кажется, будто существуютъ рѣзкія границы и внезапные перевороты; если мы спустимся поглубже, то откроемъ безконечно развѣтвленные переходы. Такъ кораллы всегда строятъ въ глубинѣ моря, и ихъ сооруженіе открывается только, когда выходитъ на поверхность моря.

Лейбницъ первый обратилъ вниманіе на значеніе безконечно малыхъ элементовъ въ психологіи (точно такъ же, какъ въ математикѣ и физикѣ). Кромѣ того, онъ привелъ это ученіе въ связь съ своимъ закономъ непрерывности, который онъ защищалъ съ такою энергіей. Посредствомъ бессознательныхъ впечатлѣній (названныхъ имъ *petites perceptions*) Лейбницъ объясняетъ связь отдѣльнаго индивидуума со всей вселенной, съ которой онъ находится въ гораздо болѣе тѣсномъ общеніи, чѣмъ онъ это знаетъ. Тѣми же бессознательными впечатлѣніями объясняетъ Лейбницъ и способъ, какимъ прошедшее опредѣляетъ будущее и продолжается въ немъ *).

8. Сонъ есть промежуточная ступень между состояніями чисто бессознательнымъ и сознательнымъ. Поэтому аналогія, обнаруживающаяся между соннымъ и бодрственнымъ сознаніемъ, можетъ болѣе или менѣе бросить свѣтъ на отношеніе сознательнаго къ бессознательному.

Обыкновенно мы видимъ въ снѣ и бодрствованіи двѣ рѣзкія противоположности. Но какъ въ бодрственномъ состояніи есть безчисленныя степени энергіи, ясности и связности сознанія, точно такъ же существуетъ и много переходныхъ оттѣнковъ отъ бодрствованія ко сну и наоборотъ, да и самый сонъ имѣетъ различныя степени. Такъ выдѣлены слѣдующія нисходящія, по силѣ психической энергіи, формы сна: 1) греза съ полудремотою, 2) легкій утренній сонъ съ яркими сновидѣніями, 3) глубокій сонъ со смутными и мимолетными сновидѣніями, 4) самый глу-

*) Opera philosophica, ed. Erdmann. стр. 197.

бокій сонъ безъ сновидѣній [?] и 5) еще низшая форма, бывающая въ болѣзни, — сопорезное состояніе или лихорадочный сонъ *). Самый глубокій сонъ бываетъ сейчасъ послѣ того, какъ мы засыпаемъ. — На вопросъ, всегда ли мы имѣемъ сновидѣнія, даютъ различные отвѣты. Тѣ, которые отвѣчаютъ утвердительно, ссылаются отчасти на метафизическія основанія, именно, что душа по своей природѣ не можетъ не дѣйствовать, частью же на физиологическія, что въ мозгу идетъ непрерывное движеніе, и что мозгъ долженъ непрерывно воспринимать впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ ясно, что сонъ съ грезами ближе къ бодрственной жизни, чѣмъ сонъ безъ сновидѣній, если только онъ есть.

Связь между сознаниемъ во снѣ и наяву видна, во-первыхъ, изъ того, что интересы бодрственнаго сознанія занимаютъ его и во снѣ. Затрудненія и бѣдствія, непреодолимыя въ состояніи бодрствованія, преодолеваются во снѣ, или по крайней мѣрѣ воображаешь, что они преодолены, тогда какъ, съ другой стороны, встрѣчаются непонятныя и непреодолимыя затрудненія въ хорошо знакомыхъ и нисколько не затруднительныхъ положеніяхъ. Далѣе, элементы, изъ которыхъ строится міръ сновидѣній, большею частью взяты изъ опыта бодрственной жизни, хотя эти элементы появляются въ новыхъ и часто фантастическихъ комбинаціяхъ. Во время сна непрерывно воспринимаются впечатлѣнія не только извнутри организма (отъ органовъ дыханія и пищеваренія), но также и извнѣ (осязательныя, звуковыя, свѣтovyя и т. д.). Слѣдовательно, связь съ внѣшнимъ міромъ не прекращается вполнѣ. Эти впечатлѣнія сплетаются со слѣдами, оставшимися отъ бодрственной жизни, въ новый міръ представленій. Однако образованіе ихъ совершается при другихъ условіяхъ, чѣмъ въ бодрствованіи. Здѣсь недостаетъ прочнаго сосредоточенія вниманія и всесторонняго контроля, который вызывается и поддерживается бодрственною жизнью. Отъ этого отдѣльныя впечатлѣнія, особенно общія ощущенія, приобрѣтаютъ такую силу, что нарушается единство и послѣдовательность. Слѣдствіемъ этого является вполнѣ произвольное и смѣлое объясненіе всякаго такого отдѣльнаго впечатлѣнія. Сновидѣніе носитъ, такъ сказать, мифологическій характеръ. Если дыханіе особенно легко и свободно, то намъ ка-

*) P. Hedenius: О снахъ (Vetenskap för alla, т. III, Стокгольмъ 1880), стр. 609—611.

жется, что мы летимъ; если оно затруднено, то наступаетъ кошмаръ. Если, раскрывшись во снѣ, начинаешь зябнуть, то кажется, будто совершаешь путешествіе къ полюсу, или гуляешь нагишомъ по улицѣ. Одному господину, имѣвшему въ ногахъ теплую бутылку, снилось, что онъ гуляетъ на кратерѣ Этны. Часто строится очень запутанное происшествіе для объясненія самыхъ простыхъ впечатлѣній: такъ, наприм., если срывается занавѣска и при этомъ въ комнату проникаетъ мерцающій свѣтъ, то намъ снится страшный судъ съ массой подробностей.

И въ бодрственномъ состояніи отдѣльныя впечатлѣнія объясняемъ мы, смотря по ихъ отношенію къ бывшему нашему опыту. Тому же методу слѣдуетъ и сонное сознание, и часто съ большимъ остроуміемъ, выдержкой и не безъ нѣкоторой художественности; но обыкновенно оно не можетъ совладать съ отдѣльными впечатлѣніями. Каждое изъ нихъ вызываетъ свой потокъ мыслей, овладѣвающій сознаниемъ до тѣхъ поръ, пока его не смѣнитъ новый потокъ, вызываемый слѣдующимъ впечатлѣніемъ. Здѣсь нѣтъ достаточнаго сопротивленія по отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ. Оттого сновидѣніе переменчиво и безпорядочно, въ чемъ оно и сходно съ сумасшествіемъ, которое, вѣдь, точно такъ же есть состояніе распада. Многія сновидѣнія, быть можетъ, вызываются даже и не впечатлѣніями чувствъ, а происходятъ чисто автоматически; но нѣчто подобное этому есть и въ бодрственномъ состояніи, а именно въ галлюцинаціяхъ и внезапныхъ внушеніяхъ.

Итакъ, въ сновидѣніи дѣйствуютъ психологическіе законы, но только ниже порога сознания въ строгомъ смыслѣ этого слова. Сновидѣніе является этапомъ на пути отъ бессознательной жизни къ сознательной.

9. Иногда актъ пробужденія представляетъ обстоятельства, которыя могутъ бросить свѣтъ на отношеніе между сознательнымъ и бессознательнымъ. При пробужденіи не всегда имѣетъ рѣшающее значеніе физическая сила раздраженія, — тутъ важно также его отношеніе къ житью-бытью индивидуума, къ его интересамъ въ бодрственномъ состояніи, т. е. то, что *Бурдахъ* *) назвалъ психическимъ отношеніемъ раздраженія. Безразличное слово не раз-

*) Physiologie III, стр. 460.—*Карпентеръ*, точно такъ же приводитъ множество примѣровъ (§§ 479—480).

будить, если его тихо произнести; зато мать просыпается от малѣйшаго движенія ребенка. Одного скрягу разбудили тѣмъ, что вложили ему въ руку монету. Морской офицеръ, спавшій при сильнѣйшемъ шумѣ, проснулся, какъ только послышался шепотъ: «сигналъ!» Но на основаніи этихъ случаевъ еще нельзя согласиться съ Бурдахомъ, что душа во время сна различаетъ чувственныя воспріятія; напротивъ, эти случаи показываютъ, что отдѣльное впечатлѣніе достигаетъ сознанія, только соединяясь съ другимъ содержаніемъ опыта. Отдѣльное впечатлѣніе ведетъ за собою цѣлый рядъ дѣйствій въ мозгу и тѣмъ вызываетъ сознаніе. Актъ пробужденія, переходъ изъ бессознательнаго — по крайней мѣрѣ относительно — къ сознательному состоянію происходитъ отъ того, что отдѣльное впечатлѣніе, соединяясь съ другими, получаетъ необходимый для него фонъ, чтобы сдѣлаться сознательнымъ. Это вполне согласно съ тѣмъ, что сознаніе является связаннымъ съ очень сложными нервными органами, въ которыхъ можетъ встрѣчаться много теченій.

Это обстоятельство могло бы, пожалуй, пролить нѣкоторый свѣтъ на раньше упомянутый психологическій парадоксъ, а именно, что невозможно сознать совсѣмъ простаго и одинокаго ощущенія, и на связанную съ этимъ трудность представить себѣ начало сознанія. Можно бы думать, что это начало обусловлено тѣмъ, что единичное впечатлѣніе тотчасъ же вызываетъ нѣсколько элементовъ сознанія. Какъ, повидимому, возможно вспомнить, что совершилось бессознательно, такъ же точно, пожалуй, и впечатлѣніе можетъ пробудить сознаніе, открывая одновременно и передній, и задній планъ его. Однако, этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что начало сознанія можно себѣ представить, какъ отдѣльный мгновенный актъ.

10. Несмотря на тѣсную связь и тѣсное взаимодействіе между сознательнымъ и бессознательнымъ, все-таки бессознательное постоянно остается для насъ отрицательнымъ понятіемъ. Бессознательные процессы — такіе же мозговые процессы, какъ и сознательные; но есть-ли въ нихъ, какъ въ этихъ послѣднихъ, нѣчто большее, этого мы не знаемъ. вмѣсто того, чтобы говорить о бессознательномъ мышленіи или бессознательномъ чувствованіи, было бы всего вѣрнѣе, — если ужъ избѣгать всякихъ гипотезъ, — вмѣстѣ съ *Карпентеромъ* и *Стюартомъ Миллемъ* говорить о бессознательной мозговой дѣятельности (*inconscius cerebration*),

если бы только это выраженіе не было неудобнымъ, во-первыхъ, потому, что оно можетъ повести къ недоразумѣнію, будто мы когда-либо сознаемъ самую мозговую дѣятельность; во-вторыхъ, потому, что этимъ выраженіемъ мы какъ будто утверждаемъ, что бессознательная дѣятельность совѣмъ не имѣетъ ничего общаго съ сознательными состояніями, извѣстными намъ по самимъ себѣ. Быть можетъ, невозможность провести рѣзкую границу между сознательнымъ и бессознательнымъ, такъ же какъ поразительная аналогія въ образѣ дѣйствія обѣихъ областей и въ результатахъ его, могли бы оправдать гипотезу, которая и въ идеальномъ мірѣ давала бы такое же значеніе закону непрерывности, какое онъ имѣетъ въ тѣлесномъ, гдѣ, повидимому, все подчинено ему. Тогда всѣмъ различнымъ тѣлеснымъ явленіямъ движенія соотвѣтствовали бы различныя степени и формы того, что обнаруживается въ насъ какъ мышленіе и чувствованіе. Какъ органическій міръ создается изъ элементовъ и посредствомъ дѣятельностей, которыя являются также и въ неорганической природѣ, только болѣе разсѣянными, безъ единства и гармоніи, такъ и ощущенія, чувствованія, мысли сознательныхъ существъ были бы для насъ высшими формами развитія чего-то такого, что на низшихъ ступеняхъ природы является въ низшей степени и въ низшей формѣ. Мы бы тогда избѣгли парадокса, что жизнь сознанія начинается вдругъ, безъ подготовки. *Лейбницъ* вывелъ изъ закона непрерывности какъ разъ это заключеніе: «ничто не могло бы произойти сразу, — ни мысль, ни движеніе» *). Онъ установилъ аналогію между отношеніемъ живой силы къ упругой силѣ и между отношеніемъ сознательнаго къ бессознательному. Какъ упругая сила (потенціальная энергія) — не что иное, какъ живая сила въ состояніи равновѣсія, такъ и бессознательное состояніе можетъ быть покоющимъ или нейтрализованнымъ сознаніемъ. Съ этимъ прекрасно согласовалось бы и то, что перемѣна или нарушеніе равновѣсія является существеннымъ условіемъ для сознанія. Значить, какъ во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ абсолютнаго покоя, такъ — можно бы сказать тогда — нѣтъ ничего абсолютно бессознательнаго. Бессознательность въ такомъ случаѣ вовсе не была бы отсутствіемъ сознанія, а только его низшею степенью, и лежала бы на продолженіи нисходящаго ряда степеней сознанія **).

*) Op. phil. ed. Erdmann, стр. 226. Ср. также Спиноза: *Этика* II, 13 схолія.

**) Этотъ взглядъ встрѣчается у многихъ новѣйшихъ естествоиспытателей.

Эмпирически жизнь сознания является связанною съ опредѣленными формами и функциями нервной системы. Но сама нервная система образовалась путем дифференцированія изъ однообразной протоплазмы; въ такомъ случаѣ свойства нервной системы точно такъ же должны быть высшими степенями чего-то, уже связаннаго съ общею органическою матеріей (ср. выше, стр. 40). Здѣсь нѣтъ ничего, что оправдывало бы на извѣстной данной ступени тѣлеснаго развитія совершенно новыя точки зрѣнія. Нервная система есть, такъ сказать, высшій цвѣтъ тѣлеснаго существованія; она отличается высшею степенью развитія отъ другихъ тѣлесныхъ формъ существованія. Поэтому новѣйшіе физиологи (напр. *Клодъ Бернаръ*) сводятъ чувствительность къ раздражительности (способности воспринимать раздраженія и отвѣчать на нихъ) органической матеріи. Значитъ, сознательный отвѣтъ на раздраженіе былъ бы только высшею формой бессознательнаго. *Бернаръ* для доказательства своего взгляда указываетъ на дѣйствіе одуряющихъ веществъ (анестезирующихъ). Когда подобныя вещества (опіумъ, хлороформъ и т. д.) прекращаютъ сознание, то это происходитъ потому, что они прежде всего дѣйствуютъ на самую воспримчивую къ раздраженіямъ часть организма, т. е. на нервную систему, или наиболѣе дифференцированную органическую матерію. При болѣе сильныхъ дозахъ и при болѣе продолжительномъ дѣйствіи постепенно затрогивается и остальная жизнедѣятельность. Что получаетъ отъ одной и той же вещи одинаковыя вліянія, но въ разныхъ степеняхъ, то и само можетъ быть различнымъ только по степени. Такимъ образомъ отъ низшихъ проявленій жизни мы поднимаемся постепенно вверхъ до высшихъ, съ которыми связано сознание *).

Интереснѣе всего онъ разработанъ у *Клиффорда* (Lectures and Essays II. стр. 61, 84 и слѣд.).—*Вирховъ*, возстающій противъ этой гипотезы въ своей рѣчи „Die Freiheit der Wissenschaft“, все-таки дѣлаетъ очень важную уступку, что область духовныхъ явленій необходимо придется расширить далеко ниже области человѣческаго сознания до самыхъ низшихъ животныхъ, растений, клѣтокъ, атомовъ, если духовные процессы приводить въ связь съ тѣмъ, что совершается въ остальномъ мірѣ (стр. 27).—Монистическое умозрѣніе не можетъ быть названо неосновательнымъ, разъ оно дѣйствительно есть единственно возможный способъ для логической установки связи между духовными явленіями и остальнымъ міромъ.

*) *Бернаръ*: Leçons sur les phénomènes de la vie, стр. 280—290.—См. его статью: Чувствительность въ царствѣ животномъ и растительномъ (въ сбор-

велико разстояніе функций человѣческаго мозга отъ движеній неорганической группы атомовъ, на столько же значительною должна быть признана и разница между человѣческимъ сознаниемъ и психическимъ элементомъ, связаннымъ съ группою атомовъ, хотя это различіе и можетъ быть только въ степени. Итакъ, мы пришли здѣсь къ признанію необходимости продолжить внизъ вышеприведенную (I, 6) скѣлу. Но различіе по степени не исключаетъ возможности возникновенія совершенно новыхъ формъ и свойствъ, для которыхъ мы не имѣемъ ничего подобнаго на низшихъ ступеняхъ; тѣло, наприм., получаетъ другія свойства, когда его температура измѣняется; точно такъ же сложное вещество можетъ обладать свойствами, которыхъ не имѣетъ ни одна изъ его составныхъ частей. Поэтому мы не можемъ составить себѣ представленія о свойствахъ тѣхъ формъ душевной жизни, которыя находятся ниже порога сознания.

11. Здѣсь мы приведемъ еще одно важное соображеніе. Въ своемъ изложеніи мы указывали на большое значеніе принципа сохраненія физической энергіи, который является выраженіемъ величественной связи въ тѣлесномъ мірѣ, но однако не допускаетъ признать существованіе причиннаго отношенія между матеріей и сознаниемъ. Но принципъ сохраненія энергіи есть только особенная, точная форма, въ которой выражается общее начало причинности въ физической области. Начало причинности здѣсь удовлетворено, когда физическія причины имѣютъ физическія слѣдствія. Но къ этимъ слѣдствіямъ присоединяется въ нѣкоторыхъ пунктахъ сознание, какъ нѣкій плюсъ, прибавокъ, который нельзя объяснить физическими причинами. Отсюда *Дюбуа-Реймонъ* въ своемъ сочиненіи «О границахъ естествознанія» (1872) слѣлалъ тотъ выводъ, что духовныя явленія стоятъ внѣ закона причинности и нарушаютъ законъ достаточнаго основанія. Сообразно съ предыдущимъ мы должны признать это справедливымъ, если стоять на чисто *дедуктивной* точкѣ зрѣнія и заимствовать посылки для дедукціи изъ области законовъ физической механики. Но мы не имѣемъ никакого права думать, что только эти законы и есть. Это, какъ было указано прежде (II, 2),

никѣ статей Бернара подъ заглавіемъ: *La science expérimentale*), а также и его *Rapport sur les progrès et la marche de la physiologie générale en France*, Paris 1867, стр. 180.

основанія, на которыхъ удалось воздвигнуть величественное зданіе естественныхъ наукъ; однако отсюда не слѣдуетъ, что они исчерпываютъ природу всего сущаго. То бытіе, которое, если его разсматривать съ одной стороны, познается и объясняется съ точки зрѣнія закона сохранения вещества и закона сохранения энергіи, безъ всякаго сомнѣнія можетъ имѣть другія стороны, не объясняющіяся тѣми же точками зрѣнія, но предполагающія новые принципы,—конечно, не въ разрѣзъ первымъ. Но въ первой главѣ мы показали, что принципиальная самостоятельность психологіи по отношенію къ естественнымъ наукамъ (въ тѣсномъ смыслѣ) опредѣляется тѣмъ, что она основывается не исключительно на результатахъ физики и физиологіи, но черпаетъ и изъ совершенно иного источника знанія, а именно изъ внутренняго субъективнаго воспріятія. Слѣдовательно, если опытъ не исчерпывается физическимъ опытомъ, то, сдѣлавши всѣ выводы изъ основныхъ законовъ физическаго опыта и увидѣвъ, что они насъ не приводятъ къ сознанію, мы признаемъ необходимымъ приняться за *новое индуктивное изслѣдованіе* и прибѣгнуть къ *новому эмпирическому исходному пункту*. Здѣсь передъ нами двѣ задачи: во-первыхъ, найти закономерность въ мірѣ психологическаго опыта, а во-вторыхъ—найти отношенія психологическаго опыта къ физическому. Первою задачею мы займемся въ слѣдующихъ главахъ, вторую мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ. Тамъ для насъ представлялось труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, втиснуть жизнь сознанія въ промежутки или пробѣлы внѣшней природы, и мы приведены были къ тому, чтобы видѣть въ ней другую форму проявленія одного и того же существа, которое дѣйствуетъ и въ тѣлесномъ мірѣ. Этимъ уничтожается парадоксъ Дюбуа-Реймона, потому что теперь остается только возможность признать одинаково всеобъемлющую связь какъ въ одной, такъ и въ другой области. Въ такомъ случаѣ намъ только кажется, что сознаніе происходитъ изъ ничего, точно такъ же, какъ можетъ показаться, что во внѣшней природѣ нѣчто можетъ возникнуть изъ ничего. Въ такомъ случаѣ кажущееся возникновеніе сознанія есть только переходъ изъ одной идейной формы въ другую, точно такъ же какъ всякое новое тѣлесное движеніе образуется благодаря превращенію въ него другой формы.

Подобную гипотезу надо принимать такъ, какъ она есть. Без-

сознательное есть предѣльное понятіе науки; и когда мы подходимъ къ такому предѣлу, то могутъ быть не лишены значенія попытки путемъ гипотезы взвѣсить возможности, представляющія намъ въ видѣ слѣдствій изъ нашего знанія; однако дѣйствительное расширеніе нашего фактическаго знанія здѣсь невозможно. Мы поступаемъ въ этомъ случаѣ подобно филологу, дополняющему отрывокъ древняго писателя посредствомъ коніектурной критики. Духовный міръ въ сравненіи съ физическимъ является намъ отрывкомъ; только путемъ гипотезы есть возможность его дополнить, и даже такое дополненіе наталкивается на большія, уже затронутыя нами затрудненія (см. стр. 75 и слѣд.).

12. Эта отрывочность въ положеніи психологическихъ явленій въ нашемъ эмпирическомъ міровоззрѣніи влечетъ за собою то, что психологія никогда не сдѣлается точною наукой, какою сдѣлалась физика и какою уже дѣлается физиологія.

Внутреннее несовершенство психологіи обусловливается отсутствіемъ принципа, къ которому можно было бы свести какъ психологическое, такъ и физическое наше познаніе. Философское умозрѣніе искало такого принципа, изъ котораго можно было бы вывести какъ духовный, такъ и матеріальный міръ. Такой принципъ *Спиноза* нашелъ въ «субстанціи», безконечномъ первосуществѣ, *Шеллингъ*—въ «абсолютномъ тождествѣ», *Гегель*—въ «абсолютной идеѣ». Но всегда оказывалось, что подобные принципы не заключаютъ дѣйствительнаго объясненія, и что дедукція ихъ основывается на ложныхъ предположеніяхъ. Исходя изъ опыта, мы принуждены поставить такую цѣль, но въ то же время хорошо понимаемъ, что ея нельзя достигнуть.

Такимъ образомъ, если мы не въ состояніи создать точной дедуктивной психологіи, не говоря уже о болѣе высокомъ знаніи, изъ котораго можно было бы вывести какъ психологію, такъ и физику, то мы все-таки можемъ путемъ индукціи выяснить важные законы, фактически годные какъ для жизни сознанія, такъ и для внѣшней природы. Заслуга *Герберта Спенсера* въ томъ, что онъ первый провелъ эту точку зрѣнія *). Онъ показалъ, что всѣ явленія, которыя мы знаемъ въ области какъ внутренняго, такъ и внѣшняго опыта, подвержены развитію, и сдѣлалъ попытку

*) First principles (первое изданіе 1861); Principles of Biology (1864); Principles of Psychology (первое изданіе 1855). Всѣ эти сочиненія есть въ русскомъ переводѣ.

установить общіе законы всяческаго развитія. Во всѣхъ областяхъ развитіе состоитъ въ переходѣ изъ несвязнаго, неопредѣленнаго и однороднаго состоянія въ связанное, опредѣленное и разнородное *). Благодаря этимъ общимъ законамъ и формамъ, душевная жизнь является съ новой стороны тѣсно связанною съ общею міровою жизнью; ихъ пути переплетаются между собою. Здѣсь мы замѣтимъ только, что въ качествѣ общаго признака развитія во всѣхъ его формахъ можно указать на прогрессирующую индивидуализацію. Повсюду въ природѣ образуются меньшія единства внутри большого, безконечнаго единства, каждое со своимъ особеннымъ взаимоотношеніемъ къ окружающему міру **). Индивидуумъ это—существо, которое такъ обособлено отъ среды и такъ независимо отъ нея, что онъ можетъ въ свою очередь съ нѣкоторою своеобразностью дѣйствовать на среду. Вполнѣ выраженную индивидуальность мы находимъ, какъ было уже (стр. 40 и слѣд.) упомянуто, только въ области жизни ^исознанія, гдѣ есть внутренніе центры страданія и дѣйствія. Значитъ, этотъ міровой законъ пріобрѣтаетъ самое ясное выраженіе въ духовной области—какъ бы въ вознагражденіе за то, что здѣсь нѣтъ мѣста болѣе элементарному закону сохраненія энергіи. Если бы оба эти закона можно было привести въ гармонію или свести къ одному болѣе глубокому принципу, то всѣ загадки были бы разрѣшены.

*) См. Den engelske Filosofi i vor Tid (современная англійская философія) стр. 137—139. У насъ *Зибвернъ* придавалъ особенное значеніе тому, что всякое развитіе, исходя изъ различныхъ исходныхъ пунктовъ, совершается мѣстами и только постепенно приводитъ къ связи; онъ очень хорошо доказалъ это относительно душевной жизни въ статьѣ своего «Философскаго Архива» (Копенгагенъ 1830), стр. 263.

**) См. мое сочиненіе: Ueber die Grundlage der humanen Ethik (Bonn 1880), стр. 80—81.

IV.

Подраздѣленіе психологическихъ элементовъ.

1. Предыдущіе отдѣлы имѣли своимъ предметомъ отношеніе психологическихъ явленій къ другимъ областямъ. Прежде чѣмъ приняться за изслѣдованіе специальныхъ психологическихъ отношеній, не бесполезно будетъ бросить взглядъ на сознательную жизнь во всемъ ея объемѣ и на главныя различія въ ней. Отъ этого мы меньше подвергаемся опасности за подробностями потерять изъ виду главное. Правда, тутъ, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, мы должны считать данными и общепризнанными многіе факты, которые можно обосновать только специальнымъ изслѣдованіемъ. Однако, отъ этого мы имѣемъ ту выгоду, что изложеніе можетъ идти отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ главныхъ чертъ къ подробностямъ. Кромѣ того, частныя психологическія изслѣдованія предполагаютъ отвлеченіе отъ великой живой связи, въ которой возникаетъ и существуетъ всякое душевное явленіе; значитъ, тѣмъ болѣе необходимо прежде всего установить цѣлое, откуда уже психологическое отвлеченіе выдѣляетъ отдѣльные элементы.

Не всегда былъ ясенъ отвлеченный характеръ психологическихъ подраздѣленій и понятій. Размышленіе довольно рано открыло различныя элементы въ сознательныхъ состояніяхъ, но оно было склонно смотрѣть на нихъ, какъ на самостоятельныя, обособленныя части или способности души (ср. I, 8 с). Такъ уже у Платона (въ 4-й книгѣ «Государства») мы находимъ различеніе «частей» души, построенное на остроумномъ анализѣ. Въ этомъ различеніи проявляются внутреннія борющіяся противоположности духа: 1) разумъ, 2) чувства мужества и гнѣва, 3) чувственное

влеченіе. Въ новѣйшія времена точно такимъ же внѣшнимъ образомъ говорили о различныхъ «способностяхъ», независимыхъ одна отъ другой и дѣйствующихъ будто бы въ противоположныхъ направленіяхъ. Кромѣ разлада, внесеннаго такимъ образомъ въ различныя части или способности душевной жизни,—разлада, опровергаемаго безусловнымъ единствомъ сознательной жизни, безъ котораго нельзя было бы чувствовать и сознавать какъ разъ самыхъ рѣзкихъ противоположностей, приверженцы этого взгляда не избѣгли иллюзіи, будто свести на различныя «способности» значитъ объяснить душевныя явленія,—будто, наприм., познаніе и чувствованіе, каждое само по себѣ, легче понять, если принять особую познавательную и особую чувствующую способность. Эта иллюзія подобна той, которая выводитъ жизнь изъ жизненной силы, и которую *Мольеръ* осмѣялъ въ эпилогѣ къ «Мнимобольному», гдѣ докторантъ объясняетъ усыпляющее дѣйствіе опиума тѣмъ, что приписываетъ ему какую-то *virtus dormitiva* (усыпительную силу). Упускался изъ виду,—какъ это все еще дѣлается сплошь и рядомъ,—чисто отвлеченный характеръ такихъ разграниченій. Они указываютъ только на существованіе извѣстныхъ различій между извѣстными состояніями сознанія, но это не даетъ никакого права заключить каждое изъ нихъ въ свою особую рубрику. Прежде всего надо изслѣдовать, не находятся ли одни и тѣ же элементы во всѣхъ дѣйствительныхъ состояніяхъ сознанія, такъ что различія основываются на преобладаніи извѣстныхъ элементовъ и на подчиненномъ значеніи другихъ. Итакъ, собственно говоря, группируются и подраздѣляются не сами явленія сознанія или состоянія его, а элементы, которые мы находимъ въ нихъ при ближайшемъ изслѣдованіи, причѣмъ подъ *психологическими элементами* мы понимаемъ различныя стороны или свойства состояній сознанія или явленій его. Обособляя познаніе и чувствованіе, мы имѣемъ въ виду только состоянія съ преобладающими элементами представленія въ противоположность состояніямъ съ преобладающими элементами чувствованія. Какъ мы увидимъ, только этотъ взглядъ и выдерживаетъ критику, такъ какъ нельзя указать ни на одно состояніе, которое всецѣло было бы или чистымъ представленіемъ, или чувствованіемъ, или хотѣніемъ. Слѣдовательно, вопросъ о классификаціи сводится собственно къ тому, имѣемъ ли мы право принимать различныя ряды психологическихъ элементовъ.

2. Въ настоящее время принято подраздѣлять психологическія явленія на три рода: познаніе, чувствованіе и воля. Со временъ *Аристотеля* слѣдовали двухчастному дѣленію—на познаніе и волю. Но нѣмецкіе психологи прошлаго столѣтія признали чувствованіе переходнымъ членомъ. Особенное вліяніе на психологическую классификацію имѣлъ *Руссо*, настойчиво защищая права и значеніе чувствованій. Благодаря тому, что *Кантъ* примѣнялъ это трехчастное дѣленіе, оно получило всеобщее распространеніе. Со временъ Канта дѣлались попытки свести всѣ проявленія сознанія къ одному роду элементовъ. Эти попытки не удались, да кромѣ того онѣ признаютъ фактъ тройственности элементовъ, но стараются свести ее къ одному началу.

Древніе психологи понимали чувство или какъ смутную мысль, или какъ влеченіе и хотѣніе. Вполнѣ естественно, что вниманіе сперва было направлено на *познаніе* и *волю* и упустило изъ виду элементы, лежащіе глубже. Это все равно, какъ вниманіе направляется на внѣшній міръ раньше, чѣмъ на внутренній. Познаніе и воля именно и являются тѣми сторонами сознательной жизни, которыя обращены къ внѣшнему міру. Въ познаніи (къ нему психологія относитъ ощущенія, представленія и мысли) составляется образъ внѣшняго міра и самого индивидуума, какъ части міра. Въ волѣ (къ ней причисляются влеченіе, намѣреніе и рѣшеніе) индивидуумъ дѣйствуетъ обратно на внѣшній міръ. Элементы чувства, внутренній ритмъ удовольствія и недовольства всегда такъ тѣсно связаны съ извѣстными образами и мыслями или съ извѣстными поступками, что ихъ легко смѣшать съ этими послѣдними. Помимо того, чувствованіе само по себѣ очень трудно поддается описанію. Простое воспріятіе, напр. цвѣтъ или звукъ, можно подмѣтить непосредственно, но чувства удовольствія и боли лежатъ глубже и не могутъ быть элементами непосредственнаго чувственнаго воспріятія. Чувствованіе можно бы, пожалуй, опредѣлить, какъ нѣчто такое въ нашихъ внутреннихъ состояніяхъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться элементомъ воспріятія или образа. Оно освѣщаетъ изнутри потокъ ощущеній и представленій. Но не всякое удовольствіе или недовольство проявляется дѣйствіемъ. Въ первомъ отдѣлѣ мы приводили примѣры, какъ трудно по внѣшнему состоянію заключать о внутреннихъ чувствахъ.

Самостоятельность элементовъ чувствованія по отношенію къ

другимъ элементамъ сознанія видна изъ того, что если даже и нѣтъ состоянія, которое можно бы назвать только чувствомъ безъ познанія и воли, то чувство все-таки не связано непременно съ *опредѣленнымъ* теоретическимъ или практическимъ отношеніемъ. У различныхъ людей и у одного и того же лица, но въ различное время, удовольствіе и недовольство связано съ различными предметами. Что возбуждало сначала неудовольствіе, позже можетъ вызвать удовольствіе, и наоборотъ. Въ то же время очевидна противоположность между такими состояніями, гдѣ мысль или поступокъ такъ сильно завладѣваютъ сознаніемъ, что волна чувства едва замѣтна, и такими, гдѣ сильное возбужденіе чувствъ оттѣсняетъ ясное и связанное мышленіе и обдуманное дѣйствіе. Физиологически послѣднія состоянія ясно отмѣчены тѣмъ, что движеніе распространяется изъ центральной нервной системы къ внутреннимъ органамъ и отсюда дѣйствуетъ обратно на мозгъ.

3. Хотя такимъ образомъ мы въ правѣ при психологическомъ изслѣдованіи брать за основаніе трехчастное дѣленіе, но отсюда, однако, не слѣдуетъ, что его нужно считать первичнымъ фактомъ. Въ нашей характеристикѣ сознательной жизни мы принимаемъ ее такъ, какъ она является на высшей ступени развитія, гдѣ она достигла извѣстной отчетливой формы. Мы не имѣемъ никакого права предполагать, что тройственность элементовъ такъ же ясно выступаетъ на низшихъ ступеняхъ развитія. Напротивъ, общій законъ развитія—тотъ, что неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному. Зародышъ организма представляетъ однообразную массу, гдѣ еще нельзя различить опредѣленнаго строенія. Если сознательная жизнь слѣдуетъ общимъ законамъ жизни и развитія, то мы должны ожидать, что три различныхъ рода элементовъ выступаютъ на низшихъ ступеняхъ не такъ отчетливо, какъ на высшихъ.

Въ силу этого мы принуждены примѣнить другую точку зрѣнія, чѣмъ прежде. вмѣсто подраздѣленія въ ширь, на различные, но одновременно дѣйствующіе элементы, мы получаемъ теперь подраздѣленіе въ высь, по стадіямъ, изъ которыхъ одна развивается изъ другой. И эта точка зрѣнія уже давно была примѣнена въ психологіи, и первымъ опять-таки надо назвать *Аристотеля*, основателя опытной психологіи. Правда, *Платонъ* дѣлалъ различіе между высшими и низшими формами душевной жизни; но онъ основывался прежде всего на этическихъ мотивахъ и оспаривалъ воз-

возможность образованія высшихъ душевныхъ формъ изъ низшихъ, такъ какъ послѣднія будто бы происходятъ только потому, что духовное существо вселяется въ смертное тѣло. Аристотель, напротивъ того, остроумно пользуясь матеріаломъ, находящимся въ его распоряженіи, старается показать, какъ одна форма проявленія душевной жизни образуетъ основаніе для другой. Это воззрѣніе въ наши дни получило новое основаніе, благодаря гипотезѣ развитія и представленному ею требованію найти связь между ступенями развитія душевной жизни не только въ отдѣльной особи, но также въ родѣ и въ рядѣ поколѣній.

4. Сознательная жизнь, несомнѣнно, начинается уже въ зародышѣ (см. I, 4). По всему можно заключить, что уже тутъ проявляются различныя болѣе или менѣе опредѣленныя чувственныя ощущенія (слѣдовательно, элементы познанія). Навѣрно бываютъ также колебанія удовольствія и неудовольствія, смотря по ходу растительныхъ функцій. Въ движеніяхъ, совершаемыхъ зародышемъ нерѣдко съ большою живостью, можно видѣть выраженіе первичной воли, — объяснять-ли ихъ, вслѣдъ за *Беномъ*, бессознательнымъ позывомъ освободить накопившееся напряженіе, или уже здѣсь говорить о дѣйствительномъ влеченіи къ движенію. Если даже эти движенія сперва совершаются безъ всякаго сознанія, то они вскорѣ приведутъ къ сознанію, благодаря ощущеніямъ, вызваннымъ ими. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ элементы всѣхъ трехъ родовъ, но въ тѣсной связи между собою. *Раздраженіе* тутъ прямо *переходитъ въ реакцію*; если даже въ движеніяхъ зародыша можно видѣть больше, чѣмъ чисто рефлекторныя движенія, все-таки они не много выше инстинкта. *Инстинктъ* отличается отъ чисто рефлекторнаго движенія тѣмъ, что *содержитъ* позывъ въ видѣ чувства, слѣдовательно — нѣчто въ родѣ сознанія, хотя въ немъ и нѣтъ сознанія настоящей цѣли дѣйствія; онъ отличается отъ мимовольнаго разряженія энергіи, допускаемаго *Беномъ*, своимъ направленіемъ къ опредѣленной, полезной для особи или рода цѣли. Инстинкту нѣтъ надобности развиваться сразу; онъ не исключаетъ необходимости извѣстныхъ элементарныхъ опытовъ; но они приобрѣтаются легко и естественно путемъ первоначальной организаціи. Движеніе, выражающее хорошее или дурное состояніе, естественно должно, согласно организаціи индивидуума, пойти по самымъ удобнымъ путямъ. Эта первоначальная организація дана, какъ точка отправ-

ленія, гдѣ соединены сознательное и безсознательное, наслѣдіе рода и собственный опытъ и дѣятельность индивидуума. — Итакъ, новорожденный обладаетъ не только орудіями чувствъ и движенія, но онъ уже началъ пріучаться къ нимъ еще въ материнской утробѣ *). Между тѣмъ на этой стадіи нельзя еще установить опредѣленнаго различія между различными элементами. Чувственныя ощущенія прямо сливаются съ чувствами удовольствія и недовольства, которыя съ такою же точно непосредственностью прорываются въ движеніяхъ.

Опыты надъ нѣжнымъ дѣтскимъ возрастомъ соотвѣтствуютъ заключеніямъ, которыя можно сдѣлать о сознательной жизни зародыша. Преобладающее значеніе растительной жизни исключаетъ дифференцированіе. *Непосредственный, мгновенный переходъ отъ раздраженія къ движенію* является отличительною особенностью начальной стадіи сознательной жизни; только постепенно образуется *промежутокъ*, во время котораго обнаруживаются внутреннія различія и противоположности. «Безотносительная сила, съ какой происходитъ обмѣнъ веществъ мозговой массы въ дѣтскомъ возрастѣ, значительно больше, чѣмъ у взрослога. Большее содержаніе воды и болѣе мягкое качество мозговой массы точно такъ же благоприятствуютъ обмѣну веществъ, преобладаніемъ котораго можно бы отчасти объяснить большую раздражительность нервной системы у дѣтей». Гдѣ взрослые только дрожатъ, тамъ маленькія дѣти падаютъ въ конвульсіяхъ. Полная произвольность и мгновенность перехода отъ раздраженія къ движенію вообще видна изъ того, какъ мало значенія имѣетъ большой мозгъ въ этотъ первый періодъ жизни. Удаленіе или заболѣваніе его у новорожденныхъ не имѣетъ тѣхъ же послѣдствій, какъ у взрослыхъ **). Психологическое значеніе этихъ фактовъ станетъ понятно, если имѣть въ виду связь между функціями большого мозга и высшею дѣятельностью сознанія.

*) *Kussmaul*: Untersuchungen über das Seelenleben des neugeborenen Menschen, стр. 35. — Ср. кромѣ того *Cabanis*: Rapport du physique et du morale, éd. Feisse, Paris 1843, стр. 114 и слѣд. (русск. пер. П. А. Бибикова, Спб. 1865—1866). — *Burdach*: Physiologie als Erfahrungswissenschaft, томъ 2, Leipzig, 1828, стр. 693 и слѣд.

**) *Vierordt*: Physiologie des Kindesalters, стр. 133, 137. — *Darwin*: The Expression of the Emotions, London 1872, стр. 67: рус. переводъ подъ ред. А. Ковалевскаго, Спб. 1872.

Даже и тамъ, гдѣ проявляется не только инстинктъ, но и *влеченіе* въ узкомъ смыслѣ, именно какъ двигательный импульсъ, направляемый представленіемъ цѣли,—даже и тамъ отношенія еще слишкомъ просты для того, чтобы различіе психологическихъ элементовъ выступало опредѣленно и ясно. При влеченіи задача представленія—дать душѣ толчокъ въ извѣстномъ направленіи. Такую роль при жаждѣ играетъ представленіе воды. Если художникъ думаетъ объ отраженіяхъ свѣта на поверхности воды, или химикъ — объ ея составѣ, то у нихъ представленіе о водѣ до извѣстной степени выдѣлилось изъ остального состоянія сознанія и сдѣлалось болѣе или менѣе независимымъ отъ него.

Подобно тому, какъ сознаніе медленно развивается изъ растительной жизни, такъ точно оно распадается въ ней вслѣдствіе старческой слабости, медленнаго приближенія смерти и при постепенномъ усиленіи душевной болѣзни. Прежде всего исчезаютъ высшія, наиболѣе дифференцированныя явленія сознанія; снова преобладаютъ влеченіе, инстинктъ и рефлекторныя движенія. Выраженіе: «впасть въ дѣтство» указываетъ на сходство между начальною стадіею и стадіею распада.

Итакъ, сознаніе отъ состоянія зародыша до смерти описываетъ кривую. Обѣ конечныя точки этой кривой представляютъ сравнительно простыя, мало дифференцированныя и расчлененныя состоянія. Только въ серединѣ и на самой вершинѣ проявляются представленія, чувствованія и волевыя движенія съ ихъ своеобразными особенностями.

5. Что приложимо къ развитію отдѣльной особи, то имѣетъ также значеніе и для рода. Опредѣленное различіе между познаніемъ, чувствованіемъ и волею предполагаетъ извѣстную степень культуры, не нуждающуюся въ постоянномъ воздѣйствіи на внѣшній міръ по требованію минуты. Прямо или косвенно вся сознательная жизнь опредѣляется положеніемъ индивидуума во вселенной, его потребностью разобраться въ ней и приладить среду къ себѣ и себя къ средѣ. Такіе практическіе мотивы можно прослѣдить даже въ мысляхъ и чувствахъ, повидимому, совершенно не зависящихъ отъ практическихъ соображеній. Но всякое самостоятельное развитіе жизни мысли и чувства предполагаетъ, что элементарныя практическіе запросы жизни удовлетворены. Наука и искусство, формы мысли и чувства, независимыя отъ непосредственныхъ практическихъ мотивовъ, не разви-

ваются во время борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Темныя стороны и извращенія психологическаго дифференцірованія, такія явленія, какъ болѣзненная страсть къ разсужденіямъ и излишняя чувствительность, тоже невозможны при этихъ обстоятельствахъ. Гдѣ жизнь есть только борьба за существованіе, тамъ мысль не обособлена отъ чувства, а чувство отъ воли. Угрожающія опасности или ожидаемая блага занимаютъ сознаніе и непосредственно приводятъ волю въ движеніе. Содержаніемъ мысли является то, чего требуетъ влеченіе («воля къ жизни» у Шопенгауера), а чувство нераздѣльно съ желаніемъ.

6. Промежутокъ между дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ предполагаетъ какъ достаточную энергію, такъ и достаточную организацію вмѣстѣ съ достаточнымъ временемъ. — Должна быть налично достаточная энергія, чтобы оказать впечатлѣнію сопротивленіе; его непосредственное вліяніе должно подвергнуться задержкѣ, чтобы могла появиться и развиться дальнѣйшая внутренняя дѣятельность. И эти внутренніе процессы завладѣваютъ энергіей, которая въ противномъ случаѣ пошла бы непосредственно на реагирующую дѣятельность. Если мы исходимъ изъ того, что сознательное существо на всякой ступени развитія располагаетъ извѣстною суммою энергіи, предѣлъ которой есть также предѣлъ индивидуума (что касается интенсивности), то ясно, что эта сумма должна быть больше, когда она распределяется между различными сложными функціями, чѣмъ если она идетъ только на одну простую функцію. Если эта энергія не возрастаетъ съ увеличеніемъ дифференцірованія, то это приводитъ къ ослабленію или къ болѣзненной односторонности сознательной жизни. — Такія внутреннія дѣятельности предполагаютъ болѣе сложную организацію. Это не нуждается въ особомъ доказательствѣ. Если даже не признавать безусловной локализаціи разнородныхъ психологическихъ элементовъ, все-таки вѣроятно, что чѣмъ запутаннѣе мозговые процессы, тѣмъ выше психологическое дифференцірованіе. — Точно такъ же ясно, что для обратнаго дѣйствія требуется больше времени, когда развивается нѣсколько различныхъ дѣятельностей. Поэтому, какъ уже замѣчено, извѣстная независимость отъ требованій минуты является условіемъ высшаго умственнаго развитія. Въ простой и ясной формѣ это показано изслѣдованіями о физиологическомъ времени, т.-е. того времени, которое протекаетъ до воспріятія и отвѣта на раздраженіе. Уже

рефлекторное движеніе требуетъ больше времени, нежели простое распространеніе по нервному волокну; разница (такъ называемое время рефлекса) простирается до $\frac{1}{20}$ секунды. Еще больше она между произвольнымъ движеніемъ и сокращеніемъ мускула при непосредственномъ раздраженіи двигательнаго нерва; въ опытахъ съ указательнымъ пальцемъ правой руки разница была въ 0,13 сек. Раздраженіе сѣраго вещества на поверхности большого мозга, гдѣ находятся двигательные центры, чтобы достигнуть мускула, требуетъ на 0,015 сек. больше времени, нежели раздраженіе бѣлаго мозгового вещества, лежащаго сейчасъ же подъ сѣрымъ. Чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе раздраженіе и чѣмъ естественнѣе и привычнѣе произвольное движеніе, отвѣчающее на раздраженіе, тѣмъ короче физиологическое время (или, какъ его также называютъ, время реакціи), тѣмъ болѣе мы приближаемся къ увѣренности и быстротѣ рефлекторнаго движенія и инстинкта. Чѣмъ больше подготовленъ человекъ къ раздраженію и къ отвѣтному движенію, тѣмъ скорѣе можетъ наступить обратное дѣйствіе. Физиологическое время возрастаетъ уже въ томъ случаѣ, когда неизвѣстно, какое изъ двухъ возможныхъ, но различныхъ раздраженій подѣйствуетъ; къ нему прибавляется «время различенія», необходимое для того, чтобы опредѣлить качество раздраженія. Если на каждое изъ возможныхъ разнородныхъ раздраженій надо отвѣтить соотвѣтствующимъ движеніемъ, такъ что раньше приходится рѣшить, какое сдѣлать движеніе, то необходимо особое «время воли» *).

7. Не надо забывать, что дифференцированіе обозначаетъ только обладаніе различными элементами въ различныхъ состояніяхъ, а не полное разъединеніе ихъ.

а. Несмотря на всю свою независимость отъ практической потребности и требованій минуты, мышленіе все-таки всегда связано съ извѣстнымъ настроеніемъ. Есть такіе элементы чувствованія, которыхъ очень легко не замѣтить, если они не выступаютъ на передній планъ, но подчиняются теченію мыслей и

*) Exner: Physiologie der Grosshirnrinde (Hermann II, 2), стр. 278—281.—Panum: Nervävet's Fysiologi (физиология нервной ткани), стр. 115, 207.—Wundt: Physiol. Psychologie I, стр. 259; II, стр. 206—279.—Но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Cattell: Психометрическія изслѣдованія, Philos. Studien III, стр. 472), физиологическое время въ болѣе сложныхъ процессахъ увеличивается не въ такой степени, какъ этого можно бы ожидать.

имъ же опредѣляются. Не бываетъ мышленія безъ всякаго чувства, чего такъ часто требовали спекулятивные философы. Благодаря эмоціямъ, связаннымъ со всѣми представленіями и мыслями, познаніе становится силою въ душѣ. Говоря о борьбѣ разума со страстями, слѣдуетъ подразумѣвать собственно борьбу между чувствами, связанными съ разумными разсужденіями, и чувствами посильнѣе, но связанными съ меньшимъ количествомъ элементовъ мысли и обозначаемыми словомъ «страсть». Чувство можетъ быть очень глубокимъ и искреннимъ, не будучи сильнымъ, и тогда его легче не замѣтить. Чувства, обусловленные идейными цѣлями и отношеніями, гораздо менѣе въ состояніи вызвать минутный аффектъ или внезапный порывъ, чѣмъ первичныя чувства, связанныя съ физическими жизненными функціями. Чувства, связанныя съ самосохраненіемъ и размноженіемъ рода, отличаются животною страстью, которой часто нельзя преодолѣть какимъ-нибудь другимъ вліяніемъ. Идейныя чувства распределены на большіе промежутки времени и чаще дѣйствуютъ скрыто. И все-таки они въ состояніи шагъ за шагомъ овладѣть центромъ души и воспользоваться накопленною энергіею, которая прежде была въ распоряженіи первичныхъ влеченій.

б. Точно такъ же познаніе никогда не бываетъ вполнѣ свободнымъ отъ воли. Во всякомъ воспоминаніи и синтезѣ проявляется дѣятельность, которую мы прямо сознаемъ и которую называемъ вниманіемъ, когда она, по внутреннимъ или внѣшнимъ причинамъ, сильно завладѣваетъ нами, но которая на самомъ дѣлѣ играетъ роль и при самомъ простомъ чувственномъ воспріятіи. Для того, чтобы видѣть какъ слѣдуетъ, мы должны хотѣть видѣть. Но съ этимъ стремленіемъ происходитъ то же, что съ эмоціей: когда оно не достигаетъ достаточной силы, благодаря сопротивленію или чему-либо другому, оно обыкновенно не замѣчается. Этотъ активный моментъ всякаго познанаія выдвинуть главнымъ образомъ въ новѣйшей психологіи,—сначала особенно въ видѣ противодѣйствія попыткамъ Кондильяка и односторонней «ассоціаціонной психологіи» свести всякое познаніе къ механическому взаимодействію между чисто пассивными по происхожденію, чувственными ощущеніями и ихъ слѣдами.

с. Долгое время были склонны преувеличивать значеніе познанаія на счетъ чувствованія. Эта склонность была устранена лишь вліяніемъ Руссо на современное умственное развитіе. Зато въ но-

вѣйшее время дѣлались попытки видѣть въ чувствованіи первичную форму сознанія, такъ что на низшей ступени сознательная жизнь должна бы являться только жизнью чувства, а другіе элементы развились лишь мало-по-малу. Подобныя попытки можно объяснить отчасти тѣмъ, что чувство глубоко и тѣсно связано съ условіями нашего существованія, тогда какъ элементы познанія, повидимому, больше господствуютъ въ периферіи нашего существа, отчасти же и особенно тѣмъ фактомъ, что чѣмъ ниже мы идемъ отъ высшихъ формъ сознанія, тѣмъ отчетливѣе и сильнѣе выступаютъ элементы чувства, тѣмъ больше значенія они получаютъ сравнительно съ элементами познанія. Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики прежде всего потому, что воспоминаніе обнаруживается уже тамъ, гдѣ продолжается состояніе удовольствія или недовольства, а оно должно продолжаться, чтобы его можно было почувствовать какъ слѣдуетъ *); какъ только же наступитъ колебаніе,—чувства по своей интенсивности подвержены скачкамъ,—то непременно проявится невольное сравненіе. Слѣдовательно, тутъ уже есть элементы познанія, которые могутъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія, такъ что познаніе не образуется путемъ какого-то generatio aequivoca (самопроизвольнаго зарожденія) изъ совершенно безформенныхъ и слѣпыхъ состояній чувствъ.

Такой взглядъ недавно высказалъ *Ад. Горвичъ* **). По мнѣнію этого изслѣдователя, заслуживающему большого интереса, движеніе, возбужденное чувствомъ, прокладываетъ путь познанію. Удовольствіе и недовольство ведутъ къ извѣстнымъ движеніямъ, которыя приходится перепробовать, пока не найдется самаго под-

*) Пациенты, усыпляемые хлороформомъ, часто стонуть во время операци, не будучи однако въ состояніи послѣ пробужденія вспомнить испытанную боль. „Собственно говоря,—утверждаетъ *Рише* о такомъ случаѣ,—эта боль такая мгновенная, что о ней даже не остается воспоминанія, она—ничто, это почти что математическая величина, которую не стоить принимать въ расчетъ. Ужасъ боли не въ ней самой, какъ бы сильна она ни была, но въ томъ мучительномъ отголоскѣ, который она оставляетъ за собой“ (*Recherches sur la sensibilité*, стр. 256).—*Маудсли* думаетъ, что эти стоны происходятъ совершенно рефлексорно. Онъ приводитъ случай, когда дама, которой ампутировали одну грудь, послѣ пробужденія вспомнила свой крикъ, хотя и утверждала, что никакой боли не чувствовала (*Phys. de l'esprit*, trad. de l'anglais par A. Herzen, стр. 195).

**) *Psychologische Analysen auf physiol. Grundlage*, I, Halle 1872, стр. 350 и слѣд.

ходящаго; затѣмъ приобрѣтается навыкъ въ этомъ движеніи, и оно такимъ образомъ получаетъ особенный признакъ, благодаря которому и дѣлается предметомъ сознанія.—Значитъ, помимо самага элемента чувствованія, все-таки прибавляется кое-что новое, именно ощущеніе движенія, и нѣтъ основанія думать, что оно всегда должно быть производнымъ, такъ какъ, вѣдь, произвольное движеніе появляется такъ же рано, какъ и сознаніе. Слѣдовательно, въ первичномъ сознаніи бывають, вѣроятно, не только чувства удовольствія и недовольства, но и ощущенія движеній (ср. I, 4, и IV, 4).

Даже у монерь, самыхъ низшихъ существъ животнаго царства, доказаны движенія вытягиванія и сокращенія; первыя служатъ для захватыванія пищи, вторыя— для защиты отъ нападенія. Уже здѣсь, повидимому, надо допустить другіе элементы, кромѣ чувства удовольствія и недовольства, а именно осязательныя и двигательныя ощущенія, быть-можетъ, также ощущенія при химическомъ раздраженіи, въ родѣ вкусовыхъ. «При отыскиваніи пищи животными (т.-е. простѣйшими) мы ясно видимъ, что они способны кое-что различать, а безъ этой способности осязаніе не имѣло бы смысла, и его нельзя было бы назвать осязаніемъ.— Вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ при отыскиваніи пищи рука объ руку непремѣнно идетъ развитіе способности различать разныя направленія, т.-е. пріятное направленіе (гдѣ находится объектъ пищи) отъ менѣе пріятнаго; разъ есть такая способность, то легче отличать и направленіе, откуда исходитъ опасность, отъ направленія, въ которомъ ея нѣтъ» *). Если даже ощущенія этихъ мало развитыхъ существъ, у которыхъ до сихъ поръ не нашли никакой нервной системы, не могутъ отличаться ясностью и опредѣленностью, все-таки приведенные факты показываютъ, что животныя должны имѣть способность схватывать разницу между раздраженіями. Вѣдь, удовольствіе и страданіе мало помогли бы животному, если бы они побуждали его только къ движеніямъ, и если бы родъ и направленіе движенія не опредѣлялся точнѣе качествомъ раздраженія.

*) G. H. Schneider: Къ вопросу о развитіи проявленій воли въ животномъ царствѣ (*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie* II), стр. 183, 301. Ср. *Romane's: Mental Evolution in Animals*, London 1883, стр. 55 и слѣд., 80 и слѣд. (Порусски: Умъ животныхъ. Перев. подъ ред. Н. Холодковскаго, Спб. 1888).

У высшихъ, вполне развитыхъ животныхъ мы имѣемъ также приближеніе къ чистому состоянію чувства, именно въ чувствѣ жизни или общемъ чувствѣ, въ основномъ настроеніи, образующемся подъ влияніемъ общаго состоянія организма, нормальнаго или ненормальнаго хода жизненныхъ отправленій, особенно растительныхъ. Мы очень рѣдко и крайне несовершенно бываемъ способны локализовать раздраженія, порождающія это чувство. Они являются не особнякомъ, не съ такими качественными различіями, какъ раздраженія внѣшнихъ органовъ чувствъ. Даже различія въ степени здѣсь не доступны такому отчетливому воспріятію, какъ у чувствъ въ собственномъ смыслѣ. Чувство жизни состоитъ въ неясномъ настроеніи, причину котораго мы знаемъ во всякомъ случаѣ не сразу. Болѣзни сердца и душевныя болѣзни могутъ вызывать безпокойство и состояніе удрученности, но больной не знаетъ причины этихъ настроеній. Въ періодъ зрѣлости вмѣстѣ съ полнымъ развитіемъ половыхъ органовъ пробуждаются неопредѣленное предчувствіе, страстное томленіе, неясное влеченіе, которое дѣлаетъ данный индивидуумъ непонятнымъ для него образомъ совсѣмъ другимъ. Темпераментъ особенно обусловливается основными настроеніями, преобладающими въ чувствѣ жизни.—Положимъ, что во всѣхъ этихъ состояніяхъ можно доказать немного элементовъ познанія, но все-таки они проявляются каждый самъ по себѣ съ такою своеобразностью, что переходъ отъ одного элемента къ другому и, слѣдовательно, различіе между ними должно съ большей или меньшей ясностью достигнуть сознанія, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть въ такой степени простъ, какъ чистое чувствованіе.

Высшія чувствованія содержатъ познавательные элементы. Это не требуетъ доказательствъ. Содержаніе или объектъ чувствованія обусловливается только связью его съ воспоминаніями и мыслями.

Самонаблюденіе показываетъ намъ въ крайнемъ случаѣ только приближеніе къ тому состоянію, въ которомъ исчезли всѣ элементы познанія. Такого приближенія мы достигаемъ, чѣмъ больше прибываетъ силы, въ элементѣ чувства. Такимъ образомъ познаваніе и чувствованіе должны будутъ находиться здѣсь въ обратномъ отношеніи другъ къ другу: чѣмъ сильнѣе проявляется одно, тѣмъ меньше сила другого. Необычайно сильная радость или печаль могутъ изгнать почти всякое представленіе, всякое сообра-

женіе, но подобнаго рода экстазь и находится уже на границѣ сознанія.

d. Тѣсная связь между чувствованіемъ и волею выражается въ томъ, что только сильное и живое чувство можетъ быть мотивомъ воли. Элементы познанія сами по себѣ не вызываютъ волевого движенія. Чувствованіе и воля—на это обращаетъ вниманіе *Зиббернъ*—имѣютъ ту общую черту, что какъ тамъ, такъ и здѣсь «виденъ личный пылъ и возбужденіе, которыя вызваны предметомъ познанія, и благодаря которымъ мы привязываемся къ предмету и прилагаемъ всѣ усилія, чтобы дѣйствовать и стремиться къ нему» *). Какъ волѣ, такъ и чувствованіямъ присуща тѣсная связь съ движеніемъ. Правда, движенія чувствъ отчасти бываютъ свободны отъ непосредственнаго вліянія воли и происходятъ въ силу того, что сильное мозговое движеніе распространяется на большіе или меньшіе участки организма. Такимъ образомъ въ сердцѣ и легкихъ, въ пищеварительномъ каналѣ, въ кровеносной системѣ и другихъ внутреннихъ органахъ замѣтно вліяніе чувствъ. Но и тѣ органы и мускулы, которые въ другихъ случаяхъ подчиняются волѣ, могутъ прійти въ движеніе отъ сильныхъ чувствъ, и тогда трудно, а то и прямо невозможно, отличить движеніе чувства отъ волевого движенія. Чувство обыкновенно выражается какъ разъ въ тѣхъ движеніяхъ, которыя часто бывали въ распорядкѣ воли того же индивидуума или прежнихъ поколѣній. Уже монеры для защиты отъ непріятеля прибѣгаютъ къ сокращенію и отдергиванію. А если и существа на высшей ступени съеживаются и отскакиваютъ при неожиданномъ испугѣ, то это, должно быть, старый инстинктъ, который все еще проскальзываетъ въ душевныхъ движеніяхъ. Греческое слово *phobos*, боязнь, первоначально (часто у Гомера) обозначало бѣгство. Подобнымъ же образомъ гнѣвъ выражается наступательными движеніями, сильное чувство симпатіи—вытягиваніемъ рукъ, какъ бы для того, чтобы охватить предметъ и т. д. Гипотеза развитія видитъ естественное объясненіе этихъ явленій въ томъ, что произвольныя движенія чувствъ первоначально были волевыми движеніями цѣлесообразнаго характера **).

*) *Psychologie*, Копенгагенъ 1856, стр. 150 и слѣд.

***) *Дарвинъ*: О выраженіи ощущеній, пер. А. Ковалевскаго, М. 1872, гл. I.—*Spencer*: *Principles of Psychology*, II, стр. 545 и слѣд. (рус. пер. Спб. 1876).—*Wundt*: *Physiologische Psychologie*, II, стр. 417.

Только въ теченіе психическаго развитія появляется дифференцированіе между чувствованіемъ и волею. Образуется все большая и большая противоположность между двумя способами, которыми проявляется внутреннее движеніе. Здѣсь мы ясно видимъ психологическое значеніе закона сохраненія энергіи: чѣмъ больше энергіи индивидуумъ расходуетъ для одного рода дѣйствія, тѣмъ меньше онъ можетъ употребить ея для другого. Мѣтко выражена эта истина въ извѣстномъ разсказѣ *Саксона Грамматика*, какъ неодинаково подѣйствовало извѣстіе объ убійствѣ *Регнера Лодброга* на его сыновей: тотъ, у котораго чувства были возбуждены очень слабо, дѣйствовалъ энергичнѣе всѣхъ *).

Чувствованіе точно такъ же, какъ и познаніе, съ самаго начала имѣетъ явный практическій характеръ. Только путемъ долгаго развитія чувствованіе освобождается отъ пракческаго побужденія и можетъ дѣйствовать свободно (какъ въ эстетическихъ и религіозныхъ настроеніяхъ), не обращая непосредственнаго вниманія на внѣшніе поступки.

е. Ужъ если необходимо видѣть въ одномъ изъ трехъ родовъ сознательныхъ элементовъ первоначальную форму жизни сознанія, то, очевидно, такую формою должна быть воля. Въ инстинктѣ, стоящемъ только чуть-чуть выше рефлекторнаго движенія, мы имѣемъ первичную форму сознанія, а здѣсь явно волевой элементъ сильнѣе всѣхъ другихъ: интеллектуальные и эмоціональные элементы имѣютъ значеніе только переходныхъ звеньевъ къ дѣйствію. И позже на всѣхъ ступеняхъ неизмѣнной основой является воля. *Дѣятельность—главное свойство сознательной жизни: всегда нужно предполагать силу, сдерживающую разнообразныя элементы сознанія и соединяющую ихъ въ содержаніе одною и тою же сознанія* (II, 5). *Помимо этой, самой основной формы воли, слово воля употребляется въ различномъ значеніи,— то въ болѣе узкомъ, то въ болѣе широкомъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ, какъ способность выбирать изъ различныхъ данныхъ возможности, воля является только слѣдствіемъ душевнаго развитія, а въ первичномъ сознаніи ея нѣтъ. Но, если разсматривать волю въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ всякую дѣятельность, опредѣляемую чувствованіемъ и познаніемъ, то можно сказать, что вся сознательная жизнь,*

*) Регнеръ Лодброгъ—герой одной изъ исландскихъ сагъ. См. *Liebrecht: Zur Volkskunde, Neilbronn 1879, стр. 65—73.* Саксонъ Грамматикъ—авторъ извѣстной „хроники“, откуда, между прочимъ, черпалъ и Шекспиръ.—*Ред.*

какъ въ фокусѣ, сосредоточена въ волѣ. Хотя сознательная жизнь достигаетъ высшаго развитія только благодаря тому, что появляется задержка произвольныхъ позывовъ къ движеніямъ, все-таки переходъ въ движеніе всегда бываетъ завершеніемъ всего того, что происходитъ въ мірѣ сознанія. Развитие сознательнаго индивидуума идетъ отъ воли (въ широкомъ смыслѣ) къ волѣ (въ узкомъ смыслѣ). Это развитіе можетъ идти большими скачками, оно можетъ протекать среди односторонностей и контрастовъ, но всегда будетъ существовать (если не въ особи, то въ родѣ) смутное стремленіе привести все разбѣнное, одностороннее и противорѣчащее къ внутренней гармоніи основныхъ направленій духа. Этика и эстетика вполнѣ правы, видя въ такой гармоніи высшій типъ человѣческой жизни.

Психологія познанія.

А. Ощущеніе.

1. Разсматривая элементы познанія обособленно, мы, какъ это видно изъ предыдущаго отдѣла, дѣлаемъ отвлеченіе, потому что въ дѣйствительности въ каждомъ состояніи сознанія несомнѣнно участвуютъ также элементы чувства и воли. Однако такое отвлеченіе необходимо: всякое изслѣдованіе должно до извѣстной степени вырывать свой предметъ изъ той живой и многообразной связи, въ которой онъ находится. Но мы должны провести это отвлеченіе даже еще далѣе. Сами элементы познанія въ высшей степени сложны. Конечно, мы можемъ ихъ предварительно выдѣлить въ двѣ группы, — чувственное воспріятіе и мышленіе. Однако окажется, что эти двѣ группы не имѣютъ опредѣленныхъ границъ, но находятся въ тѣснѣйшемъ взаимодействіи. Сознаніе — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ, подъ которыми оно намъ извѣстно изъ непосредственнаго опыта, — никогда не является простымъ рядомъ внутреннихъ явленій. Разнообразные ряды мыслей и воспоминаній, ощущеній и представленій тѣсно переплетаются при каждомъ отдѣльномъ опытѣ, при каждомъ отдѣльномъ заключеніи. Но, чтобы ясно видѣть отношенія и законы, мы по возможности должны мыслить сознаніе такъ, какъ будто оно образуетъ простой рядъ. Этого мало; мы должны начать съ того, чтобы мыслить этотъ рядъ такъ, какъ будто онъ состоитъ только изъ ощущеній. Разница между чувственнымъ воспріятіемъ и мышленіемъ основывается на различіи между ощущеніями и представленіями: между непосредственно данными новыми элементами и вновь всплывающими остатками или слѣдами этихъ элементовъ. Но разъ только элементы, приобрѣтенные ранѣе, принимаютъ учас-

тіе въ полученіи новыхъ, мы уже не имѣемъ чистаго ощущенія. Въ такомъ случаѣ съ чувственнымъ воспріятіемъ уже связана извѣстная степень мышленія. Но если даже мы оставимъ это въ сторонѣ и попытаемся мыслить сознаніе, состоящее лишь изъ однихъ ощущеній, безъ примѣси представленій, то все же долженъ явиться вопросъ, существуютъ-ли совершенно простыя, независимыя ощущенія, или же они находятся въ постоянномъ сочетаніи и взаимодѣйствіи.

Ясно, что предварительная характеристика сознанія, изъ которой мы исходили въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ (II, 5), была бы невѣрна, будь ощущенія совершенно просты и независимы. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли признакъ сознанія въ томъ, что оно выступаетъ въ рядѣ элементовъ, существующихъ не независимо одинъ отъ другого, но самымъ тѣснымъ образомъ опредѣляющихъ другъ друга, и это тѣсное взаимодѣйствіе типичнѣе всего выражается въ воспоминаніи. Итакъ, мы теперь перейдемъ нѣкоторымъ образомъ къ провѣркѣ этой характеристики.

2. Чисто психологическимъ путемъ мы лишь до нѣкоторой степени можемъ убѣдиться въ *простотѣ* нашихъ ощущеній. Мы никогда не можемъ быть вполнѣ увѣрены, дѣйствительно-ли предъ нами нѣчто неразложимое. Тамъ, гдѣ прекращается наблюденіе психологіи, является со своимъ экспериментомъ физиологія чувствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она доказала, что съ виду простое психологическое явленіе предполагаетъ запутанный и сложный физиологическій процессъ. Поэтому нельзя оспаривать возможности, что психологическая простота есть лишь результатъ сочетанія, происходящаго подъ порогомъ сознанія или какъ разъ на порогѣ его.

Органическія или общія ощущенія имѣютъ обыкновенно характеръ хаотическаго разнообразія. Съ этимъ связана ихъ темнота и смутность. Раздраженія отъ дыхательныхъ, сосудистыхъ и пищеварительныхъ органовъ дѣйствуютъ вмѣстѣ, не доходя отдѣльно до сознанія. Ощущеніе, наприм., тошноты уже при непосредственномъ воспріятіи обнаруживаетъ въ себѣ нѣчто сложное; это можно видѣть изъ того, что его относили то къ вкусовымъ ощущеніямъ, то къ мускульнымъ, то, наконецъ, хотѣли выдѣлить изъ обоихъ этихъ разрядовъ. Многія вкусовыя и обонятельныя ощущенія до такой степени смѣшаны съ осязательными, что ихъ никакъ нельзя назвать чистыми или простыми. Соленый, кислый,

вяжущій вкусъ, рѣзкій и острый запахъ собственно не что иное, какъ смѣсь вкусовыхъ или обонятельныхъ ощущеній съ осязательными. Во многихъ случаяхъ пріятность кушанья (наприм. желе и т. под.) несомнѣнно основана главнымъ образомъ на дѣйствіи его на тонкую кожицу полости рта и, слѣдовательно, связана скорѣе съ чувствомъ осязанія, чѣмъ съ чувствомъ вкуса. Такимъ образомъ въ широкомъ смыслѣ, въ которомъ мы обыкновенно говоримъ о вкусовыхъ ощущеніяхъ, шахъ персидскій былъ правъ, когда при видѣ ножей и вилокъ упрекнулъ европейцевъ въ незнаніи, что вкусовыя ощущенія начинаются въ кончикахъ пальцевъ. Кромѣ запаха при вкусѣ играетъ роль также зрѣніе, и въ темнотѣ никогда нельзя опредѣлить вкусъ предмета съ такою увѣренностью, какъ въ томъ случаѣ, когда на помощь является зрѣніе. Изолированіе возможно тутъ только при помощи искусственныхъ средствъ, и тогда часто оказывается, что собственно чувство вкуса не имѣетъ ничего общаго съ мнимыми ощущеніями вкуса.

Ощущеніе, которое мы получаемъ, поднимая съ земли тяжесть, очень сложно. Прикосновеніе, давленіе и мускульное напряженіе сливаются въ одно неопредѣленное цѣлое, которое дѣлается еще запутаннѣе потому, что напрягаются различные мускулы и притомъ въ разной степени. И все-таки намъ можетъ казаться, что мы имѣемъ простое ощущеніе.

Что касается ощущеній *одного* какого-либо чувства, то, казалось бы, тутъ дѣло проще и яснѣе. Однако и здѣсь можно спорить, выступаетъ-ли ощущеніе въ непосредственномъ сознаніи простымъ или сложнымъ. *Гете* думалъ, наприм., что просты лишь ощущенія желтаго, голубого и краснаго,—ихъ онъ назвалъ основными цвѣтами,—и что другіе цвѣта составляются изъ нихъ, такъ что въ фіолетовомъ можно подмѣтить красный и голубой, въ зеленомъ—желтый и голубой, а въ оранжевомъ—желтый и красный *). Напротивъ, въ настоящее время *Э. Герингъ* утверждаетъ, что зеленый цвѣтъ есть совершенно простое ощущеніе, а желтаго и голубого никогда нельзя ощущать вмѣстѣ, въ качествѣ элементовъ сложнаго цвѣта. Онъ представляетъ поэтому рядъ изъ четырехъ основныхъ цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, желтаго и голубого**). Когда такіе искусные наблюдатели такъ рѣшительно

*) Farbenlehre, т. I, § 60.

***) Zur Lehre vom Lichtsinne, 2-е изд., § 38.—Эти четыре цвѣта установлены уже Леонардо да Винчи.

расходятся между собою, то это доказываетъ, какъ непрочно должно быть прямое психологическое наблюденіе въ этой пограничной области. Тутъ, очевидно, остается еще одна возможность, а именно, что *всѣ* цвѣтотыя ощущенія просты. Кто попробуетъ отвлечься отъ воспоминаній и предвзятыхъ мнѣній и сосредоточить свое вниманіе на узенькой полоскѣ цвѣтотой скалы, тотъ навѣрно будетъ въ состояніи получить совершенно простое ощущеніе каждаго отдѣльнаго цвѣта, и если бы языкъ обладалъ достаточнымъ количествомъ словъ, то ощущалась бы потребность назвать каждый цвѣтотой тонъ особымъ словомъ. При этомъ могъ бы снова возникнуть споръ, если бы потребовалось указать точнѣе, какой оттѣнокъ краснаго, зеленаго и т. д. является собственно главнымъ цвѣтомъ. Каждый изъ различныхъ наблюдателей назоветъ свой оттѣнокъ и будетъ утверждать, что другіе оттѣнки происходятъ отъ смѣшенія его съ другими цвѣтами. Если выраженія языка указываютъ на извѣстные главные цвѣта, то это, по всей вѣроятности, надо объяснять тѣмъ, что цвѣтъ нѣкоторыхъ выдающихся предметовъ природы давно уже врѣзался въ сознаніе и овладѣлъ имъ (зеленія растенія, красная кровь и т. д.), или тѣмъ, что сѣтчатая оболочка къ однимъ цвѣтамъ, особенно къ желтому, воспримчивѣе, чѣмъ къ другимъ *).

Тогда какъ нельзя установить различія между основными и сложными цвѣтами,—напротивъ, есть основаніе допускать, что съ каждымъ *цветотымъ* связано *безцветное* свѣтовое раздраженіе, которое при рѣзкомъ уменьшеніи или увеличеніи силы раздраженія переходитъ въ ясное безцветное ощущеніе (бѣлаго, сѣраго или чернаго). Только при средней силѣ раздраженія цвѣтовое раздраженіе (хроматическая раздражительность) имѣетъ перевѣсъ надъ безцветнымъ (ахроматическою раздражительностью). Эту смѣсь хроматическаго и ахроматическаго процесса въ органѣ зрѣнія выводятъ, съ одной стороны, изъ того, что тѣ части сѣтчатой оболочки, которыя всего болѣе удалены отъ мѣста самаго яснаго зрѣнія (желтое пятно, *fovea centralis*), обыкновенно слѣпы къ цвѣтамъ, съ другой стороны—изъ того, что каждое цвѣтовое

*). Ср. *V. Krenchel: Om Grundfarver (объ основныхъ цвѣтахъ)*, Копенгагенъ 1880, стр. 11 и слѣд. (также въ *Gräfes Archiv für Ophthalmologie* 1880).—*Wundt: Physiol. Psychologie*, I, стр. 415.—*Fick: Die Lehre von der Lichtempfindung (Hermann III, 1)*, стр. 192 и слѣд.

ощущеніе при достаточномъ увеличеніи или уменьшеніи силы раздраженія переходитъ въ безцвѣтное ощущеніе *).

Также и въ области слуха ощущенія, повидимому, тоже сложны. Каждый тонъ имѣетъ свой звуковой оттѣнокъ, т.-е. состоитъ изъ комбинаціи *основного тона* съ болѣе слабыми *обертонами*, которая не одинакова для каждаго источника тона. Поэтому одинъ и тотъ же тонъ звучитъ различно, когда онъ производится различными инструментами. Но точно такъ же, какъ привычное ухо можетъ различить въ концертѣ, что вноситъ каждый отдѣльный инструментъ въ общее впечатлѣніе, такъ особенно одаренные или развитые слуховые органы могутъ выдѣлять частичные тоны звука, хотя въ непосредственномъ ощущеніи онъ является совершенно простымъ. Поэтому простой тонъ есть собственно отвлечение, такъ какъ на самомъ дѣлѣ мы никогда не воспринимаемъ тоновъ или звуковъ, которые были бы совершенно безъ оттѣнка. Между звукомъ и созвучіемъ существуетъ лишь различіе въ степени, которое обусловлено тѣмъ, что обертоны выступаютъ слабѣе или сильнѣе сравнительно съ основнымъ тономъ.

Эта общепринятая теорія, установленная *Гельмгольцемъ*, показываетъ, какъ путемъ физическаго и физиологическаго эксперимента можно уяснить сложную природу субъективныхъ ощущеній. Звуковое ощущеніе разлагается на элементы, на различномъ взаимномъ отношеніи которыхъ основывается его характеръ. Но если это такъ въ *одномъ* разрядѣ ощущеній, то не можетъ-ли въ такомъ случаѣ быть того же и съ другими нашими ощущеніями? Если у насъ тутъ не хватаетъ способности услѣдить за *элементарными ощущеніями*, изъ которыхъ въ нашемъ сознаніи слагается данное ощущеніе, то вѣдь это можетъ быть въ связи съ тѣмъ, что чувство слуха такъ высоко стоитъ надъ всѣми другими чувствами по той тонкости, съ которою оно можетъ схватывать всякіе оттѣнки и различія. Во всякомъ случаѣ изученіе слухового ощущенія поколебало принципъ простоты ощущеній и открыло новый горизонтъ тамъ, гдѣ, повидимому, кончался доступный намъ психическій міръ.

Есть также извѣстныя явленія, указывающія на болѣе простые душевные элементы, чѣмъ тѣ, которые мы имѣемъ въ ясныхъ ощущеніяхъ нашихъ чувствъ. Ощущенія, получаемыя нами, когда

*) *Wundt: Physiol. Psychologie, I, 453.*

вниманіе отвлечено въ сторону, или же нечаянно, не имѣютъ опредѣленнаго качественнаго характера. Мы пугаемся, замѣчаемъ, что съ нами или въ насъ что-то случилось; но что это такое, — свѣтовое-ли раздраженіе, толчокъ или электрическое раздраженіе, — этого мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ, въ первое мгновеніе. Итакъ, чѣмъ *внезапнѣе* наступаютъ ощущенія и чѣмъ *короче* они длятся, тѣмъ меньше можно подвести ихъ подъ опредѣленное качество какого-либо чувства. То же бываетъ въ томъ случаѣ, когда раздраженія очень *слабы* и очень *ограничены*. Когда раздраженіе только слегка касается внутренней стороны ладони или лица, то нельзя замѣтить, возникаетъ-ли слабое и ограниченное впечатлѣніе отъ прикосновенія или отъ теплоты. Итакъ, по видимому, въ тепловыхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ, выступающихъ отчетливо, мы должны видѣть результатъ сочетанія различныхъ элементарныхъ ощущеній въ группы, являющіяся сознанію уже неразложимыми единицами. — Свѣтовое раздраженіе, дѣйствіе котораго ограничено лишь очень маленькою частью сѣтчатой оболочки, вызываетъ только ощущеніе бѣлаго цвѣта, почти безъ всякой окраски, даже въ томъ случаѣ, когда оно, дѣйствуя на большую часть сѣтчатки, производитъ ощущеніе очень насыщеннаго цвѣта. Значитъ, и здѣсь *незначительное* по размѣрамъ раздраженіе не даетъ никакого качественного ощущенія *).

Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что нервный процессъ, какой бы природы онъ ни былъ, происходитъ путемъ пульсирующихъ толчковъ или колебаній. Главный законъ общей физиологіи нервовъ таковъ, что нервный процессъ никогда не можетъ совершаться при состояніи равновѣсія, но вызывается только внезапными измѣненіями въ состояніи нерва, протекающими съ извѣстною скоростью. Съ виду непрерывный нервный процессъ (тетанусъ) происходитъ только посредствомъ цѣлаго ряда отдѣльных перемѣнъ въ равновѣсіи, быстро слѣдующихъ одна за другою. Съ этимъ закономъ, по видимому, согласны и отношенія въ отдѣльных органахъ чувствъ, на сколько они намъ извѣстны **). Ощущенію, на сколько мы его знаемъ, должно соответствовать нѣсколько

*) *Hermanns Handbuch* III, 1, стр. 164, 169; III, 2, стр. 322.

***) *Функе* въ *Handbuch* Германа III, 2, стр. 328 и сл. — Упомянутый основной законъ нервной физиологіи былъ въ 1845 г. доказанъ *Дюбуа-Реймономъ*, относительно электрическихъ раздраженій. — *Hermann: Allgemeine Nervenphysiologie* (*Handbuch* II, 1), стр. 50.

такихъ толчковъ или моментовъ въ колебаніяхъ. *Итакъ, что физиологически занимаетъ нѣсколько моментовъ времени, то связывается въ отдѣльный мигъ сознанія, въ отдѣльное мновенное ощущеніе.* И такъ какъ строеніе и способъ дѣйствія нервной системы, повидимому, вездѣ совершенно однороденъ, то открывается лишь одинъ путь для объясненія качественныхъ различій въ ощущеніяхъ чувствъ, а именно остается выводить это различіе изъ различныхъ способовъ, какими комбинируются элементарныя ощущенія, соответствующія отдѣльнымъ нервнымъ толчкамъ или разряженіямъ силы. Подобно тому какъ различныя цвѣтоты качества, пожалуй, могутъ найти физиологическую подкладку въ различныхъ направленіяхъ движенія однѣхъ и тѣхъ же молекулъ мозга *), такъ точно можно бы сдѣлать шагъ еще дальше и представить себѣ, что различныя модальности ощущенія**) имѣютъ подкладку еще глубже, въ различной формѣ и направленіи процессовъ, происходящихъ въ центральныхъ или конечныхъ органахъ. Только такимъ путемъ можно будетъ понять, какъ съ развитіемъ органическихъ существъ могли возникнуть различныя чувства. Чѣмъ глубже спускаться отъ высшихъ животныхъ къ низшимъ, тѣмъ меньше оказывается модальностей. Модальность, остающаяся точкою отправленія въ развитіи дѣятельности чувствъ, есть осязаніе. Изъ него путемъ дифференцировки должны были возникнуть спеціальныя чувства или модальности. Съ этимъ согласуется тотъ фактъ, что спеціальныя органы чувствъ у всѣхъ чувствующихъ организмовъ развиваются изъ наружныхъ покрововъ тѣла.

Эта гипотеза о возникновеніи нашихъ отдѣльныхъ ощущеній изъ комбинаціи простыхъ элементарныхъ ощущеній впервые выставлена *Спенсеромъ* и открываетъ намъ широкій горизонтъ. Для насъ пока интереснѣе всего тутъ то, что, подходя къ этой гипотезѣ, мы находимъ на границѣ области яснаго сознанія слѣды работы, происходившей, хотя и подъ порогомъ сознанія, но по тѣмъ же законамъ, которые господствуютъ въ немъ (ср. гл. III). Общая характеристика сознательной жизни, — стремленіе къ объединенію

*) *V. Krenchel*: Om Grundfarver (понѣмецки подъ заглавіемъ: «О гипотезѣ основныхъ цвѣтовъ» въ *Gräfes Archiv für Ophthalmologie* 1880), стр. 20 и слѣд.

**) *Модальность* есть названіе, предложенное *Гельмгольцемъ* и обозначающее то, что у *Фихте* извѣстно подъ именемъ качественного круга: совокупность ощущеній, принадлежащихъ къ одному и тому же классу (зрѣніе, слухъ, вкусъ и т. д.).

и сочетанію, — какъ оказывается, имѣетъ значеніе и для тѣхъ пограничныхъ частей, къ которымъ приводитъ разложеніе сложныхъ состояній сознанія. Слѣдовательно, если бы кто сталъ утверждать, что сознаніе есть только сумма ощущений, то къ этому во всякомъ случаѣ надо было бы замѣтить, что члены этой суммы не безусловно просты, но возникли, по всей вѣроятности, путемъ синтеза изъ еще болѣе простыхъ элементовъ. Ощущеніе есть лишь такое же относительное понятіе, какъ и атомъ въ области тѣлесной природы *).

3. Въ тѣсной связи съ вопросомъ о простотѣ ощущений стоитъ вопросъ объ ихъ взаимной *самостоятельности*. И тутъ физиологія чувствъ даетъ намъ интересныя свѣдѣнія.

Чтобы раздраженіе достигло полного своего дѣйствія, требуется преодолѣть извѣстное сопротивленіе какъ въ нервныхъ центрахъ, такъ и въ конечныхъ органахъ чувствительныхъ нервовъ. Когда же сопротивленіе преодолено, то воздѣйствіе длится нѣкоторое время и съ прекращеніемъ самаго раздраженія. Тутъ въ нервной физиологіи выступаетъ законъ косности, заправляющій всѣми тѣлесными явленіями. Однако различныя чувства въ этомъ отношеніи не одинаковы. Больше всего эластичности у осязанія. Если положить палецъ на зубчатое колесо, вращающееся съ определенной скоростью, то можно въ одну секунду получить даже до 1000 раздѣльныхъ ощущений. Если скорость еще увеличить, то получится, напротивъ, одно непрерывное ощущеніе. За осязаніемъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ слухъ. Осязаніе въ данномъ случаѣ превосходитъ слухъ. Это можно видѣть уже изъ того, что если положить руку на музыкальный инструментъ, то можно въ видѣ особаго свиста ощущать колебанія довольно высокихъ тоновъ. При наблюденіи только однимъ ухомъ трескъ двухъ электрическихъ искръ слышится послѣдовательно, когда онѣ раздѣлены промежуткомъ въ 0,002 секунды. При наблюденіи обоими ушами граница лежитъ выше (0,064 секунды). Электрическіе толчки можно еще различать, когда они слѣдуютъ со скоростью 35 въ секунду; если скорость становится больше, то возникаетъ

*) Относительно вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущений нѣтъ точныхъ наблюденій. Нельзя ясно доказать, что эти ощущенія оставляютъ слѣды, такъ какъ нѣтъ возможности съ полной увѣренностью удалить изъ органовъ остатки пахучихъ и вкусовыхъ веществъ. *Vintschgau* въ *Handbuch* Германа, III, 2, стр. 221 и 284.

лишь одно ощущение. На лбу можно различить еще 60 ударовъ въ секунду. Ниже всего по эластичности стоитъ зрѣніе, что можно объяснить природой конечныхъ органовъ. Если послѣ разсматриванія ярко освѣщеннаго предмета закрыть глазъ, то остается слѣдъ предмета. Новое впечатлѣніе находитъ мѣсто не пустымъ, но сочетается съ остаткомъ предыдущаго. Если кружокъ, раздѣленный поочередно то на бѣлые, то на черные секторы равной величины, привести въ быстрое вращеніе, то впечатлѣнія сливаются, и получается непрерывное ощущение сѣраго цвѣта, если только въ секунду доходитъ около 24 впечатлѣній, и сила свѣта такая же, какъ обыкновенный дневной свѣтъ. Тлѣющая сѣрная спичка при быстромъ вращеніи въ темнотѣ кажется намъ свѣтящимся кругомъ. При медленномъ вращеніи мы отчетливо замѣчаемъ отдѣльныя ощущенія; съ увеличеніемъ скорости возникаетъ мерцаніе, и при еще большемъ увеличеніи наступаетъ сляніе въ одно ощущение *).

Оперированный Францомъ слѣпорожденный, много мѣсяцевъ спустя послѣ операнія, все еще находилъ очень неприятнымъ ходить по оживленнымъ улицамъ. Масса различныхъ предметовъ и быстрое передвиженіе людей, экипажей и т. д. такъ перемѣшались въ его глазахъ, что онъ, наконецъ, совсѣмъ ничего не видѣлъ. Еще не успѣвало исчезать впечатлѣніе, возбужденное послѣднимъ видѣннымъ предметомъ, какъ слѣдующій предметъ вызывалъ новое. Значитъ, тутъ отдѣльныя впечатлѣнія сливались не совсѣмъ, но производили такой хаосъ, который дѣлалъ невозможнымъ опредѣленное представленіе. На каждой ступени сознанія существуетъ извѣстный темпъ, который должны выдерживать ощущенія, чтобы не терять своей самостоятельности.

Возникновеніе ощущенія предполагаетъ не только опредѣленный промежутокъ времени между даннымъ и предшествующимъ впечатлѣніемъ, но и нѣкоторую противоположность между ними. Долженъ быть фонъ, на которомъ можетъ выступить новое ощущение. При незначительномъ и постоянномъ усиленіи раздраженіе

*) Fick: Hermanns Handbuch III, 1, стр. 211 и слѣд.— Exner, ibid. II, 2, стр. 256—260.— Сильные и продолжительные слѣды въ глазу являются важной точкой опоры для фотохимической теоріи, по которой возбужденіе зрительнаго нерва есть собственно разложеніе въ сѣтчатой оболочкѣ такъ называемаго зрительнаго пурпура, происшедшее отъ свѣтовыхъ лучей.— Kühne: Chemische Vorgänge in der Netzhaut (Hermann III, 1), стр. 238, 261.

можетъ оставаться незамѣтнымъ, даже если оно достигнетъ такой силы, при которой оно въ другомъ случаѣ вызвало бы ощущеніе. Очень медленное усиленіе электрическаго тока разрушаетъ, наконецъ, самый нервъ, на который оно дѣйствуетъ, а между тѣмъ не обнаруживается никакихъ признаковъ ощущенія. Постепеннымъ незначительнымъ повышеніемъ или пониженіемъ температуры можно сварить лягушку или заморозить ее, хотя она не произведетъ ни малѣйшаго движенія. Ощущенія тепла и холода возникаютъ лишь тогда, когда температура кожи претерпѣваетъ измѣненіе, происходящее съ извѣстною скоростью. Ощущеніе температуры возникаетъ, когда кожа (или, выражаясь точнѣе, термическій аппаратъ) получаетъ температуру, которая въ достаточной мѣрѣ выше или ниже ея «нулевой температуры» (т.-е. температуры, которая въ данной точкѣ кожи не ощущается ни какъ тепло, ни какъ холодъ *)).

Очень слабыя раздраженія поглощаются предыдущими или одновременными раздраженіями, не вызывая какого-либо особаго ощущенія. Послѣ нѣсколькихъ минутъ электризаціи сильнымъ токомъ, токъ послабѣе не замѣчается, хотя онъ при иныхъ обстоятельствахъ далъ бы ощущеніе. Если на одну руку дѣйствуетъ сильный токъ, а на другую—слабый, то послѣдній не замѣчается. Если одну ножку циркуля поставить на болящую рану, а другую—на кожу около нея и въ обоихъ мѣстахъ надавливать съ одинаковою силой, то получается только одно ощущеніе, даже если бы разстояніе между ножками циркуля было вдвое больше того, при которомъ внутри раны получались бы два ощущенія **). Уже Гиппократъ училъ, что изъ двухъ болевыхъ ощущеній, возникшихъ одновременно, но не на одномъ мѣстѣ, слабѣйшее вытѣсняется сильнѣйшимъ. У Шекспира король Лиръ высказываетъ ту же мысль: отъ огорченія и гнѣва онъ не замѣчаетъ ни бури, ни дождя, ибо «тамъ, гдѣ насъ грызетъ недугъ великій, мы меньшаго не слышимъ»; напротивъ, «спокоенъ разумъ, чувствительно и тѣло». При сильно возбужденномъ состояніи сознанія въ немъ не могутъ получить замѣтнаго мѣста даже сильныя сами по себѣ впечатлѣнія. Экстатическій пылъ мучениковъ долженъ былъ ос-

*) Ср. *Fick*: Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane, стр. 54.—*Hering*: Der Temperatursinn (Hermann III, 2), стр. 415 и слѣд.—*Richet*: Recherches sur la sensibilité, стр. 42 и слѣд.

***) *Richet*: Recherches, стр. 168—222.

лаблять ощущеніе ихъ страданій. Точно такъ же ипохондрія и душевное разстройство могутъ помѣшать возникновенію болевыхъ ощущеній. *Idée fixe*, охватывающая сознаніе, можетъ быть такъ сильна, что никакое другое впечатлѣніе не въ силахъ привлечь вниманіе.

Итакъ, *порогъ сознанія* лежитъ не всегда на одной и той же высотѣ, но *повышается*, когда противоположность предыдущимъ или одновременнымъ впечатлѣніямъ не достаточно велика. Съ другой стороны, онъ *понижается* при извѣстныхъ условіяхъ вслѣдствіе упражненія и приспособленія. Когда мы прислушиваемся къ затихающему тону, то мы можемъ прослѣдить его до минимума силы, который ускользаетъ отъ того, кто не слышалъ этого тона сначала. Глазъ можетъ прослѣдить полетъ птицы до такого отдаленія, гдѣ его не видно глазу, который долженъ схватить его сразу. Сознанію легче удержать данное болѣе слабое впечатлѣніе, чѣмъ получить совершенно новое, хотя бы само по себѣ оно было сильнѣе *). Примѣръ пониженія порога сознанія мы имѣемъ и въ способности, съ какой заключенные, жившіе долгое время въ темномъ помѣщеніи, въ состояніи различать самые маленькіе предметы и самыя слабыя различія въ силѣ свѣта. Чтобы приучить глазъ различать самыя тонкіе свѣтовые оттѣнки, Лавуазье заперся на шесть недѣль въ комнату, всю обитую чернымъ.—Здѣсь пониженіе порога сознанія обусловлено такимъ же образомъ, какъ тамъ—повышеніе его; съ *постепеннымъ* уменьшеніемъ впечатлѣній ощущеніе не прекращается точно такъ же, какъ оно не возникаетъ съ *постепеннымъ* усиленіемъ ихъ.

Вполнѣ непрерывныя и однообразныя впечатлѣнія и состоянія не доходятъ до нашего сознанія, не связаны съ какими бы то ни было ощущеніями. Давленіе воздуха мы замѣчаемъ лишь тогда, когда оно мѣняется. Мы участвуемъ въ быстромъ движеніи земли, не зная этого, потому что оно постоянно. Мы не замѣчаемъ, что кровеносные сосуды сѣтчатой оболочки бросаютъ тѣнь на самую сѣтчатую оболочку, потому что она къ этому привыкла съ самаго начала. Напротивъ, эта тѣнь замѣтна, когда ее искусственно направить на тѣ части сѣтчатой оболочки, которыя привыкли къ болѣе сильнымъ свѣтовымъ впечатлѣніямъ. Вещество даетъ намъ вкусовыя ощущенія только тогда, когда его вкусъ отличается

*) *Richet*: Recherches sur la sensibilité, стр. 170 и слѣд.

отъ вкуса слюны. А между тѣмъ языкъ привыкъ къ слюнкѣ, и вслѣдствіе этого онъ притупленъ къ слабому соленому вкусу ея *).

Фехнеръ искалъ математической формулы для отношенія, въ которомъ дѣйствіе всякаго раздраженія опредѣляется полученными ранѣе раздраженіями. Изъ собственныхъ экспериментовъ и экспериментовъ другихъ изслѣдователей, по его мнѣнію, вытекаетъ законъ, что *прибываніе ощущенія отъ прироста раздраженія рѣшается не абсолютною величиною этого прироста, но отношеніемъ, въ которомъ онъ находится къ наличному раздраженію*. Чтобы ощущеніе возрасло на извѣстную степень, раздраженіе должно получить тѣмъ болѣе приростъ, чѣмъ сильнѣе оно было ранѣе. Фехнеръ выражаетъ это такъ: *раздраженіе должно расти въ геометрической прогрессіи, чтобы ощущеніе прибывало въ арифметической*. Чтобы ощущеніе съ 1 поднялось до 2, раздраженіе должно съ 10 подняться до 100; чтобы ощущеніе поднялось съ 2 до 3, раздраженіе должно подняться съ 100 до 1.000 и т. д. Фехнеръ самъ сейчасъ же согласился, что этотъ законъ имѣетъ значеніе лишь при не слишкомъ сильныхъ и не слишкомъ слабыхъ раздраженіяхъ. Есть опредѣленная граница для восприимчивости органовъ зрѣнія, и если два раздраженія неодинаковой силы перейдутъ эту границу, то по естественнымъ условіямъ различіе между ними не будетъ ощущаться. Низшая граница приложимости этого закона обуславливается тѣмъ, что при очень слабыхъ раздраженіяхъ въ дѣло замѣшивается внутреннее состояніе органа и нервной системы. Что касается глаза, то тутъ вліяетъ такъ называемый «собственный свѣтъ», который возникаетъ помимо всякаго внѣшняго воздѣйствія, являясь чѣмъ-то въ родѣ «нормальной галлюцинаціи» **). И другія чувства, пови-

*) *Helmholtz*: Physiologische Optik, стр. 161.—*Henle*: Ueber den Geschmacksinn (Antropologische Vorträge, II), стр. 18.

**) «Черное, которое мы видимъ въ темнотѣ и при закрытыхъ глазахъ, есть свѣтовое ощущеніе безъ внѣшняго раздраженія; его нельзя смѣшивать съ тѣмъ, когда мы ничего не видимъ, какъ, наприм., мы не видимъ пальцемъ или затылкомъ, и сравнивать съ отсутствіемъ слухового ощущенія, когда нѣтъ внѣшняго шума. Напротивъ, черное, которое мы имѣемъ въ закрытомъ глазѣ, есть то же свѣтовое ощущеніе, которое мы получаемъ при взглядѣ на черную поверхность, и которое можетъ постепенно перейти въ сильнѣйшее ощущеніе свѣта. Болѣе того, внутренний черный цвѣтъ глаза иногда переходитъ въ яркій цвѣтъ по чисто внутреннимъ причинамъ и содержитъ въ себѣ свѣтовые явленія какъ бы вкрапленными.—При внимательномъ наблюденіи въ

димому, также никогда не бывают совсѣмъ безъ субъективныхъ ощущеній, которыя только приобретають больше значенія, когда внѣшнія раздраженія очень слабы. Кроме того, очень слабыя раздраженія не будутъ въ состояніи преодолѣть сопротивленія, представляемаго сѣтчатой оболочкой *). Но и относительно раздраженія средней силы оспаривали значеніе этого закона. Онъ, повидимому, имѣетъ безспорное приблизительное значеніе только для раздраженій средней силы въ области зрѣнія, мускульнаго чувства и, можетъ быть, слуха. Вопросъ, ожидающій еще своего полнаго разрѣшенія, состоитъ въ томъ: можно-ли найти спеціальныя причины отклоненій отъ этого закона, имѣющихъ мѣсто въ области нѣсколькихъ чувствъ?

Удастся, или нѣтъ, провести математическую формулу, но всѣ опыты указываютъ, что возникновеніе и выступленіе ощущеній обусловливается ихъ взаимнымъ отношеніемъ. Всякое всплывающее ощущеніе должно выдерживать борьбу съ возможностью другихъ ощущеній, и отъ исхода этой борьбы зависитъ, выступаетъ ли оно вообще въ сознаніи, и съ какой степенью ясности и прѣчности оно проявляется. Итакъ, ни одинъ членъ въ ряду ощущеній не бываетъ абсолютно независимымъ отъ другихъ. Мы вращаемся тутъ въ такой области, гдѣ трудно найти подходящія выраженія. Ибо если мы скажемъ, что ощущенія сливаются при быстромъ слѣдованіи другъ за другомъ, или при слишкомъ маломъ, или слишкомъ большомъ различіи въ силѣ раздраженій, то противъ этого можно бы возразить, что ощущенія при такихъ условіяхъ совсѣмъ не возникаютъ каждое само по себѣ, а слѣдовательно, нельзя сказать, что они сливаются. Мы стоимъ здѣсь какъ разъ у порога сознанія, гдѣ психическіе элементы близки къ безсознательности, и гдѣ поэтому психологическое употребленіе языка можетъ быть точнымъ только наполовину. Однако, общее психологическое значеніе разсмотрѣнныхъ явленій, повидимому, довольно ясно: *нѣтъ вполнѣ самостоятельныхъ ощущеній, но каждое ощущеніе обусловлено его отношеніемъ къ тому, что бываетъ раньше или одновременно.*

черномъ закрытаго глаза можно различить родъ тонкой свѣтовой пыли, которая у различныхъ лицъ и въ различныхъ состояніяхъ глаза находится въ различномъ количествѣ и при болѣзненномъ состояніи можетъ дойти до яркихъ свѣтовыхъ явленій». G. T. Fechner: Elemente der Psychophysik I, стр. 165 и слѣд.

*) E. Kraepelin въ Philosophische Studien Вундта, II, стр. 324.

4. Соответствующій этому законъ находимъ мы и для *качества* ощущеній.

Одно и то же раздраженіе при различныхъ отношеніяхъ можетъ вызвать то ощущеніе тепла, то холода. Если мы, напр., опустимъ руку въ сосудъ, который имѣетъ ту же температуру, какъ и комната,—значитъ, къ этой температурѣ рука привыкла,—то мы ощущаемъ тепло, потому что лучеиспусканіе теплоты рукою въ маленькомъ пространствѣ встрѣчаетъ препятствія. Если наполнить одинъ сосудъ водою съ температурой кожи, другой—водой болѣе высокой температуры и третій—водой съ болѣе низкой температурой и погрузить потомъ правую руку во второй сосудъ, лѣвую—въ третій и сейчасъ же затѣмъ обѣ руки въ первый сосудъ, то правая рука почувствуетъ холодъ, а лѣвая—тепло тамъ, гдѣ прежде ни та, ни другая не замѣчала ни холода, ни тепла.

Одно и то же движеніе ощущается то какъ напряженіе, то какъ покой, смотря по тому, смѣняеть-ли оно болѣе медленное или болѣе сильное движеніе. Ощущеніе покоя даже прямо возникаетъ изъ одной только противоположности ощущенію перемѣны или движенія. Внезапное прекращеніе какого-либо раздраженія можетъ возбудить чрезвычайно живое ощущеніе. Такъ неожиданная пауза въ шумной музыкальной пьесѣ приводитъ въ испугъ слушателя. Такъ мельникъ пробуждается при остановкѣ мельницы. Одна и та же поверхность кажется намъ шероховатой или гладкой, смотря по качеству предшествовавшихъ или одновременныхъ осязательныхъ ощущеній. Употребленіе сыра повышаетъ вкусъ вина; послѣ ощущеній горькаго или соленого вода имѣетъ сладковатый вкусъ.

Это *дѣйствіе контраста*, по которому специальное качество ощущенія оказывается подчиненнымъ такимъ же условіямъ, какъ и возникновеніе ощущенія вообще, особенно ясно выступаетъ въ области зрительныхъ ощущеній.

Если бы мы могли ощущать только *одинъ* цвѣтъ, то это было бы все равно, что совсѣмъ не ощущать никакого цвѣта. Если положить нѣсколько очень небольшихъ окрашенныхъ предметовъ одинъ возлѣ другого, то часто еще можно уловить ихъ цвѣтовые качества, хотя нельзя различить цвѣтъ отдѣльнаго предмета подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія *). Самый чистый черный цвѣтъ

*) Hermanns Handbuch III, стр. 199.

воспринимаемъ мы лишь рядомъ съ самымъ чистымъ бѣлымъ и какъ его противоположность. Различныя цвѣтотыя качества выступаютъ съ наибольшою опредѣленностью («насыщеннѣе» всего), когда они сопровождаются ихъ дополнительными цвѣтами. Дополнительными цвѣтами называются такіе, лучи которыхъ въ смѣси даютъ ощущение сѣраго или бѣлаго. Въ этомъ отношеніи цвѣта располагаются слѣдующимъ образомъ:

красный—зеленоголубой,
 оранжевый—свѣтлосиній,
 желтый—синій,
 зеленый—пурпуровый,
 фіолетовый—зеленожелтый.

Если положить одинъ цвѣтъ рядомъ съ другимъ, но не дополнительнымъ къ нему, то онъ всегда будетъ приближаться къ дополнительному цвѣту второго цвѣта. Сѣрая полоска на цвѣтномъ полѣ пріобрѣтаетъ окраску дополнительнаго къ нему цвѣта, и если положить ее на рядъ разноцвѣтныхъ кусочковъ бумаги, то на каждомъ изъ нихъ она получаетъ различную окраску. Этотъ опытъ надо дѣлать, положивъ на сѣрую полоску тонкую, прозрачную бумагу, ибо, когда контуры между полоской и полемъ обозначаются ясно, то окраски не появляются.

Контрастъ можетъ быть не только *одновременнымъ*, но и *последовательнымъ*. Цвѣтъ воспринимается «насыщеннымъ» не только, когда на него смотреть рядомъ съ его дополнительнымъ цвѣтомъ, но и когда онъ непосредственно слѣдуетъ за нимъ. Сосредоточивая глазъ нѣкоторое время на опредѣленномъ цвѣтовомъ раздраженіи, можно его предрасположить къ живому ощущенію дополнительнаго цвѣта. И когда глазъ отъ какого-либо цвѣта переходитъ къ сѣрому или бѣлому полю, то онъ видитъ на немъ окраску въ дополнительный цвѣтъ: такъ онъ видитъ красноватый отблескъ на бѣлой стѣнѣ, если онъ передъ тѣмъ пристально смотрѣлъ на зеленую занавѣску. Черезъ соединеніе одновременнаго и последовательнаго контраста возникаетъ самое рѣзкое ощущение цвѣта.

Эти явленія контраста безъ нашего вѣдома сопровождають всѣ наши цвѣтотыя ощущенія. Мы рѣдко надолго приковываемъ нашъ взглядъ къ одной точкѣ, такъ какъ даже самое короткое фиксированіе стоитъ извѣстнаго напряженія, и слѣды отъ одной точки поля зрѣнія оказываютъ вліяніе на воспріятіе другихъ то-

чекъ. Тутъ часто выступаютъ самыя запутанныя комбинаціи одно-временнаго и послѣдовательнаго контраста.

Дѣйствіе контраста зависитъ не отъ ложнаго вывода или иллюзіи.—Такое объясненіе было бы возможно только, если бы это явленіе ограничивалось отдѣльными исключительными случаями. Но оно обнаруживается постоянно — по крайней мѣрѣ, въ области зрѣнія — то въ большей, то въ меньшей степени, и потому невозможно установить для него нормальнаго ощущенія. На какомъ фонѣ должно смотрѣть цвѣтъ, чтобы признать его настоящимъ качествомъ? Правда, на практикѣ мы принимаемъ нормальный или типичный оттѣнокъ за настоящій, въ дѣйствительности же каждое качественное опредѣленіе относительно. Вообще каждое ощущеніе и въ своемъ качествѣ, и въ своемъ существованіи опредѣляется отношеніемъ его къ другимъ ощущеніямъ *).

5. Ученіе объ ощущеніяхъ подтверждаетъ, такимъ образомъ, общую характеристику сознанія, данную раньше (II, 5). Невозможно разложить сознаніе на рядъ простыхъ и самостоятельныхъ, независимыхъ ощущеній. Мы не знаемъ такого ощущенія, которое не было бы въ какомъ-нибудь отношеніи къ другому ощущенію. Этотъ законъ можно назвать *закономъ отношенія* **). Съ зарожденіемъ ощущенія его существованіе и свойства опредѣляются отношеніемъ его къ другимъ ощущеніямъ.

Законъ отношенія согласенъ съ главнымъ положеніемъ нервной физиологіи, что нервный процессъ вызывается не какимъ-либо постояннымъ состояніемъ, а только перемѣною, наступающею съ извѣстною внезапностью. Предшествующее состояніе организма и сознанія служитъ такимъ образомъ фономъ для послѣдующаго. Дѣйствіе контраста въ тѣсномъ смыслѣ есть лишь особенно рѣзкій примѣръ того, что до извѣстной степени происходитъ и должно происходить при всякомъ ощущеніи. Только мы легко упускаемъ это изъ виду отчасти потому, что степень противоположности

*) По утвержденію нѣкоторыхъ, одни лишь качества тоновъ представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ какъ тутъ дѣйствіе контраста, будто бы, не имѣетъ мѣста. Другіе утверждаютъ, что тонъ звучитъ различно, смотря по тому, идти-ли вверхъ или внизъ по скалѣ тоновъ.—Если это исключеніе болѣе, чѣмъ вѣроятно, то надо изслѣдовать, не имѣетъ-ли оно основанія въ особенныхъ условіяхъ чувства слуха.

**) Это названіе, сколько я знаю, впервые было введено Вундтомъ.

не значительна, отчасти потому, что два ощущенія такъ далеко одно отъ другого, что мы ихъ не сопоставляемъ: въ такомъ случаѣ мы забыли о среднихъ членахъ. Изъ множества мелкихъ ощущеній различія создаются ощущенія, выступающія рѣзко и опредѣленно.

Различіе или отношеніе можетъ быть или *одновременнымъ*, или *последовательнымъ*. Однако первичнымъ является последовательное отношеніе. Одновременныя ощущенія склонны къ сліянію (преимущественно въ области осязанія, вкуса и обонянія); и такъ какъ, съ другой стороны, наше вниманіе такъ же неспокойно, какъ нашъ тѣлесный глазъ, переходя съ одной точки на другую, то и сложное раздраженіе по самой природѣ процесса воспринимается последовательно. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что последовательное воспріятіе яснѣе, чѣмъ одновременное. Небольшія различія въ вѣсѣ опредѣляются легче последовательнымъ взвѣшиваніемъ въ одной и той же рукѣ, чѣмъ одновременнымъ—въ обѣихъ рукахъ. Сравнивать температуру двухъ жидкостей, погружая въ нихъ одну и ту же руку последовательно,—лучше, чѣмъ погружая обѣ руки одновременно, каждую въ одну изъ жидкостей. Очень слабыя тѣни замѣчаются лишь при движеніи источника свѣта. Новорожденные дѣти и низшія животныя, повидимому, имѣютъ меньшую способность различать одновременныя раздраженія, чѣмъ последовательныя. Это согласно съ общимъ закономъ отношенія и съ главнымъ закономъ нервной физиологіи, ибо неподвижныя раздраженія не производятъ такой перемѣны и такой противоположности, какъ раздраженія, смѣняющія другъ друга. Последовательная противоположность дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ данная одновременно *).

Какъ уже замѣчено, нельзя провести границы между абсолютнымъ и относительнымъ ощущеніемъ или между ощущеніями и различіями ощущеній. Однако это слѣдствіе психологіи и физиологіи ощущенія все еще подвергается спору, и даже со стороны такого изслѣдователя, какъ *Фехнеръ*, который такъ много сдѣлалъ, чтобы утвердить значеніе закона отношенія. «Конечно,—говоритъ Фехнеръ (In Sachen der Psychophysik, стр. 114),—такъ

*) *E. H. Weber*: Tastsinn und Gemeingefühl (Wagners physiol. Handwörterbuch III, 2), стр. 544.—*Fechner*: Elemente der Psychophysik I, стр. 174.—*G. H. Schneider*: Почему предметы при умѣренномъ движеніи замѣтны легче неподвижныхъ (Vierteljahrsschrift für wissenschaft. Philos. II), стр. 411.

какъ у насъ никогда нѣтъ ощущеній извѣстнаго рода или извѣстной силы безъ предшествовавшаго или сопровождающаго ощущенія другого рода или силы, то нельзя доказать строго экспериментальнымъ путемъ, что вообще бываетъ ощущение безъ предшествовавшихъ или сопровождающихъ ощущеній. Я только не нахожу ни теоретическаго, ни опытнаго основанія, которое бы возбраняло допускать это, и потому *вѣрю*, — но и противоположное предположеніе тоже можетъ опираться только на *вѣру*, — что ребенокъ, пробуждаясь въ первый разъ въ совершенно однообразномъ, яркомъ свѣтѣ, при наивозможномъ удаленіи раздраженій всякаго другого чувства, которыя, конечно, вполне удалить нельзя, — все-таки можетъ ощущать яркость свѣта». Фехнеръ *вѣрно* замѣтилъ, что надо обратиться къ самому первому ощущенію, т.-е. къ началу сознанія, чтобы выбраться изъ-подъ закона отношенія. Его примѣръ однако не даетъ абсолютнаго начала, ибо ребенокъ, просыпающійся при яркомъ свѣтѣ, имѣлъ уже общія ощущенія, ощущенія движенія, а можетъ быть и много еще другихъ, прежде чѣмъ получить свѣтовое ощущеніе. Такимъ образомъ эти болѣе неопредѣленные ощущенія служатъ фономъ для свѣтового ощущенія, почему оно и выступаетъ съ характеромъ, отличнымъ отъ всѣхъ послѣдующихъ свѣтовыхъ ощущеній. Можетъ быть, оно даже было подготовлено процессами внутри зрительнаго органа, такъ что порогъ сознанія былъ уже перейденъ. Кромѣ того свѣтовое раздраженіе дѣйствуетъ (даже если бы само по себѣ оно было абсолютно однообразнымъ) въ два послѣдовательные момента не одинаковымъ образомъ. Въ первый моментъ наступаетъ возбужденность, которая только постепенно уступаетъ мѣсто собственно зрѣнію; но въ этомъ послѣдовательномъ переходѣ обнаруживается законъ отношенія, такъ какъ состояніе каждаго момента опредѣляется предыдущимъ. Во всякомъ случаѣ *вѣрно* то, что чѣмъ больше какое-либо душевное состояніе приближается къ абсолютному единству или, лучше, простотѣ, тѣмъ болѣе приближаемся мы къ границѣ сознанія (ср. II, 5). Мы должны поэтому допустить, что ни одинъ оттѣнокъ, ни одинъ ритмъ не можетъ исчезнуть, пока еще существуетъ сознаніе *).

*) *Штумпфъ* (Tonpsychologie I, стр. 10) возражаетъ мнѣ (по поводу моей статьи „Къ психологіи чувствованій“ въ Philosophische Monatshefte 1880, гдѣ уже былъ приведенный рядъ мыслей): на сколько *вѣрно*, что сознательная

Если законъ отношенія имѣтъ полную силу, то *нельзя провести рѣзкой границы между чувственнымъ ощущеніемъ и мышленіемъ*. Въ томъ способѣ, какимъ при послѣдовательномъ отношеніи (наприм., въ послѣдовательномъ контрастѣ) *предыдущее* ощущение опредѣляетъ *послѣдующее*, обнаруживается *элементарное воспоминаніе*. Подъ вліяніемъ времени, противоположности и контраста ощущение является намъ какъ *различіе, воспріятіе различій, элементарное сравненіе*. Здѣсь мы, такимъ образомъ, имѣемъ самую простую форму той же сознательной дѣятельности, которая на высшихъ ступеняхъ развитія выступаетъ собственно какъ мышленіе. Наконецъ, ясно, что взаимное отношеніе ощущений, обуславливающее ихъ возникновеніе и качество, возможно только потому, что всѣ ощущенія являются членами одного и того же

жизнь индивидуума непрѣнно имѣла свое начало, на столько же вѣрно и то, что было первое ощущеніе. А такъ какъ оно не можетъ имѣть отношенія къ какому-нибудь другому ощущенію, то Штумпфъ и отвергаетъ законъ отношенія.—Но однако вовсе ужъ не такъ вѣрно, что было непрѣнно *одно* первое ощущеніе. Вѣдь, мыслимо (ср. III, 6 и 9), что одновременно всплыло нѣсколько ощущений, опредѣляя себя взаимно. Да это, конечно, и самое вѣроятное, ибо всякій организмъ въ каждое мгновеніе подвергается разнымъ воздѣйствіямъ извнѣ, и въ то же время на мозгъ кромѣ того болѣе или менѣе дѣйствуютъ еще и внутреннія состоянія организма. — Штумпфъ упускаетъ изъ виду, что, руководясь той сознательной жизнью, которую мы можемъ знать и психологически изучать, намъ никакъ нельзя понять перваго простого ощущенія подобнаго рода. Если жизнь сознания начинается только однимъ первымъ ощущеніемъ, то оно начинается съ такого состоянія, для котораго мы не знаемъ ничего подходящаго. (Ср., впрочемъ, II, 5).—Въ высшей степени замѣчательнъ выводъ, который дѣлаетъ Штумпфъ изъ необходимости одного только перваго ощущенія: «всеобщности и необходимости отношенія въ появляющихся ощущеніяхъ можно разсматривать, какъ пріобрѣтеніе, какъ «вторую природу», подобно всякой сильной привычкѣ». Если свойство нашего сознания, выражающееся въ законѣ отношенія, есть привычка, то это привычка, которую мы усвоиваемъ себѣ очень рано (тогдашъ послѣ самаго перваго ощущенія), и «вторая природа», вступающая такъ рано въ свои права, можетъ поэтому заслуживать степени «первой природы».—Какъ видно, Штумпфъ собственно не отвергаетъ тутъ закона отношенія, хотя и не согласенъ, что онъ представляетъ первоначальную особенность сознательной жизни. Онъ пытается провести различіе между самимъ ощущеніемъ и его оцѣнкой. Но, собственно, всякой оцѣнкѣ предшествуетъ непосредственное взаимоотношеніе самихъ ощущений, въ которомъ мы имѣемъ первичную форму сознательной дѣятельности,—форму, которую на высшихъ ступеняхъ мы называемъ сравненіемъ и сужденіемъ. Для такого элементарнаго отношенія языкъ не создалъ вполне подходящаго выраженія.

сознанія, которое всѣхъ ихъ охватываетъ и объединяетъ. Между *моимъ* ощущеніемъ краснаго и ощущеніемъ синяго *кого-нибудь другого* невозможно отношеніе контраста. Такимъ образомъ, если даже мы представимъ себѣ сознательную жизнь, какъ рядъ ощущений, то *синтезъ* все-таки является необходимымъ предположеніемъ.

Отъ этого получаетъ поправку главный пунктъ философіи *Канта*. Кантъ рѣзко различалъ содержаніе и форму нашего познанія. Чувственные ощущенія онъ разсматривалъ, какъ пассивно воспринимаемое содержаніе, которое приводится въ порядокъ формующею дѣятельностью, проистекающею совѣмъ изъ другого источника. Ощущенія, т.-е. содержаніе познанія, по Канту, *даны*, тогда какъ формы, посредствомъ которыхъ содержаніе приводится въ порядокъ и подвергается переработкѣ, *апріорны*, т.-е. лежатъ въ природѣ нашего сознанія. Кантъ разсуждалъ при этомъ, что «то, посредствомъ чего только и могутъ ощущенія получать порядокъ и принимать извѣстную форму, само не можетъ быть въ свою очередь ощущеніемъ». Однако, по закону отношенія, ощущенія непрерывно получаютъ форму и опредѣляютъ другъ друга, и въ *сознаніи нельзя найти совершенно безформеннаго содержанія*. Въ *противномъ* случаѣ пришлось бы предположить, что могутъ быть чистыя, совершенно независимыя ощущенія. Разница между содержаніемъ и формой есть лишь *разница въ степени*. Психологическій опытъ показываетъ намъ только приближеніе къ чисто пассивнымъ ощущеніямъ, но это въ то же время и приближеніе къ границѣ сознанія *).

6. Если даже думать, что ощущенія только даны намъ, или восприняты нами, то все-таки не трудно замѣтить, что не всѣ они происходятъ отъ внѣшняго міра. Во-первыхъ, вѣдь, самъ организмъ есть маленькій міръ съ извѣстной самостоятельностью по отно-

*) Это ясно видѣлъ уже *Соломонъ Маймонъ*, одинъ изъ остроумнѣйшихъ учениковъ *Канта*. «Ощущеніе, — говоритъ онъ, — есть видоизмѣненіе познавательной способности, то, что осуществляется въ ней только *страдательно* (безъ самопроизвольности). Но это только *идея*, къ которой мы постоянно приближаемся черезъ *уменьшеніе сознанія*, но которой мы никогда не можемъ достигнуть» (Versuch über die Transcendentalphilosophie, Berlin 1790, стр. 168). — При этомъ *Маймонъ* однако не послѣдователенъ, опредѣляя въ своемъ Philosophisches Wörterbuch (1791) «чувственность», какъ «способность воспринимать чувственные качества сами по себѣ, *безъ всякаго отношенія другъ къ другу*», стр. 14.

шенію къ большому. Отъ его собственной внутренней дѣятельности получаютъ важныя впечатлѣнія (въ видѣ общихъ ощущеній). Питаніе, кровообращеніе и дыханіе идутъ своимъ путемъ, до извѣстной степени независимо отъ того, что происходитъ внѣ, и эти внутренніе процессы возбуждаютъ болѣе или менѣе сильныя ощущенія. Во-вторыхъ, организмъ не ждетъ, пока внѣшній міръ принесетъ ему раздраженія, но предпринимаетъ движенія, которыя ведутъ за собой ощущенія, — *ощущенія движенія*. Еще прежде, чѣмъ ощущенія возникаютъ отъ раздраженій извнѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, производятся движенія вслѣдствіе обилія упругости въ нервныхъ центрахъ. Отъ этихъ съ психологической точки зрѣнія самопроизвольныхъ, не мотивированныхъ движеній могутъ возникать ощущенія движенія, которыя, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ самымъ первымъ ощущеніямъ начинающагося сознанія.

Итакъ, перемѣна или переходъ, — ихъ предполагаетъ всякій актъ сознанія, или онъ состоитъ изъ нихъ, — можетъ быть активнаго или пассивнаго свойства. Раздраженія идутъ къ намъ не только извнѣ, но также и отъ насъ самихъ. И весьма возможно, что активныя измѣненія даже предшествуютъ по времени пассивнымъ, такъ какъ самая жизнь сознанія выражается прежде всего въ самопроизвольныхъ, рефлекторныхъ и инстинктивныхъ движеніяхъ (ср. IV, 4—6).

Съ *психологической* точки зрѣнія ощущенія движенія можно раздѣлить на двѣ группы: ощущенія силы и мускульныя ощущенія. — *Ощущеніе силы* есть ощущеніе энергіи, которая расходуется для выполненія извѣстнаго движенія. Произвольно или непроизвольно мы прилаживаемся и измѣряемъ степень напряженія, которая требуется для извѣстнаго движенія, и можемъ еще до движенія напередъ ощущать требуемую энергію. Точно такъ же, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ движенію, мы можемъ ощущать свое безсиліе и усталость. — *Мускульное ощущеніе* есть ощущеніе даннаго состоянія одного или нѣсколькихъ мускуловъ. Оно можетъ происходить отъ мускуловъ, которые не подлежатъ вліянію высшихъ нервныхъ центровъ (какъ ощущеніе судороги въ икрахъ, колики, болей при родахъ), но можетъ также возникнуть и отъ состоянія, въ которое приводится мускуль двигательными импульсами, исходящими со стороны мозга (ощущеніе мускульнаго напряженія или усталости).

Напротивъ, еще неизвѣстно, различны-ли эти два рода ощущеній и съ точки зрѣнія соотвѣтствующаго имъ *физиологическаго процесса*. Нѣкоторые полагаютъ, что процессъ движенія, начавшійся въ двигательныхъ центрахъ мозга, прежде чѣмъ выйти отсюда, посылаетъ раздраженіе при помощи нервныхъ нитей къ центрамъ ощущенія. Такимъ образомъ мы имѣли бы здѣсь родъ ощущеній, обязанныхъ возникшимъ въ самомъ мозгу раздраженіямъ. Ихъ называли *ощущеніями иннервации*. Такъ называется ихъ *Юг. Мюллеръ* *), который основывается главнымъ образомъ на томъ, что мы передъ самымъ движеніемъ, прежде чѣмъ поднять тяжесть или взойти на лѣстницу, можемъ заранѣе ощущать требуемую степень напряженія. Другіе объясняютъ всѣ ощущенія движенія — и ощущеніе силы, и собственно мускульное ощущеніе — раздраженіями, которыя посылаются отъ мускула въ мозгъ. Вслѣдствіе этого мозгъ какъ бы получаетъ извѣщеніе о наступленіи или концѣ сокращенія въ мускулѣ. А если мы можемъ напередъ ощутить или рассчитать требуемую силу, то это въ такомъ случаѣ объясняется вліяніемъ опыта и навыка. Будь это мнѣніе вѣрно, — а оно нашло себѣ поддержку въ открытіи *Закса* **), что изъ мускула ведутъ чувствительные нервы къ высшимъ центрамъ, — то при ощущеніи силы мы не ощущаемъ начальнаго двигательнаго процесса, а только его слѣдствіе.

7. Почти во всѣхъ ощущеніяхъ играютъ важную роль движенія организма, такъ что мускульныя ощущенія и ощущенія силы, какъ оказывается при ближайшемъ изслѣдованіи, въ качествѣ элементовъ принимаютъ участіе въ такихъ состояніяхъ, которыя при поверхностномъ взглядѣ принимаются за совершенно простыя. При вкусѣ имѣетъ значеніе движеніе языка. Твердыя частицы пищи прижимаются къ нѣбу и тутъ только получаютъ вкусъ. Ощущенія запаха возникаютъ лишь тогда, когда воздухъ втягивается черезъ носъ. Если задержать воздухъ, то прекращается всякое ощущеніе запаха, даже если быть въ сильно пахучей атмосферѣ. Слушая мы поворачиваемъ туловище или во всякомъ

*) Handbuch der Physiologie, Koblenz 1840, II, стр. 500.—По *Пануму*, раздраженія мышцы дѣйствуютъ при ощущеніи силы вмѣстѣ съ непосредственными раздраженіями иннервации. *Nervevävets Fysiologi* (физиологія нервной ткани), стр. 95.

**) *Sachs*: Физиологическія и анатомическія изслѣдованія о чувствительныхъ нервахъ мышцъ (*Reichert's und Dubois Reymonds Archiv*, 1874).

случаѣ голову, пока не найдемъ такого положенія, при которомъ звукъ слышенъ лучше всего. Если внимательно прислушиваться, мышцы барабанной перепонки, повидимому, сокращаются. Но особенно важное значеніе движеніе имѣеть при зрѣніи и осязаніи. Глазъ долженъ приладиться къ разстоянію предмета, и это достигается сокращеніемъ тонкихъ мышцъ, отчего поверхность хрусталика становится болѣе выпуклой; это измѣненіе совершается съ извѣстнымъ напряженіемъ. При всякомъ опредѣленномъ положеніи глаза нѣкоторыя его мышцы активно укорочены, другія—пассивно отпущены. Поэтому съ каждымъ положеніемъ глаза связано извѣстное мышечное ощущеніе или ощущеніе силы. Мы двигаемъ глазъ, а иногда и все тѣло, пока свѣтовое раздраженіе, которое мы хотимъ воспринять, не попадетъ на мѣсто самаго отчетливаго зрѣнія (желтое пятно). Тонкость осязанія въ различныхъ мѣстахъ тѣла находится въ извѣстномъ отношеніи къ подвижности этихъ частей. Эта тонкость (по Веберу) больше всего на языкѣ, губахъ и пальцахъ, меньше всего—на спинѣ и груди. Своимъ значеніемъ для живыхъ существъ осязаніе обязано подвижнымъ частямъ тѣла; благодаря имъ, становится возможнымъ дѣятельное экспериментированіе. Осязаніе и зрѣніе, будучи оба связаны съ самыми подвижными органами нашего тѣла, являются вмѣстѣ и важнѣйшими средствами, чтобы распознаваться во внѣшнемъ мірѣ.

Итакъ, мы не отданы на жертву впечатлѣніямъ внѣшняго міра въ качествѣ чисто пассивной добычи. Уже въ самопроизвольныхъ и рефлекторныхъ движеніяхъ, предшествующихъ пробужденію сознанія, обнаруживается активная природа. Сверхъ того возбужденія извнѣ вызываютъ вскорѣ движенія, которыя служатъ для того, чтобы удерживать и слѣдить за ними. Здѣсь происходитъ активное обращеніе къ возбужденію. Это все равно, какъ маленькій ребенокъ головой или глазами слѣдитъ за свѣтомъ или ищетъ его *). Непроизвольные поиски и приспособленіе обуславливаютъ характеръ ощущеній. Какъ примитивна эта первая форма вниманія, видно изъ того, что голубь, лишенный большого мозга,

*) „Я видѣлъ, какъ ребенокъ, рожденный въ седьмой мѣсяцъ беременности, на второй день жизни въ сумеркахъ поворачивалъ голову къ окну и къ свѣту, какъ бы ни измѣняли его положеніе. Онъ несомнѣнно искалъ свѣта“ (Kussmaul: Untersuchungen über das Seelenleben des neugeborenen Menschen стр. 26).—Только впоследствии, по Прейеру (Die Seele des Kindes, стр. 31) на 23-й день, ребенокъ слѣдитъ за свѣтомъ, не двигая головы.

поворачиваль голову за удалявшимся свѣтомъ. Такимъ образомъ здѣсь вниманіе носитъ еще отпечатокъ рефлекторнаго движенія. Сознательное сосредоточиваніе вниманія (произвольное вниманіе) предполагаетъ извѣстное развитіе способности вспоминать и составлять представленія независимо отъ чисто мгновенныхъ впечатлѣній.

Ощущеніе вниманія сходно съ мускульнымъ ощущеніемъ и ощущеніемъ силы и, быть-можетъ, находится въ связи съ тѣмъ, что происходитъ болѣе или менѣе сильное сокращеніе мускуловъ, принадлежащихъ данному органу.

Уже прямое субъективное наблюденіе опровергаетъ поэтому теорію Кондилляка, что вниманіе есть «безраздѣльное ощущеніе» *).—Если ощущеніе вполне овладѣваетъ нами и близко къ тому, чтобы вытѣснить все другое изъ нашего сознанія, то оно захватываетъ и нашу дѣятельность. Такимъ образомъ безраздѣльное ощущеніе *предполагаетъ* вниманіе и не тождественно съ нимъ. Мало того, какъ ощущеніе становится безраздѣльнымъ? Возбужденія могутъ притекать къ намъ одновременно съ разныхъ сторонъ. Такъ, напр., глазъ получаетъ одновременно раздраженія отъ нѣсколькихъ свѣтовыхъ точекъ. Кромѣ того нѣкоторыя чувства могутъ дѣйствовать заразъ. Всякое чувственное воспріятіе, будь оно чисто пассивнымъ, давало бы хаотическое разнообразіе ощущеній. Но изъ этого многообразія въ каждый маленькій моментъ *выбирается* только одно ощущеніе, которое становится центромъ. Рефлекторно и инстинктивно вниманіе переходитъ отъ одного раздраженія къ другому. Какъ мы видѣли выше, послѣдовательное воспринимается легче и раньше одновременнаго. Это, повидимому, стоитъ въ связи съ тѣмъ большимъ значеніемъ, которое движеніе имѣетъ для чувственнаго воспріятія **).—Причину того, что вниманіе оставляетъ одно раздраженіе, чтобы обратиться къ другому, слѣдуетъ искать въ ощущеніи утомленія или нувствѣ притупленности. Переходъ къ новому раздраженію, а

*) Logique I, 7 (срав. Traité des sensations I, 2, 1).

**) Кондиллякъ, несмотря на собственное свое опредѣленіе, признаетъ самостоятельность элемента вниманія, когда говоритъ: «когда передъ моимъ взоромъ открывается деревня, я вижу все сразу и пока ничего не различаю. Чтобы разглядѣть разные предметы и составить себѣ отчетливое представленіе объ ихъ формѣ и положеніи, мнѣ надо *остановить свой взглядъ* на каждомъ изъ нихъ... Этотъ взглядъ является дѣйствіемъ, въ которомъ мой взоръ стремится къ предмету... по этой причинѣ я даю ему названіе вниманія, и для меня очевидно, что въ этомъ направленіи органа и заключается все участіе тѣла во вниманіи».

особенно къ такому, которое является естественной противоположностью или дополненіемъ къ предыдущему (ср. дѣйствіе контраста), составляетъ потребность или служить отдыхомъ. При всякомъ подобномъ переходѣ бываетъ *элементарный выборъ*.

В. Представленіе.

1. Во взаимодействіи ощущений и въ произвольномъ вниманіи еще только чисто элементарнымъ образомъ обнаруживаются единство и активность сознанія. Передъ нами были такія простыя явленія, что намъ даже не хватало психологическихъ названій. Мы переступаемъ теперь область чистыхъ ощущений, выдвигая тотъ фактъ, что новыя ощущенія могутъ опредѣляться и измѣняться не только *одновременными и непосредственно предшествовавшими*, но и *бывшими раньше* ощущеніями. Это происходитъ отъ того, что новое ощущеніе вызываетъ прежнія.

При этомъ предполагается, что ощущенія *повторяются*. Сознаніе, которое переходило бы отъ *A* къ *B*, отъ *B* къ *C* и т. д., все къ новымъ и новымъ впечатлѣніямъ, не вышло бы за предѣлы элементарной стадіи, изображенной выше. Но такого свойства нѣтъ ни у одного сознанія. У существъ, одаренныхъ сознаніемъ, есть свои *опредѣленные жизненныя условія*, которыя не только дѣлаютъ возможнымъ существованіе, но и ограничиваютъ горизонтъ, такъ какъ рядъ впечатлѣній не можетъ идти въ безконечность, а разворачивается съ извѣстнымъ ритмомъ. Опыты (ощущенія) каждаго конечнаго существа должны быть ограничены, ибо ихъ существованіе всегда связано съ извѣстными условіями, которыя частью постоянно налицо, частью необходимо являются вновь черезъ извѣстные промежутки времени. *Безъ повторенія не было бы никакой, а слѣдовательно и сознательной жизни.* Жизнь состоитъ въ смѣнѣ усвоенія вещества (ассимиляція) и потребленія его (дизассимиляція), въ смѣнѣ растительныхъ и органическихъ отравленій. Оттого въ органическихъ отравленіяхъ мы находимъ ритмическія повторенія: вдоханіе и выдыханіе, кровообращеніе, сонъ и бодрствованіе. И этотъ ритмъ въ явленіяхъ органической жизни является, повидимому, лишь однимъ изъ многихъ примѣровъ всеобщаго закона природы, такъ какъ многое указываетъ *) на то, что всѣ движенія и измѣненія въ природѣ періодичны.

*) *Herbert Spencer: First Principles, II, 10.—Jevons: Principles of Science, 2 ed., стр. 448, 563 и слѣд. (рус. пер. М. А. Антоновича, Спб. 1881).*

Самымъ элементарнымъ дѣйствительнымъ сознаниемъ было бы такое, въ которомъ происходила бы ритмическая смѣна удовольствія и неудовольствія, а также связанныхъ съ ними простыхъ ощущеній чувствъ и движенія. Значить, если бы рядъ ощущеній дошелъ до *D*, то наступило бы опять *A*—правда, какъ *A*₂, ибо ощущеніе, пожалуй, не имѣло бы того же качества. Но *повтореніе* однихъ и тѣхъ же ощущеній не имѣло бы никакого психологическаго значенія, не обладай сознание *способностью воспроизводить* подобныя ощущенія, бывшія раньше, хотя бы они исчезли, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда. Психологическое значеніе повторенія заключается въ томъ, что оно,—предполагая воспроизводительную способность,—даетъ сознанию возможность комбинировать прежніе ощущенія и опыты съ позднѣйшими. Здѣсь передъ нами основная способность сознания, не поддающаяся ближайшему объясненію. Фактъ тотъ, что если ощущеніе *A* появляется снова черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, который былъ занятъ ощущеніемъ *B*, то оно проявляетъ *склонность вызывать опять то же состояніе*, которое было передъ *B*. Оно выигрываетъ отъ этого повторенія, пользуясь слѣдами, оставленными *A*. Здѣсь дѣйствуетъ *законъ навыка*, приложимый ко всей органической жизни. Всякое отправление облегчается повтореніемъ и навыкомъ. Особенно относится это къ отправлениямъ нервной системы. Болѣе того, всякое усвоеніе сложныхъ движеній является собственно навыкомъ центральной нервной системы. Чѣмъ чаще проходятся нервные пути, тѣмъ они дѣлаются, такъ сказать, удобнѣе. *Повторное ощущеніе приобретаетъ оттого собственный признакъ, выдѣляется своеобразнымъ характеромъ изъ числа другихъ ощущеній, которыя измѣряются, такъ сказать, не сами собой, а другъ другомъ.* Тутъ выступаетъ *дѣйствіе контраста* между повторяющимся, знакомымъ, привычнымъ и новымъ, до сихъ поръ не испытаннымъ, между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ.—

Иногда подъ влияніемъ повторенія и воспоминанія можетъ возникнуть ощущеніе, котораго въ другомъ случаѣ не явилось бы. Частичные тоны звука можно различать, когда есть живое воспоминаніе того ощущенія, которое они возбуждали въ качествѣ простыхъ тоновъ. Но если между ощущеніемъ простыхъ тоновъ и ощущеніемъ звука пройдетъ извѣстное время, то такое различеніе уже невозможно. Два тона, близкіе до такой степени, что ихъ едва только можно отличать, слушая одинъ сейчасъ же

вслѣдъ за другимъ, являются для сознанія однимъ и тѣмъ же тономъ, если между ними проходитъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 минуты. Если между двумя ошущеніями вѣса протекаетъ не болѣе 15—30 секундъ, то можно еще различить 29 лотовъ отъ 30 *). Но это уже невозможно по истеченіи 40 секундъ **). — Какъ на примѣръ изъ болѣе сложныхъ явленій сознанія, мы можемъ указать на разницу, какая бываетъ, когда мы читаемъ книгу или слушаемъ музыкальную пьесу въ первый и во второй разъ: при повтореніи все въ непосредственномъ воспріятіи является намъ яснѣе и отчетливѣе, хотя мы и не имѣемъ надобности думать о первомъ разѣ.

При воспроизведеніи прежняго ошущенія или опыта въ подобныхъ случаяхъ дѣло не доходитъ до дѣйствительнаго и отчетливаго повторенія, ибо новое состояніе *непосредственно сливается* съ даннымъ ошущеніемъ, а не является *свободнымъ и самостоятельнымъ представленіемъ* рядомъ съ вызвавшимъ его ошущеніемъ. Тутъ происходитъ *непроизвольная классификація, отнесеніе ошущенія къ прежнимъ ошущеніямъ подобнаго же рода.* Когда маленькія дѣти или слѣпорожденные послѣ операціи *учатся видѣть* цвѣта, то это значить, что они должны учиться *узнавать* ихъ, т.-е. данныя, цвѣтотыя ошущенія относить къ такимъ же прежнимъ ошущеніямъ. Самыя первыя цвѣтотыя ошущенія можно относить лишь къ ошущеніямъ другихъ модальностей аналогичнаго качества. Такъ напр., слѣпорожденный, которому старались описать ярко-красный цвѣтъ, наконецъ воскликнулъ: «это, должно быть, похоже на звуки трубы».

Въ такомъ непосредственномъ или непроизвольномъ узнаваніи *состоитъ воспріятіе или перцепція.* Психологическій процессъ, происходящій здѣсь, мы можемъ опредѣлить, какъ *слиянiе воспроизведеннаго и даннаго ошущенія.* Итакъ, перцепція *слагается изъ представленія и ошущенія.* Представленіе не является здѣсь свободнымъ и самостоятельнымъ членомъ сознанія, и мы можемъ поэтому назвать его *связаннымъ представленіемъ.* И подобно тому, какъ непосредственное взаимодействіе между послѣдовательными

*) Нѣмецкій лоть составляетъ приблизительно $3\frac{1}{2}$ русск. золотника. — *Ред.*

**) *Helmholtz*: Die Lehre von den Tonempfindungen, Braunschweig, 1863, стр. 10. — *G. H. Schneider*: Психологическая причина явленій контраста, Zeitschr. für Philosophie 1884, стр. 164 и слѣд. — *E. H. Weber*: Осязаніе и общее чувство. Wagners Handwörterbuch der Physiologie III, 2, стр. 545.

ощущеніями мы назвали *элементарнымъ воспоминаніемъ*, такъ и воспоминаніе, обусловливающее перцепцію, мы могли бы назвать *связаннымъ воспоминаніемъ*, такъ какъ вспоминаемое не освобождается отъ ощущенія, которое его вызвало. Наконецъ, такъ какъ перцепція бываетъ лишь благодаря *сходству* даннаго ощущенія съ прежнимъ, то дѣятельность, проявляющуюся въ этомъ случаѣ, мы можемъ назвать *непроизвольнымъ сравненіемъ*. Это—*связанное сравненіе*, такъ какъ элементы, связываемые благодаря своему сходству, не выступаютъ свободно и самостоятельно. — Чѣмъ чаще повтореніе, тѣмъ легче, быстрѣе и безсознательнѣе происходитъ узнаваніе. Отъ повторенія и навыка уменьшается «время различенія» (которое можно бы назвать также и «временемъ узнаванія»), точно такъ же какъ и «время воли» (IV, 6) *).

Въ разныхъ опытахъ какъ надъ здоровыми, такъ и надъ ненормальными состояніями ясно выступаетъ противоположность между чистымъ ощущеніемъ и перцепціей. — На первой ступени пробужденія отъ сна мы часто получаемъ ощущенія, не будучи въ состояніи узнать ихъ. Въ сознаніи всплываетъ множество разнородныхъ элементовъ, не подвергаясь немедленной классификаціи. Только когда мы совсѣмъ проснулись, мы собственно начинаемъ перцепировать и разглядывать. — Сознаніе во время сна отличается отъ бодрственаго сознанія тѣмъ, что тѣ же самыя впечатлѣнія перцепируются или объясняются самымъ различнымъ образомъ и размѣщаются въ различныя рубрики (ср. III, 8). Когда насъ пробуждаетъ раздраженіе, сильно затрогивающее наши интересы, — или, какъ говорятъ (см. III, 9), когда насъ будитъ «психическое отношеніе» раздраженія, — то получается перцепція, происходящая какъ разъ на границѣ между сномъ и бодрствованіемъ. — Одинъ изъ пациентовъ Шарко послѣ нервной болѣзни потерялъ способность перцепировать объекты зрѣнія, хотя способность къ ощущенію почти совсѣмъ не пострадала. Каждый разъ, когда онъ возвращался на свою родину, она казалась ему чужой; онъ не могъ сразу узнать жену и дѣ-

*) Узнаваніе и его значеніе въ душевной жизни Гегфлингъ подробнѣе рассматриваетъ въ статьѣ: „Объ узнаваніи, ассоціаціи и психической самодѣятельности“ (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie 1889, стр. 420—458; 1890, стр. 27—54, 167—205, 293—316). Довольно обстоятельное изложеніе этой статьи читатель найдетъ въ Вопр. Фил. и Псих., кн. 3, стр. 67—70, кн. 7, стр. 45—49. — *Ред.*

тей,— одинъ разъ не узналъ даже самого себя, когда увидаль себя въ зеркалѣ *).—Въ нѣкоторыхъ весьма поучительныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ теряется способность понимать (перципировать) произносимыя или написанныя слова, хотя слухъ и зрѣніе не пострадали. Загражденъ путь отъ слова къ понятію, но не поврежденъ путь отъ понятія къ слову. *Кусмауль* **) называетъ эту болѣзнь слѣпотою или глухотою къ словамъ.—Новѣйшія фізіологическія изслѣдованія мозга, повидимому, доказываютъ, что ощущеніе и перцепція связаны съ различными нервными центрами. Въ то время какъ ощущенія, повидимому, возможны и у животнаго, лишеннаго большого мозга (наприм., изувѣченный такимъ образомъ голубъ поворачиваетъ голову къ свѣту), перцепція можетъ происходить только въ томъ случаѣ, когда большой мозгъ не поврежденъ. При поврежденіи на значительномъ пространствѣ «заднихъ долекъ» мозга, собака уже не понимаетъ того, что видитъ и слышитъ. Она не обращаетъ вниманія, что ей грозятъ кнутомъ, равнодушно проходитъ мимо своего корма, не слушается, когда ее зовутъ, и т. д. Такія собаки, по выраженію Мунка, *слѣпы и глухи душой*, т.-е. онѣ потеряли способность комбинировать ощущенія съ соотвѣтственными воспроизведеніями, слѣдовательно, отчасти потеряли перцепцію, въ то время какъ ощущеніе не повреждено. Онѣ поставлены въ положеніе самаго ранняго дѣтства и должны вновь учиться слушать и видѣть (т.-е. перципировать) (ср. II, 4е).

Слово перцепція мы употребляемъ здѣсь въ томъ смыслѣ, который ему придаютъ нѣкоторые новые англійскіе писатели. *Зиббернъ*, хотя и выражается не совсѣмъ ясно, но, повидимому, подобнымъ же образомъ отличаетъ ***) чистое ощущеніе отъ перцепціи. Другіе писатели понимаютъ подъ перцепціей сознательный актъ, болѣе сложный и богатый содержаніемъ, чѣмъ только-что описанный. Наприм., *Гельмгольцъ* подъ *ощущеніями* понимаетъ впечатлѣнія на наши чувства, если только эти впечатлѣнія являются въ нашемъ сознаніи, какъ состоянія нашего тѣла (особенно нашей нервной системы); подъ *воспріятіями* онъ понимаетъ тѣ же впечатлѣнія, поскольку мы образуемъ изъ нихъ представленія о

*) Hospitalstidende (Госпитальная газета), Копенгагенъ, 5 сентября 1883 г.

**) Die Störungen der Sprache, стр. 174 и слѣд.

***) Psychologie, § 50.

внѣшнихъ предметахъ *). На это надо, во-первыхъ, замѣтить, что наши непосредственныя ощущенія не являются намъ прямо, какъ состоянія нашего тѣла или нашей нервной системы; съ самаго начала у насъ нѣтъ и подозрѣнія, что мы имѣемъ тѣло, не говоря уже о нервной системѣ, и знаніе о нашемъ тѣлѣ пріобрѣтается постепенно, какъ разъ посредствомъ ощущеній. Затѣмъ, при указанномъ словоупотребленіи, у насъ не хватило бы слова для простаго психологическаго акта, которымъ ощущеніе вступаетъ въ отношеніе съ однороднымъ прежнимъ ощущеніемъ. Этотъ актъ не предполагаетъ сознанія, что впечатлѣніе возникаетъ извнѣ. Сверхъ того онъ можетъ бывать какъ при субъективныхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, такъ и при такихъ, которыя своимъ возникновеніемъ обязаны внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

2. Повторяться и узнаваться могутъ не только отдѣльныя ощущенія, но и цѣлыя ряды и группы ихъ. Тогда возникаетъ *сложная перцепція*, и почти всѣ наши чувственныя воспріятія въ дѣйствительности сложны, такъ какъ обыкновенно въ одно и то же время является нѣсколько ощущеній. При сложной перцепціи воспріятое содержаніе распредѣляется частью въ формѣ времени, частью въ формахъ какъ времени, такъ и пространства. Ближайшее разсмотрѣніе воспріятія времени и пространства мы пока откладываемъ до слѣдующаго отдѣла (С). А здѣсь мы изслѣдуемъ, какъ воспоминаніе и представленія переходятъ изъ *связаннаго въ свободное* состояніе. Этотъ переходъ былъ бы невозможенъ, будь у насъ только простыя перцепціи. Если бы ощущеніе *A* повторилось и слилось съ представленіемъ *a*, то процессу былъ бы конецъ. Если же рядъ или группа ощущеній ($A+B+C+D$) повторялся часто, а впоследствии является одно только *A*, то, кромѣ представленія *a*, и представленія *b*, *c* и *d* будутъ имѣть склонность вынырнуть въ сознаніи. Но, вѣдь, только *a* можетъ вполне слиться съ *A*. Въ той мѣрѣ, въ какой *b*, *c* и *d* не вытѣсняются, они должны выступить, какъ нѣчто отличное отъ даннаго ощущенія (*A*),— слѣдовательно, какъ самостоятельныя части или члены сознанія. Такимъ образомъ они становятся *свободными представленіями*.

Пусть предметомъ сложной перцепціи будетъ, наприм., яблоко.

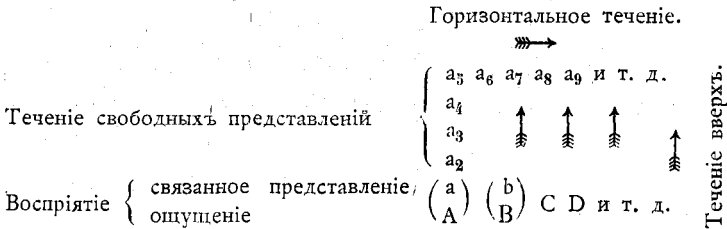
* Die Lehre von den Tonempfindungen, Braunschweig 1863, стр. 101.

Я воспринимаю яблоко,—это значитъ, что я заразъ или по очереди получаю ощущенія цвѣта (A), запаха (B), вкуса (C), твердости (D) и т. д., которыя я узнаю въ ихъ опредѣленной связи другъ съ другомъ. Когда же опять появляется ощущеніе того же цвѣта, то оно (A) не только узнается само (посредствомъ связаннаго представленія a), но и пробуждаетъ представленія другихъ свойствъ (b , c и d). Я вижу за листвою только красный цвѣтъ, однако, невольно пополняя воспріятіе ($A+a$) представленіемъ другихъ свойствъ яблока, я принимаю то, что вижу, за яблоко.—Ребенокъ, который обжегся (B) около печки (A), получаетъ при видѣ печки ($A+a$) и представленіе боли (B), хотя въ данную минуту боли нѣтъ.

Чѣмъ больше свободныхъ представленій возникаетъ такимъ путемъ, тѣмъ больше образуется въ сознаніи самостоятельный *кругъ представленій*, міръ воспоминанія, который съ извѣстною независимостью противопоставляется ощущеніямъ и воспріятіямъ минуты. Непосредственныя ощущенія часто имѣютъ въ такомъ случаѣ лишь подчиненное значеніе и дѣйствуютъ только въ качествѣ побудительныхъ силъ. При чтеніи книги бумага и черные значки наврядъ-ли доходятъ до яснаго сознанія, но исчезаютъ передъ представленіями и чувствованіями, которыя они — сначала путемъ многихъ посредствующихъ членовъ — приводятъ въ движеніе. Сознаніе располагаетъ теперь содержаніемъ, которое дѣлаетъ его до извѣстной степени независимымъ отъ воздѣйствій минуты. Въ воспоминаніи можно вести жизнь,—жизнь мысли, а не только ощущенія и воспріятія. Кругъ представленій удачно сравнивали съ кровью. Въ крови, образующейся изъ питательнаго матеріала внѣшняго міра, организмъ получаетъ внутренній міръ (*milieu intérieur*, ср. II, 3), который дѣлаетъ его до извѣстной степени независимымъ отъ внѣшняго міра. Точно такъ же сознаніе въ своихъ свободныхъ представленіяхъ имѣетъ внутреннюю среду, образованную изъ прежнихъ ощущеній и дѣлающую сознаніе способнымъ вести свою собственную жизнь, даже если убываетъ притокъ новыхъ ощущеній.

Конечно, мы не можемъ вполне уединить себя отъ внѣшняго міра. Въ каждый моментъ мы получаемъ ощущенія, даже если заняты главнымъ образомъ свободными представленіями. Въдѣ, даже во снѣ мы получаемъ чувственныя впечатлѣнія. А всякое ощущеніе имѣетъ склонность пробуждать какъ связаннаго, такъ

и свободныя представленія. Поэтому въ сознаниі является всегда два теченія, изъ которыхъ перевѣшиваетъ то одно, то другое. Одно теченіе опредѣляется ощущеніемъ минуты и тѣми представленіями, которыя оно склонно вызвать, другое состоитъ изъ ряда свободныхъ представлений, пробужденныхъ прежнимъ ощущеніемъ и продолжающихся въ теченіе не одной минуты. Первое теченіе можно бы назвать теченіемъ *вверхъ*, второе—*горизонтальнымъ*. Наглядно ихъ отношеніе можно представить слѣдующимъ образомъ:

А тутъ пустило въ ходъ цѣлый рядъ свободныхъ представлений, которыя такъ поработили вниманіе, что заняли не одинъ только моментъ (a_1 a_3), а нѣсколько (a_3 a_9), и слѣдующія ощущенія (B, C, D и т. д.) не въ состояніи прервать этотъ рядъ представленіями, которыя они склонны возбудить. Возможно, что даже не всѣ они узнаются. Въ приведенной схемѣ узнается лишь B , въ то время какъ C и D только двигаются въ периферіи сознанія.— Я нахожусь, наприм., на пароходѣ и ѣду вдоль берега. Я вижу лѣса, слышу плескъ воды, замѣчаю дуновеніе вѣтра, слышу вокругъ себя разговоръ людей и т. д. Положимъ, наприм., видъ лѣса возбуждаетъ рядъ свободныхъ представлений. Я буду тогда думать о мѣстѣ въ лѣсу, которое мнѣ болѣе всего нравится; отсюда я перейду къ представленію подобныхъ лѣсныхъ мѣстностей; мнѣ вспоминается лѣсной ландшафтъ Рюсдаля; гдѣ я видѣлъ его,—въ Парижѣ или Дрезденѣ? Въ Дрезденѣ я видѣлъ также Мадонну Рафаэля... и во все время теченія этихъ представлений вода продолжаетъ свой плескъ, вѣтеръ—свой шелестъ, общество—свою бесѣду ($B, C, D...$), и ни одному ощущенію или перцепціи, вызванной ими, не удастся прервать горизонтальнаго теченія.

Въ другихъ случаяхъ мы отдаемся непосредственнымъ ощущеніямъ, когда, наприм., мы слушаемъ музыку и стараемся быть вдали отъ всякихъ представлений, чтобы въ каждый моментъ

имѣть возможность вполнѣ воспринять новыя ощущенія тоновъ. Слѣдовательно, тутъ не образуется горизонтальнаго теченія. Музыканты-ригористы даже требуютъ, чтобы музыкальнымъ композиціямъ не давать названія, такъ какъ отъ этого можетъ возникнуть рядъ господствующихъ представленій, который ослабитъ дѣйствіе непосредственныхъ ощущеній.—При прогулкѣ, которую мы совершаемъ для развлечения и отдыха, мы окружены безсвязными и измѣнчивыми впечатлѣніями (свѣтъ, облака, деревья, люди и т. д.) и предоставляемъ каждому отдѣльному впечатлѣнію пробуждать теченіе вверхъ, пока оно не смѣнится новымъ. Подобнымъ же образомъ можно объяснять смѣну сновидѣній. — Для такихъ случаевъ схема была бы такая:

$$\begin{array}{ccc} a_2 & b_2 & c_2 \\ \left(\begin{array}{c} a \\ A \end{array} \right) & \left(\begin{array}{c} b \\ B \end{array} \right) & \left(\begin{array}{c} c \\ C \end{array} \right) \end{array}$$

Между a_2 , b_2 , c_2 ... нѣтъ связи; a_2 прерывается посредствомъ B , b_2 прерывается благодаря C и т. д.

3. Между обоими теченіями,—потокомъ свободныхъ представленій и рядомъ дѣйствительныхъ воспріятій,—а также и между двумя моментами воспріятія, ощущеніемъ и связаннымъ представленіемъ, существуетъ обратное отношеніе. Они стремятся затормозить и вытѣснить другъ друга. Чѣмъ больше энергіи требуется для одного момента, тѣмъ меньше, конечно, остается ея для другого. Оба момента и оба теченія бываютъ въ каждомъ состояніи сознанія, но съ различной силой. Если они одинаковой силы, то происходитъ ритмическая смѣна ихъ, такъ что перевѣсъ получаетъ то ощущеніе, то представленіе. Они борются за вниманіе. Но равновѣсіе ихъ предполагало бы, что они оба могутъ являться въ сознаніи съ одинаковою силой, что невозможно, такъ какъ сознаніе, подобно мѣсту яснаго зрѣнія на свѣтчатой оболочкѣ, въ каждый моментъ сосредоточивается только въ одномъ направленіи. По временамъ мы почти совсѣмъ поработены ощущеніями и воспріятіями, а иногда погружаемся въ размышленіе и углубляемся въ самихъ себя, такъ что масса ощущеній и воспріятій какъ бы исчезаетъ передъ однимъ только, часто узкимъ, но яркимъ потокомъ представленій. Различіе двухъ моментовъ перцепціи обнаруживается въ томъ, что мы лучше усваиваемъ цвѣтовые тоны ландшафта, если рассматриваемъ его, по-

воротивъ голову въ сторону. *Спенсеръ*, конечно, правъ, объясняя это тѣмъ, что актъ узнаванія легче исключается при непривычномъ положеніи, такъ что сознаніе, вмѣсто того, чтобы объяснять ощущенія, почти вполнѣ можетъ быть занято тѣмъ, чтобы какъ можно живѣе воспринять ихъ *).

Подобно тому, какъ отношеніе между обоими теченіями и обоими элементами воспріятія различно въ разное время у одного и того же индивидуума, точно такъ же оно различно и у разныхъ индивидуумовъ. Одни болѣе склонны уходить въ ощущенія (люди съ талантомъ къ музыкѣ и живописи); для другихъ ощущенія имѣютъ цѣну только, если ихъ можно узнавать и классифицировать (наблюдатели и естествоиспытатели); нѣкоторые, наконецъ, преимущественно живутъ въ свободныхъ представленіяхъ, въ воспоминаніи, фантазій или отвлеченномъ мышленіи.

Сложный характеръ перцепціи даетъ намъ важную опору, чтобы опредѣлить отношеніе между чувственнымъ воспріятіемъ и мышленіемъ. Такъ какъ *перцепція* основывается на процесѣ, который можно назвать невольнымъ сравненіемъ, то она является тою дѣятельностью мышленія, благодаря которой мы усвоиваемъ себѣ данное въ ощущеніи, включаемъ ощущеніе въ содержаніе нашего сознанія. Если такимъ образомъ въ чувственномъ воспріятіи обнаруживается мыслительная дѣятельность, то ясно, что чувственное воспріятіе и мышленіе не могутъ быть двумя совершенно различными дѣятельностями сознанія. Нѣтъ совершенно пассивнаго чувственнаго воспріятія. Воспріятіе въ сознаніе сейчасъ же перерабатывается по законамъ его.

Кантъ первый ясно показалъ, какое значеніе имѣетъ для воспріятія воспроизведеніе, воспоминаніе. По *Канту*, въ дѣятельности, благодаря которой усвоивается («апрегендируется») разнообразный матеріалъ, данный въ ощущеніи, связаны чувственное воспріятіе и разумокъ, «крайніе концы» нашего познанія **). —

*) Уже *Кантъ* видѣлъ обратное отношеніе между ощущеніемъ и воспріятіемъ (*Anthropologie* § 19). Позже оно было выдвинуто *Фризомъ* (*Psychische Anthropologie*, I, стр. 96; II, стр. 30) и *В. Гамильтономъ* (*Discussions on Philosophy*, стр. 63). *Спенсеръ* изложилъ это отношеніе точнѣ всего въ одной изъ интереснѣйшихъ главъ (*Principles of Ps.*, часть VI, глава 18).

**) Критика чистаго разума, пер. М. Владиславлева, Спб. 1867, стр. 121 и 126 (по изд. Кербаха стр. 130 и 134). — *Беркли* въ своей *Theory of Vision* уже указываетъ на сложный характеръ перцепціи.

Старая психологія или рѣзко отдѣляла воспріятіе и мышленіе, какъ двѣ совершенно различныя функціи (Платонъ), или понимала воспріятіе, какъ смутное мышленіе (Лейбницъ), или же видѣла въ мышленіи преобразованное воспріятіе (Кондильякъ).

4. Здѣсь самъ собою возникаетъ вопросъ, *какимъ образомъ теченіе свободныхъ представленій является для сознанія отдѣльно отъ дѣйствительныхъ воспріятій*. Мы не можемъ приписывать сознанію врожденнаго знанія объ этомъ различіи. Обыкновенно, конечно, существуетъ разница въ степени силы воспоминаемаго представленія и воспріятія. Однако, эта разница въ степени можетъ быть очень мала, даже совсѣмъ исчезать. Въ первый разъ, когда наличное впечатлѣніе вызываетъ картину прежнихъ воспоминаній, мы во всякомъ случаѣ не можемъ знать, какое значеніе имѣетъ разница въ силѣ. Можетъ быть, она обуславливаетъ больше вниманія для дѣйствительнаго впечатлѣнія, чѣмъ для воспоминаемаго образа. Но въ такомъ случаѣ, вѣдь, ничто не мѣшаетъ, чтобы и этотъ образъ могъ представляться намъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ. Начинающееся сознаніе все равно, что сознаніе во время сна: что ни представляется, все пока принимается за чистую монету, и здѣсь нѣтъ никакого основанія относить содержаніе сознанія къ двумъ различнымъ областямъ: къ міру возможности и фантазій, съ одной стороны, и къ міру дѣйствительности и воспріятія—съ другой. Напротивъ, большею частью только горькимъ опытомъ открывається эта противоположность. Мы должны какъ можно чаще сталкиваться съ дѣйствительностью, чтобы намъ стало ясно, гдѣ ея границы.

Возьмемъ за исходную точку такое безраздѣльное ощущеніе, на которое мы указывали у Кондильяка. Всякій новый элементъ сознанія, которому приходится проявиться рядомъ съ даннымъ ощущеніемъ, будетъ обладать сильною склонностью возможно больше слиться съ нимъ, и во всякомъ случаѣ произойдетъ самая незначительная перемѣна, такъ какъ иначе энергія и интересъ подверглись бы раздвоенію. Но отсюда опять-таки будетъ слѣдовать, что наличное ощущеніе или воспріятіе будетъ бросать яркій и сильный свѣтъ на элементы, всплывающіе съ меньшею силой, т.-е. на воспоминаемые образы, которые оно пробуждаетъ и которые съ нимъ тѣсно связаны. Благодаря связи съ впечатлѣніемъ отъ дѣйствительности, вызвавшимъ представленія въ воспоминаніи, эти представленія получаютъ отпечатокъ дѣйствительности, даже

если они выступают и не такъ отчетливо. Такимъ образомъ то, что дано, непроизвольно дополняется и расширяется, пока не станутъ извѣстны какіе-либо прямо противорѣчащіе опыты. Безъ подобнаго пополненія мы не могли бы «видѣть» ни одного яблока, такъ какъ зрительное ощущеніе не даетъ намъ всѣхъ свойствъ яблока, а только одно изъ нихъ; другія мы дополняемъ такимъ образомъ, что намъ кажется, будто мы схватываемъ ихъ при воспріятіи видимыхъ свойствъ. Такимъ образомъ въ подобной перцепціи элементы представленія гораздо многочисленнѣе, чѣмъ элементы ощущенія, но послѣдніе даютъ первымъ отпечатокъ дѣйствительности, котораго они сами по себѣ не могли бы имѣть.

Эта сила, которую проявляетъ наличное впечатлѣніе, обязана своимъ происхожденіемъ не только силѣ ощущенія, но и активному участию всѣхъ органовъ чувствъ и движенія. Первичный позывъ къ движенію, конечно, идетъ главнымъ образомъ по направленію, которое опредѣляется данными ощущеніями. Поэтому-то они и оказываютъ вліяніе гораздо больше того, какое они могли бы имѣть сами по себѣ. На этомъ основаніи Бенъ справедливо указалъ на врожденный позывъ къ движенію, какъ на важную причину той порывистости, съ которой начинается сознаніе. Мы какъ бы готовы по первому знаку пуститься въ путь, и разъ мы начали движеніе, то не легко измѣнить направленіе. Пока не явится задержки, мы и не подозреваемъ ея. Животное идетъ по запаху добычи, и только когда оно попадаетъ въ западню, оказывается, что за однимъ и тѣмъ же ощущеніемъ не всегда слѣдуютъ тѣ же обстоятельства. Въ инстинктѣ дѣйствуетъ позывъ къ движенію, который нерѣдко можетъ ввести въ заблужденіе. Такъ пчелы и осы садятся на цвѣты ковра, или насѣкомыя кладутъ свои яйца на стапелію, потому что она имѣетъ запахъ падали. Многія животныя высидиваютъ всякія яйца, подложенныя подъ нихъ, и выкармливаютъ различныхъ птенцовъ; такъ одну насѣдку заставили выкормить молоденькую ласочку, а кошку сосали крысята вмѣсто пропавшихъ у нея котятъ *).

*) Срав. *Romanes: Mental Evolution in Animals*, London 1883, стр. 167 и слѣд., 218. Еще одинъ примѣръ изъ жизни животныхъ я заимствую у *Лайола* (*Reisen in Nordamerika*, пер. Вольфа, Галле 1846, стр. 66). Изъ рудниковъ Легига Суммита доставляется внизъ уголь на тѣлѣжкахъ, спускающихся съ уклона по рельсамъ, благодаря собственной тяжести. Чтобы встаскивать пустыя те-

тащить въ ротъ все, что ни попадетъ, и начинаетъ сосать, но часто подвергается отъ этого горькому разочарованію. Онъ узнаетъ, что есть еще другія вещи и отношенія, о которыхъ ему и не грезилось въ его простой философіи. Онъ получаетъ отпоръ при первомъ порывистомъ столкновеніи съ дѣйствительностью.

Тутъ больше основаній говорить о «безсознательныхъ выводахъ», чѣмъ при непосредственныхъ ощущеніяхъ. Говоря языкомъ логики, сознание дѣлаетъ здѣсь положительное заключеніе по «второй фигурѣ». Съ его помощью сознание получаетъ опыты, которые не рѣдко самымъ печальнымъ образомъ подтверждаютъ предостереженіе Аристотеля отъ подобнаго рода заключеній. *A* есть *C*, *B* — также *C*; отсюда заключается, что *A* должно быть *B*. Но оттого, что палецъ или рожокъ имѣютъ нѣчто общее съ соскомъ груди, они не могутъ, однако, замѣнить его во всѣхъ отношеніяхъ. Не всякое улыбающееся лицо предвѣщаетъ, что скоро будетъ ѣда или игра. Если овца охотно подбирала попавшіяся ей листья, то это еще не значитъ, что то же дѣлаетъ и птица. Одинъ маленькій мальчикъ даже прямо утверждалъ, что снѣгъ не что иное, какъ сахаръ, «потому что снѣгъ бѣлый и сахаръ также бѣлый». Видъ бѣлаго вызываетъ воспоминаніе сладкаго, и эта связь до поры до времени господствуетъ въ сознаніи. Опытъ немилосердно разрушаетъ ее. Отсюда возникаетъ слѣдствіе, что представленіе сладкаго пріобрѣтаетъ особый отпечатокъ, какъ будто вступаетъ въ особый уголокъ сознанія, куда затѣмъ направляются одно за другимъ цѣлый рядъ другихъ представленій, съ которыми произошло то же (наприм., представленіе объ игрѣ въ связи съ улыбающимся лицомъ, представленіе о способности ѣсть траву въ связи съ животнымъ и т. д.), — другими словами: *полагается первое основаніе для противоположности между возможностью и дѣйствительностью*. Теперь только свободныя представленія вступаютъ въ опредѣленные отношенія противоположности съ ощущеніемъ и воспріятіемъ. Первоначальная порывистость нарушена.

лѣжки, берутъ муловъ, которые каждый вечеръ спускаются внизъ, пощипывая мимоходомъ траву. Если же этихъ муловъ берутъ для другихъ работъ, то они очень охотно таскаютъ тяжелые грузы *на юру*, но упорно отказываются везти телѣгу *подъ юру*, останавливаясь при малѣйшемъ уклонѣ и не слушаясь никакихъ понуканій.

Это оказываетъ вліяніе и на непосредственное состояніе во время впечатлѣнія отъ дѣйствительности: представленія, порожденные этимъ впечатлѣніемъ, уже не такъ хорошо сливаются съ нимъ. Видно нѣкоторое сомнѣніе и безпокойство; это состояніе уже не такъ замкнуто и однообразно, какъ вначалѣ. Представленіе о томъ, что прежде сопровождало данное впечатлѣніе или слѣдовало за нимъ, теперь не является предметомъ полной увѣренности. Когда ребенокъ узналъ, что не всегда за голодомъ бываетъ насыщеніе, то въ его сознаніи появляется противоположность между наличнымъ чувствомъ недовольства и представленіемъ объ удовлетвореніи потребности. Прежде то и другое сливалось; переходъ отъ одного состоянія къ другому былъ непрерывный. Теперь какъ будто что-то колеблется въ представленіяхъ, связанныхъ съ наличнымъ воспріятіемъ. Они не играютъ той же роли, какъ воспріятіе; они не имѣютъ такого же дѣйствія.

Если подъ воспоминаніемъ понимать не только способность производить и узнавать элементы сознанія, но и способность *сознавать, что воспроизведенное пережито прежде*, то оно развивается позже ожиданія и надежды. Вначалѣ нашимъ представленіемъ мы приписываемъ практическое значеніе для настоящаго или ближайшаго будущаго, и только опытъ принуждаетъ насъ смотрѣть на ихъ содержаніе, какъ на нѣчто совершенно прошлое. Если свободныя представленія потеряли отпечатокъ дѣйствительности, то они часто исчезаютъ совсѣмъ; требуется извѣстное развитіе, чтобы сохранять и задерживать представленія, которыя уже не могутъ стать воспріятіями.

При этомъ процессѣ важно, конечно, и то, наступало-ли воспріятіе, соотвѣтствующее вызванному представленію, обыкновенно до или послѣ даннаго воспріятія. Во всякомъ состояніи сознанія есть какъ бы два полюса: однимъ оно связано съ предыдущимъ элементомъ сознанія, другимъ—съ послѣдующимъ (значить *B* посредствомъ α связано съ *A*, посредствомъ γ —съ *C*). Если *C* вновь вызоветъ *B*, то послѣднее станетъ въ рядъ *передъ C*, такъ какъ въ этомъ случаѣ раньше всплываетъ въ сознаніи полюсъ γ . Напротивъ, если *B* вызывается при помощи *A*, то оно станетъ *послѣ A*, потому что впередъ всплываетъ полюсъ α . Голодный ребенокъ успокоивается, когда его берутъ на руки (*A*), такъ какъ это является приступомъ (α) къ насыщенію (*B*); *B* какъ бы само собой становится въ рядъ за *A*.

Эта теорія *), употребляющая, конечно, переносныя выраженія, выдвигает моменты, не лишеныя важности, но имѣющіе только вспомогательное, второстепенное значеніе. Главная причина, почему надежда отдѣляется отъ воспоминанія, та же, что и причина извѣстной противоположности между воспріятіемъ и представленіемъ, именно опытъ и появляющееся при этомъ разочарованіе. Это выдѣленіе если не вполне осуществляется, то во всякомъ случаѣ получаетъ поддержку отъ *извѣстнаго мѣста, которое обыкновенно занимаютъ воспріятія по отношенію другъ къ другу*. По нашей практической и порывистой природѣ намъ естественнѣе всего воспроизводить *впередъ*. Въ будеть имѣть большую склонность вызвать представленіе С, но не такую, чтобы породить представленіе объ А. Видъ накрываемаго стола возбуждаетъ у голоднаго представленіе объ обѣдѣ, но видъ обѣда не будетъ однако безъ особеннаго повода вызывать представленія о накрываніи стола. На низшихъ ступеняхъ сознанія обратнаго воспроизведенія, вѣроятно, совершенно не бываетъ. Жизнь идетъ впередъ, и только препятствіе заставляетъ оглядываться назадъ. А какъ только случится, что воспріятіе (С) вызываетъ представленіе о своемъ предшественникѣ (В), то это В часто ставится до поры до времени не на мѣсто предшествующаго, а на мѣсто послѣдующаго, и возникаетъ ожиданіе. Различіе между α и γ приобрѣтаетъ свое значеніе лишь благодаря просвѣтительному вліянію опыта, — до того это различіе подъ вліяніемъ позова къ движенію и порывистости упускается изъ виду.

Впрочемъ, не говоря уже о практической склонности, поступательное воспроизведеніе естественнѣе всего. Психологически вовсе не все равно, идти ли отъ А къ В, или отъ В къ А; мы ощущаемъ оба перехода, какъ нѣчто различное, часто даже какъ совсѣмъ противоположное. Переходъ отъ свѣта къ темнотѣ совершенно противоположенъ переходу отъ темноты къ свѣту; это еще рѣзче при переходѣ отъ удовольствія къ боли и отъ боли къ удовольствію. Точно такъ же и при менѣ сильной противоположности ощущенія въ другомъ порядкѣ кажутся намъ другими. Порядокъ блюдъ при званомъ обѣдѣ въ гастрономическомъ отно-

*) Намеки на нее есть у Циммермана: *Philosophische Propädeutik*, 3-е изданіе, стр. 223. Развита она у Тэна: *De l'intelligence*, кн. III, гл. 7 и 9 (рус. пер. подъ ред. Н. Н. Страхова, Спб. 1872). Ср. также *James Sully*: *Вѣра, ея разновидности и ея условія (Sensation and Intuition, London 1874, стр. 89 и слѣд.)*.

шеніи далеко не безразличенъ. Когда мы воспроизводимъ назадъ, то, строго говоря, воспроизводимъ совсѣмъ не то, что мы пережили. *Такимъ образомъ въ психолоіи порядокъ слабаемыхъ не безразличенъ.* Отсюда слѣдуетъ, что обратное воспроизведеніе для насъ не можетъ быть такъ близко, какъ поступательное,—оно предполагаетъ уже немного больше развитія.

Изъ изложеннаго видно, какъ въ дѣйствительности мало возможности отвлечь элементы познанія отъ другого рода элементовъ сознанія. Но здѣсь мы, однако, не останавливаемся на вопросахъ, какъ влияют чувства и воля на выше очерченный ходъ развитія. Эти вопросы еще впереди.

Только-что представленные примѣры были взяты изъ первичныхъ и элементарныхъ стадій. Легко, однако, видѣть, что то же повторяется всякій разъ, когда опытъ дѣлаетъ критику порывистыхъ и предвзятыхъ мнѣній и надеждъ. Это—строгое испытаніе, черезъ которое должно пройти всякое теоретическое и практическое стремленіе. Научный экспериментальный методъ возникъ изъ только-что описаннаго психологическаго процесса. Всякій экспериментъ состоитъ въ томъ, что для провѣрки извѣстнаго предположенія берутъ его слѣдствія. Къ такимъ экспериментамъ жизнь принуждаетъ насъ съ самаго перваго мгновенія.

Недостаетъ еще одного момента, чтобы придать полную ясность сознанію. Мы установили различіе между элементарнымъ, связаннымъ и свободнымъ воспоминаніемъ и пытались показать, какъ свободное воспоминаніе освобождается отъ воспріятія и ожиданія. Но съ этимъ свободнымъ воспоминаніемъ можетъ быть, однако, связано опредѣленное сознаніе, что представленіе имѣетъ свой источникъ въ прошломъ. Представленіе времени и процессъ его развитія будутъ разсматриваться въ слѣдующей главѣ, а здѣсь должно указать лишь на то, что это *опредѣленное отношеніе представленія къ опредѣленному моменту времени* составляетъ главное различіе между воспоминаніемъ и *свободною фантазіей*. Фантазія *измѣняетъ содержаніе и составъ представлений* и производитъ новые ряды и группы ихъ, тогда какъ собственно воспоминаніе шагъ за шагомъ слѣдуетъ за дѣйствительными воспріятіями. При воспоминаніи, въ противоположность творящей фантазіи, въ кругу свободныхъ представленийъ проявляется узнаваніе, перцепція. Я могу *узнать, перцептировать свободное представленіе* точно такъ же, какъ я могу узнать ощущеніе. Узнаваніе представленія обозначаетъ

или то, что это представленіе у меня прежде было въ свободномъ видѣ, или то, что я имѣлъ соответственное ощущеніе.

5. Уже въ первыхъ главахъ нашихъ изслѣдованій (I, 4 и II, 5) типичное выраженіе для природы сознанія мы нашли въ воспоминаніи и въ томъ внутреннемъ, единственномъ въ кругу нашего опыта способѣ, какимъ при помощи воспоминанія различные элементы связываются воедино. Мое воспоминаніе происходитъ въ настоящій моментъ, но то, что я вспоминаю, принадлежитъ прошедшему. Въ единствѣ, охватывающемъ и связывающемъ различныя ощущенія и представленія и дѣлающемъ возможнымъ ихъ взаимодействіе, заключается зачатокъ *понятія объ я*. Потому это понятіе имѣетъ такую глубокую основу, какую только можетъ имѣть какое-либо психологическое понятіе, такъ какъ оно собственно выражаетъ основную форму и основное условіе сознательной жизни. Трудности, которыя находили въ этомъ понятіи, проистекаютъ большею частью оттого, что искали какого-то совершенно простаго *я*, которое, слѣдовательно, могло бы быть въ извѣстномъ опредѣленномъ состояніи, въ извѣстномъ ощущеніи или представленіи.

Если исходить изъ предположенія, что собственно *я* должно являться отдѣльнымъ элементомъ сознанія, въ противоположность другимъ элементамъ его, то не удивительно, что поиски напрасны. Такъ Юмъ, желая доказать, что представленіе *я* противорѣчитъ опыту, говоритъ: «если какое-либо ощущеніе порождаетъ представленіе *я*, то въ теченіе всей нашей жизни оно должно оставаться однимъ и тѣмъ же, ибо *я* должно существовать точно такъ же. Но нѣтъ ни одного постояннаго и неизмѣннаго ощущенія. Боль и удовольствіе, горе и радость, страсти и ощущенія чувствъ смѣняють другъ друга и никогда не бываютъ всѣ заразъ. А потому представленія объ *я* нельзя вывести изъ нихъ или изъ какого-либо другого ощущенія; а, слѣдовательно, и вовсе нѣтъ такого представленія... Что касается меня, то всякій разъ, когда я какъ можно глубже проникаю въ то, что я называю своимъ *я*, мнѣ приходится наткаться на какое-либо специальное ощущеніе *) — тепла или холода, свѣта или тѣни, любви или ненависти, боли или удовольствія. Никогда я не могу

*) Выраженіе, употребляемое тутъ Юмомъ (perception), обозначаетъ у него какъ ощущеніе (impression), такъ и представленіе (idea).

уловить *самого себя* безъ ощущенія, никогда не могу открыть въ себѣ ничего, кромѣ ощущенія» *). И въ этомъ Юмъ совершенно правъ. Но онъ ищетъ не тамъ, гдѣ надо. Природа я обнаруживается въ соединеніи ощущеній, представленій и чувствованій, въ формахъ и законахъ этого соединенія, — слѣдовательно, въ воспоминаніи и сравненіи, отъ самыхъ элементарныхъ и автоматическихъ ихъ формъ до самыхъ отчетливыхъ и высшихъ, какія только они могутъ принимать. Юмъ за деревьями не видитъ лѣса. Его полемика справедлива противъ спиритуалистическаго взгляда, гдѣ «душа» становится отдѣльною субстанціей, лежащей за отдѣльными элементами сознанія. Но онъ грѣшитъ противъ собственно психологическаго опыта, говоря съ насмѣшкой, что весь человѣческій родъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ метафизиковъ, состоитъ только изъ пучковъ или собранія ощущеній (perceptions), которыя слѣдуютъ другъ за другомъ съ невыразимою быстротою и находятся въ постоянномъ движеніи. Онъ упускаетъ изъ виду внутреннюю связь между этими элементами сознанія, отъ которой они и являются элементами именно одного извѣстнаго сознанія, а не нѣсколькихъ. И, однако, ему было необходимо и естественно прійти къ вопросу, что же связываетъ элементы сознанія и образуетъ изъ нихъ «пучокъ? Должна же тутъ быть какая-либо связующая сила; но у Юма она совершенно отступила передъ отдѣльными членами пучка. Онъ даже зашелъ такъ далеко, что приписалъ отдѣльнымъ «перцепціямъ» самостоятельное и субстанціальное бытіе. А потому для него и осталось неразрѣшимою загадкой, какъ можетъ существовать связь между «перцепціями», если каждая изъ нихъ сама по себѣ самостоятельна. «Я долженъ признаться, — заключаетъ онъ приведенную главу Treatise, — что эта трудность слишкомъ не подъ силу моему пониманію». Какъ бы то ни было, внѣ всякаго сомнѣнія, что если признать отдѣльные элементы сознанія вполне самостоятельными, то нѣтъ возможности соединить ихъ какимъ-нибудь мостомъ **).

Предположеніе, отъ котораго Юмъ шелъ въ своей критикѣ, а именно, что я должно являться отдѣльнымъ элементомъ сознанія,

*) Treatise on human nature, т. I, ч. IV, отд. 6.

***) *Стюартъ Милль*, въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ высказавшійся съ нѣкоторымъ колебаніемъ объ основѣ понятія я, въ четвертомъ изданіи сочиненія о философіи Гамильтона, повидимому, окончательно разошелся съ Юмомъ.

было бы въ *противорѣчii* даже съ самимъ собой. Если бы я и *отдѣльный* элементъ сознанія (ощущеніе, представленіе, чувство)—даже будь онъ совершенно постояннымъ,—вполнѣ покрывали другъ друга, то, вѣдь, *всѣ* другія ощущенія, представленія и чувствованія очутились бы за предѣлами я, разъ они не получили возможности слиться вполнѣ съ постояннымъ элементомъ. Какимъ же образомъ въ такомъ случаѣ мы могли бы ихъ *имѣть*? Вѣдь, къ я должно относиться все, что есть въ сознаніи, а потому оно не можетъ исчерпываться постояннымъ чувствованіемъ или господствующею группой представлений. Я должно быть какъ въ слабыхъ, такъ и въ сильныхъ чувствованіяхъ, какъ въ представленіяхъ, которыя достигаютъ только периферіи сознанія, такъ и въ представленіяхъ, которыя скопляются около его центра. Именно-то я, какъ выраженіе единства въ сознаніи, и дѣлаетъ возможнымъ взаимодействіе между господствующими и болѣе слабыми чувствованіями, между центральными и периферическими представленіями. Мы отличаемъ—часто не безъ лицемѣрія—наше «истинное я» отъ случайныхъ, минутныхъ и преходящихъ мыслей и чувствованій; съ психологической же точки зрѣнія я обнимаетъ какъ то, такъ и другое.

Мы должны согласиться, что представленіе я не можетъ имѣть своимъ основаніемъ непосредственное воспріятіе, но до него надо добраться при помощи выводовъ изъ общей природы и условій сознательной жизни. Это необходимое слѣдствіе того, что это представленіе основывается на дѣятельности, которая продолжается и повторяется постоянно (т.-е. пока есть сознаніе),—на объединительной дѣятельности, которую предполагаетъ всякое сознаніе. Въ каждомъ отдѣльномъ состояніи мы имѣемъ ея продуктъ, но не ее самое.—Въ связи съ этимъ находится и то, что *мы никогда не можемъ вполнѣ сознавать самихъ себя*. Ибо какъ разъ то состояніе, въ которомъ мы мыслимъ свое я, обусловливается синтезомъ; какъ самосознаніе, такъ и всякій другой родъ сознанія, возможно только благодаря этому синтезу. *Синтезъ, внутреннее единство наше, постоянно скрыто отъ насъ, какъ бы глубоко мы ни стремились проникнуть въ свое сознаніе; онъ—неотъемлемое предположеніе.*

Мы должны далѣе допустить, что единство, синтезъ, не представляетъ чего-нибудь абсолютнаго,—оно всегда *относительно* и *неустойчиво*. Это обнаруживается, и далеко не въ незначительной

степени, въ началѣ сознательной жизни, когда разсѣянные и разрозненные ощущенія и влеченія выступаютъ, повидимому, безъ внутренней связи и единства. Нѣкоторые изслѣдователи даже высказывали мнѣніе, что единства сознания не бываетъ съ самаго начала. Въ такомъ случаѣ они думали, что душевная жизнь начинается съ разрозненныхъ и самостоятельныхъ ощущеній, которыя мало-по-малу объединяются и получаютъ связь *). Другіе приписываютъ маленькому ребенку нѣсколько разныхъ я (я большого мозга, я спинного мозга, кромѣ того я для cadaго центра органовъ чувствъ), которыя сливаются будто бы впоследствии **). Сильнѣе нельзя выразить спорадическаго характера первичной сознательной жизни. Но нѣтъ возможности найти какой-нибудь психологической смыслъ въ томъ, что нѣсколько я должны слиться или срастись. Высказывая подобныя мнѣнія, обыкновенно подаются физическимъ или физиологическимъ аналогіямъ. Двѣ кучи песку, смѣшавшись, могутъ образовать одну; двѣ органическія клѣтки могутъ срастись въ одну новую клѣтку. Напротивъ, сляніе или соединеніе двухъ я или сознаний въ одно я представляетъ психологическую нелѣпость. Синтезъ сознания не можетъ возникнуть отъ простаго соединенія отдѣльныхъ частей. Этимъ различается духовная связь отъ тѣлесной, и потому-то возникновеніе сознательной жизни и представляетъ такую великую проблему.

Юмъ однако не совсѣмъ ошибался, видя въ постоянномъ элементѣ сознания основу для представленія я. Вѣдь, единство, обнаруживающееся въ воспоминаніи и синтезѣ, во внутренней связи жизни сознания, само по себѣ совершенно *формально*. Это—условіе всякаго сознания; но у всякаго индивидуальнаго сознания, кромѣ этого формальнаго единства, есть еще единство *реальное*. Форма сознания одна и та же у всѣхъ сознательныхъ существъ; *индивидуальность* состоитъ (помимо степени энергии, съ которой дѣйствуетъ синтезъ) въ опредѣленномъ *содержаніи*, охватываемомъ формальнымъ единствомъ. И содержаніе это не можетъ мѣняться каждую минуту. Долженъ быть прочный, господствующій кругъ представленій и чувствованій, по которымъ и благодаря которымъ индивидуумъ можетъ узнать самъ себя; имъ

*) Vierordt: Physiologie des Kindesalters, стр. 157, 169.

**) Preyer: Die Seele des Kindes, стр. 368 и слѣд. Русскій переводъ подъ ред. И. X. Сикорскаго значительно сокращенъ.

совсѣмъ не нужно заполнять каждое мгновеніе жизни, разъ они постоянно появляются вновь. И здѣсь чувствованіе и воля, очевидно, имѣютъ больше значенія, чѣмъ ощущеніе и представленіе. Чувство жизни (чувство удовольствія или недовольства, связанное съ общимъ ощущеніемъ) со своими настроеніями, хотя большею частію и расплывчатыми, но все же проникающими и отгѣняющими всякое душевное содержаніе, образуетъ часто незамѣчаемый, но отъ этого не менѣе важный фонъ, который при нашемъ *реальномъ* самосознаніи играетъ большую роль, чѣмъ какое-либо представленіе или мысль. Въ болѣе развитой и энергичной формѣ наше *я* выступаетъ въ нашемъ преобладающемъ стремленіи, въ нашихъ пожеланіяхъ и страстяхъ. Ни одна истинная личность не развивается безъ сосредоточенія жизни чувства и воли. Человѣкъ, у котораго нѣтъ преобладающаго чувствованія, но который въ постоянныхъ поискахъ чего-нибудь новаго торопится переходить отъ одного къ другому, не имѣетъ достаточно времени и силы, чтобы сосредоточиться и быть самимъ собою: знать самого себя значитъ *узнавать* самого себя, и это предполагаетъ постоянное повтореніе элементовъ сознанія.

Формальное единство лишь до известной степени можетъ существовать безъ реального; форма разрушается, когда содержаніе представляетъ черезчуръ большія противоположности. Въ переходные періоды и періоды броженія, даже и въ здоровой жизни сознанія, обнаруживаются противоположности и внезапныя перемѣны, не сродныя индивидууму и потому угрожающія порвать его цѣлость. Такъ съ пробужденіемъ половой зрѣлости всплываютъ совершенно новыя чувствованія, новыя склонности и желанія; индивидуумъ чувствуетъ себя внѣ своихъ границъ; онъ уже не понимаетъ самого себя. Безпокойное настроеніе, смѣлый размахъ фантазіи—все это дѣлаетъ его неузнаваемымъ въ собственныхъ глазахъ. Умственная зрѣлость, особенно въ болѣе глубокихъ натурахъ, достигается путемъ подобнаго же броженія. Въ хаотическомъ беспорядкѣ возникаютъ разныя внушенія, идеи и влеченія. Умственный ростъ, какъ и окостенѣніе, часто начинается въ разныхъ точкахъ. Эта разбросанность въ развитіи преодолевается лишь постепенно и не во всякомъ индивидуумѣ вполне. Но именно то, что внутренній разладъ и броженіе, внутреннее сомнѣніе чувствуются, это именно и свидѣтельствуетъ о существованіи единства, охватывающаго разнообразныя и бо-

рющіеся элементы. Только отъ того, что во всѣхъ противоположностяхъ выступаетъ одно и то же я, только благодаря этому и можетъ доходить до сознанія ихъ взаимное отношеніе.

Формальное единство можно удержать и въ томъ случаѣ, когда господствующіе элементы сознанія не одни и тѣ же во всю жизнь, а различны на разныхъ ступеняхъ развитія, если только переходъ отъ одной точки зрѣнія совершается *безъ перерывовъ и по мотивамъ*. Духовная революція не разрушаетъ единства я, оказываясь, какъ и большинство революцій, слѣдствіемъ долгаго постоянного процесса.

Напротивъ, *возрастающее разложеніе реального единства я поведетъ за собой разложеніе формальнаго единства*. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ даетъ намъ четыре главныхъ степени подобнаго разложенія.

Начало душевной болѣзни состоитъ обыкновенно въ измѣненіи чувства жизни, необъяснимомъ для самого больного. Обычный способъ чувствовать свое существованіе прерванъ, обычное основное настроеніе измѣнено (большею частію въ сторону недовольства). Больной сомнѣвается въ своемъ собственномъ существованіи или видитъ свою собственную личность и все переживаемое словно въ какомъ-то отдаленіи. Пока еще опытъ перекидываетъ мостъ между старыми и новыми чувствованіями (иначе больной не могъ бы чувствовать себя чуждымъ самому себѣ), но этотъ мостъ расшатывается, такъ какъ внутренніе основные опыты не повторяются.

На дальнѣйшей ступени развитія душевной болѣзни больной становится такъ непохожъ на себя, что переноситъ свои прежніе опыты, предшествовавшіе болѣзни, на другого субъекта. Онъ не забылъ своего прошлаго, а все-таки не можетъ его узнать. Онъ говоритъ про самого себя, какъ про третье лицо, или какъ про покойника, или же утверждаетъ, что раньше былъ не въ своемъ умѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *сознательная связь въ воспоминаніи можетъ теряться періодически*. Такъ бываетъ при такъ называемомъ «раздвоеніи сознанія». Два состоянія смѣняются другъ друга, и въ каждомъ изъ нихъ индивидуумъ кажется себѣ другимъ. Въ обоихъ состояніяхъ характеръ воспоминанія и настроенія лица очень различны. Знанія, которыми больной располагаетъ въ одномъ состояніи, совершенно теряются въ другомъ. По временамъ больной можетъ сознавать разницу между «старымъ» и «новымъ»

состояніемъ. Въ другихъ случаяхъ, когда подобное сознание уже невозможно, воспоминанія прошлаго дѣйствуютъ однако въ видѣ смутнаго нижняго потока. Одна дама потеряла послѣ нервнаго припадка, вызваннаго боязнью утонуть, нѣсколько чувствъ, способность рѣчи и всѣ ясныя воспоминанія, но приходила въ очень возбужденное состояніе при видѣ воды, хотя бы и просто на картинѣ. Непрерывность прежняго состоянія тутъ была, такъ сказать, подпольной.—Подобная подпольная связь обнаруживается, когда кто-нибудь, получивъ приказъ въ гипнотическомъ состояніи, исполняетъ его къ извѣстному времени въ бодрственномъ состояніи, не отдавая себѣ отчета, почему онъ это дѣлаетъ.

Когда же теряются всѣ элементы, общіе разнымъ состояніямъ и періодамъ, то приближается развязка. Повтореніе раздраженій теперь бесполезно, потому что потеряна способность къ воспроизведенію и сравненію. Сознательная жизнь теперь совершенно разрушается *).

6. Какъ мы уже упоминали (III, I, 11—12), съ психологической точки зрѣнія, ощущенія возникаютъ изъ ничего. Это первичные элементы, изъ которыхъ соткана жизнь сознанія, но объясненія которыхъ нельзя найти въ этой ткани, если только вообще они поддаются объясненію. Представленія, въ ихъ простѣйшей формѣ, суть воспроизведенныя или вызванныя вновь ощущенія. Но такъ какъ, вѣдь, представленіе мы отличаемъ отъ продолжающагося ощущенія, такъ какъ, слѣдовательно, между первоначальнымъ ощущеніемъ и тѣмъ представленіемъ, въ которомъ оно возобновляется, находится нѣкоторый промежутокъ, то является вопросъ, откуда же выходятъ представленія. Всплываютъ-ли и они изъ психологическаго ничто, или же они существуютъ подъ порогомъ сознанія?—Мы уже знаемъ (см. III), что гипотетически можно отвѣтить на этотъ вопросъ въ связи съ общей проблемой объ отношеніи безсознательнаго къ сознательному. Мы не можемъ не признать за былыми представленіями болѣе близкаго отношенія къ нашему сознанію, чѣмъ за тѣми, которыя въ немъ еще не выступали. Къ этому присоединяется еще поразительное об-

*) Ср. объ описанныхъ здѣсь явленіяхъ: Taine въ Revue philosophique I, 289 и слѣд. (по Крисгаберу).—Griesinger: Die Pathologie und Therapie der psychischen Zustände, 2-е изд., 334, 341.—Ribot: Les maladies de la mémoire, стр. 86 и слѣд. (Русскій переводъ А. Черемшанскаго, Спб. 1881).—Richet: L'homme et l'intelligence, Paris 1884, стр. 243, 249 и слѣд.

стоятельство, что представленія, всплывая вновь, могут подвергаться измѣненіямъ, распредѣляться въ новыя группы или сливаться. Какъ сохраненіе представленій, хотя они не всегда бывають въ сознаниі, такъ и ихъ обработка безъ участія въ ней сознанія, даетъ право признать за понятіемъ безсознательной душевной дѣятельности положительное значеніе, несмотря на всѣ трудности, связанныя съ нимъ, и провести законъ сохраненія энергіи и въ области духа. Когда говорятъ о слѣдахъ, остаткахъ или предрасположеніяхъ, остающихся по исчезновеніи ощущеній и представленій изъ сознанія, то это основано на томъ предположеніи, что въ душевной области должно быть нѣчто аналогичное закону сохраненія энергіи въ природѣ физической. Однако, разница между духовной и физической природой та, что въ то время, какъ въ мірѣ тѣлъ потенциальную энергію можно видѣть въ такъ или иначе данномъ состояніи равновѣсія, въ духовной области невозможно ничего подобнаго (ср. II, 2 и 8). Съ чисто физиологической точки зрѣнія тутъ нѣтъ собственно никакой трудности, такъ какъ само собой разумѣется, что можетъ возникнуть такой же мозговой процессъ, какой возникалъ и прежде, и что онъ идетъ тѣмъ легче, чѣмъ чаще повторялся и чѣмъ больше заучивался. Можно себѣ представить, что соотвѣтственныя молекулы мозга при повтореніи располагаются такимъ образомъ, что съ большей легкостью выводятся изъ состоянія равновѣсія. Напротивъ, мы не можемъ уяснить себѣ, что бы могла означать потенциальная энергія въ духѣ.

Мы возвращаемся къ этимъ разсужденіямъ на томъ основаніи, что разобранная ранѣе теорія самостоятельности представленій повела къ особаго рода пониманію сохраненія представленій. Нѣкоторые психологи (особенно изъ школы Гербарта) предполагають, что вѣрное и постоянное сохраненіе представленій является правиломъ, а ихъ забываніе—исключеніемъ. Слѣдовательно, весь вопросъ не въ воспоминаніи, а въ забываніи. Въ такомъ случаѣ предполагается, что представленіе имѣетъ склонность къ самосохраненію, къ самоутвержденію въ сознаніи,—склонность, которую можетъ задержать лишь появленіе другихъ представленій съ такою же склонностью. Вотъ почему, продолжаютъ эти психологи, единичное представленіе легко можно вытѣснить изъ сознанія другими представленіями; но какъ только они ис-

чезнуть, отдѣльное представленіе опять выступаетъ само по себѣ безъ всякой помощи и мотива, подобно тому какъ загнутая часовая пружина отскакиваетъ съ удаленіемъ препятствія. Поэтому тутъ различаются два рода воспроизведенія: непосредственное, когда представленіе выступаетъ вновь, благодаря собственной силѣ, какъ только устранить задержку, и посредственное, когда представленіе снова вводится въ сознаніе, вслѣдствіе своей связи съ другими представленіями. Непосредственное воспроизведеніе бываетъ, наприм., послѣ сна, когда представленія предыдущаго дня наступаютъ тотчасъ же, какъ только исчезаетъ сонливость. Даже когда представленіе, повидимому, совсѣмъ забыто, его нельзя считать совершенно исчезнувшимъ; оно лежитъ подъ «порогомъ» сознанія и при случаѣ можетъ появиться опять. Воспоминанія, существованія которыхъ мы и не подозревали, могутъ встать предъ нами при видѣ окружающей обстановки, въ которой пришлось пережить ихъ содержаніе. Въ глубокой старости и незадолго до смерти могутъ пробудиться воспоминанія юности и выходить наружу давно забытыя представленія. Глубокая печаль можетъ пробудить яркое представленіе объ утратѣ. Изъ различныхъ исторій замѣчательныхъ болѣзней извѣстно, что въ лихорадочномъ и другихъ (патологическихкихъ состояніяхъ высказываются слова и вещи, которыхъ больной не могъ бы вспомнить въ здоровомъ состояніи. Это можно объяснить только тѣмъ, что представленія, оставшіяся до тѣхъ поръ безъ вниманія, при необычныхъ условіяхъ получаютъ возможность пробиться *).

Само собою разумѣется, мы не можемъ сказать ни про одно представленіе, что оно совсѣмъ исчезло изъ сознанія. Мы не знаемъ всѣхъ нитей, которыми отдѣльное, съ виду случайное и

*) Нѣсколько специальныхъ примѣровъ приведено у Карпенгера: *Mental physiology*, стр. 436—439.—Также послѣ приѣма опиума могутъ вдругъ всплыть давно забытыя воспоминанія. *Де-Кинси* рассказываетъ по этому поводу („Признанія опиофага“, датскій переводъ, Христианія 1878, стр. 161): „самыя незначительныя приключенія дѣтства или давно забытыя вещи позднѣйшихъ лѣтъ могли вдругъ предстать предо мною. Правда, вспоминая я ихъ не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ, разскажи мнѣ объ нихъ въ бодрственномъ состояніи, я бы не призналъ принадлежности ихъ моей прошлой жизни. Но въ томъ видѣ, какъ они, подобно откровеніямъ, являлись мнѣ во снѣ въ сопровожденіи всякаго ничтожнаго обстоятельства и всякаго соотвѣтственнаго чувствованія, я ихъ узнавалъ сейчасъ же“.

обособленное представленіе можетъ быть связано съ другими элементами сознанія. Особенное значеніе имѣетъ здѣсь связь извѣстнаго чувствованія или извѣстнаго общаго ощущенія съ представленіемъ: разъ вновь возникло чувствованіе или общее ощущеніе, можетъ какъ бы «само по себѣ» явиться и представленіе. Тѣсная связь сознательной и безсознательной жизни души кромѣ того даетъ возможность тому, что стоитъ какъ бы особнякомъ, пока мы находимся въ ясномъ сознаніи, имѣть свою подпольную связь. Потому-то наше самопознаніе такъ часто и бываетъ чисто эмпирическимъ; мы нерѣдко открываемъ фактическую связь между извѣстными представленіями и чувствованіями, не будучи въ состояніи найти среднихъ членовъ. Всплываютъ мысли, обнаруживаются чувствованія, предшествующей исторіи которыхъ мы не знаемъ, хотя она и должна быть въ связи съ кругомъ нашего опыта. Тутъ мы часто можемъ открыть въ самихъ себѣ что-либо такое, чего мы и не подозрѣвали.

Отсюда однако не слѣдуетъ, что отдѣльныя представленія обладаютъ какъ бы нѣкотораго рода индивидуальнымъ безсмертіемъ. Самостоятельность отдѣльнаго представленія основана на томъ, что оно является особенною формой представляющей дѣятельности, что оно составляетъ одинъ изъ тѣхъ путей, который избираетъ душевная дѣятельность при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ. Когда сознательная жизнь отъ сна получила новую силу, то совершенно естественно, что она прежде всего и легче всего вступаетъ на привычный путь. Постоянный ходъ нашихъ мыслей для нашей сознательной жизни то же, что типъ для организма, — форма, въ которой при обыкновенныхъ условіяхъ совершается наше развитіе, и изъ которой это развитіе можно удалить только съ извѣстнымъ трудомъ. Главное значеніе, слѣдовательно, надо придавать не отдѣльнымъ представленіямъ, самимъ по себѣ, но общей сознательной дѣятельности. Ни одно отдѣльное представленіе само по себѣ не сохраняется и не возникаетъ вновь, если этого не требуется условіями общаго хода сознательной жизни. Это какъ бы внутренній миропорядокъ въ душѣ, который отзывается на отдѣльныхъ проявленіяхъ жизни. Отдѣльныя представленія могутъ, конечно, имѣть вліяніе на дальнѣйшее развитіе сознательной жизни и не сохраняясь. Итакъ, въ дѣйствительности психологія должна спрашивать объ условіяхъ сохраненія представлений. Гербартов-

ская психологія вводитъ анархію въ сознательную жизнь, приписывая отдѣльнымъ представленіямъ вѣчное существованіе. Сознаніе есть не только сцена, на которой представленія ведутъ борьбу за существованіе, — оно само дѣйствуетъ въ отдѣльныхъ представленіяхъ и черезъ нихъ.

Потому-то и понятно, что мы учимся вспоминать, не столько удерживая каждое отдѣльное представленіе, само по себѣ, сколько замѣчая ихъ соединеніе и связь. Представленія сохраняются тѣмъ легче, чѣмъ больше разумной связи между ними.

7a. *Свободный образъ воспоминанія* отличается не только отъ непосредственнаго воспріятія и непосредственныхъ послѣдствій ощущенія (*отображенія, отзвуки* и т. д.), но и отъ извѣстнаго рода представленій, всплывающихъ изъ глубины безъ внѣшняго повода, — отъ такъ называемыхъ *галлюцинацій*. Галлюцинаціи появляются, какъ и воспріятія, съ отпечаткомъ дѣйствительности, и человѣку часто трудно, если не невозможно, отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ воспріятій. Здѣсь обнаруживается много различій въ степени. Тогда какъ душевно-больной положительно утверждаетъ дѣйствительность своихъ галлюцинацій, есть случаи, когда человѣкъ ясно сознаетъ, что видимое имъ только призракъ. Одинъ человѣкъ, по разсказу *Бонне* *), время отъ времени видѣлъ передъ собой, безъ малѣйшаго внѣшняго повода, мужчинъ, женщинъ, птицъ, экипажи, строенія и т. д. Эти образы двигались, увеличивались или уменьшались. Иногда всѣ стѣны его комнаты казались ему увѣшанными пейзажами. Все это производило на него такое же живое впечатлѣніе, какъ будто сами эти предметы были тутъ. И все-таки онъ не принималъ этихъ явленій за реальныя; во всякомъ случаѣ онъ постоянно умѣлъ «поправить свое первое сужденіе». Они были для него пьесой, зрителемъ которой онъ былъ, не зная, какое явленіе послѣдуетъ въ ближайшее мгновеніе. — Этотъ отпечатокъ непроизвольности и внѣшности сближаетъ галлюцинацію, какъ и *сновидѣніе*, съ чувственнымъ воспріятіемъ. Физиологическій процессъ при сновидѣніи навѣрное почти такой же, какъ и при галлюцинаціи, а именно онъ состоитъ въ воздѣйствіи измѣненнаго состоянія крови на чувствовательные центры мозга **), слѣдова-

*) Essai analytique sur l'âme, Копенгагенъ 1760. гл. 23.

**) Ср. *Wundt: Physiol. Psychol.* I, стр. 178—181.

тельно—въ автоматическомъ раздраженіи, отъ котораго мозгъ раздражается точно такъ же, какъ онъ раздражается въ нормальномъ бодрственномъ состояніи только отъ впечатлѣній внѣшняго міра. Между тѣмъ при сновидѣніяхъ очень существенную роль играютъ полученныя во время сна дѣйствительныя впечатлѣнія (см. III, 8), такъ что ихъ лучше сопоставить съ иллюзіями, чѣмъ съ галлюцинаціями. Подъ иллюзіей понимаютъ невѣрное субъективное объясненіе объективнаго впечатлѣнія, наприм., когда бѣлый платокъ при лунномъ свѣтѣ принимается за одѣтую въ бѣлое фигуру, или обломки корабля на берегу — за людей. По нашей схемѣ, которой мы пользовались раньше, иллюзія психологически характеризуется тѣмъ, что связанное представленіе одерживаетъ верхъ надъ элементомъ ощущенія въ воспріятіи (*a* надъ *A*, такъ что за *a* сейчасъ слѣдуетъ *b, c, d*) *).—Это разграниченіе между галлюцинаціей и иллюзіей впервые установилъ Эскироль **). Кромѣ того существуетъ много переходныхъ формъ, но такъ какъ всегда, конечно, есть хотя бы минимумъ чувственаго впечатлѣнія, то различіе это становится лишь различіемъ въ степени.

Галлюцинація сходна съ образами воспоминанія въ томъ, что иногда ее можно вызвать произвольно. Одинъ англійскій художникъ обладалъ способностью представлять себѣ изображаемыхъ лицъ, если они посидѣли передъ нимъ не болѣе получаса, еще живѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности, такъ что онъ могъ рисовать съ этого представленія. Время отъ времени онъ отводилъ свой взоръ отъ картины, чтобы посмотреть на воображаемое лицо и сравнить съ нимъ изображеніе. Правда, онъ кончилъ тѣмъ, что потерялъ способность отличать дѣйствительныя лица отъ воображаемыхъ и долженъ былъ прожить 30 лѣтъ въ домѣ.

*) Бенвенуто Челлини въ своей автобіографіи (2-я кн., 12-я гл., въ переводѣ Гете I, стр. 323) описываетъ иллюзію на основѣ галлюцинаціи. Въ своемъ подвѣтномъ заключеніи онъ лелѣялъ желаніе видѣть солнце, хотя бы во снѣ. Однажды утромъ ему, наконецъ, показалось видѣніе солнца. Но солнечный дискъ превратился скоро въ золотой, въ серединѣ котораго въ выпукломъ видѣ появились Христосъ на крестѣ и вскорѣ затѣмъ Марія съ Младенцемъ. Какъ уже замѣтилъ Гете, Челлини отнесся къ видѣнію солнца, какъ художникъ, работающій металлическія изваянія. Если бы его фантазія привыкла къ работѣ въ другомъ направленіи, то изъ этого видѣнія онъ вынесъ бы совсѣмъ другія вещи.

**) Des maladies mentales, I, 2—3.

умалишенныхъ. Но способность вызывать образы съ отпечаткомъ дѣйствительности можетъ встрѣчаться и безъ патологическаго характера. Такъ *Гете*, при закрытыхъ глазахъ и съ опущенной головой, былъ въ состояніи видѣть цвѣтокъ, изъ котораго распускались все новые и новые цвѣты, до тѣхъ поръ, пока онъ этого хотѣлъ *).

Галлюцинаціи бываютъ иногда образами воспоминанія, которые вдругъ получаютъ отпечатокъ дѣйствительности. Въ самомъ рѣзкомъ и обманчивомъ видѣ онѣ являются однако, когда, подобно дѣйствительнымъ воспріятіямъ, вдругъ прерываютъ «горизонтальный» рядъ свободныхъ представленій.

Что касается силы и живости, то между галлюцинаціями и образами воспоминанія есть лишь различіе въ степени. Въ этомъ отношеніи обнаруживаются большія индивидуальныя отличія **). Въ то время, какъ у нѣкоторыхъ воспоминаемые образы отличаются живостью и яркостью красокъ, у другихъ они безцвѣтны и съ неопредѣленными очертаніями. У нѣкоторыхъ образы воспоминанія приближаются къ дѣйствительнымъ воспріятіямъ или галлюцинаціямъ. Они видятъ предметы такъ же ясно и живо въ представленіи, какъ они являются въ дѣйствительности, такъ что воспоминаніе о солнцѣ можетъ даже дѣйствовать ослѣпительно. Другіе, напротивъ, говорятъ, что въ воспоминаніяхъ не могутъ видѣть отдѣльныхъ предметовъ, но имѣютъ лишь неясныя и неотчетливыя представленія о видѣнномъ; ихъ воспоминанія не достаточно живы, чтобы заслуживать названіе образовъ.—Здѣсь имѣютъ значеніе не только врожденная способность, но также возрастъ и навыкъ. Самые живые образы воспоминанія бываютъ въ дѣтствѣ и юности. Послѣ погруженія въ воспоминаніе о дорогомъ лицѣ дитя сказало: «у меня былъ сонъ». Поэты, естествовѣды и путешественники отличаются болѣе живыми образами воспоминанія, нежели отвлеченные мыслители. Вообще между воображеніемъ и отвлеченнымъ мышленіемъ существуетъ противоположность подобнаго же рода, какъ между дѣйствительными воспріятіями и теченіемъ свободныхъ представленій, а также и между обоими момен-

*) *Brierre de Boismont*: Des Hallucinations, стр. 27, 462.

**) Ср. *Fechner*: Elemente der Psychophysik II, стр. 469—491.—*Galton*: Статистика умственныхъ образовъ (*Mind* 1880). Также въ *Inquiries into human faculty*, Лондонъ 1883, стр. 83 и слѣд.

тами воспріятія (ощущеніемъ и связаннымъ представленіемъ) (см. V B, 2—3).

Тѣ, у которыхъ не бываетъ конкретныхъ и живыхъ образовъ въ воспоминаніи, могутъ однако обладать очень хорошимъ и точнымъ воспоминаніемъ. Они вспоминаютъ, что ими что-то пережито, хотя и не видятъ этого передъ собой въ воспоминаніи. Навѣрное, всѣ люди должны вспоминать такимъ образомъ очень сильныя ощущенія. Пушечный выстрѣлъ, неожиданный ударъ или молнія вспоминаются скорѣе косвенно, чѣмъ прямо. Даже блѣдныя и безцвѣтныя воспоминанія могутъ быть очень точными, и ихъ вполне достаточно для описанія пережитаго и для оцѣнки его.

Воспоминаніе не одинаково легко и отчетливо во всѣхъ областяхъ чувствъ. Для зрячихъ наибольшее значеніе обыкновенно имѣетъ зрительное воспоминаніе. Способность имѣть ясныя представленія изъ области другихъ чувствъ развита у разныхъ лицъ очень различно. Упомянутый выше (1) больной Шарко передъ болѣзью обладалъ необыкновенно живымъ зрительнымъ воспоминаніемъ. Оно утратилось во время болѣзни и по выздоровленіи смѣнилось очень живыми слуховыми воспоминаніями. Много людей не знаетъ представленій запаха и вкуса, а изъ зрячихъ людей навѣрно лишь очень немногіе имѣютъ ясныя представленія движенія (соотвѣтствующія ощущеніямъ движенія) *).—Какъ показала *Гальтонъ*, острое зрѣніе не всегда совпадаетъ съ ясными зрительными воспоминаніями; точно такъ же зрительныя воспоминанія не связаны съ большою способностью узнаванія.

Подобно тому, какъ, съ одной стороны, иллюзія и сновидѣніе лежатъ между чувственнымъ воспріятіемъ и галлюцинаціей, а очень сильныя и живыя образы воспоминанія приближаются къ галлюцинаціямъ, такъ, съ другой стороны, переходное звено отъ чувственнаго воспріятія къ образу воспоминанія мы находимъ въ томъ, что *Фехнеръ* назвалъ «*слѣдомъ отъ образа воспоминанія*» **).

*) Когда теряется способность писать (аграфія) безъ слѣпоты и глухоты къ словамъ, то основаніе этого лежитъ въ потерѣ воспоминанія движеній. Хотя въ самой рукѣ нѣтъ никакого недостатка, но утрачена способность вспомнить движенія, необходимыя для письменныхъ знаковъ. Подобный случай «двигательной аграфіи» разсказанъ въ *Hospitalstidende* (датская госпит. газета) 24-го декабря 1884 г.

***) Указанное сочиненіе, стр. 491 и слѣд.—Уже Ньютонъ наблюдалъ это явленіе. *Brewster: Life of Newton I*, стр. 237.

Это образъ воспоминанія, который появляется сейчасъ же послѣ чувственнаго впечатлѣнія, когда его дѣйствіе еще не кончилось. Такіе образы, хотя бы на мгновение, могутъ вызывать даже и тѣ, кто совсѣмъ не обладаетъ живыми и цвѣтными образами воспоминанія. Значить, для воспоминанія они какъ бы нуждаются въ помощи дѣйствительнаго ощущенія. Здѣсь также обнаруживается много индивидуальныхъ отличій. У нѣкоторыхъ больше значенія имѣеть слѣдъ отъ образа, у другихъ же—сосредоточеніе вниманія на слѣдѣ отъ образа. Послѣ разсматриванія предмета при обыкновенномъ дневномъ свѣтѣ Фехнеръ получилъ дополнительный слѣдъ отъ образа; когда же онъ всю дѣятельность воспоминанія сосредоточилъ на этомъ слѣдѣ, то получилъ образъ предмета съ его цвѣтомъ и безъ дополнительнаго оттѣнка.—Наблюденія, слѣдланнныя мною, показываютъ, что и слѣдъ отъ образа также можно вызвать вновь. Послѣ разсматриванія окна (темнаго креста на свѣтломъ полѣ) я получалъ отрицательный слѣдъ отъ образа (свѣтлый крестъ на темномъ полѣ). Понемногу онъ исчезалъ, но на его мѣстѣ, въ полѣ зрѣнія закрытаго глаза, осталось бѣловатое туманное пятно, и когда я сосредоточивалъ вниманіе на этомъ туманѣ, опять возникалъ слѣдъ отъ образа. Такимъ образомъ это былъ, собственно говоря, *слѣдъ слѣда отъ образа воспоминанія*.—Чѣмъ дальше по времени образъ воспоминанія отъ непосредственнаго чувственнаго воспріятія, тѣмъ труднѣе получаетъ онъ живой характеръ.

в. Обращая вниманіе на условія, благопріятныя для сохраненія и возникновенія образовъ воспоминанія, можно особенно отмѣтить: обстоятельства, при которыхъ переживался первоначальный опытъ, обстоятельства во время появленія его вновь и, наконецъ, качество самихъ воспоминаній *).

Такъ какъ воспоминаніе имѣеть свое физиологическое выраженіе въ способности организма сохранять слѣды полученныхъ впечатлѣній, то само собою разумѣется, что *чѣмъ живѣе и энергичнѣе идетъ вообще жизненный процессъ*, тѣмъ лучше происходитъ ученіе, т.-е. тѣмъ продолжительнѣе и глубже будутъ слѣды, оставляемые чувственными воспріятіями. Поэтому-то настоящимъ временемъ ученія и являются дѣтство и юность, и выученное въ

*) Ср. относительно послѣдующаго: *Spencer: Principles of psychology I, часть II, глава 5—6.*—*Carpenter: Mental Physiology, стр. 441 и слѣд.*—*Ribot: Les maladies de la mémoire, Paris 1881.*

ту пору сохраняется легче, чѣмъ опытъ позднѣйшихъ годовъ. Оттого въ глубокой старости лучше всего вспоминается то, что было пережито въ дѣтствѣ, тогда какъ пережитое въ позднѣйшіе годы и въ послѣдніе дни забывается. «Очки старика дѣлаются сильнѣе, чтобъ видѣть вблизи». Мозговому процессу стариковъ недостаетъ энергіи для сохраненія новыхъ впечатлѣній. Это быстрое исчезновеніе того, что приобрѣтено позже, является всеобщимъ фізіологическимъ закономъ (ср. также IV, 4).

Что было испытано и пережито въ особенно веселомъ и жизнерадостномъ настроеніи, то можно сохранить легче, чѣмъ усвоенное въ ослабленномъ и разстроенномъ состояніи. Повышенная жизненность идетъ въ прокъ и вновь воспринятымъ элементамъ сознанія. При апоплексическихъ и эпилептическихъ припадкахъ иногда обнаруживается то же самое, что и въ глубокой старости: тогда какъ старыя воспоминанія сохранены, новыхъ уже и слѣдъ протыль. Отъ усталости иногда бываешь не въ состояніи собирать матеріалъ для воспоминанія.

Нужно *время и повтореніе*, чтобы воспоминаніе укрѣпилось твердо. Что было усвоено второпяхъ, то обыкновенно и исчезаетъ поспѣшно. Актеры, выучивъ свою роль въ короткій срокъ, вспоминаютъ ее не такъ хорошо, какъ заученную вполнѣ. Владѣніе (у англичанъ *stamping*) не приводитъ къ такимъ основательнымъ результатамъ, какъ дѣйствительное изученіе. Сюда же относится и замѣчательный фактъ, что при болѣзненномъ ослабленіи памяти часто забываются слова, которыя обозначаютъ конкретные и индивидуальныя предметы, между тѣмъ какъ названія отвлеченныхъ понятій и отношеній удерживаются лучше. Чаше всего поэтому забываются имена собственные и существительныя вообще, затѣмъ глаголы, прилагательныя и предлоги. *Кусмаулъ* *) объясняетъ это тѣмъ, что, тогда какъ лица и вещи можно легко представить безъ словъ, отвлеченныя понятія и отношенія укрѣпляются въ нашемъ сознаніи лишь при помощи словъ. А такъ какъ въ клѣточной ткани коры большого мозга навѣрно требуется больше процессовъ и комбинацій для произведенія отвлеченнаго понятія, чѣмъ для конкретнаго, то органическихъ нитей, соединяющихъ отвлеченное понятіе съ его названіемъ, должно быть больше, чѣмъ при конкретномъ понятіи.

*) Die Störungen der Sprache, стр. 163—165.

Казалось бы, этому противорѣчить, что такъ мало бываетъ воспоминаній изъ самаго ранняго дѣтства, когда мозгъ долженъ быть самымъ свѣжимъ. Въ самомъ дѣлѣ, воспоминанія рѣдко заходятъ дальше третьяго или четвертаго года. Чтобъ объяснить это, *Прейеръ* удачно замѣтилъ, что опытъ первыхъ дней дѣтства рѣзко отличается отъ опыта позднихъ лѣтъ*). Ребенокъ въ первые годы приучается держаться прямо, ходить, говорить; это само по себѣ является какъ бы законченнымъ курсомъ. Когда онъ прошелъ его, открывается путь къ великому кругу опыта, общему всѣмъ взрослымъ. Такимъ образомъ между опытами первыхъ и позднѣйшихъ лѣтъ нѣтъ непрерывности и соотвѣтствія, а потому нѣтъ обыкновенно и интереса сохранять давно пережитое въ свѣжемъ воспоминаніи.

Тутъ можно бы указать еще и на другія причины. Первые чувственные воспріятія носятъ хаотическій и раздробленный характеръ; они мало упорядочены и организованы, а извѣстная опредѣленность и порядокъ, какъ это увидимъ впоследствии, являются условіемъ для сохраненія опытовъ въ сознаніи. Въ сознаніи маленькаго ребенка преобладаютъ теченія вверхъ, точно такъ же, какъ и во время сна. Сны также запоминаются очень рѣдко. Большой мозгъ, съ которымъ связана дѣятельность воспоминанія, вообще говоря, не играетъ въ теченіе этого періода активной роли (см. IV, 4). Впечатлѣнія имѣютъ больше склонности разрѣшаться рефлкторными движеніями, чѣмъ располагаться въ воспоминаніи.

с. Для собиранія матеріала воспоминанія нуженъ здоровый и свѣжій мозгъ. Точно такъ же и воспроизведеніе этого матеріала происходитъ при томъ условіи, чтобы въ организмъ, главнымъ образомъ въ его мозгъ, было достаточно энергіи. *Генри Голландъ*, англійскій врачъ, при посѣщеніи рудниковъ на Гарцѣ, забылъ нѣмецкій языкъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія силъ, и память вернулась къ нему только, когда онъ отдохнулъ и подкрѣпился. Въ веселомъ настроеніи, особенно при сильномъ воодушевленіи, всплываютъ воспоминанія, которыхъ нѣтъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ (ср. 6). Такое же дѣйствіе можетъ оказывать приѣмъ опиума и подобныхъ ему средствъ. Кромѣ того, въ органическомъ состояніи и въ преобладающемъ основномъ

*) Die Seele des Kindes, стр. 226.

настроєніи что-нибудь должно соотвѣтствовать состоянію и настроєнію, бывшимъ во время переживанія; однако, тутъ иногда большое значеніе можетъ получить контрастъ.

Кромѣ того важно, какія ощущенія владѣютъ человѣкомъ въ данный моментъ. Чѣмъ сильнѣе они обнаруживаются, тѣмъ труднѣе развертываются образы воспоминанія (см. 2). Чѣмъ болѣе они сходны съ образами воспоминанія, тѣмъ болѣе они будутъ тормазить ихъ свободное появленіе. Мы можемъ имѣть воспоминаніе цвѣтовъ и тоновъ, когда касаемся какого-либо предмета, но едва-ли у насъ можетъ быть воспоминаніе о красномъ, когда мы ощущаемъ голубое, или воспоминаніе не о томъ тонѣ, какой мы слышимъ въ данный моментъ.

d. Не все переживаемое нами съ одинаковымъ удобствомъ доступно воспоминанію. Чѣмъ оно проще и однообразнѣе, тѣмъ легче оно исчезаетъ. Гдѣ больше сторонъ и связи, то лучше и удерживается. Поэтому чувства и настроєнія духа, какъ это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, вспоминаются только при помощи представлений, съ которыми они связаны, и мы легче вызываемъ въ памяти колебанія и переходы чувства, чѣмъ его самого. Общія ощущенія, самыя смутныя и нерасчлененныя изъ нашихъ ощущеній, нелегко и воспроизводятся. Мы можемъ вспомнить, что при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ мы чувствовали голодь или жажду, но при этомъ не возникаетъ голода или жажды. Наоборотъ, высшія чувства, какъ осязаніе, слухъ, зрѣніе, даютъ ясныя и отчетливыя образы воспоминанія, и міръ воспоминанія у зрячихъ населенъ даже главнымъ образомъ зрительными представленіями. Мы лучше вспоминаемъ самыя отношенія, чѣмъ отдѣльныя члены его, форму — лучше, чѣмъ содержаніе. Между формами лучше всего вспоминаются оиать-таки тѣ, которыя напечатлѣлись съ наибольшею отчетливостію. Такъ пространственныя отношенія вспоминаются лучше, чѣмъ отношенія времени, а эти, въ свою очередь, лучше, чѣмъ общія отношенія различія. Въ виду того, что пространственныя отношенія сохраняются легче, они служатъ основою такъ называемой мнемоники, подобно оправѣ, въ которую можно вдѣлать и укрѣпить весь матеріаль воспоминанія (*memoria localis*).

8a. Если мы отдаемся теченію нашихъ представлений, то образы всплываютъ какъ бы «сами собой». То же было и съ ощущеніями. Во всякомъ случаѣ у насъ является чувство, что представленія такъ

же мало зависять отъ насъ, какъ и непосредственныя раздраженія. Какъ тѣ, такъ и другія мы должны принимать, какъ они есть и какъ они являются. Особенно, если между всплывающими и предшествовавшими представленіями существуетъ большая противоположность и различіе, то они кажутся необъяснимыми. Здѣсь какъ бы нѣтъ никакой связи слѣдствія съ причиной. Если прибавить къ этому неожиданность, съ которою иногда появляются представленія, то не удивительно, что многіе, не допуская въ физическомъ мірѣ перерыва причинности, думаютъ, что міръ души не подчиненъ твердымъ законамъ. Мы уже видѣли (см. III), что міръ сознанія не есть нѣчто замкнутое; онъ понятенъ, лишь когда мы предполагаемъ взаимодѣйствіе между сознательною и бессознательною дѣятельностью. Не всѣ условія для возникновенія душевнаго состоянія даны въ сознательной жизни представленій и чувствъ; бессознательныя, прирожденныя или приобрѣтенныя склонности и инстинкты играютъ часто очень большую роль, и наблюдатель знакомится съ ними только по ихъ дѣйствіямъ. Поэтому законы взаимодѣйствія сознательныхъ представленій являются лишь руководящими нитями, когда мы пытаемся понять смѣну явленій сознанія, эмпирическими законами, при помощи которыхъ мы приводимъ въ порядокъ хаосъ нашихъ опытовъ. Но въ той мѣрѣ, въ какой мы можемъ отыскать подтвержденіе этимъ законамъ путемъ ближайшаго изслѣдованія психическихъ явленій, находить себѣ оправданіе предположеніе причинной связи, съ которымъ изслѣдователь обращается какъ къ внутреннему, такъ и внѣшнему міру. И если какое-либо явленіе не достаточно объясняется этими законами, то мы приходимъ къ заключенію, что или есть законы, которыхъ мы не знаемъ, или связь между явленіями слишкомъ запутана, чтобы ее можно было свести къ простой точкѣ зрѣнія.

б. Мы уже встрѣчались съ законами связи представленій. Мы видѣли, какъ ощущеніе сливается съ слѣдами прежнихъ ощущеній (A съ a), и какъ крѣпкая и повторная связь ощущеній ($ABCD$) въ результатѣ даетъ также прочную связь соотвѣтствующихъ представленій ($abcd$), такъ что, когда пробудить одно изъ нихъ, то оно будетъ имѣть склонность повлечь за собою и другія. При возникновеніи *чувственныхъ воспріятій* и при *освобожденіи представленій* дѣйствуютъ тѣ же законы, что и при *соединеніи свободныхъ представленій*. Разница въ томъ, что въ послѣд-

немъ случаѣ мы знаемъ отдѣльные члены, въ качествѣ самостоятельныхъ элементовъ сознанія, до ихъ соединенія, тогда какъ при связи между ощущеніемъ и связаннымъ представленіемъ мы знаемъ лишь результатъ ея. Только анализъ раскрываетъ сложный характеръ чувственного воспріятія. Между тѣмъ соединенія представлений могутъ также быть до такой степени прочными и устойчивыми, что мы забываемъ, изъ какихъ элементовъ возникли эти соединенія. Нѣкоторыя изъ величайшихъ загадокъ въ психической области обязаны своимъ происхожденіемъ подобнымъ укоренившимся соединеніямъ представлений, возникновеніе и исторія которыхъ забыты. Теорія неразрывной ассоціаціи — самое главное оружіе новой англійской школы противъ ссылокъ на апіорныя прирожденные идеи и формы сознанія. Эта теорія исходитъ изъ вѣрнаго предположенія: то, что является намъ единствомъ и въ необходимой связи, можетъ возникнуть однако и путемъ сліянія различныхъ элементовъ. Поэтому эта теорія требуетъ болѣе глубокаго и широкаго психологическаго анализа, чѣмъ тотъ, которымъ довольствуется психологія догматическаго отѣнка. Такъ онъ приложимъ къ соединеніямъ, которыя образовались не въ собственномъ сознаніи индивидуума, но являются наслѣдствомъ прежнихъ поколѣній, или благодаря прирожденной организаціи, или благодаря преданію и языку.

Если дано извѣстное представленіе (a), то оно можетъ вызвать другія представленія въ двухъ направленіяхъ. Или оно пробудитъ представленія такого же рода и содержанія, какъ оно само (a_2, a_3, a_4, \dots), или представленія, объекты которыхъ обыкновенно встрѣчаются въ связи съ его собственнымъ объектомъ ($a b c d$ въ соотвѣтствіи съ $A B C D$). Это два главныхъ закона — законъ сходства и законъ внешней связи (смежности). Родственное отъ природы — связано между собою, а что встрѣчается въ связи, то связано и въ сознаніи. Мы увидимъ, что между двумя главными законами находится переходная форма, въ которой сходится тотъ и другой.

I. Соединеніе представлений по сходству (психологическая формула: $a_1 + a_2$).

1) Прежде всего здѣсь надо назвать отношеніе равенства (психологическаго тождества). Это отношеніе обнаруживается при чувственномъ воспріятіи, когда ощущеніе вызываетъ (связанное) представленіе и сливается съ нимъ. Вотъ гдѣ исходная точка

всего того вліянія, которое ощущение может оказывать на сознание, ибо какъ бы оно ни было способно вызвать извѣстныя состоянія и много обѣщающія дѣйствія, все-таки первое условіе заключается въ инстинктивномъ узнаваніи, т.-е. въ томъ, чтобы ощущение имѣло въ сознаніи точку опоры. Эта точка опоры (a_2) и будетъ потомъ исходною точкой для дальнѣйшихъ вліяній. — Узнаваніе, какъ уже было указано, можетъ имѣть мѣсто не только при повторномъ ощущеніи, но и при повторномъ свободномъ представленіи. Въ первомъ случаѣ сливаются A и a_2 , въ послѣднемъ — a и a_2 (если обозначать, какъ и прежде, ощущенія большими, а представленія — маленькими буквами).

2) Слѣдующее затѣмъ простѣйшее соединеніе по сходству состоитъ въ томъ, что узнаваніе ведетъ къ представленію о прежнемъ опытѣ *того же рода*. Когда я узнаю кого-либо, то мнѣ естественно представляется видъ этого человѣка при нашемъ послѣднемъ свиданіи. Яблоко, лежащее передо мною на столѣ, возбуждаетъ въ моемъ представленіи образъ рокового яблока на древѣ познанія (по одной старой гравюрѣ). «Большой шерстяной клубокъ напоминаетъ мнѣ о первомъ обученіи физической географіи: клубокъ вращался около спицы и двигался вокругъ предмета, укрѣпленнаго посерединѣ стола» *). При видѣ портрета мнѣ приходитъ въ голову и самъ человѣкъ. Еще шагъ далѣе, и получается представленіе о людяхъ, похожихъ на того, кого я вижу, т.-е. имѣющихъ сходныя съ нимъ черты (такъ леди Макбетъ останавливается передъ убійствомъ стараго короля, потому что онъ похожъ на ея отца), или сходныхъ съ нимъ характеромъ и участіемъ (такъ при мысли о Наполеонѣ я непременно думаю объ Александрѣ и Цезарѣ, при мысли о Бурбонахъ думаю о Стюартахъ).

3) Послѣдніе примѣры естественно приводятъ насъ къ дальнѣйшимъ отношеніямъ сходства, къ *аналогіямъ*, параллелямъ, *метафорамъ* и аллегоріямъ, играющимъ большую роль на первичныхъ ступеняхъ сознанія. Мы уже упоминали, что въ языкѣ всѣ названія душевныхъ явленій заимствованы изъ аналогичныхъ тѣлесныхъ опытовъ (см. I, 3). По *Максу Мюллеру*, въ развитіи человѣческаго рода есть періодъ, который можно назвать мифологическимъ, ибо «всѣ тѣ мысли, которыя выходили за тѣсный

*) Изъ любезно сообщеннаго мнѣ собранія ассоціацій идей.

горизонтъ повседневной жизни, выражались по необходимости метафорами; эти метафоры еще не стали тѣмъ, чѣмъ онѣ являются для насъ, именно—простыми выраженіями, вошедшими въ обиходъ благодаря привычкѣ и преданію, но понимались еще на половину въ ихъ первоначальномъ, на половину въ ихъ измѣненномъ характерѣ». Изъ корней, обозначающихъ сіяніе, блескъ, образовались названія для солнца, мѣсяца, звѣздъ, для глазъ челоуѣка, для золота, серебра, для игры, радости, для счастья и любви. *Максъ Мюллеръ* различаетъ между *корневыми* и *поэтическими метафорами*. Корневая метафора получается, когда изъ корня съ довольно неопредѣленнымъ значеніемъ развивается рядъ словъ съ болѣе опредѣленнымъ значеніемъ, при чемъ каждое слово само по себѣ сходно съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ значеніемъ. Такъ, напр., корень, обозначающій сверканіе, служитъ для образованія названій не только для солнца и огня, но и для весны, утренней зари, ясности мысли и для хвалебнаго гимна. Поэтическая метафора получается при переносѣ словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ для обозначенія другихъ предметовъ. Такъ солнечные лучи названы руками и ногами солнца, дождевые тучи — коровами съ тяжелымъ выменемъ, молнія — стрѣлой или змѣей и т. д. *).—Еще и теперь поэтъ часто находитъ связь тамъ, гдѣ прозаическій глазъ слѣпъ. Въ силѣ ритма надъ танцующей парой онъ видитъ, напр., символъ мірового закона, которому повинуются тѣла небеснаго пространства (*Шиллеръ*: «Пляска»).—Записывая рядъ ассоціацій изъ моего собственнаго опыта, я былъ пораженъ, какъ легко и быстро появляется метафорическое значеніе даже въ томъ случаѣ, когда оно подходило не совсѣмъ близко (напр., при словахъ: напыщенность, туманъ и позолоченный).

II. **Соединеніе представленій по отношенію цѣлаго къ частямъ** (психологическая формула: $a_1 + [a_2 + b + c]$).

Переходомъ между ассоціаціями по сходству и смежности являются такіе случаи, когда представленіе, вызванное по сходству съ другимъ представленіемъ или ошущеніемъ, само ведетъ за собою цѣлую группу другихъ связанныхъ съ нимъ представленій **).—Когда видъ огня въ печи (*A*) вызываетъ представленіе

*) *Max Müller*: Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, нѣм. переводъ Беттигера, II, стр. 339 и слѣд. (русскій переводъ *А. Чудинова*, Воронежъ 1865).

**) *Вундтъ* относитъ этотъ случай къ ассоціаціи по внѣшней связи (*Phys.*

о кузницѣ, то огонь кузницы (a_2) представляетъ связующій членъ, съ которымъ всплываютъ также образы другихъ предметовъ въ кузницѣ ($b+c$).—Сумасшедшій король Лиръ хочетъ утѣшить слѣпого Глостера въ его несчастіи; утѣшеніе напоминаетъ ему проповѣдь, во время которой ораторъ, по обычаю пуританскихъ проповѣдниковъ, держитъ въ рукѣ шляпу; войлокъ шляпы приводитъ его къ представлению возможной военной хитрости: окутать копыта лошадей войлокомъ, чтобы безъ шума напасть на враговъ *). И такимъ путемъ, благодаря побочнымъ чертамъ, онъ строитъ себѣ одну сцену за другой.—При полномъ безуміи (*démence*), когда кругъ представлений подвергается разложенію, связь представлений опредѣляется только одинаковымъ звукомъ словъ [ассонансъ] **); сходство звуковъ можетъ вызвать всѣ представленія, связанные съ словомъ. И въ нормальномъ состояніи всякое слово уже однимъ своимъ звукомъ вызываетъ извѣстныя ассоціаціи ***).

Когда представленія *свойствъ или дѣйствій* вызываютъ представленія *вещей или лицъ*, то получается тоже ассоціація между частью и цѣлымъ; строится цѣлая группа представлений, благодаря тому, что одно изъ нихъ было вызвано въ силу сродства.—То же самое бываетъ, когда представленіе причины вызываетъ представленіе слѣдствія. Мы строимъ всю связь, звеньями которой являются какъ причина, такъ и слѣдствіе. Представленіе о

Psych. II, стр. 300); *Zibberny* относитъ его къ сочетанію по сродству (*Psychologie*, 1856, стр. 230); лучше же всего его можно разсматривать, какъ одну изъ переходныхъ формъ.

*) Будь же твердь;

Ты знаешь, съ плачемъ мы на свѣтъ родимся,

Кричимъ и вопимъ, чуть понюхавъ воздухъ.

Скажу я проповѣдь тебѣ. Вниманье!

.

Какъ эта шляпа хороша! Я хитрость

Претонкую придумалъ. Надо взять

Полкъ конницы и лошадей копыта

Обвить соломой. Я устрою это,

Къ зятьямъ своимъ подкрадусь и тогда

Бей! бей! бей! бей! бей! бей!

(По переводу *А. Дружинина* IV, 6).

**). *Griesinger*: *Pathol. und Therapie der psych. Krankheiten*, 2-е изданіе, стр. 374.

***). *Tegnér*: *Språkets makt öfver tanken*, Стокгольмъ 1880, стр. 25 и слѣд.

движеніи планеты приводитъ къ представленію о тяжести, при чемъ мы представляемъ себѣ планеты, какъ звенья солнечной системы. Такова же и ассоціація представленія *цѣли* съ представленіемъ *средствъ*.

III. Соединеніе представленій по внѣшней связи (смежность) (психологическая формула: $a+b$).

Ощущенія, которыя постоянно появляются вмѣстѣ, вызываютъ также и представленія въ той же связи. Такимъ путемъ образуется *представленіе объ отдѣльномъ предметѣ*. Извѣстныя зрительныя (желтый цвѣтъ), обонятельныя, осязательныя (гладкость) и вкусовыя представленія связываются въ *одно* представленіе (яблока). Что въ нашемъ опытѣ являлось вмѣстѣ въ *пространствѣ* и *времени*, то вообще и въ нашемъ представленіи будетъ встрѣчаться вмѣстѣ, хотя бы оно и не представляло законченнаго цѣлага. Представленіе о человѣкѣ естественно ведетъ къ представленію объ его домѣ, его друзьяхъ и т. д., представленіе объ игрокѣ—къ представленію о зеленомъ столѣ, представленіе объ обломкахъ корабля—къ представленію о берегѣ и т. д. Сверхъ того, событіе естественно связано съ временемъ и мѣстомъ, гдѣ оно произошло.

Самымъ важнымъ примѣромъ соединенія представленій по внѣшней связи является соединеніе между *предметомъ* и *знакомъ* для него. Душевное волненіе и внѣшнее выраженіе его естественно связаны въ представленіи. При словѣ «испугъ» фантазія представляетъ себѣ судорожное движеніе, блѣдность и т. под. Греческое слово, означающее бѣгство (phobos), въ послѣдствіи получило значеніе страха. *Языкъ*—такой же знакъ. Онъ вызванъ первоначально частью благодаря *непроизвольному порыву* при воспріятіи явленія, отличающагося чѣмъ-нибудь особеннымъ, или затрогивающаго благосостояніе человѣка, частью благодаря *непроизвольному подражанію* звуковымъ явленіямъ (грому, плеску, звону, крику звѣрей и т. д.), а затѣмъ служить средствомъ для *взаимнаго пониманія* людей. «Точно такъ же, какъ отдѣльный человѣкъ въ своемъ состояніи, бѣдномъ представленіями и самодѣльными формами выраженія, склоненъ былъ при одномъ и томъ же представленіи возвращаться къ одному и тому же выраженію его (къ тому же звуку), такъ точно звукъ сталъ общимъ достояніемъ, благодаря повторенію въ видѣ отвѣта и благодаря склонности къ подражанію, обнаруживающейся какъ разъ

въ этотъ періодъ жизни, когда звуки не получили еще опредѣленныхъ значеній. Такъ и образовалась *общая мноимъ людямъ связь между этимъ звукомъ и представленіемъ, возникающимъ въ души*... и такъ было найдено средство для того, чтобы сообщать и понимать это представленіе*). Почему именно звукъ является всеобщимъ знакомъ для всѣхъ ощущеній и чувствованій,— это, вѣроятно, можно объяснить тѣмъ, что онъ располагаетъ обиліемъ отгѣнковъ для выраженія чувствъ. Уже въ животномъ мірѣ крикъ является произвольнымъ отвѣтомъ на то, что производитъ на особь сильное впечатлѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сигналомъ для другихъ особей. Крикъ боли предостерегаетъ, а чарующіе звуки ведутъ къ соединенію половъ. По *Дарвину*, способность производить звуки развилась у предковъ человѣка во время полового подбора, а потому она и связана съ самыми сильными душевными волненіями, какъ пламенная любовь, ревность и торжество. Значить, эта способность должна была появиться раньше членораздѣльной рѣчи**). Въ различныхъ ощущеніяхъ есть та общая черта, что всѣ они, каждое по-своему, влияют на чувство; слѣдовательно, не удивительно, что всѣ они въ концѣ концовъ переводятся на языкъ чувства.

с. Особенное вниманіе было обращено на первый и третій законъ ассоціаціи. Пытались еще больше упростить дѣло, отвергнувъ одинъ изъ этихъ законовъ или сведя оба къ одному. Въ англійской психологіи долгое время преобладало желаніе полагать въ основаніе законъ смежности и всякое соединеніе въ сознаніи объяснять привычнымъ соединеніемъ во времени и пространствѣ. Такъ это было еще у *Томаса Гоббеса*, основателя англійской психологіи (*Human nature* 1640), а впоследствии, напр., у *Джемса Милля*. Это принципъ крайней «ассоціаціонной психологіи»***). Она понимаетъ сознаніе, какъ рядъ или пучокъ ощущеній и представленій, а потому, оставаясь послѣдовательною, и не можетъ признать другой связи, кромѣ той, которая осно-

*) *Mådvig*: Om Sprogets Væsen, Udvikling og Liv (о сущности, развитіи и жизни языка, университетская программа), Копенгагенъ 1842, стр. 9 и слѣд.

***) *The Expression of the Emotions*, Лондонъ, 1872, стр. 87.

***) Выраженіе „ассоціація идей“ введено *Локкомъ*. Онъ однако разумѣть подъ нимъ извѣстныя индивидуальныя свойства, но не дѣлаеть изъ „ассоціаціи идей“, подобно Гоббесу и младшей школѣ, единодержавнаго психологическаго принципа.

ывається на внѣшней встрѣчѣ. Соединеніе по сходству становится при такихъ условіяхъ лишь частнымъ случаемъ соединенія по внѣшней связи, такъ какъ именно сходные и родственные опыты, въ силу природы вещей, часто и являются одновременно или въ непосредственномъ преемствѣ. Легко усмотрѣть искусственность этого пониманія. Кромѣ того оно противорѣчитъ тому факту, что нерѣдко, какъ разъ благодаря сходству, мы сопоставляемъ раздѣленное временемъ и пространствомъ. Конечно, Цезарь, Александръ и Наполеонъ часто встрѣчаются въ нашемъ представленіи, но это происходитъ какъ разъ отъ того, что они такъ часто были предметами сравненія. Отдѣльныя части математическаго доказательства легко слѣдуютъ въ памяти одна за другой, если мысль уже хоть разъ соединила ихъ между собой.

Ассоціацію по сходству не только нельзя объяснять ассоціаціей смежности, но наоборотъ — *всякая ассоціація смежности предполагаетъ ассоціацію по сходству* или, по крайней мѣрѣ, непосредственное узнаваніе. Чтобы *A* возбудило представленія *B*, *C*, *D*, одновременно съ которыми оно обыкновенно возникаетъ въ сознаниі, необходимо, чтобы *A* какъ бы доказало свое тождество. Значитъ, *A* должно произвести *a*, и только уже *a* влечь за собой *b*, *c* и *d*. Слѣдовательно, сходство оказывается ядромъ всякаго соединенія представленій; внѣшняя связь можетъ дѣйствовать лишь при предположеніи внутренней. Когда яблоко на столѣ наводитъ меня на мысль объ Адамѣ и Евѣ, то это совершается лишь потому, что я подумалъ объ яблокѣ древа познанія, хотя, можетъ быть, такъ быстро, что этого не помню или не сознаю. Ассоціація по сходству, лежащая въ основаніи ассоціаціи смежности, легко ускользаетъ отъ нашего вниманія. Точно такъ же, какъ мы можемъ получать слѣдъ отъ ощущеній, не замѣчая его (смотри III, 6), такъ можетъ быть возбужденъ рядъ представленій, хотя мы и не замѣчаемъ, что они, благодаря сходству, составляютъ одну цѣпь съ прежнимъ представленіемъ. Разъ во время прогулки я вдругъ крайне живо вспомнилъ швейцарскій горный видъ и при ближайшемъ размысленіи увидѣлъ, что онъ, вѣроятно, былъ вызванъ видомъ величественной массы облаковъ на горизонтѣ; сходство массы облаковъ съ горами пробудило во мнѣ, — а я думалъ совершенно о другомъ, — цѣлый рядъ ассоціацій, которыя, наконецъ, вполне завладѣли моимъ вниманіемъ. Подобно узнаванію, такая ассоціація можетъ про-

исходить до такой степени легко и быстро, что она едва-едва выходит за порогъ сознания. Такъ это бываетъ, именно, когда предметъ отождествленія намъ очень хорошо знакомъ, и съ нимъ не связано особеннаго интереса. Все же эта ассоціація является переходнымъ звеномъ, котораго нельзя отбрасывать, какъ бы оно ни поглощалось безсознательной областью.—Здѣсь можно указать и на то, что «психическое отношеніе» раздраженія, т.-е. его интересъ и связь съ сознаниемъ соннаго человѣка, способно пробудить отъ сна. И здѣсь мы находимся на границѣ между сознательнымъ и безсознательнымъ (см. III, 9).

Однако отъ того, что ассоціація по сходству лежитъ въ основаніи ассоціаціи по смежности, послѣдняя не теряетъ своего самостоятельнаго значенія. Съ однимъ узнаваніемъ и отождествленіемъ не далеко бы ушла жизнь представленія. Благодаря ассоціаціи по смежности, сознание принимаетъ и сохраняетъ обильный матеріалъ; затѣмъ полученный матеріалъ мало-по-малу приводится въ порядокъ по принципу сходства. При каждомъ соединеніи представлений дѣйствуютъ рядомъ два закона: наклонность центробѣжная и центростремительная. Оба закона у различныхъ людей проявляются въ разной степени, смотря по ихъ натурѣ и способностямъ. Нѣкоторые стремятся къ накопленію разнообразнаго матеріала представлений и воспріятій; стремленіе другихъ, напротивъ, направлено на приобрѣтеніе возможно большаго количества простыхъ и ясныхъ точекъ зрѣнія, почему они и сосредоточиваютъ свой интересъ на общемъ и типичномъ. Историческая ученость и спеціализація по отдѣльнымъ наукамъ слѣдуютъ первому направленію; математическія и философскія изслѣдованія идутъ по другому. Только художественный гений въ состояніи соединить частное и типичное въ одно цѣлое.

Но существуетъ психологическая точка зрѣнія, съ которой оба закона можно привести къ *одному основному закону* *). Сколько бы ни встрѣчалось разныхъ ощущеній и представлений одновременно или непосредственно другъ за другомъ въ нашемъ сознаниі, все-таки они не остаются совершенно разобщенными. Они охватываются тѣмъ же сознаниемъ, благодаря дѣятельности котораго они и возникли. Какъ они дѣйствуютъ другъ на друга

*) Ср. *Kant*: Kritik der reinen Vernunft, изд. Кербаха, стр. 116 и слѣд., 125 (переводъ Владиславлева, стр. 96, 114). — *Fries*: Neue Kritik I, стр. 114 и слѣд. — *William Hamilton*: Lectures on Metaphysics I, стр. 233.

и связаны между собою, это опредѣляется формой и направлениемъ, которыя принимаетъ въ данный моментъ *объединительная дѣятельность сознанія*. Съ другой стороны, каждое представленіе само по себѣ дѣйствуетъ на общее состояніе сознанія въ данную минуту. Если же одно изъ этихъ ощущеній или представленій возобновляется и влечетъ за собою остальные, то тутъ собственно дѣйствуетъ *склонность вызвать вновь то общее состояніе или общую дѣятельность*, къ которой принадлежали всѣ представленія. Глубочайшую основу всякаго соединенія представленій слѣдовало бы такимъ образомъ искать въ *единствѣ всякаго духовнаго состоянія и всякой духовной дѣятельности*, налагающемъ общій отпечатокъ на всѣ простые элементы. Итакъ, съ этой точки зрѣнія *ассоціація между частями и цѣлымъ* была бы *типичною формою всякой ассоціаціи*. Этотъ основной законъ всякаго соединенія представленій можно бы назвать *закономъ цѣльности*.

Съ этой точки зрѣнія ассоціаціи по сходству и смежности не являются двумя отдѣльными формами, исключаящими другъ друга, но переходятъ одна въ другую, точно такъ же, какъ уже и изъ предыдущаго видно, что существуетъ переходная форма, родственная обѣимъ ассоціаціямъ, — такая форма, которая теперь *оказывается типомъ всякой ассоціаціи*. Если мы возьмемъ формулу $a_1 + (a_2 + b + c)$, то легко показать, что ассоціаціи по сходству и смежности представляютъ лишь крайніе случаи ея. Именно, когда b и c уменьшаются въ силѣ и ясности до безконечности, мы приходимъ къ формулѣ ассоціаціи по сходству: $a_1 + a_2$, какъ къ предѣльному случаю. — Еще иначе ассоціацію цѣльности можно свести къ ассоціаціи по сходству. Чѣмъ болѣе будетъ преобладать представленіе обѣ общихъ элементахъ ($a_1 + a_2$), тѣмъ сильнѣе въ силу подобнаго же контраста, о какомъ упоминалось раньше (стр. 139), выступитъ различіе другихъ элементовъ *). Такимъ образомъ цѣльность какъ бы распадается на двѣ части (a_2 и $b + c$), и ассо-

*) Ср. тутъ интересное наблюденіе *Штумпфа* (Tonpsychologie I, стр. 114): «сходство кажется намъ особенно яснымъ, когда цѣлое воспринимается нами, какъ цѣлое. Чѣмъ больше вниманія мы направляемъ на одинаковыя части, тѣмъ болѣе исчезаетъ впечатлѣніе сходства въ цѣломъ. Я замѣчаю сходство двухъ лицъ, ищу основанія его и нахожу сходныя глаза. Какъ только я замѣчаю это, различіе въ остальномъ овладѣваетъ вниманіемъ, даже почти больше, чѣмъ сходныя части, и сходство цѣлаго почти какъ бы исчезаетъ. Точно такъ же сходство двухъ звуковъ съ одинаковыми прибавочными тонами кажется мнѣ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ меньше я замѣчаю эти прибавочныя тоны».

ціація бываетъ только относительно первой части.—Когда же съ другой стороны узнаваніе a_2 и его слияніе съ a_1 происходитъ все быстрѣе и незамѣтнѣе, то мы приходимъ къ формулѣ ассоціаціи по смежности: $a+b$.—На опытѣ трудно указать случай, гдѣ бы не дѣйствовали вмѣстѣ какъ сходство, такъ и смежность. Итакъ, законъ *цѣльности* собственно и есть законъ ассоціаціи.

Но мы должны сдѣлать еще шагъ дальше. Преимущественно настроеніе, преобладающее во время каждаго отдѣльнаго состоянія души, опредѣляющее его и само опредѣляемое имъ, придаетъ ему особенный характеръ и такимъ образомъ производитъ общій элементъ (a), всегда бывающій налицо. Какъ при непосредственныхъ ощущеніяхъ, такъ и при теченіи представлений существенную роль играютъ *интересъ и опредѣляемое имъ вниманіе*. Мы никогда не бываемъ совершенно пассивными при ассоціаціи идей, точно такъ же, какъ и при своихъ ощущеніяхъ (стр. 123—127). Поэтому соединеніе нашихъ представлений въ каждый отдѣльный моментъ обуславливается не только отношеніями сходства и связи, но и господствующимъ чувствомъ. Приблизительно въ чистомъ видѣ эти законы соединенія представлений мы находимъ только въ тѣ моменты, когда настроеніе безразлично или, лучше, когда оно получаетъ, въ извѣстномъ отношеніи, такое направленіе, что въ данной области, благодаря ему, представленіе приводится въ порядокъ по сродству и связи. Первоначально практическіе цѣли и интересы склоняютъ вѣсы на сторону опредѣленнаго ряда представлений. Такимъ образомъ происходитъ нѣчто въ родѣ *выбора между возможными представленіями*, и тутъ открывается широкій просторъ для многихъ *безсознательныхъ вліяній*, которыя обнаруживаются даже тамъ, гдѣ мы, повидимому, только слѣдуемъ за потокомъ своихъ мыслей и не думаемъ управлять имъ. Интересъ снова приводитъ насъ къ *влеченію, инстинкту и темпераменту*,—этимъ скрытымъ источникамъ, о которыхъ часто можно знать только по ихъ дѣйствіямъ. *Связь между чувствомъ и представленіемъ сильнѣе и глубже связи представлений между собою*. Если бы всякое соединеніе представлений всегда основывалось на дѣйствительныхъ опытахъ индивидуума и на ихъ комбинаціяхъ по законамъ ассоціаціи идей, то сознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка было бы яснѣе и прозрачнѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.—Это не значитъ, что вліяніемъ со стороны чувства слѣдуетъ объяснять только недо-

статокъ въ связи, сводимой къ понятіямъ. Съ другой стороны, чувство болѣе, чѣмъ что бы то ни было, можетъ произвести прочную связь. Самымъ сильнымъ чувствомъ является то, которымъ охвачены у человѣка его идейныя или практическія цѣли. Это чувство побуждаетъ его искать средствъ для осуществленія цѣлей и тѣмъ даетъ основу для прочной связи между цѣлымъ кругомъ представленій *). Это заставляетъ насъ вспомнить о *реальномъ единствѣ жизни сознанія* (V B, 5) и о значеніи этого единства для нормальнаго существованія духовной жизни.

Болѣе обстоятельное изслѣдованіе вліянія чувства и воли на познаніе надо однако отложить до слѣдующаго отдѣла (VI F и VII B, 2). Тутъ слѣдуетъ только добавить, что если иногда въ ассоціаціи по *контрасту* видѣли спеціальныя случаи соединенія представленій, то относящіяся сюда явленія очень удобно можно объяснить вліяніемъ чувства, если ихъ нельзя понять еще проще—при помощи закона сходства или связи. Своеобразная особенность жизни чувствъ—это ихъ противоположности; съ самаго своего начала до конца жизнь чувствъ опредѣляется контрастомъ между удовольствіемъ и страданіемъ, и здѣсь дѣйствіе контраста обнаруживается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ области ощущеній. Послѣ сильнаго напряженія въ одномъ направленіи наступаетъ обыкновенно разслабленность, если не склонность направить интересъ въ противоположную сторону. Это все равно, какъ глазъ, насыщенный однимъ цвѣтомъ, ищетъ противоположнаго, дополнительнаго цвѣта. Этимъ можно бы объяснить потребность переходить отъ представленія свѣта къ представленію

*) Уже *Гоббесъ* указалъ, какъ мысль о цѣли скрѣпляетъ и приводитъ въ порядокъ сочетание представленій (Human nature, глава 4.—*Leviathan*, гл. 3).—Въ новое время *Вильямъ Гамильтонъ*, въ дополненіе къ закону сходства и смежности, выставилъ законъ интереса (ср. *Mansel: Metaphysics*, Эдинбургъ 1875, стр. 241 и слѣд.). Въ *Вундтовой* теоріи апперцепціи (сосредоточеніе сознанія), какъ волевого акта (*Phys. Psych.* II, стр. 205 и слѣд.), законъ интереса остроумно связанъ съ понятіемъ апперцепціи, установленнымъ Кантомъ и Лейбницемъ. Однако Вундтъ признаетъ, кажется, чересчуръ рѣзкую противоположность между ассоціаціей и апперцепціей, между пассивнымъ и активнымъ соединеніемъ представленій. Какова бы ни была ассоціація, она никогда не бываетъ совершенно пассивной,—да и вообще во всѣхъ областяхъ духовной жизни нельзя провести рѣзкой границы между пассивностью и активностью.—Уже у *Фриза* (*Neue Kritik der Vernunft.—Psychische Anthropologie*) есть дѣльныя и интересныя замѣчанія по этому вопросу.

тмы, отъ представленія великаго къ представленію малаго. Однако нѣтъ необходимости во всѣхъ случаяхъ искать склонности чувства къ противоположнымъ состояніямъ; объясненіе часто заключается въ отношеніи сходства или связи *). Контрасты относятся къ одному и тому же общему понятію, все равно какъ два полюса, изъ которыхъ каждый въ своемъ направленіи удаленъ отъ одного и того же центра. Карликъ и великанъ оба не подходятъ подъ обыкновенную мѣрку. Далѣе, теченіе жизни приводитъ къ тому, что противоположности смѣняются другъ друга, соприкасаются и переходятъ одна въ другую, подобно тому, какъ день смѣняетъ ночь, радость—печаль. Тутъ на ассоціацію можетъ вліять только внѣшняя связь **).

д. Если нельзя согласиться съ тѣми психологами, которые думаютъ, что явленіе забыванія очень трудно объяснить, тогда какъ воспоминаніе понятно само собою, то все же нельзя утверждать и наоборотъ, что представленія забываются «сами собою». Забываніе можетъ быть такимъ же великимъ искусствомъ, какъ и воспоминаніе, и вотъ почему Фемистокль, на просьбу Симонида научить его искусству памяти, будто бы отвѣтилъ, что онъ предпочелъ бы искусство забывать: «ибо я помню даже то, чего не хотѣлъ бы помнить, но не могу забыть того, что хочу забыть». Безразличное или маловажное исчезаетъ какъ бы само собою, но какъ разъ мучительныя представленія обыкновенно связаны съ такими глубокими опытами и обстоятельствами, что произвольное теченіе представленій не можетъ заглушить ихъ. Кромѣ того въ природѣ самого индивидуума можетъ лежать склонность съ извѣстнымъ упорствомъ держаться мучительныхъ представленій. При другихъ обстоятельствахъ какъ разъ трудно забываются представленія, связанные съ удовольствіемъ.—Здѣсь мы вкратцѣ разсмотримъ, какимъ образомъ представленіе можетъ быть болѣе или менѣе вполне вытѣснено изъ сознанія. Это законы забыванія, противоположные законамъ воспоминанія.

1) Прямо съ упорнымъ представленіемъ ничего не подѣлаешь. Искусство забывать (или, какъ его также называютъ, искусство

*) Ср. *James Mill: Analysis of the phenomena of the human mind*, 2-е изд., Лондонъ 1869, I, стр. 113 и слѣд.

**) Вопросъ о значеніи ассоціаціи по сходству обстоятельно рассмотрѣнъ Гесфдингомъ въ упомянутой статьѣ „Объ узнаваніи, ассоціаціи и психической самодѣтельности“. — Ред.

отвлеченія) можетъ состоять только въ томъ, что извѣстныя представленія вытѣсняются другими. Кто хочетъ забыть, тотъ долженъ найти сильныя и могучія представленія, въ которыя можетъ погрузиться его мысль. Каковы эти представленія (увеселеніе или покаяніе, работа или творчество), это зависитъ отъ характера и отъ того, чѣмъ данное лицо располагаетъ въ духовномъ отношеніи.—Искусство самовоспитанія основывается большею частью на умѣннѣ забывать. По счастью, какъ видно будетъ въ послѣдствіи, природа приходитъ на помощь искусству.

2) Во многихъ случаяхъ представленіе съ самаго начала связано съ другимъ представленіемъ такой силы и значенія, что послѣднее понемногу затемняетъ или вытѣсняетъ первое. Если маленькому ребенку показать что-либо рукою и затѣмъ отнять ее, то глаза ребенка обыкновенно слѣдятъ за рукою, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на предметъ. Если же предметъ, почему бы то ни было, въ состояніи привлечь вниманіе, то ребенку уже нѣтъ дѣла до руки. Это исторія всякаго истиннаго воспитанія (см. III, 4): авторитетъ ведетъ питомца къ истинѣ, которая, наконецъ, получаетъ самостоятельную силу и значеніе, такъ что первоначальный авторитетъ подвергается забвенію, подобно тому, какъ удаляются лѣса по окончаніи постройки дома. Если можно строить домъ безъ помощи лѣсовъ, то это, конечно, лучше всего. Такъ называемое искусство памяти, какъ и педагогика, часто придавало слишкомъ большое значеніе посредствующимъ членамъ, которые въ послѣдствіи бываетъ трудно удалить изъ сознанія.

3) Въ другихъ случаяхъ первое представленіе не исчезаетъ вполне, но вступаетъ, въ качествѣ второстепеннаго элемента, въ то представленіе, которое вызвано первымъ. При чтеніи буквы вызываютъ массу представлений и чувствованій; однако же самыя знаки не исчезаютъ вполне изъ нашего сознанія. При переносныхъ и образныхъ выраженіяхъ часто коренное значеніе еще чуть-чуть замѣтно гдѣ-то на заднемъ планѣ. Когда, наприм., говорятъ объ огнѣ вдохновенія, то у того, кто не слишкомъ привыкъ къ риторикѣ, все еще остается отблескъ представленія о настоящемъ огнѣ.

4) Итакъ, представленіе можетъ быть вытѣснено или совершенно чуждымъ ему представленіемъ, вызваннымъ произвольно изъ другихъ областей сознанія ($a < x$), или такимъ представленіемъ, которое оно влечетъ за собою ($a < b$), или оно можетъ

войти въ качествѣ второстепеннаго элемента въ составъ представленія, взявшаго верхъ ($\begin{smallmatrix} b \\ a \end{smallmatrix}$). Однако возможенъ еще четвертый случай. Представленіе можетъ сохранять свою самостоятельность относительно другого, къ которому оно примыкаетъ, и все же быть въ такой тѣсной связи съ нимъ, что возникаетъ новое представленіе, обусловливаемое первыми двумя, но такъ, что врозь ихъ нельзя замѣтить въ новомъ представленіи. Вотъ схема для этого случая: $ab = c$. Такимъ образомъ тутъ обнаруживается нѣчто въ родѣ психической химіи *); вѣдь, и при химическомъ соединеніи продуктъ обладаетъ другими свойствами, чѣмъ вещества, изъ которыхъ онъ возникъ. Исторія составныхъ словъ даетъ для этого достаточно примѣровъ. При словѣ «золото-промышленникъ» едва-ли оба представленія, «золота» и «промышленника», выступаютъ раздѣльно въ нашемъ сознаніи; а между тѣмъ первоначально это слово образовалось для того, чтобы отличить этотъ разрядъ промышленниковъ отъ другихъ. — Человѣческій языкъ прошелъ, повидимому, три ступени развитія. На первичной ступени каждое слово было корнемъ, а каждый корень былъ словомъ. Этотъ періодъ, когда каждый корень сохранялъ самостоятельность, Максъ Мюллеръ называетъ *корневымъ*; таковъ древне-китайскій языкъ. На слѣдующей ступени два корня соединяются въ одно слово; одинъ изъ нихъ въ такомъ случаѣ получаетъ перевѣсъ, а другой становится только окончаніемъ, почему эта стадія обыкновенно называется *терминаціонной*. Тутъ, повидимому, обѣ составныя части слова все же еще вызываютъ сами по себѣ самостоятельныя представленія, даже и въ томъ случаѣ, когда первоначальное значеніе окончанія утратилось. Напротивъ, на третьей ступени, представляемой арійскими и семитическими языками и называемой *флексионной* стадіей, корни сраслись до такой степени, что только ученые въ состояніи ихъ разложить **). — Представленіе о разстояніи кажется намъ совершенно простымъ и непосредственнымъ, а между тѣмъ оно, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы, результатъ ощущеній, которыхъ уже не замѣтно каждаго въ отдѣльности. — То же относится и къ представленію всякаго цѣлаго: мы получаемъ это представленіе благодаря упорной

*) Гертаи въ своихъ Observations of man впервые обратилъ вниманіе на это явленіе. Это частный случай „неразрывной ассоціаціи“.

***) M. Müller: Vorlesungen über die Sprache I, стр. 233, 246, 281.

переработкѣ частныхъ; цѣлое является объектомъ непосредственнаго воззрѣнія, «интуитивнаго знанія», въ которомъ исчезли всѣ дискурсивные *) элементы и процессы. Здѣсь участвуетъ упражненіе: чѣмъ чаще мы перебирали частности, тѣмъ лучше и легче можетъ сразу представляться намъ цѣлое. Послѣдовательное воспріятіе предшествуетъ одновременному (ср. стр. 130).

Такое превращеніе можетъ происходить болѣе или менѣе механически. Выраженіе въ языкѣ можетъ предшествовать мысли и вести ее за собою, какъ это, повидимому, бываетъ въ развитіи языка при переходѣ отъ окончаній къ флексіямъ. Но можетъ произойти и слянiе самихъ представленій, которое въ сущности обусловлено лежащимъ въ самой природѣ сознанія стремленіемъ къ единству и внутренней связи элементовъ.

9. Представленіе въ своей простѣйшей формѣ есть воспроизведенное ощущеніе. И въ этомъ смыслѣ оно просто, какъ и ощущеніе (стр. 115—120), и можетъ быть названо *единичнымъ представленіемъ*. Изъ такихъ единичныхъ представленій путемъ ассоціаціи по смежности (V B, 8b III) образуются составныя представленія, соотвѣтствующія составнымъ перцепціямъ (V B, 2); они относятся къ предметамъ, лицамъ, отношеніямъ и событіямъ и могутъ быть названы *индивидуальными представленіями*. Тутъ единичныя представленія соединены въ представленія объ индивидуальномъ цѣломъ. Между единичными представленіями, изъ которыхъ состоитъ индивидуальное, можетъ быть такая прочная и тѣсная связь, что мы бываемъ склонны допускать, что индивидуальному представленію въ объективномъ мірѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторое мистическое единство, именно то, что мы называемъ «вещью въ себѣ», въ отличіе отъ ея свойствъ.

Подобныя индивидуальныя представленія, однако, никоимъ образомъ не отличаются прочностью и постоянствомъ. Ихъ элементы могутъ мѣняться, и часто въ какой-нибудь моментъ они уже не тѣ, чѣмъ были въ предшествующій. Мое представленіе о столѣ, за которымъ я сижу, образовалось отъ соединенія различныхъ отдѣльныхъ представленій (извѣстнаго цвѣта, извѣстной степени твердости, формы, положенія и т. д.). Но каждый разъ,

*) Дискурсивнымъ называютъ логическое мышленіе, такъ какъ оно переходитъ отъ одного вывода къ другому. Дискурсивному мышленію противоположно интуитивное знаніе, гдѣ все содержаніе дано сразу.—Ред.

когда я смотрѣлъ на столъ, я видѣлъ его различнымъ образомъ: точка зрѣнія, освѣщеніе, положеніе никогда не были совершенно тѣ же; то одинъ, то другой элементъ (то цвѣтъ и твердость, то форма и положеніе) въ силу особыхъ обстоятельствъ привлекали мое вниманіе. Если же я приписываю себѣ представленіе о столѣ, и если я узнаю столъ помощью этого представленія, то, какъ видно, мое представленіе, чтобы подходить ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, можетъ содержать только извѣстныя общія точки или черты, которыя возобновляются всякій разъ, когда столъ передо мною. Только въ томъ случаѣ, когда мы восприняли какой-нибудь предметъ или отношеніе всего *одинъ единственный* разъ, у насъ можетъ быть вполне индивидуальный образъ этого предмета. Если было нѣсколько воспріятій, то различія сказываются въ большей или меньшей степени: такъ, наприм., родину мы представляемъ себѣ то при одномъ, то при другомъ освѣщеніи, и между элементами можетъ даже завязаться какъ бы борьба за рѣшающее вліяніе на характеръ представленія, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче и многостороннѣе былъ нашъ опытъ.

Такъ какъ мы не въ состояніи удерживать долгое время одного и того же образа воспоминанія (почему даже то, что мы называемъ — слѣдить за представленіемъ, въ дѣйствительности есть постоянное исчезновеніе и возникновеніе образа), то всякій разъ, когда одно и то же индивидуальное представленіе всплываетъ вновь, оно обладаетъ склонностью къ измѣненію формы. Элементы, господствующіе въ данное время, въ силу закона контраста, будутъ уступать мѣсто другимъ, болѣе свѣжимъ элементамъ. Весь вопросъ въ томъ, дѣйствительно-ли у насъ есть такія представленія объ отдѣльныхъ предметахъ и отношеніяхъ, которыя бывають не простыми только повтореніями отдѣльныхъ опытовъ и воспріятій? *Есть-ли у насъ общія или типическія представленія, къ которымъ подходятъ все наши отдѣльныя воспріятія?*

Вся трудность этого вопроса происходитъ отъ того, что *всякое полное представленіе предмета должно давать намъ его со всеми его чертами и свойствами*. Наши представленія всегда стремятся стать полными и индивидуальными, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ они живѣе, и чѣмъ больше на нихъ обращается вниманіе. А такъ какъ отдѣльныя черты и свойства мѣняются при каждомъ отдѣльномъ опытѣ, — никогда не бываетъ *абсолютнаго повторенія*, а всегда проявляются различныя оттѣнки и побочныя обстоятель-

ства,—то о данномъ предметѣ я имѣю не одно индивидуальное представленіе, а нѣсколько. Мы можемъ поэтому различать *конкретное индивидуальное представленіе* (о столѣ при такомъ-то освѣщеніи, съ такой-то стороны и т. д.) отъ *типическаго индивидуальнаго представленія* (объ этомъ столѣ въ противоположность другимъ столамъ). Въ какомъ же смыслѣ имѣемъ мы *типическое* индивидуальное представленіе?

Передъ психологическою трудностью, заключающейся здѣсь, остановились уже давно. Но на трудность привлекли вниманіе не индивидуальныя представленія, а *общія представленія*. Упускалось изъ виду, что наши представленія объ отдѣльныхъ предметахъ и отношеніяхъ, встрѣчающихся въ нашемъ опытѣ болѣе разу, точно такія же отвлеченныя представленія, какъ и общія представленія въ собственномъ смыслѣ. Мое представленіе о столѣ вообще точно такъ же относится къ различнымъ столамъ, которые я видѣлъ, какъ и мое представленіе объ этомъ опредѣленномъ столѣ—къ моимъ различнымъ воспріятіямъ этого стола. Общее представленіе возникаетъ отъ продолженія того же самаго процесса, благодаря которому образуется типическое индивидуальное представленіе. *Какъ конкретныя индивидуальныя представленія борются за рѣшающее вліяніе на типическое индивидуальное представленіе, такъ различныя индивидуальныя представленія борются за рѣшающее вліяніе на общее представленіе*. Если я хочу представить себѣ треугольникъ, то онъ будетъ или равнобедреннымъ, или равностороннимъ и т. д. Общихъ чертъ не достаточно, чтобы составить дѣйствительное представленіе. Какъ нельзя ѣсть овоща вообще, а или яблоко, или грушу и т. д., точно такъ же нельзя и представить овоща вообще. — Но съ психологической точки зрѣнія въ самомъ-ли дѣлѣ есть у насъ общія представленія?

Беркли первый обратилъ серьезное вниманіе на эту психологическую трудность (въ введеніи къ своимъ Principles of human knowledge). Обыкновенная теорія отвлеченія безъ дальнѣйшихъ разсужденій приписываетъ намъ способность «извлекать» общія свойства и законы и изъ нихъ составлять новыя, «отвлеченныя» представленія. Беркли какъ разъ и утверждалъ, что у него нѣтъ подобныхъ представленій, хотя другіе философы, какъ, напр., Локкъ, видѣли главное преимущество человѣка передъ животнымъ въ томъ, что онъ можетъ составлять такія представленія. «Я не могу,—говоритъ Беркли,—образовать отвлеченнаго пред-

ставленія о движеніи безъ двигающагося тѣла, о движеніи, которое не было бы быстрымъ или медленнымъ, криво- или прямолинейнымъ, и это относится ко всякой другой отвлеченной общей идеѣ». Всякое представленіе касается чего-либо совершенно индивидуальнаго и единичнаго. Типическія или общія представленія существуютъ только въ томъ смыслѣ, что мы можемъ пользоваться какимъ-нибудь конкретнымъ индивидуальнымъ представленіемъ, какъ примѣромъ или замѣстителемъ цѣлаго ряда индивидуальныхъ представленій. Итакъ, общность представленія значить не что иное, какъ пригодность его служить примѣромъ или замѣстителемъ.

Тутъ Беркли, безъ сомнѣнія, нашель рѣшающій пунктъ. Но является еще вопросъ, *путемъ какого психологическаго процесса представленіе является замѣстителемъ.*

При образованіи представленія объ отдѣльномъ предметѣ (конкретнаго индивидуальнаго представленія) дѣйствуетъ законъ смежности. При образованіи типическаго индивидуальнаго представленія и общаго представленія дѣйствуетъ законъ сходства. Отдѣльные опыты, какъ и отдѣльныя лица, имѣютъ общіе всегдашніе элементы, которые выступаютъ въ противоположность элементамъ, свойственнымъ каждому отдѣльному опыту, каждому отдѣльному лицу. Положимъ, что $A=ax$, $B=bx$, $C=cx$ —это три опыта; по закону сходства единичное представленіе x будетъ являться сознанию иначе, чѣмъ a , b и c . Свѣтъ узнаванія будетъ падать на него ярче. x составитъ прочное и свѣтлое ядро, вокругъ котораго будутъ помѣщаться a , b и c , какъ элементы потемнѣе и безъ такой прочной связи. Ошибка старой теоріи отвлеченія заключается въ предположеніи, будто x можно вынуть и представить само по себѣ. Одного x (отдѣльнаго свойства или нѣсколькихъ отдѣльныхъ свойствъ самихъ по себѣ) еще не достаточно, чтобы дать намъ индивидуальное представленіе, но оно должно быть представлено вмѣстѣ или съ a , или съ b , или съ c ; а какой случай наступитъ на самомъ дѣлѣ, это зависитъ отъ индивидуальныхъ отношеній.

Могло бы показаться, что для этого самое простое психологическое объясненіе то, которое придаетъ рѣшающее значеніе *взаимодѣйствию самихъ представленій.* Само собою разумѣется, что вслѣдствіе повторенія x будетъ являться гораздо чаще, чѣмъ a , b и c , а потому оно получитъ бѣльшую силу и прочность. На-

противъ, *a*, *b* и *c* будутъ затемнять и задерживать другъ друга. Общіе элементы держатся наверху, тогда какъ борьба другихъ элементовъ происходитъ у порога сознанія. Такимъ образомъ индивидуальныя черты стирались бы, а удерживались только общія.—Но это объясненіе привело бы насъ опять къ старой теоріи отвлеченія. Процессу пришлось бы закончиться тѣмъ, что остались бы одни общіе элементы, а это противорѣчитъ индивидуальному характеру всѣхъ отчетливыхъ представленій. Положимъ, мы думаемъ о лошади, свинѣ, тапирѣ и другихъ толстокожихъ. Общее всѣмъ имъ (*x*) заключается въ опредѣленіи толстокожихъ: «толстокожія это — млекопитающія, у которыхъ на копытахъ 1—5 пальцевъ, коренные зубы бугристы или складчаты, кожа толста и вообще лишь слабо покрыта шерстью, и у которыхъ нѣтъ жвачки». При всякой попыткѣ составить себѣ представленіе, соотвѣтствующее этому опредѣленію, прежде всего приходится выбрать количество пальцевъ, качество коренныхъ зубовъ и густоту шерсти, а затѣмъ надо свойства, данныя въ опредѣленіи (*x*), пополнить такими (*a*, *b* и *c*), которыя принадлежатъ или лошади, свинѣ, тапиру, или же другому виду толстокожихъ.

Можно бы вообразить, что индивидуальныя представленія сливаются въ *среднее представленіе* (такъ что *ax*, *bх*, *сх* всѣ вмѣстѣ производили бы *рх*) точно такъ же, какъ получается средняя фотографія членовъ одной семьи или класса *). Но даже если допустить, что есть подобныя «нагроможденныя представленія», все же пришлось бы ограничить ихъ такими случаями, гдѣ различія не слишкомъ велики. Поэтому сліяніе сходныхъ представленій, конечно, ограничено тѣсными предѣлами.

Какъ теорія среднихъ представленій, такъ и старая теорія отвлеченія предполагають, что при образованіи типическихъ и общихъ представленій рѣшающее значеніе имѣетъ только взаимодѣйствіе представленій. А между тѣмъ уже оказалось (VB, 8с), что ученіе о соединеніи представленій нельзя провести, не принимая во вниманіе другихъ сторонъ душевной жизни.

Часто мы, конечно, бываемъ такъ пассивны, что въ насъ, казалось бы, безраздѣльно царитъ произвольная игра представленій. Мно-

*) Galton: Inquiries into human faculty, стр. 349 и слѣд. (срав 12 и слѣд., 183 и слѣд.).

жество смутныхъ, неопредѣленныхъ и предварительныхъ общихъ представлений образуется, безъ сомнѣнія, путемъ чисто механическаго сліянія. Большею частью мы, однако, сами заинтересованы въ ходѣ нашихъ представлений. Мы имѣемъ опредѣленную *практическую цѣль*, для которой ищемъ средствъ, или опредѣленную *теоретическую задачу*, которую стремимся разрѣшить. Наше вниманіе будетъ поэтому сосредоточиваться на элементахъ, лежащихъ по направленію къ искомому, и уже не будетъ имѣть въ виду другихъ элементовъ, кромѣ тѣхъ, какіе необходимы, чтобы получить представленіе. И такое сосредоточеніе выдвинетъ первые элементы, какъ и вообще, вѣдь, вниманіе выдвигаетъ наши ощущенія и воспоминанія. Это будетъ происходить отнюдь не тамъ, гдѣ удерживаются сходныя точки, несмотря на большія различія. Именно *a, b* и *c* также стараются привлечь на себя вниманіе, и только въ томъ случаѣ, когда *цѣль* и *мотивъ для мысли* достаточно сильны, остаются въ сторонѣ задерживающія сочетанія представлений. Въ представленіи *ax* мы такимъ образомъ замѣчаемъ преимущественно *x*. Общія теоремы о треугольникахъ мы доказываемъ на любомъ треугольникѣ, остерегаясь обращать вниманіе на частныя особенности нарисованнаго треугольника (прямоугольный-ли онъ или тупоугольный и т. д.). Поэтому *общія и типическія представленія существуютъ въ томъ смыслѣ, что мы въ состояніи сосредоточивать вниманіе на извѣстныхъ элементахъ индивидуальнаго представленія*, такъ что другіе элементы остаются въ тѣни.

Однако было бы недоразумѣніемъ, — въ него впалъ отчасти и Беркли, благодаря своей усердной и плодотворной борьбѣ со старой теоріей отвлеченія, — думать, что мы начинаемъ съ единичныхъ представлений, затѣмъ образуемъ конкретныя индивидуальныя представленія, далѣе типическія индивидуальныя представленія и, наконецъ, общія представленія. Способность воспринимать конкретное и индивидуальное какъ разъ требуетъ большого искусства и навыка, и духовное развитіе надо измѣрять тѣмъ, какъ далеко оно ушло въ этомъ отношеніи, а не только способностью сосредоточивать вниманіе на типическомъ и всеобщемъ. Отчетливость и индивидуальность — относительныя понятія, и наши представленія съ этой точки зрѣнія могутъ проходить цѣлую скалу. *Представленія ребенка, какъ и первобытнаго человѣка, часто отличаются до нѣкоторой степени отвлеченнымъ, шат-*

кимъ и общимъ характеромъ, такъ какъ они не вполне точно воспринимаютъ и удерживаютъ индивидуальныя оттѣнки и различія. Сначала воспринимаются и сохраняются лишь отдѣльныя стороны предметовъ, и вотъ почему первичное сознаніе, по своей порывистости склонное придавать реальность всѣмъ своимъ представленіямъ, испытываетъ очень много разочарованій, видя полное тождество тамъ, гдѣ есть только сходство въ одномъ какомъ-либо отношеніи (V B, 4). Такъ, напр., ребенокъ всякаго взрослого называетъ отцомъ. Много выдумокъ и мѣткихъ наблюденій дѣтей находится въ связи съ ихъ отвлеченными и односторонними представленіями. Зоологія на низшей ступени своего развитія причисляла кита къ рыбамъ, летучую мышь — къ птицамъ. Индѣйцы желѣзо называютъ «чернымъ камнемъ», мѣдь — «краснымъ камнемъ». Бушменъ экипажъ путешественника-европейца называетъ «большимъ животнымъ бѣлаго человѣка». — Наши предварительныя представленія о вещи точно такъ же имѣютъ обыкновенно шаткій характеръ и являются лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ связи съ этимъ не безъ основанія указано на представленіе о предметахъ или отношеніяхъ, о которыхъ мы спрашиваемъ, или которыхъ ищемъ, — вообще на такія представленія, направленіе которыхъ въ общемъ опредѣлено, хотя и не дана частная форма предмета стремленія *). — Это вполне подтверждается, какъ замѣтилъ уже *Лейбницъ*, тѣмъ, что первоначальныя корни языка имѣютъ неопредѣленное и общее значеніе, которое лишь понемногу укладывается въ рамки и специализируется **).

Сильное и наивное довѣріе къ разъ образованнымъ представленіямъ ведетъ къ преувеличенію какъ различій, такъ и сходствъ. Ребенокъ, выучившій буквы, увидаль книгу, съ греческимъ текстомъ на одной страницѣ и латинскимъ на другой, и воскликнулъ: «это погречески, а вотъ это буквы» ***). Онъ не могъ расширить своего общаго представленія о буквахъ. Точно такъ же многія народности лишь свой языкъ считали за настоящій; языкъ другихъ народовъ представлялся имъ какимъ-то бурчаніемъ, или

*) *W. James*: въ *Mind*, январь 1884, стр. 15.

***) *Leibniz*: *Opera philosophica*, изд. Эрлмана, стр. 297. — *Max Müller*: *Vorlesungen über die Sprache*, I, стр. 326—332.

***) *Egger*: *Observations et réflexions sur le développement de l'intelligence et du langage chez les enfants*, Paris 1879, стр. 22.

бормотаніємъ, или дѣтскимъ лепетомъ, или звѣринимъ рычаніемъ. Варвары, греческое слово для всѣхъ неэллиновъ, означаетъ собственно тѣхъ, которые говорятъ грубо и нечленораздѣльно. Соотвѣтственныя слова и представленія найдены у древнихъ индѣйцевъ, евреевъ и арабовъ. Даже народъ хереро (отрасль кафровъ въ южной Африкѣ) находитъ рѣчь только у себя, а у другихъ народовъ видитъ только бормотаніе. Лишь при болѣе близкомъ знакомствѣ съ «варварами» греки открыли, что (по выраженію Страбона) «дѣло не въ недостаткѣ органовъ рѣчи, а въ особенности языковъ» *).—Точно то же было и съ понятіемъ «государства», котораго греки не хотѣли признавать у варваровъ.—Либеральнѣе были греки въ признаніи своихъ боговъ у другихъ народовъ; однако первые христіане были названы атеистами (ἄθεοι), и впослѣдствіи тѣмъ же именемъ часто клеймили и тѣхъ, у которыхъ понятіе Бога не сходилось съ обычнымъ.—Какой стоило борьбы съ узко ограниченными общими представленіями, прежде чѣмъ стало проникать воззрѣніе, что земля—планета, а солнце—неподвижная звѣзда!—Итакъ, развитіе жизни представленій состоитъ какъ въ обобщеніи, такъ и въ спеціализации, и возможно, что въ томъ и другомъ отношеніи приходится преодолѣть большое сопротивленіе.

10. Общія представленія могутъ образоваться и закрѣпляться въ сознаніи не безъ помощи языка. *Къ ассоціаціи по сходству однородныхъ элементовъ въ воспріятіяхъ и представленіяхъ присоединяется такимъ образомъ ассоціація по смежности между представленіемъ и его знакомъ* (8 в III).

Если даже языкъ съ самаго начала является преимущественно средствомъ для сообщенія готовыхъ представленій, а не для образованія и сохраненія представленій, и если даже соединенія представленій могутъ до извѣстной степени развиваться безъ помощи языка, все же есть моментъ въ развитіи духа, гдѣ языкъ становится необходимымъ средствомъ для дальнѣйшаго развитія.

Доказывая независимость процесса представленій, можно бы опираться на то, что маленькія дѣти имѣютъ представленія и мыслятъ, прежде чѣмъ научаются говорить,—что способность говорить въ болѣзненномъ состояніи можетъ утратиться, хотя раз-

*) L. Geiger: Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft I, стр. 300 и слѣд.

судокъ ничуть не страдаетъ,— и, наконецъ, на то, что во многихъ языкахъ недостаетъ словъ для представленій, которыхъ однако не можетъ не быть въ сознаниі даннаго народа.

Даже если нельзя маленькому ребенку приписывать языка, все же у него нѣтъ недостатка въ особенныхъ знакахъ, которые могутъ служить средствомъ для закрѣпленія представленій, вступающаго съ ними въ ассоціацію по смежности. Въ это время въ ребенкѣ преобладаютъ инстинктъ и чувство. Они обнаруживаются произвольно для самого ребенка, и если онъ самъ замѣчаетъ эти проявленія, то они вскорѣ становятся чѣмъ-то въ родѣ значковъ, благодаря которымъ воспріятіе или представленіе, вызвавшее чувство, получаетъ особый отпечатокъ, въ отличіе отъ другихъ представленій. Такимъ образомъ самое первое образованіе представленія не бываетъ совсѣмъ безъ всякой опоры, хотя бы такой опорой и не было слово.—Ребенокъ начинаетъ жизнь крикомъ, но самъ онъ не можетъ слышать его. Проходитъ однако немного времени, и дитя начинаетъ находить большое удовольствіе въ собственныхъ звукахъ. Изъ такихъ-то звуковъ, происшедшихъ на первыхъ порахъ произвольно, ребенокъ образуетъ себѣ первоначальный языкъ.—Уже шести мѣсяцевъ, если обратиться къ нему, онъ часто можетъ отвѣчать на этомъ языкѣ. Затѣмъ наступаетъ періодъ, когда онъ съ большей свободой пользуется этимъ инстинктивнымъ языкомъ и видоизмѣняетъ его, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ и подражаніе тому языку, который онъ слышитъ вокругъ себя *). На этой переходной ступени языкъ у каждаго ребенка вполне индивидуаленъ. Только на третьей ступени надъ ребенкомъ получаетъ силу исторически разившійся языкъ, и тутъ ужъ связь представленій совершается легче и живѣе.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что люди могутъ обходиться безъ рѣчи, послѣ того какъ они пользовались ею въ теченіе всей жизни. Конечно, въ такомъ случаѣ представленія должны быть достаточно сильны, чтобы хотя нѣкоторое время не нуждаться въ помощи символа. Сверхъ того у людей есть жесты и дѣйствія, благодаря которымъ могутъ утвердиться представленія. Замѣчательнымъ примѣромъ независимости представленій отъ

*) Эту характеристику я дѣлаю на основаніи запаса словъ двухлѣтняго ребенка.—Ср. также приведенное сочиненіе Эгера, стр. 20.—Preyer: Die Seele des Kindes, стр. 259 и слѣд.

слова, разъ они уже образовались, является 70-лѣтняя женщина, о которой упоминаетъ Кусмауль *). Вслѣдствіе апоплексическаго удара она потеряла способность говорить и писать; только приходя въ аффектъ, она могла произносить звуки. Между тѣмъ она могла читать и обнаружила большую энергію и смысленность, добиваясь права владѣть своимъ имуществомъ, отнятаго у нея на томъ основаніи, что она бѣдто бы слабоумна.

Если въ языкѣ нѣтъ выраженій для такого представленія, которое, по всей вѣроятности, у народа непремѣнно было, — такъ, по *Кастрену*, у самоѣдовъ нѣтъ выраженія для благодарности, — то это можно объяснять различнымъ образомъ. Возможно, что чувство это является инстинктивнымъ, произвольнымъ волненіемъ, которое еще не сдѣлалось объектомъ сознанія; отличительная черта ди-карей — та, что какъ въ дружелюбныхъ, такъ и въ эгоистическихъ чувствахъ они бывають дѣтьми минуты. Кастрень также добавляетъ, что самоѣдъ готовъ идти на смерть за того, кто ему сдѣлалъ подарокъ. Можно бы видѣть объясненіе и въ томъ, что самоѣды образовали не совсѣмъ такое общее представленіе, какъ мы, такъ что элементы того, что мы называемъ благодарностью, нашли себѣ выраженіе въ названіи сходной добродѣтели. Вѣдь, мы, наприм., не имѣемъ отдѣльнаго слова, чтобы выразить латинское *pietas* **).

Первоначальныя функціи познанія, ощущение и воспріятіе, не требуютъ опредѣленныхъ знаковъ языка. Но уже образъ воспоминанія можетъ нуждаться въ словѣ, если онъ не достаточно живъ и отчетливъ. Чѣмъ больше воспоминаніе и представленіе передають намъ дѣйствительность и приближаются къ воззрѣнію, тѣмъ болѣе они бывають независимы отъ слова (см. 7 а и б). Однако при поблеклыхъ, особенно при типическихъ и общихъ представленіяхъ, слово является существеннымъ пособіемъ. У нѣкоторыхъ людей мышленіе не что иное, какъ внутренняя рѣчь, и это до такой степени, что отъ напряженнаго мышленія они даже хрипнуть. Поэтому мышленіе назвали «процессомъ рѣчи, который незамѣтно совершается въ центральныхъ частяхъ», и

*) Die Störungen der Sprache, стр. 22.

***) *Tegnér*: Språkets makt öfver tanken, стр. 100—101. — Такъ гавайцы, по рассказамъ, имѣють лишь одно слово для любви, дружбы, благодарности, благорасположенія и уваженія: всѣ эти чувства они обозначаютъ словомъ *aloha* (*Max Müller*: Vorlesungen II, стр. 295).

онъ находится въ такомъ же отношеніи къ дѣйствительной рѣчи, въ какомъ воля находится къ дѣйствительному движенію *). Это согласно съ тѣмъ фактомъ, что представленія словъ у многихъ людей состоятъ въ двигательныхъ представленіяхъ, которыя соотвѣтствуютъ дѣятельности нервныхъ центровъ, управляющихъ мышцами членораздѣльной рѣчи, тогда какъ звукъ и начертаніе словъ проявляются лишь на второмъ планѣ, а у нѣкоторыхъ людей ихъ и совсѣмъ не бываетъ **). Итакъ, оживленное мышленіе переходитъ въ звуки тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе при каждомъ представленіи бываетъ иннервація мышцъ членораздѣльной рѣчи. У другихъ представленіе слова является въ сущности звуковымъ, а у иныхъ зрительнымъ представленіемъ, и наконецъ у разныхъ индивидуумовъ можетъ преобладать то одинъ, то другой видъ словесныхъ представленій. Въ этомъ отношеніи, а также что касается значенія словесныхъ представленій въ жизни представленій вообще, у разныхъ индивидуумовъ бываютъ большія различія ***).

При общемъ представленіи слово имѣетъ особенное значеніе. Здѣсь, вѣдь, совсѣмъ нѣтъ наглядности, и уже потребность въ наглядности легко можетъ привести къ смѣшенію типичнаго съ индивидуальнымъ. *Только съ помощью слова устойчивый и отчетливый центръ можетъ не поддаваться смѣшенію съ темнымъ и измѣнчивымъ очертаніемъ.* Слово какъ бы замѣняетъ невозможную наглядность, и если злоупотреблять имъ, то оно можетъ замѣнить даже общее представленіе.

Глухонѣмые, не выучившіеся говорить на пальцахъ, выражаютъ однако очень живо и своеобразно предметы и наблюденія посредствомъ жестовъ и подражательныхъ движеній. Но именно, благодаря этой своеобразности и конкретности ихъ знаковъ, имъ и невозможно составить ясныхъ и опредѣленныхъ общихъ представленій; эти послѣднія у нихъ не отличаются отъ индивидуальныхъ представленій. Такъ, мясо и ѣду они обозначаютъ, показывая на свое собственное тѣло, красный цвѣтъ — прикасаясь

*) Приведенное сочиненіе Л. Гейера I, стр. 58.

***) Stricker: Studien über die Sprachvorstellungen, Вѣна 1880, стр. 20, 33.

***) Ср. мою статью «Объ узнаваніи ассоціаціи и психической самодѣтельности» (Vierteljahrsschrift für wiss. Philos. XIV, 1890, стр. 174—179).—Подробно объ этомъ вопросѣ говорить G. Ballet: Die innerliche Sprache, пер. Бонгерса, Лейпцигъ и Вѣна 1890.

къ губамъ. Они могутъ выразить, какъ именно производится какая-либо вещь (какъ строятъ стѣну, выкраиваютъ платье и т. д.), но не могутъ выразить общаго представленія о производствѣ. Вотъ почему недостатокъ слуха и рѣчи такъ сильно вліяетъ на духовное развитіе глухонѣмыхъ *).

11. Благодаря опредѣленному очертанію представленій, являющемуся, не безъ помощи словеснаго значка, результатомъ сосредоточенія вниманія, дѣлается возможнымъ переходъ отъ представленія къ *понятію* и отъ простой ассоціаціи представленій къ *мышленію въ собственномъ смыслѣ*.

Мышленіе въ собственномъ смыслѣ не находится въ полной противоположности къ непроизвольному теченію представленій (точно такъ же, какъ къ чувственному воспріятію, см. V A, 5 и B, 3). Близость сказывается съ двухъ сторонъ. Въ мышленіи въ собственномъ смыслѣ совершается та же дѣятельность сознанія, которая проявляется и при всякомъ чувственномъ ощущеніи, воспріятіи и при ассоціаціи представленій, но только съ большею правильностью и по извѣстнымъ опредѣленнымъ принципамъ, т.-е. та *сравнивающая* дѣятельность, которую мы описали въ ея *элементарной, связанной и свободной* формѣ. И такое теченіе сравнивающей дѣятельности по опредѣленнымъ принципамъ возможно только благодаря тому, что возникаетъ извѣстный интересъ къ соединенію представленій въ такомъ видѣ, чтобы они могли устоять подъ напоромъ опыта. Подъ вліяніемъ этого интереса отыскивается извѣстный *маштабъ*, къ которому можно прикидывать всякое соединеніе представленій. Это предполагаетъ поворотъ, особенное пробужденіе вниманія и интереса. А подобнаго рода поворотъ въ свою очередь предполагаетъ, что въ сознаніи непроизвольно образовался такой богатый матеріалъ, приведенный уже въ нѣкоторый порядокъ, что оно принимаетъ довольно свободное положеніе по отношенію къ своимъ элементамъ. Наивное, первичное сознаніе не чувствуетъ потребности въ образованіи понятій, а пассивно переходитъ отъ одного разочарованія къ другому (V A, 4). Мышленіе въ собственномъ смыслѣ предполагаетъ способность не придавать значенія тому, что подъ рукой, а обращать вниманіе на тѣ элементы и отношенія, которые не бросаются въ

*) Tylor: Anthropology, Лондонъ 1881, стр. 119.—Oehlwein: Die natürliche Zeichensprache der Taubstummen und ihre psychische Bedeutung, Веймаръ 1867 (цитируется Прейеромъ: Die Seele des Kindes, стр. 406).

глаза. Съ одной стороны тутъ необходимо *самообладаніе*, благодаря которому не получаютъ хода представленія, возникающія сами собой, если они не относятся къ дѣлу, а съ другой—*положительное стремленіе* вызывать и собирать все, что касается поставленной задачи.

Въ этомъ отношеніи мышленіе является *дѣломъ воли*. Но воля никогда не можетъ творить изъ ничего; она можетъ лишь сформировать и измѣнить данныя произвольнаго характера. Логическое мышленіе отличается, главнымъ образомъ, критическимъ характеромъ; оно взвѣшиваетъ, разбираетъ и опредѣляетъ сходство, которое всегда въ концѣ концовъ является условіемъ ассоціаціи представленій,—условіемъ, къ которому произвольная дѣятельность сознанія относится не такъ строго. Но мышленіе разбираетъ не только данныя ассоціаціи представленій,— оно стремится поставить на ихъ мѣсто новыя, болѣе согласныя съ опытомъ. Оно твердо держится своего масштаба и бракуетъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ такого соединенія представленій, которое его удовлетворяетъ. Этотъ выборъ, какъ и всякій выборъ, основывается на ассоціаціи сходства или на сравненіи: выбирается *то*, что точнѣе и полнѣе *подходитъ* къ требованіямъ масштаба.

Мышленіе въ собственномъ смыслѣ не располагаетъ такими средствами и формами, которыхъ не было бы уже при произвольномъ теченіи представленій. Разница только въ степени; она зависитъ отъ *точности*, съ какой опредѣляется отношеніе сходства. То обстоятельство, что ассоціація представленій дѣлается предметомъ особеннаго интереса и сознательнаго выбора, не можетъ однако измѣнить законовъ ассоціаціи представленій. Мышленію въ собственномъ смыслѣ точно такъ же невозможно освободиться отъ этихъ законовъ, какъ невозможно, чтобы мы какою-либо искусственной машиной устранили законы внѣшней природы. Но психологическіе законы, точно такъ же какъ и физическіе, мы можемъ направить на служеніе нашимъ цѣлямъ.

Если мышленіе въ собственномъ смыслѣ есть дѣло воли, то этого нельзя понимать такъ, какъ будто акты нашего мышленія происходятъ всегда съ полнымъ сознаніемъ. Если мышленіе свободно и энергично, то оно проходитъ съ такой быстротой, что мы забываемъ сами себя. Раздумывая, мы «погружаемся въ размышленіе», совершенно подчиняемся мыслямъ. Но воля не со-

всѣмъ то же, что самоуглубленіе и самопринужденіе. Мы очень легко можемъ совсѣмъ забыть про себя и все-таки остерегаться случайной непровѣренной связи представленій, можемъ избѣгнуть непослѣдовательностей и ошибокъ. Мышленію, какъ и всякой другой дѣятельности, нуженъ навѣкъ. Прежде же, чѣмъ усвоить навѣкъ, часто надо бываетъ преодолѣть являющееся сопротивление, и въ усилии, необходимомъ для этого, ясно выступаетъ моментъ воли: данный принципъ, установленный масштабъ надо постоянно имѣть въ виду, какъ руководящую мысль (центръ ассоціаціи). Когда умѣлый мыслитель предается теченію своихъ мыслей, то тутъ требуется сосредоточить не меньше вниманія; но волевой моментъ тутъ скорѣе въ скрытомъ видѣ, такъ какъ его энергія соединяется съ энергіей привычнаго теченія представленій. Только когда встрѣчаются трудности и препятствія, онъ вновь выступаетъ съ большей опредѣленностью.

Дѣло логики, а не психологій, установить масштабъ для соединенія представленій и указать правила, которыя изъ него вытекаютъ для ассоціаціи представленій, согласной съ дѣйствительнымъ опытомъ. Логика есть ученіе о томъ, что дается искусствомъ, психологія—ученіе о томъ, что дано отъ природы. Но искусство вырастаетъ изъ природы и является продолженіемъ природы. Однако и съ психологической точки зрѣнія крайне интересно видѣть, что мѣриломъ пригодности представленій въ ихъ соединеніи является *идеальное выраженіе той, что болѣе или менѣе ясно обнаруживается во всякой произвольной ассоціаціи представленій*. Именно логика оцѣниваетъ всякую ассоціацію представленій по степени, въ какой эта ассоціація удовлетворяетъ *принципу тождества*, т.-е. въ какой она отвѣчаетъ требованію, чтобы всякое представленіе, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ оно ни встрѣчалось, всегда имѣло одно и то же содержаніе ($A=A$). Этотъ принципъ соответствуетъ узнаванію, которое предполагается всякой ассоціаціей (V B, 8с).— Въ ученіи логики о понятіи, сужденіи и заключеніи ясно видно значеніе этого принципа *).

Первое условіе для мышленія въ собственномъ смыслѣ заключается въ томъ, чтобы каждое изъ представленій (единичныхъ, индивидуальныхъ и общихъ), которыя идутъ въ дѣло, отличалось устойчивостью и отчетливостью. При произвольномъ

*) Ср. мое сочиненіе: Formel Logik, Копенгагенъ 1884 г.

теченіи представленія имѣють смутный характеръ и легко сливаются между собой. При помощи же опредѣленнаго разграниченія (опредѣленіе понятія) устанавливается содержаніе отдѣльныхъ представленій, и благодаря этому они становятся *понятіями*.

Въ *сужденіи* соединяются два или нѣсколько понятій, такъ какъ одно служитъ ближайшимъ опредѣленіемъ другого, является частью, стороною или дѣйствіемъ того, что содержится въ другомъ. Въ основѣ сужденія лежитъ воспріятіе или представленіе о цѣломъ, которое въ сужденіи подвергается анализу. Я высказываю сужденіе: «человѣкъ добръ», когда вижу или представляю себѣ человѣка, поступающаго извѣстнымъ образомъ, и въ своемъ сужденіи я выдвигаю опредѣленную сторону, съ которой въ данномъ случаѣ является мнѣ этотъ человѣкъ. Когда же я перехожу отъ субъекта сужденія къ предикату его, а мое вниманіе—отъ представленія о человѣкѣ къ представленію о добротѣ, я не упускаю изъ виду субъекта, представленія о человѣкѣ, ибо, упусти я его изъ виду, переходя къ предикату (доброта), не могло бы быть соединенія обоихъ понятій. Сужденіе есть ближайшее опредѣленіе или анализъ понятія субъекта, и понятіе предиката въ сужденіи мыслится лишь въ связи съ понятіемъ субъекта. Такимъ образомъ въ сужденіи происходитъ разложеніе, раздѣльное подчеркиваніе тѣхъ элементовъ, которые для непосредственнаго воспріятія были даны въ неразрывномъ единствѣ.—Въ развитіи языка существуетъ періодъ, когда понятіе и сужденіе *не имѣютъ для себя различныхъ выраженій*. Коренныя слова выражали первоначально событія, дѣйствія или отношенія; это были «зачаточныя предложенія». Слово обозначаетъ въ такомъ случаѣ сразу и субъекта дѣйствія, и само дѣйствіе, и объектъ дѣйствія *). Только благодаря тому, что вниманіе было направлено на каждую отдѣльную часть основнаго представленія, могла возникнуть потребность въ раздѣльномъ обозначеніи этихъ частей. Первые слова ребенка точно такъ же «зачаточныя предложенія». «Авъ, авъ» означаетъ и «собака», и «вотъ собака!» и «собака лаетъ!» *Прейеръ* слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ его ребенокъ (на 23-мъ мѣсяцѣ) выразилъ одно изъ своихъ первыхъ сужденій: «ребенокъ пилъ мо-

*) *L. Geiger*: Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft I, стр. 205.

локо, которое было для него слишкомъ тепло; онъ быстро отодвинулъ чашку и, глядя на меня широко раскрытыми глазами, громко, рѣшительно и съ важнымъ видомъ сказалъ: *горячо!* Одно это слово должно было означать: питье черезчуръ горячо! Воскличаніе «туль!» можетъ означать разное: 1) нѣтъ моего стула! 2) мой стулъ сломанъ! 3) я бы хотѣлъ сѣсть на стулъ! 4) вотъ стулъ!» *). — Когда я хочу сказать предложеніе, то предварительно мнѣ ясна только главная мысль; формулировка предложенія происходитъ благодаря тому, что понятія субъекта и предиката выдѣляются изъ единства главной мысли. Ораторъ, углубленный въ свой предметъ, можетъ быть, даже и не подвергаетъ полному анализу главную мысль; между тѣмъ механизмъ рѣчи, дѣйствующій на половину произвольно, обезпечиваетъ выраженіе частныхъ, не нуждаясь въ особомъ сознательномъ актѣ **). Вниманію и энергіи оратора пришлось бы черезчуръ раздробляться, еслибъ онъ дѣлилъ ихъ между главной мыслью и ея выраженіемъ въ отдѣльныхъ сужденіяхъ. — Эти факты видимо подтверждаютъ взглядъ, что сужденіе не что иное, какъ анализъ.

Опредѣленіе понятій и формулировка сужденій для логики только подготовка къ заключенію. Заключение есть чистѣйшая форма мышленія въ собственномъ смыслѣ. Заключеніемъ обосновывается сужденіе, — иначе говоря, оно выводится изъ одного или нѣсколькихъ другихъ сужденій. Заключение возникаетъ, когда является сомнѣніе въ законности сужденія, если ея нельзя доказать прямою ссылкой на воспріятіе. Кто утверждаетъ, что $A \neq C$, тотъ долженъ взять свое утверженіе назадъ, если $A=B$, а $B=C$. Вся сила доказательства въ заключеніи основывается на принципѣ тождества; ибо, напр., если равенство $B=B$ не дѣйствительно, то данное заключеніе невозможно. Поэтому безъ принципа тождества мышленіе не можетъ сдвинуться съ мѣста, и потому это высшій законъ мышленія, постулатъ, на которомъ покоится всякая наука. А между тѣмъ этотъ принципъ вовсе не какой-либо произвольный или случайный постулатъ: въ немъ выражено то отношеніе сходства, которое лежитъ въ основаніи всякой ассоціаціи, но выражено въ идеальной и абсолют-

*) Preyer: Die Seele des Kindes, стр. 279, 310.

**) Ср. Kussmaul: Die Störungen der Sprache, стр. 196.

ной формѣ, къ которой наши дѣйствительныя ассоціаціи представлений только болѣе или менѣе приближаются. Съ психологической точки зрѣнія принципъ тождества въ строгомъ смыслѣ осуществляется лишь до извѣстной степени; вѣдь, въ дѣйствительности, какъ уже не разъ указывалось, нѣтъ абсолютнаго повторенія. Принципъ тождества есть логическое отвлеченіе. Однако тутъ логика и психологія приближаются другъ къ другу, такъ что развитіе логическаго мышленія становится понятнымъ и психологически.

Напротивъ, если въ отношеніи сходства *не* видѣть условія всякой ассоціаціи, то возникновеніе логики будетъ не понятно, и законъ тождества представится въ такомъ случаѣ совершенно произвольнымъ принципомъ. И откуда взяло бы себѣ мышленіе мѣрку, принципъ, еслибъ онъ не былъ идеализированнымъ выраженіемъ сущности мышленія, и если бы поэтому его нельзя было найти въ несовершенныхъ и смутныхъ формахъ на всѣхъ ступеняхъ жизни представлений?

Стюартъ Милль въ своей знаменитой «Логикѣ» пошелъ еще дальше и пробовалъ дать ученіе о заключеніи, не предполагая принципа тождества. По его мнѣнію, первичное заключеніе идетъ отъ частнаго къ частному: если ребенокъ обжегся о горячую печку, то онъ кричитъ, видя ее вновь, потому что ожидаетъ за этимъ боль; слѣдовательно, онъ заключаетъ изъ отдѣльнаго явленія (печки) къ другому, отличному отъ него (боли). Это заключеніе можетъ опираться лишь на привычку или инстинктъ.— Однако Милль упускаетъ изъ виду, что легко указать определенное условіе, безъ котораго было бы невозможно заключеніе ребенка. Если печка, которую онъ видитъ не *совсѣмъ въ томъ же состояніи*, какъ и прежде, то ребенокъ ошибается. Напротивъ, если печка въ томъ же состояніи, какъ и прежде, то ребенокъ обжигается, прикасаясь къ ней. Такимъ образомъ въ основаніи лежитъ принципъ тождества, если заключеніе вѣрно. Но первичное сознаніе, вслѣдствіе своей порывистости, не даетъ себѣ времени на то, чтобы установить и взвѣснить сходство (ср. V B, 4). Только послѣ повторныхъ разочарованій оно научается «остерегаться», т.-е. изслѣдовать, далеко-ли простирается тождество. Путемъ подобныхъ испытаній и совершается переходъ отъ непроизвольнаго теченія представлений къ мышленію въ собственномъ смыслѣ. Для непроизвольнаго теченія представлений доста-

точно всякаго сходства и всякой смежности, чтобы представленія вступили въ соединеніе. Мифологія, сны, выдумки дѣтей, бредъ душевно-больныхъ и переходы въ значенія одного и того же слова, повидимому, показываютъ, что для соединенія представленій нѣтъ ничего невозможнаго. Мышленіе въ собственномъ смыслѣ разбираетъ и оцѣниваетъ отношенія сходства и старается возвести зданіе мысли, въ которомъ каждое отдѣльное звено, въ силу принципа тождества, было бы связано съ другими.

12. Въ то время, какъ развитіе, отъ конкретнаго индивидуальнаго представленія черезъ посредство типическаго индивидуальнаго представленія и кончая общимъ представленіемъ, ведетъ насъ отъ простаго соединенія представленій къ мышленію въ собственномъ смыслѣ, можетъ происходить и другой процессъ развитія, который идетъ не отъ конкретныхъ индивидуальныхъ представленій, но результатомъ котораго какъ разъ является образованіе новыхъ конкретныхъ индивидуальныхъ представленій. *Воображеніе* или *фантазія* (въ узкомъ смыслѣ) *) развивается здѣсь изъ того же корня, какъ и мышленіе, но только въ другомъ направленіи.

Чтобы понять процессъ этого развитія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и конкретное индивидуальное представленіе также сложной природы, что оно продуктъ ассоціаціи (V B, 9). Но при этомъ вполнѣ возможно, что одни и тѣ же элементы могутъ быть связаны другими способами и могутъ встрѣчаться въ другихъ соединеніяхъ. Уже если только нѣкоторые изъ элементовъ замѣняются другими, то индивидуальное представленіе получаетъ другой оттѣнокъ. Это бываетъ у насъ со всякимъ воспоминаніемъ, только въ большей или меньшей степени. Отдѣльныя черты стираются и замѣняются другими, хотя мы этого не замѣчаемъ. Когда мы стараемся удержать только существенныя черты, какъ разъ и можетъ совершиться подобное перемѣненіе и обмѣнъ второстепенныхъ чертъ, не привлекая вниманія съ нашей стороны, если намъ нѣтъ повода воспоминаемый образъ сравнить съ воспріятіемъ. Грезы какъ во снѣ, такъ и наяву идутъ еще дальше и преобразовываютъ преобладающіе и опредѣляющіе

*) Фантазія въ широкомъ смыслѣ — то же, что и способность представленія: таково первоначальное (греческое) значеніе этого слова. Если мы удержимъ это значеніе, то все ученіе о воспоминаніи и представленіи будетъ ученіемъ о фантазіи. — Въ узкомъ смыслѣ фантазія есть способность *новообразованія* конкретныхъ представленій; это значеніе мы и принимаемъ здѣсь.

элементы индивидуальнаго представленія,—другими словами, вызываютъ представленія объ отдѣльныхъ лицахъ, вещахъ, событіяхъ, которыхъ никогда не встрѣчалось въ нашемъ опытѣ. Мы можемъ грезить о лицахъ, которыя стоятъ у насъ передъ глазами, какъ живыя, но которыхъ мы тѣмъ не менѣе никогда не видали.

Эта способность *свободнаго творчества* *) нужна намъ постоянно, когда мы стараемся вникнуть въ дѣло, не зная его во всѣхъ подробностяхъ. Когда мы понимаемъ намекъ, то мы пополняемъ до индивидуальнаго единства элементы, данные намъ безъ всякой связи. *Изобрѣтатель* новаго механизма комбинируетъ данные элементы, въ которыхъ ему извѣстны законы ихъ дѣятельности, въ такое цѣлое, которому въ опытѣ нѣтъ ничего подобнаго. Точно такъ же тотъ, кто дѣлаетъ *открытіе* въ наукѣ, роется въ элементахъ опыта, разбираетъ ихъ возможные соединенія, чтобы найти такое, которое больше всего подходитъ къ другимъ опытамъ. Во все это время въ его сознаніи образуется рядъ индивидуальныхъ представленій, которыя бракуются одно за другимъ, пока не найдется такое, которое лучше другихъ охватываетъ и приводитъ въ порядокъ данные элементы. Что удивительно въ научномъ гениі, такъ это свобода духа, благодаря которой онъ въ состояніи оставить въ сторонѣ опытъ и представить себѣ различныя возможности со всѣми ихъ слѣдствіями, чтобы такимъ путемъ найти новую дѣйствительность, не доступную прямому опыту. *Кеплеръ* отмѣтилъ эту свободу духа, какъ важную черту въ дарованіи *Коперника* **).

Свободное отношеніе къ дѣйствительности, предполагаемое научною фантазіей, проявляется не только въ новыхъ *комбинаціяхъ*, но и въ способности при очень измѣненныхъ и запутанныхъ условіяхъ открывать сходства, находить одни и тѣ же основныя отношенія. Такое глубокое пониманіе сходства лежитъ въ основаніи ассоціаціи смежности, участвующей въ творчествѣ; изъ какого-нибудь одного признака, который удалось узнать или

*) Едва-ли она есть на низшей ступени человѣческаго существованія. Фантазія дикарей ограничена воспоминаніями и лишена творческаго характера. *Спенсеръ*: Основанія соціологіи, § 39 и 47.

**) «Коперникъ — человѣкъ громаднаго дарованія и—что въ этой спеціальности необыкновенно важно—со свободнымъ духомъ» (*Reuschle*: *Kepler und die Astronomie*, Франкфуртъ 1871, стр. 119).

отожествить, строится совершенно новая связь (по закону цельности); такъ у Ньютона, по преданію, явилась идея объ основномъ законѣ планетной системы подъ влияніемъ падающаго яблока. Свободное творчество не трогаетъ различій, приводя разнообразные элементы въ новую гармонию. Однако тамъ, гдѣ это творчество работаетъ на пользу научнаго изслѣдованія, оно всегда нуждается въ поправкахъ со стороны мышленія въ собственномъ смыслѣ, взвѣшивающаго сходство и различіе. Формальныя или абстрактныя науки (логика и математика) даютъ поэтому основу и повѣрку реальнымъ или конкретнымъ наукамъ (естествовѣдѣнію и исторіи). Развитие научнаго познания стремится найти такое глубокое единство и сходство, чтобы въ ихъ предѣлахъ могли вмѣститься всѣ различія, а съ другой стороны оно имѣетъ въ виду всѣ различія подвести подъ такія ясныя и опредѣленныя формы, чтобы законы сродства видны были безъ всякаго труда.

Пока фантазія служитъ научному познанию, она является лишь окольнымъ путемъ, на который вступаютъ представленія, если къ прямому пути нѣтъ доступа. Иногда нельзя пройти этого пути до самаго конца; въ такомъ случаѣ окольный путь тоже можетъ быть вполне законнымъ, если только его общее направленіе, изгибы, которые онъ дѣлаетъ, указываютъ на нѣкоторое согласіе съ опытомъ. Тогда познаніе кончается *ипотезой*. Но есть такое свободное творчество, гдѣ нѣтъ мѣста подобнымъ справкамъ съ даннымъ опытомъ, и гдѣ результатъ является такимъ же самостоятельнымъ и новымъ созданіемъ, какъ и то, что противъ нашей воли бываетъ во снѣ. *Художническая фантазія* отличается отъ фантазіи человѣка науки тѣмъ, что не ставитъ своею послѣднею цѣлью согласіе съ известными и опредѣленными воспріятіями опыта, какъ это дѣлаетъ научная фантазія, но достигаетъ своей цѣли, создавая конкретный и индивидуальный образъ, — все равно, существуетъ-ли онъ въ дѣйствительности, или нѣтъ. Художественные образы должны носить характеръ дѣйствительности, но имъ вовсе нѣтъ надобности совпадать съ какою-либо дѣйствительностью.

Психологическая особенность художнической фантазіи основывается въ отдѣльныхъ случаяхъ частью на различной степени сознанія и намѣренности, съ которою она работаетъ, частью на томъ, какою рода преобладаетъ въ ней ассоціація представленій, частью, наконецъ, на ея отношеніи къ дѣйствительности воспріятій.

а. Что касается степени, въ какой *выражается сознание въ фантазіи*, то можно различать три формы—Фантазія можетъ дѣйствовать *почти безсознательно и непроизвольно*, приближаясь такимъ образомъ къ сознанию во время сна. Сплоченіе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ фантастическій образъ, происходитъ большею частью подь порогомъ сознания, такъ что образъ, готовый въ главныхъ чертахъ, вдругъ всплываетъ въ сознаниі, какъ сознательный результатъ безсознательнаго процесса (ср. III). Гете рассказываетъ, что его «творческій талантъ нѣсколько лѣтъ не покидалъ его ни на минуту»,—слѣдовательно, онъ былъ въ немъ постоянно, не вызывая сознательныхъ усилій съ его стороны. Вотъ что рассказываетъ онъ по поводу «Страданій Вертера»: «такъ какъ я написалъ эту книжку *почти безсознательно, точно мушкетеръ*, то я самъ удивился, прочтя ее». Въ введеніи къ одной изъ своихъ поэмъ извѣстный датскій поэтъ Грундтвиъ говоритъ: «я пѣлъ, *чего никогда не сознавалъ!*»—Шагомъ ближе къ созданію фантазіи, руководимой сознательною цѣлью,—*импровизація*, гдѣ данный *мотивъ* и движеніе, сейчасъ же вызванное имъ во всей жизни представленій и чувствованій, даютъ толчокъ къ новой комбинаціи. Г-жа Сталь въ «Кориннѣ» сравниваетъ импровизированіе съ живымъ разговоромъ; стоить только пробить ледъ молчанія, какъ одно возраженіе вызываетъ другое. Тамъ, гдѣ г-жа Сталь описываетъ импровизацію Коринны, выступаетъ на первый планъ вліяніе минутныхъ мотивовъ и настроенія; когда Коринна воспѣла сначала «славу и счастье Италіи», — тема, заданная слушателями,—печальное выраженіе на лицѣ одного изъ присутствующихъ побуждаетъ ее взять унылыя ноты и «о счастья говорить не съ такой увѣренностью».—Наконецъ, дѣятельность фантазіи художника можетъ получить нѣкоторое сходство съ научнымъ *исканіемъ рѣшенія какого-либо вопроса*. Противоположность инстинктивному творчеству, которое не знаетъ, что дѣлаетъ, а также свободному теченію образовъ подь вліяніемъ минутнаго настроенія, представляетъ энергическая работа, благодаря которой грубый матеріалъ получаетъ новую форму. Поэтъ такъ же не терпитъ противорѣчій и отсутствія связи, какъ и ученый. Но для поэта нѣтъ больше противорѣчій, какъ если элементы не принимаютъ индивидуальнаго образа. Всякій человекъ получаетъ свои впечатлѣнія, переживаетъ свои настроенія; но что они могутъ послужить камнями для возведенія новаго зданія, это бы-

ваецъ ясно только немногимъ. Для большинства пережитое остается, какъ оно есть. Напротивъ, фантазія поэта продолжаетъ перерабатывать его, пока оно не получитъ индивидуальнаго образа, и только тогда онъ чувствуетъ себя легко и свободно.

б. Въ качествѣ свободной творческой способности фантазія дѣйствуетъ при помощи *ассоціаціи по смежности*, связывая элементы, которые отъ природы связаны или могутъ быть связаны въ пространствѣ и времени. Сила и живость фантазіи, не говоря уже о способности представлять каждый отдѣльный элементъ съ полной отчетливостью, зависятъ отъ способности составлять полныя до мельчайшихъ подробностей картины. Люди съ слабой фантазіей не придаютъ своимъ образамъ такого отчетливаго характера, но оставляютъ ихъ въ неопредѣленной формѣ (какъ тѣ предварительныя представленія, о которыхъ шла рѣчь въ § 9). Или если они и образуютъ опредѣленные съ индивидуальнымъ отпечаткомъ представленія, то эти представленія принимаютъ крайне устойчивую и неизмѣнную форму, тогда какъ художническая фантазія способна выдѣлять элементы изъ ихъ первоначальныхъ соединеній, чтобы вставить ихъ въ новыя соединенія въ качествѣ составныхъ частей новыхъ конкретныхъ индивидуальныхъ представленій.—Въ предѣлахъ ассоціаціи смежности для художнической фантазіи въ свою очередь важнѣе всего то, что дано *одновременно*, тогда какъ для научнаго изслѣдованія больше интереса въ послѣдовательности событій и явленій *).

Между тѣмъ художническая (преимущественно поэтическая) фантазія не менѣе сильна и *ассоціаціей сходства*. Маленькаго намека, незначительнаго повода достаточно, чтобы вызвать представленіе о величайшихъ отношеніяхъ, и поэтическая фантазія, открывая великіе законы даже въ самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ, становится сродни научной фантазіи.—Какъ замѣчаетъ *Бенъ*, ассоціація по сходству играетъ большую роль только въ поэтической фантазіи (а не въ фантазіи живописца, музыканта и т. д.). (Ср. стр. 174 и слѣд. объ ассоціаціяхъ, основывающихся на аналогіяхъ и обнаруживающихся въ метафорахъ языка и въ поэтическихъ образахъ).

с. Художническая фантазія въ простѣйшей формѣ является

* Ср. объ этомъ интересныя замѣчанія *Стюарта Милля*: Система логики, III, 13, 6 (порусски подъ ред. *Л. Л. Лаврова*, Спб. 1865—1867, 2-е изд. 1878).

подражаніємъ дѣйствительности, и въ извѣстномъ смыслѣ она никогда и не идетъ дальше. Усвоить и передать дѣйствительность во всемъ ея индивидуальномъ богатствѣ—такая задача, которую можно разрѣшить лишь въ томъ случаѣ, когда созерцательная способность и фантазія достигли высшаго своего развитія. Это *реалистическій моментъ* всякаго искусства, который является то какъ вмѣшательство въ дѣйствительность, въ видѣ трезваго изслѣдованія, то какъ сочувственное углубленіе въ нее. Безъ этого момента искусство виситъ въ воздухѣ. — Тутъ интересъ искусства сближается съ наукой; вся разница въ томъ, что цѣль для одного является средствомъ для другой.

Для художника нѣтъ ничего выше конкретнаго индивидуальнаго представленія, тогда какъ для мыслителя оно лишь примѣръ или символъ, нерѣдко являющийся даже помѣхой. Но ни художникъ, ни мыслитель не оставляетъ дѣйствительности, какъ она есть. Всякое искусство отличается отъ простой передачи или повторенія дѣйствительности тѣмъ, что оно носитъ на себѣ отпечатокъ духа, который его создалъ. Этотъ отпечатокъ зависитъ не отъ того, что личность художника прямо становится передъ зрителемъ, — онъ основывается на томъ, что художникъ сознательно или безсознательно для самого себя уже *выбралъ, что* онъ желаетъ дать, и *какъ* онъ это желаетъ дать. Значитъ, тутъ проявляется моментъ воли точно такъ же, какъ и въ психологіи мышленія. И тутъ, какъ и тамъ, онъ не имѣетъ характера произвольности. Онъ выражаетъ *стремленіе, направляемое господствующимъ чувствованіемъ*, — стремленіе, благодаря которому художникъ создаетъ свое произведеніе. Не дѣло психологіи познанія разбирать, какъ развивается это чувствованіе, точно такъ же какъ ей нѣтъ дѣла и до вопроса, на чемъ основывается цѣнность художественнаго произведенія для зрителя.

Въ выборѣ матеріала и въ способѣ его обработки заключается *идеалистическій моментъ* всякаго искусства, — моментъ, отъ котораго такъ называемый реализмъ можетъ освободиться только по виду. Это открытая сторона искусства, благодаря которой оно стоитъ въ связи съ духовной жизнью въ другихъ областяхъ. Но какъ ни глубоки движенія, которыя могутъ здѣсь возникнуть, съ точки зрѣнія художника важно лишь, къ какому они ведутъ результату. Поэтъ можетъ быть, напр., мыслителемъ и ученымъ; въ поэтическомъ же отношеніи все дѣло въ томъ, пред-

ставляетъ-ли его произведеніе что-нибудь кромѣ отвлеченныхъ мыслей въ стихахъ, — дѣйствительно-ли образъ, чувство и мысль у него сливаются отъ начала до конца. Идеализмъ, желающій индивидуализировать то, что потеряло всякую живую связь съ конкретной индивидуальной дѣйствительностью, лишентъ психологическаго основанія. Напротивъ, въ томъ идеалистическомъ моментѣ, который бываетъ при всякомъ художественномъ творествѣ, заключаются зачатки для *идеализированія* фактической дѣйствительности. *Гёте* находилъ, что *Меркъ* удачно охарактеризовалъ его стремленіе, въ противоположность братьямъ *Штольбергъ*, такими словами: «ты всегда и неуклонно стремился придавать дѣйствительности поэтической образъ; другіе старались воплотить такъ называемое поэтическое, воображаемое, и это не даетъ ничего, кромѣ вздоръ» («Изъ моей жизни», книга 18-я). Благодаря поэтической формѣ, на дѣйствительность можно направить такой свѣтъ, котораго у ней нѣтъ самой по себѣ или во всякое время, и господствующее чувство поэта открываетъ такой міропорядокъ, въ которомъ его идеалы находятъ себѣ удовлетвореніе. Такимъ образомъ искусство стремится тянуть дальше ту же нить, которую можно подглядѣть уже въ природѣ; оно становится идейнымъ продолженіемъ природы. Такъ, напр., скульптура довершаетъ подчиненіе растительной жизни животной, которое ясно выступаетъ при сравненіи высшихъ органическихъ формъ съ низшими *). Какъ разъ благодаря своему идеализму, искусство вновь сближается съ природой; ибо и природа прямо или косвенно производитъ выборъ (качественный или половой подборъ), благодаря которому низшія формы переходятъ въ высшія. Требовать отъ искусства только мозаики изъ отдѣльныхъ воспріятій дѣйствительныхъ предметовъ значило бы противорѣчить самой природѣ, ибо она неустанно занята «идеализированіемъ», такъ какъ въ борьбѣ за существованіе все съ большей и большей отчетливостью выступаютъ формы и признаки, въ тѣсной связи со всей областью, въ предѣлахъ которой ведется эта борьба.

Антипсихологическій реализмъ даетъ обрывки или сбродъ образовъ, хотя сама природа постоянно образуетъ все новые и но-

*; J. C. Schiödte: Растительная и животная жизнь у человѣка и животныхъ (въ журналѣ Nordisk Tidsskrift, издаваемомъ леттерстедтскимъ обществомъ, 1878, стр. 345).

вые индивидуальныя типы. *Антипсихологическій идеализм* отчасти надрывается надъ неразрѣшимою задачею—дать плоть и кровь отвлеченіямъ, отчасти гадливо отворачивается отъ нескладицы и уродливостей въ бытіи. Истинное искусство учить насъ на все смотрѣть открытыми глазами, но въ то же время оно учить насъ останавливаться на великихъ, руководящихъ чертахъ, и такимъ образомъ лучше понимать дѣйствительность.

С. Воспріятіе времени и пространства.

1. Уже при предварительной характеристикѣ сознательной жизни было упомянуто, что душевныя явленія имѣютъ *форму времени*. Измѣнчивость, переходъ, смѣна—и внутренняя связь во время всякой смѣны,—таковы были важнѣйшіе признаки сознанія. Однако уже тутъ дана форма времени. Поэтому психологія должна остановиться передъ ней, какъ передъ тѣмъ, что дано непосредственно, что составляетъ психологическій предѣлъ, предполагаемый всѣми сознательными явленіями, и что само поэтому не можетъ быть предметомъ какого бы то ни было объясненія.

Совсѣмъ другое дѣло, когда рѣчь заходитъ о *представленіи времени*, о представленіи отношеній времени. Это представленіе, какъ и всякое другое, имѣетъ свое психологическое развитіе. Душевныя состоянія могутъ постоянно смѣнять другъ друга, но въ сознаніи отсюда еще можетъ не возникнуть представленія объ этой послѣдовательности. Чѣмъ болѣе сознаніе становится только рядомъ разнообразныхъ, самостоятельныхъ ощущеній и представленій,—что, какъ упомянуто раньше, граничить съ уничтоженіемъ сознанія,—тѣмъ меньше становится возможность для возникновенія представленія о времени: одно мгновеніе смѣняетъ другое, но каждое безраздѣльно завладѣваетъ сознаніемъ, такъ что не остается энергіи ни для того, что было, ни для того, что будетъ. Не только уничтожаясь, но и зарождаясь, сознаніе не далеко отъ такого ряда (ср. стр. 156 и слѣд.), почему у ребенка до трехъ лѣтъ едва-ли можно подмѣтить представленіе о времени. Раньше мы видѣли, какъ ожиданіе и свободное воспоминаніе возникаютъ, какъ особыя состоянія только мало-по-малу, во время борьбы опыта съ безраздѣльнымъ ощущеніемъ и первоначальною порывистостью (В, 4). Мы пополняемъ теперь описаніе того, какъ развивается воспоминаніе, прибавляя важный моментъ въ его суш-

ности, именно, *отношеніе содержанія воспоминанія къ опредѣленнымъ пунктамъ времени.*

Простѣйшей формой сознанія была бы та, гдѣ два состоянія (*a* и *b*) смѣняются другъ друга безъ посредствующихъ членовъ. Но пока *a* и *b*, каждое въ отдѣльности, занимаетъ сознаніе, или когда они оба налицо, не можетъ возникнуть представленія времени; *a* забывается съ возникновеніемъ *b*, и наоборотъ. Тутъ нужно что-нибудь такое, что охватывало бы *a* и *b*, и охватывало бы такъ, чтобы ихъ смѣна могла казаться различнымъ наполненіемъ одной и той же схемы. Этой общей связью можетъ быть только *ощущеніе или чувство, остающееся постояннымъ при смѣнѣ a и b* и составляющее, слѣдовательно, *относительно говоря, прочную основу, въ противоположность которой ясно могутъ выступить смѣна и послѣдовательность.* Итакъ, кромѣ смѣняющихся *a* и *b* у насъ долженъ быть третій, относительно говоря, неизмѣнный элементъ *x*, который дѣлаетъ возможнымъ контрастъ. Это напоминаетъ намъ о томъ, что *единство я, сознанія, создается не только благодаря формальной связи и формальному взаимодействию между всѣмъ, что находится въ сознаніи, но и благодаря господствующему чувствованію (В, 5).* Такимъ образомъ это основное чувствованіе, опредѣляемое большею частью, а въ низшихъ сознательныхъ существахъ и исключительно, общимъ чувствомъ или чувствомъ жизни, является необходимымъ предположеніемъ для возникновенія воспріятія времени. Что же касается непосредственнаго воспріятія разницы или противоположности между постояннымъ и переменнымъ, то это только *ощущеніе*, а не представленіе времени.

2. Воспріятіе времени получаетъ больше ясности, когда между *a* и *b* вставляются переходныя звенья, такъ что сознаніе, чтобы дойти отъ *a* къ *b*, должно пройти черезъ *m* и *n*, не теряя однако фона *x* для цѣлаго ряда смѣняющихся состояній. Однако при этомъ предполагается, что сами *m* и *n* лишены такой силы и интереса, чтобы затемнить *a* и *b*, но что *a* и *b* всегда являются главными точками. Въ качествѣ исходнаго и заключительнаго пункта въ ряду состояній или элементовъ должно прибавиться еще *узнаваніе a и b*, чтобы возникло не только ощущеніе времени, но и дѣйствительное сознаніе его, т.е. *представленіе времени.* Пусть, напр., *a* будетъ ощущеніемъ голода, *b*—ощущеніемъ насыщенія, такъ что *m* и *n* означаютъ средства, благодаря

которымъ голодь смѣняется насыщеніемъ (взглядъ на добычу, захватываніе ея и т. д.). Тогда образуется прочная связь $a-t-n-b$, и будетъ происходить *ритмическая* смѣна, которая все больше и больше входитъ въ сознаніе и дѣлается очевидной для него. А чѣмъ разнообразнѣе съ ходомъ развитія становятся состоянія, тѣмъ больше необходимости въ томъ, чтобы постоянно попадались и узнавались извѣстныя точки, словно гряда холмовъ, съ которыхъ можно разсчитать и окинуть взоромъ окрестность.

Итакъ, представленіе времени предполагаетъ: 1) *сознаніе перемѣны*, послѣдовательности; оно возникаетъ благодаря противоположности постоянному ощущенію; 2) повтореніе извѣстныхъ состояній, глубоко проникающихъ въ сознаніе; *узнаваніе* ихъ дѣлаетъ возможнымъ *взвѣшиваніе* и *группировку* въ ряду измѣненій.

Будь только одно простое постоянное ощущеніе или одно простое постоянное чувствованіе, представленіе времени было бы невозможно. Чѣмъ больше мы погружаемся въ отдѣльную мысль, тѣмъ болѣе мы какъ бы «удаляемся» отъ времени; вотъ почему мистики и называютъ вѣчность «застывшимъ мигомъ». Съ другой стороны представленіе времени было бы также невозможно при простой послѣдовательности ощущеній; въ такомъ случаѣ не хватало бы чего-то, чтобы окинуть и взвѣсить послѣдовательность.

Чѣмъ больше образуется ритмическихъ рядовъ, и чѣмъ больше сознаніе получаетъ навыка въ ихъ обзорѣ, тѣмъ отчетливѣе выдвигается *представленіе о временномъ рядѣ*, съ извѣстной противоположностью къ ощущеніямъ, наполняющимъ его. Промежутокъ между a и b можетъ быть заполненъ различнымъ образомъ: $a-t-n-b$ или $a-p-q-b$ и т. д. То, что заполняетъ промежутокъ между a и b , можетъ появиться опять, но въ другихъ рамкахъ, наприм., $c-t-n-d$. Сколько времени заполняется рядомъ $a-t-n-b$, столько же при другихъ обстоятельствахъ можетъ быть заполнено рядомъ $c-p-q-d$ и т. д. Тутъ налицо условія для образованія *общаго* представленія времени.

3. Самой по себѣ мы не можемъ представить этой общей схемы или канвы, хотя и мыслимъ ее наполненною на разные лады. Она не избѣгаетъ участи всѣхъ общихъ представленій: ей нуженъ *индивидуальный замѣститель*. Но время, которое мы можемъ представить себѣ непосредственно или охватить въ одинъ мигъ, очень коротко. Опыты (Фирордта) показали, что мы при

очень малыхъ промежуткахъ времени имѣемъ склонность преувеличивать, а при большихъ—склонность уменьшать величину времени. *Вундт* доказалъ, что дѣйствительная разница во времени и разница воспроизведенная совпадаютъ при разницѣ въ 0,72 или почти въ $\frac{3}{4}$ секунды. Позднѣйшія изслѣдованія, повидимому, указываютъ на то, что есть нѣсколько подобныхъ «точекъ безразличія», такъ что встрѣчаются различные небольшие промежутки времени, которые мы могли бы принять за мѣрку для большихъ промежутковъ. Довольно замѣчательно, что изъ числа сравнительно продолжительныхъ промежутковъ времени произведенія изъ 0,75 секунды на нечетную цифру воспринимаются всего точнѣе *). Этимъ подтверждается вліяніе, приписанное выше ритмической смѣнѣ ощущеній: мы прибѣгаемъ къ нѣкоторому небольшому ритму, чтобы имѣть мѣру для послѣдовательности. Опѣнывать точно и окидывать все сразу становится невозможнымъ при большихъ промежуткахъ, хотя отъ упражненія чувство времени можетъ въ значительной степени изошряться. Если содержаніемъ представленія долженъ быть такой временной рядъ, который простирается далеко за предѣлы настоящей минуты, то это содержаніе должно подвергнуться сокращенію. Вполнѣ ясно я представляю себѣ только переходъ отъ одного мгновенія къ другому; представленіе промежутковъ времени, въ которыхъ заключаются мириады мгновеній, можетъ возникать лишь символическимъ путемъ. Если бы намъ приходилось вспоминать протекшее время такъ же ясно, какъ мы представляемъ себѣ минуты, составляющія то, что мы называемъ настоящимъ,—то воспоминаніе стало бы невозможнымъ. Поэтому къ прошедшему мы постоянно прилагаемъ другой масштабъ, чѣмъ къ настоящему и ближайшему будущему. Только желая вполнѣ перенестись въ прошлое, мы стараемся расширить различія времени въ воспоминаніи, но во всякомъ случаѣ не такъ сильно, чтобы совсѣмъ приблизиться къ протяженію настоящаго. Слѣдовательно, при

*) Это время то же, что и время, которое, по сдѣланнымъ до сихъ поръ опытамъ, намъ нужно для образованія простыхъ соединеній представленій, и почти то же, что и время, которое нога тратитъ на одинъ размахъ при быстрой ходьбѣ. *Wundt: Physiol. Psychol.* II, стр. 286.—*Kollert: Изслѣдованія о чувствѣ времени (Philosophische Studien I, стр. 78 и слѣд.)*.— О разныхъ точкахъ безразличія и о періодичности нечетныхъ произведеній см. *M. Mehner: Къ ученію о чувствѣ времени (тамъ же II, стр. 546 и слѣд.)*

воспоминаніи времени бываетъ то же, что и при воспоминаніи силы ощущеній (стр. 167); какъ продолжительность, такъ и сила пережитаго нами въ первый разъ вспоминается только косвенно.— Отъ этого символизма въ представленіи времени, когда это представленіе уже достигло нѣкотораго развитія, зависитъ то обстоятельство, что оно образуется, сравнительно говоря, довольно поздно и долго не выходитъ изъ извѣстныхъ границъ. Полной ясности представленіе времени достигаетъ только, когда становится возможнымъ представить его въ отчетливой символической формѣ, закрѣпить зыбкіе ритмы представленій въ неподвижномъ образѣ. И это бываетъ лишь, когда на помощь является воспріятіе пространства. Только благодаря формѣ пространства, возможно *созерцаніе* времени. Въ такомъ случаѣ мы воспринимаемъ время, какъ прямую линію, безконечно продолженную въ обѣ стороны.

Представленіе времени—типическое индивидуальное представленіе. Гдѣ бы мы ни наблюдали время, мы всегда имѣемъ передъ собой части одного и того же времени. Оно то же, что рѣка, на которую мы смотримъ въ разныхъ мѣстахъ. Часто время ускользаетъ отъ насъ, наприм., когда мы спимъ, находимся безъ сознанія, или по другимъ причинамъ не знаемъ, «какъ прошло время». Но съ пробужденіемъ вниманія, мы сейчасъ же возобновляемъ недостающій отдѣлъ времени. Итакъ, время относится къ отдѣльнымъ промежуткамъ времени не только, какъ общее понятіе къ индивидуальнымъ случаямъ, заключеннымъ въ этомъ понятіи, но и какъ наше господствующее представленіе объ индивидуумѣ—къ нашимъ различнымъ воспріятіямъ этого же индивидуума.

4. Пока представленіе времени опирается лишь на смѣну нашихъ внутреннихъ состояній, *ощѣнка времени* очень не точна. Здѣсь особенно важны два обстоятельства: *интересъ* къ содержанію пережитаго и *обиліе* пережитыхъ картинъ.

Интересъ къ пережитому можетъ имѣть очень различное вліяніе. *Сосредоточивая* вниманіе и тѣмъ мѣшая сознанію замѣчать послѣдовательность, онъ *укорачиваетъ* время какъ при самомъ переживаніи, такъ и при воспоминаніи. Семь лѣтъ для Іакова прошло, какъ нѣсколько дней, потому что онъ любилъ Рахиль. Но интересъ можетъ и *удлинять* время, когда мы по важности и многозначительности содержанія произвольно заключаемъ

что должно было пройти много времени. *Полноту содержания символически* мы выражаемъ протяженіемъ во времени. Рядомъ съ этимъ время того, что было до переворота, глубоко проникающаго въ нашу жизнь, отодвигается назадъ: оно намъ такъ чуждо и вмѣстѣ такъ блѣдно, что мы должны относить его къ далекому времени, чтобы понять, какъ оно могло быть частью нашего опыта. Вообще мы склонны отодвигать подальше образы, поблекшіе въ воспоминаніи, и придвигать живые образы ближе, чѣмъ слѣдуетъ.

Чѣмъ *разнообразнѣе* пережитое (независимо отъ интереса), тѣмъ быстрѣе кажется его теченіе при переживаніи *), но тѣмъ медленнѣе кажется оно при воспоминаніи **). Наоборотъ, чѣмъ *однообразнѣе* пережитое, тѣмъ медленнѣе идетъ для насъ время но тѣмъ короче кажется оно намъ въ воспоминаніи.—Во снѣ или въ такихъ состояніяхъ, которыя особенно благоприятны оживленію воспоминанія (ср. стр. 170 и слѣд.), намъ можетъ казаться, будто прошло громадное время, такъ какъ передъ нами пронеслась цѣлая куча образовъ. Лица, которыя чуть не утонули, или жизнь которыхъ подвергалась какой-либо другой опасности, въ нѣсколько мгновеній видѣли передъ собою всю свою жизнь. *Де-Кинси* описываетъ, какъ послѣ пріемовъ опиума ему часто казалось, что онъ переживалъ 80—100 лѣтъ за одну ночь, болѣе того—ему иногда казалось, что прошло цѣлое тысячелѣтіе отъ одного дня до другого. Ему казалось, что время вздувается ***). Передъ ясновидцемъ, когда онъ въ экстазѣ, проносится цѣлая вѣчность, хотя бы его видѣніе исчезло ранѣе, чѣмъ успѣютъ опорожниться песочные часы.

Каждый индивидуумъ вноситъ тутъ свой собственный масштабъ отчасти въ видѣ болѣе или менѣе энергическаго интереса,

*) Съ этимъ согласуется тотъ фактъ, что если что-нибудь движется съ равномерною скоростью по поверхности кожи, то движеніе кажется быстрѣе всего на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувство пространства очень тонко.

**) Въ этомъ, можетъ быть, слѣдовало бы искать отвѣта на вопросъ, предложенный авторомъ одной статьи въ *Revue philosophique* (годъ I): почему содержаніе воспоминанія, которое само становится предметомъ воспоминанія, кажется дальше во времени, чѣмъ когда мы имѣли воспоминаніе въ первый разъ? Первый мигъ въ воспоминаніи по отношенію къ повдѣйшему образуетъ какъ бы этапъ, посредствующее звено, которое помогаетъ расчлененію и тѣмъ дѣлаетъ перспективу яснѣе.

***) En Opiumäders Bekendelser (исповѣдь опиофага), стр. 161.

съ котрымъ онъ относится къ своей жизни, и слѣдитъ за явленіями, частію же въ видѣ быстроты, съ какою обыкновенно проходятъ его представленія. Мелкота содержанія и медленность темпа, если онѣ не составляютъ обычнаго явленія, вызываютъ досаду и скуку.—Чувство времени представляетъ и болѣе простые примѣры дѣйствія контраста. Оказалось, что, если чело-вѣкъ сначала опредѣлилъ длину промежутка покороче, и ему затѣмъ приходится опредѣлить промежутокъ времени подлиннѣе, то этотъ послѣдній онъ считаетъ длиннѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и наоборотъ,—послѣ промежутка подлиннѣе промежутокъ покороче кажется еще короче, чѣмъ онъ есть; въ послѣднемъ случаѣ дѣйствіе контраста даже сильнѣе, чѣмъ въ первомъ *).

Потребность установить *объективный масштабъ для времени* вмѣсто субъективнаго, неточность котораго легко должна была броситься въ глаза, сказала уже очень рано. Великія явленія природы, повторяющіяся въ правильные промежутки, дали для этого удобную схему. Движеніе солнца и луны, день и ночь, утро, полдень и вечеръ послужили въ этомъ случаѣ основаніемъ. Для болѣе тонкихъ подраздѣленій пользовались пескомъ для песочныхъ часовъ, водой для водяныхъ часовъ или зажженной свѣчой. Но только при помощи маятника и хроноскопа стала возможной болѣе большая точность. *Витстонъ* измѣрялъ быстроту электрической искры и нашель, что она равна $\frac{1}{113200}$ секунды. По хроноскопу *Сименса* можно опредѣлить даже $\frac{1}{1000000}$ части секунды **).

Мы можемъ представить себѣ, что эта точность становится все больше и больше, но предѣлъ тутъ немислимъ. Мы измѣряемъ время посредствомъ равномерныхъ движеній въ природѣ. Но тогда надо доказать именно эту равномерность; слѣдовательно, мы тутъ вращаемся въ кругу. Абсолютному времени можно было приписывать реальность въ природѣ, пока вмѣстѣ съ Аристотелемъ думали, что небесный сводъ вращается съ вѣчною неизмѣнностью и равномерностью. Но разъ это мнѣніе оставлено, представленіе объ абсолютно-равномѣрномъ времени теряетъ свою реальную подкладку. Необходимость этого слѣдствія, именно

*) *V. Estel*: Новые опыты о чувствѣ времени (Studien Вундта II, стр. 55).

**) *Jevons*: Principles of Science, 4-е изд., стр. 307 и слѣд.—*A. Paulsen*: Naturkräfte (силы природы) III, стр. 129.

относительность времени, видѣль уже *Джіордано Бруно* *). Абсолютно равномѣрное время — только идеаль; это — требованіе, чтобы любое опредѣленіе времени въ свою очередь тоже подвергалось контролю. Всякій масштабъ, который пробовали брать, чтобы была возможность опираться на полную равномѣрность, оказывался измѣнчивымъ. Безусловная равномѣрность есть только въ символическомъ изображеніи времени въ видѣ прямой линіи. Но тутъ какъ разъ не обошлось безъ участія идеализирующаго отвлеченія. Понятіе *абсолютнаго времени* — математическое отвлеченіе. Абсолютное время совершенно *безпрерывно* и вполнѣ *равномѣрно*: его связность никогда не нарушается, и каждый моментъ его вполнѣ равенъ другому. *Психологическое время*, т.-е. время, которое мы дѣйствительно можемъ воспринимать и представлять, намъ постоянно надо строить, ибо мы непосредственно воспринимаемъ его лишь обрывками, и его моменты имѣютъ различный удѣльный вѣсъ, смотря по значенію и разнообразію содержанія. — *Психологическое время* всегда ограничено. Намъ постоянно приходится упираться въ какую-нибудь точку, когда мы бросаемъ взглядъ впередъ или назадъ. Но мы сознаемъ, что всякая граница случайна и субъективна и зависитъ отъ утомленія фантазіи. Всякое начало и всякій конецъ только относительны. Абсолютное время *безконечно*, т.-е. его надо мыслить продолжающимся за *всякую* границу.

5. Несомнѣнно, что *форма времени* существуетъ съ самаго начала сознанія. Поэтому психологическое изслѣдованіе времени имѣетъ дѣло только съ *представленіемъ* времени и *оцѣнкой* его. Но первоначальна-ли *форма пространства*, — это еще подлежитъ спору. Во всякомъ случаѣ она не можетъ быть такъ тѣсно связана съ сознаніемъ, какъ форма времени. Это слѣдуетъ уже изъ общаго характера сознанія. *Состоянія сознанія слѣдуютъ другъ за другомъ во времени*, но невозможно и представить, чтобы они располагались въ пространствѣ. Такимъ образомъ, *что является въ формѣ пространства, то можетъ быть только предметомъ сознанія, но не самимъ сознаніемъ*. Уже отсюда видно, что форма времени, съ психологической точки зрѣнія, первоначальнѣе формы пространства, которая, повидимому, не такъ необходима сознанію. Теперь весь вопросъ въ томъ, доказываетъ-ли опытъ, что

*) Ср. *Brunhofer: G. Brunos Weltanschauung*, Лейпцигъ 1882, стр. 187 и сл.

форма пространства на самомъ дѣлѣ только психической продуктъ, образованный по всеобщимъ психологическимъ законамъ. Въ такомъ случаѣ въ развитіи сознанія когда-нибудь была бы такая ступень, на которой ощущенія и представленія выступаютъ только съ извѣстною отчетливостью и извѣстнымъ качествомъ, но содержаніе ихъ не развертывается въ видѣ протяженныхъ образовъ.

Намъ трудно представить себѣ сознаніе безъ какого бы то ни было воспріятія пространства. Мы почти всегда думаемъ образами. Даже своихъ настроеній и чувствъ мы не можемъ ясно воспринимать и выражать безъ помощи образовъ и картинъ. Отсюда можно бы заключить, что форма пространства непремѣнно врождена; казалось бы даже, что символъ для насъ ближе, чѣмъ его предметъ, такъ что въ созерцаніи пространства должно быть больше оригинальности, чѣмъ въ созерцаніи времени. *Альбертъ Ланге*, этотъ остроумный мыслитель, дѣйствительно сдѣлалъ такой выводъ. Онъ говоритъ: «опытное воспріятіе нашего внутренняго состоянія вовсе не можетъ произойти въ одной только формѣ времени. Мы всегда наталкиваемся на множество одновременныхъ ощущеній, которыя могутъ подвергнуться синтезу лишь въ формѣ пространственнаго образа... Всѣ наши эмпирическія представленія времени примыкаютъ къ представленіямъ пространства. Линія даетъ намъ представленіе о теченіи времени. Движенія въ пространствѣ даютъ намъ поводъ для измѣренія времени. Нельзя-ли изъ этого заключить, что вообще представленіе времени, въ сравненіи съ представленіемъ пространства, надо считать вторичнымъ?» (*Logische Studien*, Iserlohn 1877, стр. 139).—На это необходимо прежде всего замѣтить, что если представленіе пространства предшествуетъ высшему и ясному развитію представленія времени и измѣренію его (см. 3—4), то отсюда еще не слѣдуетъ, будто оно должно быть первичнымъ. *Ланге* слишкомъ много выводитъ изъ необходимости символики. Должна же мысль быть первоначальнѣе слова, хотя для полной ясности и точности она нуждается въ словѣ. Какъ ни тѣсно чувство связано съ своимъ выраженіемъ, было бы однако ни съ чѣмъ не сообразно думать, что первое вторично по отношенію къ послѣднему. Только на высшихъ ступеняхъ сознательной жизни въ ея распоряженіи бываетъ обширный кругъ символовъ. Изъ нашихъ чувствъ только въ двухъ—зрѣніи и ося-

зани — пространственная форма имѣетъ для насъ преобладающее значеніе. При слухѣ, запахѣ и вкусѣ локалізації первоначально не бываетъ; тутъ мы имѣемъ дѣло лишь съ отчетливостью и качествомъ ощущеній. Определенное созерцаніе пространства собственно, какъ мы увидимъ дальше, связано съ зрительными ощущеніями. Зрительные образы играютъ въ мірѣ нашихъ представлений такую большую роль, что мы только съ трудомъ можемъ отвлечься отъ нихъ. Чѣмъ больше мы устремимъ свое вниманіе на впечатлѣнія звука, вкуса и запаха, тѣмъ больше мы приблизимся къ сознанію съ одной только формой времени и поймемъ, что въ сознаніи можетъ быть внутреннее разнообразіе, получающее единство вовсе не отъ формы пространства.

Еще яснѣе обнаруживается это въ чувствованіяхъ. Правда, въ большинствѣ случаевъ они сопровождаются мѣстными ощущеніями (наприм., въ груди, въ сердцѣ); однако внутреннее наблюденіе легко наводитъ на то, чтобы различать между собственно чувствомъ и его органическими послѣдствіями. Удовольствіе и страданіе, радость и печаль, надежда и боязнь могутъ волновать насъ, и не получая сейчасъ же особыхъ символовъ. Если для того, чтобы ясно представить себѣ свои чувствованія, намъ нужны пространственные образы, то эти образы выражаютъ не чувствованіе само по себѣ, а его поводъ или дѣйствіе. Представленіе радости у большинства состоитъ въ представленіи чего-либо веселаго или улыбающагося. Но чѣмъ интенсивнѣе чувство, тѣмъ сильнѣе оно вытѣсняетъ всѣ подобныя символическія представленія. Въ каждомъ чувствованіи есть даже что-то невыразимое, не поддающееся слову. Чувства заставляютъ искать формъ и выраженій, но сами они не располагаются въ формѣ пространства. Когда въ уныніи промелькнетъ лучъ надежды, то мы не представляемъ надежду надъ или подъ уныніемъ, направо или налево отъ него, какъ это мы дѣлаемъ при одновременныхъ ощущеніяхъ различныхъ цвѣтовъ. Значитъ, различные элементы сознанія могутъ выходить наружу *одновременно*, не получая формы пространства. Отъ этого отчасти зависитъ неясность и трудность непосредственнаго психологическаго воспріятія (см. стр. 25). У насъ нѣтъ наглядной формы для *одновременныхъ внутреннихъ явленій*, тогда какъ для *одновременныхъ вѣншнихъ явленій* она есть.

6. Мы воспринимаемъ пространство въ *трехъ измѣреніяхъ*: вверхъ и внизъ, направо и налево, впередъ и назадъ. Ихъ можно свести

къ двумъ: къ разстоянію (или глубинѣ) и плоскостному протяженію.

Легко видѣть, что *воспріятіе разстоянія* не обязано своимъ возникновеніемъ какому-либо отдѣльному ощущенію. Психологически всякое ощущеніе предполагаетъ, что физическое раздраженіе доходитъ до органа чувствъ. Но разстояніе само по себѣ не производитъ въ насъ физическаго раздраженія. Мы измѣряемъ отдаленіе линіей отъ объекта къ намъ; но есть-ли эта линія, или нѣтъ ея,—объ этомъ прямо не можетъ намъ повѣдать ни одно раздраженіе. Она показываетъ *направленіе* раздраженія, но сама не вызываетъ раздраженія. Мы только тогда воспринимаемъ разстояніе, когда мы эту линію можемъ вымѣрять какимъ-либо способомъ, а такое измѣреніе вовсе не есть отдѣльное ощущеніе, но *процессъ сравненія*, который или уже предполагаетъ нѣкоторое представленіе пространства, или же имѣетъ опору въ силѣ и видѣ ощущеній, которыя мы получаемъ, двигаясь сами или какою-либо частью нашего тѣла по направленію къ объекту.

И, дѣйствительно, подобное *измѣреніе помощью движенія* мы предпринимаемъ при всякомъ воспріятіи какого-либо предмета (ср. стр. 136). Глазъ невольно прилаживается такимъ образомъ, что свѣтовое раздраженіе попадаетъ на желтое пятно сѣтчатки. Хрусталикъ становится тѣмъ выпуклѣе, чѣмъ ближе къ намъ предметъ. Оба глаза ставятся такъ, что зрительныя оси сходятся въ большей или меньшей степени, смотря по отдаленію того, что привлекаетъ вниманіе: если я разсматриваю близкій предметъ, то глаза (съ помощью внутреннихъ мышцъ) повертываются другъ къ другу; если я послѣ этого устремляю взоръ въ даль, то глаза поворачиваются кнаружи каждый (помощью наружныхъ мышцъ). Мы хватаемся за предметъ или движемся за нимъ, чтобы ощупать его. Мы получаемъ этими различными способами *ощущенія движенія*, которыя находятся въ опредѣленной связи съ положеніемъ предмета по отношенію къ намъ. А съ взглядомъ на предметъ или съ прикосновеніемъ къ нему, благодаря ассоціаціи или навыку, соединяется воспроизведеніе ощущеній движенія, которыя служатъ необходимымъ предположеніемъ для самаго отчетливаго воспріятія предмета. Большая или меньшая ясность разстоянія значить для насъ не что иное, какъ большій или меньшій рядъ ощущеній движенія, которыя есть у насъ при такомъ движеніи органовъ чувствъ (главнымъ образомъ зрѣнія и ося-

занія), чтобы мы были въ состояніи получать возможно отчетливыя раздраженія,*)—или которыя были бы у насъ, если бы мы двигались съ нашего мѣста къ предмету. Это вполне согласно съ тѣмъ, что отчетливо и ясно воспринимается только разстояніе близкихъ предметовъ, а для далекихъ оно тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ болѣе они намъ знакомы. Отчетливѣе всего пространственное воспріятіе того, что прямо измѣрили наши собственныя руки. Разстоянія побольше (точно такъ же какъ большіе промежутки времени) мы понимаемъ только символически, рассматривая ихъ, какъ сумму меньшихъ, доступныхъ прямому измѣренію разстояній.

Чувство осязанія и связанная съ нимъ ощущенія движенія являются первоначальной основой для воспріятія разстоянія. Собственно мѣру предмета мы получаемъ черезъ активное ощупываніе его. Получая зрительныя воспріятія, мы всегда мысленно прибавляемъ разстоянія, воспріятыя нами только-что указаннымъ образомъ. Далекіе предметы, представляющіеся глазу въ меньшемъ видѣ, все-таки оцѣниваются нами непосредственно по той величинѣ, въ какой они являлись бы чувству осязанія. Только въ послѣдствіи величина знакомыхъ предметовъ, являющихся глазу, становится средствомъ для опредѣленія ихъ разстоянія.

Эта теорія, впервые установленная *Беркли* (*Theorie of vision*, Дублинъ 1709)**), отчасти подтверждается наблюденіями надъ новорожденными дѣтьми и оперированными слѣпорожденными. Хотя ребенокъ рано уже начинаетъ поворачиваться къ свѣту, однако едва-ли у него сейчасъ же бываетъ воспріятіе разстоянія. Движенія обоихъ глазъ обыкновенно еще не координированы, такъ что зрительныя оси вовсе не пересѣкаются съ самага начала непремѣнно въ той точкѣ, которая служитъ объектомъ воспріятія. А это было бы неизбѣжнымъ предположеніемъ, если бы воспріятіе разстоянія опиралось на врожденный механизмъ,

*) Какъ замѣтилъ *Stricker* (*Studien über Assoziation der Vorstellungen*, Вѣна 1883, стр. 56), подобныя же ощущенія движенія мы получаемъ также, когда, закрывъ глаза, переходимъ отъ представленія объ очень далекомъ къ представленію очень близкаго. Мы замѣчаемъ, что въ глазу что-то происходитъ.

**) *Беркли* придавалъ однако ощущеніямъ движенія не такъ много значенія, какъ это сдѣлали мы. Значеніе ощущеній движенія для воспріятія пространства особенно выдвинули *Бенъ* и *Спенсеръ*.—*Гельмгольцъ* и *Вундтъ* развили дальше эту теорію.

немедленно вступающей въ дѣйствіе *). Только постепенно (въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ) пріобрѣтается навыкъ въ управленіи глазами, такъ что косоглазіе бываетъ гораздо рѣже. Да и послѣ того, какъ глаза научились прилаживаться, не бываетъ еще вѣрнаго воспріятія разстоянія. Это видно изъ того, что ребенокъ все-таки тянется за недоступными предметами. Опѣнка разстоянія хромаетъ даже еще на второмъ и третьемъ году **).

И въ послѣдствіи дѣятельность обоихъ глазъ не вполне согласована. Благодаря упражненію можно получать двойныя изображенія предметовъ. Этого легче всего достигнуть, если глаза направить на точку позади круга зрѣнія, а вниманіе устремить на предметъ, лежащій на прямой линіи передъ этой точкой; тогда предметъ бываетъ виденъ вдвойнѣ.

Еще не вполне достоверно, бываетъ-ли у новорожденныхъ животныхъ то же самое, что и у человѣка. Опыты *Спалдина* ***) съ только-что вылупившимися цыплятами и новорожденными поросятами доказываютъ, что эти животныя въ состояніи съ полной безошибочностью сейчасъ же отыскивать себѣ кормъ. Цыплята быстро бѣгаютъ за зерномъ или насѣкомымъ ****), а поросята—къ соскамъ матери. Одного поросенка посадили на стулъ черезъ десять минутъ послѣ того, какъ съ него сняли платокъ, которымъ были завязаны его глаза сейчасъ же по рожденіи; онъ какъ бы измѣрилъ разстояніе отъ пола, сталъ на колѣни и спрыгнулъ внизъ.—Могло бы казаться, будто тутъ уже есть воспріятіе

*) Уже *Декартъ* склонялся къ этому мнѣнію, защищаемому въ наше время такъ называемымъ *нативизмомъ*. Но *Декартъ* соглашается, что непосредственное воспріятіе разстоянія, являющееся съ виду простымъ, предполагаетъ сравненіе („содержится умозаключеніе на подобіе того, какимъ геометры по двумъ точкамъ опредѣляютъ разстояніе непріступнаго мѣста“. *Dioptrica*, гл. 5, § 13). Вотъ гдѣ уже есть намекъ на теорію „безсознательныхъ заключеній“, — и со стороны не эмпириста, а нативиста.

***) *Preyer*: *Die Seele des Kindes*, стр. 24—29, 38 и слѣд., 112.

****) *Спалдинъ* надѣлъ на только-что вылупившихся цыплятъ шапочки, прежде чѣмъ они успѣли употребить въ дѣло свое зрѣніе. Такъ онъ держалъ ихъ два дня, пока они не стали двигаться (*Romanes*: *Mental Evolution in Animals*, стр. 161 и слѣд.).

*****) Уже *Адамъ Смитъ* („О внѣшнихъ чувствахъ“ въ *Essays on philosophical subjects*, изданныхъ *Дегальдомъ Стюартомъ*) замѣчаетъ, что эту способность безошибочно распознаваться сейчасъ же послѣ рожденія можно найти только у птицъ, выкшихъ свои гнѣзда на гладкой землѣ, а не у тѣхъ, которыя гнѣздятся на деревьяхъ и другихъ малодоступныхъ мѣстахъ.

разстоянія, но, конечно, нужно остерегаться приписывать этому черезчуръ большое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что тутъ проявился непосредственный инстинктъ, который, руководясь зрительнымъ, обонятельнымъ или слуховымъ ощущеніемъ, привелъ животное къ пищѣ; нѣчто подобное могло имѣть мѣсто и при прыжкѣ. Едва-ли поэтому есть основаніе допускать собственно *воспріятіе* разстоянія прежде всякаго опыта и упражненія, хотя бы этотъ курсъ опыта здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, у животнаго былъ гораздо короче, чѣмъ у человѣка. Точно такъ же, что касается человѣка, легкость и быстрота, съ которой развивается воспріятіе разстоянія, едва-ли можно объяснить, если не принять, что тутъ играютъ роль унаслѣдованныя склонности и способности. Ощущенія, отъ соединенія которыхъ зависитъ воспріятіе разстоянія, больше знакомы отдѣльной особи, если они играли значительную роль въ развитіи цѣлаго рода.

Опыты надъ оперированными слѣпорожденными точно такъ же подходятъ къ теоріи Беркли. Слѣпорожденный, получивъ зрѣніе послѣ операціи надъ нимъ *Чезелдена* (1728), былъ до такой степени не способенъ опредѣлять разстоянія, что ему казалось, будто всѣ предметы, по его выраженію, «касались его глазъ», точно такъ же, какъ то, что онъ ощупывалъ, касалось его руки. Слѣпорожденный, оперированный *Францомъ*, принималъ кубъ за квадратъ, шаръ за кругъ, а пирамиду за треугольникъ; лишь съ помощью осязанія онъ пріучился различать эти вещи. Ему представлялось, будто всѣ вещи совершенно плоски. Оперированный *Дюфуромъ* (1876) слѣпой отъ рожденія не могъ опредѣлить ни одного разстоянія безъ помощи рукъ. Съ вытянутыми руками онъ устремился къ блестящей ручкѣ дверей, на которую обратили его вниманіе, но остановился передъ нею въ двухъ шагахъ и нѣсколько разъ попадалъ не туда, пока ему не удалось схватиться за нее.—Если бы на основаніи послѣдняго примѣра кому-нибудь вздумалось сказать, что человѣкъ, направляющійся къ предмету, долженъ имѣть представленіе объ его разстояніи, то это было бы неосновательнымъ выводомъ. Тутъ только необходимо направлять свои движенія такъ, чтобы руководящее зрительное ощущеніе не теряло своей силы и послѣдовательно возрастало, а для этого не требуется никакого представленія о разстояніи. Есть игра, въ которой предметъ надо отыскать подъ

музыку, при чемъ звуки музыки тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе предметъ, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ онъ дальше. Очевидно, тотъ, кто ищетъ, не руководится тутъ воспріятіемъ пространства, — движеніе прямо приспособляется къ силѣ музыки.

Если вышеизложенное мнѣніе справедливо, то воспріятіе разстоянія возникаетъ благодаря ассоціаціи ощущеній и представленій зрѣнія, осязанія и движенія. Эта ассоціація опирается на природенную и унаслѣдованную основу, которая у большинства животныхъ можетъ, пожалуй, достигать такого развитія, что вліяніе опыта имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Однако у человѣка эта основа, повидимому, не исключаетъ необходимости въ курсѣ опытовъ для такого усвоенія указанной ассоціаціи, чтобы она стала неразрывной, и чтобы воспріятіе разстоянія получило полный отпечатокъ непосредственнаго и простаго акта чувствъ. Это классическій примѣръ «психической химіи» (VB, 8d). Если мы думаемъ, будто непосредственно «видимъ» разстоянія, то это въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ мы непосредственно «видимъ» радость на лицѣ человѣка.

7а. Что касается воспріятія *плоскостнаго протяженія*, то и тутъ пытались объяснить воспріятіе пространства ассоціаціей зрительныхъ ощущеній съ осязательными и двигательными представленіями. Въ такомъ случаѣ то, что воспринято непосредственно, состояло бы изъ ощущеній извѣстнаго качества, и воспріятіе пространства возникало бы благодаря ихъ сліянію съ извѣстными представленіями. Естественно думать, — да это и подтверждается наблюденіями надъ новорожденными дѣтьми, — что зрѣніе воспринимаетъ на первыхъ порахъ только цвѣта и свѣтъ. Отыскиваются ясныя и яркія, но не слишкомъ ослѣпительныя раздраженія, и видно стремленіе удержать ихъ: позже только воспринимается форма предметовъ *). Благодаря воспріятіямъ и экспериментамъ, которые дѣлаются при помощи осязанія и при движеніи одного или нѣсколькихъ органовъ, мы разграничиваемъ отдѣльные предметы. *Языкъ зрѣнія становится вполне отчетливымъ только благодаря ощущеніямъ движенія и осязанія. Съ другой стороны, зрѣніе, развившись рука объ руку съ названными чувствами, играетъ особенно выдающуюся роль въ нашемъ воспріятіи пространства.* Спрашивается, имѣетъ-ли слѣпой, ограниченный лишь ощу-

*) По Прейеру (стр. 36, 41) зрѣніе ребенка первое время есть лишь «смутное ощущеніе свѣтлаго и темнаго».

щеніями осязанія и движенія, собственно созерцаніе пространства, подобно зрячему? Мы, зрячіе, думая о пространствѣ, сейчасъ же представляемъ видимую поверхность въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ; но что же собственно можетъ себя представить въ видѣ пространства слѣпой?—Тутъ обнаруживается собственно парадоксальность мнѣнія, что пространство—психологическій продуктъ. Вѣдь, если мы, удаливъ зрительные образы, получимъ въ остаткѣ только нѣчто такое, что не относится къ тому же роду, какъ и видимое пространство, то мы не будемъ въ состояніи сказать, что такое пространство само по себѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя будетъ дать опредѣленія, которое бы подходило какъ къ пространству зрѣнія, такъ и къ пространству осязанія. Тогда между пространствомъ зрѣнія и пространствомъ осязанія было бы не больше естественной связи, какъ между словомъ и тою вещью, которую оно обозначаетъ.

И дѣйствительно, есть въ этомъ отношеніи опредѣленное наблюдение. *Эрнстъ Платнеръ* пишетъ *): «что касается представленія пространства и протяженія безъ зрѣнія, то наблюдение и изслѣдованіе въ теченіе трехъ недѣль одного слѣпорожденного убѣдили меня снова, что чувствительность [чувство осязанія] сама по себѣ совсѣмъ не создаетъ того, что относится къ протяженію и пространству,—что она ровно ничего не знаетъ о мѣстномъ разграниченіи,—короче сказать, я убѣдился, что человекъ безъ зрѣнія не имѣетъ никакого воспріятія внѣшняго міра, какъ чего-то дѣйствующаго, что отличалось бы отъ замѣшаннаго при этомъ самочувствія [общаго чувства], а въ остальномъ можетъ быть только численное различіе... не знаю, какъ сказать—впечатлѣній или вещей. Для слѣпорожденного время дѣйствительно служитъ вмѣсто пространства. Близость и даль значить для него больше ничего, какъ время покороче или подлиннѣе, число чувствъ [ощущеній] побольше или поменьше,—число, необходимое ему для того, чтобы перейти отъ одного чувства [ощущенія] къ другому. Крайне обманчиво то, что слѣпорожденный употребляетъ языкъ зрячихъ; это и меня самого смущало въ началѣ моихъ опытовъ; на самомъ же дѣлѣ онъ ровно ничего не знаетъ о вещахъ въ разныхъ мѣстахъ. Да если бы предметы и части тѣла, до которыхъ прикасаются эти предметы, не производили на его чувствительные

*) Philosophische Aphorismen I, Leipzig 1793, стр. 446 и слѣд.

нервы разныхъ родовъ впечатлѣнія, то онъ считалъ бы (это я очень ясно подмѣтилъ) все внѣшнее за одно и то же, на прим., за то, что послѣдовательно дѣйствуетъ на него сильнѣе, когда онъ кладетъ руку на плоскость, чѣмъ когда показываетъ палець, — слабѣе, когда онъ протягиваетъ руку, чѣмъ когда его ноги идутъ по плоскости. Онъ различаетъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ голову и ноги совсѣмъ не по разстоянію ихъ, а только по замѣчаемой имъ съ невѣроятною тонкостью разницѣ чувствъ [ощущеній], которыя онъ получаетъ отъ той или другой изъ этихъ частей, да при томъ и благодаря времени. Точно такъ же фигуру тѣла онъ различаетъ по тому, каковы впечатлѣнія чувствъ [осязательныя впечатлѣнія], при чемъ, на прим., кубъ своими углами и ребрами дѣйствуетъ на чувствительность [осязаніе] совершенно иначе, чѣмъ шаръ» *).

Мы приблизимся къ воспріятію пространства у слѣпорожденнаго, если попытаемся ориентироваться въ темной комнатѣ. Только въ такомъ случаѣ мы имѣемъ ту выгоду, что пространство зрѣнія у насъ уже готово и можетъ прійти на помощь осязательнымъ и двигательнымъ ощущеніямъ. Нѣчто подобное бываетъ и въ томъ случаѣ, когда мы сосредоточиваемъ все свое вниманіе на языкѣ и, стараясь возможно больше отвлечься отъ зрительныхъ представленій, наблюдаемъ, какое онъ даетъ намъ воспріятіе пространства. Въдъ языкъ—это своего рода слѣпорожденный, и однако онъ отлично ориентируется вокругъ себя.

в. Однако здѣсь еще видна возможность утверждать прирожденность воспріятія пространства. Ощущенія движенія, конечно, всегда послѣдовательны, но при помощи осязанія мы можемъ получить одновременно нѣсколько впечатлѣній. Точно такъ же стѣчатая оболочка можетъ воспринимать одновременно нѣсколько свѣтовыхъ раздраженій. Нельзя-ли видѣть тутъ возможность непосредственнаго воспріятія раздраженій въ пространствѣ? Повидимому даже, пожалуй, и необходимо признать это. Въ самомъ дѣлѣ, въдъ, ощущение цвѣта значитъ ощущение цвѣтной поверхности; а если бы цвѣтное было только математическою точкой, то оно не могло бы вызвать раздраженія. Если даже предметы побольше воспринимаются только помощью движенія зрительныхъ и осязательныхъ органовъ, то пришлось бы все-таки думать, что предметы помень-

*) Для большей ясности въ скобкахъ поставлены тѣ термины, которые приняты въ современной психологіи.—Ред.

ше можно воспринимать непосредственно, безъ послѣдовательнаго процесса. Должно же быть непосредственное различіе между впечатлѣніемъ отъ серебрянаго рубля и впечатлѣніемъ отъ серебрянаго пяточка. Въ такомъ случаѣ *воспріятіе небольшихъ поверхностей* было бы наименьшимъ предѣломъ, которымъ пришлось бы ограничиться *нативизму*, -- такъ называется взглядъ, защищающій прирожденность воспріятія пространства, -- послѣднимъ оплотомъ, къ которому никакъ нельзя подступиться *).

Нельзя, конечно, отрицать, что мы можемъ получать и постоянно получаемъ множество одновременныхъ свѣтовыхъ и осязательныхъ раздраженій, и что мы воспринимаемъ ихъ прямо въ пространствѣ. Но не доказано, чтобъ и у начинающагося сознанія было такое же воспріятіе. Разнообразіе одновременныхъ впечатлѣній съ самаго начала будетъ дѣйствовать скорѣе какъ сплоченная масса, -- оно будетъ давать одно только хаотическое ощущеніе. Какъ нельзя сразу различить качества и силы впечатлѣнія, точно такъ же *и пространственное отношеніе можетъ, пожалуй, восприниматься само по себѣ не съ самаго начала, а можетъ, такъ сказать, скрываться въ большей степени силы или, по выраженію*

*) *Stumpf*: Der psychologische Ursprung der Raumvorstellung, Лейпцигъ 1873, стр. 56—71. -- Профессоръ *Магаффи* въ Дублинѣ, въ письмѣ, напечатанномъ въ *Mind* 1881 г., стр. 278 и слѣд., сообщаетъ о разговорѣ съ слѣпорожденнымъ, оперированнымъ Францомъ. Этотъ человекъ, докторъ въ Кинстаунѣ, утверждалъ, что, прозрѣвъ, онъ сейчасъ же могъ видѣть и различать фигуры, и что очертанія и фигуры вполне соответствовали тому, что онъ ожидалъ видѣть, судя по одному осязанію. Магаффи видитъ въ этомъ сообщеніи свидѣтельство компетентнаго судьи въ пользу того, что способность различать фигуры однимъ тодько зрѣніемъ прирождена. Но ни это объясненіе, ни самое сообщеніе не согласуется съ отчетомъ д-ра Франца, напечатаннымъ въ *Philosophical Transactions* (1841) вскорѣ послѣ операции. Какъ упомянуто выше, больной принималъ кубъ за квадратъ, а шаръ за кругъ. Когда Францъ просилъ его описать впечатлѣнія отъ предметовъ, то больной сказалъ, что онъ сейчасъ же замѣтилъ разницу между кубомъ и шаромъ, но не могъ образовать отсюда представленія о квадратѣ и кругѣ, пока не почувствовалъ ощущенія на кончикахъ пальцевъ, какъ будто бы онъ дѣйствительно касался предметовъ (*Phil. Transact.* I, стр. 65). Значитъ, онъ дѣйствительно долженъ былъ сдѣлать переводъ съ языка одного чувства на языкъ другого, прежде чѣмъ получилъ возможность узнавать фигуры. Остается только тотъ фактъ, что больной сейчасъ же замѣтилъ разницу между фигурами, что говоритъ въ пользу нативизма. Но и тутъ ему могъ помочь опытъ осязанія. Онъ относился къ фигурамъ не такъ, какъ относилось бы къ нимъ сознаніе безъ всякаго опыта, т. е. сознаніе въ моментъ своего зарожденія.

Бена, въ *большей массивности впечатльнїя*. На это указывает и приведенное описаніе *Платнера*; изъ него видно, что только качественныя различія впечатлѣній заставили слѣпого признать извѣстное разнообразіе внѣ своего я. Тутъ также можно сослаться на опыты *Вебера*, которые показали, что вода кажется гораздо теплѣе, если въ нее погрузить всю руку, а не одинъ только палець. Такъ какъ нельзя же допустить, что существуетъ прирожденное представленіе о различїи между пальцами и рукою, то надо думать, что это различіе въ силѣ одно только и должно было выступать въ самомъ началѣ.

Чисто пассивное воспрїятіе одновременныхъ впечатлѣній можетъ быть только совершенно мгновеннымъ. Сейчасъ же возбуждается активность, глазъ перебѣгаетъ по поверхности, или рука ощупываетъ ее. *Такимъ образомъ одновременность немедленно переходитъ въ послѣдовательность*, интуиція въ дискурсивность. Двигающїеся предметы мы воспринимаемъ легче и скорѣе, чѣмъ неподвижные, и если они сами не двигаются, то мы начинаемъ мѣнять мѣсто, чтобы оглядѣть ихъ. Два послѣдовательныхъ раздраженія кожи на небольшомъ разстоянїи мы можемъ различать одно отъ другого, какъ два одновременныхъ. Низшія животныя и новорожденные не замѣчаютъ одновременныхъ различїй въ окружающей ихъ средѣ, но могутъ воспринимать послѣдовательныя различія (измѣненія) (ср. стр. 130). Такимъ образомъ, благодаря движенію, можно подмѣчать и воспринимать то, что иначе оставлено было бы безъ вниманія. Слѣдовательно, первое хаотическое ощущеніе опредѣляется рядомъ преемственныхъ ощущеній, въ которомъ по существу дѣла первенствующее мѣсто занимаютъ ощущенія движенія.

Можно бы даже утверждать, что *послѣдовательное и дискурсивное воспрїятіе является необходимымъ предположеніемъ для дѣйствительнаго воспрїятія пространства*. Пространство означаетъ отношеніе. Находиться въ пространствѣ—это значить занимать извѣстное положеніе относительно другихъ вещей,—это значить, что отдѣльныя части занимаютъ различное положеніе другъ къ другу. вмѣсто того, чтобы говорить о пространствѣ вообще, какъ о всецѣломъ единствѣ, лучше бы употреблять болѣе элементарное понятіе «положеніе». Тогда оказывается, что воспрїятіе пространства основано на сравненїи или комбинаціи. Поэтому быть не можетъ, чтобы оно было дано изначала; на-

противъ, оно предполагаетъ извѣстную психическую дѣятельность.

с. Не все равно, какое мѣсто нашего тѣла подвергается раздраженію отъ внѣшняго міра. Такъ какъ мы путемъ послѣдовательныхъ опытовъ должны ознакомиться съ собственнымъ тѣломъ, а также и съ окружающимъ насъ міромъ, то нельзя допустить, будто мы можемъ отъ природы знать или ощущать, гдѣ произошло раздраженіе. А если раздраженія на различныхъ мѣстахъ все-таки дѣйствуютъ не одинаково, то эта разница можетъ являться для сознанія лишь въ видѣ извѣстнаго оттѣнка, качественного придатка къ ощущенію. *Особый отпечатокъ, который ощущеніе приобретаетъ оттого, что раздраженіе дѣйствуетъ на одно определенное мѣсто, Лотце назвалъ мѣстнымъ знакомъ этого ощущенія.* Отношенія на томъ или другомъ мѣстѣ кожи и сѣтчатки различны; такимъ образомъ должно быть очень много мѣстныхъ знаковъ. Что касается зрѣнія, то эти мѣстные знаки могутъ состоять или изъ различныхъ для каждой точки двигательныхъ импульсовъ при установкѣ глаза такъ, чтобы свѣтовое раздраженіе падало на желтое пятно (*Лотце*), или изъ различного качества ощущеній въ разныхъ частяхъ сѣтчатки (*Вундтъ*). Для осознанія *Лотце* видитъ мѣстные знаки въ различныхъ побочныхъ ощущеніяхъ, которыя вызываются однимъ и тѣмъ же прикосновеніемъ вслѣдствіе того, что въ разныхъ мѣстахъ плотность и напряженность кожи, а также подкожный слой не одинаковы *).

Эти мѣстные знаки въ самомъ началѣ могутъ замѣчаться лишь путемъ *послѣдовательнаго* воспріятія. Сознаніе можетъ ощутить всѣ ихъ не сразу; только когда они пройдутъ свой рядъ, сознаніе можетъ каждому изъ ощущеній, сопровождаемыхъ мѣстными знаками, указать определенное мѣсто. Поэтому, чтобы выполнить свое назначеніе, мѣстные знаки должны составлять *цѣлую систему*. Въ такомъ случаѣ раздраженіе отдѣльной части кожи или сѣтчатки можетъ повести къ вѣрному определенію мѣста, и для этого вовсе нѣтъ надобности вновь проходить цѣлый рядъ мѣстныхъ знаковъ. Здѣсь все бываетъ такъ, какъ и всюду, гдѣ мы сжились съ цѣлымъ рядомъ разныхъ ощущеній и предста-

*) *Лотце* нѣсколько разъ излагалъ свою теорію мѣстныхъ знаковъ; послѣдній разъ въ Grundzüge der Psychologie (1881). Что касается *Вундта*, то см. его Physiol. Psychologie II, стр. 25, 28, 163.

влений: благодаря навыку, весь рядъ является намъ въ концѣ концовъ сразу, какъ предметъ непосредственнаго созерцанія или интуитивнаго знанія (ср. стр. 186 и слѣд.).

8. Несмотря на все это, воспріятію пространства собственно еще не дано объясненія. Мы получили объединенную группу мѣстныхъ знаковъ, двигательныхъ, свѣтовыхъ и осязательныхъ ощущеній прикосновенія, связанную по законамъ соединенія представлений. Но тутъ вовсе еще не дано *такою распорядка всего этого, чтобы возникло созерцаніе образа, отдѣльныя части котораго находятся одна внѣ другой, а самъ онъ находится внѣ нашего я* (или, лучше сказать, внѣ образа нашего организма); вѣдь, всѣ эти ощущенія были качественны и интенсивны, а не экстенсивны.

Здѣсь-то и оказывается, что всѣ теоріи о воспріятіи пространства попадаютъ въ затрудненіе. Такъ называемая *нативистическая* теорія полагаетъ, что воспріятіе пространства дано съ самыми первыми впечатлѣніями *) По этой теоріи всякое объясненіе воспріятія пространства излишне, да и невозможно, — воспріятіе пространства она должна считатьъ чѣмъ-то апріорнымъ. Но опыты, приведенные выше (6, 7а и b), повидимому, противорѣчатъ этой теоріи. Собственно всякое несовершенство и всякая погрѣшность въ размѣщеніи ощущеній и въ воспріятіи пространства являются камнемъ преткновенія для нея, тогда какъ ихъ легко объяснить, если самое воспріятіе пространства считатьъ результатомъ опыта. Поэтому *генетическая* теорія видитъ въ воспріятіи пространства психической продуктъ, возникшій путемъ комбинаціи интенсивныхъ и качественныхъ ощущеній по общимъ психологическимъ законамъ связи представлений. Остается однако еще кое-что невыясненнымъ: психической продуктъ имѣетъ не то свойство, что и элементы, изъ которыхъ выводятъ этотъ продуктъ, — онъ отличается какъ разъ такимъ свойствомъ, въ которомъ и скрывается вся загадка, а именно *экстенсивною формой*. Были, положимъ, попытки объяснить переходъ отъ воспріятія послѣдовательныхъ раздраженій къ созерцанію протяженности такимъ образомъ, будто воспріятіе пространства возникаетъ само собою, когда все равно, съ какого конца ни начи-

*) Самыми выдающимися представителями нативизма являются въ настоящее время *Штумпфъ* въ области психологіи (*Der psychologische Ursprung der Raumvorstellung*), *Герингъ* — въ области физиологіи (послѣдній его трудъ: „Чувство пространства и движенія глаза“, *Handbuch* Германа, III).

нать воспроизведеніе ряда ощущеній; ибо время имѣетъ только *одно направленіе*, а пространство—нѣсколько. Тогда, въ концѣ концовъ, весь рядъ предсталъ бы передъ нами сразу, гдѣ бы мы ни начинали. Но самое большее, чего можно достигнуть такимъ путемъ, это—*одновременность* (сосуществованіе), а не *пространство*. Рядъ звуковъ также можно повторять съ конца и съ начала, но отъ этого звуки не получаютъ даже характера одновременности, не говоря уже о пространственности.—*Потому здѣсь надо допустить превращеніе, психическій синтезъ, подобно химическому, благодаря которому образуются сложные соединенія совѣмъ съ другими свойствами, чѣмъ свойства ихъ элементовъ* (ср. стр. 186). При этомъ синтезѣ у зрячаго важнѣйшую роль играютъ зрительныя ощущенія, и они-то и становятся главнымъ языкомъ, на который переводится все, что ни вносится другими чувствами.—Если судить по описанію *Платнера*, можно, повидимому, сомнѣваться, бываетъ-ли подобный синтезъ и у слѣпыхъ, при чемъ преобладаніе было бы на сторонѣ осязанія.

Если бы даже было такъ, что осязаемые и видимые минимумы воспринимаются не иначе, какъ протяженными, то все-таки надо было бы допустить синтезъ. Вѣдь, наши пространственные образы сплошь непрерывны; но ни сѣтчатка, ни поверхность нашей кожи не даютъ основанія для такой непрерывности. На сѣтчаткѣ даже есть мѣсто, лишенное воспримчивости къ свѣтовымъ раздраженіямъ,—«слѣпое пятно», гдѣ зрительный нервъ входитъ въ глазъ; а въ нашемъ зрительномъ образѣ не бываетъ подобнаго пробѣла. Такимъ образомъ мы произвольно пополняемъ этотъ пробѣлъ въ ряду ощущеній. Всякая теорія, которая не признаетъ, что воспріятіе пространства дано отъ природы сразу, должна обратиться къ построяющей способности сознанія, въ какой бы то ни было ея формѣ.

Такая ссылка не лишена своихъ неудобствъ. Для того психологическаго взгляда, который видитъ настоящую сущность сознанія въ синтезѣ, въ приведеніи къ единству и связи (II, 5; V B, 5), могло бы представляться совершенно правдоподобнымъ, что эта же основная форма обнаруживается и въ отдѣльныхъ душевныхъ процессахъ. Но одно дѣло—видѣть правильную характеристику сознанія въ его цѣльности, совѣмъ другое—пускать въ ходъ найденный такимъ образомъ признакъ, какъ *deus ex machina*, при *частныхъ* вопросахъ. Такъ легко можно открыть путь произволу; вѣдь,

подъ такой психической синтезъ можно подsunуть все, что угодно. Поэтому *Лотце* поступаетъ, конечно, очень осторожно, утверждая, что цѣль его теоріи мѣстныхъ знаковъ не въ томъ, чтобы объяснить самое воспріятіе пространства, но только въ томъ, чтобы указать мотивы и вспомогательныя средства, которыя нужны для души при образованіи пространственныхъ образовъ. Напротивъ, въ томъ, что душа изъ нѣкоторыхъ своихъ ощущеній составляетъ пространственные образы, *Лотце* видитъ первоначальную способность или влеченіе, не подлежащее дальнѣйшему объясненію.

Генетическая теорія составляетъ полную противоположность *нативистической* только въ томъ случаѣ, если она думаетъ, что всѣ условія для развитія воспріятія пространства даны въ опытахъ, которые можетъ дѣлать каждый *отдѣльный индивидуумъ* въ теченіе своего развитія. Но этотъ взглядъ однако лишень вѣроятія въ виду необъяснимаго остатка, который получается, если сравнить элементарныя ощущенія съ вполне развитымъ воспріятіемъ пространства. Если въ синтезѣ, которому воспріятіе пространства обязано своимъ окончательнымъ возникновеніемъ, мы видимъ выраженіе *инстинктивно дѣйствующей, строящей способности*, то вопросъ о *происхожденіи этой способности* приведетъ насъ отъ отдѣльнаго индивидуума къ связи всей природы, среди которой онъ возникаетъ. Опыты, которые въ жизни отдѣльнаго индивидуума не могутъ вести къ данной цѣли, въ теченіе развитія *рода*, быть можетъ, понемногу такъ приспособили организацію, что *унаслѣдованныя предрасположенія* пополняютъ недостатки индивидуальныхъ опытовъ. Гипотеза развитія, впервые примененная къ этой области *Гербертомъ Спенсеромъ* (1855), даетъ надежду прослѣдить вопросъ дальше, чѣмъ это можно было, пока приходилось держаться опытовъ индивидуальной жизни.

Такимъ образомъ генетическая и нативистическая теоріи могутъ очень близко подходить другъ къ другу. Это видно изъ того, что, тогда какъ одна сторона соглашается, что непосредственно данное въ воспріятіи пространства можетъ быть безконечно малымъ сравнительно съ продуктами ассоціаціи, и что въ первоначальныхъ ощущеніяхъ дана собственно только *возможность* опредѣленнаго воспріятія пространства (*Штумпфъ*), по мнѣнію другой стороны все можетъ быть заложено въ организаціи та-

кимъ образомъ, что время между первымъ свѣтовымъ раздраженіемъ сѣтчатой оболочки и возникновеніемъ пространственнаго представленія можетъ быть безконечно малымъ (*Вундтъ* *)).

9. Придерживаться-ли нативистической или генетической теоріи, для возникновенія пространственнаго воспріятія необходимо все-таки предположить, что существуетъ опредѣленная *органическая основа*. Все разногласіе двухъ теорій касается (или должно бы касаться) лишь вопроса, вступаютъ-ли отправленія, обусловливаемые организаціей, въ дѣятельность *немедленно*, или же имъ нужно нѣкоторое время для *подготовки и навыка*.

Ближе ознакомить съ органическими условіями, важными для возникновенія пространственнаго созерцанія**),—это задача физиологіи органовъ чувствъ. Кромѣ того, что указывалось въ этомъ отношеніи выше, здѣсь не мѣшаетъ только отмѣтить важность центрального механизма, благодаря которому становится возможною тѣсная связь между раздраженіями органовъ чувствъ и ихъ мускульными движеніями. Что касается осязанія, то, повидимому, зрительные бугры,—а для зрѣнія четверохолміе,—служатъ центрами, благодаря которымъ устанавливается эта связь, а вмѣстѣ и является физиологическое выраженіе психическаго синтеза; но тутъ, вѣроятно, играетъ также роль и большой мозгъ.

Заложенные здѣсь аппараты у нѣкоторыхъ животныхъ спо-

*) *Stumpf*: Der psychologische Ursprung der Raumvorstellung, стр. 114 и сл., 184.—*Wundt*: Physiol. Psychol. II, стр. 164. Ср также *Spencer*: Principles of Psychology II, стр. 203 и слѣд.

**) Смотри объ этомъ *Panum*: Sanserne og de vilkaarlige Bevægelser (чувства и произвольныя движенія), стр. 234—238, и очень подробно у *Вундта* (II, глава 11 и 13).—Въ нашемъ изслѣдованіи обращено вниманіе лишь на важнѣйшія психологическія точки зрѣнія. Кто желаетъ познакомиться съ спеціальными психологическими и физиологическими вопросами, къ рѣшенію которыхъ привела теорія воспріятія пространства, того мы отсылаемъ къ сочиненію *Вундта*, гдѣ собранъ и критически обработанъ весь матеріалъ.—Вопросъ о томъ, основываются-ли геометрическія аксіомы на способности созерцанія, опредѣляемой нашей организаціей, или же мы въ силу достаточнаго навыка получаемъ возможность наглядно представлять себѣ пространства другихъ свойствъ,—относится къ теоріи познанія, а не къ физиологіи. Логически нельзя, конечно, отрицать такой возможности, но въ дѣйствительности мы, разумѣется, связаны съ нашимъ пространствомъ, опредѣляемымъ аксіомами эвклидовой геометріи, до тѣхъ поръ, пока наша организація не подвергнется измѣненію, благодаря приспособленію къ другимъ условіямъ существованія.

собны функціонировать, быть можетъ (ср. 6), сейчасъ же послѣ рожденія, такъ что есть возможность немедленно и легко дѣлать опыты, необходимые для пространственнаго воспріятія. У людей проходить, какъ видно, нѣсколько мѣсяцевъ, пока получатся такіе результаты.

10. До сихъ поръ мы говорили о самой формѣ пространства и о способности созерцать пространственные образы. Что же касается *представленія пространства*, какъ общаго представленія или, лучше, какъ *типическаго индивидуальнаго представленія*, то оно развивается подобнымъ же образомъ, какъ и представленіе времени (1—3): вниманіе направляется на общую всѣмъ отдѣльнымъ пространственнымъ образамъ схему и ея протяжимость. Представленіе пространства отъ природы ограничено. Оперированный *Чезелденомъ* слѣпорожденный не могъ себѣ представить ни одной линіи въ пространствѣ за границами своего поля зрѣнія. Онъ зналъ, что комната, въ которой онъ находился, была только частью дома, но никакъ не могъ постичь, что весь домъ больше, чѣмъ комната. Такимъ образомъ у него еще не было способности символически употреблять индивидуальныя представленія. Съ развитіемъ этой способности оказывается, что не можетъ быть границы для дѣленія и продолженія пространства точно такъ же, какъ и для времени.

Безконечность пространства (какъ и времени) означаетъ, что всякая граница пространства случайна и можетъ быть перейдена фантазіей. *Абсолютное пространство*, отдѣльныя точки и части котораго вполнѣ *однородны и непрерывны*, и которое внѣ себя не имѣетъ пространства, является математическимъ отвлеченіемъ, которому не соотвѣтствуетъ психологическаго представленія. *Психологическое пространство* относительно; оно предполагаетъ *наличность* извѣстныхъ *точекъ опоры*, и части его не являются строго *непрерывными и однородными*: при нашихъ пространственныхъ воспріятіяхъ мы постоянно дѣлаемъ большіе или меньшіе *скачки* (наприм., когда нашъ глазъ перебѣгаетъ отъ одной точки къ другой), и различное содержаніе даетъ каждой части пространства извѣстное *качественное отличіе* въ нашемъ воспріятіи и созерцаніи.

D. Воспріятіе дѣйствительности.

1. Ощущенія, представленія и понятія—это формы, въ которыхъ являются и размѣщаются познавательные элементы содержанія сознанія. Мы прослѣдили это размѣщеніе, начиная самой простой его ступеню, гдѣ бываетъ только взаимодействіе ощущений, и кончая высшей стадіей—дѣятельностью мышленія и фантази, направленной на опредѣленные проблемы. Верховные законы вездѣ въ сущности были одни и тѣ же. Мотивъ идти впередъ, отъ произвольнаго распорядка въ игрѣ ощущений и представленій до научнаго мышленія и художнической фантази, заключался въ критикѣ, которую по-неволѣ приносить съ собой прогрессирующей опытъ. Новыя различія и противоположности требуютъ новой дѣятельности, чтобы удержать связь и единство и преодолѣть хаосъ. Логическіе принципы и эстетическія правила, до изложенія которыхъ нѣтъ дѣла психологіи, развиваются однако по законамъ психической природы и тѣмъ доказываютъ свою тѣсную связь съ человѣческой природой,—они не выступаютъ ни съ того, ни съ сего, какъ что-то навязанное извнѣ.

Но возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ въ содержаніи своихъ ощущений и представленій и въ связи ихъ, произведенной дѣятельностью мышленія, сознаніе усматриваетъ *дѣйствительность*, независимую отъ него самого. Изъ того, что наше познание развивается по опредѣленнымъ законамъ психической природы, вовсе еще не слѣдуетъ, что оно ведетъ къ дѣйствительности. Бредни сумасшедшихъ и сновидѣнія тоже, вѣдь, подчиняются психологическимъ законамъ, почему мы такъ часто могли пользоваться ими для кое-какихъ психологическихъ указаний. Но какимъ же образомъ сознанію становится очевиднымъ, что содержаніемъ его является дѣйствительность, а не сонъ? Можно-ли тутъ указать на опредѣленную дѣятельность, — будь то воспріятіе, или актъ мысли, — благодаря которой мы убѣждаемся, что передъ нами дѣйствительность?

Вопросъ этотъ возникаетъ не только тогда, когда развитіе сознанія достигло достаточно высокой ступени. Онъ, собственно говоря, неизбѣжно ставится начиная съ самаго перваго проблеска сознанія. Не во власти индивидуума распредѣлять свои представленія, какъ онъ хочетъ. Постоянно происходитъ воспитаніе

путемъ разочарованій, иногда очень суровыхъ и горькихъ (ср. VB, 4). Первое разочарованіе кладетъ первое основаніе для противоположности между сномъ и дѣйствительностью. — Тутъ мы возвращаемся къ затронутому уже вопросу, съ цѣлю разсмотрѣть его ближе.

2. Позывъ къ движенію, который такъ рано замѣчается у сознательныхъ существъ, неволью ведетъ ихъ къ вмѣшательству въ природу. Однако они скоро убѣждаются, что ихъ движенія не могутъ происходить безпрепятственно. По временамъ мы натываемся на препятствія, и въ ощущеніи сопротивленія, задержки, для индивидуума является что-то странное, что-то такое, что не онъ самъ, — чѣмъ бы онъ тамъ ни былъ ранѣе. Быть можетъ, онъ все снова и снова пытается устранить препятствіе; но, пока есть жизнь, полной удачи тутъ никогда не бываетъ. Новыя преграды ставятся на мѣсто сломанныхъ.

Если смотрѣть только съ одной стороны, то *всякое* чувственное ощущеніе не что иное, какъ ощущеніе сопротивленія. Всякое физическое раздраженіе дѣйствуетъ лишь, когда оно достигаетъ наружной поверхности организма, преимущественно тѣхъ частей его, въ которыхъ воспримчивость къ данному роду раздраженій развита болѣе всего (такъ глазъ воспримчивъ къ свѣтовымъ лучамъ, ухо — къ волнообразнымъ колебаніямъ воздуха и т. д.). Но какъ разъ вслѣдствіе тонкости специальныхъ чувствъ они и не играютъ такой большой роли при развитіи увѣренности въ дѣйствительности. Они участвуютъ въ этомъ, но предполагаютъ прочное ядро, около котораго они могутъ располагаться, и это ядро дано въ ощущеніи сопротивленія нашему движенію. Если бы какое-нибудь существо обладало только зрѣніемъ, слухомъ, вкусомъ, запахомъ и осязаніемъ, то оно жило бы словно въ какомъ-то эфирѣ, внѣ осязаемой дѣйствительности. Да и самое слово *предметъ* означаетъ препятствіе; предметъ — это то, что передъ нами.

Нельзя однако поручиться *ни за одно отдѣльное воспріятіе, каково бы оно ни было*. Мы видѣли, что воспріятіе всегда по своей природѣ сложно, ибо въ немъ новыя ощущенія прямо сливаются съ воспоминаніями. Вотъ гдѣ источникъ тѣхъ разнообразныхъ *иллюзій*, которыя возникаютъ вслѣдствіе неправильнаго пониманія данныхъ ощущеній (B, 7a). Воспріятіе есть попытка объясненія; но что ручается за правильность самого объясненія?

Ощущенія могутъ вызывать невѣрныя воспоминанія. Да кромѣ того, вслѣдствіе внутреннихъ процессовъ въ организмѣ, мозгъ можетъ прійти въ такое же состояніе, какъ и въ томъ случаѣ, когда до него достигаютъ раздраженія изъ внѣшняго міра. Тогда возникаютъ *галлюцинаціи*, ложныя ощущенія и воспріятія, которыхъ часто нельзя отличить отъ нормальныхъ чувственныхъ воспріятій. Не только зрѣніе, но и другія чувства могутъ страдать отъ такихъ болѣзненныхъ состояній. Замѣчательно, хотя и вполнѣ согласно съ замѣченнымъ выше объ отношеніи между ощущеніемъ сопротивленія и ощущеніями другихъ чувствъ, — что, тогда какъ зрительныя и слуховыя галлюцинаціи не всегда ведутъ за собою галлюцинаціи осязанія и сопротивленія, эти послѣднія, наоборотъ, обыкновенно, повидимому, сопровождаются галлюцинаціями зрѣнія и слуха *). Такъ какъ ощущенія сопротивленія заставляютъ очень живо воображать дѣйствительность, то галлюцинаціи сопротивленія дѣйствуютъ самымъ губительнымъ и потрясающимъ образомъ на душевное здоровье **).

Но, вѣдь, и вопросъ-то весь въ томъ, какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ душевное здоровье отличать отъ душевной болѣзни? Когда замѣшаны всѣ чувственныя ощущенія, и въ то же время галлюцинирующей съ большимъ остроуміемъ опровергаетъ всѣ возраженія, которыя можно привести противъ воображаемаго міра, съ которымъ онъ сжился, то какъ рѣшить въ такомъ случаѣ, кто тутъ правъ?

Отдѣльныя чувственныя воспріятія сами по себѣ не могутъ рѣшить дѣла. Каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, можетъ основываться на иллюзіяхъ или галлюцинаціяхъ. Единственно возможное рѣшеніе можно получить только, если обратить вниманіе на *связь между различными чувственными воспріятіями*. Отдѣльныя точки, въ которыхъ выступаетъ ощущеніе сопротивленія, — остановимся пока на этомъ, — не изолированы, но являются во взаимной связи. Задача индивидуума — расположить свои представленія согласно этой связи. Если онъ не можетъ сдѣлать этого какъ слѣдуетъ, то наткнется на противорѣчіе и въ концѣ концовъ испытаетъ практическое разочарованіе или страданіе. А если онъ, можетъ быть, и нашелъ какъ разъ

*) *Brierre de Boismont*: Des hallucinations, 3-е изд., стр. 597 и слѣд.

***) Ср. *Е. Краепелин*: Объ обманчивыхъ воспріятіяхъ (*Vierteljahrsschrift für wissen. Phil. V*, стр. 365).

такой порядокъ для представленій, въ какомъ они являлись, но попалъ въ противорѣчіе съ *новыми* опытами, то возникаетъ сомнѣніе въ вѣрности уже и первыхъ воспріятій. Если же не возникаетъ сомнѣнія и продолжается взаимодействіе съ внѣшнимъ міромъ, то неизбежна гибель. Поэтому-то дѣти и сумасшедшіе стоятъ внѣ борьбы за существованіе: они не способны поправлять опытомъ свои представленія.

Дѣйствительность—это то, что мы воспринимаемъ, какъ дѣйствительное,—что, несмотря ни на какое сопротивленіе, мы должны оставить такъ, какъ оно есть,—чего мы не можемъ не признать. Это «не можемъ не» является *отрицательнымъ* и *субъективнымъ критеріемъ*, и о другомъ критеріи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Кто видитъ сонъ, для того онъ—дѣйствительность; при пробужденіи человѣкъ открываетъ, что сонъ былъ только призрачною дѣйствительностью, которая обусловлена другою, необъятною дѣйствительностью, и находитъ въ ней свое объясненіе. Пока мы можемъ жить во снѣ, не натываясь на рѣзкія противорѣчія и противорѣчивые опыты, до тѣхъ поръ мы вѣримъ въ дѣйствительность сна. Но наступаетъ наконецъ моментъ, когда нить разрывается. Даже самый послѣдовательный сонъ есть только отрывокъ сравнительно съ тѣмъ цѣлымъ, въ которое насъ вводитъ осложняющійся опытъ. Такимъ-то путемъ исправляются всѣ тѣ изъ нашихъ идей, которыя не коренятся въ дѣйствительности; раньше или позже обнаружится ихъ ограниченность и окажется, что на небѣ и на землѣ есть больше, чѣмъ намъ грезилось въ нашей философіи.

На этомъ пути познаніе отдѣльнаго индивидуума находитъ себѣ завершеніе въ общей картинѣ связи, звеномъ которой является и онъ самъ. Но собственныя силы индивидуума тутъ не много значатъ. Онъ не можетъ исправить всѣхъ своихъ иллюзій, если стоитъ особнякомъ. Точно такъ же невозможно это для *отдѣльнаго народа* и для *отдѣльной эпохи*. Общія картины, образованныя *отдѣльнымъ индивидуумомъ*, *народомъ* или *вѣкомъ*, въ свою очередь вступаютъ между собой въ борьбу, и благодаря этой борьбѣ медленно развивается міросозерцаніе рода, получая все больше и больше ясности и прочности. Психологія индивидуума ведетъ тутъ отчасти къ психологіи народа, отчасти къ исторіи наукъ.

Этимъ ничуть не рѣшается вопросъ, можно-ли вообще достиг-

нуть такой цѣли. Но прежде, чѣмъ коснуться великой проблемы, возникающей при этомъ, мы должны выдвинуть важное понятіе, къ которому привело насъ предыдущее изслѣдованіе; здѣсь вполнѣ умѣстно выяснитъ психологическую основу этого понятія.

3. Дѣйствительность, какъ это видно изъ только-что изложеннаго, даетъ о себѣ знать прочной связью воспріятій. Поэтому въ дѣйствительности отдѣльныхъ воспріятій, въ дѣйствительности отдѣльныхъ вещей и событій—мы никогда не бываемъ убѣждены такъ твердо, какъ въ дѣйствительности связныхъ рядовъ вещей и событій. Чѣмъ больше послѣдовательности въ сумасшествіи, тѣмъ оно опаснѣе.

Прочная нить, благодаря которой вещи и событія входятъ въ составъ дѣйствительности, какъ связнаго цѣлаго, называется *отношеніемъ причинности*. Мы принимаемъ причинное отношеніе тамъ, гдѣ замѣчаемъ, что два явленія связаны между собой такъ, что *неизбѣжно* наступаетъ одно, когда дано другое.

По *ходячему взгляду на причинное отношеніе* одна вещь бываетъ причиной, другая—дѣйствіемъ. Могло бы явиться нѣкоторое затрудненіе: какимъ образомъ вещи, существующія сами по себѣ, бываютъ въ такомъ отношеніи, какое надо признать за причиной и дѣйствіемъ? Но ходячая точка зрѣнія легко обходитъ эту трудность, приписывая вещи, называемой «причиной», способность производить и вынуждать. Причины олицетворяются; имъ приписывается что-то въ родѣ личнаго волевого напряженія.

Давидъ Юмъ первый разобралъ ходячее понятіе причинности. Что собственно думаютъ,—спрашиваетъ онъ,—говоря, что одна вещь—причина другой? Если отвѣтить на это, что причина *порождаетъ* дѣйствіе, то въ такомъ случаѣ, что же повимать подъ этимъ «порожденіемъ»? Можно-ли объяснить это понятіе какъ-нибудь иначе, а не причиненіемъ, такъ что мы, значить, вращаемся въ кругу?—Если же говорить, что *причинное отношеніе* есть только *необходимая* связь между вещами, то какъ же собственно можно въ такомъ случаѣ доказать эту *необходимую* связь? Никакъ *не путемъ вывода*. Всѣ наши отчетливыя представленія можно безъ труда разъединять, и намъ ничего не стоить представить, что предмета теперь нѣтъ, а въ слѣдующій моментъ онъ уже есть; для этого намъ вовсе не нужно какого бы то ни было представленія о причинѣ или о производящемъ принципѣ. Когда мы каждую вещь рассматриваемъ особнякомъ, то ни одна

изъ нихъ не предполагаетъ *непрѣменно* другой. Но не можемъ мы прийти къ понятію причинности и *путемъ опыта*. Мы видимъ, что одно явленіе существуетъ вмѣстѣ съ другимъ или слѣдуетъ за нимъ, но не видимъ, чтобы оно слѣдовало изъ другого. Самого порожденія или причиненія мы не видимъ.— Итакъ, та прочная связь, которую мы признаемъ за двумя вещами, *причиной и дѣйствіемъ*, не принадлежитъ самимъ предметамъ. *Необходимость существуетъ только въ сознаниіи, а не въ вещахъ*. Но что же бы это такое могло связывать подобнымъ образомъ наши представленія? Само по себѣ это такъ же загадочно, какъ и связь между предметами. Единственно возможное объясненіе то, что продолжительный опытъ порождаетъ *привычку*, инстинктъ, склонность переходить отъ одного представленія къ другимъ, съ которыми оно обыкновенно связано. Затѣмъ это субъективное стремленіе, которое мы испытываемъ при ходѣ нашихъ представленій, антропоморфически переносится на природу *).

Юмъ подрываетъ обычный взглядъ на причинность, послѣдовательно перебирая всѣ его предположенія. Критика Юма опирается на то, что причина—это одно, а дѣйствіе—совсѣмъ другое. Такое обособленіе отдѣльныхъ звеньевъ причиннаго отношенія тѣсно связано съ его психологическою теоріей, которая въ сознаниіи видитъ сумму или рядъ самостоятельныхъ представленій (см. выше В, 5).

Вмѣсто того, чтобы вслѣдъ за Юмомъ говорить, что въ вещи нельзя видѣть или выводить изъ ея понятія причину или дѣйствіе другой, мы должны наоборотъ утверждать, что *мы вообще знаемъ о вещи только въ той степени, въ какой она является причиной или дѣйствіемъ*. Вещи всегда даны намъ какъ звенья связи. Если ихъ вырвать изъ этой связи, гдѣ они живутъ и дѣйствуютъ, то, конечно, кажется удивительнымъ, что въ нихъ есть еще что-нибудь общее между собой. Юмъ говоритъ, что вещь остается всегда одною и тою же, причина-ли она, или нѣтъ. Но та вещь, которая является причиной, т.-е. отъ которой происходитъ перемѣна, должна вѣдъ находиться въ другомъ внутреннемъ состояніи, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда черезъ нее не происходитъ никакой перемѣны. Она не можетъ произвести перемѣны, не подвергаясь сама измѣненію. Вмѣсто того, чтобы начинать съ

*) Treatise on human Nature, книга I, часть 3, отд. 3—14.

представленія о самостоятельныхъ вещахъ и удивляться причинному отношенію, было бы, конечно, основательнѣе начать съ причиннаго отношенія и удивляться самостоятельности вещей.

Юмъ ясно видѣлъ связь между теоріей причинности и психологіей познанія. «Принципъ, связывающій наши внутреннія представленія,—говоритъ онъ (I, 3, 14),—точно такъ же непонятенъ, какъ и принципъ связи внѣшнихъ предметовъ». Если исправить психологію Юма, то и теорія причинности подвергнется соотвѣтствующимъ поправкамъ.

Различіе и противоположность—это условія, чтобы *для насъ* возникали явленія (ср. II, 5 и V A, 5). А съ другой стороны какъ разъ новое и разнообразное *возбуждаетъ изумленіе* и приводитъ въ движеніе наше влеченіе къ познанію. Пока вещи и явленія оказываются въ нашихъ глазахъ совершенно различными, они намъ не понятны. Мы силимся тогда устранить это различіе и противоположность, сводя новое явленіе къ хорошо извѣстному и утверждая, что новое есть *продолженіе* или *превращеніе* того же самаго явленія въ другую форму. Если оказывается, что явленіе *B* неизбѣжно слѣдуетъ за явленіемъ *A*, то въ *B* мы собственно знакомимся съ *A* съ новой стороны. Пока мы не идемъ дальше голаго воспріятія, *A* и *B* кажутся двумя совершенно различными вещами. Грозовая туча и молнія не имѣютъ въ воспріятіи ни малѣйшаго сходства. Но чѣмъ больше мы можемъ вникнуть въ отношеніе между этими явленіями, тѣмъ болѣе мы открываемъ *непрерывную связь*, простирающуюся на то и другое явленіе. Молнія, это мгновенное явленіе, составляющее такой рѣзкій контрастъ съ сизо-голубой тучей, есть только продолженіе (разряженіе) электрическаго процесса, происходящаго еще въ тучахъ; благодаря ему, зигзагъ молніи получаетъ въ воздухѣ огненный цвѣтъ. Непрерывность простирается еще и дальше, потому что атмосфера всегда болѣе или менѣе заряжена электричествомъ, даже когда не предвидится грозы. Такимъ образомъ внезапное явленіе оказывается только частною и сконцентрированную формую чего-то такого, что дѣйствуетъ всякую минуту, но въ болѣе слабыхъ степеняхъ. Итакъ, причина (въ приведенномъ примѣрѣ электричество воздуха или тучъ) и дѣйствіе (молнія) являются членами или стадіями одного и того же процесса, и если мы отъ различій, данныхъ для воспріятія, дойдемъ до всеобъемлющей связи, то за различіями увидимъ тождество.

Родство между отношеніями тожества и причинности обнаруживается и въ томъ, что мы ожидаемъ *тѣхъ же дѣйствій*, если даны *та же вещь* и *тѣ же отношенія*. Въ этомъ ожиданіи Юмъ видѣлъ простой результатъ привычки, а *Стюартъ Милль*, исходившій изъ тѣхъ же предположеній, какъ и Юмъ, могъ объяснить его только тѣмъ, что оно является обобщеніемъ чрезвычайно большого количества опытовъ. Однако ясно, что, если *дѣйствительно* даны та же вещь и тѣ же обстоятельства, то должны наступить и тѣ же дѣйствія: ибо дѣйствіе есть не что иное, какъ способъ, какимъ проявляется природа вещи и отношенія. Будь дѣйствіе чѣмъ-то совершенно отличнымъ и отдѣльнымъ отъ причины, то положенію: «та же причина — то же дѣйствіе», можно было бы подыскать основаніе только въ привычкѣ или въ накопленіи опытовъ. Въ всякаго сомнѣнія, часто очень трудно если не невозможно, установить, въ какой мѣрѣ вещи и отношенія дѣйствительно одни и тѣ же. Научная работа большею частью стремится установить дѣйствительно данное при помощи измѣренія, взвѣшиванія и счета, или, пользуясь старыми выраженіями, «со всѣхъ сторонъ описать вещи при помощи чиселъ».

Такимъ образомъ сущность отношенія причинности можно выразить двумя главными положеніями: 1) *причина и дѣйствіе — члены одною и того же процесса, части одною и того же цѣлаго*, 2) *одинаковая причина имѣетъ одинаковое дѣйствіе*.

Но какъ же быть съ положеніемъ, что всякое явленіе имѣетъ свою причину?

Оказалось тѣсное родство между отношеніями тожества и причинности. Такая же близость есть между *началомъ тожества*, высшимъ закономъ мышленія, предположеніемъ всякаго заключенія, а слѣдовательно и всякаго *обоснованія* (В, II), и между *началомъ причинности*, которое требуетъ незыблемой и неизбѣжной связи реальныхъ явленій, и такимъ образомъ является предположеніемъ всякаго *объясненія* бытія. Но начало тожества могло бы имѣть силу, даже если бы за началомъ причинности нельзя было признать никакого значенія. Мы могли бы тогда классифицировать и заключать, но не были бы въ состояніи объяснять происхожденіе различныхъ явленій. Начало причинности указываетъ, какимъ путемъ, сообразно природѣ нашей познавательной способности, мы должны стремиться къ тому, чтобы обосновать реальные явленія. Причинное объясненіе — частный видъ

обоснованія, но его нельзя вывести а priori изъ общаго принципа обоснованія. Оба принципа берутъ свое начало изъ одного и того же основного свойства нашего мыслящаго и познающаго сознания: въ обоихъ принципахъ находятъ себѣ выраженіе одна дѣятельность, ищущая сходства и единства. Они ставятъ нашимъ изысканіямъ задачи, соотвѣтствующія природѣ нашей познавательной способности.

Въ качествѣ начала познания причинность заключаетъ въ себѣ задачу, постулатъ, но сама по себѣ она не даетъ никакого основанія утверждать что-нибудь о томъ, въ какой степени дѣйствительный опытъ можетъ рѣшить эту задачу и удовлетворить этому постулату. *Кантъ* безъ дальнѣйшихъ разсужденій видѣлъ основаніе для закона причинности въ *принципѣ* причинности и считалъ этотъ законъ, т. е. положеніе, что всякое явленіе имѣетъ причину, за апіорный законъ природы, думая, что его предполагаетъ всякій опытъ, въ отличіе отъ сна и иллюзіи. Но вопросъ (поставленный Канту уже *Маймоноу*) въ томъ, въ какой степени у насъ дѣйствительно есть опытъ въ такомъ смыслѣ, а именно какъ необходимая связь между явленіями.

Можно даже утверждать, что намъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не удастся вполне подтвердить законъ причинности путемъ опыта. Принципъ причинности ставитъ идеаль, котораго никогда нельзя осуществить до конца при помощи нашего познанія.

Во-первыхъ, опытъ никогда не можетъ дать намъ абсолютной непрерывности. Во всякомъ развитіи, за которымъ мы можемъ слѣдить, постоянно бывають пробѣлы, необъяснимыя различія. Кто хочетъ отрицать реальную силу закона причинности, для того никогда нѣтъ недостатка въ матеріалѣ. Болѣе того,—этотъ матеріалъ будетъ даже со дня на день увеличиваться; ибо когда мы объяснимъ переходъ отъ *A* къ *B*, принявъ *C* за посредствующій членъ, то вмѣсто одного вопроса возникаютъ два новыхъ,—именно, какъ можно объяснить переходъ отъ *A* къ *C* и отъ *C* къ *B*? Чѣмъ дальше идетъ наука, тѣмъ больше она находитъ и создаетъ загадокъ. Непрерывность — лишь идеаль, который можно провести въ дѣйствительность только съ приближеніемъ.

Во-вторыхъ, опытъ никогда не даетъ намъ и абсолютнаго повторенія. Всегда есть побочныя состоянія и отгѣнки: совершенно одинаковаго положенія никогда не наступаетъ въ другой разъ.

Особенно относится это къ органическимъ, психическимъ и историческимъ явленіямъ, въ виду сложности и запутанности условій, при которыхъ бываютъ эти явленія; но и въ неорганической области можно только приблизительно установить тожество условій въ различныхъ случаяхъ. Итакъ, повтореніе—тоже идеаль.

Въ-третьихъ, *рядъ причинъ безконеченъ* въ томъ же смыслѣ, какъ время и пространство. Если мы останавливаемся гдѣ-нибудь въ нашемъ изслѣдованіи, то это всегда дѣло случая или произвола. По принципу причинности всякая причина въ свою очередь является дѣйствіемъ. Если мы даже въ самыхъ смѣлыхъ гипотезахъ бываемъ принуждены гдѣ-нибудь останавливаться, то это только *фактическая* граница. Мы всегда заканчиваемъ вопросительнымъ знакомъ.

Поэтому въ самомъ строгомъ смыслѣ нельзя объяснить ни одного отдѣльнаго явленія. Съ другой стороны принципъ познанія противорѣчилъ бы самъ себѣ, если бы его даже и *приблизительно* нельзя было подтвердить путемъ опыта. Насъ постигла бы участь Тантала, если бы мы были осуждены искать безъ надежды когда-нибудь найти. И какъ Танталъ вскорѣ умеръ бы отъ голода и жажды, такъ и нашему постулату причинности, подобно всякому бездѣятельному органу, пришлось бы подвергнуться полной атрофіи, если бы вообще это было психологически возможно при такихъ условіяхъ.

Но на самомъ дѣлѣ въ природѣ видны *непрерывность и ритмъ*; движенія и процессы ведутъ отъ одного звена къ другому (даже когда мы не можемъ указать всѣхъ переходныхъ членовъ) и отличаются періодическимъ характеромъ. И если мы не можемъ исчерпать причиннаго ряда, то все же мы въ состояніи обратиться такъ далеко, пока не скроется тропинка. Относительное подтвержденіе принципа причинности заключается уже въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что существуетъ точная опытная наука, какъ бы ни былъ великъ или малъ объемъ ея результатовъ. Въ этомъ смыслѣ *начало причинности—не только постулатъ, но и выводъ.*

Съ психологической точки зрѣнія мы можемъ добавить, что въ мірѣ абсолютныхъ, и только абсолютныхъ различій, въ мірѣ, гдѣ, значитъ, не могъ бы имѣть никакого значенія законъ причинности, была бы невозможна и сознательная жизнь въ томъ

видѣ, какъ мы ее знаемъ. Ни перцепція (V B, 1), ни самосознаніе (V B, 5), ни ассоціація представлений (V B, 8), ни логическое мышленіе (V B, 11) не были бы возможны при отсутствіи всякой непрерывности и ритма въ ощущеніяхъ, посредствомъ которыхъ даетъ себя знать сознанію содержаніе бытія.

4. Полное развитіе понятія причинности является задачей ученія о познаніи, а не психологіи. Въ предыдущемъ мы перешли границу между этими двумя дисциплинами. Мы возвращаемся въ область психологіи только для того, чтобы изслѣдовать *психологическій корень понятія причинности*. Какъ относительно мотива, такъ и относительно формы понятіе причинности вытекаетъ первоначально изъ практическаго интереса.

Только на высшей ступени развитія человѣкъ интересуется связью въ природѣ помимо того, можетъ-ли эта связь служить его собственнымъ цѣлямъ. *Инстинктъ самосохраненія* ведетъ съ самаго начала къ познанію внѣшняго міра: нужда учить думать, какъ она учить молиться. Знаніе, которымъ нельзя прямо воспользоваться, упускается изъ виду. Когда одинъ миссіонеръ разсказалъ индѣйцу о сотвореніи міра, то получилъ на это такой отвѣтъ: «мой отецъ, мой дѣдъ и прадѣдъ обращали вниманіе только на землю, чтобы видѣть, дасть-ли она ихъ лошадямъ достаточно воды и травы. Они никогда не надрывались надъ вопросомъ, что тамъ такое на небѣ» *). И позже наука и знаніе являются средствами, помощью которыхъ человѣкъ приспособляетъ природу къ своимъ цѣлямъ. Вотъ какъ говоритъ *Беконъ*, пророкъ новаго естествознанія и индустріи: «знаніе человѣка и его сила совпадаютъ, ибо незнаніе причины дѣлаетъ невозможнымъ дѣйствіе. Природа поддается только благодаря тому, что ее слушаются. И что въ изслѣдованіи является причиной, то въ дѣятельности бываетъ правиломъ» **). Такимъ образомъ причина на первыхъ порахъ служитъ средствомъ, окольнымъ путемъ, на который человѣку приходится вступить, чтобы достигъ своей цѣли. Только въ чистомъ инстинктѣ смутный позывъ прямо вызываетъ дѣйствіе. Разумъ (въ широкомъ смыслѣ слова) выше инстинкта оттого, что съ позывомъ связывается представленіе о томъ, что же нужно, чтобы удовлетворить позыву.

*) Lubbock: Origin of civilisation, 3-е изд., стр. 370.

**) Novum Organon I, 3.

Въ этомъ представленіи о неизбѣжныхъ посредствующихъ членахъ заключается зародышъ понятій необходимости и причинности, и когда это представленіе получаетъ побольше содержанія и становится предметомъ самостоятельнаго интереса, понятіе причинности отдѣляется отъ понятія цѣли.

Въ тѣсной связи съ этой вначалѣ практической мотивировкой образованія понятія причинности находится первоначальная форма, въ которой оно воспринимается. Вслѣдствіе своей неразрывности съ сущностью сознанія понятіе причинности обнаруживается на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія; но то, въ чемъ ищутъ причины, можетъ быть крайне разнообразно. Что же на различныхъ ступеняхъ духовнаго развитія принимается за хорошія и достаточныя причины,—это зависитъ вообще отъ предвзятой точки зрѣнія. Когда австралійскій негръ видитъ, что его соплеменникъ умираетъ не отъ выстрѣла или какого-нибудь другого внѣшняго поврежденія, то онъ заключаетъ, что здѣсь замѣшано колдовство, и чтобы открыть, кто своей волшебной силой умертвилъ его товарища, онъ слѣдитъ за первымъ попавшимся насѣкомымъ, удаляющимся отъ мѣста убійства; кто первый попадетъ навстрѣчу, тотъ и долженъ быть убійцей *). По своимъ предположеніямъ это—хорошее и рациональное мышленіе. Подобныя предположенія держатся отчасти еще и теперь. Это видно изъ того, что миліоны людей въ очень цивилизованныхъ странахъ приписываютъ такъ называемыя спиритическія явленія влиянію духовъ **). Пока сознаніе принимаетъ боговъ мифологіи или подобныхъ имъ существъ за реальности, до тѣхъ поръ они являются прекраснымъ и удобопримѣнимымъ средствомъ, чтобы удовлетворить потребности въ причинности. Эта потребность при такой точкѣ зрѣнія легко и безъ того находитъ себѣ удовлетвореніе. Если фантазія слѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, ей уже нуженъ отдыхъ, и она спѣшитъ этимъ покончить. Греки видѣли въ богахъ виновниковъ явленій природы (во всякомъ случаѣ всѣхъ важныхъ или бросающихся въ глаза явленій). Но откуда опять-таки явились боги? На это отвѣчаетъ *Гезіодъ* въ своей теогоніи, изображая постепенное развитіе династій боговъ изъ хаоса. Но откуда явился хаосъ,—этого онъ не спрашиваетъ, хотя и прямо говоритъ, что онъ

*) *Fr. Müller: Allgemeine Ethnographie*, 2-е изд., Вѣна 1879, стр. 214.

**) Ср. *Girard de Rialle: La Mythologie comparée*, Paris 1878, I, глав. 14: фетишизмъ у цивилизованныхъ народовъ.

возникъ («прежде всего возникъ хаосъ», ст. 116).—*Между мифологическимъ и научнымъ объясненіемъ природы существуетъ непрерывный рядъ ступеней.* Отъ антропоморфической формы остаются обломки, такъ какъ является необходимость все въ большемъ и большемъ количествѣ посредствующихъ членовъ, и такъ какъ все больше и больше возникаетъ убѣжденіе, что эти посредствующіе члены постоянны и независимы отъ личнаго произвола. *Научное понятіе причинности отличается тѣмъ, что явленіе природы находитъ себѣ объясненіе въ кругу друиыхъ явленій ея.* Природа объясняется сама собой, а не чѣмъ-либо внѣ ея. Если человѣкъ, не чуждый медицинѣ, видитъ внезапную смерть, то онъ освѣдомляется о сложеніи покойника, его образѣ жизни, происхожденіи и т. под. При вскрытіи онъ можетъ найти закупорку (эмболию) одной изъ артерій и въ такомъ случаѣ объясняетъ себѣ смерть или вліяніемъ затрудненнаго притока крови къ мозгу, или остановкой сердца. Такимъ образомъ онъ составляетъ себѣ картину цѣльнаго процесса, гдѣ все укладывается одно подлѣ другого; тогда неожиданное, полное таинственности явленіе окажется только естественнымъ завершеніемъ этого процесса.

5. Тутъ надо поднять еще одинъ вопросъ по теоріи познанія, такъ какъ онъ стоитъ въ тѣсной связи съ психологіей познанія,—именно вопросъ о *границахъ познанія.*

Ученіе объ ощущеніяхъ привело къ выводу, что они подчинены *закону отношенія*, такъ какъ одно ощущеніе, что касается его существованія и качества, опредѣляется отношеніемъ къ другимъ ощущеніямъ. *Соотвѣтствующій законъ* приложимъ и къ нашимъ представленіямъ и понятіямъ. И они относительны, т.-е. выражаютъ отношенія и потому имѣютъ значеніе только для того, въ чемъ можно видѣть членъ какого-нибудь отношенія. Наше познание берется за неразрѣшимую задачу, желая сдѣлать своимъ предметомъ нѣчто такое, что по своей природѣ не можетъ стоять въ какомъ бы то ни было отношеніи ни съ чѣмъ отъ него отличнымъ,—что, слѣдовательно, абсолютно и замкнуто въ себѣ.

Краткій обзоръ важнѣйшихъ нашихъ понятій покажетъ, что законъ отношенія приложимъ не только къ ощущеніямъ, но и къ представленіямъ и понятіямъ.

а. Оказалось, что *сравненіе* является основной формой познавательной дѣятельности на всѣхъ ступеняхъ развитія: какъ во

взаимодѣйствию ошущеній, въ перцепціи, ассоціаціи представлений, такъ и въ логическомъ мышленіи и въ реальномъ изслѣдованіи, направляемомъ принципомъ причинности. Но предметъ сравненія долженъ противопоставляться чему-либо другому, сходному съ нимъ или отличному отъ него. Что ничего не имѣетъ внѣ себя или, лучше, кромѣ себя, того наша познавательная способность не можетъ ни усвоить, ни понять *).

б. Всякое обоснованіе происходитъ на нѣсколькихъ данныхъ предположеніяхъ. Изъ одного начала или предположенія ничего нельзя вывести, точно такъ же какъ и изъ нѣсколькихъ абсолютно различныхъ началъ. Такимъ образомъ нашего познанія никогда нельзя будетъ вывести только изъ одного предположенія; познаніе возникаетъ путемъ комбинаціи нѣсколькихъ данныхъ предположеній. Если дано $A=B$, то это ни на шагъ не подвигаетъ меня дальше, если не дано ничего другого. Но если при этомъ дано $B=C$, то я заключаю, что $A=C$. Если же я хочу идти дальше отъ этого вывода, то я долженъ отыскать новое предположеніе, которое могъ бы комбинировать съ этими и т. д., и т. д.

с. *Время и пространство* въ дѣйствительности всегда относительны. Всякое опредѣленіе времени и пространства предполагаетъ, что есть нѣкоторая твердая точка отправленія. Но эта точка отправленія всегда произвольна; сама она должна быть опредѣлена другими точками и такъ далѣе до бесконечности.

д. Нѣтъ надобности доказывать, что *понятіе причинности* выражаетъ отношеніе. Причинный рядъ въ логическомъ отношеніи составляетъ параллель временному ряду и отдѣльнымъ измѣреніямъ пространства: всякое явленіе, которое въ извѣстной связи считается причиной, съ другой точки зрѣнія можетъ оказаться дѣйствіемъ, точно такъ же, какъ то, что съ одной точки зрѣнія является прошедшимъ, съ другой — было будущимъ, или какъ то, что съ одной точки зрѣнія находится налѣво, съ другой — оказывается направо. Въ связи съ этой относительностью находится бесконечность (т.-е. необъятность) времени, пространства и причиннаго ряда.

е. Наконецъ, всякое познаніе основывается на отношеніи между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ: предметы

*) Этотъ взглядъ въ наше время особенно рѣзко выдвинуть Гамилтономъ и Сенсеромъ. Но уже Спинозъ пришлось предостерегать противъ этого взгляда („Трактатъ о Богѣ“ I, 7).

познанія существуютъ для насъ только въ рядѣ ощущеній, обрабатываемыхъ разными сторонами мышленія; значитъ, объектъ познается только такъ, какъ онъ существуетъ *для насъ*. — *Спрашивается, въ какомъ же смыслѣ наше познаніе истинно*, если оно всегда представляетъ познаваемый объектъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ является въ нашихъ глазахъ, благодаря организациіи нашего духа.

Обычный отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ состоитъ истина нашего познанія, таковъ: «наше познаніе истинно, если оно согласно съ дѣйствительностью». Но какъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ? «Дѣйствительность» мы знаемъ только въ нашихъ ощущеніяхъ и представленіяхъ!—Благодаря нашимъ *ощущеніямъ* мы приписываемъ предметамъ извѣстныя свойства (свѣтъ и темноту, цвѣтъ, звукъ, тепло, холодъ, запахъ, вкусъ и т. д.). Но эти свойства не принадлежатъ самимъ предметамъ; это—языкъ, которымъ мы выражаемъ ихъ такъ, какъ они дѣйствуютъ на нашъ организмъ. Съ чисто физической точки зрѣнія цвѣтъ состоитъ только изъ колебаній, которыя—быть можетъ, въ очень тонкомъ веществѣ, эфирѣ—распространяются отъ предметовъ къ намъ; звукъ состоитъ изъ воздушныхъ волнъ и т. д. Не будь глаза и мозга, не было бы и свѣта, какъ мы его ощущаемъ. Итакъ *мы собственно говоря не ощущаемъ вещей, но наши ощущенія соответствуютъ состоянію, въ которое приходитъ мозгъ, когда до него достигаютъ воздѣйствія отъ предмета*. Даже ощущеніе сопротивленія тутъ не поможетъ намъ; мы всегда измѣряемъ сопротивленіе напряженіемъ собственной силы; но что оно такое само по себѣ, этого мы не можемъ ощущать. Итакъ, въ остаткѣ оказываются пространственныя отношенія, въ которыхъ выступаютъ предметы (здѣсь къ нимъ надо причислить и нашъ собственный организмъ, со включеніемъ мозга). Но пространственныя отношенія мы знаемъ только благодаря созерцанію пространства, а созерцаніе—психическая дѣятельность. Будемъ-ли мы слѣдовать натуристической или генетической теоріи, созерцаніе пространства принадлежитъ къ субъективнымъ формамъ, въ которыхъ и благодаря которымъ намъ даны объекты, и безъ которыхъ мы ничего бы не знали о нихъ.—Съ «самими предметами» дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ и со свойствами ихъ, такъ какъ представленіе о предметѣ мы образуемъ путемъ ассоціаціи представленій объ его свойствахъ. И какъ невозможно *воспринимать* что бы то ни было о предметахъ иначе, какъ путемъ ощущеній и представленій, такъ невозможно

что-либо *мыслить* о предметах иначе, какъ при помощи представленій и понятій. Чтобы можно было употребить въ дѣло указанный обычный критерій истинности нашего познанія, намъ пришлось бы выйти за наше собственное сознаніе и сравнивать предметъ съ образомъ и понятіемъ, которое мы имѣемъ о немъ въ нашемъ сознаніи. Но это невозможно, такъ какъ противорѣчитъ само себѣ.

Обыкновенно это насъ ничуть не останавливаетъ, такъ какъ мы всегда заняты взаимной провѣркой нашихъ представленій и ощущеній. *Когда мы говоримъ, что поправляемъ свои понятія посредствомъ сравненія съ «дѣйствительностью», то «дѣйствительность» не означаетъ чего-либо независимаго отъ сознанія, а только воспріятія опредѣленныя и обширныя тѣхъ, какія мы имѣли до сихъ поръ.* Но если мы возьмемъ всю сумму дѣйствительныхъ и возможныхъ ощущеній и представленій и спросимъ, какъ они относятся къ дѣйствительности, то мы очутимся на границѣ познанія. Мы не можемъ прямо опровергнуть Беркли, Фихте и Стюарта Милля, которые учатъ, что *не-я, совокупность всѣхъ границъ нашего дѣйствія и всѣхъ объектовъ нашего познанія, не что иное, какъ продуктъ несознаваемой нами дѣятельности духа.* Такимъ образомъ, если мы желаемъ поставить дѣло ребромъ, мы не можемъ знать, есть-ли жизнь—сонъ, большой, связный и послѣдовательный сонъ. Или лучше: тутъ исчезла бы всякая противоположность между сномъ и дѣйствительностью.

Значеніе субъективизма для теоріи познанія основывается на его энергическомъ требованіи дать отчетъ, *откуда мы беремъ каждый изъ признаковъ, которыми мы надѣляемъ дѣйствительность.* Но субъективизмъ самъ остается догматичнымъ, утверждая, что наше сознаніе строить образъ всего міра изъ самого себя.

Такое абсолютное творчество какъ разъ противорѣчитъ закону отношенія (ср. в). Должно быть нѣчто такое, что опредѣляетъ и побуждаетъ сознаніе создавать этотъ отчетливый образъ міра. Онъ находитъ себѣ основаніе и объясненіе только, если принять внѣ субъекта нѣкоторый X, *вліяніемъ котораго на субъектъ обуславливается и возбуждается его познавательная дѣятельность.* Что такое этотъ X,—не можетъ сказать никакой опытъ; всякій отвѣтъ на этотъ вопросъ—только метафизическая гипотеза *).—

*) Субъективистическія системы обыкновенно признавали X и высказывали относительно его какую-нибудь гипотезу, смотря по тому, каковы были ихъ остальныя предположенія. Ср. особенно Беркли, Фихте и Шопенгауера.

Такимъ образомъ наше познаніе предполагаетъ нѣчто такое, чего оно никогда не можетъ сдѣлать своимъ предметомъ. Это находится въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему всегда должно быть что-нибудь дано, — что въ каждой точкѣ оно бываетъ не только активнымъ, но и пассивнымъ, хотя съ другой стороны абсолютная пассивность — только предѣльный случай, котораго нигдѣ нельзя видѣть въ опытѣ (ср. стр. 133).

Если оказывается невозможнымъ примѣнить ходячее опредѣленіе истины, какъ согласія познанія съ дѣйствительностью, такъ какъ сама дѣйствительность возникаетъ для насъ благодаря нашему познанію, то мы должны искать критерія въ мірѣ сознанія, а не *вне* его. Да критерій этотъ и не можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, помимо *внутренней гармоніи и послѣдовательности вѣсѣхъ мыслей и опытовъ* (ср. 2). Если мы не можемъ выбраться изъ сна, то все же мы можемъ (какъ это изображено у *Кальдерона* въ его комедіи «Жизнь—сонъ») «отлично жить во снѣ», а это значить, что мы постоянно можемъ расширять область нашего опыта и мысли и устанавливать болѣе глубокую и прочную связь между ними. Прямую непосредственную увѣренность мы имѣемъ только въ отдѣльныхъ и непосредственныхъ явленіяхъ нашего собственнаго сознанія. Но какъ только мы имѣемъ дѣло съ сложными явленіями, единственно доступнымъ критеріемъ истинности можетъ быть прочно установленная причинная связь. Это относится какъ къ внутренней, душевной дѣйствительности, такъ и къ внѣшней, физической. Это практическое значеніе критерія дѣйствительности не зависитъ отъ того, правъ субъективизмъ, или нѣтъ *). По существу дѣла наше познаніе какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи, должно постоянно носить отпечатокъ нашего духа и не двигаться дальше его границъ. Это однако не отымаетъ у познанія ни его пригодности, ни цѣнности. Если есть истина выше той, которая достижима человѣческимъ познаніемъ, то вся познанная нами истина является лишь ея частью. Итакъ, пользуясь тѣми средствами и тѣмъ мѣриломъ, которыя даны намъ природой и организаціей нашего духа, мы дѣйствительно можемъ идти впередъ въ познаніи объективной истины.

*) Ср. статью *Лейбница*: De modo distinguendi phaenomena realia ab imaginariis (Opera philosophica, изд. Эрдмана, стр. 442 и слѣд.).

VI.

Психологія чувства.

А. Чувство и чувственное ощущение.

1. Если мы чувство противопоставляемъ познанію, то это, какъ было указано раньше (IV), вовсе не значить, что мы допускаемъ противоположность между различными способностями или силами души. Психологическія разграниченія касаются только элементовъ, изъ которыхъ, какъ это оказывается при ближайшемъ изслѣдованіи, слагаются психическія состоянія, и прежде было показано, на какомъ основаніи въ каждомъ психическомъ состояніи мы различаемъ элементы чувства отъ элементовъ познанія. Оказалось невозможнымъ вывести всѣ другія формы сознательной жизни изъ одного только чувства (IV, 7с): хотя на первичныхъ стадіяхъ безспорно преобладали элементы чувства, но ближайшее изслѣдованіе показало наличность элементовъ познанія. — Теперь нужно показать, по какимъ законамъ и какими путями *вышія формы жизни чувства развиваются изъ элементарныхъ чувствъ, связанныхъ съ непосредственными чувственными ощущеніями.*

Были попытки совѣмъ отрицать факты такого развитія. Какъ въ области познанія обнаруживалась склонность видѣть довольно рѣзкую противоположность между чувственнымъ воспріятіемъ и мышленіемъ, такъ для высшихъ идейныхъ чувствъ считалось униженіемъ, что имъ приходится быть въ родствѣ съ первичными чувствами. Благодаря этому на психологическіе взгляды совершенно незаконно получаетъ вліяніе этическая оцѣнка. Въ видѣ примѣра такой склонности мы приведемъ, въ другихъ отно-

шеніяхъ превосходное, сочиненіе *Нагловскаго*: *Das Gefühlsleben* (1862). Этотъ психологъ, принадлежащій къ гербартовской школѣ, дѣлаетъ различіе между способомъ, какимъ чувственныя ощущенія опредѣляютъ общее состояніе нашего организма, и тѣмъ способомъ, какимъ дѣйствуютъ на насъ внутреннія движенія и ходъ нашихъ представленій. Только послѣднее воздѣйствіе онъ называетъ чувствомъ. Правда, чувственное ощущеніе, по его мнѣнію, имѣетъ свой особенный «тонъ», но онъ касается только тѣлеснаго состоянія, а не души. Здѣсь видно, какъ спиритуалистическая теорія объ отношеніи между тѣломъ и душой можетъ вмѣшиваться въ спеціальнѣйшій психологическій вопросъ. По Нагловскому физическая боль есть «ощущеніе», которое передается душѣ тѣломъ, тогда какъ душевная боль есть настоящее «чувство», выраженіе собственнаго внутренняго состоянія души во время взаимодействія представленій. Поэтому ощущенія объясняются отношеніемъ между тѣломъ и душой, а чувства—отношеніемъ представленій другъ къ другу.

Нужно еще замѣтить, что всякое чувство, будь оно возвышенное или низменное, характеризуется большою противоположною между *удовольствіемъ и недовольствомъ*. Оба эти полюса сказываются вездѣ, куда ни простирается жизнь человѣка, а потому первый признакъ при указаніи природы чувства это—содержитъ-ли оно удовольствіе или недовольство. Наличие этихъ противоположностей рѣшаетъ своеобразность элементовъ чувства по отношенію къ другимъ элементамъ сознанія. Тутъ есть, слѣдовательно, нѣчто общее *всякому* чувству.—И всякое чувство должно быть *душевнымъ* чувствомъ, такъ какъ душевная жизнь непосредственно познается нами только какъ сознательная жизнь. Различіе чувствъ нужно, во что бы то ни стало, объяснить *различными элементами познанія*, съ которыми они могутъ быть связаны. Такъ называемая физическая боль, т.-е. та боль, которая возникаетъ изъ непосредственнаго чувственнаго ощущенія, не такъ сложна, содержитъ не такъ много элементовъ познанія,—да и всѣ они гораздо проще,—какъ то, что извѣстно подъ именемъ душевной боли. Зубная боль есть *простое, элементарное чувство*, тогда какъ скорбь и раскаяніе—*чувства, предполагающія представленія и воспоминанія*. Съ другой стороны нѣтъ основанія сомнѣваться, что высшимъ чувствамъ, точно такъ же какъ и низшимъ, соотвѣтствуетъ извѣстный физиологическій процессъ.

Разница можетъ быть лишь та, что у высшихъ чувствъ центральные, протекающіе въ мозгу процессы играютъ большую роль, нежели у низшихъ, которыя опредѣляются главнымъ образомъ дѣйствіемъ отдѣльнаго впечатлѣнія.

Отсюда становится возможнымъ, чтобы «тонъ» чувственного ощущенія или способъ, какимъ оно непосредственно вызываетъ въ насъ настроеніе, съ психологической точки зрѣнія явился зародышемъ, изъ котораго развиваются высшія чувства. Прежде чѣмъ мы коснемся ближе этого развитія, разсмотримъ немного тщательнѣе отношеніе между чувственными ощущеніями и связанными съ ними чувствами удовольствія и недовольства или страданія.

2. Въ качествѣ элемента, отличающаго отъ чувственного ощущенія въ собственномъ смыслѣ, чувство отчетливо выступаетъ въ нѣкоторыхъ состояніяхъ, изъ которыхъ видно, что боль, причиненная раздраженіемъ, требуетъ для своего возникновенія больше времени, нежели ощущеніе въ собственномъ смыслѣ, и что ощущеніе можетъ возникнуть безъ соотвѣтствующаго чувства и наоборотъ.

По Бо между осязательнымъ ощущеніемъ и чувствомъ боли, при ударѣ палкою о мозоль, протекаетъ 1—2 секунды. Э. Г. Веберъ нашель, что при опусканіи руки въ очень холодную или очень горячую воду, сперва получается очень сильное ощущеніе, затѣмъ оно уменьшается, чтобы сейчасъ снова усилиться и превратиться въ боль. Нѣчто подобное онъ видитъ въ томъ, что при содраганіи отъ внезапнаго звука (напр. въ музыкѣ отъ неожиданнаго грохота трубъ и литавровъ послѣ паузы) между раздраженіемъ и содрогательнымъ движеніемъ протекаетъ время, доступное измѣренію, и такъ какъ распространеніе раздраженія по чувствительнымъ и двигательнымъ нервамъ не требуетъ замѣтнаго времени, то онъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что мозговая дѣятельность служитъ условіемъ для возникновенія чувства. Та же медленность, что касается возникновенія болевого чувства сравнительно съ возникновеніемъ ощущенія, доказана при электрическомъ раздраженіи, при щипаніи кожи пинцетомъ, а также и въ патологическихъ случаяхъ *).

*) Э. Г. Веберъ въ *Physiol. Handwörterbuch* Варнера III, 2, стр. 565—571. — *Richet: Recherches expérimentales et cliniques sur la sensibilité*, Paris 1877, стр. 290—293. — *Функе: Осязаніе и общія чувства* (Hermanns Handbuch III, 2, стр. 298—300).

Въ спорѣ объ отношеніи между чувствомъ и познаніемъ, который вели между собою *Горвичъ* и *Вундтъ* въ «*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*» (т. 3 и 4), первый изъ названныхъ изслѣдователей ссылаясь на внезапный и сильный ударъ и на толчекъ, какъ на примѣры, гдѣ чувство боли возникаетъ ранѣе ощущенія. При очень сильныхъ раздраженіяхъ, быть можетъ, это бываетъ такъ; однако при раздраженіяхъ средней силы легко убѣдиться, что Бо и Веберъ правы. Такъ я очень ясно испыталъ это на себѣ, когда однажды, заложивъ руку за спину, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и дотронулся до горячей печки, не думая, что она такъ близко; я совершенно отчетливо получилъ тогда осязательное ощущеніе *раньше* боли.

Чтобы быть замѣченной, боль должна съ одной стороны пойти въ ширь, а съ другой—получить извѣстную продолжительность. *Рише* даже говоритъ, что боль безъ воспоминанія и безъ распространенія не была бы болью (ср. стр. 108). Значитъ, она не такой простой природы, какъ чувственное ощущеніе; вѣроятно, она должна преодолѣть больше сопротивленія въ центральныхъ нервныхъ органахъ.

Въ извѣстныхъ случаяхъ чувство боли прекращается, тогда какъ чувственное ощущеніе остается невредимымъ. Послѣ перерѣзки сѣраго вещества спинного мозга можно дѣлать, что угодно, съ частью тѣла, лежащею позади разрѣза,—ее можно бить, рѣзать, сжимать, жечь, не получая ни малѣйшаго признака боли. То же дѣйствіе оказываютъ одуряющія средства, холодъ, опьяненіе и гипнотическій сонъ. Захлороформированный пациентъ, которому ампутировали ногу, хотя и замѣтилъ операцію, но ему казалось, что ее дѣлаютъ надъ деревянной ногой. Послѣ битвы при Эйлау операція прошла почти совсѣмъ безъ признаковъ боли, потому что морозъ доходилъ до 10 градусовъ. Загипнотизированные субъекты не чувствуютъ боли при выдергиваніи зубовъ. Подобно тому, какъ есть *аналезія* (отсутствіе боли) безъ *анестезіи* (отсутствіе осязательнаго ощущенія), точно такъ же бываетъ и *анестезія* безъ *аналезіи* (*anaesthesia dolorosa*). Отъ перерѣзки заднихъ корешковъ спинного мозга исчезаютъ осязательныя ощущенія задней части тѣла, хотя чувство боли остается *).

*) *C. Lange: Rygmarens Patologi* (патологія спинного мозга), стр. 11, 92 и слѣд., 111.—*Richet*, стр. 118 и слѣд., 258 и сл.—*Preyer: Die Entdeckung des Nurnotismus*, стр. 44.

Чувство боли можетъ быть различнаго характера. Оно можетъ пробѣгать цѣлую скалу отъ онѣмѣнія, зуда и мурашекъ (fourmillement) до настоящей боли. Сами боли въ своемъ непосредственномъ появленіи различны. Чувство усталости отлично отъ чувства недовольства при слабости или головокруженіи. Есть жгучія, рѣзущія, давящія, сжимающія и сверлящія боли. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эти различія не надо понимать, какъ различія рода, но они зависятъ отъ различной силы, распространенія и продолжительности боли. Между тѣмъ упомянутыя различія въ непосредственномъ проявленіи боли содержатъ въ то же время доказательство того, что во всякомъ состояніи чувства есть элементы познанія. Если видѣть въ боли элементъ чувства то она проста и не представляетъ различія; если же боль обнаруживаетъ различія, то они образуются изъ чувственныхъ ощущеній, связанныхъ съ нею.

Чувство боли, въ виду своего практическаго значенія, было предметомъ болѣе тщательнаго изученія, чѣмъ *чувство удовольствія*. При чувствѣ удовольствія у насъ нѣтъ мотивовъ зорко слѣдить за его условіями и причинами, тогда какъ чувство боли сейчасъ же занимаетъ насъ въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, чувство боли также яснѣе и отчетливѣе, чѣмъ чувство удовольствія.—Повидимому, чувство удовольствія, какъ и чувство боли, не представляетъ само по себѣ родовыхъ отличій, но различія чувствъ удовольствія проистекаютъ изъ чувственныхъ ощущеній или представлений, сопровождающихъ ихъ.

3. Итакъ въ такъ называемомъ физическомъ удовольствіи и физической боли непремѣнно есть уже *элементы познанія*, помимо *настоящихъ элементовъ чувства*, хотя эти послѣдніе имѣютъ рѣшительно преобладающее значеніе. Мы рассмотримъ вкратцѣ *отношеніе между обоими этими родами элементовъ въ области различныхъ органовъ чувствъ*. Тогда видно будетъ, что области чувствъ можно размѣстить въ рядъ, на одномъ концѣ котораго получаютъ рѣшительный перевѣсъ элементы чувствованія надъ элементами познанія, тогда какъ на другомъ является болѣе равномерное развитіе обоихъ родовъ.

а. *Общее ощущеніе* отличается недостаткомъ опредѣленной и мѣстной характеристики отдѣльныхъ ощущеній. Они исчезаютъ въ общемъ чувствѣ здоровья или недомоганія, которое составляетъ какъ бы результатъ, достигнутый мозгомъ, благодаря из-

вѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ различныхъ частей организма. Мы имѣемъ тутъ чувство нашего существованія вообще, общаго хода жизненнаго процесса; поэтому такое чувство, связанное съ общими ощущеніями, мы называемъ *чувствомъ жизни*. Свойство и количество крови, быстрота кровообращенія, напряженіе сосудовъ (тонусъ), болѣе или менѣе обильныя отдѣленія железъ, ослабленіе или напряженіе (непроизвольныхъ и произвольныхъ) мускуловъ, быстрое или затрудненное дыханіе, нормальный или ненормальный ходъ пищеварительныхъ процессовъ—все это вліяетъ вмѣстѣ, и нѣтъ надобности, чтобы выступалъ одинъ какой-нибудь изъ приведенныхъ моментовъ. Общія ощущенія образуютъ хаосъ, получающій свой отпечатокъ благодаря противоположности между здоровьемъ и нездоровьемъ, и его специальные оттѣнки по самому существу дѣла опредѣляются тѣмъ, что какой-либо органъ играетъ особенно преобладающую роль, хотя онъ отъ этого далеко еще не бываетъ для сознанія прямымъ источникомъ ощущенія. Напротивъ того, свойство общихъ ощущеній таково, что часто они распространяются (иррадируютъ) или проектируются совершенно не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собственно находится причина. Состояніе органа, преобладающаго въ данное время, имѣетъ рѣшающее значеніе для общаго основнаго настроенія.

Это основное настроеніе можно характеризовать только извѣстными общими чертами, которыя находятся въ тѣсной связи съ легкимъ и свободнымъ, или затрудненнымъ и тяжелымъ ходомъ жизненнаго процесса. Такъ чувство свободы, увѣренности и силы вступаетъ въ противоположность чувству внутренняго сопротивленія, безпокойства, боязни и слабости. При противоположности между *чувствомъ силы и чувствомъ слабости* довольно замѣтно играетъ важную роль ощущеніе силы и мускульное ощущеніе. Наши мускулы находятся всегда въ извѣстной степени напряженія даже тогда, когда мы не вытягиваемъ ихъ произвольно; покоющіеся мускулы (при сидѣніи, лежаніи и т. д.) точно такъ же не совсѣмъ бездѣтельны, но частью сокращены; жевательные мускулы всегда произвольно притягиваютъ нижнюю челюсть къ верхней; верхнее вѣко всегда поднимается вверхъ и т. д. Во время сна этотъ «рефлекторный тонусъ» или, какъ его назвали, «скрытая иннервация» уменьшается. Положеніе тѣла тогда больше подчиняется законамъ тяготѣнія, и все-таки есть разница между положеніемъ живого и мертваго. Способность держать тѣло прямо

во всякое время зависить, понятно, отъ энергіи въ каждый отдѣльный моментъ, и если совсѣмъ оставить въ сторонѣ всѣ представленія, прямо получается чувство удовольствія или недовольства, смотря по тому, въ какой степени по плечу указанная задача въ данный моментъ. — *Чувство легкости и свободы* преимущественно связано съ ходомъ дыхательныхъ и питательныхъ функций. Затрудненное дыханіе производитъ *чувство томительнаго безпокойства и боязни*. Если первый крикъ ребенка вызывается жаждою воздуха, которая появляется вслѣдствіе перерыва кровообращенія съ послѣдомъ, то жизнь начинается боязнью. Одинъ больной часто просыпался въ ужасѣ и конвульсіяхъ, потому что дыханіе останавливалось тотчасъ при наступленіи сна, и сердце въ то же время переставало биться. Кошмаръ происходитъ, по видимому (по *Лейкоку*), отъ того, что дыхательные центры спятъ. Многія болѣзни живота сопровождаются тѣмъ же чувствомъ. Больному кажется, «будто природа прекратила въ немъ всякую дѣятельность». Нервные боли въ подложечной ямочкѣ (кардіалгія) — быть можетъ, вслѣдствіе разстройства кровообращенія — могутъ сопровождаться ужаснымъ чувствомъ боязни и безсилія, ставящимъ эти боли въ рядъ самыхъ страшныхъ страданій *).

Въ этой противоположности, между чувствомъ силы и чувствомъ свободы, съ одной стороны, и чувствомъ слабости и боязни — съ другой, выступаетъ очень важная для всей сознательной жизни противоположность между надеждою и страхомъ въ ея простѣйшей, элементарнѣйшей формѣ. Въ одномъ только чувствѣ жизни не сказывается еще опредѣленныхъ чувственныхъ ощущеній или представленій; поэтому надежда и боязнь, какъ чувства жизни, здѣсь еще *совершенно неопредѣленны*; но именно эта неопредѣленность и *кажущаяся безпричинность* придаетъ имъ большую власть надъ сознаніемъ.

На первыхъ стадіяхъ чувства *голода* и *жажды* имѣютъ также неопредѣленный характеръ общаго чувства; они проявляются въ видѣ состоянія не по себѣ, безпокойства. Но скоро съ этимъ однако связываются опредѣленные мѣстныя ощущенія, когда насъ давить и жложетъ въ желудкѣ — при голодѣ, и когда сохнетъ и горитъ на

*) *C. Lange: Rygmarvens Patologi* (патологія спинного мозга), стр. 152 и сл., 344 и слѣд. — *Panum: Nervevævets Fysiologi* (физ. нервной ткани), стр. 106 и слѣд. — *Laycock: О рефлкторныхъ функціяхъ мозга* (*British and Foreign Medical Review*, 1845, т. 19), стр. 306.

языкъ и въ горлѣ—при жаждѣ.—Мы должны здѣсь оставить въ сторонѣ, въ какомъ видѣ выступаютъ эти чувства, когда съ ними связаны опредѣленные представленія объ ихъ значеніи, и когда образовалась привычка принимать пищу въ опредѣленное время *).

в. *Осязательныя и двигательныя ощущенія* стоятъ такъ близко къ общимъ чувствамъ, что часто уходятъ въ нихъ, не проявляясь самостоятельно; у нихъ точно такъ же, какъ и въ общихъ чувствахъ, сила раздраженія играетъ большую роль, чѣмъ качество его. Если между тѣмъ сила не превышаетъ извѣстной степени, то эти ощущенія достаточно тонки, чтобы сопровождаться чувствами удовольствія или недовольства, имѣющими въ сравненіи съ общимъ чувствомъ органическаго здоровья или недомоганія извѣстную самостоятельность. При активномъ движеніи можно чувствовать своеобразное удовольствіе, и одинъ родъ или форма дѣятельности предпочитается другому, — все равно, какъ одинъ пѣтъ другому. Точно такъ же бываетъ удовольствіе отъ прикосновенія къ гладкимъ и мягкимъ поверхностямъ и недовольство отъ прикосновенія къ жесткому и твердому, но этимъ чувствамъ можно уже приписать извѣстный эстетическій характеръ. Чувство удовольствія или недовольства называется *эстетическимъ*, когда оно (во всякомъ случаѣ прямо) не обусловлено практическими инстинктами и побужденіями.

с. *Вкусъ* точно такъ же еще близокъ къ общему чувству. Онъ тѣсно связанъ съ питательною функціею и какъ бы изслѣдуетъ и измѣряетъ то, что она должна принять и переработать. Чувство удовольствія или отвращенія, возникающее, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на той части вкусовыхъ органовъ, которая лежитъ на послѣдней трети языка, имѣетъ совсѣмъ отпечатокъ чувства жизни, опредѣленнаго общимъ ощущеніемъ **). вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь пріобрѣтаютъ опредѣленное значеніе качественныя различія. Уже но-

*) Этотъ «психическій моментъ» (Ranke: Phys. des Menschen, 3-е изд., стр. 220), конечно, играетъ роль также при ощущеніи холода, вслѣдствіе чего взрослый, безъ сомнѣнія, страдаетъ отъ холода больше, нежели ребенокъ, у котораго съ этимъ еще не связано никакихъ представлений. — Perez: Les trois premières années de l'enfant, Paris 1878, стр. 8 и слѣд. (рус. переводъ М. Щериковой, Спб. 1879).

**.) При отвращеніи мы также оставляемъ въ сторонѣ «психическій моментъ». Это чувство можетъ собственно образоваться посредствомъ ассоціаціи представлений отъ раздраженій, которыя сами по себѣ не вызвали бы его.

ворожденныя дѣти, повидимому, въ состояніи дѣлать различіе между разнородными свойствами вкуса. Съ каждымъ такимъ свойствомъ (сладкій, кислый, горькій, соленый) связываются извѣстные оттѣнки чувства. Не смотря на всю ихъ простоту, они не поддаются описанію; но что они есть, можно видѣть изъ того, что для обозначенія высшихъ состояній чувства употребляются выраженія изъ области вкуса.

d. *Обонятельныя ощущенія* точно такъ же представляютъ качественныя различія, но они не обращали на себя такого вниманія, и потому языкъ не выработалъ для нихъ особенныхъ словъ. У животныхъ между чувствами преобладающую роль играетъ обоняніе: благодаря ему, животныя чуютъ добычу, избѣгаютъ опасности; обоняніе также способствуетъ сближенію половъ. Это глубокое значеніе обонянія не вполне исчезло и у человѣка. Обоняніе при дыхательномъ процессѣ играетъ такую же роль, какъ вкусъ при питаніи, и въ то же время вмѣстѣ съ вкусовымъ ощущеніемъ является охранителемъ пищеварительнаго канала. Точно такъ же, какъ и вкусъ, оно можетъ возбудить непосредственно и инстинктивно удовольствіе и отвращеніе—обыкновенно при веществахъ, полезныхъ или вредныхъ для организма. Но обоняніе гораздо въ большей степени, чѣмъ вкусъ, можетъ отрѣшиться отъ инстинкта и чувства жизни и стать источникомъ эстетическаго удовольствія.

e. Высшія чувства, *зрѣніе и слухъ*, кажется, почти совсѣмъ освободились отъ непосредственной связи съ чувствомъ жизни. И все-таки и они на первыхъ порахъ составляютъ его сторожевой постъ. Какъ обоняніе и вкусъ предварительно изслѣдуютъ все, чтобы въ пищеварительный каналъ не попало ничего, что могло бы повредить жизни, такъ обоняніе даетъ знать о приближеніи врага или добычи, такъ зрѣніе и слухъ сперва служатъ инстинкту. Какъ послѣ вкусового ощущенія слѣдуетъ потребность глотанія, такъ видъ хлѣбнаго зерна или насѣкомаго непосредственно пробуждаетъ въ только что высиденномъ цыпленкѣ позывъ выклевать его, или кудахтанье курицы заставляетъ цыпленка быстро бѣжать по направленію къ источнику звука. Глазами можно ѣсть и наслаждаться. На инстинктѣ точно такъ же основывается и то, что всѣ сознательныя существа отъ низшихъ до высшихъ, *при сильныхъ и внезапныхъ свѣтовыхъ или звуковыхъ раздраженіяхъ*, какъ и при внезапномъ прикосновеніи, вздрагива-

ютъ, объятія чувствомъ страха или же удивленія. — Въ упомянутыхъ явленіяхъ надежда и страхъ выступаютъ въ немного болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ та, когда они бываютъ составными частями чувства жизни. Здѣсь ощущенія, возбуждающія чувство, гораздо опредѣленнѣе и отчетливѣе и не сливаются съ нимъ такъ тѣсно, какъ въ выше (а) приведенныхъ формахъ.

Высшія чувства болѣе свободны отъ чувства жизни, во-первыхъ, благодаря опредѣленно выраженной *качественной скаль*. Пока сила раздраженій играетъ главную роль, ощущенія полнѣе сливаются съ чувствомъ жизни въ собственномъ смыслѣ. Это особенно замѣтно на вершинѣ удовольствія и страданія, а также и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чисто интеллектуальныхъ и эстетическихъ чувствахъ. Частныя звуковыя формы и цвѣтовые оттѣнки возбуждаютъ болѣе тонкую игру чувствъ, чѣмъ раздраженія, дѣйствующія, благодаря своей силѣ, на процессы, съ которыми связано существованіе жизни. Затѣмъ не лишено также значенія, что звуковыя и свѣтовые раздраженія вообще не принадлежатъ къ раздраженіямъ, оказывающимъ сильное дѣйствіе на наше тѣло, и что въ органахъ чувствъ есть средства для заглушенія очень сильныхъ раздраженій.

Въ развитомъ сознаніи съ цвѣтами и звуками соединено такъ много побочныхъ представленій, что бываетъ очень трудно открытъ, какое дѣйствіе на чувство имѣютъ элементарныя ощущенія сами по себѣ. На практикѣ мы пользуемся цвѣтами и тонами, какъ средствомъ, чтобы распознаться, — мы не столько думаемъ о нихъ самихъ, сколько о томъ, что они значатъ. Ихъ непосредственнаго дѣйствія мы обыкновенно не сознаемъ и обращаемъ на нихъ вниманіе только тогда, когда настроеніе, вызванное ими, является извѣстной противоположностью по отношенію къ другимъ настроеніямъ *). Чтобы чувствовать подобныя дѣйствія со всею ихъ особенностью, Гете имѣлъ обыкновеніе смотрѣть черезъ цвѣтныя стекла и этимъ способомъ сживаться съ цвѣтомъ, — видѣть свѣтъ зеленымъ, желтымъ и т. д. Его замѣчанія

*) «Разсказываютъ про одного остроумнаго француза: онъ утверждалъ, что его манера разговаривать съ женою измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ она перемѣнила обивку мебели его кабинета — голубую на малиновую». *Goethe: Farbenlehre*, § 762.

о цвѣтовыхъ тонахъ чувствъ еще и теперь остаются классическими *).

Дѣйствіе *свѣта и мрака* на чувство напоминаетъ намъ большія противоположности въ чувствѣ жизни. Для того, чтобы понять то громадное вліяніе, которое имѣетъ свѣтъ на всѣ чувственно воспринимающія существа, безспорно, нужно пойти гораздо дальше зрительныхъ ощущеній. Дѣйствіе свѣта, какъ замѣчено раньше (II, 3), является условіемъ, при которомъ только и могутъ превращаться неорганическія вещества въ органическія. *Свѣтъ*, слѣдовательно, есть *одно изъ элементарнѣйшихъ условий жизни*. Растеніе поворачивается къ свѣту, и если свѣтъ исходитъ не съ одной только стороны, то оно поворачивается въ сторону, откуда идетъ больше всего свѣта. Свѣтъ содѣйствуетъ обмѣну веществъ у животныхъ, особенно дыханію; даже у существъ безъ глазъ дыханіе живѣе на ясномъ воздухѣ, чѣмъ въ темнотѣ. Что дѣйствіе свѣта на глазъ благоприятствуетъ обмѣну веществъ, это, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣдуетъ объяснять рефлекторнымъ дѣйствіемъ зрительнаго нерва на центральный органъ сосудодвигательныхъ нервовъ **).—Уже поэтому удовольствіе отъ свѣта и недовольство отъ темноты составляютъ часть общаго чувства жизни, и то, что люди, на всѣхъ ступеняхъ культуры, приводили въ связь свѣтъ и жизнь, мракъ и смерть, свидѣтельствуетъ о глубокомъ и постоянномъ опытѣ.—Тутъ безъ сомнѣнія играли роль также другіе опыты помимо непосредственныхъ общихъ ощущеній: свѣтъ ведетъ къ увѣренности, тогда какъ мракъ покровительствуетъ врагамъ и опасности. Но настоящая основа заключается не въ этихъ ассоціаціяхъ.

Чувство удовольствія отъ свѣта однако имѣетъ также другой источникъ, не вытекающій, какъ только что упомянутый, непосредственно изъ инстинкта самосохраненія. *Зрительный органъ*, какъ и всякій другой, нуждается въ дѣятельности, и его есте-

*) Ср. кромѣ того, что касается вліянія цвѣтовъ на чувство: *H. C. Ørsted: To Capitler af det Skjønnes Naturlære* (двѣ главы изъ ученія о прекрасномъ), Копенгагенъ 1845.—*Fechner: Vorschule der Aesthetik* II, стр. 212 и слѣд.—*Lehmann: Farvernes elementære Åstetik* (элементарная эстетика цвѣтовъ), Копенгагенъ 1884.—У *Наллоскаа* и *Вундта* также есть хорошія замѣчанія по этому предмету.

**) Ср. *F. Papillon: Свѣтъ и жизнь* (въ сочиненіи: *La nature et la vie*, Paris 1874).—*Landois: Physiologie des Menschen*, 2-е изд., стр. 248 (рус. пер., Харьковъ 1885).—*Panum: Nervevævets Fysiologi* (физиол. нервной ткани), стр. 160.

ственное, нормальное функционированіе связано съ удовольствіемъ, какъ это, повидимому, бываетъ со всякой нормальной функціею. Если уже новорожденный ребенокъ поворачиваетъ глазъ къ свѣту, то это совершается едва-ли только въ виду болѣе быстрого обмѣна веществъ, но также вслѣдствіе влеченія къ естественной функціи. Неудовольствіе отъ мрака поэтому является также выраженіемъ затрудненнаго стремленія къ дѣятельности.

Свѣтъ все-таки не удовлетворяетъ глаза. Зрительный органъ имѣетъ потребность воспринимать въ изобилии *цвѣта*. «Пусть вспомнятъ ту отраду,—говоритъ *Гете*,—когда солнце въ сумрачный день освѣщаетъ одну какую-нибудь часть мѣстности и играетъ на ней цвѣтами. Если цвѣтнымъ благороднымъ камнямъ приписывали цѣлебныя силы, то это могло возникнуть изъ глубокаго чувства такой невыразимой услады».—Дѣйствія цвѣтовъ на чувство зависятъ частью отъ *степени ясности*, т.-е. отъ степени приближенія къ бѣлому свѣту, частью отъ *насыщенности*, т.-е. степени приближенія цвѣта къ спектральному оттѣнку,—слѣдовательно, частью отъ ахроматическаго, частью отъ хроматическаго элемента ощущенія (см. стр. 117). Продолжительность и объемъ раздраженія точно такъ же имѣютъ значеніе; такъ, благодаря чрезчуръ продолжительному и слишкомъ обширному дѣйствию раздраженія, въ насъ возникаетъ неудовольствіе, тогда какъ это же раздраженіе при меньшемъ *распространеніи* (*во времени или пространствѣ*) вызвало бы въ насъ удовольствіе. Для возникновенія чувства удовольствія протяженіе должно быть тѣмъ меньше, чѣмъ обильнѣе цвѣта *).

Что касается *дѣйствія различныхъ цвѣтовъ на чувство*, то уже *Гете* показалъ, что цвѣта можно раздѣлить на два класса, названные имъ положительными и отрицательными, но ихъ, быть можетъ, лучше назвать вмѣстѣ съ *Фехнеромъ* *активными* и *рецептивными*. Активные цвѣта, именно пурпуровый, красный, оранжевый, желтый, имѣютъ стимулирующее дѣйствіе,—они побуждаютъ къ дѣятельности и движенію. Рецептивные цвѣта, къ которымъ слѣдуетъ причислить голубые, дѣйствуютъ подавляющимъ и задерживающимъ образомъ и не побуждаютъ къ дѣятельности, направленной наружу. Желтый и темносиній являются типическими представителями обоихъ рядовъ, и различіе

*) *A. Lehmann: Farvernes elementäre Ästhetik* (элементарная эстетика цвѣтовъ), стр. 78—82.—Ср. *Fechner: Vorschule II*, стр. 213 и слѣд.

между ихъ дѣйствіемъ на чувство очень напоминаетъ различіе между дѣйствіемъ на него свѣта и темноты. *Гете* описываетъ слѣдующимъ образомъ настроеніе, если въ мрачный зимній день разсматривать какой-нибудь ландшафтъ сквозь *желтое стекло*. «Глазъ радуется, сердце расширяется, духъ просвѣтляется; на насъ какъ будто вѣетъ непосредственная теплота». Какъ желтый цвѣтъ напоминаетъ свѣтъ, такъ голубой—темноту. *Гете* говоритъ: «когда мы видимъ высокое небо, далекія горы въ синемъ цвѣтѣ, то кажется, что и передъ нами голубая поверхность... Синій цвѣтъ даетъ намъ чувство холода, точно такъ же, какъ онъ напоминаетъ намъ тѣнь... Синее стекло показываетъ намъ предметы въ мрачномъ свѣтѣ».—Переходъ одного ряда въ другой съ одной стороны (между желтымъ и синимъ) составляетъ зеленый цвѣтъ, съ другой (между синимъ и пурпуровымъ)—фіолетовый. *Зеленый* цвѣтъ производитъ впечатлѣніе могучаго спокойствія, но безъ холода синяго цвѣта и безъ сильнаго возбужденія краснаго. *Фиолетовый* цвѣтъ то ближе къ синему по своей мрачности, то ближе къ красному по своей живости. *Красный* цвѣтъ отличается отъ желтаго бѣльшимъ спокойствомъ и большею силою дѣйствія на чувство. Относительно хорошо освѣщенной мѣстности, разсматриваемой черезъ пурпурно-красное стекло, *Гете* говоритъ: «такой цвѣтъ долженъ окутывать небо и землю въ день страшнаго суда».

Уменьшая освѣщеніе, можно ослабить энергію активнаго ряда; если же усиливать освѣщеніе, то всѣ цвѣта приближаются къ бѣлому, и дѣйствія на чувство подвергаются соотвѣтственнымъ измѣненіямъ.

Въ области слуха противоположности свѣта и темноты соотвѣтствуетъ *противоположность* между *звукомъ* и *тишиною*. Каждый звукъ возбуждаетъ естественное удовольствіе только потому, что онъ приводитъ въ дѣятельность наши слуховые органы. Оглушающая музыка у дѣтей и дикарей удовлетворяетъ только такой потребности этихъ органовъ въ сильной функціи.—Соотвѣтственно активному и рецептивному ряду цвѣтовыхъ оттѣнковъ установлена *противоположность* между *высокими* и *глубокими* *тонами*. Высокіе веселятъ и возбуждаютъ насъ, глубокіе разстраиваютъ и вызываютъ серьезность и тоску. Затѣмъ *звуковые оттѣнки инструментовъ* расположили въ извѣстный рядъ, смотря по этой противоположности. И здѣсь веселость или энергія, серьезность

и спокойствіе соотвѣтствуютъ основнымъ оттѣнкамъ элементарныхъ чувствъ *).

Что примѣнимо къ качеству ощущеній, то также примѣнимо къ ихъ *составу* и къ ихъ *формѣ*. Уже вслѣдствіе способа соединенія отдѣльныхъ цвѣтовъ и тоновъ можетъ быть возбуждено удовольствіе или недовольство **). Сюда относятся чувство удовольствія при симметріи, при опредѣленной соразмѣрности формъ, при ритмѣ и гармоніи. Эти чувствованія также болѣе или менѣе выдѣляются изъ чувства жизни. Мы не будемъ касаться ближе этихъ довольно запутанныхъ отношеній, такъ какъ для нашей цѣли достаточно охарактеризовать самыя элементарныя дѣйствія на чувство.

4. Итакъ чувства, связанныя съ непосредственными чувственными ощущеніями, образуютъ рядъ ступеней, начиная съ чувства жизни и кончая тонко развитыми оттѣнками качественныхъ ощущеній высшихъ чувствъ. Эта лѣстница показываетъ *естественный ходъ развитія элементарныхъ чувствованій*. До опредѣленнаго появленія особенныхъ органовъ и функцій, какъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ, такъ и въ родѣ, чувство можетъ быть только безпорядочною массою, совокупнымъ *выраженіемъ хода жизни*. Его значеніе главнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть мотивомъ движенія. Между тѣмъ для самой жизни необходимо, чтобы *чувство жизни дифференцировалось*, получило частныя формы. Чтобы утверждать свое собственное существованіе, индивидууму непременно надо быть въ состояніи чувствовать *значеніе существованія другихъ вещей*. Но это предполагаетъ специальное развитіе органовъ чувствъ.

Что касается *общаго отношенія между чувствомъ и чувственными ощущеніями*, то мы можемъ теперь установить слѣдующій результатъ. По силѣ они находятся въ обратномъ отно-

*) Ср. Nablowsky: Das Gefühlsleben, стр. 142 и слѣд.—Wundt, I, стр. 471 и слѣд.—Панумъ замѣтилъ, что физическія и фізіологическія наблюденія приводятъ здѣсь къ различнымъ результатамъ. Если принимать во вниманіе длину волны и число колебаній, то красный цвѣтъ будетъ соотвѣтствовать глубокому тону, фіолетовый—высокому; между тѣмъ по фізіологическому раздраженію красный соотвѣтствуетъ высокому, фіолетовый—глубокому тону. Sanserne og de vilkaarlige Bevægelser (чувства и произвольныя движенія), стр. 198 и слѣд.

**) Ср. объ условіяхъ эстетическаго дѣйствія цвѣтовыхъ комбинацій: A. Lehmann, указ. соч., стр. 92—142.

шениі другъ къ другу, а именно, чѣмъ сильнѣе элементъ чувства, тѣмъ больше исчезаетъ чувственно воспринимающій или познающій элементъ. Чувственные впечатлѣнія, вызывающія очень сильное удовольствіе или недовольство, даютъ намъ меньше всего свѣдѣній объ отношеніяхъ внѣ нашего я, какъ бы тамъ велико ни было ихъ практическое значеніе, какъ предостереженій или приманокъ. Въ своихъ самыхъ элементарныхъ формахъ чувство опредѣляется главнымъ образомъ силою раздраженія или степенью, въ какой оно вмѣшивается въ ходъ органической жизни. Такъ это бываетъ особенно съ раздраженіями, вызывающими инстинктивные движенія; ихъ качественная особенность затмевается чувственнымъ побужденіемъ и пыломъ, который они возбуждаютъ. Но гдѣ качественное ощущеніе можетъ проявляться въ такой силѣ, которая подѣлываетъ органу чувствъ, тамъ чувство соотвѣтственно ощущенію получаетъ опредѣленную форму и характеръ. Что оно теряетъ въ силѣ, то выигрываетъ въ богатствѣ и разнообразной нюансировкѣ, а также въ независимости отъ непосредственной борьбы за существованіе.

Та же самая сумма энергіи, которая въ чувствѣ жизни сосредоточивается на единомъ вопросѣ «быть или не быть», на органическомъ благосостояніи, распредѣляется качественными чувствованіями и разносится разными теченіями. Поэтому выигрышь или проигрышь чувствованія отъ качественного дифференцированія находится въ зависимости отъ того, растеть-ли энергія жизни чувствованій, взятая въ цѣломъ, вмѣстѣ съ ея качественною нюансировкою.

В. Чувство и представленіе.

1. Чувства, связанные съ непосредственными ощущеніями, получаютъ особенный характеръ, въ силу качественныхъ свойствъ ощущеній. Простое колебаніе между удовольствіемъ и недовольствомъ развивается въ цѣлый рядъ чувствъ, изъ которыхъ каждое отдѣльное получаетъ свой индивидуальный отпечатокъ, благодаря тому, что оно связано съ опредѣленнымъ содержаніемъ ощущенія. Слѣдовательно, уже здѣсь можно говорить о развитіи чувства путемъ познанія, потому что чувственные ощущенія принадлежатъ къ области познанія въ той мѣрѣ, въ какой мы въ состояніи выдѣлить ихъ отъ чувствъ удовольствія и недовольства. Самое важное отношеніе между познаніемъ и чув-

ствомъ мы получимъ однако только, исслѣдовавъ вліяніе представленій на чувства. Чистое ощущеніе, какъ мы видѣли раньше, — только отвлеченіе; съ впечатлѣніемъ минуты всегда соединяются въ той или другой степени болѣе или менѣе сильные или слабые остатки или воспоминанія прежнихъ ощущеній. Слѣдовательно, пунктъ, гдѣ кругъ и соединенія представленій получаютъ вліяніе на чувство, не можетъ лежать далеко отъ начала сознательной жизни, даже если этому вліянію приходится только со временемъ выступать отчетливѣе.

Мы не можемъ воспользоваться общимъ опредѣленіемъ чувства, какъ дѣйствія ощущеній и представленій на сознание, такъ какъ мы исходимъ изъ того, что чувства удовольствія и недовольства налицо уже въ самыхъ первичныхъ душевныхъ состояніяхъ и даны до всякаго *опредѣленнаго и яснаго* чувственнаго ощущенія. Въ качествѣ первичнаго элемента сознанія, чувство уже дано еще задолго до того, когда ощущеніе и представленіе можетъ оказать какое-нибудь вліяніе; это вліяніе развиваетъ и видоизмѣняетъ только то, что уже дано до него. Если же мы все-таки (стр. 108 и слѣд.) высказались противъ того мнѣнія, что вся сознательная жизнь развивается изъ состояній чистаго чувства, то это произошло частью потому, что едва-ли вѣроятно, чтобы встрѣчались чувства совсѣмъ безъ чувственныхъ ощущеній (во всякомъ случаѣ безъ общихъ ощущеній и ощущеній движенія), частью потому, что въ разной силѣ чувствованій и въ колебаніяхъ между удовольствіемъ и недовольствомъ данъ интеллектуальный элементъ. Слѣдовательно, когда мы говоримъ о чистомъ чувствованіи безъ какого бы то ни было *элемента познанія*, то это только отвлеченіе. Все-таки вполне законно пользоваться этимъ отвлеченіемъ, какъ теоретической основой, такъ какъ, представляя отношеніе въ еще болѣе простой формѣ, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать дѣйствительный опытъ, оно облегчаетъ пониманіе дѣйствительныхъ законовъ.

2. Чувство удовольствія или недовольства естественно вступить въ ассоціацію съ представленіемъ того, что дѣйствительно или повидимому играетъ роль при возникновеніи чувства удовольствія или недовольства, — слѣдовательно, съ его дѣйствительною или кажущейся причиною. Пока не наступитъ такая ассоціація, чувство не имѣетъ ни направленія, ни объекта, — другими словами, не есть чувство *при* чемъ-либо или *отъ* чего-либо.

Мы теперь разсмотримъ въ частности измѣненія, которымъ подвергается чувство въ силу подобной ассоціаціи.

а. *Недовольство* (или страданіе) вслѣдствіе ассоціаціи съ представленіемъ его причины превращается въ *отвращеніе* (гнѣвъ). Определенное отношеніе чувства къ объекту обнаруживается движеніями, имѣющими цѣлю удаленіе объекта или отдаленіе отъ него. *Дарвинъ* описалъ слѣдующимъ образомъ первыя проявленія этого чувства. «Трудно было,—говоритъ онъ,—рѣшить, какъ рано испытывается гнѣвъ; у восьмидневнаго ребенка передъ крикомъ образовались складки вокругъ глазъ; но это, быть можетъ, происходило отъ боли или нездоровья при отсутствіи гнѣва. Когда ему было около десяти недѣль, онъ однажды получилъ довольно холодное молоко, и во время питья у него появилась слабая морщина на лбу, такъ что онъ совсѣмъ походилъ на взрослога, который недоволенъ тѣмъ, что ему надо дѣлать противное его желанію. Но когда ему было четыре мѣсяца, можно было ясно видѣть проявленіе сильной страсти; кровь сильно притекала къ лицу и къ кожѣ головы. Достаточно было малѣйшей причины. Такъ, семи мѣсяцевъ онъ отчаянно кричалъ отъ злости, потому что у него выпалъ лимонъ. Семи мѣсяцевъ, когда ему подали не ту игрушку, онъ ее оттолкнулъ отъ себя и ударилъ ее. Я предполагаю, что ударъ былъ инстинктивнымъ знакомъ гнѣва, подобно тому, какъ молодой, только что вышедшій изъ яйца крокодилъ щелкаетъ челюстями; но я не думаю, что онъ хотѣлъ причинить вредъ игрушкѣ. Когда ему было два года и три мѣсяца, онъ всякому, кто его обижалъ, очень ловко бросалъ въ голову книги, палки и т. д.» *)

Другой ребенокъ, который, быть можетъ, не былъ такимъ драчливымъ, отворачивалъ голову и плакалъ при видѣ чашки, изъ которой ему однажды дали горькое лѣкарство. Въ этомъ случаѣ чувство имѣетъ болѣе пассивный характеръ и приближается къ *печали*. Въ *печали* чувство недовольства определяется также представленіемъ причины, но причиной является здѣсь потеря, или что-нибудь такое, противъ чего нѣтъ возможности принять мѣры. Печаль выражается преимущественно пассивною и согбенною осанкою. Печаль обыкновенно бываетъ созерцатель-

*) Биографическій очеркъ ребенка, Mind 1877, стр. 287 и слѣд.; порусски въ журналѣ «Семья и Школа» 1877, 10, и «Педагогич. Сборникъ» 1877, 11.

наго характера, такъ какъ обнаруживается замѣчательная потребность сохранить предметъ, вызвавшій ее, и упорно оставаться при немъ.

Отвращеніе или гнѣвъ, въ силу дальнѣйшаго развитія и благодаря способности понимать чувство другого индивидуума, приводятъ къ удовольствію отъ того, что личная причина страданія сама должна испытывать страданіе; или къ недовольству, что она испытываетъ удовольствіе (то, что Бенъ мѣтко назвалъ malevolent sympathy). Возникаетъ *ненависть* (мстительность) и *зависть*, тогда какъ отвращеніе, въ собственномъ смыслѣ, и гнѣвъ сами по себѣ побуждаютъ насъ только удалиться отъ объекта или же отстранить его отъ себя.

б. Чувство удовольствія при помощи подобной же метаморфозы превращается въ *радость* и *любовь*. Представленіе о томъ, что существенно связано съ чувствомъ удовольствія, сливается съ нимъ и даетъ ему извѣстное направленіе. Образуется произвольное стремленіе удержать и защитить то, что возбуждаетъ удовольствіе. Радость—такое стремленіе, разсматриваемое съ пассивной, созерцательной стороны; это — удовольствіе отъ того, что остаешься съ объектомъ; любовь обозначаетъ активную сторону, влеченіе къ дѣйствию, которымъ мы можемъ защитить объектъ или во всякомъ случаѣ обезпечить его для насъ. На высшихъ ступеняхъ развитія возникаетъ *симпатія любви*, удовольствіе отъ удовольствія другихъ, точно такъ же какъ недовольство отъ недовольства другихъ (состраданіе).

с. Изъ этого изложенія видно, что нельзя отдѣлить отвращеніе и радость, гнѣвъ и любовь отъ влеченія или стремленія. Всякое удовольствіе или недовольство приводитъ организмъ болѣе или менѣе въ движеніе. Форма и направленіе этого движенія опредѣляется природнымъ строеніемъ организма. Тогда какъ съ одной стороны движеніе часто бываетъ безцѣльнымъ, если даже не вреднымъ, процессомъ разряженія энергіи, пробужденной къ дѣятельности, въ другихъ случаяхъ (въ такъ называемыхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ) оно является цѣлесообразнымъ приближеніемъ къ объекту или удаленіемъ отъ него. Влеченіе образуется, когда это произвольное движеніе проявляется въ сознаніи съ извѣстнымъ представленіемъ цѣли, къ которой оно ведетъ. Если движеніе совершается легко и непосредственно, то вовсе нѣтъ влеченія; тогда все совершается, какъ простое рефлекторное дви-

женіе, подъ порогомъ сознанія. Движеніе должно натолкнуться на извѣстное сопротивленіе, которое однако не должно быть такъ сильно, чтобы какъ разъ вызвать недовольство. Въ каждомъ влеченіи есть нѣкоторое *безпокойство*; но это просто отъ того, что влеченіе указываетъ за предѣлъ настоящаго состоянія покоя, или удерживая причину удовольствія, или устраняя причину недовольства. Чѣмъ больше становится сопротивленіе, тѣмъ больше безпокойство переходитъ въ *недовольство*, при простѣйшей формѣ— въ недовольство отъ задержаннаго движенія. Затѣмъ скоро слѣдуетъ недовольство отъ того, что нельзя удержать объектъ удовольствія, или отъ того, что нельзя приискать средства для устранения причины недовольства. Такимъ образомъ влеченіе все болѣе и болѣе составляется изъ чувствъ удовольствія и недовольства, и вслѣдствіе этого постепенно все опредѣленнѣе отдалается какъ отъ простыхъ рефлекторныхъ движеній, такъ и отъ инстинктивныхъ дѣйствій, вызванныхъ непосредственными чувственными ощущеніями. Влеченіе пріобрѣтаетъ теперь болѣе богатое содержаніе представленій, такъ какъ оно соединяется съ мыслию о томъ, что задерживаетъ или ускоряетъ его цѣль.—Если надо влеченіе различать отъ стремленія, то естественнѣе всего понимать стремленіе, какъ влеченіе во власти ясныхъ представленій.—Если удовлетвореніе очень долго замедляется, или его совсѣмъ не бываетъ, то влеченіе, если оно имѣетъ глубокое основаніе въ природѣ индивидуума, переходитъ въ сильное страданіе.

d. Влеченіе первоначально является порывистымъ ожиданіемъ. Возникающее представленіе сначала не отличается отъ дѣйствительнаго воспріятія; хотя обыкновенно они бывають различной силы, но нѣтъ прирожденнаго знанія о значеніи этого различія; только опытъ, — а это здѣсь все равно, что разочарованіе, — разъясняетъ различіе между возможнымъ и дѣйствительнымъ (стр. 148, гдѣ это отношеніе было рассмотрѣно съ точки зрѣнія психологіи познанія). Когда же представленіе обмана съ большей или меньшей силой укореняется рядомъ съ представленіемъ объ удовлетвореніи, такъ что мысль останавливается то на одномъ, то на другомъ, въ такомъ случаѣ возникаетъ *надежда* или *страхъ*. Пусть α обозначаетъ чувство недовольства, а a — представленіе о томъ, что можетъ его устранить; или пусть α будетъ чувствомъ удовольствія и a — представленіемъ о томъ, что можетъ его сохранить и усилить. Далѣе пусть b будетъ представленіе, которое благоприятствуетъ

a , а c —другое, посредствомъ котораго a уничтожается. Какъ b , такъ и c находится въ связи съ a и, слѣдовательно, оно, по законамъ соединенія представленій, вызывается этимъ послѣднимъ. Тогда возможны двѣ ассоціаціи. *Сознаніе будетъ переходить то отъ a къ b , то отъ a къ c , пока ни b , ни c намъ не даны въ действительномъ опытѣ.* Теперь весь вопросъ въ томъ, какое вліяніе на чувство пріобрѣтають эти перемежающіеся переходы представленій.

Оказалось (А, 2), что чувство вообще образуется медленнѣе ощущенія. Путемъ наблюденія легко убѣдиться, что *чувства возникаютъ и протекають гораздо медленнѣе представленій.* Чтобы перейти изъ радости въ печаль, необходимо больше времени, чѣмъ для того, чтобы перейти отъ представленія о чемъ-либо радостномъ къ представленію о чемъ-либо печальномъ. Даже у сангвиниковъ мысль и фантазія движутся скорѣе настроенія. Когда же сознаніе переходитъ отъ одной изъ данныхъ точекъ зрѣнія (ab) къ другой (ac), то представленіе c будетъ имѣть склонность вызвать новое настроеніе (γ); но такъ какъ между тѣмъ настроеніе (β), вызванное первымъ представленіемъ (b), еще существуетъ, то оба настроенія встрѣтятся и вступятъ въ соединеніе. Это все равно, какъ волны, ударяющіяся о берегъ; вновь прибывающая волна поглощаетъ обратную волну. Вслѣдствіе этого образуется *смѣшанное настроеніе*: надежда,—когда $b\beta$ беретъ верхъ, страхъ,—когда $c\gamma$ одерживаетъ перевѣсъ. Оба чувства предполагають извѣстную игру возможностей.

Настроенія надежды и страха проявляются въ безчисленныхъ степеняхъ и отѣнкахъ, смотря по отношенію возможностей между собой. Чѣмъ больше считается возможнымъ достигнуть цѣли, тѣмъ больше надежда приближается къ *вѣрному ожиданію*, когда душа отдыхаетъ на представленіи о свѣтломъ будущемъ безъ какого бы то ни было безпокойства, кромѣ того, которое неразрывно связано съ сознаніемъ, что настоящее должно уступить мѣсто будущему; чѣмъ меньше считается эта возможность, тѣмъ больше страхъ приближается къ *отчаянію* или *смиренію*. Если возможности принимаются за совершенно одинаковыя, такъ что фантазія одинаково сильно занята обѣими сторонами, то душа чувствуетъ себя раздвоенной. Два различныхъ настроенія стремятся распространиться въ сознаніи, но ни одно изъ нихъ не можетъ получить преобладанія надъ другимъ. Отъ этого возни-

каеть состояніе *сомнѣнія* съ его главной особенностью—мучительнымъ безпокойствомъ, которое можетъ вызвать такое сильное влеченіе рѣшиться во что бы то ни стало, что является совершенно безразличнымъ, въ какомъ направленіи идетъ это рѣшеніе, лишь бы только прекратилось страданіе раздвоенности *). Люди, терзаемые внезапными внушеніями или *idées fixes*, временами страдаютъ такъ сильно, что рѣшаются на убійство или самоубійство, только бы успокоиться **).

е. Когда два встрѣчныхъ чувства пробиваются сразу и стремятся обнаружиться въ одно и то же время съ одинаковою силою, то получается только что упомянутая невыносимая раздвоенность. Но это рѣдкій случай, и онъ продолжается не долго. Когда у Шекспира король Клавдій изображаетъ свое настроеніе во время свадьбы съ вдовою брата, какъ полное равновѣсіе радости и печали ***), то, несомнѣнно, великій поэтъ-психологъ имѣлъ въ виду этимъ охарактеризовать его, какъ лицемѣра, который самъ выдаетъ себя неестественнымъ состояніемъ, которое онъ себѣ приписываетъ. Гдѣ одно чувство не вытѣсняетъ другого, или не низводитъ его на степень подчиненнаго элемента, тамъ они ритмически смѣняются другъ друга. *Платонъ* слѣдующимъ образомъ описываетъ настроеніе, въ которомъ находились ученики Сократа во время послѣдняго разговора съ учителемъ. Федонъ у него говоритъ: «я былъ поистинѣ въ чудномъ состояніи,—это была какая-то не-

*) Отелло (актъ III, сцена 3) говоритъ Яго, когда онъ вызвалъ въ немъ сомнѣніе въ вѣрности Дездемоны:

. . . . Ты меня ужасной пыткойъ предалъ!
Клянусь, вполнѣ обманутымъ быть лучше,
Чѣмъ мало знать...

(Пер. П. И. Вейнберга).

**) Ср. *Ideler: Biographien Geisteskranker*, Berlin 1841, стр. 134.—*Maudsley: Pathologie de l'esprit*, trad. de l'anglais, стр. 359 и слѣд.

***) *Шекспиръ*: Гамлетъ, актъ I, сцена 2.

Съ восторгомъ, такъ сказать, лишеннымъ силы,
Съ слезой въ очахъ и съ ясною улыбкой,
Веселый гимнъ запѣвъ при гробѣ брата,
За упокой при брачномъ алтарѣ,
И на всѣхъ души развѣсимъ ровно
Веселье и печаль...

(Пер. А. Кронеберга).

обычайная смѣсь радости [вызванной содержаніемъ разговора] и печали, такъ какъ мнѣ приходило въ голову, что ему сейчасъ придется умереть. Да и всѣ присутствующіе были почти въ такомъ же настроеніи, — они то смѣялись, то плакали». Такая смѣна бываетъ естественнымъ состояніемъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ различные мотивы. Но она долго продолжаться не можетъ, такъ какъ душа ищетъ равновѣсія и при помощи воспоминанія превращаетъ преемственное въ нѣчто одновременное; вслѣдствіе этого оба чувства сливаются въ одно, — печаль и радость, напр., въ грусть. Такое превращеніе совершается скорѣе въ болѣе мягкихъ натурахъ, чѣмъ въ страстныхъ. Гомеръ изображаетъ Андромаху «улыбающейся сквозь слезы» (*δακρυβεν γελάσασα*), когда Гекторъ передаетъ ей маленькаго сына, чтобы самому поспѣшить на поле битвы.

Зиббернъ справедливо поэтому дѣлаетъ различіе между смѣсью или смѣною различныхъ или даже противоположныхъ состояній чувства и смѣшанными чувствами въ собственномъ смыслѣ слова. Въ смѣшанномъ чувствѣ нельзя отличить составныхъ частей, такъ какъ онѣ служатъ для образованія одного цѣльнаго чувства. «Такъ страхъ побѣждается смѣлостью при мысли о предметѣ страха, или сила, какъ разъ благодаря препятствіямъ и трудностямъ, воспламеняется и увеличивается во время борьбы и напряженій. Сюда же относится извѣстное удовлетвореніе жизнью, болѣе того — блаженство, что побѣждена и низвергнута печаль, или другое дѣйствіе какихъ-нибудь неприяностей» *).

Такія смѣшанныя чувства содержатъ элементы, которые, являясь сами по себѣ, имѣли бы другой характеръ, чѣмъ то цѣльное чувство, въ образованіи котораго они принимаютъ участіе. Грусть, наприм., часто можетъ имѣть характеръ чувства удовольствія, и все-таки это чувство само по себѣ при потерѣ или несчастьи было бы чувствомъ недовольства, если бы оно не уравновѣшивалось или, лучше, совсѣмъ не забивалось другими элементами чувства. Наоборотъ, въ печали и страданіи можетъ быть также элементъ, который самъ по себѣ былъ бы чувствомъ удовольствія, наприм., чувство при воспоминаніи объ утратѣ. Такимъ образомъ мы здѣсь имѣемъ примѣры психической химіи въ области чувства (ср. стр. 186 и слѣд.).

*) Psychologie, Копенгагенъ 1856, стр. 380.

3. Мы разобрали нѣсколько простыхъ формъ чувства, чтобы открыть существующее отношеніе между элементами чувствъ и представленіями, связанными съ ними. Теперь посмотримъ, чему насъ учить этотъ разборъ, что касается закона развитія чувствъ.

Въ старой психологіи замѣтна склонность ставить выше всего познаніе и видѣть въ немъ остоу сознанія. Для Платона бессмертная часть души то же, что мысль или разумъ; чувства удовольствія и недовольства, по его мнѣнію, образовались, какъ и чувственные ощущенія, только отъ включенія души въ вещественное тѣло. Въ новѣйшей идеалистической философіи можно прослѣдить подобный же взглядъ. *Кантъ* и *Вильямъ Гамильтонъ*, наприм., могли себѣ представить духовныя существа съ разумомъ безъ чувства и воли, но не наоборотъ. Сущность сознанія у нихъ совпадаетъ съ познаніемъ. *Consciousness is a knowledge*,—говоритъ Гамильтонъ.

Поэтому видна была склонность примѣнять къ чувствованіямъ законы, найденные для развитія представленій. Такъ это особенно было съ законами соединенія представленій (ассоціація идей). Естественный ростъ мысли основанъ на этихъ законахъ; но имѣютъ-ли они значеніе и въ средѣ чувствованій? Нѣкоторые психологи (изъ старыхъ, наприм., *Спиноза*, *Этика* III, 14) признаютъ это и думаютъ, что родственныя чувства и чувства, до того образовавшіяся вмѣстѣ, впослѣдствіи будутъ воспроизводить другъ друга. Но вопросъ еще въ томъ, обладаетъ-ли чувство *само по себѣ* способностью вызвать другое чувство, какъ бы ни было велико родство и сходство между ними.

Вотъ въ чемъ вопросъ: можетъ-ли элементъ чувства въ духовномъ состояніи привлечь такой же элементъ въ другомъ духовномъ состояніи, или переходъ совершается всегда путемъ соединенія познавательныхъ элементовъ?

1) Состояніе сознанія (A) состоитъ изъ соединенія элемента чувства (α) съ элементомъ познанія (a). Если теперь есть другіе, родственные элементы познанія (a_2, a_3, a_4 и т. д.), имѣющіе склонность возбудить a , то нѣкоторые изъ нихъ могутъ соединиться съ a и черезъ a —съ α . Тогда какъ α прежде опредѣлялось только черезъ a , теперь оно опредѣляется посредствомъ $a + a_2 + a_3 + a_4$. Настроеніе видоизмѣняется, состояніе A становится A_1 . Мы вслѣдствіе этого не получаемъ совершенно новаго рода чувства, но данное чувство распространяется на большую

часть содержанія сознанія. Чувство удовольствія отъ объекта распространится на то, что имѣетъ больше или меньше сходства съ объектомъ. Иногда такимъ образомъ возникаетъ состраданіе, такъ какъ представленіе о страдающемъ состояніи другихъ, при помощи воспоминанія о нашихъ собственныхъ подобныхъ состояніяхъ, возбуждаетъ недовольство.

2) Гораздо больше измѣненія претерпѣваетъ первоначальное чувство, когда новый элементъ познанія соединенъ съ первымъ ассоціаціей по смежности, а не ассоціаціею по сходству. Если мы имѣемъ $A = \alpha + a$, и если a оказывается тѣсно связаннымъ съ b , то A становится A_b , т.-е. чувство еще того же рода, но болѣе частное. Если, наприм., извѣстное качество (a) имѣетъ въ моихъ глазахъ большую цѣну, и я открываю на самомъ дѣлѣ или только въ воображеніи, что я имѣю самъ (b) владѣю, то мое удивленіе (A) становится гордостью (A_b).

3) Наконецъ, если новое представленіе (b) само за собою ведетъ чувство (β), которое оно возбудило бы, преобладай оно только одно, то образуется новый родъ чувства (B). Вмѣсто $A = \alpha + a$ мы получаемъ $B = \alpha + (a + b) + \beta$, т.-е. посредствомъ a и b соединяются α и β . Это схема для развитія надежды, страха, грусти и подобныхъ составныхъ или смѣшанныхъ чувствъ.

Невозможно, понятно, провести рѣзкую границу между этими тремя случаями, такъ какъ уже a_2 и a_3 и т. д., а вмѣстѣ и b должны породить новые оттѣнки чувства, которые сливаются съ прежнимъ.

Итакъ, связь представлений, повидимому, служитъ каналомъ, посредствомъ котораго чувства сливаются между собой. Чувства переходятъ въ новыя чувства, благодаря отношенію мыслей къ новымъ мыслямъ. Между тѣмъ движеніе чувства идетъ медленнѣе, чѣмъ движеніе мыслей; поэтому не удивительно, что интеллектуальный успѣхъ вообще обгоняетъ развитіе чувства. Мысль—самая подвижная часть нашего существа; чувство образуетъ основу, куда только постепенно доходятъ дѣйствія съ болѣе подвижной поверхности. Поэтому сомнительно ожидать отъ просвѣщенія и обученія внезапнаго и быстрого дѣйствія. Положимъ, всякое представленіе имѣетъ свой особенный элементъ чувства, но онъ все-таки всегда наталкивается на чувство, господствовавшее до того времени, и его дѣйствіе опредѣляется послѣднимъ. Такъ какъ чувство такъ глубоко и прочно пустило корни въ сознаніе, то всякое глубоко захватывающее духовное развитіе требуетъ времени, а ходъ и

быстрота развитія опредѣляются не только законами теченія представленій, но и собственными законами жизни чувствованій (ср. отдѣлъ Е). Съ другой стороны то, что ослѣо въ чувствѣ, тѣмъ лучше сохраняется. При слабости сознательной жизни (безъ настоящей душевной болѣзни) интеллектуальныя способности исчезаютъ скорѣе, чѣмъ наклонности чувства, и въ родѣ онѣ держатся больше времени, потому что передаются по наслѣдству чаще, чѣмъ интеллектуальныя способности.

4) Если это мнѣніе *) справедливо, то оно должно найти подтвержденіе въ томъ способѣ, какимъ чувства воспроизводятся въ воспоминаніи, потому что законы сочетанія представленій являются и законами воспоминанія. Сейчасъ же оказывается, что *легче вызвать снова представленія, чѣмъ чувства, связанныя съ ними*. Мы можемъ вызвать передъ собой изъ нашего прошлаго картины и положенія, и только далеко несовершенно—тѣ настроенія, которыя насъ одушевляли **).—Чѣмъ больше душевное состояніе имѣетъ отгѣнковъ, чѣмъ опредѣленнѣе выражены въ немъ черты и отношенія, тѣмъ лучше его можно возобновить въ воспоминаніи. Но отгѣнки и отношенія предполагаютъ сравненіе и принадлежать къ области познанія. Чѣмъ меньше роли играютъ въ состояніи элементы познанія, тѣмъ несовершеннѣе оно поддается воспоминанію. Такъ мы *легче воспроизводимъ смѣну и послѣдовательный рядъ чувствъ, чѣмъ отдельное чувство само по себѣ*. Въ этомъ отношеніи съ чувствомъ дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ оно можетъ обстоять съ чувственными ощущеніями (стр. 171); мы можемъ вспомнить, что мы ихъ имѣли, не будучи въ силахъ

*) Оно намѣчено уже Юмомъ (Treatise II, 1, 5, 8), опредѣленнѣе—Беномъ (Emotions and Will 1, 5) и Курхманомъ (Erläuterungen zu Kants Anthropologie, стр. 447).

***) Лонифелло выразилъ это въ слѣдующихъ красивыхъ строкахъ своей «Золотой легенды»:

Ахъ! память все вернуть готова:
 Мѣста и лица, день и часть,—
 Одно лишь не вернется снова,
 Одно, что дорого для насъ.
 Все внѣшнее опять предъ нами,
 Себя лишь намъ, не воскресить
 И съ обновленными струнами
 Душевный строй не согласить.

Переводъ Вл. С. Соловьева.

собственно вызвать ихъ вновь. Нужны особня обстоятельства, чтобы состояніе чувства было воспроизведено.— Чувства воспомяются посредствомъ представлений, съ которыми они первоначально были связаны, и въ соединеніи съ которыми они составляли известное состояніе сознанія (ср. законъ цѣльности стр. 181). Только если какъ слѣдуетъ углубишься въ воспоминаніе, совсѣмъ сживешься съ нимъ, можетъ пробудиться чувство. Это вытекаетъ очень просто изъ болѣе медленнаго движенія чувствъ; мысль сейчасъ же возвращается назадъ, но развитіе чувства требуетъ времени *). Всегда въ чувствѣ будетъ задержка, которая господствуетъ надъ нами въ настоящій моментъ (ср. V В, 7с); во всякомъ случаѣ она болѣе или менѣе измѣнитъ прежнее чувство, и возникнетъ новое, которое будетъ результатомъ этихъ двухъ [по схемѣ $\alpha + (a + b +) \beta$]. Изъ этого источника происходитъ много иллюзій, которыя мы образуемъ относительно прошлаго.

Тѣ чувства, которыя связаны съ зрѣніемъ и слухомъ, съ свободнымъ представленіемъ и съ дѣятельностью мышленія, воспроизводятся легче, чѣмъ тѣ, которыми мы обязаны низшимъ чувствамъ, и именно легче тѣхъ, которыми мы обязаны растительнымъ функциямъ. Поэтому первая большею частью—въ свободномъ нашемъ распоряженіи, и внѣшнія помѣхи не такъ легко могутъ насъ отрѣшить отъ нихъ, что очень важно, такъ какъ къ этому роду принадлежатъ эстетическія, интеллектуальныя, нравственныя и религіозныя чувствованія.

*) Въ отдѣльныхъ случаяхъ почти патологическаго характера съ воспоминаніемъ можетъ быть соединено совершенно то же свѣжее чувство, какъ и съ пережитымъ вначалѣ. *Литре* упоминаетъ о замѣчательномъ примѣрѣ подобной *automnésie affective* изъ собственного опыта. Десяти лѣтъ, при особенно потрясающихъ обстоятельствахъ, онъ потерялъ маленькую сестру и испыталъ по этому поводу сильную печаль. «Но печаль мальчика долго не продолжается». Между тѣмъ онъ живо сохранилъ это происшествіе въ воспоминаніи, хотя страданіе исчезло. Уже совсѣмъ пожилымъ онъ внезапно безъ всякаго внѣшняго повода почувствовалъ снова то же страданіе. «Вдругъ, независимо отъ моей воли и стремленій, благодаря явленію аффективнаго самовоспоминанія, это происшествіе было воспроизведено со всею мучительностью,—навѣрно не меньше той, какую я испытывалъ въ самый моментъ, когда оно происходило, и она дошла до того, что на глазахъ моихъ показались слезы». Это повторялось не разъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, послѣ чего прекратилось и уступило мѣсто обыкновенному воспоминанію (*Revue philos.* 1877, стр. 660 и сл.).

С. Эгоистическое и симпатическое чувство.

1. До сихъ поръ шла рѣчь о чувствованіи вообще, и мы видѣли, какъ первичное чувство удовольствія или недовольства достигаетъ развитія, направляясь посредствомъ представлений, сливающихся съ нимъ, на опредѣленные объекты. Дальнѣйшее развитіе чувства получаетъ себѣ окончательный отпечатокъ, смотря по тому, окажется-ли въ чувствѣ центромъ тяжести самъ индивидуумъ, или же то, что простирается внѣ его.

Сперва не можетъ выступить та противоположность, которая при полномъ развитіи становится противоположностью между эгоизмомъ и симпатіею (альтруизмомъ). Въ началѣ сознательной жизни представленія далеко не ясны и опредѣленны; поэтому представленіе о собственномъ я еще не вступаетъ въ противоположность къ представленію чего-либо внѣ нашего я или другихъ я. Поэтому съ психологической точки зрѣнія бессмысленно говорить о первоначальномъ эгоизмѣ, если подъ эгоизмомъ понимать сознательное пренебреженіе счастьемъ или несчастьемъ другихъ ради себя. Точно съ такимъ же правомъ можно бы говорить о прирожденной наглости, такъ какъ ребенокъ не знаетъ ни стыда, ни совѣсти.

Въ самомъ началѣ по условіямъ жизни чувствуемое удовольствіе или страданіе всецѣло будетъ опредѣлено тѣмъ, что полезно для сохраненія и развитія собственнаго существованія. Уже бессознательныя движенія, не предполагающія отчетливаго и яснаго сознанія, болѣе или менѣе направлены на нѣчто подобное. Въ нихъ проявляется инстинктъ самосохраненія, который между тѣмъ (особенно у человѣка) отличается большимъ совершенствомъ. Въ произвольныхъ движеніяхъ сосанія и въ склонности все захваченное подносить ко рту можно видѣть стремленіе сосредоточить все вокругъ себя, какъ центра; но между тѣмъ этотъ центръ самъ не служитъ объектомъ какого-либо представленія. Когда возникаютъ представленія о томъ, что возбуждаетъ удовольствіе или недовольство, то инстинктъ самосохраненія сказывается въ видѣ любви или отвращенія и принимаетъ характеръ влеченія (ср. IV, 4 и VI B, 2с).

Если же представленіе о томъ, что увеличиваетъ или тормозитъ самоутвержденіе (самосохраненіе и саморазвитіе), опредѣляетъ чувство, то это послѣднее будетъ выступать или въ видѣ чувства

мощи, или въ видѣ *чувства безсилія*, смотря по тому, располагаемъ-ли мы въ нашихъ глазахъ достаточными средствами для самоутвержденія, или нѣтъ. Подъ словомъ самоутвержденіе здѣсь въ такомъ случаѣ надо понимать не только утверженіе физическаго бытія, но и способность къ духовной ясности и свободѣ, а также къ признанію себя другими (благодаря господству надъ ними, признанію съ ихъ стороны и т. под.). Чувство силы это—активная или положительная форма чувствъ, связанныхъ съ самосохраненіемъ. Это происходитъ отъ того, что представленіе о причинѣ чувства удовольствія (или объ устраненіи страданія) только тогда можетъ возбудить удовольствіе, когда мы въ то же время думаемъ, что эта причина (или это устраненіе) въ нашей власти. «Всякое представленіе о будущемъ,—говоритъ Гоббесъ *), — есть представленіе о возможности нѣчто совершить. Кто ждетъ въ будущемъ удовольствія, тотъ долженъ предполагать въ себѣ силу его достигнуть».

Чувство мощи напоминаетъ намъ чувство силы, которое связано съ непосредственнымъ ощущеніемъ органической жизненной энергіи (VI А, 3а); чувство мощи (и его противоположность) имѣетъ такое же значеніе въ средѣ идейныхъ чувствованій, связанныхъ съ представленіями, какое чувство силы (и его противоположность) имѣетъ для элементарныхъ чувствованій, связанныхъ съ чувственными ощущеніями. Часто чувство мощи является простымъ продолженіемъ или расширеніемъ чувства силы, но все-таки оно можетъ возникнуть, не находя для себя основы собственно въ этомъ послѣднемъ.

Чувство безсилія проявляется въ смиреніи, раскаяніи или самопрезрѣніи, которыя происходятъ отъ того, что не достигаешь желаемого господства надъ жизненными условіями.

Называя разобранныя здѣсь чувства *эгоистическими*, мы этимъ не даемъ ихъ нравственной оцѣнки. Подобная оцѣнка не дѣло психологіи. Мы хотимъ только сказать, что они связаны съ индивидуальнымъ я, съ его стремленіемъ къ существованію, къ распространенію и наслажденію жизнью. Въ инстинктѣ самосохраненія лежитъ стремленіе сдѣлать индивидуальное я центромъ бытія, и это стремленіе разворачивается во всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока не образуется новыхъ мотивовъ для того, чтобы при-

*) Human Nature VIII, 3.

знать въ мірѣ другіе центры удовольствія и недовольства, помимо своего я.

2. Какъ вообще объяснить, что индивидуумъ можетъ чувствовать удовольствіе или недовольство отъ того, что не является средствомъ для его собственнаго существованія?—На этотъ вопросъ было такъ трудно отвѣтить, что нѣкоторые даже отрицали самый предметъ вопроса. Въ этомъ случаѣ всякую симпатію объясняли, какъ скрытое себялюбіе. «Себялюбіе,—говоритъ *Ларошфуко*,—никогда не предается покою внѣ себя и остается при чужихъ предметахъ, только какъ пчелы при цвѣтахъ, для того, чтобы извлечь изъ нихъ то, что для него полезно».—Другіе признали, что бываетъ удовольствіе или неудовольствіе отъ другихъ предметовъ самихъ по себѣ, но вмѣстѣ они старались объяснить происхожденіе такихъ неэгоистическихъ чувствованій по общимъ психологическимъ законамъ. Они берутся даже показать, что можно перебрссить *психологическій мостъ между абсолютнымъ расчетомъ только для самого себя и между абсолютнымъ самоубвеніемъ*, между самосохраненіемъ и отрицаніемъ своего я. Интереснѣе и оригинальнѣе всего это направленіе выражено у *Спинозы* и *Гертли*. Позже *Джемсъ Милль* и *Стюартъ Милль* работали дальше эту теорію.

Здѣсь получаютъ примѣненіе упомянутые раньше законы за-
быванія (V B, 8d). Представленіе, которое послужило поводомъ для возникновенія другого представленія, само можетъ исчезнуть, такъ что это другое представленіе дѣйствуетъ прямо и одно. Избитый примѣръ—самостоятельная цѣнность, которая приписывается деньгамъ, хотя онѣ только средство для пріобрѣтенія извѣстныхъ благъ. У скряги совсѣмъ забыть средній членъ, безъ котораго нельзя найти основанія для цѣнности, и посредствомъ котораго она возникла на первыхъ порахъ. Онѣ любятъ деньги ради денегъ, даже отказывается совсѣмъ отъ благъ, которыя онѣ могутъ доставить. Чувство перенесено *съ цѣли на средство*, или, лучше, оно превратило средство въ цѣль. Такъ личности и вещи, которыя вначалѣ были только объектами радости и любви, потому что доставляли удовольствіе, могутъ слѣдаться непосредственными объектами этихъ чувствъ. Мы ихъ любимъ ради ихъ самихъ, забывъ первоначальное «почему» *).

*) *Paul Friedmann* въ статьѣ: «Генезисъ безкорыстнаго благожеланія» (*Mind* 1878), придаетъ особенное значеніе тому, что люди, живя вмѣстѣ, оказываютъ

Тогда какъ здѣсь дѣйствуетъ главнымъ образомъ ассоціація по смежности, въ другихъ случаяхъ самую большую роль можетъ играть ассоціація по сходству. Это бываетъ тогда, когда другія личности имѣютъ больше или меньше *общаго* съ нами по существу, внѣшности, жизненнымъ условіямъ и интересамъ. Мы тогда *привыкаемъ* не отдѣлять нашего *я* отъ нихъ; мы *непроизвольно* ставимъ себя въ ихъ положеніе при всемъ, что съ ними ни случается,—мы страдаемъ и чувствуемъ съ ними. *Невольно*, въ силу закона сходства, интересъ соскользаетъ съ насъ на другихъ. — Впрочемъ, такимъ образомъ можетъ возникнуть не только симпатія, но также зависть и честолюбіе. И эти чувства происходятъ отъ того, что *вживаешься* въ чувства другихъ людей.

Симпатія предполагаетъ здѣсь, что *общіе интересы* берутъ верхъ надъ враждующими интересами. Далѣе она предполагаетъ, что эти общіе интересы болѣе или менѣе сознательно могутъ приобрести значеніе въ кругѣ представленій индивидуума. Поэтому при ограниченномъ опытѣ, ограниченной интеллигенціи и фантазіи симпатія тоже будетъ ограничена. Исторія также показываетъ намъ, что симпатія сперва развивается въ болѣе узкихъ кругахъ и только потомъ распространяется на болѣе широкіе. Каждый изъ узкихъ круговъ (семья, сословіе, нація, религиозный толкъ) является эгоистомъ по отношенію къ болѣе обширнымъ кругамъ. Наконецъ, симпатія должна получить возможность распространиться на всѣ живыя существа, на всю природу; въ концѣ концовъ она получить въ такомъ случаѣ религиозный характеръ и станетъ тѣмъ, что *Спиноза* называлъ «интеллектуальной любовью къ Богу».

Это—эволюціонная теорія, такъ какъ она не видитъ абсолютной разнородности между эгоизмомъ и симпатіей, но стремится

другъ другу *благодѣянія*, не имѣя даже особеннаго желанія дѣлать это. Чувство, какъ такимъ образомъ ты доставилъ радость другому, пробуждаетъ интересъ къ нему; являются заботы, чтобы *благодѣяніе* продолжалось, потому что, помогая другимъ, чувствуешь свою силу. Возбужденный этимъ интересъ можетъ охватить всю личность, и первоначальный поводъ забывается. — Уже *Аристотель* высказалъ нѣчто подобное. «Благодѣтели, повидимому, любятъ тѣхъ, кому они сдѣлали добро, больше, чѣмъ эти послѣдніе—своихъ благодѣтелей. . . То же самое мы видимъ у художниковъ: каждый любитъ свое твореніе больше, чѣмъ оно бы любило его, будь оно одушевлено». Аристотель объясняетъ это явленіе тѣмъ, что поступокъ есть часть или проявленіе нашего существа (Этика Ник. IX, 7, пер. Э. Л. Радлова).

объяснить ихъ, какъ чувства, развивающіяся изъ одного корня, но при различныхъ условіяхъ. Можно бы назвать эту теорію индивидуальной эволюціонной теоріей, такъ какъ она утверждаетъ, что подобное развитіе или даже развитіе абсолютнаго самопожертвованія изъ абсолютнаго самоутвержденія можетъ совершиться въ теченіе жизни одного индивидуума, если даже не предполагать другихъ условій, кромѣ выше приведенныхъ. Между тѣмъ она несомнѣнно преувеличиваетъ то, чего можно достигнуть въ теченіе жизни отдельнаго индивидуума. Чувства, какъ мы видѣли, —тяжеловѣсныя массы, съ которыми трудно управляться; разъ только онѣ нашли центръ тяжести, онѣ не легко измѣняютъ свое положеніе. Какъ бы тамъ хорошо и естественно ни изображать подобную метаморфозу, но чтобы подвергнуться ей, необходимо больше опытовъ, чѣмъ тѣ, которые можетъ сдѣлать въ своей жизни отдельный индивидуумъ.

Кромѣ того эта теорія предполагаетъ, что есть возможность получить помощь или благодѣтельное воздѣйствіе отъ другихъ. Значить, индивидуумъ не обособленъ, не отдѣленъ рѣзко съ самаго начала отъ другихъ индивидуумовъ. Предполагается общество, внутри котораго развивается индивидуумъ. Итакъ, проблема только отодвинута дальше, и вопросъ въ томъ, мыслимо-ли, чтобы могло возникнуть общество такого свойства, какое дѣлало бы возможнымъ только что изображенное развитіе,—и возникнуть благодаря тому, что происходитъ сплоченіе индивидуумовъ, начинающихъ каждый безграничнымъ инстинктомъ самосохраненія.

Наконецъ, если эта теорія придаетъ значеніе тому мотиву, что индивидуумъ сходенъ съ другими индивидуумами, то она предполагаетъ первоначальное влеченіе къ подражанію, или инстинктъ чувствовать и страдать заодно съ собою подобнымъ. Такъ это, напр., у Спинозы, который намѣчаетъ здѣсь теорію, развитую дальше Адамомъ Смитомъ. Когда видишь, что другой обжегся, то невольно притягиваешь руку къ себѣ. Веселый или печальный видъ другихъ тотчасъ настраиваетъ насъ такимъ же образомъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что эта способность настраиваться извѣстнымъ образомъ, глядя на другихъ, основана на врожденной склонности. Но во всякомъ случаѣ эта способность или это влеченіе нуждается въ особенномъ объясненіи.

Все это указываетъ на то, что недостаточно одного индивидуальнаго влеченія къ самосохраненію, если хочется понять, какъ

индивидуумамъ удалось связать самостоятельную цѣну съ тѣмъ, что лежитъ внѣ ихъ самихъ.

3. Граница психологіи находится тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о происхожденіи индивидуума. Здѣсь не у мѣста попытка разрѣшить эту проблему. Напротивъ, не безынтересно будетъ указать на то, *что многое, что не находитъ себя полною объясненія въ приобретенномъ въ теченіе жизни особи, можетъ стать понятнѣе, если видѣть, какъ особь всюю своею природою выходитъ изъ рода.*—Что бы тамъ ни было съ психологическою индивидуальностью (центромъ удовольствія и страданія, воспоминанія и самосознанія), физиологія показываетъ намъ, что разъединеніе особей совершается постепенно, и что стадіи, на которой материнскій и новый организмъ являются самостоятельными по отношенію другъ къ другу, предшествуетъ стадія, на которой они составляютъ одно жизненное цѣлое или одинъ организмъ.

Размноженіе находится въ такомъ же отношеніи къ роду, какъ самохраненіе, питаніе и возобновленіе къ индивидуальному организму. Рядъ живыхъ существъ представляетъ всевозможныя *переходныя формы между индивидуальнымъ самохраненіемъ и воспроизведеніемъ новыхъ особей изъ вещества материнскаго организма.* У растений и низшихъ животныхъ отдѣльныя клѣтки какой-нибудь части организма могутъ вести самостоятельную жизнь тотчасъ по отдѣленіи ихъ отъ материнскаго организма. Чѣмъ выше мы поднимаемся въ ряду существъ, тѣмъ сложнѣе дѣлаются условія для подобнаго развитія или продленія жизни организма въ новыхъ организмахъ. Но также и для существъ, которыя размножаются посредствомъ сѣмени и яицъ, и у которыхъ поэтому новый организмъ возникаетъ изъ клѣтокъ, происшедшихъ отъ двухъ различныхъ организмовъ, имѣетъ значеніе то же основное отношеніе, такъ какъ яйцевыя и сѣменные клѣтки образовались въ материнскомъ и отцовскомъ организмахъ и даже на ихъ счетъ. Каковъ бы ни былъ родъ размноженія, все-таки органическая особь первое время своей жизни проживаетъ въ видѣ части другого организма. Какъ принято думать, яйцо образуется въ материнскомъ организмѣ еще до его рожденія, а по мнѣнію нѣкоторыхъ—даже уже въ яйцѣ материнскаго организма *).

*) Ditlefsen: Menneskets Histologi (гистологія челоѵка), стр. 244.—Клодъ Бернар: Leçons sur les phénomènes de la vie, стр. 311.

Итакъ, хотя происхожденіе особи въ концѣ концовъ теряется въ дали какъ для фізіологіи, такъ и для психологіи, но мы все-таки получили важное указаніе, что его нужно искать въ прежнихъ организмахъ, и что *разъединеніе между самостоятельными организмами только результатъ процесса развитія*. Происхожденіе особи поэтому подводится подъ болѣе общую фізіологическую точку зрѣнія. Ростъ, какъ говоритъ Беръ *), есть питаніе съ образованіемъ новыхъ элементовъ,—слѣдовательно, продолжающееся рожденіе, а рожденіе есть не что иное, какъ начало новаго роста.

Такъ какъ такимъ способомъ самосохраненіе и размноженіе переходятъ другъ въ друга, какъ уже училъ Платонъ въ «Пирѣ», то мы получаемъ здѣсь *фізіологическую основу для перехода между чувствомъ удовольствія отъ того, что касается самого индивидуума, и чувствомъ удовольствія отъ того, что находится внѣ его собственнаго жизненнаго процесса*. Симпатія, какъ видно, здѣсь въ полномъ смыслѣ слова вырастаетъ изъ самосохраненія. Даже послѣ того, какъ рожденіемъ прекращается физическая связь между материнскимъ и новымъ организмомъ, *инстинктъ* поддерживаетъ еще тѣсную связь. Самые удивительные инстинкты живыхъ существъ какъ разъ тѣ, которые побуждаютъ одно поколѣніе очистить путь другому. Многія насѣкомыя заготовляютъ пищу и кровь личинкамъ, которыя развиваются изъ ихъ яицъ, которыхъ они больше никогда не увидятъ. Материнская любовь къ какой бы то ни было формѣ не знаетъ вопроса «почему»; между тѣмъ самымъ смутнымъ образомъ и чисто инстинктивнымъ путемъ она проявляется тамъ, гдѣ мать не видитъ въ ребенкѣ самостоятельнаго организма. Только когда этого нѣтъ, могутъ начать дѣйствовать общіе психологическіе законы, такъ что материнскій инстинктъ становится дѣйствительно *материнскимъ чувствомъ*. Инстинктивная забота о существахъ, о которыхъ особъ даже не можетъ имѣть представленія, направляется въ частностяхъ чувственными ощущеніями. *Инстинктъ состоитъ изъ соединенія сильнаго чувства съ извѣстными чувственными ощущеніями и произвольными двигательными импульсами*. Когда, вмѣсто того, чтобы испытывать простое чувственное ощущеніе, ребенка можно видѣть и пред-

*) Entwicklungsgeschichte der Thiere II, стр. 4.

ставлять, чувствованіе пріобрѣтаетъ высшую форму. Ласки и улыбки ребенка, его безпомощное состояніе, чувство близости, которое вызываютъ постоянныя благодѣянія въ дающемъ лицѣ, развиваютъ ясное и задушевное чувство изъ первоначальнаго и инстинктивнаго. Чувство теперь опредѣленно выдѣляется изъ общаго чувства жизни и можетъ даже стать къ нему въ рѣшительную противоположность.—Какъ сильно материнское чувство въ сравненіи съ инстинктомъ самосохраненія, видно изъ мужества, съ которымъ животныя защищаютъ своихъ дѣтенышей, и изъ печали, которую они чувствуютъ при ихъ потерѣ. Ласточки влетаютъ въ горячіе дома, чтобы спасти своихъ дѣтенышей. Самка кита, не оставляетъ своего дѣтеныша, избитаго острогою до тѣхъ поръ, пока онъ еще живъ. Когда морскіе коты, убѣгая, должны оставить своихъ дѣтенышей, то они скоро опять возвращаются, ищутъ ихъ, проливаютъ (по *Брему*) обильныя слезы и въ горѣ плаваютъ нѣсколько дней около берега. Нѣкоторыя животныя стараются отвлечь вниманіе нападающихъ съ дѣтенышей на самихъ себя. Подобныя черты тѣмъ значительнѣе, что борьба за существованіе имѣетъ стремленіе произвести совсѣмъ не такія свойства, вслѣдствіе того, что слабые и раненыя ложатся тяжелымъ бременемъ и навлекаютъ опасность, почему многія животныя (напр. голуби, слоны, олени) плохо обращаются со своими больными и ранеными товарищами и прогоняютъ ихъ *).

Материнская любовь исчезаетъ у животныхъ и у людей, стоящихъ на низкомъ уровнѣ, когда безпомощный возрастъ ребенка прошелъ. Въ этомъ отношеніи психологически очень важно, что высшіе организмы развиваются медленнѣе, такъ что періодъ, во время котораго мать и ребенокъ соединены инстинктомъ, болѣе продолжителенъ. Это даетъ болѣе прочную основу для психологическаго развитія чувства. Гдѣ бываетъ *постоянное отношеніе между матерью и ребенкомъ*, тамъ чувство достигаетъ еще высшей формы, такъ какъ оно обнимаетъ не только физическую, но и духовную индивидуальность ребенка. Когда образовалось живое представленіе о самостоятельной сознательной жизни ребенка, то уже совершенно готово психологическое удвое-

*) Ср. посмертную статью *Дарвина* объ инстинктѣ, напечатанную у *Роменса*: *Mental Evolution in Animals* (стр. 381). См. «Рус. Богатство» 1885, 1 и 2.

ніе, въ которомъ состоитъ симпатія. Чувствуешь удовольствіе и страданіе потому, что другое существо чувствуетъ удовольствіе и страданіе, точно такимъ же образомъ, какъ колебанія одной струны приводятъ въ подобное же колебаніе другую.

До сихъ поръ шла рѣчь только о материнской, а не объ отцовской любви, потому что отцовская любовь сильно проявляется только на высшихъ ступеняхъ. Материнская любовь не только самое сильное симпатическое чувство; она, если видѣть въ рядѣ живыхъ существъ выраженіе великаго процесса развитія, составляетъ также и то симпатическое чувство, которое обнаруживается раньше всѣхъ, и которое, завязывая самое первоначальное общественное отношеніе людей, въ то же время кладетъ основу для всѣхъ средствъ и формъ, путемъ которыхъ симпатія можетъ развиваться далѣе и выше. Отношеніе между матерью и ребенкомъ представляетъ самую первичную семью и самое первичное общество. Оно дѣлаетъ *) невозможнымъ чистое «естественное состояніе», безусловный индивидуализмъ. Въ животномъ мірѣ самецъ рѣдко принимаетъ участіе въ заботѣ о дѣтенышахъ. Отецъ является для собственныхъ дѣтенышей даже врагомъ и бываетъ для нихъ опасенъ. Замѣчательный примѣръ эгоизма самца и въ то же время самопожертвованія со стороны самки описываетъ *Дарвинъ* въ своемъ «Путешествіи вокругъ свѣта». Дикіе жеребцы на Фалькландскихъ островахъ постоянно рыщутъ съ мѣста на мѣсто и заставляютъ кобылицъ идти за ними, не обращая вниманія на то, въ состояніи-ли, или нѣтъ, жеребята слѣдовать за ними. Одинъ человекъ видѣлъ, какъ жеребецъ въ теченіе часа сильно билъ и кусалъ кобылицу и заставилъ ее бросить жеребятъ на произволь судьбы. Мужской эгоизмъ проявляется также и въ человѣческомъ мірѣ, такъ какъ и здѣсь на низшихъ ступеняхъ попеченіе о дѣтяхъ предоставлено матери. Только тамъ, гдѣ бракъ пріобрѣтаетъ прочныя формы,—а это бываетъ, какъ училъ еще *Люкрецій* (V, 108), особенно тогда, когда селятся въ прочныхъ жилищахъ,—только тогда можетъ отцовское отношеніе сдѣлаться источникомъ развитія симпатическихъ чувствъ. Тогда отцовское чувство становится рядомъ съ материнскимъ.

Признакомъ того, что полубезсознательный инстинктъ, при раз-

*) Ср. Die Grundlage der humanen Ethik, Боннъ 1880, стр. 16, 40 и сл.

витіи симпатіи въ челоѣческомъ родѣ *), предшествуетъ собственно психологическому развитію, обусловленному законами связи представленій, можетъ служить то, что симпатія развивается раньше въ дающемъ, чѣмъ въ принимающемъ. Любовь родителей къ дѣтямъ обыкновенно сильнѣе, чѣмъ дѣтей къ родителямъ. Во время проскрипцій Суллы сынъ выдавалъ иногда отца, но никогда наоборотъ.

Подъ охраной отцовской и материнской симпатіи теперь можетъ развиваться также *братская и товарищеская симпатія*. Она распространяется въ силу выше (2) изображеннаго процесса также и внѣ семьи. Она достигаетъ завершения въ чувствѣ, что *все люди братья*, имѣютъ одинаковую сущность и подчинены одинаковымъ условіямъ.

4. Есть еще другое сильное чувство, которое вытекаетъ изъ естественнаго инстинкта и образуетъ важную основу для развитія симпатіи. *Чувство любви* въ своей чистой первичной формѣ, какъ и материнское чувство, есть моментъ въ общемъ чувствѣ жизни. Первые движенія и здѣсь связаны съ внезапными переворотами внутри организма, въ силу которыхъ чувство жизни приобретаетъ характеръ, до сихъ поръ ему невѣдомый. Образуются новыя непонятныя предчувствія и ощущенія. Въ индивидуумѣ шевелится что-то такое, что влечетъ его за свои собственные границы. Но на первичныхъ ступеняхъ индивидуумъ смотритъ на предметъ, съ которымъ его связываетъ инстинктъ, только какъ на средство. Чувство любви пока только продолженіе самочувствія. Поэтому *Аристофанъ* объясняетъ его въ «Пирѣ» *Платона* тѣмъ, что боги раздвоили людей, вслѣдствіе чего обѣ половины въ томленіи блуждали взадъ и впередъ, отыскивая одна другую. Сравнительная физиологія размноженія до извѣстной степени подтверждаетъ это юмористическое объясненіе. Она показываетъ намъ различныя формы перехода отъ безполага къ половому размноженію. Въ низшихъ формахъ полового размноженія встрѣ-

*) Подробное изложеніе этого хода развитія можно найти у *Герберта Спенсера* въ его «Психологіи» (2-я часть), «Соціологіи» (1-я часть) и въ его «Данныхъ нравственности» (порусски это сочиненіе вышло только въ извлеченіи).—Въ датской литературѣ существуетъ описаніе первичныхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній въ сочиненіи *Клавдія Вилькенса Samfundslegemets Grundlove* (основные законы челоѣческаго общества), Копенгагенъ 1881, IV, 3—4

чаются соотвѣтствующіе органы еще въ одной и той же особи; подобный гермафродитъ представляетъ собой весь родъ, тогда какъ у высшихъ существъ онъ требуетъ въ качествѣ представителей двухъ различныхъ особей. При этомъ двойномъ представительствѣ я какъ будто раздѣлено на двѣ части, какъ при противоположности между матерью и новорожденнымъ ребенкомъ.

И здѣсь эта двойственность получаетъ значеніе только, когда *представленіе объ объектѣ* вліяетъ опредѣленнымъ образомъ на чувство. На низшихъ ступеняхъ объектъ не представляется вторымъ я. Между тѣмъ приближеніе къ этому можно встрѣтить уже въ животномъ мірѣ. Ухаживаніе животныхъ, какъ это доказалъ *Дарвинъ* въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о половомъ подборѣ, не такая простая вещь, какъ это обыкновенно думаютъ. Часто дѣлается индивидуальный выборъ; обращается вниманіе на красоту и другія притягательныя свойства, и часто проявляется трогательная вѣрность. Этимъ уже даны мотивы, которые въ чловѣческомъ мірѣ превращаютъ необузданное, чувственное вожделѣніе, гдѣ индивидуумъ удовлетворяетъ только самого себя, въ чувство любви, въ сердечную преданность, въ чувство радости за другого индивидуума. Съ чисто эгоистической точки зрѣнія половой инстинктъ—обманъ; дѣло имѣетъ такой видъ, будто нужно только удовлетвореніе самого индивидуума, а между тѣмъ тутъ обеспечивается только сохраненіе рода. *Шопенгауеръ*, видящій сущность чувства любви исключительно въ половомъ инстинктѣ, возстаетъ поэтому противъ него, возмущаясь обманомъ, который совершаетъ здѣсь «воля къ жизни». Этотъ инстинктъ, которому въ низшихъ формахъ не нужно знать предмета удовлетворенія, однако просвѣтляется и облагораживается, когда бываетъ связанъ съ *образомъ другого самостоятельнаго индивидуума* и опредѣляется имъ,—съ образомъ, который можетъ возбудить не только непосредственное вожделѣніе, но радость и восторгъ. Чувство получаетъ характеръ симпатіи, такъ какъ оно опредѣляется и обуславливается чувствомъ другого индивидуума, такъ что онъ составляетъ предметъ исканія уже не какъ средство къ собственному удовлетворенію. Теперь чувство вмѣсто того, чтобы требовать и приказывать, можетъ удовлетвориться только свободною преданностью. «Удовольствіе онъ (вельможа) можетъ похитить, но любовь должна быть свободнымъ даромъ» [*Шилл-*

лерь] *). А что средство стало цѣлью, это видно изъ того, что мыслимо самообузданіе, что желаніе можетъ уничтожиться, хотя чувство не прекращается. Тогда какъ элементарный половой инстинктъ важенъ только для *физическаго сохраненія рода*, идейное чувство любви (какъ и материнское чувство) осуществляетъ *родъ, какъ духовную связь индивидуумовъ*.

5. Въ только что описанныхъ инстинктахъ мы имѣемъ послушныя орудія, съ самаго начала выводящія человѣка за предѣлы самого себя и ставящія его въ отношенія, при которыхъ могутъ дѣйствовать воспитательные законы сочетанія представлений. Это выдвинулъ уже *Шефтсбери*, въ противоположность индивидуалистическому объясненію симпатіи. Въ новѣйшее время эта историческая точка зрѣнія особенно видна у *Спенсера* и *Дарвина*. Это ученіе можно бы назвать *общей эволюціонной теоріею*, такъ какъ оно объясняетъ происхожденіе симпатіи прогрессивнымъ развитіемъ всего рода.—Если чувство сперва связано съ однимъ представленіемъ, а это въ свою очередь съ другими представленіями, то тогда открытъ путь (по В, 3) для расширенія и видоизмѣненія чувства. Естественный выборъ дѣйствуетъ постоянно болѣе или менѣе въ одномъ и томъ же направленіи, такъ какъ прочная и глубокая симпатія подкрѣпляетъ индивидуумовъ въ борьбѣ за существованіе и дѣлаетъ для нихъ привлекательнѣе самую жизнь. И совершаясь медленно въ теченіе жизни рода, эта метаморфоза своими результатами становится полезной для организаци, которую получаютъ новыя особи. Законы наслѣдственности дѣлаютъ возможнымъ, что пріобрѣтенное прежними поколѣніями становится капиталомъ, съ котораго могутъ начать позднѣйшія поколѣнія. Кромѣ наслѣдственности дѣйствуютъ преданіе и воспитаніе, такъ какъ формы, въ которыхъ прежнія поколѣнія выразили свои симпатическія чувства, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ могутъ вліять возбуждающимъ и воспитывающимъ образомъ въ симпатическомъ направленіи. Симпатическій инстинктъ обнаруживается иначе въ христіанской атмосферѣ, чѣмъ въ греческой, иначе въ новѣйшей гуманности, чѣмъ въ средне-вѣковой смѣси подвижничества и варварства. Все, что основано на преданіи, на наслѣдственности, и все, что должно получить-

*) *Жоржъ Зандъ* въ *Mauprat* описала, какъ скотскій инстинктъ можетъ путемъ метаморфозы превратиться въ идейное человѣческое чувство.

ся и развиваться на основаніи постоянно дѣйствующихъ инстинктовъ въ теченіе индивидуальной жизни, бываетъ различно для каждаго индивидуума, каждаго рода, для каждой расы и каждаго вѣка.

Если исходить изъ инстинкта самосохраненія, какъ первоначальной основы, которая измѣняется подъ вліяніемъ опытовъ, дѣйствующимъ по законамъ сочетанія представленій, то можно будетъ построить (какъ уже указано), какъ господствующее чувство ненависти, зависти и злости, такъ и господствующее чувство симпатіи. На это обратилъ вниманіе уже Спиноза.*) Если же спросить, почему мы въ психологіи не изучаемъ развитія безкорыстной злобы, а напротивъ останавливаемся на развитіи безкорыстной любви, то можно отвѣтить, во-первыхъ, что *формальные* законы обоихъ процессовъ развитія одни и тѣ же; нужно только какъ бы перемѣнить показатель. Самое важное основаніе все-таки то, что *безкорыстная злоба (malevolent sympathy) не находитъ такой пищи въ жизненныхъ условіяхъ*, какъ противоположное чувство. Она можетъ возникнуть при извѣстныхъ индивидуальныхъ и несчастныхъ обстоятельствахъ (срав. Ричарда III Шекспира и миссъ Вэдь у Диккенса въ «Крошка Дорритъ»), но не можетъ пустить корней въ природѣ, потому что *враждебна жизни, не сохраняетъ и не усиливаетъ ея*. Если злоба и находитъ благоприятныя условія въ борьбѣ между интересами индивидуумовъ, семействъ, расъ и вѣроисповѣданій, то историческое развитіе вообще стремится сгладить и прекратить такую дисгармонію, стремится привести противорѣчивые интересы къ общему теченію. Часто тутъ рѣшающая помощь является отъ симпатическихъ чувствъ, основанныхъ на органическихъ инстинктахъ (разсказъ о похищеніи сабинянокъ; сожительство между патриціями и плебеями; Ромео и Юлія).

Упомянутая параллель между психологическимъ развитіемъ безкорыстной любви и развитіемъ безкорыстной злобы объясняетъ, почему онѣ иногда такъ легко переходятъ другъ въ друга. У обѣихъ въ движеніи идейныя силы; хладнокровіе и равнодушіе исчезли. Все сводится только къ тому, можно-ли съ достигнутою скоростью повернуть на другой путь.

Если ставили вопросъ, которая изъ двухъ главныхъ формъ

*) Этика III, 32, схола. «Итакъ мы видимъ, что изъ того же свойства человеческой природы, изъ котораго вытекаетъ, что люди бываютъ милосерды слѣдуетъ также и то, что они бываютъ завистливы и честолюбивы».

симпатіі первичнѣ,—*сочувствіе радости* или *сочувствіе страданію*, то нужно, конечно, различать симпатію, какъ элементарный инстинктъ, отъ чувства, опредѣленнаго опытами и представленіями. Элементарный симпатическій инстинктъ (какъ онъ проявляется по отношенію къ потомству и къ другому полу) направленъ какъ на увеличеніе чувства удовольствія въ объектѣ, такъ и на отраженіе и уменьшеніе его страданій; онъ стремится вообще сохранить и поддержать существованіе объекта. Напротивъ, совершенно вѣрно, что скорѣе состраданіе возникаетъ при видѣ страданія другихъ, чѣмъ радостное сочувствіе—при видѣ ихъ удовольствія. Страданіе и горе (какъ наше, такъ и чужое) производятъ (по крайней мѣрѣ въ данный моментъ) болѣе сильное впечатлѣніе на насъ, чѣмъ удовольствіе и радость, что, можетъ быть, зависитъ отъ того, что страданіе всегда содержитъ мотивъ, возбуждающій нашу активность; тутъ нужно что-нибудь сдѣлать, быть можетъ, нужна сейчасъ же какая-либо помощь, тогда какъ чувство удовольствія именно показываетъ, что пока все обстоитъ благополучно. Во время борьбы за существованіе раненые нуждаются въ помощи; другіе могутъ сами себѣ помочь.

6. Гдѣ инстинктъ не находитъ прямого удовлетворенія, онъ и тамъ все-таки проявляетъ свое сильное дѣйствіе. Движеніе, возбужденное инстинктомъ въ чувствѣ жизни, должно найти себѣ просторъ, и если его нельзя найти въ дѣйствительности, то его ищутъ въ идеалѣ. «Небесная дѣва» есть идеалъ аскета и мистика въ замѣнъ земной женщины. Уже Платонъ (въ «Пирѣ») гениальнымъ образомъ изобразилъ Эроса, какъ идеальное влеченіе, удовлетворяемое или любовью, или стремленіемъ къ чести, могуществу, къ знанію. Эросъ—великій учитель, побуждающій чловѣка соединить его сердце съ чѣмъ-либо, лежащимъ внѣ его я. Въ видѣ противовѣса этому идеальному дѣйствію инстинкта, нѣтъ недостатка въ примѣрахъ безотрадной смѣси чувственности и мистики. Въ самомъ инстинктѣ нѣтъ ничего другого, кромѣ того, что возбуждена потребность самоотверженія. Важно только, какъ эта потребность удовлетворяется. Поэтому время перехода дѣтства въ юность въ жизни каждаго чловѣка такъ важно и имѣетъ такое роковое значеніе. Сила темныхъ, но сильныхъ чувствъ влечетъ индивидуума за его границы, приводитъ въ движеніе мысли и фантазію и пробуждаетъ идеализирующее стремленіе. Это время, когда каждый гениаленъ, хотя бы ему вполнѣд-

ствіи вовсе не пришлось быть гениемъ. Въ своемъ стихотвореніи «Пастухъ» Гете съ неподобнымъ юморомъ изобразилъ этотъ, очень быстро проходящій, идеальный подъемъ духа, который «гонитъ въ даль» и все-таки уступаетъ мѣсто обыкновенной прозѣ послѣ того, какъ инстинктъ нашелъ себѣ физическое удовлетвореніе *).

Самый значительный переломъ въ развитіи чувства наступаетъ, когда предметъ чувства переходитъ изъ сферы ощущенія и воспріятія въ сферу представленія и воспоминанія. Источникъ всякой поэзіи, всякой морали и всякой религіи находится тамъ, гдѣ объектъ симпатическаго чувства уже не въ его прямой власти. Непосредственное соединеніе съ объектомъ смѣняется въ такомъ случаѣ извѣстнымъ его удаленіемъ, и весь вопросъ въ томъ, можетъ-ли чувство перебросить мостикъ черезъ это разстояніе, такъ чтобы «вдали чувствовалось его могущество» (Гете: «Чудный цвѣтокъ»).

Безъ придаетъ большое значеніе прикосновенію и объятіямъ при всѣхъ формахъ нѣжнаго чувства, будь это любовь къ дѣтямъ и къ безпомощнымъ, дружба или любовь къ другому полу. «Какъ гнѣвъ достигаетъ завершения и удовлетворенія, если дать кому-нибудь хорошую зуботычину, такъ любовь завершается и удовлетворяется объятіями... Нѣга любви начинается и кончается чувственнымъ прикосновеніемъ». Сила этого стремленія объясняется тѣмъ, что осязаніе—основное чувство, то чувство, изъ котораго, по гипотезѣ развитія, образовались всѣ другія внѣшнія чувства. Только это основное ощущеніе можетъ доставитъ любовному влеченію высшее удовлетвореніе **). Тѣмъ больше страданія приносить съ собою разлука, такъ какъ послѣ нея глубокое органическое влеченіе не можетъ найти себѣ удовлетворенія. Тогда все дѣло въ томъ, можетъ-ли идейная связь за-

*) *Кабанисъ* замѣчаетъ (Rapports du physique et du moral de l'homme V, 10, рус. переводъ П. А. Бибикова, 2 тт., Спб. 1865—1866): «я не разъ видалъ, какъ у дѣвочки въ этомъ возрастѣ вдругъ развивается очень большое обиліе идей, чрезвычайно блестящее воображеніе, особенная способность ко всѣмъ искусствамъ, но все это вскорѣ понемногу замираетъ и уступаетъ, спустя нѣкоторое время, самой рѣшительной посредственности ума. Та же причина съ неменьшей силой часто сказывается и на мальчикахъ; часто также счастливыя слѣдствія ея бывають далеко не продолжительны».

**) Emotions and Will, 3-е изд., стр. 126.

мѣнить физическую, могутъ-ли духовныя узы сдѣлаться такими же крѣпкими, какъ и тѣлесныя. *Переходъ отъ физической къ идейной связи совершается* обыкновенно только путемъ самообузданія. Но это самообузданіе можетъ совершенно исчезнуть при болѣе глубокой и всесторонней связи съ объектомъ, которая появляется на мѣсто непосредственной и мимолетной. Гдѣ объектъ чувства великъ и разнообразенъ, тамъ чувственное воспріятіе даже невозможно. Такъ это бываетъ уже съ чувствомъ по отношенію къ одной личности. Личность никогда не дана вполне въ отдѣльный моментъ, въ одномъ только положеніи; вполне она бываетъ только въ цѣлой совокупности ея жизни, въ ея исторіи. Когда мы любимъ человѣка, мы, конечно, представляемъ его себѣ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ положеніи; однако оно выступаетъ только въ видѣ примѣра или типа (ср. теорію индивидуальных представленій V B, 9). Поэтому чувство пріобрѣтаетъ идейный характеръ, если ему приходится охватить личность во всей ея нераздѣльности и единствѣ. Этого оно достигаетъ, переступивъ стадію, гдѣ объектъ бываетъ только средствомъ для самоудовлетворенія чувствующаго индивидуума. А такъ какъ личная жизнь никогда не является замкнутою и законченною, но всегда растетъ и измѣняется, то идейная симпатія пріобрѣтаетъ въ то же время характеръ *вѣры*, — вѣры въ то, что внутреннее ядро личности, съ которою мы связаны симпатією, сохранится во всѣхъ измѣненіяхъ въ полномъ согласіи съ самимъ собою.

Чувство дѣлается еще идейнѣе, когда имѣетъ предметомъ великое, всеобъемлющее цѣлое (семья, государство, человѣчество, или когда оно связано съ тѣмъ, что по своей сущности не можетъ быть ограниченнымъ (божество, природа). Если тутъ съ чувствомъ приходится соединиться извѣстному представленію, то это совершается только путемъ символики. Исторія религіи показываетъ намъ, какъ глубоко въ сущности чувства лежитъ стремленіе къ символамъ. Отсюда стремленіе отлить идеальное и безконечное въ опредѣленныя формы, чтобы чувство имѣло средоточіе. Съ другой стороны мы видимъ также, какъ укоренившіеся символы могутъ суживать и стѣснять чувство, вслѣдствіе чего оно всегда сызнова разрушаетъ ихъ и ищетъ новыхъ формъ для своего удовлетворенія (борьба мистики съ догматикою).

Развитіе жизни мыслей и фантазій вообще является необходи-

мой посылкой высшаго развитія симпатіи.—Чтобы чувствовать съ другими, нужно имѣть собственные опыты, знать по себѣ, что такое удовольствіе и страданіе, и что вызываетъ эти чувства. Объемъ симпатіи поэтому опредѣляется *опытами* отдѣльных индивидуумовъ, народностей, вѣковъ. Гдѣ, какъ у дикихъ народовъ, обстоятельства ставятъ въ такія условія, при которыхъ приходится закалить себя и ни въ грошъ не ставить мученій, тамъ и не развивается сочувствія къ страданіямъ другихъ. Человѣколюбіе поэтому предполагаетъ извѣстную степень цивилизаціи. Какъ очерствѣлость, такъ и подвижничество можетъ быть помѣхой симпатіи, вслѣдствіе чего принципъ любви ко всѣмъ людямъ, заключающійся въ первоначальномъ христіанствѣ, могъ развиваться какъ слѣдуетъ лишь послѣ того, какъ аскетическое направленіе церкви было оттѣснено на второй планъ.—Кромѣ пріобрѣтенія собственныхъ опытовъ относительно удовольствія и страданія, необходимо еще сохранять ихъ въ *воспоминаніи*, а также умѣть примѣнять ихъ для пониманія состоянія другихъ. Все дѣло въ томъ, чтобы быть доступнымъ живымъ впечатлѣніямъ и обладать достаточною подвижностью, чтобы поставить въ *фантазії* себя на мѣсто другихъ. Вполнѣ справедливо замѣчено, что недостатокъ симпатіи проистекаетъ часто отъ недостатка фантазії и живости ума, а не отъ недостатка собственно чувства. Особенно трудно поставить себя на мѣсто другихъ, когда ихъ внутреннія или внѣшнія жизненные условія рѣзко отличаются отъ нашихъ. Различныя языки (греки—варвары), различный цвѣтъ кожи (чернокожіе—рабы *)), различное сословіе и различная вѣра долго служили упорнымъ противодействіемъ росту симпатіи въ человѣческомъ родѣ.—*Формальная логическая послѣдовательность* можетъ быть тутъ моментомъ особенной важности. Какъ не безъ основанія можно сказать, что эгоизмъ не уменьшится, потому что часто, работая для другихъ, работаешь для самого себя, такъ точно можно—и безспорно съ бѣльшимъ основаніемъ—сказать, что эгоизмъ не логиченъ, ограничивая симпатію: онъ дѣлаетъ исключенія, которыя не вяжутся съ сущностью вещей. Въ

*) Это былъ всемірно-историческій моментъ, когда Авраамъ Линкольнъ при вѣздѣ въ Ричмондъ снялъ шляпу передъ негромъ, благословлявшимъ его.—Одна дама, видѣвшая эту сцену съ противоположнаго окна, отвернулась съ невыразимымъ ужасомъ!

историческомъ развитіи заключается неумолимая логика, которая ведетъ симпатію къ побѣдѣ не только надъ индивидуальнымъ, но и надъ семейнымъ, національнымъ и вѣроисповѣднымъ эгоизмомъ. Безпристрастное познаніе расчищаетъ путь самой широкой симпатіи; оба останавливаются только передъ естественными преградами.—Наконецъ развитіе познанія получаетъ значеніе также для формы и средствъ удовлетворенія симпатіи. Когда поддаешься симпатическому побужденію минуты, то можно не только быть полезнымъ, но и повредить объекту симпатіи. Необходимо подавлять такія минутныя движенія, чтобы принять въ расчетъ продолжительное счастье объекта, а это невозможно безъ способности къ *проницательному и всестороннему обдумыванію*. Симпатія, какъ и эгоизмъ, можетъ дать отпоръ ея ограниченію, можетъ проявить стремленіе къ ея полному обнаруженію, и въ этомъ смыслѣ можно даже сказать, что симпатія содержитъ эгоистическій моментъ.

Отношеніе между интеллектуальнымъ и эмоціональнымъ элементомъ симпатіи мѣняется въ отдѣльныхъ случаяхъ до безконечности. Особенный характеръ чувства зависитъ то отъ отраженія сущности и судьбы объекта въ фантазіи, то отъ непосредственнаго единства, въ которомъ мы съ нимъ живемъ и чувствуемъ. Поэтическая симпатія отличается преобладаніемъ перваго момента, такъ что иногда получается полное удовлетвореніе фантазіи, если погрузиться въ описаніе превратностей жизни и ея мрачныхъ сторонъ. Сочиненія, дающія живое и вѣрное изображеніе индивидуальныхъ и соціальныхъ страданій, могутъ оказать извѣстное отталкивающее дѣйствіе, потому что въ нихъ не видно собственно момента чувства. Интеллектуальный моментъ симпатіи есть въ то же время моментъ удаленія; онъ нѣсколько отдаляетъ предметъ симпатіи, чтобы тѣмъ полнѣе усвоить его. Поэтому онъ имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ основа чувства крѣпка и глубока. Эмоціональный элементъ лежитъ глубже интеллектуальнаго; послѣдній имѣетъ существенное значеніе въ томъ, что дѣйствуетъ очищающимъ, расширяющимъ и возвышающимъ образомъ.

7. Мы возвращаемся теперь къ вопросу о возможности *безкорыстной симпатіи*. Изъ предыдущаго ясно, что слово интересъ очень хорошо можетъ подходить къ симпатіи, и она отъ этого вовсе не становится скрытымъ эгоизмомъ. Родъ такъ же нельзя отдѣлить отъ индивидуума, какъ индивидуумъ отъ рода. Въ ин-

стинктахъ, лежащихъ въ основѣ материнскаго чувства и чувства любви, удивительно какъ разъ то, что немислимо провести границу между желательнымъ роду и желательнымъ особи. Какой бы идеальной характеръ ни принимала симпатія, какъ бы ни было возвышено и обширно то, съ чѣмъ человѣкъ связываетъ свое удовольствіе, оно все-таки часть его я, его сознанія, какъ онъ — часть того, что вызываетъ въ немъ удовольствіе. Удовольствіе и страданіе, испытываемыя имъ при этомъ, — его удовольствіе и его страданіе; да и какія же другія онъ могъ бы чувствовать? Но въ «безкорыстной» любви онъ чувствуетъ ихъ не въ томъ смыслѣ, какъ свои собственные, а въ томъ, что жертва въ пользу объекта только средство для большаго самоуслажденія. Если ему не хочется собственной гибели, то «безкорыстное» можетъ означать только, что онъ раздѣляетъ непосредственно удовольствіе и страданіе друиыхъ, и что въ этомъ онъ находитъ себѣ успокоеніе, не требуя для себя ничего больше, какъ именно способности воодушевляться такимъ образомъ.

Невозможно любить что-либо или кого-либо, не испытывая при этомъ радости и удовлетворенія. Съ каждымъ сильнымъ движеніемъ чувства связано особое удовольствіе, каково бы чувство ни было. Даже въ печали, кромѣ горечи, есть глубина и живость настроенія, значительный подъемъ душевныхъ силъ, имѣющихъ свою привлекательность и прелесть. Какъ будто открываются всѣ шлюзы. Это — то удовольствіе или стремленіе къ плачу и къ печали, о которомъ говоритъ уже Гомеръ. Сильныя душевныя волненія кромѣ того вызываютъ рядъ органическихъ рефлексовъ, а съ ихъ дѣйствіемъ сопряжено извѣстное пріятное чувство. Итакъ въ душевной и тѣлесной приподнятости надо искать причину привлекательности, заключающейся въ печали *). Что можетъ бывать при чувствѣ печали, то также болѣе или менѣе примѣнимо ко всѣмъ другимъ чувствамъ. Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, заключается зародышъ эгоистическаго направленія и въ чув-

*) Объясненіе, данное этому замѣчательному явленію В. Гамильтономъ и Булле, мнѣ кажется самымъ вѣроятнымъ (ср. Bouillier: Du plaisir et de la douleur, гл. VII). Оно естественнѣе объясненія Спенсера (Princ. of Psychology II, стр. 590 и слѣд.), по которому стремленіе погрузиться въ печаль происходитъ будто бы изъ чувства, что страдаешь не заслуженнымъ образомъ, такъ что, благодаря контрасту, печаль вызываетъ живое сознаніе собственнаго достоинства.

ствахъ симпатіи. Можетъ быть истерическій позывъ пустить въ ходъ чувство. Чувство доставляетъ наслажденіе, если его сдѣлать предметомъ рефлексіи. Но здѣсь въ такомъ случаѣ есть не одно только непосредственное чувство; здѣсь дѣйствуетъ также представленіе о собственномъ я, какъ обладателѣ этого чувства. Эта рефлексивность жизни чувства—особенность *чувствительности*, которая поэтому составляетъ преимущественно новѣйшее явленіе (хотя ее можно подмѣтить уже у Эврипида и въ александрійскую эпоху). Эгоистическая сторона въ чувствительности заключается въ заигрываніи съ самимъ собою, какъ субъектомъ чувства, вмѣсто того, чтобы вполне отдаться чувству. Съ этимъ инстинктивнымъ или сознательнымъ удовлетвореніемъ посредствомъ чувства находится въ связи то, что чувство симпатіи такъ часто удовлетворяется безъ осмотрительности, и поэтому безъ дѣйствительной пользы для объекта симпатіи. Признакомъ беззавѣтной симпатіи, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, является возможность самообузданія. Чистая и сильная симпатія должна умѣть даже отречься отъ самой себя.

Симпатія можетъ подвергаться еще другому испытанію. Если даже мы охвачены чувствомъ къ объекту, мы все-таки можемъ сильно желать, чтобы мы только сами дѣйствовали и жили для него. Но если обстоятельства складываются такимъ образомъ, что наши услуги мѣшаютъ раскрытію сущности и достоинства объекта, или такъ, что другіе могутъ работать для него лучше и полезнѣе насъ, то вопросъ сводится къ тому, достаточно-ли сильна наша симпатія, чтобы побудить насъ отступить или примириться съ тѣмъ, что не намъ суждено холить любимый объектъ.

Подобное самоограниченіе возможно, и оно представляетъ восхитительный примѣръ чистоты симпатіи. Въ этомъ отношеніи вполне основательно *Молино* и *Фенелонъ* въ теологической формѣ, а раньше *Спиноза* въ философской, считали всего выше любовь, независимую отъ расчетовъ своего я, отъ всякой награды или наказанія. Католическая церковь прокляла это ученіе, главнымъ образомъ, конечно, съ тою цѣлью, чтобы не потерять воспитательнаго средства, заключающагося въ расчетѣ на награду и наказаніе. Однако психологія не можетъ признать, будто безкорыстная любовь—химера; химера начинается только тамъ, гдѣ требованіе заходитъ такъ далеко, чтобы думать, что жизнь и движеніе чувства должны исчезнуть передъ абсолютно простымъ,

безмятежнымъ состояніемъ. Подобное состояніе, какъ мы часто указывали, было бы равносильно прекращенію сознательной жизни.

8. Высшимъ формамъ симпатіи сродни *нравственное чувство*. Въ безкорыстной симпатіи чувство удовольствія или недовольства опредѣляется непосредственно признаніемъ другого существованія, помимо существованія индивидуума. Въмѣсто того, чтобы быть средоточіемъ бытія, индивидуумъ теперь чувствуетъ себя *однимъ* изъ многихъ. Онъ судитъ о своихъ желаніяхъ и поступкахъ не только по тому, производятъ-ли они удовольствіе или недовольство въ немъ самомъ, но и по тому, приносятъ-ли они выгоду или ущербъ предмету, съ которымъ онъ связанъ симпатіею. Когда симпатія приводитъ къ такой *оцѣнкѣ*, она становится нравственнымъ чувствомъ. Въ своей вполне развитой формѣ оно является, когда симпатія обнимаетъ всѣ чувствующія и страждущія существа, и когда оцѣнка поэтому опредѣляется расчетомъ на возможно большій прогрессъ возможно большаго числа людей. Нравственное чувство въ такомъ случаѣ имѣетъ прежде всего характеръ *чувства справедливости*, причемъ подъ справедливостью мы понимаемъ соединеніе симпатіи съ мудростью (*sapientia*, по выраженію *Лейбница*). Въ понятіи справедливости заключается, во-первыхъ, потребность давать и, во-вторыхъ, потребность давать, смотря по истиннымъ надобностямъ получающаго. Кромѣ интеллектуальнаго момента, который встрѣчается во всѣхъ высшихъ формахъ симпатіи (ср. 6), въ нравственномъ чувствѣ такимъ образомъ появляется новый интеллектуальный моментъ, которымъ обусловливается истинное распределеніе и примѣненіе симпатіи. Нравственное чувство заключаетъ въ себѣ *идею о неразрывной совокупности сознательныхъ существъ*, которыя живутъ, каждое само по себѣ, со своимъ особымъ центромъ, и поэтому каждое само по себѣ предъявляетъ притязанія на особенную форму и направленіе симпатіи. При такомъ расширеніи кругозора индивидуумъ чувствуетъ себя только отдѣльнымъ членомъ великаго, развивающагося въ теченіе временъ государства. То, къ чему побуждаетъ сознательное существо самохраненіе и минутное симпатическое влеченіе, подчиняется, наконецъ, влеченію работать на пользу этого государства.

Когда это влеченіе вступаетъ въ болѣе или менѣе рѣзкую противоположность къ тому, что содержитъ въ себѣ эгоистическое или болѣе узкое симпатическое влеченіе, и если оно мо-

жетъ пробиться наружу, то оно чувствуется какъ законъ, требующій, чтобы индивидуальное и ограниченное подчинилось всеобщему и всеобъемлющему. Въ такомъ видѣ нравственное чувство является *чувствомъ дома*, которое всегда содержитъ элементъ самоограниченія, хотя ему нѣтъ надобности, какъ это думалъ Кантъ, непремѣнно заключать элементъ недовольства отъ того, что низшія чувственныя побужденія нашего существа отгѣсняются величіемъ нравственного закона. Въ насъ можетъ быть отношеніе, даже противоположность, между высшимъ и низшимъ, хотя отъ этого вовсе не возникаетъ чувства недовольства въ собственномъ смыслѣ. Чувство правды и прелести идеала можетъ до такой степени возбудить нашу дѣятельность, что помѣхи вызываютъ въ насъ болѣе опредѣленное чувство нашей силы. Такъ бываетъ, конечно, не всегда. Помѣхи могутъ быть такъ велики, что въ душѣ возникаетъ очень мучительный контрастъ и противорѣчіе. Тогда чувство стоитъ противъ чувства, и одно чувство произноситъ приговоръ надъ другимъ.—При противоположности между признаннымъ идеаломъ и несовершенною дѣйствительностью воли проявляется *нравственное чувство раскаянія*, гдѣ индивидуумъ осуждаетъ свое собственное существованіе и свои собственные поступки. Очень часто раскаяніе бываетъ первой формой чувства долга, является какъ бы муками рожденія нравственного характера. Какъ при развитіи познанія проявляется первоначальная порывистость, приводящая къ опрометчивымъ ожиданіямъ и выводамъ, и вслѣдствіе этого къ разочарованіямъ, такъ и въ области чувства слѣпое стремленіе увлекаетъ человѣка, такъ что поправки должны вырабатываться среди страданій. Уже греки хорошо подмѣтили, какъ раскаяніе слѣдуетъ за ослѣпленіемъ *). Развитіе нравственного чувства даетъ возможность уберечься отъ раскаянія (нравственного разочарованія), такъ какъ въ такомъ случаѣ осмотрительность является еще тогда, когда поступокъ только возможенъ, а не только тогда, когда онъ уже совершенъ. Въ *совѣсти* сказывается какъ власть идеала, которая произноситъ судъ надъ прошлымъ, такъ и способность подвергать будущія дѣйствія идеальной оцѣнкѣ. Это — нравственное воспоминаніе. Тутъ опыты прошлаго сливаются со всѣмъ тѣмъ, чему учить проникательное размышленіе,

*) Ср. аллегорію въ Илиадѣ IX, 502—507.

въ одну общую силу, которая можетъ проявляться съ непосредственностью и силою инстинкта или влеченія. Совѣсть — самая индивидуальная и самая конкретная форма нравственнаго чувства.

Не всякое раскаяніе относится къ нравственному чувству. Мимоходомъ мы замѣтимъ, что раскаяніе можно испытывать уже на ступени простаго влеченія къ самосохраненію. Это бываетъ, когда мы поступаемъ противно господствующему въ насъ эгоистическому интересу. Нравственный характеръ раскаяніе получаетъ лишь тогда, когда мы чувствуемъ себя въ противорѣчii съ требованіями симпатіи; и чѣмъ глубже и искреннѣе мы понимаемъ нравственный законъ, чѣмъ больше мы чувствуемъ себя связанными съ нимъ въ самой сокровенной глубинѣ нашего существа, тѣмъ сильнѣе и глубже дѣйствуетъ въ насъ раскаяніе.

Нравственное чувство проходитъ цѣлый рядъ развивающихся формъ. Съ исторической точки зрѣнія оно не находитъ себѣ полнаго объясненія ни въ инстинктѣ самосохраненія, ни въ симпатіи, ни въ воздѣйствіи познанія на чувство. Оно развилось подѣ покровомъ воспитательныхъ силъ авторитетовъ. Воспитательными эти силы были частью по своему желанію, частью же противъ своей воли. Часто они преслѣдовали свои собственныя цѣли и все-таки способствовали развитію нравственнаго чувства, дѣйствуя благотворно на человѣческую природу посредствомъ наградъ и наказаній, подавляя извѣстныя чувства и давая пищу другимъ. На низшихъ ступеняхъ авторитетъ является грозною физическою силою; здѣсь онъ внушаетъ страхъ и трепеть, т.-е. чисто эгоистическія чувства. Напротивъ, если на высшихъ ступеняхъ авторитетъ представляетъ власть, охраняющую и поддерживающую жизнь, то страхъ соединяется съ симпатіею и удивленіемъ и превращается вслѣдствіе этого въ *почтеніе*. Отсюда только одинъ шагъ къ собственно нравственному чувству, предполагающему убѣжденіе, независимое отъ внѣшняго авторитета *).

Религіозное чувство исторически и психологически тѣсно связано съ нравственнымъ. — Оно на низшей ступени также носитъ характеръ страха. Страхъ съ самаго начала создаетъ боговъ; это

*) Болѣе подробное изслѣдованіе нравственнаго чувства и его развитія я далъ въ моемъ сочиненіи: *Die Grundlage der humanen Ethik*, Боннъ 1880. Обстоятельное изслѣдованіе нравственныхъ началъ и нравственной жизни сдѣлано въ сочиненіи: *Ethik, eine Darstellung der ethischen Prinzipien und deren Anwendung auf besondere Lebensverhältnisse*, Лейпцигъ 1888.

подтверждается тѣмъ фактомъ, который признають всѣ антропологи, а именно, что люди поклонялись злымъ существамъ раньше, чѣмъ добрымъ. Вѣра въ боговъ и вѣра въ безсмертіе на низшей ступени одно и то же, такъ какъ вѣра въ боговъ оказывается вѣрою въ духовъ умершихъ, а только тѣ духи были предметомъ поклоненія, которымъ приписывалась возможность вреднаго вліянія. Религіозное почитаніе является здѣсь простымъ признаніемъ *силы*. — Высшую ступень можно видѣть тамъ, гдѣ *необычайное, непонятное и чудесное* пробуждаютъ религіозное чувство; въ такомъ случаѣ оно пріобрѣтаетъ характеръ удивленія и благоговѣнія и начинается по своей сущности становиться безкорыстнымъ. — Настоящее нравственное значеніе это чувство получаетъ только тогда, когда великія силы, отъ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ, являются *носителями нравственныхъ цѣлей и цѣнностей*. Этой ступени достигаютъ религіи болѣе развитыхъ народовъ. Для религіознаго чувства постояннымъ источникомъ, независимымъ отъ какихъ бы то ни было интеллектуальныхъ успѣховъ, служитъ великій вопросъ о связи нравственныхъ стремленій съ мировымъ развитіемъ вообще и съ значеніемъ его для этихъ стремленій. Это чувство можетъ выдѣлить всѣ эгоистическія и личныя побужденія страха и надежды частью подъ вліяніемъ увѣренности въ прочномъ законѣрномъ порядкѣ природы, частью подъ вліяніемъ запросовъ идеальной этики. Но всегда однако остается вопросъ *объ отношеніи между нравственнымъ идеаломъ и фактической отъиствительностью міра*. Фактъ, что все, передъ чѣмъ мы восторгаемся, какъ передъ истиною, красотой и благомъ, развивается при условіяхъ, данныхъ въ природѣ, — уже придаетъ представленію о природѣ религіозный характеръ и заключаетъ мотивъ для идеи о нравственномъ міропорядкѣ, согласно которому самая сокровенная сущность дѣйствительности, глубочайшая сила мирового развитія не можетъ быть чужда тому, что вырабатывается въ человѣческихъ идеалахъ. Религіозное чувство можно назвать *космическимъ чувствомъ жизни*: подобно тому, какъ въ органическомъ чувствѣ жизни (VI А, 3 а) мы имѣемъ основное настроеніе, которое возбуждается въ насъ благодаря теченію функций нашего организма, точно такъ же религіозное чувство является тѣмъ способомъ, какимъ жизнь нашего чувства опредѣляется ходомъ мирового развитія. А такъ какъ идеальное и цѣнное въ мірѣ опыта выступаетъ всегда въ

видѣ *борющейся* силы, то религиозное чувство получаетъ характеръ вѣры и предчувствія, и идея нравственного міропорядка является съ теоретической точки зрѣнія послѣдней гипотезой или послѣднимъ постулатомъ, за силу котораго ручается не что иное, какъ только идеальныя цѣнности, находящія реальное основаніе въ постулатѣ. Не дѣло психологіи изслѣдовать, въ какой формѣ выражается эта идея, къ какимъ умозрѣніямъ, символамъ и догматамъ ведетъ она. Психологія должна только показать, какъ религиозное чувство, а также нравственное и всѣ другія чувства, опредѣляются въ своемъ развитіи частью вліяніемъ познанія, частью противоположностью между эгоизмомъ и симпатією.

Отношеніе между нравственнымъ и религиознымъ чувствомъ отличается тѣмъ, что въ первомъ мы чувствуемъ призывъ къ дѣйствію, во второмъ — нашу зависимость. При столкновеніи *религиозности* и *этики* обнаруживается такимъ образомъ противоположность между пассивнымъ и активнымъ полюсомъ нашей природы. Это столкновеніе можетъ возникнуть какъ въ сознаніи отдѣльнаго индивидуума, такъ и въ цѣломъ родѣ, при чемъ жизнь чувства у нѣкоторыхъ индивидуумовъ больше идетъ въ этическомъ направленіи, а у другихъ — больше въ религиозномъ. Но опредѣленное и безусловное разобщеніе пассивности и активности, зависимости и дѣятельной силы, такъ же невозможно въ области чувства, какъ и въ области познанія. Воспринимая, мы всегда дѣятельны; дѣйствуя, мы не покидаемъ воспріятія. Даже тѣ силы, которыя мы пускаемъ въ ходъ при самомъ большомъ напряженіи нашей воли, — даже и ихъ мы чувствуемъ все-таки, какъ нѣчто намъ данное. Мы чувствуемъ, что къ намъ притекаетъ питаніе, безъ котораго мы ни на что не были бы способны, и что собственно вся наша дѣятельность служитъ только для усиленія и развитія того, что заложено въ насъ тихимъ и безсознательнымъ ростомъ. Нравственное чувство религиозно, заключая въ себѣ моментъ преданности и почтенія, нераздѣльный съ этимъ чувствомъ, а религиозное чувство нравственно, когда оно становится выше эгоистическаго суетвѣрія и сантиментальной мечтательности. За *Кантомъ* и *Фихте* надо признать ту большую заслугу, что они указали на эту внутреннюю связь. Благодаря имъ, какъ религиозное, такъ и нравственное чувство стало чище и благороднѣе, и эти философы проложили путь къ болѣе совершенной гармоніи того и другого.

9. Безкорыстныя чувства предполагають, что представление и фантазія достаточно развиты, чтобы удержать предметъ чувства, какъ нѣчто такое, что имѣетъ свою самостоятельную цѣнность. Только вслѣдствіе этого образуется самоотверженная любовь, нравственное и религіозное чувство. Но и помимо своего объекта и содержания, представление и фантазія имѣють значеніе для чувства. *Собственная дѣятельность представленія и фантазіи можетъ стать источникомъ своеобразныхъ чувствованій.*

Познаніе съ самаго начала служитъ инстинкту и влеченію. Мысли—это развѣдчики инстинкта самосохраненія. Знанія цѣнятся потому, что они являются орудіями силы. На этой ступени не возникаетъ собственно *интеллектуальнаго чувства*. Но и тамъ, гдѣ искомымъ является не внѣшняя сила и не внѣшнія блага, но гдѣ познаніе разсматривается, какъ средство для духовной свободы и самостоятельности, чувство, возбужденное дѣятельностью познанія, не бываетъ чисто интеллектуальнымъ. Интеллектуальное чувство возникаетъ только тогда, когда выдается *внутреннее отношеніе представленій, совершенно независимо отъ того, какія внѣшнія или внутреннія послѣдствія влечетъ за собою для насъ познаніе*. Предполагается, что борьба за существованіе уже не ставитъ черезчуръ жестокихъ и неминуемыхъ требованій. Далѣе, должна образоваться такая масса представленій, что они въ существенномъ могутъ получать тотъ или другой порядокъ, по своимъ собственнымъ законамъ безъ непосредственнаго вмѣшательства чувствъ и влеченій. Затѣмъ возникаетъ радость, вызываемая согласіемъ, послѣдовательностью и связью, и чувство недовольства отъ дисгармоніи, противорѣчія и недостатка связи, и это удовольствіе или недовольство чувствуется не только потому, что удерживается или устраняется *нашъ* масштаб истины, но потому, что въ самой гармоніи или дисгармоніи заключается что-то такое, что прямо удовлетворяетъ или мучитъ насъ. Сюда принадлежитъ также восторгъ въ виду новыхъ фактовъ и открытій. Если даже они и опрокидываютъ ходячія мнѣнія, и тѣмъ вызываютъ тревогу и сомнѣніе, они все-таки открываютъ виды на болѣе далекіе горизонты и на болѣшую связь, чѣмъ та, которая до сихъ поръ была предметомъ чаянія.

Какъ есть музыкальныя и поэтическія натуры, такъ есть и интеллектуальныя натуры. Для нихъ самопротиворѣчіе, неясность и

недостатокъ связи такъ же мучительны, какъ для тѣхъ фальшивые тоны и жалкіе стихи.

Эстетическое чувство въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ родственно интеллектуальному. Удовольствіе отъ симметріи и ритма, вообще отъ формы явленій, находитъ себѣ объясненіе въ легкомъ и ясномъ способѣ расположенія воспріятій. Познавательныя силы дѣйствуютъ здѣсь безъ помѣхи и противорѣчія, словно шутя, подчиняютъ себѣ матеріаль. Уже высшія чувственныя ощущенія (цвѣта и тоны) возбуждаютъ, какъ мы видѣли, настроенія, которыя выдѣляются изъ общаго чувства жизни. Это еще въ большей степени бываетъ съ комбинаціями и группами цвѣтовъ и тоновъ

Чувство красоты играетъ роль уже въ животномъ мірѣ, гдѣ цвѣта, тоны, благоуханіе и размѣренныя движенія служатъ средствомъ для привлеченія во время *полового подбора*. И въ человѣкѣ чувство любви вызываетъ фантазію къ болѣе свободной и смѣлой жизни и открываетъ взоръ для цвѣтовъ и тоновъ. На этой ступени красота только лишь средство, какъ бываетъ средствомъ истина, пока познаніе служитъ инстинкту самосохраненія. Но путемъ психологическаго процесса, описаннаго выше, можетъ стать самостоятельною цѣлью, что первоначально было только нѣкоторой опорой для инстинкта. Это эстетическое развитіе идетъ отчасти рука объ руку съ общимъ развитіемъ симпатіи. Оба поддерживаютъ другъ друга; способность самоотверженной преданности—общая черта того и другого.

Въ охотѣ украшать себя (перьями, бусами, кусочками костей или татуировкою) проявляется эстетическое чувство уже въ людяхъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Шагъ впередъ—это радость, испытываемая при видѣ оружія, снарядовъ, независимо отъ ихъ пользы. Они обдѣлываются со вкусомъ и украшаются изображеніями. Отсюда *средства для веденія борьбы за жизнь* становятся сами источниками чувства удовольствія. А что бываетъ со снарядами, то бываетъ и съ ихъ употребленіемъ. Когда настоятельная потребность удовлетворена, и когда уже можно оправиться послѣ напряженія, является позывъ къ движенію ради движенія. Хищное животное играетъ, если его не мучитъ голодъ, усталость или опасность. Дикарь занимается военными играми и находитъ для своей накопившейся энергіи исходъ въ сильныхъ движеніяхъ. Въ игрѣ, въ которой примѣняется

«роскошь силъ», Шиллеръ («Объ эстетическомъ воспитаніи чело­вѣка», 27-е письмо) видѣлъ зародышъ всякаго искусства,—мысль, которую пытался провести Гербертъ Спенсеръ.

Итакъ эстетическое чувство развилось изъ инстинктовъ, спо­собствующихъ сохраненію индивидуума и рода. Оно предпола­гаетъ *излишекъ энергіи*, который не истрачивается въ борьбѣ за жизнь, и потому можетъ пойти въ ходъ другимъ способомъ. Но этимъ данъ только матеріалъ. Особенный способъ его примѣне­нія зависитъ отъ интеллектуальнаго развитія. Для того, чтобы раздраженія дѣйствовали эстетически, органы чувствъ должны достигнуть извѣстнаго развитія, такъ чтобы воспринимались бо­лѣ тонкіе оттѣнки, и чтобы не всѣ ощущенія расплывались въ общемъ чувствѣ жизни. Необходимо, чтобы могла развернуться свободная игра цвѣтовъ, формъ, тоновъ и движеній. Прямого раздраженія однако не достаточно. Чтобы дѣйствовать эстети­чески, раздраженіе должно обнаружиться не только своею си­лою, родомъ и формою, но необходимо, чтобы его дѣйствіе могло также развѣтвляться въ сознаніи, такъ какъ это раздраженіе даетъ толчокъ къ болѣе или менѣе ясному или темному проявле­нію множества представлений и настроеній. Поэтому при эсте­тическомъ дѣйствіи можно различать между непосредственно дѣятельнымъ элементомъ и вызванными ассоціаціями *). Въ му­зыкѣ господствуетъ *непосредственный факторъ*, въ поэзіи—*ассо­ціативный*; образовательныя искусства въ этомъ отношеніи зани­маютъ середину. Чувствованія, возбуждаемая звукомъ и ритмомъ, повышеніемъ и пониженіемъ, дисгармонією и гармонією тоновъ, имѣютъ смутный и общій характеръ, и въ нихъ не пробуждаются непремѣнно опредѣленные представленія. Великое дѣйствіе му­зыки на чувство основывается именно на свободѣ и глубинѣ на­строенія, вытекающихъ изъ того, что вся доступная форма прояв­ленія чувства дана безъ опредѣленнаго повода или предмета, вы­зывающаго его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Вотъ почему можно на разные лады объяснять музыкальныя произведенія: од­ному и тому же непосредственному элементу можетъ отвѣчать очень много различныхъ ассоціативныхъ элементовъ. Образова­тельныя искусства тѣмъ больше приближаются къ музыкѣ, чѣмъ больше они дѣйствуютъ игрою цвѣтовъ и гармонією формъ. Но

*) *Fechner: Vorschule der Ästhetik, Лейпцигъ 1876, гл. 9—13.*

здѣсь опредѣленный предметъ, индивидуальныя явленія при своемъ изображеніи предъявляютъ опредѣленныя требованія. Необходимо, чтобы ихъ образы можно было узнать, чтобы ихъ положенія были понятны. Здѣсь такимъ образомъ для настоящаго, непосредственнаго пониманія нужны сочетанія представленій и историческія воспоминанія. Наконецъ, поэзія дѣйствуетъ главнымъ образомъ, вызывая представленія и чувства, непосредственный факторъ—только средство. Она даетъ то, чего музыка не въ состояніи дать,—опредѣленное чувство съ его полнымъ содержаніемъ мыслей и фантазіи, и она даетъ также то, чего не можетъ дать образовательное искусство,—историческое развитіе характеровъ и дѣйствій. Въ музыкѣ формами познанія, существенно опредѣляющими характеръ чувства, являются ощущенія, въ образовательномъ искусствѣ—перцепція, въ поэзи— свободныя представленія.—Во всѣхъ своихъ различныхъ формахъ искусство даетъ поводъ упражнять и примѣнять силы, которыя первоначально шли на борьбу за существованіе. Существуетъ поэтому тѣснѣйшее взаимодействіе между искусствомъ и дѣйствительною жизнью; идейная и реальная дѣятельность духовныхъ силъ переходятъ другъ въ друга, служатъ взаимною подготовкою одна для другой. Искусство развивается изъ естественнаго приложенія силъ и въ свою очередь оказываетъ обратное дѣйствіе на эти силы. Въ тѣсной связи съ такимъ отношеніемъ находится этическое значеніе искусства, ибо силы, находящія себѣ примѣненіе въ художественномъ творчествѣ, получаютъ въ непрестанной борьбѣ за существованіе все новое и новое приложеніе, если не въ той же особи, то во всякомъ случаѣ въ родѣ.

Съ теорію о происхожденіи искусства изъ борьбы за существованіе прекрасно согласуется и то, что *чутье къ красотѣ въ искусствѣ предшествуетъ чутью красоты въ природѣ.* Искусство *человѣку ближе природы; искусство—его собственное дѣло, отъ котораго онъ не можетъ отказаться, тогда какъ природа въ теченіе долгаго времени можетъ представляться чуждой, враждебной или равнодушной силой.* Дѣти и дикари обыкновенно не понимаютъ красоты природы. Интересуетъ только то, что связано съ человѣкомъ и его предпріятіями, а природа интересна только въ той степени, въ какой она служитъ цѣлямъ человѣка. Съ первичной, практической точки зрѣнія красивая мѣстность все равно, что мѣстность плодородная, т. е. богатая травой и

хлѣбами. Поэтому крестьяне удивляются, что за охота туристамъ посѣщать пустынные степи, песчаныя дюны и горы. Одинъ выдающійся американскій путешественникъ сказалъ одному англичанину: «ваша страна очень красива; во многихъ мѣстностяхъ идешь цѣлыя мили, не замѣчая ни одного дерева въ открытомъ полѣ». Вкусъ къ дикому, возвышенному и романтическому въ природѣ образовался въ силу дѣйствія контраста; при прогрессирующей культурѣ и возрастающемъ контрастѣ между городомъ и деревнею должно было пробудиться томленіе по свободной безыскусственной природѣ,—по той природѣ, которая развертывается смѣло и беззавѣтно. Потому-то этотъ вкусъ и это томленіе возникаютъ особенно въ періоды извращенія культуры (конецъ древняго міра, 18-е столѣтіе). Однако они предполагаютъ не только пресыщеніе городской жизнью и культурными условіями, но и богатую жизнь мысли и чувства, которая въ характерѣ мѣстности, въ оттѣнкахъ ея освѣщенія, окраски и формъ находитъ выраженіе сроднаго настроенія. *Руссо* первый пробудилъ въ широкомъ кругу вкусъ къ природѣ, и это находится въ тѣсной связи съ его энергическою защитою самостоятельности и значенія жизни чувства вообще. Онъ открылъ горный ландшафтъ, который прежде у большинства возбуждалъ содроганіе и трепеть. Онъ проповѣдывалъ, чтобы мы отворачивались отъ челоувѣческой жизни и прислушивались къ языку природы. Удовольствіе, испытываемое отъ природы, является одною изъ высшихъ ступеней развитія эстетическаго чувства и въ то же время однимъ изъ лучшихъ примѣровъ безкорыстной симпатіи *).

Впослѣдствіи мы ближе разсмотримъ два особенныя эстетическія чувствованія,—чувство высокаго и чувство смѣшнаго, такъ какъ они дадутъ намъ хорошіе примѣры для освѣщенія общихъ психологическихъ законовъ жизни чувствованій **).

*) Ср. объ историческомъ развитіи чувства природы *Friedländer: Die Entwicklung des Gefühls für das Romantische in der Natur im Gegensatz zum antiken Naturgefühl* (во II томѣ его «Sittengeschichte Roms»).—*A. Biese: Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern*, Киль 1882—1884. Порусски есть сочиненіе *Бизз: Историческое развитіе чувства природы*, пер. Д. Коробчевскаго, Спб. 1891.

**) Настоящій трудъ не имѣетъ въ виду дать описанія и классификаціи всѣхъ чувствованій, а только изслѣдованіе общей психологіи чувства. Кто желаетъ познакомиться съ изображеніемъ отдѣльных чувствованій, тотъ най-

D. Физиологія и біологія чувства.

1. Если вѣрно, что мы въ состояніи различать познаніе и чувство только путемъ отвлеченія, и что каждое конкретное состояніе сознанія состоитъ изъ элементовъ познанія и элементовъ чувства, то не будетъ ни малѣйшаго основанія ожидать, что познаніе и чувство должны быть связаны съ дѣятельностью различныхъ органовъ мозга. Иначе должно было представляться это дѣло, пока точкой отправленія служило представленіе о различныхъ частяхъ или способностяхъ души. Такъ *Платонъ* мышленіе помѣстилъ въ головѣ, чувства мужества и чести—въ груди, а чувственные влеченія—въ животѣ. *Аристотель* помѣщалъ всякое чувство удовольствія и недовольства (какъ и всякое чувственное ощущеніе) въ сердцѣ, тогда какъ, напротивъ, дѣятельность чистаго разума, по его мнѣнію, не связана съ тѣлесною функціею. Въ новѣйшее время *Декартъ* и его ученики (*Виллисъ*, *Малебраншъ*) перенесли чувствованія, какъ и всѣ другія явленія сознанія, въ мозгъ, и, слѣдовательно, Декартъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, явился предтечей современной физиологіи. Старую теорію противоположности между мозгомъ и сердцемъ, въ параллель противоположности между разсудкомъ и чувствованіемъ, все-таки не такъ легко было вытѣснить. Она опиралась на то, чему, повидимому, училъ непосредственный опытъ. Всякое сильное движеніе чувства связано съ ощущеніями въ груди или животѣ; сердце бьется сильнѣе, дыханіе спирается или ускоряется, пищевареніе измѣняется, короче сказать—возбужденіе духа глубоко захватываетъ функціи растительной жизни. Даже *Биша* еще говоритъ: «все какъ будто доказываетъ, что органическая жизнь есть цѣль, гдѣ кончаются страсти, и центръ, откуда онѣ исходятъ». По его мнѣнію мозгъ есть мѣсто познанаія и «никогда не поражается страстями, единственнымъ мѣстомъ которыхъ являются органы внутренней жизни» (именно то печень, то легкое, сердце, селезенка или желудокъ) *).—*Чарльзъ Белъ* и *Галль*, кажется, первые въ нашемъ столѣтіи указали на мозгъ, какъ на мѣсто чув-

детъ его у *Бена*: Emotions and Will, у *Найловскаго*: Gefühlsleben, у *А. Горвича*: Psychologische Analysen, и у *Зибберна*: Psykologisk Patologi (психологическая патологія).

*) Recherches physiologiques sur la vie et la mort, Парижъ Au VIII, стр. 71.

ства, разсудка и другихъ явленій сознанія. Если *Галль* думалъ, что можно доказать, будто различныя части являются органами различныхъ специальныхъ чувствованій (самолюбіе, честолюбіе, надежда, благосклонность и т. д.), то тутъ не было ни малѣйшей фізіологической вѣроятности. Какъ мы видѣли въ одномъ изъ прежнихъ отдѣловъ (II, 4), до сихъ поръ нельзя было доказать локализациі высшихъ функцій въ большомъ мозгу, и защитники теоріи локализациі (какъ *Г. Мункъ*) подчеркиваютъ, что локализовано только чувственное воспріятіе, а не разумъ (дѣятельность, комбинирующая представленія). Въ виду того, что развитіе чувства такъ тѣсно связано съ познаніемъ, для него точно такъ же нѣтъ основанія ожидать специальной локализациі, какъ и для познанія. Въ различныхъ формахъ чувства, какъ и въ различныхъ формахъ познанія, можно думать, дѣйствуютъ однѣ и тѣ же мозговья клѣтки, только въ разной степени и въ различныхъ комбинаціяхъ. Такъ какъ чувство по предыдущему образуется и развивается, повидимому, медленнѣе познанія, то надо признать, что фізіологически оно отличается большимъ объемомъ нервнаго процесса въ мозговой субстанціи.

Однако элементарное чувствованіе можетъ возникнуть даже безъ высшихъ мозговыхъ органовъ. Крыса, потерявшая большой мозгъ, полосатое тѣло и зрительные бугры, пугается, когда раздражаютъ мяуканію кошки, совершенно такъ же, какъ она дѣлала бы въ неповрежденномъ состояніи. Итакъ элементарное инстинктивное чувство страха (ср. А, 3е), точно такъ же какъ и элементарное чувственное ощущеніе, можетъ возникнуть безъ функцій большого мозга. То же самое, быть можетъ, надо сказать и о нѣкоторыхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ чувства, не стоящихъ въ связи съ духовными возбужденіями*), а также и объ элементарномъ чувствѣ боли.

Но во всякомъ случаѣ старое представленіе о связи чувства съ растительными органами имѣетъ нѣкоторое основаніе, потому что они дѣйствительно играютъ важную роль при всякомъ чувствѣ, даже если бы они и не были фізіологическимъ средоточіемъ чувства. Чувство завладѣваетъ нервными центрами больше, чѣмъ познаніе, и порождаемое напряженіе ищетъ себѣ исхода путемъ

*) Ср. *Vulpian*: Psychologie du système nerveux, Paris 1866, стр. 549, гдѣ подобныя элементарныя чувствованія приписываются варолиеву мосту (protuberance annulaire).

распространенія на большее или меньшее число частей остального организма. Тогда какъ преобладаніе познавательныхъ элементовъ сказывается въ томъ, что въ мозгу сосредоточивается возможно больше энергіи, вслѣдствіе чего остальной организмъ по возможности остается спокойнымъ и пассивнымъ,—состояніе, обусловленное чувствованіемъ, наоборотъ, имѣетъ стремленіе въ ширь. Отъ мозга дѣйствіе идетъ къ сердцу, которое при сильномъ душевномъ волненіи даже можетъ совсѣмъ перестать биться, такъ что наступаетъ смерть. Сильный и внезапный испугъ, гнѣвъ, печаль или радость могутъ такимъ образомъ дѣйствовать смертельно. Если дѣйствіе радости совершенно похоже на дѣйствіе печали или гнѣва, то это происходитъ оттого, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ собственно неожиданность, сильное изумленіе, которое по своимъ симптомамъ близко къ испугу. Если волненіе не такъ сильно, то сердце послѣ непродолжительной остановки начинаетъ биться быстрѣе, чѣмъ прежде, и отсылаетъ вслѣдствіе этого больше крови къ мозгу, который такимъ образомъ получаетъ отзвукъ своего собственнаго движенія. У животныхъ съ теплою кровью это дѣйствіе сердца на мозгъ сильнѣе, чѣмъ у животныхъ съ холодною кровью, и у высшихъ животныхъ—сильнѣе, чѣмъ у низшихъ. Человѣкъ замѣчаетъ эту реакцію въ теченіе нѣсколькихъ секундъ.—Не только сердце, но и другіе внутренніе органы бывають поражены вслѣдствіе сильнаго мозгового движенія. Усиленное біеніе сердца при боязни и испугѣ нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что артеріи внезапно сокращаются и этимъ представляютъ больше препятствій кровообращенію, вслѣдствіе чего сердце работаетъ сильнѣе. Внезапная блѣдность при испугѣ во всякомъ случаѣ показываетъ, что дѣйствительно происходитъ подобное сокращеніе. Въ другихъ случаяхъ мышцы сосудовъ расширяются, такъ что отсылается болѣе богатый потокъ крови (когда человѣкъ краснѣетъ). Душевное волненіе можетъ дѣйствовать также на слезныя железы (печаль), на кишечникъ (страхъ), на печень (гнѣвъ), органы дыханія (испугъ) и т. д. Душевное волненіе можетъ кромѣ того вызвать повышеніе или потерю раздражительности двигательныхъ центровъ (столбнякъ, параличъ, пляска св. Витта), но и наоборотъ — иногда можетъ повести къ исцѣленію *). И на

*) *Клодъ Бернаръ*: Этюдъ по физиологіи сердца (*Revue des deux mondes* 1865, перепечатано въ *La science expérimentale*).—*Wundt*: Phys. Psychol. II, стр.

произвольныя мышцы душевное волненіе дѣйствуетъ тоже непосредственно. Отъ удовольствія мускульная система получаетъ особенную бодрость и упругость, осанка становится прямой, взоръ — открытымъ и свободнымъ; при неудовольствіи же человѣкъ разстроенъ, у него подкашиваются ноги, поникаетъ голова, опускаются глаза. Тамъ обращаешься къ внѣшнему міру, здѣсь замыкаешься отъ него. Тутъ ясно выступаетъ инстинктивный характеръ волненія и его близкое родство съ проявленіями воли (ср. IV, 7d).

Итакъ разряженіе можетъ идти въ различныхъ направленіяхъ. Оно происходитъ тѣмъ скорѣе по опредѣленному направленію, чѣмъ ближе двигательные центры даннаго органа или данной части тѣла лежатъ къ центрамъ, играющимъ роль при возникновеніи чувства, и чѣмъ чаще вообще подлежащій органъ находился въ дѣятельности.—Въ первомъ отношеніи открытіе сосудодвигательныхъ центровъ въ собственно большомъ мозгу бросаетъ свѣтъ на тѣсную связь между волненіемъ и сокращеніемъ или ослабленіемъ сосудистыхъ мускуловъ. Далѣе, въ связи съ этимъ находится и тотъ фактъ, что мускулы глазъ и лица могутъ выражать волненіе, если даже остальная часть тѣла выражаетъ спокойствіе. Очень сильное волненіе можетъ поразить все тѣло.—Для упомянутыхъ органовъ не лишень значенія и второй пунктъ. Центры растительной жизни, лежащіе въ продолговатомъ мозгу, находятся въ непрерывной дѣятельности въ продолженіе всей жизни. Поэтому они обладаютъ высшею степенью раздражительности, и на нихъ дѣйствуютъ малѣйшія измѣненія какъ мозга, такъ и другихъ органовъ. Подобнымъ же образомъ можно объяснить, почему волненіе поражаетъ преимущественно такіе органы, которые находятся въ болѣзненномъ или очень напряженномъ состояніи *)

Движеніе чувства само себя усиливаетъ, вызывая круговое те-

330.—*Ranke*: Physiologie des Menschen, 3-е изд., стр. 339.—*C. Lange*: Rygmargens Patologi (патологія спинного мозга), стр. 325, 391 и слѣд.—*Darwin*: Expression of Emotions, passim.

*) *Domrich*: Die psychischen Zustände Iena 1849, стр. 212—217.—*Cненсепъ*: Физиологія смѣха (Essays, т. 1), рус. пер. Спб. 1881.—*Landois*: Physiologie des Menschen, 2-е изд., стр. 773, рус. пер. Харьковъ 1885.—*Freusberg*: Über die Erregung und Hemmung der Thätigkeit der nervösen Zentralorgane (Pflügers Archiv 1875), стр. 185.

ченіе изъ мозга къ периферическимъ органамъ и обратно въ мозгъ. Иногда, особенно съ спиритуалистической точки зрѣнія, хотѣли рѣзко отдѣлить собственно чувствованіе отъ обратнаго дѣйствія изъ внутреннихъ органовъ. Этотъ послѣдній моментъ безспорно принадлежитъ специально общему чувству жизни, и, какъ замѣчено раньше (А, 3а), состояніе растительныхъ органовъ можетъ вызвать чувствованіе, сходное по характеру съ тѣмъ, которое вызвано внѣшними опытами и духовными вліяніями. Но хотя обѣ стадіи развитія чувства раздѣлены небольшимъ промежуткомъ времени, все-таки нѣтъ никакого основанія въ психологическомъ отношеніи проводить рѣзкую границу между ними. Онѣ сейчасъ же сливаются, и только отъ соединенія обѣихъ стадій образуется чувство со всѣми своими особенностями. Въ медицинскомъ, педагогическомъ и нравственномъ отношеніи, напротивъ того, можетъ быть не бесполезно разграничивать обѣ стадіи. У различныхъ индивидуумовъ онѣ являются съ различною силою. У нѣкоторыхъ дѣйствіе на внутренніе органы сравнительно слабо, даже при сильномъ волненіи, у другихъ—особенно сильно.

Если чувство можетъ быть очень сильнымъ и глубокимъ, даже бурнымъ, хотя дѣйствіе на внутренніе органы очень слабо,—а это случается преимущественно при высшихъ интеллектуальныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ чувствованіяхъ,—то нельзя разсматривать чувствованіе, какъ будто оно состоитъ только изъ ощущеній, возникающихъ вслѣдствіе дѣйствія на внутренніе органы. Этотъ взглядъ, который до извѣстной степени привелъ бы къ теоріи Биша, и который образуетъ крайнюю противоположность спиритуалистическому взгляду на чувство, недавно развитъ въ интересной статьѣ Джемса (Mind, апрѣль 1884) и рельефно выраженъ въ положеніи, что мы плачемъ не потому, что печальны, но печальны потому, что плачемъ *). Но если чувствованіе понимается только какъ родъ ощущенія, то своеобразность элементовъ чувства (ср. IV,

*) Въ очень интересномъ и остроумномъ сочиненіи: Om Sindsbevægelser (о душевныхъ движеніяхъ, Копенгагенъ 1885) датскій невропатологъ К. Ланге представилъ теорію, сходную съ теоріей Джемса. Поэтому авторъ пытается и всю физиологію чувства свести къ возбужденіямъ сосудодвигательнаго центра, полагая, что всѣ другіе органическіе рефлексъ зависятъ отъ сосудодвигательнаго.

2 и VI A, 2) по отношенію къ другимъ сознательнымъ элементамъ не получаетъ должной оцѣнки.

2. Еще больше трудностей, чѣмъ физиологическая локализация чувства, представляетъ вопросъ о качествѣ органическаго процесса, соотвѣтствующаго чувствованію. Такъ какъ природа нервнаго процесса неизвѣстна, то здѣсь можно достигнуть только общей гипотезы. Все-таки не безынтересно задать этотъ вопросъ, такъ какъ благодаря этому падаетъ свѣтъ на значеніе чувства въ экономіи жизни.

Аристотель полагалъ, что чувство удовольствія связано со всякой естественной и нормальной жизнедѣятельностью, и этотъ взглядъ еще и по сію пору самый обычный и самый вѣроятный *). Въ чувствованіи мы имѣемъ самое внутреннее состояніе индивидуума, какъ оно опредѣляется воздѣйствіями извнѣ и дѣятельностью самого индивидуума. *Въ противоположности между удовольствіемъ и неудовольствомъ* — въ этой первоначальной противоположности въ мірѣ чувства — не трудно видѣть *выраженіе противоположности между подъемомъ и упадкомъ жизненнаго процесса*. Итакъ, за основное правило можно бы принять, что удовольствіе показываетъ подъемъ жизнедѣятельности, высшую и болѣе свободную трату энергіи. Значитъ, чувство удовольствія является послѣдствіемъ нормальнаго отправленія различныхъ органовъ мозга и нервной системы, а также мускуловъ и растительныхъ органовъ. Напротивъ того, испытываешь неудовольствіе или страданіе, если являются запросы больше тѣхъ, какимъ можетъ удовлетворить органъ, или если, съ другой стороны, органъ не имѣетъ достаточнаго примѣненія своей энергіи. Такъ какъ всякая функція связана съ освобожденіемъ упругой силы, съ освобожденіемъ накопившагося органическаго капитала, то одна и та же степень дѣятельности въ разное время сопровождается удовольствіемъ или страданіемъ, смотря по энергіи, находящейся въ распоряженіи органа.

Нѣсколько иной взглядъ высказалъ недавно *Фехнеръ*. Такъ какъ удовольствіе и неудовольствіе отличаются другъ отъ друга не только количественно, но и качественно, то они по Фехнеру должны отвѣчать процессамъ, различнымъ не только по

*) У *Léon Dumont*: Théorie scientifique de la sensibilité, Парижъ 1875, стр. 26—63, можно найти обзоръ различныхъ теорій. Порусски см. *Н. Гротъ*: Психологія чувствованій, Спб. 1879—1880.

степени, но и по формѣ. Поэтому онъ полагаетъ, что удовольствіе зависитъ отъ согласія, неудовольствіе—отъ несогласія (неоизмѣримости) нервныхъ колебаній, съ которыми по его мнѣнію связана сознательная жизнь *).—Какъ сказано, невозможно на этотъ счетъ прійти къ какому-либо рѣшенію. Теорія *Фехнера* въ сущности приводитъ къ тому же результату, что и теорія Аристотеля, такъ какъ нужно предположить, что упомянутое согласіе обозначаетъ подъемъ, а несогласіе—упадокъ въ органическомъ отношеніи. Если дисгармонія получаетъ полный перевѣсъ, то жизнь прекращается, — все равно, какъ въ томъ случаѣ, когда на нее нахлынуть раздраженія, или когда ея силы надорваны, или, наконецъ, когда устранена всякая дѣятельность. Итакъ, *удовольствіе во всякомъ случаѣ является выраженіемъ подъема жизни, страданіе—выраженіемъ упадка и предвѣстникомъ смерти.*

Конечно, это вовсе не значить, что при удовольствіи и неудовольствіи проявляется размышленіе или сравненіе, въ какой степени намъ хуже или лучше. Подобное размышленіе во всякомъ случаѣ невозможно при простѣйшихъ формахъ чувствованія. Первоначально удовольствіе и неудовольство даютъ знать сами о себѣ, и только тогда, предполагая достаточно развитое познаніе, можно разсуждать объ ихъ значеніи.

3. Приведенная теорія подтверждается тѣмъ, что раздраженія, причиняющія неудовольствіе и страданіе, обыкновенно въ то же время и вредны. При боли отъ удара или пораненія, гдѣ организмъ получаетъ увѣче, это очевидно само собой. То же при усталости и чрезмѣрномъ наплывѣ чувственныхъ раздраженій. Горькія вещества способны разлагать органическую ткань; удовольствіе, испытываемое при сладкомъ вкусѣ, объясняется тѣмъ, что въ большинствѣ растительныхъ составныхъ частей чело-вѣческой пищи содержится сахаръ **)

Напротивъ, серьезнымъ подрывомъ аристотелевской теоріи могло бы явиться то обстоятельство, что удовольствіе временами вредно, неудовольство—полезно. Однако это возраженіе ведетъ къ болѣе строгому опредѣленію теоріи. Въ чувствѣ удовольствія или неудовольства высказывается *частичное* или *миновенное* вліяніе раздраженія или дѣятельности. Вкусный ядъ производитъ *миновенный*

*) Vorschule der Ästhetik I, стр. 12, 79; II, стр. 216.

**) Grant Allen: Physiological Aesthetics, Лондонъ 1878, стр. 69 и слѣд.

подъемъ въ *какой-нибудь части* нашего органическаго существа. Позже, распространившись въ организмъ, ядъ, къ несчастію, обнаруживаетъ новыя свойства, которыя угрожаютъ жизни. Поэтому удовольствіе тутъ все-таки не было обманомъ; термометръ показываетъ намъ не ту степень теплоты, которая будетъ черезъ нѣсколько часовъ, но именно ту, которая есть теперь *).

Вслѣдствіе этого общее правило, что удовольствіе—признакъ подъема, недовольство—признакъ упадка, получаетъ существенное ограниченіе. Отъ *Аристиппа* мы приходимъ къ *Эпикуру*: жизни уже нельзя судить по удовольствію минуты, но по продолжительности и окончательной побѣдѣ удовольствія. Однако отъ этой теоріи надо требовать, чтобы она могла объяснить, почему удовольствіе или недовольство минуты не служитъ вѣрнымъ критеріемъ. Не получится удовлетворительнаго отвѣта, если сказать вмѣстѣ съ *Лотце*, что на совершенно необычныя событія или болѣзненно измѣненныя состоянія цѣлесообразность (телеологія) природы простирается не по необходимости, а только въ единичныхъ, благопріятныхъ случаяхъ. Вопросъ въ томъ: *почему же цѣлесообразность не простирается дальше?* Вѣдь, это не можетъ быть простою прихотью природы. А съ этимъ естественно связанъ вопросъ: *почему вообще существуетъ цѣлесообразность?*

Это одинъ изъ пунктовъ, на который гипотеза развитія бросаетъ яркій свѣтъ, тогда какъ раньше царилъ одинъ мракъ **). Мы не понимаемъ чувства, пока считаемъ его вполне обособленнымъ отъ воли; изъ предыдущаго также видно, что нельзя разединять чувство, инстинктъ и влеченіе. Чувство удовольствія вызываетъ стремленіе удержать и усвоить то, что порождаетъ удовольствіе; неудовольствіе и страданіе ведутъ къ тому, чтобы уйти отъ ихъ причины или остерегаться ея. Это правило приложимо какъ къ инстинкту, такъ и къ сознательной волѣ; различіе касается только качества и причины удовольствія и страданія. Если бы существо было организовано такимъ образомъ, чтобы испытывать удовольствіе отъ всего вреднаго для него и неудовольствіе отъ всего ему полезнаго, то такое существо не могло бы жить. Поэтому уже естественный подборъ привелъ къ извѣстной гармоніи чувствованій съ жизненными условіями. Само собою разумѣется, что эта

*) Ср. *Lotze: Medizinische Psychologie*, стр. 237 и слѣд.

**) *Спенсеръ: Основанія психологіи*, II, гл. 9.

гармонія все-таки не полна. Къ совершенно необычнымъ или очень рѣдкимъ условіямъ организація не можетъ приспособиться. Такимъ образомъ удовольствіе отъ вреднаго является признакомъ несовершенства въ развитіи, — несовершенства, которое понемногу, вѣроятно, можно устранить. Естественно, что подобныя несовершенства встрѣчаются при внезапномъ измѣненіи жизненныхъ условій, особенно при переходѣ къ очень сложнымъ и разностороннимъ отношеніямъ. Такъ про челоуѣка можно сказать, что жизнь его чувства и по сію пору не приспособлена къ задачамъ и требованіямъ социальной жизни. Даже самыя старыя цивилизаціи считаютъ за собой едва только нѣсколько тысячелѣтій и, быть можетъ, имъ предшествуютъ мириады лѣтъ, когда господствовали животныя и варварскія влеченія. Что же удивительнаго, если удовольствіе и страданіе не могутъ безъ оговорокъ считаться вѣрными руководителями, и что даже можно было выставить правило, совершенно противоположное указанному, и видѣть въ удовольствіи опасность и бѣду, а въ страданіи—пользу. Уже единичный индивидуумъ часто узнаетъ по опыту, что страданіе имѣетъ «скрытую образовательную силу»; при воспитаніи въ страданіи видятъ хорошее средство въ томъ смыслѣ, что оно во-время предостерегаетъ и останавливаетъ. Въ развитіи рода страданіе также является предостерегающимъ голосомъ, хотя только аскетическій образъ мысли придаетъ ему самостоятельную цѣну. *Подобно тому, какъ чувство борьбою за существованіе приводится къ известной гармоніи съ жизненными условіями, такъ борьба за существованіе тоже учитъ насъ не вѣрить чувству данной минуты, но искать высшаго критерія.*

Общее правило, что удовольствіе указываетъ на подъемъ, неудовольствіе—на упадокъ жизни, находитъ примѣненіе какъ къ высшимъ, идейнымъ чувствованіямъ, такъ и къ низшимъ. Въ симпатіи и нравственно-религіозныхъ чувствованіяхъ индивидуумъ чувствуетъ себя частью великаго цѣлаго, членомъ организма, біеніе пульса котораго мы ощущаемъ внутри себя. Онъ уже не отдѣляетъ себя отъ великаго организма. Все полезное жизни этого организма тѣмъ самымъ полезно и индивидууму *).

*) Ср. Die Grundlage der humanen Ethik, стр. 19 и слѣд.

Е. Законъ отношенія въ примѣненіи къ чувствованіямъ.

1. Если различіе, которое мы дѣлаемъ между познаніемъ и чувствованіемъ, основательно, то должны существовать извѣстные законы, принадлежащіе только одному разряду душевныхъ элементовъ, но не другому. Оказалось, что это такъ и есть: въ области чувствованій мы не находимъ ничего такого, что соотвѣтствовало бы законамъ соединенія представленій. Чувствованіе можетъ соединяться съ однимъ или нѣсколькими представленіями; но едва-ли бываетъ *прямая* ассоціація чувствованій.—Съ другой стороны какъ познаніе, такъ и чувствованіе — элементы всякаго состоянія сознательной жизни; мы должны поэтому ожидать, что есть законы, общіе тому и другому роду элементовъ, потому что они происходятъ изъ общей природы сознательной жизни. И это находитъ себѣ подтвержденіе, такъ какъ законъ отношенія, благодаря своему примѣненію и въ области чувствованія, оказывается основнымъ психологическимъ закономъ. Онъ выступаетъ здѣсь даже яснѣе, чѣмъ въ области познанія.

Законъ отношенія, признанный *Гоббесомъ* основнымъ положеніемъ психологіи (см. II, 5), уже раньше былъ выставленъ *Карданусомъ* въ примѣненіи къ чувствамъ удовольствія и недовольства *). Немного позже его ясно развилъ *Спиноза*. Какъ онъ выражается, мы чувствуемъ удовольствіе отъ повышенія совершенства или энергіи, а недовольство—отъ пониженія ихъ; но удовольствіе вызываетъ не совершенство само по себѣ, потому что, будь оно у человѣка отъ природы, онъ не испытывалъ бы удовольствія отъ него. То же самое и съ несовершенствомъ: только тотъ получаетъ отъ него неудовольствіе, кому извѣстно совершенство. Какъ видно, это законъ *Фехнера* въ примѣненіи къ чувствованію **). Самъ Фехнеръ называетъ своими предшественниками въ этой области *Бернулли* и *Лапласа*. Эти математики учили, что цѣнность вещи нельзя опредѣлить чисто объективно,—она различна, смотря по тому, какъ относится вещь къ интересамъ каждаго отдѣльнаго индивидуума. Нужно дѣлать раз-

*) *Dumont*: Théorie scientifique de la sensibilité, стр. 27 и слѣд.

***) Нѣкоторые изъ приведенныхъ въ V А, 3 примѣровъ можно на такомъ же основаніи привести для того, чтобы пояснить значеніе закона отношенія въ области чувства. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ между ощущеніемъ и чувствованіемъ существуетъ очень тѣсная связь.

личіе между *fortune physique* (физическимъ счастьемъ) и *fortune morale* (моральнымъ счастьемъ). При физическомъ счастьѣ не обращается вниманія на жизненныя условія индивидуума, на долю котораго оно выпало. Сумма въ 1.000 рублей обозначаетъ для всѣхъ одинаково большое физическое счастье. Между тѣмъ для того, кто обладаетъ уже миллиономъ рублей, духовное, т.-е. дѣйствительно чувствуемое счастье отъ увеличенія его капитала, незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ оно бываетъ для того, который ничего не имѣетъ, или же имѣетъ только долги, приводящіе его въ отчаяніе. Съ психологической точки зрѣнія мы имѣемъ дѣло только съ этимъ «моральнымъ счастьемъ», «физическое» же не можетъ обозначать ничего другого, кромѣ того, что не возникаетъ дѣйствительнаго чувства удовольствія.

2. Подобно тому, какъ мы дѣлаемъ различіе между цвѣтомъ и его разнообразными оттѣнками, обусловленными отчасти отношеніемъ къ дѣйствию другихъ цвѣтовъ, точно такъ же удовольствіе и страданіе представляются намъ прочными формами, хотя только благодаря контрасту они являются тѣмъ, что они есть. Каждый индивидуумъ въ *основномъ настроеніи*, господствующемъ надъ его жизнью, имѣетъ *практической масштабъ*, уровень, выше котораго его чувства поднимаются только въ отдѣльные моменты, и ниже котораго они опускаются только въ исключительныхъ случаяхъ. Это основное настроеніе, въ которомъ мы прежде видѣли основаніе реального единства сознанія (V B, 5), обязано частью врожденнымъ предрасположеніямъ, частью пережитымъ опытамъ. Нѣтъ необходимости, чтобы оно всю жизнь отличалось безусловною неизмѣнностью; здѣсь возможны большія превращенія. Но когда нѣтъ непрерывности, когда переходъ въ другое основное настроеніе происходитъ совсѣмъ внезапно и безъ причины, то въ такомъ случаѣ и индивидуумъ дѣлается чуждымъ самому себѣ, потерявъ привычный масштабъ.

Во всей полнотѣ своей чувство выступаетъ только, когда оно является полною противоположностью другого чувства. Мы не всегда замѣчаемъ роль, которую контрастъ играетъ въ нашихъ чувствахъ, а между тѣмъ она гораздо больше, чѣмъ при ощущеніяхъ и представленіяхъ, потому что жизнь чувства сплошь отличается великою противоположностью между удовольствіемъ и неудовольствіемъ. Если мы не замѣчаемъ этой роли, то это, конечно, объясняется тѣмъ, что мы обыкновенно совсѣмъ от-

даемся новому чувству, которое получает свою силу, благодаря тому, что оно противоположно чувству, сходящему со сны. Изъ-за побѣдителя мы забываемъ про побѣжденнаго. Именно потому, что предшествующее страданіе вдыхаетъ больше жизни въ радость, его легко совсѣмъ упустить изъ виду *). Это бываетъ и тамъ, гдѣ фономъ новаго чувства является собственно не страданіе, а только низшая степень удовлетворенія

Какъ цвѣтовые контрасты не только оттъняютъ другъ друга, но и безъ труда переходятъ одинъ въ другой, такъ одно чувство часто подготавливаетъ дорогу противоположному. Переходъ сильнаго чувства въ противоположное совершается легче, чѣмъ переходъ отъ равнодушія къ сильному чувству. Въ первомъ случаѣ источникъ, такъ сказать, открытъ, и дѣло сводится къ тому, чтобы теченіе пошло по другому направленію; въ послѣднемъ случаѣ сперва нужно освободить живую силу.—Часто чувство развивается только окольными путями: такъ обыкновенно благоговѣніе передъ авторитетомъ и повиновеніе ему предшествуютъ собственно нравственному чувству во всей его чистотѣ и независимости.—Даже очень противоположныя чувства (удовольствіе—страданіе, любовь—ненависть, надежда—страхъ, почтеніе—презрѣніе) подготавливаютъ другъ другу дорогу. Пресыщеніе однимъ членомъ противоположности производитъ стремленіе пережить другой, особенно на той ступени развитія, когда человѣкъ непосредственно слѣдуетъ минутнымъ порывамъ, или при сильномъ нервномъ возбужденіи **). Такъ во время развитія душевной болѣзни часто наступаетъ моментъ, когда крайнія чувства несчастія, разочарованія и одинокости превращаются въ непомѣрную радость отъ воображаемаго величія и недосыгаемости ***). *Que les extrêmes se touchent*,—этого нигдѣ лучше нельзя видѣть, какъ въ области чувства, гдѣ не рѣдкость самая рѣзкія и подавляющія противоположности. Бываютъ натуры, которыя не могутъ успокоиться, пока страсть не перебушуетъ. Голосъ совѣсти до-

*) Ср. Еванг. Іоанна XVI, 21: «женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ».

**) Ср. извѣстное *himmelhoch jauchzend—zum Tode betrübt* въ «Эгмонтѣ» Гете (актъ III, пѣсня Клары). *Гербель* перевелъ: «и ликуешь, и тоскуешь, и душа страдающая замираетъ» (Сочиненія Гете, т. III, Спб. 1878, стр. 163).

***) Примѣры у *Ideler*: *Biographien Geisteskranker*, Берлинъ 1841.

ходить до многихъ лишь въ видѣ контраста сильному возбужденію дикихъ влеченій; такимъ образомъ соблазнъ, какъ это ни странно, долженъ быть очень великъ, чтобы его можно было преодолѣть. Часто совѣсть пробуждается только послѣ того, какъ совершено преступленіе, и тогда вдругъ появляется побужденіе донести на самого себя *).

Физиологическую подкладку этой особенности чувствованій надо искать въ жизненныхъ условіяхъ нервной системы. Энергія нервныхъ органовъ ограничена; если она исчерпана продолжительнымъ дѣйствіемъ, то органы требуютъ или покоя, или возбужденія въ другомъ родѣ. Поэтому страданія прерывисты; если даже причина продолжаетъ дѣйствовать, все-таки бываетъ моментъ, когда способность страдать на время исчерпана, и тогда наступаетъ періодъ покоя, во время котораго собираются силы для возобновленнаго страданія **). Душевные страданія и радости также проявляются этимъ ритмическимъ способомъ: за сильнымъ разряженіемъ слѣдуетъ болѣе спокойное настроеніе, которое потомъ опять можетъ перейти въ мгновенный аффектъ. *Гербертъ Спенсеръ* обратилъ вниманіе на то, что проявленія чувствъ въ танцахъ, поэзіи и музыкѣ носятъ ритмическій характеръ ***).

Самыя сильныя чувства удовольствія и недовольства тѣ, которыя связаны съ прерывистыми органическими функціями. Чувствованія, связанная съ сохраненіемъ особи и рода, могутъ обладать высшей степенью горячности, потому что глубокія органическія условія жизни, отъ которыхъ они зависятъ, подвержены естественному ритму. Частныя функціи органовъ чувствъ (преимущественно зрѣнія и слуха) совершаются съ большей непрерывностью и потому не подвержены такимъ большимъ контрастамъ (ср. кромѣ этого А, 3е). — Впрочемъ, нужно напомнить, что чувствованіе можетъ быть очень сильнымъ, не будучи бурнымъ (IV, 7а).

Въ качествѣ конечныхъ существъ мы имѣемъ только ограниченную способность какъ къ удовольствію, такъ и къ страданію. Глубокомысленная идея древнихъ о зависти боговъ имѣетъ здѣсь

*) *Bischoff*: Merkwürdige Kriminalrechtsfälle, т. II, Ганноверъ 1835, стр. 43 и слѣд.

***) *Ch. Richet*: Recherches expérimentales et cliniques sur la sensibilité, Paris 1877, стр. 303—307.

****) *First Principles*, ч. II, гл. 10: ритмъ движенія, § 86.

реальное основаніе. Избытокъ счастья ведетъ къ несчастью, если отъ него тратится потенціальная сила нашей природы. Однако, въ силу того же закона противоположности, мы должны этой идеѣ противопоставить идею о состраданіи боговъ, такъ какъ и страданіе само себя поглощаетъ.

Въ этой измѣнчивой игрѣ, которая повышаетъ чувство удовольствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожаетъ ему, болѣе того, — повидимому, можетъ даже разбить жизнь духа на борющіяся силы, часто видѣли несовершенство, и человѣческій умъ въ противоположность этому нарисовалъ картину идеальнаго состоянія, въ которомъ полнота блаженства не прерывается контрастами или перемѣнами. Даже *Спиноза*, который, являясь психологомъ, обнаруживаетъ такое полное и вѣрное пониманіе закона отношенія, изображаетъ въ концѣ своей «Этики» состояніе совершенства, гдѣ нѣтъ какого бы то ни было контраста, измѣненія и перехода. Однако никогда нельзя было дать этому идеальному состоянію опредѣленнаго положительнаго содержанія. Такая мысль и ея вліяніе понятны съ психологической точки зрѣнія только въ силу противоположности страданіямъ настоящей жизни. Значитъ, это — новое подтвержденіе закона отношенія.

3. Прежде было упомянуто (VI A,2 и B,2d), что чувство возникаетъ медленнѣе познанія. Только при очень сильныхъ и внезапныхъ раздраженіяхъ не бываетъ этого различія во времени. Но состояніе, возникающее въ такіе моменты, отличается полнымъ сляніемъ элементовъ познанія и чувства. Такіе простые «толчки», какъ элементарныя ощущенія, изъ которыхъ образуются, по приведенной выше гипотезѣ (V A,2), всѣ чувственные ощущенія, можно съ неменьшимъ правомъ отнести къ познанію, какъ и къ чувствованію. Нѣчто подобное надо сказать на высшей ступени и про всякое *удивленіе* и *изумленіе*, про всякое впечатлѣніе новаго и необыкновеннаго. Благодаря сильному контрасту съ предшествовавшимъ состояніемъ или съ остальнымъ содержаніемъ нашего сознанія, наше собственное новое состояніе, вызванное раздраженіемъ, играетъ по крайней мѣрѣ такую же большую роль, какъ и содержаніе новаго воспріятія или представленія. Въ психологическомъ отношеніи это особенность всякаго душевнаго волненія. Посредствомъ свѣжаго притока чувства новое познаніе представляется съ необыкновенной ясностью и въ особенно плѣнительномъ свѣтѣ. Поэтому и древніе учили,

что удивленіе—начало всякой мудрости. Но и только начало, потому что, исходя отъ этого пограничнаго явленія, можно пойти разными путями. Или элементъ чувства беретъ верхъ до такой степени, что безпокойство и энтузіазмъ дѣлаютъ невозможнымъ ясное усвоеніе и глубокое пониманіе, или же онъ дѣйствуетъ въ качествѣ внутренней одушевляющей силы и приводитъ къ всесторонней, упорной работѣ на пользу новой идеи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удивленіе превращается въ страхъ, разочарованіе и презрѣніе или въ радость, любовь и почтеніе, смотря по тому, что вызвало удивленіе. Такимъ образомъ оно представляется *приступомъ къ очень различнымъ психологическимъ процессамъ*, и въ этомъ отношеніи Декартъ и Маллебраншъ были вполне правы, поставивъ при изложеніи чувствованій во главѣ ихъ удивленіе, какъ предположеніе каждаго изъ нихъ. Но естественнѣе вмѣстѣ съ Беномъ составить особый классъ чувствованій, гдѣ содержится удивленіе и другія «*чувства отношенія*» (emotions of relativity), и гдѣ моментъ отношенія и противоположности, сказывающійся во всѣхъ состояніяхъ нашего сознанія, вполнѣ опредѣляетъ не только силу и качество чувствованія, но и его сущность и содержаніе. Такого рода — чувства новости или повторенія, разнообразія или однообразія, свободы въ противоположность принужденію, здоровья въ противоположность болѣзни (чувство выздоравливанія), силы въ противоположность безсилію.

4. Необходимымъ слѣдствіемъ закона отношенія является то, что частое повтореніе ослабляетъ свѣжесть и силу чувства. Основа, на которой оно развивалось на первыхъ порахъ такъ живо и бодро, въ силу необходимости все больше и больше тускнѣетъ; свѣтъ и тѣни начинаютъ сглаживаться, такъ что контрастъ постепенно устраняется. Этотъ процессъ является только формой общаго приспособленія, свойственнаго всякой жизни. При всякихъ обстоятельствахъ все живое стремится прійти въ равновѣсіе съ условіями. На чувство это нерѣдко дѣйствуетъ въ томъ смыслѣ, что энтузіазмъ смѣняется равнодушіемъ и рутинной, и наконецъ о немъ остается только необъяснимое воспоминаніе. Приспособленіе заглушаетъ, способствуя тому, чтобы функціи совершались съ меньшимъ расходомъ энергіи. Но тогда какъ это оказывается сбереженіемъ и потому выигрышемъ, если все ограничивается активнымъ дѣйствіемъ, оно является потерей, когда

рѣчь идетъ о чувствованіи. Элементъ удивленія, находящійся во всякомъ живомъ чувствѣ, при повтореніи какъ бы всецѣло пропадаетъ.—Непремѣнно должно наступить повтореніе. Это ясно слѣдуетъ изъ того, что опыты конечнаго существа всегда ограничены: перемѣны по необходимости должны образовать круговоротъ. Какъ показано ранѣе, сознательная жизнь безъ повторенія опытовъ не пошла бы дальше ощущений (ср. V B, 1, 5, 11; D, 3). Но, какъ видно, не всѣмъ сторонамъ сознательной жизни идетъ въ прокъ это повтореніе.

С. Киркегоръ взялъ этотъ психологическій законъ за точку отправленія, чтобы выяснить границы между эстетическимъ и этическимъ состояніемъ. Всякое волненіе и всякій энтузіазмъ отличается эстетическимъ характеромъ: мы наслаждаемся, охваченные сильнымъ порывомъ. Волна чувства, прорываясь, невольно увлекаетъ за собой наше я. Но во время повседневной работы, во время разстраивающаго и угнетающаго вліянія со стороны повторенія, должно обнаружиться, есть-ли у чувства другая сила, кромѣ этой минутной вспышки. Поэтому для *С. Киркегора* возможность повторенія является основной проблемой этики*).

Тогда какъ взглядъ *Киркегора* на эту проблему свидѣтельствуеетъ о его гениальной психологической проницательности, какъ-то странно видѣть, съ какою поспѣшностью этотъ писатель отворачивается отъ психологіи. Этой проблемы, какъ онъ утверждаетъ, нельзя разрѣшить посредствомъ психологіи. «Повтореніе,—говоритъ онъ (стр. 92),—есть трансцендентность». Это значитъ, что только необъяснимый актъ воли можетъ преодолѣть трудность. *Киркегоръ* упустилъ изъ виду, что есть психологическій законъ, на который можетъ опереться этическое требованіе,—какъ и вообще этика должна строиться на томъ, что

*) „Кто хочетъ только надѣяться, тотъ трусъ; кто хочетъ только вспоминать, тотъ похотливъ; но кто желаетъ повторенія, тотъ настоящій человекъ... Когда жизнь пройдена, тогда только будетъ видно, хватитъ-ли мужества понять, что жизнь—повтореніе, и хватитъ-ли охоты наслаждаться имъ“. Gjentagelsen. Et Forsøg i den experimenterenden Psykologi (Повтореніе. Опытъ по экспериментальной психологіи *Константина Констанціуса*), Копенгагенъ 1843, стр. 5.—Съ другой стороны, проблема повторенія вновь появляется у *С. Киркегора*, именно въ его полемикѣ противъ официальнаго христіанства, какъ чего-то такого, что „существуетъ, забывъ свое происхожденіе“. См. Indøvelse i Kristendom (усвоеніе христіанства), газетныя статьи и Øjeblikket (Минута).

психологически возможно, если она не желает витать въ небесахъ или же непрерывно ссылаться на сверхъестественное.

Чувство можетъ притупиться отъ повторенія или привычки только въ той степени, въ какой оно разсматривается какъ чисто пассивное состояніе. Активныя движенія и саровки, напротивъ того, совершенствуются путемъ повторенія; здѣсь привычка становится навикомъ. Къ активной сторонѣ нашей природы относится не только способность двигать мускулами, но также воспріятіе и мышленіе, вниманіе и воля. Чувство заглушается отъ повторенія какъ разъ потому, что заученное движеніе можетъ мало-по-малу совершаться безсознательно *). Итакъ въ этомъ отношеніи здѣсь оказалась бы рѣшительная противоположность между условіями чувствованій и представленія. Но прежнія изслѣдованія (В и С) разъяснили намъ, что развитіе познанія бываетъ на руку чувствованію. Чисто элементарныя чувствованія, т.-е. такія, которыя производятся простыми, опредѣленными чувственными раздраженіями, не выигрываютъ отъ повторенія (точно такъ же, какъ и простѣйшія, непосредственныя чувственныя ощущенія). Напротивъ, идейныя чувствованія, т.-е. тѣ, которыя связаны съ большимъ или меньшимъ кругомъ представленій и опредѣляются имъ, могутъ не только сохранить свою силу (только не горячность), но даже выигрываютъ отъ повторенія. Та сумма энергіи, которая освобождается въ моментъ волненія, можетъ освободиться и позже, только разбившись, такъ сказать, на разныя теченія, уже не въ концентрированномъ состояніи. Итакъ чувство отъ повторенія выигрываетъ въ разнообразіи и задушевности то, что оно теряетъ въ свѣжести. Во время приспособленія объектъ чувства раскрываетъ свою сущность и представляется съ различныхъ точекъ зрѣнія; а съ другой стороны, различные элементы въ природѣ индивидуума приводятся во взаимодействіе съ объектомъ. Такимъ образомъ въ предѣлахъ основнаго отношенія можетъ быть цѣлый рядъ разнообразныхъ измѣнчивыхъ отношеній. Вслѣдствіе этого чувствованіе распространяется на большую область жизни и можетъ получать питаніе отъ гораздо большаго числа источниковъ, чѣмъ съ самаго на-

*) Уже Юмъ (Treatise II, 3, 1) и Bichat (La vie et la mort, стр. 47—56) подчеркивали, что повтореніе не одинаково дѣйствуетъ на познаніе и волю съ одной стороны и на чувство—съ другой.—Между позднѣйшими писателями очень дѣльно разсматриваетъ этотъ вопросъ Фришъ (Neue Kritik der Vernunft § 36).

чала. Такъ бываетъ, наприм., въ отношеніи къ человѣку, съ которымъ мы живемъ. Внутренній ростъ, совершившійся въ чувствѣ, часто дѣлается замѣтнымъ только тогда, когда это отношеніе подвергается испытанію; тогда можетъ опять произойти переходъ изъ раздробленной въ концентрированную форму, такъ что оказывается, что затраченный капиталъ принесъ проценты.

При этомъ очень важно, въ какой степени *богато* и *обширно* то *содержаніе*, съ которымъ связано чувство. Чѣмъ уже наше я, т.-е. все то, съ чѣмъ связаны наши интересы, тѣмъ быстрѣе исчерпывается возможность новаго и свѣжаго чувства. Здѣсь въ симпатическихъ чувствахъ видно превосходство надъ эгоистическими. Обширная симпатія, интересъ къ великимъ и значительнымъ объектамъ сохраняютъ свою свѣжесть, не смотря на ослабляющее вліяніе повторенія и ритма. Подобное чувство — не что иное, какъ возрожденіе первоначальной порывистости (V B, 4), которая начинается съ того, что придаетъ всякому выдвигающемуся представленію цѣну и реальность, но подъ вліяніемъ частью повторенія, частью разочарованій легко превращается въ притупленность или угрюмость.

Изъ «Писемъ изъ Швейцаріи» *Гете* мы возьмемъ хорошенькій примѣръ, чтобы разъяснить вліяніе повторенія на чувство. Рѣчь идетъ о возвышенныхъ впечатлѣніяхъ во время поѣздки на горы въ Швейцаріи. «Молодой человѣкъ, котораго мы взяли съ собой въ Базель, сказалъ, что съ нимъ теперь совѣмъ не то, что было въ первый разъ, и съ восторгомъ отозвался о новизнѣ. Но я бы сказалъ: когда мы видимъ такой предметъ впервые, то непривычная душа только расширяется, и это доставляетъ мучительное удовольствіе, переполненіе, трогающее душу и доводящее насъ до отрадныхъ слезъ. Въ силу этого душа дѣлается шире, не сознавая этого, и уже не способна къ такому первому ощущенію. Человѣку кажется, что онъ потерялъ, но онъ выигралъ; что онъ теряетъ въ наслажденіи, то онъ выигрываетъ во внутреннемъ ростѣ».

Итакъ неизбежно теряется много такого, чего нельзя приобрести въ другой разъ. Зарождающееся чувство все равно, что первый вздохъ новорожденнаго, когда легкія расширяются до такой степени, что потомъ уже никогда вполне не опорожняются; такимъ образомъ ни одно позднѣйшее вдыханіе не можетъ стать такимъ же, какъ первое. Въ этомъ отношеніи повто-

реніе невозможно. Однако пессимизмъ не правъ, видя тутъ одну только потерю; съ другой стороны—это большой выигрышъ. Съ какой стороны смотрѣть на дѣло, — это зависитъ отъ мировоззрѣнія каждаго отдѣльнаго человѣка.

5. Эта противоположность между вліяніемъ повторенія и приспособленія на пассивную и активную сторону чувствованія заставляетъ насъ выдвинуть противоположность, которую старая психологія (особенно со времени превосходнаго изложенія *Канта* въ *Anthropologie*, § 71) видѣла между аффектомъ и страстью. Подъ аффектомъ или душевнымъ волненіемъ въ такомъ случаѣ понимается внезапный взрывъ чувства, которое завладѣваетъ на нѣкоторое время душою и тормазитъ свободное и естественное соединеніе познавательныхъ элементовъ. *Страсть*, напротивъ того, есть движеніе чувства, сдѣлавшееся второй природой, вкоренившееся благодаря привычкѣ. Въ страсти особенно проявляется элементъ влеченія, находящійся въ чувствѣ, вслѣдствіе чего она стоитъ на рубежѣ между чувствомъ и волею. Чѣмъ аффектъ съ его сильнымъ экспансивнымъ движеніемъ бываетъ въ отдѣльный моментъ, тѣмъ страсть бываетъ въ глубинѣ души, какъ сбереженное количество силы, готовой къ дѣйствію. Поэтому страсть не исключаетъ спокойнаго обдумыванія; напротивъ того, она находитъ себѣ выраженіе въ мысли, господствующей надъ всѣмъ кругомъ представленій. «Аффектъ, — говоритъ *Кантъ*, — дѣйствуетъ какъ вода, прорывающая плотину; страсть — какъ потокъ, все глубже и глубже уходящій въ свое русло... Аффектъ — это словно похмелье; на страсть можно смотрѣть какъ на безуміе, не разстающее съ представленіемъ, которое укореняется все глубже и глубже». — Часто то, что при аффектѣ было средствомъ, при страсти является цѣлью. Отъ этого отчасти зависитъ, что страсть часто является только механическимъ повтореніемъ или продолженіемъ того, что съ неожиданной и особенной силой наполнило душу въ моментъ аффекта.

Чувство начинается аффектомъ и, — если только есть для него достаточно пищи, — переходитъ въ страсть: гнѣвъ и печаль — аффекты, месть и жоска — страсти. Самымъ глубокимъ и центральнымъ теченіемъ въ существѣ человѣка является его господствующая страсть; она направляется и обуславливается его врожденной природой, которая питается, развивается и проясняется волненіями и опытами. — Повтореніе вліяетъ на аффектъ не такъ,

какъ на страсть: аффектъ слабѣетъ отъ него, а страсть питается имъ. Это согласно съ тѣмъ, что у страсти больше активныхъ свойствъ, и она тѣснѣе аффекта связана съ опредѣленными и отчетливыми представленіями.

Какъ аффектъ можетъ пробить дорогу страсти, такъ страсть можетъ прорваться наружу въ видѣ аффекта, хотя она можетъ найти себѣ удовлетвореніе и болѣе обдуманнѣе и спокойнѣе способомъ. — Смотри по тому, какъ удовлетворяется страсть, она можетъ вызвать аффекты другого рода, чѣмъ она сама. Такъ, любовь къ отечеству въ минуту опасности вызываетъ воинственный пылъ и жажду боя. Или, наприм., при исполненіи преступнаго замысла, вытекающаго изъ холоднаго корыстолюбія, пробуждаются звѣрскія влеченія, такъ что убійца уродуетъ свою жертву, хотя бы это вовсе не нужно было для его цѣли *).

Слово страсть тутъ употребляется въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, не дѣлающемъ такого опредѣленнаго различія между аффектомъ и страстью. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы оставляемъ въ сторонѣ какую бы то ни было нравственную оцѣнку понятій: аффектъ и страсть. Есть какъ хорошіе, такъ и дурные аффекты и страсти; но оба рода отличаются одними и тѣми же общими психологическими признаками, такъ же какъ питательныя и ядовитыя растенія могутъ принадлежать къ одному семейству. Все, что ни является въ насъ въ видѣ силы, должно сказаться въ аффектѣ или страсти. Голый «разумъ» безсиленъ по отношенію къ дѣйствительной душевной жизни, такъ какъ здѣсь постоянно идетъ борьба чувствъ. Поэтому психологически невѣрно говорить, — а это дѣлаютъ такъ часто, — о борьбѣ разума со страстями. Прямо такой борьбы не можетъ быть. Мысль можетъ вытѣснить чувство, только вызвавъ другое чувство, которое въ состояніи отстранить первое. Между психологами новаго времени особенно подчеркивали это *Спиноза*

*) Ср. *Anselm Feuerbach: Aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen*, Гиссенъ 1828, I, стр. 93: «оттого это не лживая выдумка и не одна только увертка, когда преступники въ своей исповѣди рассказываютъ о бѣшенствѣ и ярости, которыя овладѣвали ими во время выполненія преступленія, лишали ихъ всякой способности размышлять и увлекали ихъ съ неотразимой силой, такъ что они не знали, чего хотѣли, да и не больше знали, что дѣлали... Не все, что происходитъ при исполненіи преступленія, можно объяснять его главными побудительными причинами».

и Юмъ, тогда какъ Кантъ (въ своихъ систематическихъ произведеніяхъ) и еще болѣе—его послѣдователи совершенно выпустили это изъ виду. Греческая психологія склонна была смотрѣть на дѣло даже съ совершенно противоположной стороны. Когда говорятъ, что происходитъ борьба между страстью и разумомъ, то по Платону («Протагоръ») это собственно значить, что мысли борются съ мыслями: страсть будто бы не что иное, какъ невѣрное познаніе, которое вытѣсняется истиннымъ.

6. Законъ отношенія объясняетъ прочную, опредѣленную форму каждаго отдѣльнаго чувствованія и показываетъ, какъ одно чувствованіе можетъ проложить дорогу другому и оказаться для него не безъ значенія. Но точно такъ же, какъ въ интеллектуальной области поверхностный взглядъ на законъ отношенія дѣлаетъ выводъ, будто все одинаково истинно или ложно, такъ въ области чувства былъ сдѣланъ выводъ, будто всякое удовольствіе—иллюзія, потому что оно обязано своимъ существованіемъ только противоположности чувству недовольства. На этомъ взглядѣ Шопенгауеръ построилъ свою пессимистическую философію. По его теоріи, въ основѣ всякаго сознанія лежитъ слѣпая, но необузданная воля или влеченіе, цѣпляющееся за жизнь и побуждающее сознательныя существа къ сохраненію и дальнѣйшему размноженію. Все, что живетъ и чувствуетъ, во что бы то ни стало, хочетъ жить. Эта «воля къ жизни» обусловлена не тѣмъ, что жизнь—благо, что она доставляетъ удовольствія и радости; наоборотъ, мы воображаемъ себѣ, будто жизнь приноситъ счастье, потому, что какая-то темная сила влечетъ насъ вѣчно хвататься за нее *). Такъ называемое удовольствіе возникаетъ отъ удовлетворенія потребности; удовлетвореніе, связанное съ неудовольствіемъ, является положительной стороной; удовольствіе, наоборотъ, отрицательной, — оно обозначаетъ только прекращеніе по-

*) Предшественникъ Шопенгауера, итальянскій поэтъ Леонарди высказываетъ ту же мысль: «всѣ люди хотятъ жить; поэтому они должны находить жизнь пріятной и прекрасной; они *хотятъ* считать ее прекрасной, и потому они сердятся на того задорнаго человѣка, который позволяетъ себѣ думать иначе» (Opuscules et Pensées, trad. de l'Italien par A. Dapples, Paris 1880, стр. 114).—Теорія, что всякое удовольствіе основывается на устраненіи потребности, въ древности отчасти находила сочувствіе у Эпикура, въ новое время—особенно у итальянскихъ мыслителей (Карданиусъ, Верри), откуда ее заимствовалъ Кантъ (Anthropologie § 57), не дѣлая однако изъ нея тѣхъ выводовъ, которые позже сдѣлалъ Шопенгауеръ.

требности. Поэтому мы не цѣнимъ величайшихъ благъ жизни, — здоровья, молодости и свободы, пока они у насъ есть; только съ ихъ исчезновеніемъ намъ дѣлается ясной ихъ цѣнность.

Теорія Шопенгауера стоитъ въ полномъ противорѣчій съ біологическимъ значеніемъ чувства. Если бы дѣйствительно существовалъ такой неукротимый пылъ, который охлаждался бы только въ тотъ или другой мигъ; чтобы вспыхнуть потомъ еще сильнѣе, то онъ скоро поглотилъ бы самъ себя. Страніе постоянно связано съ тѣмъ, что вредитъ или угрожаетъ жизни. Поэтому страданіе и недовольство не могутъ быть основой и положительной стороной, на которую въ борьбѣ за существованіе напѣраютъ опыты, иногда разрушая ее. Если мы назовемъ склонность къ движенію, существующую уже до пробужденія сознанія, влеченіемъ или волей, то это влеченіе не можетъ *само по себѣ* вести за собой страданіе или недовольство. Они могутъ возникнуть только тогда, когда влеченіе наталкивается на препятствіе больше того, которое оно въ силахъ преодолѣть. Съ нормальнымъ ходомъ органическихъ функций связано основное настроеніе счастья, чувство легкости и свободы, — правда, прямо на него мы обращаемъ вниманіе только въ рѣдкихъ случаяхъ, и мы обыкновенно замѣчаемъ его лишь, когда оно смѣняется нездоровіемъ или само смѣняется имъ. Здоровье, молодость и свобода — блага именно потому, что они способствуютъ полному развитію и примѣненію нашихъ силъ. Болѣзненное чувство жизни подкашиваетъ всѣ наши силы: душевная болѣзнь обыкновенно начинается разстройствами и болѣзненностью чувства жизни. Значеніе и положительная цѣнность чувства жизни основывается не на томъ, что оно протѣсняется на первый планъ, а на томъ, что оно обусловливаетъ и влечетъ за собой.

Шопенгауеровская теорія лучше всего подходитъ къ чувствамъ, которыя прямо связаны съ сохраненіемъ рода и индивидуума. Могло бы казаться, что эта теорія лучше всего подходитъ къ самому первому времени жизни; по крайней мѣрѣ, безпристрастный наблюдатель также пришелъ къ тому заключенію, что чувства недовольства преобладаютъ въ первое полугодіе челоѣческой жизни, и что чувства удовольствія въ это время большей частью происходятъ вслѣдствіе удаленія состояній недовольства, а не вслѣдствіе возникновенія положительныхъ состояній удоволь-

ствія *). Но съ другой стороны Шопенгауеръ именно учитъ, что чувство недовольства существованіемъ пробуждается какъ слѣдуетъ только, когда развилось сознаніе. Будь это такъ, то слѣдовало бы ожидать, что первое время занято преимущественно чувствомъ удовольствія, а вовсе не чувствомъ недовольства.

Шопенгауеръ совершенно отрицаетъ психологическій процессъ, въ силу котораго развитіе познанія идетъ въ прокъ и чувствованію. Правда, онъ такъ непослѣдователенъ, что допускаетъ идейныя и безкорыстныя чувства (наслажденіе искусствомъ и наукою, симпатію, особенно состраданіе); но Шопенгауеръ не въ состояніи объяснить разницу между ними и чувствами, связанными съ чисто физическими влеченіями. По его мнѣнію, человѣкъ, несмотря на всѣ свои мысли и идеи, такъ же грубъ, какъ и животное; онъ стремится къ тому же, къ чему стремится и животное, — только животное достигаетъ своей цѣли гораздо легче и съ меньшимъ мученіемъ и страданіемъ **). Въ этомъ отношеніи Шопенгауеръ является рѣшительнымъ противникомъ гипотезы развитія; и не безъ основанія онъ нападаетъ на оптимистическія преувеличенія. Нельзя отрицать, что звѣрскіе инстинкты самосохраненія («Голодь и любовь» Шиллера) еще и теперь большей частью господствуютъ въ жизни; но гипотезѣ развитія ничего не стоитъ согласиться съ этимъ, ничуть ни противорѣча своему основному ученію. Одно дѣло, дѣйствительно-ли происходитъ развитіе, совершенно другое, — какъ далеко мы уже ушли на той ступени, на которой теперь находимся. Было бы немислимо, чтобы всестороннее развитіе представленій и мыслей совсѣмъ не имѣло вліянія на жизнь чувствованій. Во всякомъ случаѣ значительный прогрессъ виденъ въ томъ, что грубыя влеченія теперь принуждены искать себѣ оправданія, соединяясь съ болѣе или менѣе идейными и всеобщими цѣлями (въ семьѣ, въ государствѣ и т. д.)

*) Preyer: Die Seele des Kindes, стр. 91, 93.

***) «Въ концѣ-то концовъ въ дѣйствительности дѣло идетъ только о тѣхъ же вещахъ, къ которымъ стремится и животное, но съ несравненно меньшей затратой аффектовъ и мукъ» (Parerga und Paralipomena, Berlin 1851, II, стр. 260). — «У животнаго есть всѣ аффекты человѣка: радость, печаль, страхъ, гнѣвъ, любовь, ненависть, тоска и т. д. Великая разница между человѣкомъ и животнымъ зависитъ только отъ степени совершенства интеллекта» (Über den Willen in der Natur, 2-е изд., стр. 28; рус. пер. А. Фета, изд. 2-е, М. 1872). — Подробнѣе это развито въ Welt als Wille und Vorstellung, т. 2, гл. 19.

Думать, что удовольствіе всегда должно быть на фонѣ страданія, значило бы не понимать закона отношенія. Удовольствіе проявляется рѣзче всего, когда смѣняетъ страданіе; но фономъ его можетъ быть и чувство удовольствія послабѣе, и это всегда бываетъ преимущественно тамъ, гдѣ инстинктъ самосохраненія дѣйствуетъ не прямо. Борьба изъ-за болѣе высокаго и болѣе благороднаго человѣческаго существованія сводится поэтому къ тому, чтобы отгѣснить непосредственный инстинктъ самосохраненія и открыть возможно широкій просторъ тѣмъ благамъ, которыя выше удовлетворенія одного только стремленія къ жизни.

7. Само по себѣ бессмысленно называть удовольствіе или недовольство отрицательнымъ. Всякое чувствованіе какъ такое есть дѣйствительное чувствованіе, т.-е. положительное состояніе. Даже «мнимая» или «воображаемая» радость есть дѣйствительная радость. Чувствованіе, опредѣляемое главнымъ образомъ своимъ контрастомъ къ другому чувствованію, все-таки отличается не меньшею дѣйствительностью и положительностью. Страданія отъ галлюцинаціи—дѣйствительныя, настоящія страданія. Ипохондрикъ чувствуетъ дѣйствительное недовольство, и тутъ нельзя видѣть притворства. Подъ такими выраженіями, какъ положительный и отрицательный, истинный и ложный, въ этомъ отношеніи можетъ подразумѣваться только дѣйствительность или недѣйствительность объекта чувства. Чувствъ нельзя подвергать критикѣ, не критикуя ихъ причинъ и ихъ объектовъ.

Какъ говорили о положительныхъ и отрицательныхъ удовольствіяхъ, точно такъ же полагали, будто есть нулевая точка, обозначающая безразличіе, равнодушіе,—другими словами, точка, на которой не чувствуешь ни удовольствія, ни недовольства. Еще вопросъ есть ли дѣйствительно такія безразличныя состоянія. Если смотрѣть на дѣло чисто теоретически, то, конечно, можно бы допустить, что на линіи, идущей отъ самаго сильнаго удовольствія къ самому невыносимому страданію, должна быть средняя точка, лежащая на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ концовъ. Но эта теоретическая средняя точка не можетъ быть выраженіемъ дѣйствительнаго состоянія сознанія. Если мы дойдемъ до нея со стороны страданія, она явится удовольствіемъ, а если со стороны удовольствія—наоборотъ, она окажется недовольствомъ,—то и другое, пока не произошло приспособленія. Это—простое слѣдствіе закона отношенія.

Здѣсь очень трудно объяснить непосредственный опытъ именно потому, что вслѣдствіе закона отношенія мы считаемъ извѣстныя состоянія безразличными, глядя на нихъ въ минуты сильнаго возбужденія. Между тѣмъ нѣкоторые психологи, повидимому, не безъ основанія утверждаютъ, что зоркое и точное наблюденіе всегда откроетъ въ безразличныхъ на видъ состояніяхъ тонкія колебанія удовольствія и недовольства. Даже съ самыми отвлеченными процессами мысли связаны слабыя колебанія удовольствія и недовольства. Бенъ приводитъ удивленіе для примѣра нейтральныхъ состояній или возбужденій чувствъ (neutral excitements). Какъ мы видѣли, удивленіе представляетъ пограничное явленіе, въ которомъ элементы познанія и чувствованія на видъ часто сохраняютъ равновѣсіе. А между тѣмъ въ виду того, что удивленіе вызываетъ волненіе и движеніе душевныхъ силъ, въ немъ, какъ и во всякой свободной и бодрой дѣятельности, безспорно слѣдуетъ видѣть чувство удовольствія. Если же удивленіе служитъ приступомъ къ страху, печали, насмѣшкѣ или гнѣву, то оно оказывается чувствомъ недовольства. Удивленіе не всегда принадлежитъ къ сильнымъ чувствамъ, которыя оставляютъ совсѣмъ въ тѣни объектъ въ сравненіи съ душевнымъ волненіемъ, но это еще не значитъ, чтобы оно было нейтральнымъ чувствомъ.

Мы можемъ отлично представить себѣ непрерывный рядъ переходовъ отъ удовольствія къ страданію, и вовсе не будетъ необходимости допускать въ этомъ ряду точку безразличія. Изъ опытовъ видно, что, если, напр., положить руку на тѣло, теплота котораго возрастаетъ, то въ извѣстной точкѣ возникаютъ слабыя чувства недовольства рядомъ съ пріятнымъ ощущеніемъ тепла; они постепенно возрастаютъ и къ концу совсѣмъ вытѣсняють пріятное чувство *).

Фонъ теперешней жизни нашего чувства, общее чувство жизни, при нормальныхъ обстоятельствахъ отличается характеромъ удовольствія, хотя мы этого обыкновенно вполне не сознаемъ, ибо, какъ только что было замѣчено, мы пользуемся своимъ здоровьемъ, свободой и молодыми силами для того, чтобы посвятить себя дѣятельности, возбуждающей болѣе сильныя и болѣе опредѣленныя чувствованія. Только въ періодъ выздоравливанія, или

*) Horwitz: Psychologische Analysen II, 2, Magdeburg 1878, стр. 26.

когда вниманіе, почему бы то ни было, обращается на наше состояніе, чувство удовольствія, связанное съ здоровьемъ, вполнѣ достигаетъ нашего сознанія.

Когда допускаютъ безразличныя состоянія, то это зависитъ не только отъ того, что оставляются безъ вниманія болѣе слабая степени удовольствія и недовольства, но и отъ того, что смѣшиваются состоянія души вообще съ дѣйствіемъ, которое оказываютъ отдѣльныя представленія и опыты. Много впечатлѣній появляется и исчезаетъ, не возбуждая замѣтнаго чувства, или не получая яснаго вліянія на общее состояніе нашего чувства. Но само это общее состояніе опредѣляется во всякій моментъ преобладаніемъ чувства или удовольствія, или недовольства.

8. Чтобы дать примѣръ чувствованій, характеръ которыхъ опредѣляется закономъ отношенія, мы коснемся здѣсь чувствъ возвышеннаго и смѣшнаго. Разборъ этихъ чувствъ въ то же время пригодится намъ для того, чтобы показать, какъ чувствованіе развивается въ высшія формы, благодаря тому, что недовольство переходитъ въ удовольствіе, эгоизмъ—въ симпатію, а также, какое значеніе имѣетъ для чувства развитіе познанія.

Чувство высокаго въ своей простѣйшей формѣ родственно отчасти удивленію, отчасти страху. Возвышено то, что является съ такимъ обиліемъ впечатлѣній, что обыкновенное мѣрило созерцанія совсѣмъ не годится, но отъ этого созерцаемое не перестаетъ дѣйствовать на насъ со всей силой. Мы пытаемся охватить его своимъ созерцаніемъ, но намъ это или совсѣмъ не удается, или, если и удается, то только съ трудомъ. Такъ дѣйствуютъ на насъ высокія, крутыя горы, пустыни, поверхность моря, звѣздное небо. Представленіе о безконечномъ времени также производитъ на насъ впечатлѣніе высокаго; наприм., когда говорить, что черезъ каждое тысячелѣтіе прилетаетъ птица, чтобы поточить свой клювъ о необъятной величины гору, и когда гора источится, то пройдетъ только одна секунда вѣчности. Еще ранѣе неизмѣримаго *протяженія времени и пространства* дѣйствуетъ *могучая сила*. Чувство высокаго прежде всего, конечно, проявляется вслѣдствіе представленія о необычайной и громадной силѣ человѣка. У дикаря возникаетъ это чувство при видѣ сильнаго борца, передъ силой и ловкостью котораго въ его представленіи исчезаетъ его собственная сила; точно такъ же, какъ

мы признаемъ наше существованіе за ничто въ сравненіи съ безконечнымъ пространствомъ и безконечнымъ временемъ. Правда, возвышенное во времени и пространствѣ (его *Кантъ* называлъ математически возвышеннымъ) дѣйствуетъ не только тѣмъ, что приводитъ нашу созерцательную способность въ необычную по своимъ размѣрамъ дѣятельность, но также—и преимущественно—тѣмъ, что оно даетъ намъ впечатлѣніе той неизмѣримой силы, которая дѣйствуетъ въ громадной массѣ частицъ времени и пространства. Какъ замѣчено раньше, интересъ къ человѣку сказывается до чувства природы (С, 9). Чувство превосходящей силы, какъ чувство высокаго, образуется въ человѣческомъ мірѣ *) и распространяется отсюда на природу, такъ какъ въ мощи природы признается болѣе или менѣе ясная аналогія съ человѣческой мощью. Завываніе вѣтра и ревъ моря, уносящіяся облака и величественно нагроможденные горныя массы являются откровеніемъ душъ умершихъ и боговъ племени.

Чувство, вызванное необычайной силой, не всегда бываетъ безкорыстнымъ удивленіемъ или изумленіемъ. Во время борьбы всѣхъ со всѣми сильный воинъ можетъ обратить свое оружіе какъ противъ враговъ, такъ и противъ собственныхъ соплеменниковъ. Онъ хотя и охраняетъ своихъ земляковъ, но за это требуетъ отъ нихъ повиновенія. Подобнаго же рода на низшей ступени отношеніе къ богамъ. Такъ какъ злыя существа были предметомъ обожанія и почитанія раньше, чѣмъ добрыя, то чувство по отношенію къ божеству должно носить преимущественно отпечатокъ страха. Только тамъ, гдѣ божество по существу является охраняющей и милостивою силою, страхъ превращается въ благоговѣніе (см. С, 8). Чувство высокаго внушаетъ не только Іегова въ ветхомъ завѣтѣ, создающій однимъ словомъ свѣтъ и изрекающій на вершинѣ горы, при громѣ и молніи, строгій законъ своему народу, но и ученіе буддизма и христіанства о безконечности божія милосердія и божественной любви, предъ лицомъ которыхъ исчезаютъ человѣческіе грѣхи и страданія, какъ туманъ отъ солнца.

Недовольство, связанное съ чувствомъ высокаго въ его первичныхъ формахъ, съ развитіемъ исчезаетъ отчасти потому, что интеллектуальные элементы чувства становятся обильнѣе и полу-

*) Ср. *Grant Allen*: Происхожденіе чувства высокаго, *Mind* 1878.

чають болѣе облагороженный характеръ, отчасти потому, что объектъ чувства вызываетъ симпатію. Какъ подчеркнуто раньше, въ почтеніи есть элементъ симпатіи, отличающій его отъ страха. Едва ли поэтому справедливо предполагать, какъ это дѣлають нѣкоторые психологи, что элементъ недовольства необходимъ въ чувствѣ высокаго, — все равно, думать-ли вмѣстѣ съ *Эдмундомъ Беркомъ* *), что страхъ или ужасъ сказывается съ большею или меньшею опредѣленностью по отношенію къ высокому, или, оставаясь скорѣе на почвѣ идеализма, вслѣдъ за *Кантомъ* **) находить моментъ недовольства въ томъ, что подавляется наша низменная, чувственная природа, такъ что тѣмъ яснѣе выступаетъ наша сверхчувственная сущность. Моментъ недовольства отпадаетъ, когда чувство высокаго принимаетъ болѣе чистыя и высокія формы. Въ то же время исчезаетъ и эгоистическій моментъ, заключающійся въ страхѣ.

Итакъ, контрасту, который является предположеніемъ для того, чтобы возникло чувство высокаго, нѣтъ надобности непременно имѣть мучительный характеръ. Мы можемъ даже съ радостью видѣть свое убожество, если наша душа въ то же время расширяется и преисполнена великимъ. Мы жертвуемъ жизнью за новую жизнь.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ моментахъ сознательной жизни (ср. V A, 5; B, 8d; C, 7—8;—VI B, 2e) послѣдовательность предшествуетъ одновременности. Чувство нашего убожества и чувство величія и возвышенности объекта часто нѣкоторое время чередуются ритмически, пока не сольются въ настоящее чувство высокаго. Особенно на этой довольно тревожной стадіи развитія чувства можетъ возникнуть моментъ недовольства. Этой ступени свойственно мучительное чувство подавленности.

9. Тогда какъ чувство высокаго предполагаетъ извѣстное духовное развитіе, чувство *смысленнаго* возможно на низшихъ ступеняхъ развитія сознанія, какъ только могутъ проявляться опредѣленные представленія. Да даже раньше, чѣмъ достигнута такая ступень, мы встрѣчаемъ фізіологическое проявленіе этого чув-

*) Philosophical Inquiry into the origin of our ideas of the sublime and beautiful, ч. II, отд. 1—2.

**) Kritik der Urtheilskraft, § 26.

ства: смѣхъ бываетъ еще до того времени, когда въ сознаниі можетъ имѣть значеніе что-нибудь смѣшное.

а. Смѣхъ можетъ возникнуть по чисто физическимъ причинамъ, и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть проявленіемъ душевнаго волненія. Сильный холодъ можетъ вызвать не только дрожь, но и смѣхъ. Древніе упоминаютъ про болѣзненный смѣхъ, вызывавшійся пріемами травы, находившейся въ Сардиніи (отсюда «сардоническій смѣхъ»). Припадки истеричныхъ судорогъ часто сопровождаются смѣхомъ *). Гладіаторы, раненные въ грудобрюшную преграду, умирали со смѣхомъ. *Людвигъ Вивесъ* (de anima, lib. III) рассказываетъ про самого себя, что онъ не могъ воздержаться отъ смѣха при первомъ кускѣ послѣ долгаго поста. Сюда относится также смѣхъ, вызванный шекотаніемъ; уже восьминеделѣнный ребенокъ смѣется, когда у него шекочутъ подошву.

Эти явленія прежде всего надо отнести къ рефлекторнымъ движеніямъ. Только относительно послѣдняго случая можетъ быть сомнѣніе, такъ какъ по *Прейеру* ребенокъ смѣется только тогда, когда онъ *пріятно настроенъ*. Такое настроеніе само по себѣ достаточно для того, чтобы вызвать улыбку и смѣхъ. Уже въ самые первые дни можно замѣтить у сытаго спящаго ребенка слабую приподнятость угловъ рта (въ противоположность ихъ опусканію, что служитъ выраженіемъ недовольства и нерѣдко приступомъ къ плачу). Настоящая улыбка замѣчается между тѣмъ на четвертой недѣлѣ въ связи съ сіяющими глазками и съ общимъ, не поддающимся описанію выраженіемъ удовольствія, на ряду съ нѣкоторыми прерывистыми звуками, точно такъ же выражающими несомнѣнно удовольствіе. Смѣхъ есть только усиленіе улыбки и этихъ звуковъ, и первоначально онъ точно такъ же служитъ проявленіемъ непосредственнаго удовольствія, лежащаго въ основаніи общаго чувства **).

*) *Лейкокъ*: О рефлекторныхъ функціяхъ мозга (British and Foreign Medical Review 1845, т. 19, стр. 306) упоминаетъ объ одномъ случаѣ рефлекторнаго смѣха вслѣдствіе эпилепсіи, вызванной мозговою опухолью. — Одна женщина, приведенная въ гипнотическое состояніе, разражалась громкимъ хохотомъ даже при пѣніи серьезныхъ пѣсенъ, если у ней чуть-чуть нажимали носовую кость. Когда переставали нажимать, смѣхъ прекращался, и лицо принимало опять прежнее безжизненное выраженіе. *Preyer*: Die Entdeckung des Hypnotismus, стр. 33.

**) *Дарвинъ*: Expression of Emotions, стр. 212 и слѣд. — *Прейеръ*: Die Seele des Kindes, стр. 141, 184—181.

Подобно маленькому ребенку, и идіотъ,—а онъ, по выраженію *Эшрихта*, есть маленькій ребенокъ въ тѣлѣ ребенка по старше или взрослога человекъ,—выражаетъ свое благосостояніе улыбкою и смѣхомъ. У многихъ идіотовъ постоянно играетъ улыбка на лицѣ, и они часто раздражаются громкимъ смѣхомъ, особенно когда имъ даютъ ѣсть, когда ихъ ласкаютъ, или когда они слушаютъ музыку. У большинства изъ нихъ смѣхъ не вызывается опредѣленными представленіями *).

Эвальдъ Геккеръ **) пробовалъ физиологически объяснить смѣхъ, вызванный щекотаніемъ. Опыты, повидимому, показываютъ, что щекотаніе имѣетъ послѣдствіемъ рефлекторное раздраженіе симпатическихъ нервовъ, которое сказывается ритмическимъ суженіемъ кровеносныхъ сосудовъ, соотвѣтствующимъ ритмически прерываемому прикосновенію. А отсюда слѣдуетъ, что ритмическій притокъ крови къ мозгу точно такъ же ритмически задерживается, и въ такомъ случаѣ смѣхъ является пѣлесообразнымъ рефлекторнымъ движеніемъ, такъ какъ грудь сжимается отъ сильнаго выдыханія, такъ что останавливается отливъ крови изъ мозга. Движенія, выдыханія прерывисты и ритмичны, какъ поглаживанія при щекоткѣ.

Но это объясненіе не обнимаетъ всѣхъ явленій смѣха,—особенно оно не затрагиваетъ тѣхъ, гдѣ смѣхъ служитъ проявленіемъ непосредственной радости и непосредственного довольства. Тогда какъ порывистое выдыханіе толчками при смѣхѣ отъ щекотки недурно объясняется теоріею *Геккера*, въ ней остается неяснымъ, почему непосредственное чувство довольства, въ которомъ нѣтъ контраста или ритма, должно непременно выражаться такимъ конвульсивнымъ способомъ.—Кромѣ того надо замѣтить, что уже въ смѣхѣ отъ щекотки можетъ имѣть значеніе центральное или психическое вліяніе. Обыкновенно мы не смѣемся, когда подготовлены къ щекоткѣ, и поэтому мы не можемъ щекотать сами себя. Значитъ, раздраженіе должно содержать нѣчто неожиданное и внезапное, и кромѣ того послѣ перваго прикосновенія должно возникнуть неясное ожиданіе, что оно продолжится (съ тою же силою),—ожиданіе, которое не оправдывается, такъ какъ прикосновеніе въ слѣдующую минуту

*) Ср. *Eschricht: Om Muligheden af at helbrede Idioter* (о возможности лѣчить идіотовъ), Копенгагенъ 1854, стр. 76.

**) *Physiologie und Psychologie des Lachens und des Komischen*, Berlin 1873.

прекращается, чтобы немедленно начаться снова. Какъ будетъ видно, тутъ есть аналогія между смѣхомъ, вызваннымъ щекотою, и смѣхомъ, возникающимъ отъ представленія о чемъ нибудь смѣшномъ.

Въ смѣхѣ часто видѣли особенность человѣка, такъ что смѣхъ въ такомъ случаѣ могъ бы служить средствомъ для опредѣленія человѣка (*animal risibile*). Это было бы справедливо, если бы для смѣха было необходимо представленіе о смѣшномъ. Но обезьяны также улыбаются и смѣются не только, когда ихъ щекочутъ, или когда они получаютъ особенно хорошій кормъ, но и въ томъ случаѣ, когда они свидятся съ тѣмъ, кого любятъ, или помирятся съ своимъ сторожемъ *). Кроме того, какъ замѣтилъ уже *Людвигъ Вивесъ* (*de anima lib. III*), то, что мы выражаемъ смѣхомъ, животныя могутъ выражать иначе (наприм., виляніемъ хвоста).

b. Чувство удовольствія, — простѣйшая душевная причина смѣха, — по самому существу дѣла очень часто, а на первичной стадіи почти исключительно, вызывается *впечатлѣніями, удовлетворяющими инстинкту самосохраненія и повышающими самочувствіе.* Жизнь прежде всего борьба за существованіе.

Сильное и внезапно возбужденное самочувствіе безъ труда прорывається хохотомъ. У идіотовъ, стоящихъ на ступени немного повыше, чѣмъ только что упомянутая, чаще всего причиной смѣха бываетъ личное тщеславіе. Здѣсь совмѣщаются два условія: внезапность, неожиданность и сильное самочувствіе. Въ характерныхъ формахъ этотъ родъ смѣха мы встрѣтимъ преимущественно тамъ, гдѣ была упорная и сомнительная борьба, которая неожиданно увѣнчалась побѣдою, такъ что то, что прежде угрожало жизни, теперь наконецъ является безсильнымъ и безвреднымъ. Затѣмъ начинается *ликованіе*, которое подымали герои Гомера надъ побѣжденными врагами. Здѣсь сказывается не одно только чувство спасенія и освобожденія. Образъ противника со всею его силою и опасностью вдругъ смѣняется образомъ того же противника, но уже смятаго и съ разбитыми грандіозными планами. Стремленіе полюбоваться ничтожествомъ и безсиліемъ побѣжденнаго врага, въ противоположность его прежнему состоянію, часто проявлялось въ варварскомъ поруганіи

*) *Дарвинъ*: Expression of Emotions, стр. 132—135.

надъ плѣнными и трупами. Этотъ родъ чувства смѣшного въ болѣе или менѣе грубыхъ формахъ всегда будетъ находить поводъ для своего возникновенія, пока жизнь и въ человѣческомъ мірѣ является борьбой за существованіе. Поэтому *Гоббесъ* сталъ на существенную точку зрѣнія, объяснивъ смѣхъ, какъ внезапно возбужденное чувство превосходства (*sudden glory*. Human nature IX, 13). Гоббесъ съ своимъ ученіемъ о природномъ состояніи, какъ о борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, естественно долженъ былъ приписать самое главное значеніе *самочувствію* и *чувству силы*. Односторонность его взгляда состояла въ томъ, что онъ не изслѣдовалъ, подвергается-ли чувство силы, прорывающееся въ смѣхѣ, существеннымъ измѣненіямъ, и приобрѣтаетъ-ли оно различный характеръ въ зависимости отъ свойствъ того, чѣмъ оно вызывается. Но повсюду, гдѣ происходитъ борьба, за что бы то ни было, у борцовъ можно найти элементъ насмѣшки въ томъ, какъ они смотрятъ на замыслы и усилія противника. Даже въ религіозной поэзіи и въ религіозной полемикѣ мы встрѣчаемъ эту форму чувства смѣшного. Такъ во второмъ псалмѣ говорится: «возстають цари земли, и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и противъ помазанника Его.— Расторгнемъ узы ихъ и свергнемъ съ себя оковы ихъ.— Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ». И *Паскаль*, защищаясь противъ обвиненій іезуитовъ, что онъ въ своихъ «Письмахъ провинціалу» прибѣгнулъ къ смѣху, какъ оружію, говоритъ, что точно такъ же, какъ въ религіозной истинѣ можно найти божественную красоту и божественное величіе, такъ точно въ заблужденіи содержится безбожіе, которое дѣлаетъ его ужаснымъ, и безстыдство, которое дѣлаетъ его смѣшнымъ; поэтому святые чувствовали къ заблужденію какъ ненависть, такъ и презрѣніе, и выказали свою ревность, не только давъ сильный отпоръ злобѣ нечестивыхъ, но и не безъ ядовитыхъ насмѣшекъ опровергнувъ ихъ заблужденія, въ чемъ они слѣдовали собственному примѣру Бога (*Lettres écrites à un Provincial* XI).

Уже одно то, что смѣхомъ можно пользоваться, какъ оружіемъ, доказываетъ, что онъ предполагаетъ силу. Можно смѣяться надъ другимъ только тогда, когда тотъ слабѣе насъ. Конечно, такимъ способомъ далеко не всегда обнаруживается дѣйствительное превосходство. Напротивъ, *замѣшательство* и *смущеніе* могутъ проявиться улыбкою и вынужденнымъ смѣхомъ. Бо-

лѣе того, такимъ же способомъ прорывается сознание полнѣйшаго безсилія при нежеланіи смириться. Въ «Паденіи Люцифера» датскаго поэта *Палюданъ-Мюллера* Люциферъ смѣется въ первый разъ, когда, «дрожа, какъ никто не дрожалъ, но все-таки съ непреклоннымъ упрямствомъ», онъ вступаетъ во владѣніе своимъ царствомъ.

Теорія Гоббеса естественно объясняетъ, почему никто не чувствуетъ удовольствія, если надъ нимъ смѣются. Только немногіе отнеслись бы къ дѣлу такъ благодушно, какъ *Сократъ*, когда онъ во время исполненія «Облаковъ» всталъ съ мѣста, чтобы можно было сравнить карикатуру съ оригиналомъ. Уже одного того, что у предмета есть такая сторона, съ которой онъ можетъ стать смѣшнымъ, достаточно, чтобы показать, что этотъ предметъ не представляетъ абсолютной силы. Поэтому-то, съ другой стороны, такъ заманчиво находить что-нибудь смѣшное всюду, гдѣ предъявляются претензіи на авторитетъ или полное признаніе. Все высокое, всякій почетъ, всякое достоинство имѣютъ опаснаго врага въ смѣхѣ. Смѣхъ здѣсь не столько выражаетъ превосходство, сколько обнаруживаетъ независимость. Даже то, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не показалось бы намъ смѣшнымъ, дѣлается смѣшнымъ, когда оно имѣетъ подкладкой напускную серьезность. Мальчики во время урока могутъ находить смѣшными самыя пустыя вещи. Уже то обстоятельство, что кое-что можетъ совершиться безъ воли господствующаго авторитета, достаточно, чтобы пробудить *сознаніе свободы*. Тѣ авторитеты, у которыхъ власть почти ускользнула, становятся естественнымъ объектомъ чувства смѣшного. Поэтому появленіе комической поэзіи (*Аристофанъ*, *Мольеръ*, *Гольбергъ*) всегда обозначаетъ поворотъ, когда начинаетъ расширяться сознаніе свободы.

с. Однако насмѣшка не бываетъ необходимымъ элементомъ чувства смѣшного. Это чувство существенно мѣняется, получая подкладку въ симпатіи. Когда существуетъ тѣсная связь между смѣющимся и объектомъ смѣха, то образуется новое и своеобразное чувство. Это бываетъ уже въ томъ случаѣ, когда мы смѣемся надъ тѣмъ, что сами когда-то сказали или сдѣлали; мы поднимаемъ себя на смѣхъ, хотя мы непременно должны иначе понимать наше неразумное поведеніе, чѣмъ внѣшній наблюдатель или противникъ. Осмѣять лицо, къ которому чувствуешь симпатію, конечно, все равно, что осмѣять самого себя. Здѣсь видна двойствен-

ность чувства: чувствуется достоинство объекта среди его ничтожества. Въ одинъ и тотъ же моментъ прикидывается двойной масштабъ. Такъ бываетъ, наприм., если смѣются надъ безпомощностью или безпричиннымъ страхомъ ребенка или надъ его наивною. Здѣсь есть подпольная связь между смѣющимся и объектомъ смѣха. У чувства отнято жало. Чувство смѣшного на подкладкѣ симпатіи называется юморомъ. Онъ можетъ быть не однимъ только мимолетнымъ настроеніемъ. Онъ можетъ развиться въ такой степени, что становится основнымъ настроеніемъ въ міровоззрѣніи, которое, хотя и не закрываетъ глазъ передъ безсмыслицей, нескладицей, страданіями и конечностью міра и ставитъ все это въ видѣ рѣзкаго контраста къ великому и важному, но которое все-таки, искренно сочувствуя всему живому и твердо вѣруя въ силы, господствующія въ природѣ и исторіи, стало выше всякой горечи жизни. Юмористическій взглядъ на жизнь примирился съ тѣмъ опытомъ, что великое и высокое имѣютъ свой предѣлъ, свою конечную сторону, и смѣхъ надъ мелкимъ и конечнымъ тутъ не забываетъ, что оно можетъ быть формою цѣннаго содержанія.

Комическая поэзія основывается не только на сознаніи свободы, но и на юмористическомъ взглядѣ на жизнь, выступающемъ съ большей или меньшей ясностью. Только этимъ она отличается отъ сатиры, гдѣ преобладаетъ эгоистическій моментъ или во всякомъ случаѣ моментъ антипатіи, такъ какъ затрогивается опредѣленная личность или единичный предметъ. Только на основѣ юмора искусство дѣлается дѣйствительно свободнымъ. Сила, на которую опирается юмористъ и комическій писатель, уже не ихъ личное я въ противоположность другимъ я, но они защищаютъ истину и разумъ, сдергивая покровъ со всякой низости и бессмыслицы. Такимъ образомъ чувство силы здѣсь не носитъ эгоистическаго характера: въ объектѣ смѣха открывается во всемъ своемъ ничтожествѣ только то, что противорѣчитъ правдѣ и истинѣ. Посмѣявшись надъ кѣмъ-нибудь, часто чувствуешь желаніе сказать ему послѣ, что онъ собственно все-таки добрый малый *).

*) *Руссо* (въ *Lettre à d'Alambert*) дѣлаетъ упрекъ *Мольеру*, что онъ въ «*Мизантропѣ*» представилъ въ смѣшномъ видѣ почтенную личность. *Лессингъ* по поводу этого обратилъ вниманіе на различіе между смѣхомъ и осмѣиваніемъ (*Hamburg. Dramaturgie* № 28—29; рус. пер. *И. Разсидина*, М. 1883).— Уже *Аристотель* дѣлаетъ различіе между сатирическимъ стихотвореніемъ и комедією (*Поэтика*, гл. 4, пер. *В. И. Захарова*, Варшава 1885).

д. Будеть-ли подкладкой смѣшного симпатія или антипатія, непремѣнная его особенность та, что жалкое *вдругъ* выступает во всемъ своемъ ничтожествѣ, благодаря противоположности подавляющей силѣ. Смѣшное предполагаетъ, что мы на минуту позволяемъ себя одурачить, озадачить, поставить въ тупикъ или поддаемся ожиданію, и что все наконецъ вдругъ кончилось ничѣмъ*). Психическій элементъ шекотанія, какъ уже замѣчено, — возбужденное, но сейчасъ же и обманутое ожиданіе. Ребенокъ смѣется надъ всякимъ неожиданнымъ движеніемъ, особенно, если оно повторяется порывами, такъ, наприм., если передъ нимъ быстро присѣдаютъ на корточки, затѣмъ поднимаются и повторяютъ это нѣсколько разъ. Внезапное освобожденіе отъ мучительныхъ и опасныхъ положеній дѣйствуетъ такимъ же образомъ. Всякая острота основана на нетерпѣливомъ ожиданіи вслѣдствіе того, что завязывается узелъ или возвѣщается о рѣшеніи загадки, — узелъ или рѣшеніе, которые вскорѣ обнаруживаются во всемъ своемъ ничтожествѣ. Всякое комическое дѣйствіе основано на контрастѣ. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «*Bouffes Parisiens*» представлялась шутка, гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ съ самаго начала пьесы сидѣло молча въ углу, совершенно не принимая участія въ дѣйствіи. Отъ времени до времени зритель думалъ про себя, чего же оно тутъ сидитъ. Наконецъ, кто-то обращается къ молчаливой особѣ, но его прерываютъ словами: «не говорите съ нимъ, — онъ глухъ!» Итакъ, теперь эта пассивность разъяснилась. Но въ тотъ же моментъ молчаливая особа очень меланхолически прибавляетъ: «и нѣмъ!» Это вызвало гомерическій хохотъ**). — Императору Карлу V приписываютъ слѣдующее выраженіе по поводу его отношеній къ королю Франціи Франциску I (съ которымъ онъ велъ постоянныя войны какъ разъ изъ-за обладанія Миланомъ): «мой братъ Францискъ и я живемъ душа въ душу; мы оба желаемъ Милана». То, въ чемъ должно бы выразаться единодушіе, именно и является причиной раздора; возникаетъ ожиданіе, что отношеніе между государями получитъ новое освѣщеніе, но это ожиданіе сейчасъ же обманывается.

*) Это особенно выдвинулъ *Кантъ* (*Kritik der Urtheilskraft* § 53, прим.), *Цейзингъ* (*Ästhetische Forschungen*, Frankfurt 1855, стр. 282—296) и *Спенсеръ*: *Физиологія смѣха* (*Essays*, т. 1), Спб. 1881.

**) Сколько я помню, эта шутка была пародією на дипломатическій конгрессъ для устройства греческихъ дѣлъ. Греція получила доступъ на конгрессъ, не имѣя права принимать участія въ преніяхъ.

Дѣйствіе контраста, на которомъ основано смѣшное, возникаетъ отъ того, что внезапно сталкиваются двѣ мысли или два впечатлѣнія, изъ которыхъ каждое само по себѣ вызываетъ чувство, но такъ, что одно разрушаетъ, что построило другое. Дѣйствію, возникшему вслѣдствіе этого, нельзя дать ближайшаго логическаго обоснованія, какъ нельзя привести логическаго основанія, почему два дополнительныхъ цвѣта выдвигаютъ другъ друга. Часто объясняли смѣшное противорѣчіемъ (такъ въ датской литературѣ С. Киркегоръ въ своемъ «Ненаучномъ послѣсловіи», стр. 394 и слѣд.). Но этотъ взглядъ страдаетъ излишней отвлеченностью и вмѣстѣ съ тѣмъ односторонностью. Хотя столкновеніе, отъ котораго возникаетъ чувство комизма и можно иногда формулировать, какъ логическое противорѣчіе (наприм., быть глухимъ и нѣмымъ и въ то же время самому сказать это), но тутъ собственно не затронутъ реальный процессъ, состоящій главнымъ образомъ въ чувствѣ контраста. Конечно, для того, чтобы понимать смѣшное, необходимо извѣстное интеллектуальное развитіе, точно такъ же какъ дѣйствіе цвѣтовыхъ контрастовъ предполагаетъ, что глазъ въ состояніи воспринять каждый цвѣтъ въ отдѣльности. Чувство комизма въ этомъ отношеніи родственно неожиданности и удивленію, которыя тоже основываются на противоположности и контрастѣ (ср. 3). Сущность этихъ явленій въ элементѣ чувства. Это видно изъ того, что они не терпятъ повторенія и привычки. Тогда какъ познаніе (наприм., уразумѣніе логическихъ противорѣчій) получаетъ больше навыка и силы отъ повторенія, чувство притупляется отъ него (ср. 4). Смѣшное не переноситъ слишкомъ частаго повторенія.

Чувство силы (въ сторону антипатіи или симпатіи) играетъ роль также и тамъ, гдѣ мы смѣемся надъ логически противорѣчивымъ. Именно въ собственномъ разумѣ у насъ оказывается твердая почва, опираясь на которую мы произносимъ сужденіе, и мы съ большей или меньшей ясностью сознаемъ этотъ разумъ, когда смѣемся надъ бессмыслицею. Если смѣхомъ мы торжествуемъ не собственную побѣду, то во всякомъ случаѣ мы торжествуемъ побѣду разума.

е. Итакъ *чувство смѣшного*, какъ и *чувство высокого*, основывается на контрастѣ. Но кромѣ того, оба чувствованія находятся въ *отношеніи контраста другъ къ другу*. Оба они опираются на одно и то же основное отношеніе, — на отношеніе между величіемъ и

мелкотою, только съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вѣроятно, *Сократъ* имѣлъ въ виду это, когда (при концѣ пиршества, описаннаго *Платономъ* въ діалогѣ «Пиръ») утверждалъ, что писать комедію и трагедію дѣло одного и того же человѣка. Это положеніе подтверждается уже древними греческими трагиками, сочинявшими рядомъ съ трагедіями и сатирическія пьесы; но во всей своей полнотѣ эта истина подтверждается великимъ примѣромъ *Шекспира*. Мѣтко было замѣчено, что юморъ Шекспира—часть его вѣрности міру. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительное положеніе человѣка таково, что онъ долженъ проявлять свою силу снаружи, преодолевать и устранять препятствія, и въ то же время онъ долженъ чувствовать свое ничтожество по отношенію къ могучимъ силамъ природы и исторіи. Полную побѣду надъ самимъ собою и надъ міромъ одержалъ тотъ, кто ни ликуеть, ни боится. Частый смѣхъ, говоритъ уже Гоббесъ, признакъ мелкаго духа, который чувствуетъ свою силу только въ сравненіи съ тѣмъ, кто стоитъ ниже его, тогда какъ признакъ великаго духа—помогать другимъ и сравнивать самого себя съ величайшими людьми (Leviathan, гл. 6). Въ юморѣ мы чувствуемъ себя въ то же время и великими и малыми, и симпатія превращаетъ смѣхъ въ юморъ точно такъ, какъ она превращаетъ страхъ въ благоговѣніе.

Г. Вліяніе чувства на познаніе.

Въ предыдущихъ главахъ (В и С) было показано, какимъ образомъ связь представленій полезна чувствованіямъ и способствуетъ ихъ развитію. Но глубже вліяніе чувства на жизнь представленій. Первоначальное соединеніе элемента чувства съ элементомъ познанія всегда образуетъ начало цѣльнаго высшаго психическаго развитія; въ теченіе его—слѣдовательно, во время психическаго процесса, описаннаго въ главахъ В и С,—элементъ чувства однако не бываетъ вполнѣ пассивнымъ.

1. Разсматривая развитіе чувства при помощи познанія, мы предполагали, что связь представленій не встрѣчаетъ помѣхи. Но само чувство можетъ быть *помѣхой*. Если чувство α тѣсно сраслось съ представленіемъ a , то оно можетъ препятствовать естественному соединенію между a и $a_2, a_3 \dots$ и еще болѣе соединенію между a и b . Это значить, что мы не можемъ слѣдовательно довершить ходъ мыслей, потому что чувство противится расширенію за предѣлы своего первоначальнаго объ-

екта. Здѣсь дѣйствуетъ косность чувства, которая такимъ образомъ дѣлается источникомъ множества непослѣдовательностей въ исторіи и въ повседневной жизни. Если греки не могли перенести своей любви къ людямъ на варваровъ, то это происходило не отъ чисто интеллектуальной ограниченности (хотя здѣсь вляяль и ограниченный историческій опытъ), но народное чувство мѣшало вполнѣ провести нравственныя слѣдствія. Христіанство опрокинуло эти преграды не путемъ интеллектуального пре восходства, а посредствомъ глубокаго душевнаго движенія, которое оно пробудило. Въ христіанствѣ нетерпимость воздвигла новыя преграды и затруднила послѣдовательное развитіе религіи любви. Такимъ образомъ выводъ, къ которому логическое мышленіе можетъ прійти, какъ видно, моментально, въ исторіи занимаетъ много времени: переворотъ въ жизни чувствъ является результатомъ опыта въ теченіе долгаго времени. Поэтому историческая критика должна съ осторожностью пользоваться принципомъ логическаго противорѣчія; историческое развитіе было бы невозможностью, не будь разнаго рода непослѣдовательностей. Историческое изслѣдованіе должно отыскать реальныя чувствованія, которыя были въ отдѣльныхъ случаяхъ помѣхой и препятствіемъ. Маштабъ смѣлости и энергіи мышленія можно составить себѣ на основаніи тѣхъ преградъ чувства, наперекоръ которымъ выработались новыя чувства.

Но если этотъ шагъ сдѣланъ, то чувство оказывается вѣрнымъ хранителемъ приобрѣтеннаго. Здѣсь его косность является кстати для познанія. Въ силу того, что *b* черезъ *a* сливается съ *a*, оно пускаетъ глубокіе корни въ душѣ. Познаніе выигрываетъ въ прочности и вѣрности, и только тогда оно дѣйствительно бываетъ достояніемъ личности, когда такимъ образомъ коренится въ чувствованіи, въ непосредственномъ состояніи индивидуума.

Вслѣдствіе того, что подкладкой извѣстнаго представленія или извѣстнаго круга представленій является сильный интересъ или глубокая страсть, ихъ отношеніе къ другимъ представленіямъ мѣняется. Представленіе дѣлается болѣе сильнымъ центромъ ассоціаціи, чѣмъ оно было бы въ другомъ случаѣ. При всѣхъ опытахъ принимается во вниманіе только то, что касается какимъ-нибудь образомъ представленія, усиленнаго и охваченнаго интересомъ. Всѣ другіе элементы въ мірѣ не существуютъ для сознанія. Чувство производитъ здѣсь качественный выборъ. Всѣ представленія,

x) x) здѣсь принимается за чувство

не гармонирующія съ господствующимъ чувствомъ, отдѣляются, подобно тому, какъ исчезаютъ живыя существа, которыя не въ состояніи приспособиться къ даннымъ обстоятельствамъ. Лотце особенно подчеркивалъ это сліяніе представленій съ чувствомъ жизни, даннымъ одновременно съ ними. Если чувство жизни измѣняется, то путь закрытъ и для представленій, связанныхъ съ нимъ. Даже въ томъ случаѣ, когда новые опыты вызываютъ нѣкоторыя изъ нихъ, все-таки имъ недостаетъ общей связи. «Такое толкованіе,—говоритъ Лотце,—я могъ бы дать тому факту, что событія, случившіяся съ нами въ тяжелыхъ болѣзняхъ или предъ ихъ появленіемъ, во время уже измѣнившагося общаго чувства, остаются забытыми послѣ выздоровленія; что ряды представленій въ пароксизмѣ лихорадки не вспоминаются въ то время, когда пароксизма нѣтъ... но продолжаютъ при слѣдующемъ пароксизмѣ вслѣдствіе того, что возвращается болѣзненное состояніе общаго чувства» *).

2. Нѣкоторые психологи приписывали отдѣльнымъ представленіямъ влеченіе къ самосохраненію, вслѣдствіе чего они будто бы стремятся съ извѣстною силою обнаружиться въ сознаніи и вытѣснить оттуда другъ друга. Психологія познанія показала, что этотъ взглядъ не правиленъ (VB, 6). *Сила отдѣльнаго представленія основывается, во-первыхъ, на его отношеніи къ другимъ представленіямъ въ сознаніи.* Представленіе, которое можетъ опираться на возможно большее количество опытовъ и воспоминаній, будетъ имѣть больше всего возможности стать во главѣ. Во-вторыхъ, *сила представленія зависитъ отъ его отношенія къ чувству.* При сильномъ напряженіи или при глубокомъ и продолжительномъ интересѣ, могутъ быть совсѣмъ отстранены даже *представленія, связанные съ очень обширными неоднократными опытами.* Поклонникъ фетиша придаетъ больше вѣсу тѣмъ немногимъ случаямъ, когда онъ можетъ вѣрить, будто получилъ помощь отъ своего священнаго камня,—нежели массѣ тѣхъ случаевъ, когда эта вѣра совершенно невозможна. Кто сердечно любитъ другого, тотъ не видитъ его некрасивыхъ чертъ. Очень мило и трогательно изображено такое отношеніе у Прево въ его «Manon Lescaut». Любовь дѣлаетъ слѣпымъ—но только потому, что въ одномъ пунктѣ она дѣлаетъ необыкновенно зрячимъ.

*) Drei Bücher der Metaphysik, стр. 600.—Ср. VB, 7с.

Въ біографіяхъ преступниковъ встрѣчается безчисленное множество примѣровъ отуманивающей силы чувства и страсти. Неотразимое желаніе предмета—будь то царская корона или серебряные часы—наполняетъ мышленіе или, лучше, сосредоточиваетъ всѣ мысли на объектѣ и на средствахъ для его достиженія. Въ «Макбетѣ» Шекспиръ мастерски показалъ, какъ представленіе о преступномъ дѣяніи можетъ до такой степени овладѣть душой, что оно является единственною реальностью *). Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть причину, почему преступления часто совершаются съ такою невѣроятною неосмотрительностью. «Въ большинствѣ преступленій, — говоритъ знаменитый законовѣдъ Ансельмъ фонъ-Фейербахъ **), — можно, и съ полной опредѣленностью, доказать, что разумъ преступника былъ ослѣпленъ обольстительной силой побужденій, завладѣвшихъ имъ, что онъ былъ помраченъ и попалъ подъ власть страстнаго вождельнія, что онъ былъ ограниченъ въ свободномъ примѣненіи своей дѣятельности, и что именно эта ограниченность была главною причиною преступнаго дѣянія». Такія преступления совершаются потому, что заглохли требованія не только совѣсти, но и благородіумія.

Невозможно заранѣе знать, будетъ-ли въ отдѣльныхъ случаяхъ больше силы у побужденія чувства, или у связи представлений. Все зависитъ отъ того, что возьметъ верхъ.—Но другія отношенія могутъ сдѣлать вопросъ еще болѣе запутаннымъ. Какъ разъ сильное побужденіе чувства можетъ, благодаря дѣйствію контраста, вызвать живое представленіе о нравственномъ законѣ и объ интересѣ, который мы вотъ-вотъ уже готовы нарушить. На такомъ дѣйствіи контраста основываются нѣкоторыя очень поразительныя проявленія совѣсти. Въ другихъ случаяхъ обычное соединеніе представлений можетъ еще вызвать образы, которые въ

*) Убийство—мысль; оно еще въ умѣ;
Но эта мысль встревожила всю душу!
Вся сила органовъ подавлена,
Исчезла истина, и міръ видѣній
Меня обьялъ.

Пер. А. Кронеберга I, 3.

**) Aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen II, стр. 342.—На этой психологической проблемѣ построенъ романъ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“.

состояніи задержать потокъ господствующаго чувства. Когда лэди Макбетъ хочетъ наложить руку на стараго короля, ее удерживаетъ сходство короля съ ея отцомъ *). Чуточку больше страсти, и законъ сходства уже не могъ бы дѣйствовать!

Здѣсь мы стоимъ на границѣ между чувствомъ и волею. Въ самомъ дѣлѣ, ослѣпленіе и безраздѣльное господство страстнаго чувства рѣдко возникаетъ вслѣдствіе чисто произвольной игры чувствованій и представленій; человекъ, какъ это ни странно, можетъ желать самообмана, можетъ подавить трезвую разсудительность ради своей страсти. Когда удовлетвореніе страсти наталкивается на препятствіе въ душѣ человека, то онъ можетъ привести въ движеніе разсудокъ и фантазію, чтобы найти основанія для заглушенія внутренняго голоса. Внутреннее противорѣчіе невыносимо и должно быть какимъ-нибудь образомъ устранено. Человекъ поэтому самъ передъ собой выступаетъ адвокатомъ съ софистическими доводами. Въ каждой страсти можно подмѣтить кое-что по части подобнаго рода софистики. Въ болѣе мягкой формѣ то же самое видно въ томъ способѣ, какимъ удерживаются излюбленныя мнѣнія, какъ съ ними обращаются и доказываютъ ихъ,—нерѣдко отчаянными доводами.

3. Первоначально представленія приводятъ въ движеніе практической интересъ. Задача первичнаго познанія состоитъ въ томъ, чтобы открыть средства для удовлетворенія влеченія. Только постепенно развивается влеченіе къ познанію ради самого познанія (см. VD, 4; VIC, 9). И даже попытки мысли, вызванныя созерцательнымъ энтузіазмомъ, только медленно и не вполне освобождаются отъ господства практическаго чувства, и потому носятъ обыкновенно телеологическій отпечатокъ. Самоотверженіе, съ которымъ чувство предоставляетъ мыслямъ идти по собственному пути и слѣдовать собственнымъ законамъ,—дѣло тяжелой борьбы въ исторіи отдѣльной личности и всего человѣческаго рода. Человекъ хочетъ познать природу, какъ она есть;—но онъ хочетъ также, чтобы его собственныя цѣли были и цѣлями природы. Всѣ законы причинности для него въ послѣдней инстанціи только средства осуществленія высшаго блага. Эта тенденція замѣтна

*) Не будь онъ
Во снѣ такъ рѣзко на отца похожъ,
Я поразила бы его сама.

какъ на грубѣйшей ступени фетишизма, такъ и въ высоко развитомъ строѣ мысли идеалистической философіи. Содержаніе и цѣнность чувствъ и представленій на различныхъ ступеняхъ въ высшей степени не одинаковы; но психологическое отношеніе между чувствомъ и познаніемъ остается однимъ и тѣмъ же, съ низшей до высшей ступени.

Понятіе необходимости первоначально отличается практическимъ характеромъ: мысль ищетъ только условій, безъ которыхъ нельзя осуществить цѣли человѣка. Мысль поэтому прежде всего приобретаетъ отрицательный характеръ по отношенію къ чувствованію: чувствованіе порывисто и нетерпѣливо и ничего не хотѣло бы, какъ сейчасъ же идти прямо къ цѣли; только съ трудомъ оно уступаетъ мѣсто размысленію относительно средствъ, безъ которыхъ нельзя достигнуть цѣли.

Опредѣленная неизбѣжная связь между средствами и цѣлью, выдерживающая напоръ даже самаго сильнаго аффекта, — такая связь, что, если желаешь *a*, то непременно должно быть и желаніе *b*, — служитъ причиной *перваго столкновенія* *человѣка съ необходимостью*. Когда такіе опыты повторяются, то въ концѣ концовъ мысль выводитъ заключеніе, что такая необходимая связь должна быть существенной частью всякой данной дѣйствительности. Затѣмъ уже можетъ стать самостоятельной задачей, предметомъ непосредственнаго интереса — объяснить эти необходимые законы и до самозабвенія углубиться въ великую связь явленій. Тогда взаимныя отношенія между цѣлью и средствомъ является отношеніе между причиною и дѣйствіемъ. Исторія наукъ показываетъ намъ *прогрессивный переходъ отъ телеологіи къ механизму*, при постоянномъ протестѣ и отпорѣ чувства. Даже если бы наука объяснила всю вселенную по своимъ законамъ, она все-таки не могла бы запретить чувству давать подкладку всей системѣ причинъ и дѣйствій въ видѣ высшей, непонятной для насъ телеологіи.

Последніе вопросы въ области жизни, вопросы о цѣнности и значеніи дѣйствительности и жизни, рѣшаются въ концѣ концовъ по голосу чувствъ. Въ настоящее время это особенно ясно выступаетъ въ томъ великомъ значеніи, которое получила противоположность между оптимистическимъ и пессимистическимъ мировоззрѣніемъ. Въ концѣ концовъ здѣсь рѣшающій голосъ имѣютъ наша собственная внутренняя природа и нашъ личный жизненный опытъ.

4. Какъ одинъ и тотъ же ландшафтъ кажется различнымъ, смотря по тому, откуда падаетъ на него свѣтъ, такъ *одни и тѣ же предметы и событія кажутся намъ совершенно различными, смотря по тому, въ какомъ мы настроеніи*. Здѣсь играетъ важную роль преимущественно чувство жизни съ его колебаніями. Лихтенбергъ говоритъ: «я очень ясно замѣтилъ, что у меня часто бываетъ одно мнѣніе, когда я лежу, и совсѣмъ другое, когда я стою; особенно, если я мало ѣлъ и усталъ». *Чувствованіе не сейчасъ же смѣняется представленіями, но распространяется на новыя представленія, хотя бы они и не были въ связи съ представленіемъ, породившимъ чувство*. Отъ этого чувство по временамъ бываетъ для насъ непонятнымъ и страннымъ, особенно, если оно обязано своимъ происхожденіемъ внутреннимъ органическимъ состояніямъ; но большей частью оно безъ нашего вѣдома оказываетъ свое вліяніе на новое содержаніе представленій. Когда мы послѣ представленія a , связаннаго съ сильнымъ чувствомъ α , по какой-нибудь причинѣ (но не вслѣдствіе ассоціаціи съ α) получаемъ представленіе x , тогда α будетъ въ состояніи распространиться и на x . Многимъ мы обязаны этому вліянію, потому что, благодаря ему, повышеніе умственной жизни въ одной точкѣ можетъ усилить нѣсколько душевныхъ дѣятельностей. Такъ могутъ, напр., музыка, вино и быстрое тѣлесное движеніе привести въ ходъ дѣятельность мысли. Далѣе, сюда принадлежитъ много примѣровъ въ сочиненіи датскаго писателя *Фейльберга* «О возможно большемъ примѣненіи душевныхъ способностей». Между прочимъ онъ, не безъ основанія, указываетъ, какъ новыя впечатлѣнія и положенія могутъ привести въ движеніе все сознаніе, независимо отъ новаго содержанія. «Новыя положенія приводятъ душу въ состояніе, которое химики называютъ *status nascendi*, — состояніе, въ которомъ находятся вещества въ моментъ соединенія. Какъ химія учитъ, что вещества въ этомъ состояніи обладаютъ особенно большою склонностью образовать новыя соединенія, точно такъ же бываетъ и въ душѣ. Состояніе, словно колеблющееся, освобожденное отъ чего-то стараго, содержитъ больше шансовъ, чтобы начать новыя состоянія (цѣнность возможности)».

Можно бы назвать это явленіе *расширяемостью* чувства. Всякое сильное чувство стремится къ единодержавію въ душѣ и даетъ свою окраску всѣмъ душевнымъ дѣятельно-

ствямъ *). Эта расширяемость отличается отъ описаннаго выше (VI B, 3) распространения чувства путемъ ассоціаціи представленій. Благодаря такой расширяемости чувства, оно захватываетъ всѣ представленія и ощущенія, хотя бы они и совсѣмъ не были въ связи съ тѣми, которыя вначалѣ были связаны съ чувствомъ. Тамъ вліяніе идетъ отъ представленія, здѣсь отъ самого чувства. Тотъ же законъ, въ силу котораго чувство получаетъ себѣ внѣшнее выраженіе, дѣйствуетъ и здѣсь. Говоря образно, есть какъ душевная, такъ и тѣлесная мимика; душевная это—вліяніе чувства на представленія, тѣлесная—дѣйствіе его на мускульныя движенія.

Ниже мы описываемъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ расширяемость чувства дѣйствуетъ вмѣстѣ съ задержкой и выборомъ со стороны того же чувства.

а) *Предваряющее и реализирующее дѣйствіе чувства.* Во время сильнаго душевнаго напряженія является склонность принимать ожидаемыя впечатлѣнія за существующія въ дѣйствительности, прежде чѣмъ они наступятъ на самомъ дѣлѣ. Когда мы, наприм., съ нетерпѣніемъ ждемъ карету, мы каждую минуту думаемъ, что слышенъ стукъ. Опыты относительно фізіологическаго времени даютъ для этого хорошіе примѣры. Если, наприм., надо дать знакъ при извѣстномъ раздраженіи, то вниманіе можетъ быть напряжено до такой стѣпени, что вмѣсто ожидаемаго раздраженія отмѣчается другое—не по ошибкѣ, но потому, что во время сильнаго напряженія любое раздраженіе ведетъ къ дѣйствию, которое надо было предпринять. Или является увѣренность, что слышенъ сигналъ, прежде чѣмъ онъ дѣйствительно данъ.—Большую часть явленій такъ называемаго месмеризма или спиритизма можно объяснить напряженнымъ ожиданіемъ, которое возбуждается экспериментаторомъ у лицъ, надъ которыми онъ опериру-

*) Этотъ законъ открытъ уже Юмомъ (Treatise I, 3, 8) и играетъ важную роль въ его теоріи познанія. Впослѣдствіи его интересно разработалъ Бенке (Psychologische Skizzen I, стр. 362 и слѣд.).—Ср. также Спенсера: Principles of Psychology §§ 260 и 261).—Хорошенькій примѣръ можно найти у Гѣте въ его «Первомъ посланіи» («важнымъ и серьезнымъ кажется мнѣ этотъ вопросъ, но онъ возникаетъ во мнѣ, когда я пріятно настроенъ.—Веселому и міръ веселъ»).—Ср. также замѣчаніе г-жи Сталь (Коринна I, 1): «когда страдаешь, безъ труда убѣждаешь себя, что страдаешь по дѣломъ, и боль проникаетъ, всю душу».

еть *).—Такъ какъ разница между образами воспоминанія и фантазій, съ одной стороны, и дѣйствительными воспріятіями, съ другой.—только разница въ степени (V B, 7a; D, 1—2), то во время сильнаго душевнаго волненія она легко сглаживается. Благодаря этому, чувство реализируетъ представленія, т.-е. даетъ имъ отпечатокъ дѣйствительности, котораго у нихъ самихъ по себѣ не можетъ быть.—Въ области мышленія чувство также можетъ дѣйствовать, забѣгая впередъ, вмѣсто того, чтобы идти далекимъ и трезвымъ путемъ развитія мысли. Созерцательное вдохновеніе ставитъ свои требованія единства и гармоніи міровоззрѣнія и слишкомъ часто думаетъ, что достигло результата, только выставивъ эти требованія.

б) *Идеализирующее дѣйствіе чувства.* Чувство по природѣ своей не спрашиваетъ о различіяхъ, условіяхъ и преградахъ. Оно имѣетъ абсолютный характеръ и подбираетъ себѣ безусловныя выраженія (всегда, никогда, единственно и т. д.). Ближайшее опредѣленіе, установка условій и границъ—задача познанія. Но если чувство безпрестанно напираетъ на мысль и никогда не бываетъ вполне довольно существующимъ, то оно гонитъ мысль все дальше и дальше и наконецъ за предѣлы познанія. Это давленіе со стороны чувства совершается въ силу ранѣ упомянутаго *сосредоточенія на одной только мысли, которая благодаря этому отрывается отъ связи съ другими мыслями, и такимъ образомъ оказывается ничѣмъ неогражденною.* Такъ дѣйствуетъ особенно практической и этической интересъ. Такимъ путемъ чувство ведетъ къ созданію идеальнаго міра, откуда удалены несовершенства и страданія существующаго міра. Идеализирующее умозрѣніе, вытекающее изъ этого источника, далеко не лишено значенія.

с) *Поощрительное и побудительное вліяніе чувства.* Чувство оказываетъ большое вліяніе на познаніе, именно благодаря своей смутности и необъяснимости. Отдѣльные камни того, что строится познаніемъ, обыкновенно безъ труда можно различить. Но чувствованіе имѣетъ своимъ источникомъ первоначальныя инстинкты, и мы знаемъ только небольшую часть его теченія. Спокойная сила жизненныхъ отношеній, вліяніе которыхъ сказывается только послѣ долгаго времени, имѣетъ больше значенія, чѣмъ отдѣль-

*) Подробное изслѣдованіе вліянія «выжидательнаго вниманія» при такихъ явленіяхъ можно найти у Карпендера въ *Mental physiology*, стр. 279 и слѣд., 618 и слѣд.

ные опыты, выступающіе съ полной ясностью и доступные нашему наблюденію. Но какимъ бы путемъ чувство ни возникло, оно стремится не только расшириться и овладѣть всѣмъ, но и желаетъ получить *объясненіе* и *оправданіе*. Эта потребность въ объясненіи находится въ связи съ человѣческимъ инстинктомъ самосохраненія. Въ удовольствіи и страданіи человѣкъ испытываетъ воздѣйствіе міра на его жизненный процессъ: это знаки, которые онъ долженъ понять и подмѣтить ихъ причины, если хочетъ сохранить и двинуть впередъ свою жизнь. На высшихъ ступеняхъ развитія внутренняя сущность индивидуума также выражается чувствами, и потому онъ старается подыскать имъ оправданіе. Но чувство само себя оправдать не можетъ; само по себѣ оно не бываетъ источникомъ познанія. При всякой ссылкѣ на чувство больше не о чемъ разговаривать. Борьба міросозерцаній должна основываться на ясныхъ мысляхъ. Чувство играетъ тутъ важную роль, являясь во-время на помощь; оно спрашиваетъ и заставляетъ спрашивать, но само не даетъ отвѣта.—Тогда какъ чувство, оставаясь исключительно индивидуальнымъ и не про-являясь снаружи, ставитъ индивидуумовъ особнякомъ, оно соединяетъ ихъ благодаря потребности въ объясненіи и оправданіи его. Только сообща люди могутъ найти полное объясненіе. Такъ дѣйствуетъ чувство, основывая общества, вызывая къ жизни общины, партіи, школы и научные союзы.

Пояснительные *примѣры потребности чувства въ объясненіи и оправданіи* можно заимствовать изъ дѣйствія музыки и изъ обычнаго теченія душевныхъ болѣзней.

Въ чувствѣ видна притягательная сила не только къ представленіямъ, однороднымъ съ его первоначальной причиною, но и къ другимъ представленіямъ, возбуждающимъ сходныя чувства. Вслѣдствіе этого чувство можетъ сдѣлаться посредствующимъ звеномъ между разнородными представленіями. Слѣпой отъ рожденія, которому пробовали объяснить ярко-красный цвѣтъ, воскликнулъ: «это должно быть что-то въ родѣ звука трубъ!» Въ этомъ случаѣ, благодаря описанію впечатлѣнія отъ ослѣпительнаго и сильнаго цвѣта, въ немъ возникло родственное представленіе о грохотѣ трубъ (ср. VI A, 3е).— *Вундтъ* *) назвалъ

*) *Physiol. Psychologie* I, стр. 486.—Ср. *Nahlowky: Das Gefühlsleben*, стр. 142 и слѣд.

это явленіе *аналогією ощущеній*. Въ силу этой аналогіи, музыка вызываетъ образы и представленія изъ другихъ областей чувствъ. Аналогія ощущеній образуется, наприм., благодаря тому, что въ чувствѣ при легкомъ и свободномъ дыханіи, при появленіи свѣта послѣ мрака и при звукѣ чистыхъ и ясныхъ тоновъ послѣ диссонанса и нескладнаго гула есть родственныя черты. Чувство, возбужденное музыкою,—быть можетъ, правда, больше всего у тѣхъ, кто не получилъ спеціального и технического образованія,—непроизвольно подыскиваетъ себѣ болѣе или менѣе ясное символическое выраженіе въ аналогичныхъ ощущеніяхъ. То, что происходитъ во внутренней и внѣшней природѣ, служитъ для болѣе конкретной разрисовки общаго настроенія *). Музыканты предостерегаютъ отъ подобныхъ фантазій, чтобы не лишиться своеобразнаго дѣйствія музыки; однако вполне избѣгнуть ихъ, конечно, невозможно. Музыка своей великой силой надъ людьми обязана именно тому обстоятельству, что воспоминанія, пробуждаемая ею, безчисленными скрытыми нитями затрогиваютъ весь нашъ житейскій опытъ и могутъ пустить ростки во всѣ стороны нашего существа.

Всякая душевная болѣзнь по взгляду, развитому особенно Гисленомъ, начинается болѣзненнымъ разстройствомъ жизни чувства. Въ такомъ случаѣ какъ интеллектуальныя разстройства, такъ и болѣзненныя проявленія воли, то бурныя, то причудливыя, то порывистыя, были бы только слѣдствіемъ первичнаго разстройства чувствительности. «Душевное разстройство,—говоритъ Гислень,—въ большинствѣ случаевъ является страданіемъ чувства (*une douleur du sens affectif*)» **). Періодъ меланхоліи въ большинствѣ случаевъ составляетъ первую часть исторіи ду-

*) Ср. то, что рассказываетъ *М. Гольдшмидтъ* про самого себя. *Livs Erindringer og Resultater* (былое и его итоги) I, стр. 47. «Сколько я себя помню, гнѣие во мнѣ никогда не возбуждало желанія подтягивать, но превращалось въ образы».

**) *Neue Lehre von den Geistesstörungen*, переводъ съ фр. *Канитатта*, Нюрнберъ 1838, стр. 4.—Ср. *Griesinger: Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*, 2-е изд. стр. 65, 214.—*Prichard: О душевныхъ болѣзняхъ*, датскій переводъ Зельмера, Копенгагенъ 1842, стр. 14 и слѣд.—См. также выше V B, 5.

шевной болѣзни. Разумъ пока неповрежденъ *). Но больной непроизвольно допытывается *причины* своихъ мучительныхъ чувствъ. Только при большомъ самообладаніи онъ можетъ остаться при убѣжденіи, что причина заключается только въ его болѣзненномъ состояніи. Скоро онъ составляетъ себѣ объясненіе. Онъ начинаетъ обвинять окружающихъ или другихъ не причастныхъ лицъ (особенно, если ихъ поведеніе заключаетъ въ себѣ что-нибудь таинственное, напр., тайная полиція, масоны, іезуиты **). Ему кажется, что его преслѣдуютъ, презируютъ и оскорбляютъ. Особенно, если эти представленія находятъ себѣ поддержку со стороны иллюзій и галлюцинацій, то они пускаютъ прочные корни въ сознание больного.

Эти обманчивыя представленія являются попытками объяснить новыя, измѣненные и болѣзненные чувства. Вслѣдствіе своего мучительно-болѣзненнаго настроенія индивидуумъ вырванъ изъ обычной гармоніи съ окружающей его средой; теперь чувство опредѣляется только изнутри и больше уже не служитъ субъективнымъ показателемъ положенія челоуѣка въ мірѣ. Въ здоровомъ состояніи также могутъ возникнуть объективно безпричинныя чувства; но въ такомъ случаѣ они легко себѣ находятъ поправку; болѣзненность именно и состоитъ въ томъ, что ихъ нельзя уже поправить и подчинить своей волѣ. Измѣненное чувство становится основой новаго міровоззрѣнія, въ которое больной погружается все больше и больше и такимъ образомъ даетъ пищу своему отчаянію.

Но часто среди величайшаго отчаянія можетъ наступить внезапное превращеніе мрака въ свѣтъ (см. Е, 2). Благодаря извѣстному инстинкту самосохраненія, душа находитъ возмѣщеніе за потерянное въ воображаемомъ мірѣ. «Такое настроеніе духа, — говоритъ *Иделеръ* ***) объ одной больной, которая сошла съ ума вслѣдствіе несчастной любви, — можетъ, въ случаѣ нѣкотораго

*) Такъ одинъ пациентъ сказалъ про свое состояніе до появленія настоящей болѣзни: «тогда мнѣ было очень тяжело *на сердце*, но ясно въ *головѣ*» (*Krafft-Ebing: Die Melancholie*, клинической этюдъ, Эрлангенъ 1874, стр. 57).

***) Вотъ какъ *Лихтенбергъ* описываетъ свое ипохондрическое состояніе: „во всемъ мірѣ я вижу машину, существующую только для того, чтобы всячески заставить меня почувствовать мои страданія и мою болѣзнь“. *Vermischte Schriften I*, стр. 16.

***) *Biographien Geisteskranker*, стр. 18.

сосредоточенія, имѣть только двоякій исходъ: или душа погружается въ самое мрачное уныніе, если ее подавляетъ сознаніе потери; или, если у ней хватаетъ достаточно силы сопротивленія, она навязываетъ себѣ иллюзію, которая обѣщаетъ ей исполненіе самыхъ горячихъ желаній. . . . Все стремленіе душевно-больныхъ съ этихъ поръ направлено на то, чтобы свой бредъ все больше и больше приводить въ согласіе съ порывами сердца . . . и устранять съ софистическою діалектикою всѣ противорѣчія, въ которыя они попали по отношенію къ дѣйствительному міру».

VII.

Психологія воли.

А. Первоначальность воли.

1. Какъ въ греческой мифологіи Эросъ является старѣйшимъ и въ то же время самымъ юнымъ изъ боговъ, такъ въ психологіи, смотря по точкѣ зрѣнія, можно разсматривать волю, или какъ самое первичное, или какъ самое сложное и производное душевное проявленіе. Если видѣть волю только тамъ, гдѣ бываетъ сознательный выборъ между возможностями, то она предполагаетъ высшее развитіе познанія и чувства и потому не можетъ существовать на низшей ступени сознанія. Выборъ предполагаетъ содержаніе, которое должно быть дано, чтобы можно было выбирать. Это содержаніе должно развиться въ сознаніи и обнаружиться въ немъ. То же относится въ такомъ случаѣ и къ движеніямъ, которыя являются условіемъ всякаго дѣйствія, направленного наружу, и потому не безъ основанія предполагали зародышъ воли уже въ тѣхъ движеніяхъ, которыя совершаются даже до пробужденія сознанія. Потому-то, чтобы понять природу воли, необходимо будетъ вернуться къ этому первоначальному зародышу и прослѣдить ходъ развитія изъ бессознательно въ сознательное, хотя и произвольное движеніе, и отъ него въ свою очередь къ движенію, которое является предметомъ сознательнаго выбора.

2. Даже простѣйшіе организмы обладаютъ способностью приводить себя въ движеніе, не ожидая *внѣшнихъ* раздраженій. Источникъ движенія лежитъ въ самомъ индивидуальномъ организмѣ. Подобное «автоматическое» или «самопроизвольное» движеніе, конечно, бываетъ не безъ причины. Оно вызывается внутренними измѣненіями, которыя освобождаютъ накопившуюся

скрытую энергію. Въ такомъ родѣ движенія, которыя безъ устали совершаетъ амеба, и которыя свойственны даже всѣмъ органическимъ клѣткамъ, также и тѣмъ, которыя являются элементами высшихъ организмовъ (напр., безцвѣтные кровяные шарики). Амеба получила свое названіе («непосѣда»), благодаря постояннымъ, изнутри мотивированнымъ движеніямъ, и опять-таки въ виду этого назвали такое непрерывное измѣненіе формы амебоиднымъ движеніемъ *). Внутреннія измѣненія, освобождающія напряженную силу, должны въ свою очередь проистекать отъ дѣятельности питанія, этого основного органическаго процесса. Самопроизвольное движеніе живыхъ существъ возможно только потому, что сама жизнь не что иное, какъ непрерывный процессъ, усвоеніе и переработка элементовъ.

Но изъ этого опять-таки видно, что самопроизвольность, способность самодвиженія, обозначаетъ только независимость отъ внѣшнихъ вліяній *минуты*, а не полную и постоянную независимость отъ нихъ. Жизнь основывается на опредѣленномъ взаимодействіи между организмомъ и его средою, и она скоро прекращается, если совсѣмъ уничтожается это отношеніе. Быть абсолютно самопроизвольнымъ значило бы питаться собственнымъ жиромъ, а это едва-ли бы долго поддерживало жизнь.

Самопроизвольность отличается только количественно отъ *раздражительности*, способности отвѣчать на внѣшнія раздраженія особеннымъ образомъ, т.-е. движеніемъ другой силы, а быть можетъ, и другого рода, чѣмъ само раздраженіе. Только благодаря этой способности, самостоятельность полезна организму, такъ какъ дѣлается возможнымъ приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ. И для раздражительности послѣдняго основанія надо искать въ органическомъ процессѣ, преимущественно въ растворяемости органической матеріи. Таковы безконечно малыя силы, вызывающія величайшія дѣйствія въ сѣтчаткѣ и въ мозгу и являющіяся причиной сокращенія мускуловъ и химическихъ процессовъ внутри организма **).

*) *Waldeyer*: Über die einfachsten Lebensäusserungen der Organismen (рѣчь на съѣздѣ естествоиспытателей въ Гамбургѣ 1876).—*M. Forster*: Textbook of Physiology, стр. 2, 74.—*Panum*: Nerveäavets Fysiologi (физиологія нервной ткани), стр. 69—72.

**) *Pflüger*: О физиологическомъ сожиганіи въ живыхъ организмахъ (*Archiv für Physiologie*, т. 10, 1875), стр. 311.

3. Есть основаніе различать между самопроизвольностью и раздражительностью и въ высшихъ организмахъ, одаренныхъ центральной нервной системою. Нѣтъ возможности во всѣхъ движеніяхъ такого организма видѣть только рефлекторныя движенія. Напряженіе, скопившееся въ центральныхъ нервныхъ узлахъ, можетъ освободиться безъ всякаго раздраженія черезъ нервы, идущіе внутрь. Это бываетъ особенно съ центрами дыханія и кровообращенія, заложенными въ продолговатомъ мозгу. Внѣшнее раздраженіе замѣняется здѣсь непосредственнымъ вліяніемъ измененнаго состоянія крови (отъ скопленія углекислоты). Кровь дѣйствуетъ въ видѣ стимула и въ то же время доставляетъ питаніе. Точно такъ же качество крови можетъ прямо дѣйствовать на высшіе центры, вслѣдствіе чего возникаютъ автоматическія или самопроизвольныя представленія (сновидѣнія, галлюцинаціи) и движенія.

Александръ Бенъ *) утверждалъ, что первое движеніе бываетъ всегда такого рода, и что подобное движеніе принимаетъ участіе во всякой формѣ движенія. Энергія, накопившаяся благодаря процессу питанія, ищетъ выхода и находитъ его въ двигательныхъ нервныхъ путяхъ, заложенныхъ изначала. Организмъ, продолжаетъ Бенъ, приходитъ въ движеніе, не ожидая внѣшнихъ импульсовъ. Бенъ, развивающій въ данномъ случаѣ дальше взглядъ *І. Мюллера*, приводитъ подтвержденіе этого мнѣнія: первыя движенія зародыша, — пробужденіе безъ внѣшнихъ раздраженій, — сильный позывъ новорожденныхъ животныхъ и дѣтей къ движенію, — большую живость и охоту къ движенію у людей и животныхъ утромъ и послѣ хорошаго питанія, — наконецъ, особенную энергію, которою обладаютъ нѣкоторые люди съ такимъ складомъ, который можно бы назвать «волевымъ темпераментомъ» (volitional constitution). Такимъ образомъ движеніе предшествуетъ чувственному воспріятію и сначала не зависитъ отъ внѣшнихъ раздраженій. Оно связано съ нашей природою тѣснѣе и неразрывнѣе чувственного воспріятія. Человѣкъ способенъ къ необычайной дѣятельности независимо отъ того, что онъ видитъ, слышитъ и мыслитъ; его чувственное воспріятіе и мышленіе опредѣляютъ направленіе движенія, но не произ-

*) The Senses and the Intellect, кн. I, гл. I.—The Emotions and the Will II, гл. I.

входятъ его съ самаго начала.—Уже *Фихте* училъ, что первѣе всего въ насъ позывъ къ дѣйствию; этотъ позывъ данъ ранѣе сознанія дѣйствительнаго міра, и его нельзя вывести изъ сознанія.

Въ недавнее время *Прейеръ* примкнулъ къ взгляду Бена.—«Но какъ можетъ начаться *первое* движеніе въ зародышѣ? Что причиною его не можетъ быть пассивное прикосновеніе,—это мнѣ показало тщательное наблюденіе надъ цыпленкомъ въ яйцѣ, который, какъ я нашель, начинаетъ двигаться съ пятаго дня. Здѣсь сперва бывають только движенія туловища, а потомъ также конечностей и головы. . . безъ малѣйшаго измѣненія въ окружающей средѣ и вообще задолго до рефлекторной возбудимости. . . Слѣдовательно, причина этихъ удивительныхъ первичныхъ движеній туловища у еще неродившихся животныхъ заключается въ нихъ самихъ и не можетъ быть выведена изъ воздѣйствія наружныхъ частей на центральныя. . . Большой мозгъ при этомъ совершенно не принимаетъ участія, такъ какъ члены уродовъ безъ мозга и безголовыхъ зародышей животныхъ также двигаются. При образованіи клѣтки двигательныхъ ганглій въ спинномъ и продолговатомъ мозгу должно накопиться извѣстное количество потенціальной энергіи, которая съ необыкновенной легкостью превращается въ кинетическую, уже благодаря теченію крови или лимфы или даже вслѣдствіе быстро прогрессирующаго образованія тканей» *).

Независимость отъ внѣшнихъ впечатлѣній, обнаруживающаяся въ этихъ самопроизвольныхъ движеніяхъ, естественно не можетъ быть полной. Если важно, чтобы, не ожидая внѣшнихъ импульсовъ, могли наступить дѣятельности, необходимыя для существованія жизни, то не менѣе важно съ другой стороны, чтобы могло появиться приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ. Если важно, чтобы организмъ съ самаго начала выступилъ активно по отношенію къ внѣшнему міру, то не менѣе важно, чтобы онъ опредѣлялъ свою дѣятельность природою среды. Подобное приспособленіе и опредѣленіе можетъ происходить, благодаря *рефлекторнымъ движеніямъ* (ср. II, 4 b) еще до пробужденія сознанія. При рефлексѣ движеніе вызывается не непосредственнымъ внутреннимъ состояніемъ, но раздраженіемъ изъ внѣшняго міра или изъ какой-

*) Die Seele des Kindes, стр. 127 и слѣд.

нибудь части организма. Здѣсь въ отвѣтъ на раздраженіе чисто механическимъ путемъ совершаются болѣе или менѣе цѣлесообразныя движенія. Былъ споръ о томъ, въ какой степени такія цѣлесообразныя движенія связаны или нѣтъ съ сознаниемъ; но если они и сопровождаются смутнымъ сознаниемъ (что, вѣроятно, бываетъ уже въ зародышѣ), то все же они не являются плодомъ сознательнаго обдумыванія. Быть можетъ, тутъ есть элементарныя чувствованія и ощущенія; но они не подвергаются дальнѣйшей обработкѣ. Отличительной чертой рефлекторнаго движенія именно и является непосредственный переходъ отъ раздраженія къ движенію. Рефлекторное дѣйствіе совершается такъ же невольно, какъ и самопроизвольное движеніе.

Самымъ простымъ рефлекторнымъ движеніемъ было бы то, которое происходитъ отъ одного раздраженія. Какъ только сталкивается нѣсколько раздраженій, дѣйствіе ихъ зависитъ отъ того, согласованы-ли движенія, которыя стремится вызвать каждое изъ раздраженій. Если раздраженія склонны вызвать различныя и несомѣстимыя движенія, то все зависитъ отъ того, какое изъ раздраженій сильнѣе; встрѣчая сопротивленіе, оно, конечно, немного ослабѣваетъ, но все-таки опредѣляетъ результатъ. Лягушка, лишенная большого мозга, квакаетъ, если у ней тихонько гладить кожу на спинѣ; но кваканья не бываетъ, если въ то же время сильно раздражать ее заднюю конечность. — Самыя важныя рефлекторныя задержки исходятъ изъ большого мозга. Въ первое время жизни рефлексы у ребенка не задерживаются, такъ какъ большой мозгъ пока остается безъ дѣйствія.

4. Когда большой мозгъ вліяетъ на движеніе, то возникаетъ самопроизвольность высшаго порядка, — не такая элементарная, какъ описанная выше. Благодаря обилію клѣтокъ, этотъ органъ можетъ подвергаться основательной обработкѣ раздраженія, доходящія до него, и въ то же время начинать активныя движенія независимо отъ раздраженія данной минуты. Движенія, происходящія при этомъ, несомнѣнно сопровождаются сознаниемъ.

Если можно провести границу между рефлекторнымъ движеніемъ и инстинктомъ, то ее слѣдуетъ видѣть въ томъ, что инстинктъ сложнѣе, активнѣе и сознательнѣе рефлекторнаго движенія. Инстинктивныя движенія выступаютъ въ качествѣ комбинированной системы средствъ для достиженія такой цѣли, кото-

рая лежить внѣ даннаго горизонта индивидуума, до осуществленія которой онъ, быть можетъ, даже и не доживаетъ. Здѣсь нѣтъ мгновеннаго разряженія, какъ при элементарной самопроизвольности и при простомъ рефлекторномъ движеніи,—тутъ бываетъ примѣненіе различныхъ силъ къ болѣе или менѣе отдаленной цѣли. Для инстинктивнаго дѣйствія необходимы раздраженія; но оно опредѣляется стремленіемъ къ движенію, вложенному въ организацію, гораздо больше, чѣмъ раздраженіемъ. Раздраженіе дѣйствуетъ только, какъ открываніе клапана. Поэтому животное легко вводится въ обманъ; такъ наприм., насѣкомыя, вовлекаемая въ заблужденіе запахомъ, кладутъ свои яйца въ стапелію. Побужденіе такъ сильно, что раздраженіе не подвергается контролю. Если инстинктъ наталкивается на препятствія, то можетъ быть вызвано влеченіе выполнить инстинктивное движеніе (ср. IV, 4 и V B, 2с).

Не выяснено, находится-ли инстинктъ въ зависимости отъ большого мозга. Уже *Флурансъ* доказалъ, что удаленіе его уничтожаетъ инстинктъ питанія и половое влеченіе. *Гольцъ* сообщаетъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ собакъ, что они по удаленіи большей части мозговой коры не обнаруживали прежняго отвращенія къ собачьему мясу. Но съ другой стороны инстинкты ясно проявляются и у тѣхъ существъ, у которыхъ большой мозгъ не имѣетъ значенія (инстинктъ питанія у новорожденныхъ). Поэтому не лишено вѣроятія, что инстинктивные движенія могутъ исходить также изъ средняго мозга (полосатое тѣло и зрительные бугры) *).

Настоящее хотѣніе, напротивъ, связано съ большимъ мозгомъ. Настоящее хотѣніе психологически характеризуется представленіями о цѣли дѣйствія и о средствахъ, ведущихъ къ его осуществленію, а также живымъ чувствомъ цѣнности цѣли. Явленія воли поэтому такъ тѣсно связаны съ познаніемъ и чувствомъ, что имъ можно бы приписать самостоятельный центръ, только возобновивъ ошибки френологіи. Это въ одинъ голосъ говорятъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи (см. II, 4 d). Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ, откуда начинаются движенія. Если правы изслѣдователи, принимающіе двигательные центры въ большомъ мозгу, то уже здѣсь совершается переходъ изъ сознательныхъ органовъ въ двигательныя, такъ какъ двигательные центры оказываются

*) *Vulpian: Physiol. du syst. nerv., стр. 692 и сл.*

необходимыми посредствующими звеньями для того, чтобы направить волю на двигательные нервные пути *). Если же правы тѣ, которые вмѣстѣ съ Гольцомъ опровергаютъ возможность допустить двигательные центры въ большомъ мозгу, то указанный переходъ совершается лишь черезъ посредство соединительныхъ путей между большимъ мозгомъ и мозговыми частями, расположенными пониже **). Гдѣ переходъ воли (или, лучше сказать соотвѣтствующихъ ей физиологическихъ процессовъ) въ двигательные нервные пути по какой-либо причинѣ прерванъ, тамъ отсутствуетъ способность исполнить желаемое, хотя въ самой волѣ все налицо. Въ болѣе легкихъ случаяхъ афазіи (или, лучше сказать, аграфіи), гдѣ нѣтъ слѣпоты къ словамъ, пациентъ видитъ передъ собою слово и пытается его написать, но пишетъ невѣрно и несмотря на все напряженіе воли не въ состояніи исправить ошибку. Двигательныя представленія, а вмѣстѣ и возможность иннерваціи двигательныхъ центровъ исчезли (ср. выше стр. 167, примѣчаніе). Собаки, у которыхъ вынуты большіе куски передняго мозга, не въ состояніи произвести желаемыхъ движеній, хотя они и дѣлаютъ попытки ***).

5. Предварительныя ступени воли непременно должны бы вести насъ за предѣлы психологіи, согласно закону, что безсознательное предшествуетъ сознательному. Съ другой стороны мы только тогда какъ слѣдуетъ поймемъ предварительныя ступени, когда ознакомимся съ проявленіями воли изъ своего собственнаго сознанія. Нужно теперь показать психологическую связь между волею и другими элементами сознанія.

Психологически мы говоримъ о хотѣніи вездѣ, гдѣ сознаемъ дѣятельность и не ограничиваемся простымъ воспріятіемъ. Но мы знаемъ изъ психологіи познанія и чувства, что мы никогда не ограничиваемся однимъ только восприниманіемъ. Во всякомъ чувственномъ воспріятіи, во всякомъ мышленіи, во всякомъ чувствѣ таится самодѣятельность. Мы получили бы полную пассивность только въ томъ случаѣ, если бы можно было въ сознаніи видѣть рядъ отдѣльныхъ ощущеній съ пассивными послѣдствіями

*) *Wundt*: I, стр. 156 и сл.—*Ranum*: Nerveävetts Fysiologi (физ. нер. ткани), стр. 205, 225.

**) *Гольцъ* въ «Архивѣ» Пфлюгера, т. 26, 1881, стр. 36—37.—*Munk*: Über die Funktionen der Grosshirnrinde, стр. 52.

***) *Гольцъ* въ «Архивѣ» Пфлюгера, т. 34, 1884, стр. 475.

ихъ. Но простое и пассивное ощущеніе не что иное, какъ отвлеченіе, которое можно осуществить только приблизительно при нѣкоторыхъ ненормальныхъ состояніяхъ. А такъ какъ главную особенностью сознанія оказалось именно то, что всѣ отдѣльные элементы и состоянія его объединяются посредствомъ синтетической дѣятельности, то можно сказать, что сознаніе само обязано своимъ существованіемъ дѣятельности воли (ср. II, 5; V B, 5, 8с). Слѣдовательно, не точно сказать, что воля предполагаетъ познаніе и чувство, такъ какъ сами они, съ извѣстной точки зрѣнія, оказываются проявленіями воли въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Чѣмъ сильнѣе отдѣльныя ощущенія и представленія сами по себѣ, тѣмъ больше отступаетъ назадъ эта дѣятельность воли. Безраздѣльныя ощущенія имѣютъ склонность вызывать гипнотическое состояніе. *Бонне* справедливо сказалъ, что у существа, которое имѣло бы въ продолженіе всей своей жизни только одно ощущеніе, да еще и въ одной и той же степени, совсѣмъ не было бы воли *). Мы можемъ прибавить, что у такого существа не было бы и сознанія (см. II, 5). Только въ тотъ моментъ, когда наступаетъ ощущеніе, возникала бы элементарная дѣятельность воли, такъ какъ вниманіе обращалось бы на раздраженіе. Всякое раздраженіе при своемъ появленіи захватываетъ вниманіе и возбуждаетъ больше или меньше активности, которая способствуетъ возможно ясному и отчетливому усвоенію его. Рядомъ съ ощущеніемъ мы въ большей или меньшей степени замѣчаемъ и это *невольное, инстинктивное вниманіе*; оно во всякомъ случаѣ кладетъ свой отпечатокъ на состояніе минуты.

Смѣна ощущеній даетъ возможность выступить немного высшей формѣ волевой дѣятельности. Если всплываетъ новое ощущеніе, то оно болѣе или менѣе желательно, смотря по тому, въ какомъ оно отношеніи къ предшествовавшимъ ощущеніямъ. Если оно рѣзко противорѣчитъ имъ, или же, если оно по другимъ причинамъ вызываетъ недовольство, то душа будетъ стремиться отгнать ощущеніе и отдѣлаться отъ него. Другое дѣло, если ощущеніе (какъ при дополнительныхъ цвѣтахъ) вноситъ желательную перемену или по другимъ причинамъ вызываетъ чувство удовольствія. Конечно, эти моменты удовольствія и недовольства обыкновенно

*) Essai analytique, стр. 12.

такъ слабы, что мы не сознаемъ ихъ отчетливо, и все-таки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ они, побуждая къ невольному отбору, къ элементарному выбору (V A, 7) между всплывающими ощущеніями, опредѣляютъ родъ и способъ, какъ намъ представляются вещи. Какъ растение поворачивается къ свѣту, такъ наша воспринимающая способность движется къ тому, что возбуждаетъ удовольствіе и интересъ, и отворачивается отъ противоположнаго.

Переходъ отъ непроизвольнаго къ произвольному вниманію и выбору совершается постепенно во время развитія воспоминанія и свободнаго представленія (ср. V B). Выборъ между всплывающими ощущеніями опредѣляется предыдущими опытами. Тогда какъ непроизвольное вниманіе имѣетъ характеръ инстинкта, произвольное вниманіе является влеченіемъ, такъ какъ оно направляется представленіемъ о томъ, чего желательно достигнуть, и оно можетъ развиваться въ ясно сознаваемую избирающую волю. Мы можемъ, напр., поставить себѣ цѣлью прослѣдить извѣстные тоны или извѣстную тему въ музыкальной пьесѣ, или уловить тембръ отдѣльнаго инструмента. Исслѣдованія надъ физиологическимъ временемъ показали, какъ велико вліяніе, которое можетъ имѣть на скорость воспріятія напряженное вниманіе, такъ что оно даже въ состояніи забѣжать впередъ воспріятія. Здѣсь различіе между произвольнымъ и непроизвольнымъ вниманіемъ заключается въ томъ, что при произвольномъ вниманіи напряженіе, направленіе силъ души въ извѣстную сторону бываетъ еще до раздраженія, тогда какъ при непроизвольномъ вниманіи это напряженіе возбуждается лишь самимъ раздраженіемъ. Узнаваніе (перцепція) происходитъ, конечно, быстрѣе и легче, когда сознаніе имѣетъ готовъ предварительное представленіе о явленіи, и вниманіе заключается именно въ томъ, что вся энергія сосредоточивается вокругъ одного представленія, какъ центра ассоціаціи. Итакъ, слиянiе ощущенiя съ соответствующимъ представленіемъ, въ силу чего возникаетъ перцепція, совершается при произвольномъ и непроизвольномъ вниманіи въ обратномъ порядкѣ.—Мы видимъ большею частью, что мы хотимъ видѣть, и мы вообще можемъ видѣть только тогда, когда хотимъ видѣть. На этомъ основывается возможность какъ гениальныхъ замысловъ и предсказаній, такъ и мнимыхъ объясненій дѣйствительности. Первоначальная порывистость, лежащая въ человѣческой природѣ, предвзрѣаетъ опыты и только постепенно, часто упираясь, внимаешь его совѣтамъ. Опытъ, къ счастью,

можетъ раскрыть намъ глаза, заставить насъ смотрѣть. Но дѣятельность воли всегда является предположеніемъ.

Произвольное вниманіе (какъ и перцепція вообще) *можетъ быть направлено также на простыя представленія, на образы воспоминанія и фантазіи.* Стремленіе вызвать и сохранить ихъ связано съ чувствомъ напряженія, подобнымъ тому, которое мы ощущаемъ, пробуя наблюдать темный предметъ. Но, какъ видно, это ощущеніе относится къ другому мѣсту. *Фехнеръ* обратилъ вниманіе на то, — каждый можетъ подтвердить это собственнымъ опытомъ, — что, тогда какъ напряженіе при произвольномъ воспріятіи внѣшнихъ явленій сосредоточивается на органѣ, играющемъ главную роль, — при дѣятельности воспоминанія или фантазіи оно совершенно покидаетъ внѣшніе органы чувствъ и является въ видѣ напряженія или сокращенія кожи на головѣ или въ видѣ давленія извнѣ внутрь по всему черепу *). Но мускульное напряженіе при этомъ бываетъ не всегда, и во всякомъ случаѣ оно не составляетъ всего физиологическаго процесса, связаннаго съ вниманіемъ. Быть можетъ, импульсы изъ центровъ, съ которыми связано произвольное сосредоточеніе сознанія, возвращаются обратно къ центрамъ чувственнаго воспріятія (какъ въ другихъ случаяхъ къ двигательнымъ центрамъ), въ силу чего можетъ усиливаться ихъ дѣйствіе **). Это была бы физиологическая форма того психологическаго факта, что представленіе намъ яснѣе, когда мы ставимъ себѣ задачей его представить. Нѣкоторые индивидуумы могутъ даже произвольно вызывать въ себѣ галлюцинаціи. Наконецъ, *Карпентеръ* пытался привести доводы въ пользу того мнѣнія, что при вниманіи, какъ и при всякой волевой дѣятельности, происходитъ притокъ крови къ органу, функція котораго усиливается. Такимъ образомъ, когда является стремленіе удержать представленіе или ходъ мысли, долженъ произойти усиленный притокъ крови къ извѣстнымъ частямъ большого мозга (ideational hyperaemia). Это подтверж-

*) *Elemente der Psychophysik* II, стр. 475, 491. — Выраженіе чловѣка, погруженнаго въ мысли, особенно характеризуется неопредѣленнымъ направленіемъ глазъ: ихъ зрительныя линіи часто даже отклоняются въ разныя стороны въ силу ослабленія нѣкоторыхъ мускуловъ, какъ слѣдствія того, что напряженіе перешло на другіе органы. Голова обыкновенно опускается точно такъ же вслѣдствіе ослабленія мускуловъ. *Darwin: Expr. of Emot.*, стр. 229.

**) *Wundt* I, стр. 218 и сл. — *Kussmaul: Die Störungen der Sprache*, стр. 187.

дается вліянієм всякаго волненія на кровообращеніе. Вѣдь, при каждомъ хотѣніи замѣтно также движеніе чувства *).

Дѣятельность воли не въ послѣдней степени обнаруживается при *сохраненіи связи между нашими представленіями* и при всякомъ мышленіи. Она является *предварительнымъ условіемъ для того, чтобы чисто случайныя сочетанія представлений не заправляли расположеніемъ элементовъ въ сознаніи*. Какъ бодрственное состояніе отличается отъ сна болѣе сильною «скрытою иннервациею», которая мѣшаетъ тѣлу приблизиться къ положенію, опредѣляемому одною только тяжестью, такъ бодрствующее сознаніе отличается отъ сознанія во снѣ тѣмъ, что всѣ мысли болѣе или менѣе сознательно направлены на одну цѣль. Самая первичная форма этой цѣли — распознаться во внѣшнемъ мірѣ для того, чтобы пріискать средства для сохраненія жизни. Но и на высшей ступени умственного развитія ходомъ мышленія заправляетъ цѣль и возбужденное ею чувство. Чѣмъ больше видно отсутствіе такого духовнаго центра тяжести (реальнаго я, ср. V B, 5), тѣмъ меньше связи бываетъ въ жизни сознанія, пока оно наконецъ не разложится на представленія, смѣняющіяся каждую минуту.

Какъ при произвольномъ, такъ и при произвольномъ вниманіи чувство и воля дѣйствуютъ непосредственно и совмѣстно. Поэтому нѣкоторыя изъ относящихся сюда явленій мы могли бы рассмотреть уже въ психологіи чувства. Здѣсь ясно видно единство душевной жизни, если вспомнить, какое значеніе имѣетъ вниманіе для чувственного воспріятія и мышленія, какъ тѣсно связано чувство съ волею, и какъ глубоко—глубже всякаго сочетанія представлений—чувство связано съ представленіемъ.

6a. Прежде чѣмъ прослѣдить дальнѣйшее развитіе воли благодаря ея взаимодействію съ жизнью познанія и чувства, мы должны посмотреть, какъ воля постепенно подчиняетъ своей власти тѣлесное движеніе. Это первый важный курсъ упражненій, который воля должна пройти, — до такой степени важный, что въ *представленіяхъ движенія* видѣли даже существенный элементъ всякой сознательной воли. Съ виду всякое дѣйствіе направлено наружу; но все-таки оно постоянно предполагаетъ *внутреннее дѣйствіе, опредѣленіе представлений мыслями о цѣли*. Слѣдова-

*) Mental physiology, стр. 382 и сл.

тельно, мысль о цѣли является самымъ важнымъ элементомъ, и если она влечетъ за собою представленія движенія и опредѣляетъ ихъ, то это только частный, хотя и нерѣдкій случай.

Для образованія представлений движенія предполагается, что предпринимаются такія движенія, которыя доступны ощущенію. Какъ мы видѣли, организмъ не ждетъ внѣшнихъ побужденій, чтобы привести себя въ движеніе; онъ самъ является маленькимъ міромъ, который можетъ создавать побужденія внутри себя. Самопроизвольныя и рефлекторныя движенія это — матеріалъ, служащій подкладкой для представлений движенія. Такимъ образомъ насъ противъ воли тянетъ производить опыты, необходимые для развитія воли, направленной наружу.

Какъ психологія познанія начинается чувственнымъ ощущеніемъ, такъ психологія воли кончается влеченіемъ къ движенію. Только окольнымъ путемъ мы узнаемъ, что предшествуетъ чувственному ощущенію, — именно распространеніе физическаго раздраженія отъ объекта къ органу нашихъ чувствъ, а отъ него чрезъ нервныя волокна къ мозгу, — и что слѣдуетъ за влеченіемъ къ движенію, — именно распространеніе физиологическаго процесса, соотвѣтствующаго нашему хотѣнію, по центральнымъ органамъ движенія и двигательнымъ нервамъ къ мускуламъ, а также измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, вызванныя мускульными движеніями.

Въ самыхъ примитивныхъ проявленіяхъ воли еще не обнаруживается разницы между чувственнымъ ощущеніемъ и влеченіемъ къ движенію. Рефлекторныя движенія и инстинктивныя дѣйствія отличаются тѣмъ, что раздраженіе прямо влечетъ за собою движеніе, хотя и можетъ обнаружиться ощущеніе, равно какъ и чувство удовольствія или недовольства, а также нѣкоторое безпокойство (когда движеніе нельзя исполнить сейчасъ же или когда оно наталкивается на препятствія); но воспоминаніе тутъ не играетъ никакой роли, а слѣдовательно и воспоминанія движенія также не играютъ роли. Влеченіе къ движенію предполагаетъ, что помнится соотвѣтное движеніе. Такое воспоминаніе можетъ быть или зрительнымъ воспоминаніемъ движенія или настоящимъ представленіемъ движенія (воспроизведеніемъ двигательнаго ощущенія)*. Если движеніе имѣло неблагоприятныя послѣдствія, было

*) Какъ было упомянуто ранѣе (VII А, 4), зрительныя воспоминанія движенія могутъ сохраниться, хотя собственно представленія движенія уже исчезли.

причиной страданія, то воспоминаніе о немъ будетъ связано съ недовольствомъ, которое можетъ помѣшать повторенію движенія, съ возобновленіемъ того же состоянія сознания. • Напротивъ, является склонность къ повторенію тѣхъ движеній, исполненіе и послѣдствія которыхъ были связаны съ удовольствіемъ.

Какъ только вниманіе направлено на представленіе движенія, и мы такимъ образомъ приладили къ исполненію его, движеніе совершается легко и быстро. Это прилаживаніе или внутренняя подготовка, благодаря которой движеніе какъ бы усваивается сознаниемъ и пускаетъ корни въ немъ, такъ какъ мы вполне сживаемся съ представленіемъ движенія и съ соотвѣтствующимъ ему чувствомъ, — не поддается ближайшему описанію. Это основной элементъ въ сознаниі желательнаго движенія, и этотъ элементъ, какъ и вообще внутренний процессъ, посредствомъ котораго мы вызываемъ и удерживаемъ представленіе или ходъ мыслей, можно узнать только изъ непосредственнаго самонаблюденія. Какъ въ воспоминаніи я сливаюсь съ тѣмъ я, которое когда-то пережило событіе, такъ рѣшающій волевой актъ состоитъ въ томъ, что я мысленно смотрю на самого себя, какъ на лицо, которое въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ должно дѣйствовать такъ или иначе. Тогда какъ воспоминаніе, направленное на прошлое, является главнымъ образомъ пассивной перцепціей, волевой актъ оказывается преимущественно активной перцепціей, направленной на будущее.

Воля и влеченіе къ движенію не вполне совпадаютъ, но, если волевой актъ имѣетъ предметомъ движеніе наружу, влеченіе служить элементомъ воли, точно такъ же какъ влеченіе къ мышленію, т. е. побужденіе вызвать извѣстный рядъ представленій, при мышленіи въ собственномъ смыслѣ служитъ элементомъ возникающаго при этомъ хотѣнія (ср. V В, 11). Я хочу видѣть опредѣленный предметъ и потому направляю глаза на него; но влеченію къ движенію глазъ вовсе нѣтъ надобности являться чѣмъ-то самостоятельнымъ наряду съ хотѣніемъ видѣть предметъ. То же самое, и когда воля стремится пройти рядъ представленій: влеченіе къ возбужденію каждаго отдѣльнаго члена въ ряду не является чѣмъ-то самостоятельнымъ объ руку съ хотѣніемъ мыслить предметъ въ цѣломъ, исключая развѣ тѣ случаи, гдѣ надо преодолѣть особенныя трудности. Гдѣ движеніе, необходимое

для достиженія цѣли, наталкивается на препятствіе, тамъ оно можетъ сдѣлаться объектомъ особеннаго хотѣнія.

Часто желаемое движеніе совершается, хотя въ моментъ исполненія не замѣтно влеченія или хотѣнія. Такъ изслѣдованія надъ фізіологическимъ временемъ показали, что если только пригото-виться къ исполненію извѣстнаго движенія по данному сигналу, то движеніе наступаетъ произвольно, такъ что оно не требуетъ времени и новаго хотѣнія. Напротивъ, движенію надо нѣкоторое время, если опять хочется устранить подготовленіе, т.-е. какъ бы свести первое хотѣніе къ нулю; и если сигналъ данъ раньше, чѣмъ это удалось, то движеніе можетъ произойти согласно или противъ нашей воли. Случается, наприм., что сигналъ, ожидаемый съ напряженнымъ вниманіемъ, почему-нибудь замедлилъ, такъ что экспериментаторъ нетерпѣливо оборачивается, чтобы посмотрѣть, въ порядкѣ ли аппаратъ; но вдругъ раздается сигналъ, и въ то же время наступаетъ движеніе, которое было предметомъ хотѣнія, но отъ котораго пришлось отказаться *). Здѣсь еще дѣйствуетъ приготовленіе къ движенію, послѣ того какъ исчезъ волевой актъ. Отъ того, что при ожиданіи извѣстнаго раздраженія все было подготовлено къ исполненію движенія, получилось состояніе, аналогичное тому, въ которомъ находится животное, руководимое инстинктомъ, или тому, которое заставляетъ индивидуумъ слѣдовать требованію, полученному въ сомнамбулическомъ состояніи; но потомъ совершенно забытое.

б. Природа прокладываетъ путь нашему хотѣнію. Она даетъ намъ и слишкомъ много, и слишкомъ мало. Первоначальное самопроизвольное движеніе сильно; но оно должно пойти по опредѣленному направленію, должно приспособиться, что касается степени и формы, чтобы оно могло служить нашимъ цѣлямъ. При произвольныхъ движеніяхъ нѣсколько мускуловъ сразу приводится въ дѣятельность. И вотъ тутъ иногда важно остановить эти побочныя движенія и вмѣсто нихъ образовать другія, сложныя движенія, такъ что происходитъ процессъ выбора, ведущій частью къ *обособленію*, частью къ *соединенію* движеній.

Такъ голосовые органы сперва двигаются произвольно, когда ребенокъ проявляетъ свое недовольство или благосостояніе. Изъ

*) S. Epner: Экспериментальныя изслѣдованія простѣйшихъ психическихъ процессовъ (Pflügers Archiv 1823), стр. 616 и сл.

числа звуковъ, происшедшихъ такимъ образомъ, въ послѣдствіи удерживаются преимущественно тѣ, которые были пріятны по своимъ дѣйствіямъ. Это первый языкъ ребенка; затѣмъ сейчасъ же слѣдуетъ періодъ, во время котораго ребенокъ старается подражать тому, что слышитъ. То же самое бываетъ и съ массой другихъ тѣлесныхъ движеній; сперва они совершаются произвольно и наудачу, а въ послѣдствіи удерживаются и повторяются или тормазятся и устраняются. Сначала ни одно рефлекторное движеніе не задерживается; но воспитаніе все больше и больше беретъ его въ свои руки (такъ ребенокъ приучается къ чистоплотности). Маленькое дитя, у котораго большой мозгъ еще не принимаетъ активнаго участія, не имѣетъ центрального задерживающаго аппарата, который служитъ условіемъ самообладанія. Развитие произвольнаго движенія предполагаетъ извѣстное развитие представленій, а слѣдовательно и мозга.

Ребенокъ предпринимаетъ много движеній совершенно инстинктивно, разъ у него есть для этого достаточно силъ. Сосаніе, кусаніе, чмоканіе, жеваніе, лизаніе, по *Преьеру*, точно такія же инстинктивныя дѣйствія, какъ клеваніе зеренъ и насѣкомыхъ у цыплятъ. То же самое большею частью надо сказать и о стояніи, сидѣніи, ползаніи, хожденіи и бѣганьѣ. Подражаніе и тутъ играетъ побочную роль; больше всего оно имѣетъ значенія, какъ ободреніе. Ребенокъ, который никогда не видѣлъ бы, какъ кто-нибудь ползаетъ или ходитъ, и тотъ совершалъ бы эти движенія, будь у него только достаточно силъ *). Движеніе, составляющее собственно предметъ хотѣнія, наступаетъ, когда эти движенія производятся съ опредѣленнымъ намѣреніемъ и направлены къ опредѣленной цѣли. Первыми и самыми важными примѣрами этого служатъ движенія хватанія, гдѣ желаніе овладѣть предметомъ вызываетъ движеніе руки въ направленіи предмета съ цѣлью охватить его.

Какъ далеко можетъ идти обособленіе и сочетаніе движеній, — это зависитъ отъ первоначальной организаціи. Есть побочныя движенія, которыхъ нельзя прекратить, и есть такія самостоятельныя движенія, которыя не поддаются соединенію. — Какъ далеко можетъ идти навыкъ и приспособленіе, видно изъ того, что сросшія между собою сіамскіе близнецы въ такой степени согласо-

*) *Preyer: Die Seele des Kindes, стр. 146—176.*

вали свои движенія, что, смотря по надобности, не сговариваясь, ходили, бѣгали, прыгали совершенно такъ, какъ бы они составляли одинъ организмъ.

с. Этотъ процессъ, посредствомъ котораго воля получаетъ такую власть надъ тѣломъ, что индивидуумъ можетъ проявить энергію и самостоятельность по отношенію къ внѣшнему міру, у человѣка совершается медленнѣе, чѣмъ у животнаго. Котята оканчиваютъ необходимый для нихъ курсъ воспитанія менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, тогда какъ дѣтямъ нужно для этого почти два года. Это различіе показываетъ значеніе врожденной основы. Такъ какъ движенія человѣка заучены гораздо больше, чѣмъ животнаго, то поврежденіе двигательныхъ центровъ въ мозгу имѣетъ гораздо больше значенія для человѣка, чѣмъ для животнаго *). Согласно общему физиологическому закону, во время процесса разложенія функцій, развившіяся и заученныя позже, исчезаютъ раньше элементарныхъ функцій (ср. IV, 4; V B, 7b).

Значеніе врожденной основы можно видѣть и изъ сравненія нормальныхъ дѣтей съ идіотами. Безъ особеннаго и тяжелаго обученія идіоты не въ состояніи употреблять своихъ органовъ чувствъ и движенія. «Даже при слабой степени идіотизма легко можно узнать идіота по отсутствію настоящаго взора и по неумѣнью держать прямо свое тѣло. Недостатокъ взора у нѣкоторыхъ идіотовъ сказывается въ безжизненномъ выпучиваніи, у другихъ—въ дикомъ вращаніи бѣлками; неумѣнью держать свое тѣло у нѣкоторыхъ проявляется въ формѣ продолжительной неподвижности или косности при извѣстной склонности приводитъ отдѣльныя части тѣла въ однообразное колебательное или круговое движеніе, у другихъ—въ формѣ вѣчнаго безпокойства и безцѣльной работы руками и ногами». Поэтому и здѣсь воспитаніе заключается въ выборѣ, который достигается частью путемъ усиленія нѣкоторыхъ движеній, частью путемъ задержки и уравниванія другихъ. Нужно противодѣйствовать косности и укротить безпокойную и беспорядочную игру мускуловъ. Поэтому при воспитаніи обыкновенно исходятъ изъ данной основы. Дѣвушку-идіотку, которая безпрестанно качала туловищемъ и размахивала ногами и руками, заставили пряхъ пряжу. Такъ неустанное движеніе было направлено къ опредѣленной цѣли, которая впослед-

*) *Panum*. Nerveävetts Fysiologi (физиол. нервной ткани), стр. 208.

ствіи, благодаря возникшему удовольствію, могла сама мотивировать движеніе. Слишкомъ сильное движеніе старались сдержать тѣмъ, что заставляли больную гулять взадъ и впередъ по саду, пока усталость не принуждала ее вести себя совершенно спокойно *).

В. Воля и другіе элементы сознанія.

1. Высшее развитіе воли подъ вліяніемъ развитія познанія и чувства.

а. Какъ не разъ указывалось ранѣе, мы не можемъ себѣ представить сознанія, которое всецѣло разлагалось бы на совершенно простыя, мгновенныя ощущенія. Нужно всегда допускать наличность извѣстной степени воспоминанія, а вмѣстѣ и извѣстную двойственность, болѣе или менѣе сильную противоположность между двумя теченіями. Но отношеніе между двумя теченіями можетъ мѣняться до безконечности. Мы уже видѣли, что противоположность между *чувственнымъ воспріятіемъ и мышленіемъ* проходитъ цѣлую скалу степеней, и что то же самое бываетъ и съ противоположностью между *элементарными и идейными чувствованіями*. Въ области воли мы наталкиваемся на соответствующую противоположность между *инстинктомъ и настоящимъ хотѣніемъ*. Инстинктъ не предполагаетъ воспоминанія въ собственномъ смыслѣ (ср. IV, 4 и VII A, 4), но вызывается къ жизни непосредственными чувственными ощущеніями; поэтому онъ и стоитъ на той же ступени, что и элементарныя чувствованія, опредѣляемые точно такъ же простыми чувственными ощущеніями. Переходъ отъ инстинкта къ настоящему хотѣнію образуетъ *влеченіе, желаніе и намѣреніе*.

Влеченіе мы должны были разобрать уже въ психологіи чувствованія (VI, B, 2с, ср. кромѣ того IV, 4) и говорили о немъ также при изслѣдованіи первоначальности воли.

Уже при влеченіи сознаніе освободилось отъ впечатлѣнія минуты. Даетъ себя знать стремленіе за предѣлы даннаго состоянія; равновѣсіе нарушено. Влеченіе психологически обуславливается тѣмъ, что чувствованіе и ощущеніе минуты связано съ болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ того, что можетъ по-

*) *Eschricht*: Om Muligheden af at helbrede og opdrage Idioter (о возможности лѣчить и воспитывать идиотовъ), стр. 7, 66.

высвить удовольствіе или уменьшить неудовольствіе минуты. Влеченіе предполагаетъ противоположность между дѣйствительнымъ и возможнымъ или будущимъ. Этимъ влеченіе отличается отъ рефлекторнаго движенія и инстинкта (А, 4), гдѣ раздраженіе, хотя, быть можетъ, и ощущается, но не видно представленія о томъ, что должно послѣдовать. Въ настоящемъ влеченіи всегда заключается болѣе или менѣе сознательное требованіе.—Влеченіе въ широкомъ смыслѣ слова обнимаетъ всѣ наклонности къ движенію, связанныя съ чувствованіемъ и ощущеніемъ. Было бы лучше всего, если бы мы избѣгали употреблять въ психологіи слово «влеченіе» иначе, какъ въ тѣсномъ смыслѣ чего-то отличнаго отъ рефлекторнаго движенія и инстинкта. Но общеупотребительный языкъ не дозволяетъ намъ этого; мы не можемъ не говорить и въ психологіи о влеченіи къ самосохраненію, о влеченіи къ движенію и т. д. въ качествѣ краткихъ и сжатыхъ выраженій для обозначенія частью безсознательныхъ, частью полусознательныхъ наклонностей къ движенію. Сюда еще надо прибавить,—это будетъ видно изъ послѣдующаго,—что опытъ даетъ намъ разнообразныя переходы между различными степенями и видами движенія. Ихъ поэтому можно представить, какъ различныя формы въ развитіи влеченія, достигающія высшей точки въ пожеланіи, гдѣ цѣль движенія служитъ объектомъ отчетливаго сознанія.— Настоящее влеченіе и пожеланіе отличаются отъ простаго инстинкта тѣмъ, что они содержатъ представленіе о цѣли, но не всегда о средствахъ, тогда какъ инстинктъ побуждаетъ употреблять средства для исполненія безсознательной цѣли. Инстинктъ оказывается проявленіемъ влеченія, если дѣйствія и движенія, приводящія къ цѣли, становятся объектомъ представленія и интереса.

Мы разсматриваемъ влеченіе въ психологіи чувства и въ психологіи воли съ двухъ различныхъ сторонъ. Именно влеченіе заключаетъ въ себѣ какъ чувство удовольствія или недовольства, такъ и позывъ къ дѣятельности, направленный на (дѣйствительную или мнимую) причину удовольствія или недовольства. Никакъ нельзя смѣшивать или сливать обѣихъ этихъ сторонъ влеченія, хотя языкъ тутъ легко вводитъ въ соблазнъ, и отношеніе между ними не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто объектомъ влеченія всегда бываетъ удовольствіе (или устраненіе недовольства). Полагая, что всякое влеченіе (и вообще всякая воля) направлено

къ тому, чтобы достигнуть удовольствія или избѣжать неудовольствія, часто думали, что всякое дѣйствіе и хотѣніе обязано эгоистическимъ мотивамъ, въ пользу чего можно будто бы представить простое и неопровержимое доказательство.

Уже описаніе влеченія, данное раньше, показываетъ несостоятельность этого мнѣнія. *Если цѣлью или объектомъ влеченія служитъ нѣчто такое, что возбуждаетъ или, повидимому, возбуждаетъ удовольствіе, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что этою цѣлью должно быть непременно само чувство удовольствія.* Влеченіе опредѣляется главнымъ образомъ представленіемъ, это—порывъ къ содержанію этого представленія. Въ голодѣ, наприм., влеченіе имѣетъ предметомъ прежде всего питательныя вещества, а не чувство удовольствія отъ ѣды. Влеченіе къ познанію направлено не на усладу отъ познания, но на познаніе само по себѣ; оно-то и есть предметъ хотѣнія. Симпатическія влеченія, наприм., влеченіе къ тому, чтобы смягчить нужду другихъ людей или повысить ихъ благосостояніе, управляются представленіемъ объ ихъ улучшенномъ состояніи, разрисованномъ въ той или другой степени фантазіей, а также представленіемъ объ удовольствіи, которое испытываютъ *эти люди* отъ такого состоянія; но вовсе нѣтъ надобности, чтобы проявилось представленіе объ удовольствіи, которое *мы сами* будемъ испытывать при видѣ ихъ улучшеннаго состоянія (ср. VI С, 7). Если чувство удовольствія, которое мы предвидимъ въ достиженіи первоначальнаго объекта влеченія, пробуждаетъ влеченіе, то это зависитъ уже отъ извѣстной абстракціи. Подобная абстракція всегда болѣе или менѣе нездорова и ведетъ къ эгоизму, когда дѣлается слишкомъ односторонне и прямолинейно: въ такомъ случаѣ согласно природѣ вещей получить силу представленіе о собственномъ я, какъ субъектѣ чувства, опредѣлить влеченіе и станетъ навсегда заднею мыслью.

Основательность и значеніе этого различія будетъ совсѣмъ ясна, если вспомнить *родство влеченія съ инстинктами и съ другими на половину или совершенно безсознательными наклонностями къ движенію.* Дѣйствія, къ которымъ побуждаютъ такія наклонности, направлены не на чувство удовольствія, а на нѣкоторые опредѣленные предметы, не достигающіе сознанія индивидуума. Въ инстинктѣ индивидуумъ не сознаетъ ни цѣли дѣйствія, ни чувства удовольствія, которое повлечетъ за собою достиженіе этой цѣли. Отъ подобныхъ наклонностей къ движенію влеченіе отличается

особенно тѣмъ, что въ немъ проявляется сознание цѣли или объекта дѣйствія, но отсюда нужно сдѣлать еще шагъ, чтобы могло возникнуть сознание удовольствія, которое обязано этому объекту. *Мотивомъ*, движущей силой влечения (а также и волевого дѣйствія въ собственномъ смыслѣ) служитъ *чувство, возбужденное представленіемъ цѣли*, но не чувство (по крайней мѣрѣ не вначалѣ или не всегда), вызываемое представленіемъ, что мы, достигнувъ цѣли, будемъ чувствовать удовольствіе.

Обыкновенно, конечно, бываетъ извѣстная гармонія между влеченіемъ и удовлетвореніемъ, которое слѣдуетъ за достиженіемъ цѣли. Это зависитъ отчасти отъ того, что влеченіе связано съ инстинктомъ, отчасти же отъ того, что цѣль влечения первоначально служитъ причиною чувства (VI В, 2 с). Но вовсе нѣтъ необходимости, чтобы гармонія была полная. Нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ психологическихъ явленій происходятъ какъ разъ отъ того, что *можетъ установиться дисгармоничное отношеніе между силою влечения и удовольствіемъ отъ его удовлетворенія*. Вслѣдствіе того, что влеченіе часто повторялось и находило удовлетвореніе, оно можетъ пустить такіе глубокіе корни въ природѣ, что начинаетъ брать верхъ, даже если чувство удовольствія не достигаетъ силы, соотвѣтствующей энергіи влечения. Такое отношеніе бываетъ въ большей или меньшей степени во всякой страсти (ср. VI Е, 5), и отъ этого зависитъ своеобразное чувство несвободы, которое можетъ быть въ томъ случаѣ, когда всѣмъ управляетъ страсть. У пьяницы страстное желаніе гораздо сильнѣе удовольствія, связаннаго съ его удовлетвореніемъ. Влеченіе къ самосохраненію можетъ проявляться съ неодолимой силой, даже когда нельзя указать, какого рода отраду даетъ продолжающееся существованіе. Особенно важно это отношеніе при влеченіяхъ, связанныхъ съ безкорыстными чувствами. Влеченіе углубиться въ предметъ, работать для идеи или жертвовать собою для другихъ людей, можетъ быть такъ сильно, что чувство удовольствія, которое суждено индивидууму въ награду за его дѣяніе, пожалуй, совсѣмъ не будетъ соотвѣтствовать своей причинѣ.

Но такая дисгармонія между чувствомъ и влеченіемъ становится невыносимой, если она продолжается долгое время. Или влеченіе ослабѣваетъ и теряется, или чувство разгорается сильнѣе. Должно всегда найтись извѣстное согласіе между влеченіями и

жизненными условиями и, слѣдовательно, между влеченіями и чувствами, возникшими отъ ихъ удовлетворенія; упорное развитіе въ противоположномъ направленіи привело бы къ гибели (ср. VI D, 3).

Изъ обѣихъ сторонъ природы влеченія, элемента чувства и активности, послѣдняя заложена глубже всего. Это вытекаетъ изъ общаго положенія, что безсознательное предшествуетъ сознательному. Самопроизвольная, рефлекторная, инстинктивная и соединенная съ влеченіемъ активность служитъ началомъ жизни. Постепенное развитіе жизни представленій и чувствованій имѣетъ рѣшающее значеніе для активности; но въ своихъ первичныхъ формахъ она бываетъ раньше ихъ.

Наступаетъ роковая поворотная точка, когда опредѣленное представленіе соединяется съ чувствомъ удовольствія или недовольства и отъ этого становится выраженіемъ объекта влеченія (ср. VI B, 2a, b). Движеніе благодаря этому идетъ по опредѣленному направленію, и измѣнить его можно не безъ опредѣленнаго напряженія силы. Какъ только пробуждается влеченіе, равновѣсіе нарушено, и все зависитъ отъ того, можно-ли овладѣть движеніемъ.—Къ познанію стремится не тотъ, кто знаетъ, да и не тотъ, кто не знаетъ; если этому стремленію приходится пробудиться, то въ такомъ случаѣ незнаніе должно вызывать чувство недовольства и представленіе чего-то лучшаго, чѣмъ незнаніе.—На этой стадіи возникаютъ перевороты во внутреннемъ и внѣшнемъ мірѣ. Высшая степень страданія подавляетъ и угнетаетъ; движеніе прорывается лишь, когда достигнуто такой предѣлъ облегченія и прогресса, что можетъ пробиться представленіе о лучшемъ состояніи, каковы бы ни были средства для его достиженія. Зачинщики переворотовъ это — ни свободные, ни несвободные, а только полусвободные. Поэтому, какъ замѣтилъ *Токвиль*, самый опасный періодъ для плохого правительства — тотъ, когда оно начинаетъ улучшаться. Самый незначительный произволъ при Людовикѣ XVI казался невыносимѣе всего деспотизма Людовика XIV *).

b. Если жизнь представленій развилась немного дальше, то могутъ возникнуть мысли о цѣляхъ, достиженіе которыхъ было бы связано съ удовольствіемъ, но которыя, однако, прямо не

*) L'ancien régime et la révolution, кн. II, гл. 1; кн. III, гл. 4.

вліяють на влеченіє. Такія цѣли и опредѣляемыя ими чувствованія соотвѣтствуютъ свободнымъ образамъ воспоминанія въ области познанія: какъ нѣтъ надобности, чтобы эти образы производились непременно ощущеніями минуты, такъ вовсе нѣтъ необходимости, чтобы указанныя цѣли немедленно побуждали къ дѣйствію. Этимъ отличается *желаніе* отъ влеченія. Имѣть желанія съ чисто практической точки зрѣнія—роскошь. Въ сравненіи съ влеченіемъ желаніе отличается созерцательнымъ характеромъ. Но съ другой стороны желаніе можетъ быть первою формою влеченія. Что вначалѣ кажется отдаленною возможностью, которая при одной только мысли наполняетъ душу удовольствіемъ, то можетъ возбудить влеченіе, становясь постоянной мыслью и все больше и больше переходя въ плоть и кровь.

с. Но это же высшее развитіе, дѣлающее возможнымъ желаніе, породитъ также и сознаніе важности того, что дѣйствіе слѣдуетъ не прямо за влеченіемъ, но бываетъ *промежутокъ* между мыслью и исполненіемъ, такъ что могутъ выступить представленія и чувствованія, естественно связанныя съ мыслью о цѣли, и оказать вліяніе на дѣйствіе (ср. IV, 4—6). Такой промежутокъ можетъ образоваться очень просто отъ того, что дѣйствіе задерживается, а опытъ учить, какъ кстати оно не было исполнено. Важность этого промежутка еще ярче выступаетъ отъ того, что вредъ учить уму-разуму, такъ какъ видишь, къ чему ведетъ поспѣшное дѣйствіе. Наконецъ, упомянутый промежутокъ можетъ возникнуть и въ силу того, что представленіе о цѣли находится въ такой тѣсной связи съ другими представленіями (наприм., съ представленіемъ о необходимыхъ средствахъ), что они сейчасъ же всплываютъ и тѣмъ задерживаютъ импульсъ къ движенію. Въ подобныхъ случаяхъ, т.-е. въ такихъ, гдѣ въ сознаніи обнаруживаются послѣдствія дѣйствія или средства для его исполненія, дѣйствуютъ законы сочетанія представлений. Въ комедіи *Гольберга* «Юся Нагорный» Юся съ такимъ бы наслажденіемъ выпилъ еще на шиллингъ; но спина *) напоминаетъ ему о послѣдствіяхъ. «Мой желудокъ говоритъ—пей, а спина—не пей». Связь представлений и вызванныя ею чувствованія задерживаютъ влеченіе или желаніе минуты. Но кромѣ чувствованій, вызванныхъ соче-

*) Онъ боится, чтобы его не побилъ жена, если онъ пропьетъ деньги, которыя даны ему на мыло.

таніємъ представлений, чувства, задерживающія влеченіе или желаніе, могутъ возникнуть также отъ дѣйствія контраста (VI E).

Тутъ съ волей бываетъ то же, что мы замѣчали при переходѣ элементарнаго чувствованія въ идейное. Дѣйствіе опредѣляется расчетами больше тѣхъ, какіе позволяютъ влеченіемъ и желаніемъ. Эти отдаленные расчеты естественно должны сначала проявиться также въ формѣ влеченія или желанія; но главное то, что отдѣльное побужденіе не вліяетъ уже прямо и безъ помѣхи. Возникшій такимъ путемъ процессъ, простымъ примѣромъ котораго служить борьба Іоси съ самимъ собою передъ дверью кабака, можетъ развиться въ высшія формы, смотря по тому, какой объемъ получаютъ сочетанія представлений. Здѣсь отчетливость воспоминанія *), живость фантазіи и ясность мысли приобрѣтаютъ большое значеніе для развитія воли. Чѣмъ упорнѣе и яснѣе выступаетъ въ сознаніи мысль о пѣляхъ, идущихъ дальше данной минуты, мысль о трудности или бѣдѣ отъ поступка, сдѣланнаго въ порывѣ влеченія или желанія, и чѣмъ сильнѣе могутъ пробудиться чувства отъ такихъ мыслей, т.-е. чувства, въ которыхъ мы упреждаемъ вѣроятныя слѣдствія поступка и заранѣе наслаждаемся или страдаемъ,—тѣмъ легче подавляется минутное побужденіе, и тѣмъ легче опредѣляется воля глубокими и проницательными расчетами. Даже если еще есть желаніе, то оно остается теперь «благочестивымъ» желаніемъ, такъ какъ укрѣпилось сознаніе, что осуществить его невозможно, да и не хорошо. Здѣсь все зависитъ отъ того, что одержитъ верхъ, — логика-ли влеченія, или высшая логика. Влеченіе по своей природѣ идетъ прямо къ объекту и бываетъ способно подобрать софизмы въ отпоръ другимъ разсужденіямъ (ср. VI F, 2). Іося спрашиваетъ самого себя: «развѣ мой желудокъ не важнѣе моей спины? Я думаю, что да», — и наконецъ утѣшается тѣмъ, что сапожникъ Яковъ (шинкарь) дастъ ему въ долгъ, хотя отлично знаетъ, что этого не будетъ. Чѣмъ больше вкореняется желаніе, тѣмъ труднѣе его могутъ задержать другія мысли и чувства.

Въ психологическомъ отношеніи важна только степень, а не цѣнность силъ, опредѣляющихъ дѣйствіе. Минутное побужденіе

*) «Намѣреніе только рабъ памяти» (Гамлетъ, актъ III, сц. 2). — Ср. *Спиноза* (Этика III, схолія ко 2-й теор.): «мы ничего не можемъ дѣлать по рѣшенію души, если не вспомнимъ о немъ».

можетъ быть вредно; но оно можетъ быть состоятельно и въ нравственномъ смыслѣ, а все-таки не получить силы. Такъ бываетъ, наприм., когда энтузіазмъ охладѣваетъ подѣ влияніемъ эгоистическихъ и прозаическихъ расчетовъ. Все сводится тогда къ тому, какія мысли и воспоминанія возбуждаетъ представленіе, связанное съ влеченіемъ, и какою силою чувства располагаютъ они въ сравненіи съ непосредственнымъ побужденіемъ. Когда объектъ влеченія или желанія устоялъ несмотря на раздумье, то достиженіе его становится *умысломъ*, а умысль въ свою очередь влечетъ за собою *намѣреніе* предпринять такіа дѣйствія, которыя могутъ повести къ его осуществленію.

Когда царятъ минутныя побужденія, тогда въ сущности нѣтъ внутренняго центра, нѣтъ *я* для сознанія. Но чѣмъ больше пробиваются воспоминаніе и господствующія благодаря ему чувства, тѣмъ больше влияния на дѣйствіе приобретаетъ вся природа чело-вѣка, а не отдѣльная только сторона ея, получающая минутное преобладаніе. Настоящее *я* чело-вѣка выражается въ мысляхъ и чувствахъ, которыя пустили въ немъ глубокіе корни въ теченіе его жизни (ср. V В, 5). И только тогда, когда дѣйствіе опредѣлено этимъ прочнымъ ядромъ, можно сказать, что чело-вѣкъ хотѣлъ своего дѣйствія, что онъ самъ себя опредѣлил. Преобладаютъ то элементы познанія, то элементы чувства, такъ что можно отличать волю въ мысли и волю въ чувствѣ. Здѣсь надо припомнить, что не всегда самое бурное въ данную минуту чувство и на дѣлѣ оказывается самымъ сильнымъ, т.-е. коренящимся глубже всего въ природѣ индивидуума. Тѣмъ важнѣе то, что опредѣляетъ не одна только минута; потому-то въ свою очередь важно образованіе указаннаго промежутка.

Уже намѣреніе обусловлено такимъ промежуткомъ и наполняющими его представленіями, чувствами и влеченіями. Кто дѣйствуетъ съ намѣреніемъ, тотъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ (поэтому влеченіе въ сравненіи съ намѣреніемъ, можно назвать *слѣпымъ*, точно такъ же какъ инстинктъ въ сравненіи съ влеченіемъ можно назвать *слѣпымъ*). Но намѣреніе не требуетъ непременно глубокаго основанія въ *я* желающаго; оно можетъ быть обязано своимъ возникновеніемъ поверхностному движенію души, какъ это часто бываетъ съ влеченіемъ. Если поступку, къ которому направлено намѣреніе, приходится быть полнымъ выраженіемъ *я*, то всѣ существенныя стороны *я* должны быть

приведены во взаимодействии съ представлениемъ о поступкѣ, такъ что этотъ поступокъ въ сознаниі становится объектомъ все-сторонняго спора. Въ такомъ спорѣ, который можетъ принять характеръ сильной и изнурительной внутренней борьбы, состоитъ *соображеніе* (или обдумываніе), посредствомъ котораго простое намѣреніе становится *рѣшеніемъ*, такъ какъ дѣлается *выборъ* между предстоящими возможностями.—Различіе между намѣреніемъ и рѣшеніемъ *) только по степени, но оно можетъ имѣть громадное значеніе. Оно основывается отчасти на продолжительности промежутка, отчасти на глубинѣ и энергіи обдумыванія.

Выборъ или рѣшеніе не поддается ближайшему описанію. На отдѣльномъ примѣрѣ, именно на хотѣніи тѣлеснаго движенія (VII А, 6а), уже подчеркнута эта черта каждаго волевого акта. Въ рѣшеніи сливаешься вѣодно съ мыслью о поступкѣ; онъ съ этого времени является частью меня самого, какъ внутреннее ядро моего существа. Я узнаю себя (перцепирую себя) въ субъектѣ дѣйствія въ тотъ самый моментъ, когда оставшіяся безъ выбора возможности какъ бы тускнѣютъ или удаляются отъ меня.

Задумчивостью, съ которою встрѣчаетъ наше существо волевой актъ рѣшенія и выбора, можно отчасти объяснить *чувство свободы*, которое мы испытываемъ при сильномъ рѣшеніи. Мы чувствуемъ, что дѣйствіе служитъ проявленіемъ нашего внутренняго существа. Но это чувство свободы обязано также контрасту съ нерѣшительнымъ, подавляющимъ и неустойчивымъ состояніемъ во время обдумыванія. Пока продолжается обдумываніе, ни одна мысль или влеченіе не можетъ утвердиться въ душѣ; какъ только кончилось обдумываніе одной мысли, является противоположность ей съ притязаніемъ на вниманіе. Отъ этой борьбы чувствованій и влеченій возникаетъ болѣе или менѣе мучительное безпокойство и раздвоенность души, которая иногда можетъ сдѣлаться даже мотивомъ рѣшенія.

*) Какъ говорятъ, дорога въ адъ вымощена хорошими намѣреніями (не рѣшеніями).—Въ датскомъ уголовномъ законѣ дѣлается различіе между *намѣреннымъ убійствомъ*, которое наказывается каторгою, и *обдуманнмъ убійствомъ* за которое приговариваютъ къ смерти (§ 186 и § 190). Еще яснѣе выражено отношеніе между намѣреніемъ и обдумываніемъ въ нѣмецкомъ уголовномъ законѣ, который различаетъ между *убійствомъ съ обдуманнмъ намѣреніемъ* и *убійствомъ безъ обдуманнаго намѣренія* (§§ 211—212).

Рѣшеніе—высшая форма воли. Оно опредѣляется преимущественно изнутри, а не отдѣльнымъ ощущеніемъ или представленіемъ. Влеченіе знаетъ всего одну возможность, одинъ мотивъ; воля въ собственномъ смыслѣ развивается путемъ взаимодействія или борьбы нѣсколькихъ мотивовъ и возможностей. Часто ея опредѣленіе выходитъ далеко за предѣлы даннаго момента, болѣе того—за предѣлы всей дѣйствительности индивидуума, но все-таки сказывается въ сознаніи индивидуума, находитъ въ немъ опору. Психологическое пониманіе волевого акта основывается на возможности подмѣтить и шагъ за шагомъ прослѣдить ходъ развитія индивидуума до самаго момента его дѣйствія, причѣмъ каждый отдѣльный переходъ объясняется общими психологическими законами. Это, конечно, идеаль; но приближеніе къ нему служить предположеніемъ всякаго психологическаго изслѣдованія и практической жизни и дѣйствія людей.

2. Воздѣйствіе воли на познаніе и чувство.

Такое воздѣйствіе бываетъ на всѣхъ стадіяхъ развитія воли. Тутъ мы входимъ въ цѣлую сѣть психологическихъ процессовъ, которой намъ нѣтъ возможности разобрать и осмотрѣть. Мы должны быть довольны, если отыщемъ нѣкоторыя руководящія точки зрѣнія. Здѣсь, ссылаясь относительно элементарныхъ явленій на предыдущіе отдѣлы, мы преимущественно обратимъ вниманіе на то, какъ развитая воля можетъ опредѣляющимъ и руководящимъ образомъ вліять на познаніе и чувство.

а. Воздѣйствіе воли на познаніе. При дѣятельности представленія и мышленія, точно такъ же какъ и при движеніи, направленномъ наружу, природа является къ намъ на помощь раньше, чѣмъ мы можемъ относиться къ этому съ сознаниемъ. Непроизвольная дѣятельность образуетъ основу и содержаніе произвольной. Воля нигдѣ не создаетъ, а всегда только измѣняетъ и выбираетъ.—Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

1) Какъ показано выше, мы добираемся до воспріятія дѣйствительности лишь путемъ разныхъ разочарованій. Предразсудки, страсти и неясныя наблюденія легко сбиваютъ насъ съ толку. Кромѣ того, могутъ иногда возникнуть произвольныя галлюцинаціи и иллюзіи, съ которыми приходится вести ожесточенную борьбу, если только душевные устои невредимы. Такъ одинъ пациентъ 27 лѣтъ боролся съ галлюцинаціями, которыя вводили его въ искушеніе наложить руку на кого-нибудь другого. Даже

лучшіе его друзья ничего не подозрѣвали, пока однажды онъ не сознался, что ему больше нѣтъ мочи, и сталъ разспрашивать о лѣчебницѣ для душевно-больныхъ. — Наоборотъ, нѣкоторые лица могутъ намѣренно вызывать галлюцинаціи; но съ ними часто бываетъ то, что было у Гете съ «Ученикомъ волшебника»: призраки получаютъ уже такую силу, что ихъ никакъ нельзя отогнать *).

Ходъ воспоминаній и представленій подчиненъ опредѣленнымъ законамъ. Когда мы намѣренно вызываемъ или удаляемъ извѣстныя представленія, то это совершается только по тѣмъ же законамъ, точно такъ же какъ только по законамъ внѣшней природы мы можемъ ее видоизмѣнять и подчинять своимъ цѣлямъ. Внимательство воли въ ходъ представленій предполагаетъ, что обнаруживается исканіе, интересъ. Если надо задержать или устранить представленіе, то этого можно достигнуть только косвенно, по «законамъ забыванія» (V В, 8d). Если требуется вызвать представленіе, то прежде должна пробудиться потребность, должно показаться желаніе или влеченіе имѣть представленіе, что предполагаетъ неопредѣленное представленіе о его мѣстѣ или связи съ другими представленіями. Если изъ двухъ представленій *a* и *b*, находящихся между собой въ связи, *b* исчезло или же намъ не извѣстно, хотя мы замѣчаемъ, что здѣсь есть мѣсто, которое должно быть заполнено, то сосредоточеніе вниманія на *a* сдѣлаетъ его центромъ ассоціаціи (VI F, 1): сначала будутъ взбираться на верхъ представленія, которыя въ большей или меньшей степени ассоціированы съ *a*, и мы безпрестанно пренебрегаемъ ими, пока не явится то, которое находится въ опредѣленномъ отношеніи къ *a*, въ которомъ должно находиться искомое представленіе. Воля даетъ первый толчекъ и, по мѣткому выраженію Гольдшмидта **), сверлитъ; но когда уже просверлено, то струя воды должна пробиться собственной силой, и тогда намъ остается только сравнивать съ искомымъ то, что прорывается.

Вліяніе воли на жизнь представленій является, какъ и ея вліяніе на тѣлесныя движенія, въ двухъ формахъ: — обособленія и сочетанія. Въ представленіяхъ можетъ происходить отчасти

*) *Brierre de Boismont*: Des hallucinations, 3-е изд., стр. 27, 427 и слѣд., 525.

**) *Goldschmidt*: Erindringer (воспоминанія) I, стр. 183 и сл.

разложеніе невольныхъ соединеній, отчасти образованіе новыхъ. Обработка, которой должны подвергнуться представленія, чтобы стать понятіями, совершается тѣмъ и другимъ способомъ.

Подобное сверленіе и произвольное вмѣшательство можетъ быть необходимо, но оно не всегда ведетъ къ такому цѣнному результату, какъ произвольные проблески. Желаемыя мысли и фантазіи отличаются обыкновенно болѣе отвлеченнымъ и блѣднымъ характеромъ, чѣмъ тѣ, которыя всплываютъ «сами собой». Мышленіе идетъ лучше всего, когда «намъ думается».

2) Въ моральномъ отношеніи очень важно, что мысли и идеи, лежащія въ основаніи поведенія, становятся предметомъ *повторнаго* размышленія и обдумыванія *). Въ силу этого они получаютъ больше почвы въ сознаніи, такъ что ихъ легче вызвать при измѣнчивыхъ условіяхъ жизни, и они труднѣе отгѣсняются впечатлѣніями и аффектами минуты. Въ то же время они выигрываютъ въ ясности и связности и потому больше годятся для того, чтобы руководить поступками.

3) Кромѣ того, что воля въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ такимъ путемъ приобрѣтаетъ прямое или косвенное вліяніе на ходъ представленій, *развитіе воли* вообще дѣйствуетъ на жизнь мыслей, придавая ей больше прочности и ясности. Твердое намѣреніе, которое проводится рѣшительно и безъ колебаній, очищаетъ всю умственную атмосферу и прогоняетъ туманъ, окутывающій мысль: благодаря рѣшенію въ центрѣ сознанія выступаетъ только одно представленіе, и всѣ другія должны или дать дорогу, или подчиниться ему. Отъ этого образуется прочная связь въ сознаніи. Послѣдовательность мысли и твердость характера въ близкомъ родствѣ между собою.—И только благодаря твердому хотѣнію становится возможнымъ настоящее *самосознаніе*. Что проявляется въ единствѣ и связи воспоминанія и въ непосредственномъ самочувствіи, то завершается волевымъ актомъ, гдѣ дѣйствуютъ всѣ элементы сознанія съ сплоченными силами. Въ нашихъ рѣшеніяхъ и волевыхъ актахъ рельефнѣе всего выступаетъ реальное единство нашего я (VB, 5); посредствомъ нихъ мы лучше и отчетливѣе всего изучаемъ самихъ себя.

в. *Воздѣйствіе воли на чувство.* Могло бы казаться, будто

*) Ср. James Sully: О нѣкоторыхъ элементахъ нравственнаго самовоспитанія (Sensation and Intuition, Лондонъ 1874).

непроизвольное возникновение и развитие составляет такую особенность чувства, что здѣсь немислимо вмѣшательство воли. Дѣятельность воли здѣсь также не имѣетъ прямого вліянія, какъ и при теченіи представленій, и то, что она можетъ сдѣлать, конечно, еще болѣе ограничено и обусловлено, чѣмъ при этихъ послѣднихъ. Но все-таки практически и теоретически очень интересно видѣть, какіе здѣсь открыты пути.

1) Даже если мы не можемъ воспрепятствовать, чтобы въ насъ возникло чувство, мы все-таки, быть можетъ, въ состояніи помѣшати его распространенію, задерживая органическое движеніе, которое связано съ чувствомъ, и посредствомъ котораго оно само себя усиливаетъ. Въ этомъ главнѣйшѣмъ образомъ состоитъ искусство самообладанія, тогда какъ оно не можетъ прямо касаться чувства на его первой стадіи. Съ другой стороны борьба съ чувствомъ можетъ также содѣйствовать тому, что оно глубже внѣдряется въ природу человѣка. Что же будетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ,—это зависитъ отъ характера человѣка; но, конечно, всегда на нѣкоторое время окажется ослабляющее дѣйствіе, если удерживаться отъ изліяній и выраженій.

Наоборотъ чувство можно возбудить въ себѣ, если сначала вступишь въ положеніе, соотвѣтствующее чувствуванію, вызываешь соотвѣтствующіе жесты и движенія. Дикари воспаляютъ себя къ борьбѣ быстрой пляской. Если принимать участіе во внѣшнихъ церемоніяхъ, то это, по мнѣнію *Паскаля*, можетъ послужить къ дѣйствительному обращенію въ вѣру. Несомнѣнно, что получается совершенно другое настроеніе, когда сжимаешь руки въ кулакъ, чѣмъ когда ихъ складываешь вмѣстѣ, — когда простираешь руки, чѣмъ когда ихъ прижимаешь къ груди. Характерная противоположность видна особенно между настроеніемъ во время напряженія мускуловъ и настроеніемъ во время ослабленія ихъ.—Такимъ путемъ людей въ гипнотическомъ состояніи экспериментаторъ приводитъ въ различныя настроенія*). *Кампанелла* утверждалъ, что, подражая жестамъ и движеніямъ другихъ, очень хорошо можно сжиться съ ихъ чувствами. Незнакомецъ, войдя къ нему, засталъ его за письмомъ съ точно такимъ же выраже-

*) *Carbenter: Mental physiology*, стр. 602—605.—*Preyer: Die Entdeckung des Hypnotismus*, стр. 36—41, 85.

нієм на лицѣ, какое обыкновенно было у человѣка, къ которому онъ писалъ *).

2) Измѣненіе внѣшнихъ жизненныхъ условій можетъ помѣшать возникновенію многихъ чувствъ или во всякомъ случаѣ лишить ихъ пищи. Сила обычаевъ и учрежденій основывается на вліяніи жизненныхъ отношеній, и политическія реформы являются косвенными реформами жизни чувства. Даже наши повседневныя привычки и окружающая среда часто имѣютъ здѣсь большое значеніе. Ставя самихъ себя въ опредѣленныя условія, мы можемъ усилить или затормозить возникновеніе извѣстныхъ чувствованій. Многое, до чего прямо наша воля не можетъ добиться, достигается, если мы связываемъ себя въ такой степени, что уже послѣ не въ нашей власти получить свободу. Есть какъ тѣлесная, такъ и умственная гигиена.

3) Если чувства нельзя измѣнить такими способами, то все же это можетъ удасться благодаря тому, что вниманіе направляется на другую цѣль. Если же тутъ долженъ быть собственный внутренній починъ, то это предполагаетъ, что чувство минуты не завладѣваетъ всѣмъ сознаніемъ. Воля не можетъ «сверлить» безъ опредѣленныхъ точекъ опоры. Такимъ образомъ первое условіе то, чтобы были поиски, чтобы сдѣлался «голодь и жажда». Если человѣкъ весь уходитъ въ настоящее состояніе минуты, если онъ сытъ и веселъ, то тутъ нѣтъ мѣста новому чувству. Но индивидуумъ по временамъ можетъ имѣть потребность измѣнить свое чувство, хотя и не въ силахъ обойтись безъ посторонней помощи. Такъ *Лихтенбергъ* желалъ себѣ «перваго дифференціала толчка», чтобы обуздать свою ипохондрию.

Чувства, основа которыхъ въ напряженіи воли, конечно, всѣ принадлежать къ идейнымъ. Воля развиваетъ жизнь чувствованій посредствомъ законовъ сочетанія представленій. Эти законы дѣлаютъ возможнымъ, что за новымъ представленіемъ, которое удерживается, хотя и противорѣчить преобладающему чувству, скоро слѣдуетъ нѣсколько другихъ. Чувствованія, которыя легче всего вспоминаются и менѣе всего страдаютъ отъ повторенія, очень легко и вызываются путемъ внутренняго усилія. Представленія, благодаря своей большей подвижности, становятся орудіемъ

* Vita Campanellae. Autore E. S. Cypriano, Амстерд. 1722, стр. 45. Ср. объ этомъ также *Burke: On the sublime and beautiful*, ч. 4, отд. 4.—*Fechner: Vor-schule der Aesthetik I*, стр. 156 слѣд.

воли. То, что я дѣлаю своею постоянною мыслью, понемногу будетъ опредѣлять мое чувствованіе. Конечно, такія чувствованія, какъ и произвольно вызванныя представленія, становятся живыми не такъ легко, какъ возникающія произвольно.

Чтобы получить господство надъ жизнью чувствъ, нужно пользоваться промежутками между сильными возбужденіями чувствъ. Воспитаніе здѣсь по необходимости должно предшествовать самовоспитанію, и даже когда мы забираемъ все въ свои руки, часто, чтобы опять не опуститься, мы нуждаемся въ помощи («дифференціалы толчков»).

4) Ясное пониманіе причинъ чувства дѣйствуетъ на него, проясняя и очищая его. Поэтому стремленіе понять чувство, овладѣвшее мною, даетъ мнѣ возможность отнести къ нему свободнѣе. — Чувство обыкновенно отличается неопредѣленностью, которая составляетъ часть его силы, и которая можетъ исчезнуть передъ яснымъ познаніемъ, какъ проказы нечистой силы передъ свѣтомъ Божьяго дня. — Стремленіе чувства къ тому, чтобы найти объясненіе и оправданіе, ведетъ, какъ мы видѣли (VI F, 4c), къ построенію и развитію цѣлыхъ теорій и гипотезъ; когда ясное познаніе можетъ достигнуть такой силы, что открывается ничтожество такихъ теорій, то это оказываетъ обратное дѣйствіе на чувствованіе. — Но особенно важно пониманіе причинъ возникновенія чувства. Всѣмъ извѣстно, что сознаніе неизбежности скорби смягчаетъ ее. Больше всего знаніе причины дѣйствуетъ на такія чувствованія, какъ ипохондрія, которыя даютъ пищу иллюзіямъ и недовѣрію. *Кантъ* превозмогъ свою ипохондрію, «которая въ юные годы граничила съ отвращеніемъ къ жизни», узнавъ, что причина ея — впалая и узкая грудь. «Тоска у меня осталась, — говоритъ онъ *), — потому что причина ея лежитъ въ моей тѣлесной организаціи. Но я овладѣлъ ея вліяніемъ на мои мысли и дѣйствія, благодаря тому, что отклонялъ вниманіе отъ этихъ чувствованій, какъ будто они меня не касались». *Лихтенбергъ* рассказываетъ, что онъ чувствовалъ себя лучше, когда во время своей нервной болѣзни затыкалъ уши пальцами, потому что тогда въ болѣзненномъ шумѣ онъ видѣлъ нѣчто вызванное искусственно.

*) Въ небольшомъ сочиненіи: Von der Macht des Gemüths, durch den blossen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein (изд. Кербаха, стр. 26).

Лишь когда познаніе ведетъ къ убѣжденію въ прочномъ порядкѣ вещей, съ которыми мы со всѣми нашими желаніями и заботами сраслись до такой степени, что ихъ законы являются законами и нашей жизни,—въ такомъ только случаѣ проложена дорога смиренію. Есть люди, которые, вмѣсто того чтобы чувствовать изо дня въ день «уколы и толчки бѣшеной судьбы», вслѣдъ за *Спинозой* и *Гете* разъ навсегда рѣшились смириться. «Они убѣждаются въ вѣчности, необходимости и законности и стараются образовать себѣ такія понятія, которыя остаются навсегда, болѣе того—такія, которыя не только не терпятъ ущерба отъ того, что принимаютъ въ расчетъ преходящее, но скорѣе еще находятъ себѣ въ немъ подтвержденіе» *). Подобное смиреніе можетъ имѣть характеръ то отчаянія, то довѣрія, то юмора, то унынія,

с. Благодаря своему вліянію на познаніе и чувство, *воля дѣйствуетъ обратно на самое себя*. Представленія и чувствованія—мотивы воли, и такимъ образомъ, какъ видно изъ только что изложеннаго, наши мотивы могутъ сдѣлаться объектомъ воли. Въ этомъ смыслѣ можно хотѣть собственную волю. — Это можетъ имѣть и другое значеніе. Мы въ состояніи ставить себѣ задачу выработать способность къ рѣшенію, къ завершенію внутренней борьбы и соображеній. — Наконецъ хотѣть волю можетъ также значить, что хочется удержать и провести свое рѣшеніе, не позволяя сломить его настроеніямъ, всплывающимъ позже. Это примѣнимо особенно тогда, когда избранная цѣль требуетъ цѣлаго ряда средствъ, разнаго рода отдѣльныхъ дѣйствій. Хочется *a* и поэтому хочется также *b, c, d. . .*, и выполненіе всѣхъ этихъ вторичныхъ рѣшеній становится возможнымъ только отъ того, что удерживается главное рѣшеніе, и подавляются мотивы, которые могли бы вести въ другихъ направленіяхъ.

Никогда воля не бываетъ чѣмъ-то законченнымъ или полагающимъ абсолютное начало. Невозможно указать на такую точку, гдѣ восприимчивость, пассивность вполне давала бы мѣсто активности, или наоборотъ. Никакому психологическому скапелю, какъ бы остръ онъ ни былъ, и какъ бы увѣренно имъ ни дѣйствовать, не удастся провести линію, которая раздѣляетъ манящую

*) Aus meinem Leben, кн. 16.—*Спиноза*: Этика V, 20, схолія (ср. также De intellectu emendatione, начало).

силу фантазії и чувства отъ произвольнаго почина. Отношеніе между об'ѣими сторонами можетъ измѣняться до безконечности, но ни одна изъ нихъ не исчезаетъ когда бы то ни было вполнѣ. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ перваго и послѣдняго, а только отношеніе безконечнаго взаимодействія между дѣйствіемъ и страданіемъ *).

3. Противоположность между волею и другими элементами сознанія.

Высшее развитіе воли возможно только благодаря вліянію познанія и чувства. Но во время перехода низшихъ формъ воли въ высшія можетъ случиться застой и упадокъ вслѣдствіе отсутствія гармоніи между различными элементами сознанія. Здѣсь главнымъ образомъ дѣйствуетъ общій законъ задержки (II, 4с, 6е; VII А, 3): *ощущенія, представленія и чувства, которыя не могутъ слиться съ даннымъ мотивомъ дѣйствія, имѣютъ склонность подавить и оттъснить его.*

Когда дѣтямъ приходится учиться ходить, то существенной опорой является самоувѣренность. Дѣйствіе идетъ легче, когда есть сильная увѣренность въ удачѣ. Порывистость, которою начинается всякая жизнь сознанія, служитъ выраженіемъ инстинкта самосохраненія, и благодаря ей становится возможнымъ вполнѣ сосредоточиться на дѣйствіи. Всякое размышленіе и сомнѣніе ослабляетъ и во всякомъ случаѣ является началомъ того періода, когда энергія распадается и дробится. Ребенокъ, пожалуй, можетъ ходить, если ему ничего не говорить; но онъ качается и падаетъ, если вниманіе дробится между различными впечатлѣніями. Воля по своей природѣ всегда должна быть ограничена. Ея объектомъ бываетъ та или другая отдѣльная вещь, а мысли и чувствованія, связанныя съ чѣмъ-нибудь другимъ, должны всегда въ большей или меньшей степени ослаблять волю. Поэтому новыя воззрѣнія, открывающія широкія сферы и горизонты, могутъ не рѣдко вначалѣ вызвать упадокъ энергіи, такъ что между объектомъ и силою возникаетъ обратное отношеніе. Если имѣть въ виду только силу, то инстинктъ и авторитетъ являются, очевидно, первыми опредѣленіями воли. Здѣсь прямо и увѣренно намѣчается путь; будущее почти теряетъ отпечатокъ возможности. Напротивъ, въ просвѣщеніи и рефлексіи всегда есть опас-

*) Ср. V А, 7; В, II.—VI С, 8; F, 2.

ность, такъ какъ интересъ и энергія дѣлится и дробится, и индивидуумъ лишенъ абсолютнаго спокойствія и убѣжища внутри своего ограниченнаго горизонта. Все сводится къ тому, можетъ-ли инстинктивная воля превратиться въ разумную волю такой же энергіи, точно такъ же какъ въ жизни чувствованій требуется развить идейныя чувства до такой же силы, какою обладаютъ физическія. По мнѣнію многихъ, въ неграхъ со времени ихъ освобожденія замѣчается упадокъ, и сильное недовѣріе къ результатамъ религіозной и политической свободы можно объяснить тою же причиною.

Отъ этого можетъ получить освѣщеніе и то, что самоубійства—это, повидимому, фактъ—становятся чаще съ развитіемъ цивилизаціи, свободы и просвѣщенія. Инстинктъ и влеченіе не уравниваютъ цѣнности жизни, такое равновѣсіе бываетъ, лишь когда проснется рефлексія, но это еще не значитъ, что результатъ ея будетъ благоприятенъ. Чѣмъ больше развивается жизнь мыслей и чувства независимо отъ воли, тѣмъ легче возникаетъ вялость и дряблость, какъ, напр., въ средніе вѣка такъ называемая ацеція (*animi remissio, mentis enervatio*). Подъ нею понимали мрачное уныніе, ложившееся тяжестью на душу и отымавшее способность къ дѣйствию; его причисляли къ главнымъ грѣхамъ въ противоположность надеждѣ, которая относилась къ главнымъ добродѣтелямъ. Въ новѣйшее время подобное чувство тоже, конечно, не рѣдкость, и оно-то и заставляетъ сейчас же сдаваться, какъ только встрѣтится малѣйшее сопротивление. Очень естественно, что оно возникаетъ въ переходные періоды, когда инстинктъ и авторитетъ утратили всю свою властную силу, а новой основы еще не отыскано.—Само собою разумѣется, здѣсь играетъ большую роль индивидуальныя темпераменты. Гдѣ онъ съ самаго начала отличается пассивнымъ характеромъ съ особенною склонностью къ чувству недовольства, тамъ скорѣе бываетъ гибель во время перехода отъ инстинкта къ рефлексіи. Нѣкоторыя натуры больше другихъ склонны къ самонаблюденію и къ рефлексіи надъ собою. Ихъ представленія въ такомъ случаѣ легко переходятъ съ объекта влеченія и интереса къ разсмотрѣнію того, какъ на ихъ чувство повліяло бы достиженіе этого объекта (ср. VII, В, 1а); вмѣсто того, напр., чтобы искать счастье въ работѣ надъ опредѣленною задачею, они мудрятъ надъ вопросами, въ самомъ-ли дѣлѣ ихъ осчастливитъ рѣшеніе задачи. *Стюарту Миллю* въ

своей юности пришлось испытать кризисъ, возникшій именно такимъ образомъ. Отсюда онъ вывелъ такое заключеніе: «счастливъ только тотъ, кто направилъ свой взоръ на что-нибудь другое, а не на свое счастье. Задачу жизни надо видѣть не въ счастье, а въ цѣли, лежащей внѣ его»^{*)}. Это самозабвеніе вытекаетъ само собою тамъ, гдѣ царитъ инстинктъ; до него легко дойти и тамъ, гдѣ укоренившіяся идеи и образы завладѣваютъ духомъ съ силою, не ослабляемою ни сомнѣніемъ, ни критикою; но гораздо труднѣе достигается такое самозабвеніе въ переходные періоды, когда все подвергается критикѣ и рефлексіи.

Шекспировскій Гамлетъ представляетъ знаменитый типъ подобной переходной стадии. Въ немъ поэтъ изобразилъ жизнь мыслей и чувства своего я и своего вѣка, и однако перенесъ его въ такое время, когда вѣрятъ въ чистилище, а кровавая месть является долгомъ. Будь это даже только слѣдствіемъ того, что сохранены остовъ и основныя черты древняго сказанія, хотя характеръ главнаго дѣйствующаго лица измѣненъ, все же тотъ Гамлетъ, какимъ онъ является передъ нами въ трагедіи, живетъ жизнью мыслей и чувствъ, какая не подходитъ къ поставленной ему задачѣ. Амлетъ по сказанію, сохраненному *Саксономъ Грамматикомъ*, не имѣетъ ни малѣйшихъ сомнѣній, хотя онъ поступаетъ довольно осмотрительно. Каждый шагъ своего сложнаго плана онъ дѣлаетъ съ полной увѣренностью, руководимый инстинктомъ самосохраненія и местию. Гамлетъ отличается благоразуміемъ и остроуміемъ Амлета, но не дѣйствуетъ такъ безоглядно, хотя для того, чтобы дѣйствовать, у него условія гораздо благоприятнѣе, такъ какъ, по его собственному выраженію, у него есть «основаніе и охота, сила и средства» для дѣйствія. Что въ Орестѣ у *Эсхила* (и немного сильнѣе — черта очень замѣчательная — у *Эврипида*) является только намекомъ, именно сомнѣніе и колебаніе въ рѣшеніи, то всецѣло составляетъ характеръ Гамлета. Правда, ему нельзя отказать въ недостаткѣ энергии и въ способности къ рѣшенію, такъ какъ въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ выказываетъ достаточное присутствіе духа; но въ его существѣ видна двойственность, склонность погружаться въ размышленія и чувстваванія; они, конечно, вызываются его положеніемъ и задачею, но однако

^{*)} *St. Mill: Autobiography*, стр. 142 (рус. перев. подъ ред. *Благовѣтлова*, Спб. 1874).

далеко отклоняють его отъ этой задачи и требуютъ нѣкоторой части энергіи, которая у Амлета и Ореста идетъ прямо на дѣйствіе. Онъ самъ высказываетъ это: «такъ сознание дѣлаетъ изъ всѣхъ насъ трусовъ; прирожденная живость рѣшенія хирѣетъ отъ блѣдности мысли». Не безъ основанія въ Гамлетѣ видятъ представителя людей новѣйшаго времени, если считать особенностью этого времени пробужденіе рефлексіи, которая пытливо направлена на инстинктъ и авторитетъ. Вопросъ въ томъ, можно-ли вмѣсто утраченной увѣренности достигнуть новой?

Первоначально собственный интересъ воли и дѣйствія требуетъ, чтобы былъ промежутокъ между обнаруженіемъ мотива и рѣшеніемъ. Въдь вообще сознание возникаетъ только тогда, когда раздраженіе не прямо вызываетъ движеніе (см. IV, 4, 6). Во время промежутка мотивамъ приходится бороться между собою, чтобы въ концѣ концовъ на дѣйствіи сказалась сокровенная сущность души. Но эта игра возможности можетъ имѣть для души привлекательную или устрашающую силу, такъ что душа теряется, не прибѣгая къ рѣшенію и дѣйствію. Вотъ гдѣ путь къ безумію. «Пока страсть не утрачиваетъ своего первоначального, дѣятельнаго характера, она рѣдко влечетъ за собою безуміе, потому что въ такомъ случаѣ она именно-то и требуетъ высшаго обнаруженія силъ разума и воли, вслѣдствіе чего разумъ и воля взаимно сохраняютъ себя на пути здраваго смысла. Только пассивная страсть, которая выражается въ пустомъ томленіи, суетномъ стремленіи, въ глупой надеждѣ или въ трусливой боязливости, — только она служитъ корнемъ безумія» *). Особенный родъ душевной болѣзни (*folie hésitante, folie du doute*) состоитъ въ томъ, что на самыя простыя дѣйствія, совершаемыя въ нормальномъ состояніи чисто механически, направлено безконечное размышленіе и безконечное сомнѣніе **).

Поэтому важно вернуться изъ міра возможностей къ тому, что необходимо въ силу обстоятельствъ. Это ограниченіе и стѣсненіе требуетъ смиренія. Хотѣть значить связывать себя съ чѣмъ-нибудь вполне определеннымъ. Поэтому обдумываніе, какъ бы ни были извилисты его пути, въ концѣ концовъ должно привести къ простой точкѣ отпавленія, непосредственно данной въ нашей

*) *Ideler*: Biographien Geisteskranker, стр. 156.

**) *Maudsley*: Pathologie de l'esprit, стр. 332.

собственной природѣ; надо достигъ чего-нибудь такого, что уже есть. Послѣ дробленія должно начаться сплоченіе. Уже *Аристотель* говоритъ: «если постоянно обдумывать, то этому не будетъ конца. Каждый перестаетъ изслѣдовать, какъ ему надо поступить, когда онъ свелъ принципъ къ самому себѣ» *). Если воля здорова, то несомнѣнно можно найти такой принципъ или начало (*αρχή*). Несчастіе человѣка сомнѣвающегося и мечтателя состоитъ въ томъ, что онъ никакъ не можетъ разобраться въ самомъ себѣ **).

Разладъ между волею и другими сторонами сознанія можетъ возникнуть также оттого, что воля развивается до чрезмѣрной степени силы, не сохраняя естественнаго отношенія къ мышленію и чувству. Противоположность Гамлету можно видѣть въ *Донъ-Кихотъ*. Его рвеніе, съ которымъ онъ дѣйствуетъ и борется за добро и помогаетъ страждущимъ, вѣчно увлекаетъ его впередъ подъ вліяніемъ фантастическихъ идей, такъ что онъ не даетъ себѣ времени подвергнуть ихъ основательному разбору. Онъ такъ ревностно преданъ дѣлу, что только на смертномъ одрѣ видитъ міръ, какъ онъ есть. Въ видѣ другаго примѣра противоположности Гамлету можно бы привести *Лассалю* (по характеристикѣ *Брандеса*). Сила его воли не имѣла естественнаго примѣненія и полного исхода, соотвѣтствующаго ея интенсивности. Вотъ отчего она приняла сумасбродную форму и привела его къ повибели. «Болѣзнь, сведшая его въ могилу, была—чрезмѣрный избытокъ воли». Такіе характеры служатъ примѣромъ рѣзкаго волевого темперамента, который, благодаря обстоятельствомъ, получилъ слишкомъ одностороннее направленіе.

*) Этика Ник. III, 5 (по изд. Беккера 1113 а). Это сосредоточеніе или возвращеніе къ активной точкѣ отпаденія можетъ совершиться вдругъ. Такъ по *Плутарху* размышленіе Цезаря оканчивается аффектомъ, когда онъ вѣрится будущему и переходитъ Рубиконъ (*μετὰ θυμῶν τινος ὡππερ ἀφείκεται ἐκ τοῦ λογισμοῦ πρὸς τὸ μέλλον*, Цезарь, гл. 22).

**) Приемы опіума вызываютъ недостатокъ инициативы, ослабляютъ способность почина и предприимчивость. *Де-Кинси*: Признанія опіофага (дат. пер.), стр. 157: «опіофагъ никоимъ образомъ не теряетъ своего нравственнаго сознанія, высокихъ стремленій и завѣтовъ; онъ желаетъ и хочетъ такъ же горячо, какъ и прежде, осилить, что онъ считаетъ возможнымъ или въ чемъ видитъ требованіе долга; но его взглядъ на возможное безконечно превышаетъ его способность не только къ тому, чтобы исполнять дѣйствія, но и къ тому, чтобы дѣлать какія-нибудь попытки».

4. Сознаніе воли.

а. Признакомъ собственно хотѣнія въ противоположность инстинкту оказалось то, что мы знаемъ, чего хотимъ, и сознаемъ цѣль и содержаніе воли. Но мы не подымали еще вопроса, откуда же мы знаемъ, что мы хотимъ, или что собственно въ насъ бываетъ, когда мы чего-либо хотимъ.

При явленіяхъ познанія и чувства не было никакого основанія задавать подобный вопросъ. Ощущенія, представленія и чувствованія—это такіе элементы сознанія, которые выступаютъ съ полною ясностью. Но не такъ легко прямо подмѣтить элементы воли. То, что мы испытываемъ въ своемъ сознаніи въ моментъ хотѣнія, можно при ближайшемъ изслѣдованіи свести къ элементамъ познанія и чувства. Во влеченіи дано чувство удовольствія или недовольства, нѣкоторая тревога, вызываемая смутными ощущеніями движенія, а также болѣе или менѣе отчетливое представленіе цѣли движенія. Въ рѣшеніи, этомъ типическомъ выраженіи настоящей воли, даны мысль объ избранной цѣли и пригодныхъ для ея достиженія средствахъ, а также чувство удовольствія при мысли объ осуществленіи цѣли и болѣе или менѣе живое ощущение напряженія и сосредоточенія. Такимъ образомъ ни при влеченіи, ни при рѣшеніи въ нашемъ внутреннемъ опытѣ не выступаетъ такихъ элементовъ, которыхъ не встрѣчалось бы и въ другихъ явленіяхъ сознанія. Особенность рѣшенія, этой самой отчетливой формы воли, состоитъ въ сосредоточеніи или обостренности вслѣдствіе того, что на возможное дѣйствіе мы смотримъ, какъ на свое собственное. До дѣйствительнаго выполненія дѣйствія мы узнаемъ (перцепируемъ) въ немъ часть своего я. Мы присвоиваемъ или предваряемъ дѣйствіе, видимъ совершившійся актъ въ томъ, что съ внѣшней стороны является только еще возможностью. Въ противоположность внутреннему дѣйствію, выражающемуся путемъ рѣшенія, есть много измѣчивыхъ желаній и фантазій, являющихся только возможностью дѣйствія.

б. Но тутъ предъ нами встаетъ вопросъ о дѣйствительности въ области внутренняго опыта. Какой можно представить критерій, что дѣйствительно *возникло хотѣніе*, что произошло внутреннее дѣйствіе? Какъ мы отличаемъ здѣсь возможность (желаніе и фантазію) отъ дѣйствительности (рѣшенія)?

Сосредоточенность отличается отъ расширяемости лишь по степени. Во всякомъ живомъ желаніи есть и извѣстная сосредото-

точность. Между желаніями и рѣшеніями существуетъ такое же отношеніе, какъ между туманными пятнами и сложившимися системами звѣздъ. Но здѣсь не такъ-то легко убѣдиться, какъ далеко ушло образованіе. Если внѣшнее дѣйствіе не слѣдуетъ за внутреннимъ, то какъ я въ такомъ случаѣ могу быть увѣренъ, что я дѣйствительно хотѣлъ? Здѣсь-то и видно, что у насъ совсѣмъ нѣтъ мѣрки для душевныхъ силъ.—Рѣшеніе является завершеніемъ внутренней борьбы. Но гдѣ же у насъ можетъ быть увѣренность, что борьба не начнется снова, такъ что рѣшеніе, можетъ быть, страдаетъ «блѣдностью мысли»? А если это такъ, то что же это рѣшеніе, какъ не простое желаніе?

На практикѣ мы здѣсь полагаемся на свое непосредственное чувство. Мы думаемъ, будто прямо можемъ замѣчать въ себѣ рѣшимость. Мы чувствуемъ особенное, активное ожиданіе, чувствуемъ, что приладили къ извѣстному движенію. Люди, по своему положенію вынуждаемые къ твердымъ и неизмѣннымъ постановленіямъ (наприм., военные и судьи), приобрѣтаютъ въ этомъ отношеніи больше увѣренности, чѣмъ другіе,—конечно, нерѣдко только въ кругу своей профессіи.—Полной увѣренности никогда нельзя достигнуть *). Здѣсь мы можемъ дойти только до *практической вѣры* въ самихъ себя, опирающейся лишь на нашъ опытъ и знаніе нашего характера. Во всякомъ случаѣ мы получаемъ выводъ, а не непосредственный фактъ, какъ ошущеніе, мысль или чувство.

Хотя на практикѣ и проводятъ рѣзкую границу между желаніями и рѣшеніями, но съ другой стороны слышится признаніе, что очень трудно познавать самого себя. Нигдѣ не бываетъ такой путаницы и иллюзій, какъ въ вопросѣ о возможности и дѣйствительности въ области внутренней природы. Нигдѣ не

*) Въ мастерскомъ психологическомъ анализѣ, которому *Достоевскій* подвергаетъ рѣшеніе Раскольникова совершить убійство, хотя, съ одной стороны, и подчеркивается, что былъ моментъ, когда мысль объ убійствѣ казалась ему какимъ-то призракомъ (мысль объ убійствѣ «теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ. . . Ему стукнуло въ голову, и потемнѣло въ глазахъ»), но съ другой стороны отмѣчена «одна особенность по поводу всѣхъ окончательныхъ рѣшеній, уже принятыхъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Они имѣли одно странное свойство: чѣмъ окончательнѣе они становились, тѣмъ безобразнѣе, нелѣпнѣе тотчасъ же становились и въ его глазахъ». Уже передъ самымъ совершеніемъ убійства «окончательнымъ своимъ рѣшеніемъ онъ продолжалъ всего менѣе вѣрить».

проявляется такъ легко и опасно предвѣряющее и реализирующее вліяніе чувства (VI F, 4 а), какъ здѣсь, гдѣ нѣтъ внѣшняго контроля. Многие смотрятъ на себя, какъ на великихъ героевъ воли, потому что они постоянно носились съ «великими рѣшеніями», хотя эти рѣшенія никогда не получали осязательной и прозаической формы внѣшнихъ дѣйствій. Поэтому здѣсь должна происходить постоянная критика въ такомъ же родѣ, какъ въ области фактовъ внѣшней природы (см. V D). Сознаніе воли, нашей внутренней дѣйствительности, такъ же лишено непосредственности, какъ и сознаніе внѣшней дѣйствительности. Признакомъ дѣйствительности въ области какъ внутренней, такъ и внѣшней природы служить *прочная связь отдѣльныхъ опытовъ.* Отдѣльное воспріятіе или одно отдѣльное чувство можетъ основываться на иллюзіи. Всякое представленіе объ активности мы получаемъ путемъ вывода; опытъ даетъ только результаты активности. Поэтому сознаніе воли никогда не бываетъ непосредственнымъ и простымъ.

Примѣръ лучше выяснитъ это отношеніе. Одну женщину поймали въ саду, куда она прокралась вечеромъ, чтобы поджечь домъ соперницы. На судѣ она заявила, что еще до ареста ей въ голову пришли другія мысли. Хотя она по чистой совѣсти могла дать клятву, что *не подошла бы домъ*, даже если бы ее и не поймали, однако она не отважилась поклясться, что уже тогда *оставила свое намѣреніе и рѣшила уйти*, не исполнивъ его *)! Здѣсь ясно выступаетъ разница между *заключеніемъ*, выведеннымъ при помощи самосознанія изъ всего состоянія духа, и *непосредственнымъ сознаніемъ* того, что совершается въ данный моментъ. Заключение можетъ быть достовѣрнымъ, хотя нельзя того же сказать про непосредственное сознаніе.

Этическое воззрѣніе здѣсь вполнѣ согласуется съ психологическимъ, высказывая свой судъ какъ надъ мыслями и желаніями, такъ и надъ рѣшеніями и дѣйствіями. Но точно такъ же съ другой стороны этическое воззрѣніе вполнѣ справедливо основывается на томъ, что наша внутренняя сущность заключается въ волѣ. Если трудно съ полной ясностью и отчетливостью находить волю въ каждомъ отдѣльномъ явленіи, то это именно и

*) Случай этотъ подробно описанъ у *Bischoff*: Merkwürdige Kriminal-Rechtsfälle I, стр. 457—474.

объясняется тѣмъ, что воля не начинается съ какого-либо отдѣльнаго момента, но мелькаетъ съ самаго начала сознательной жизни въ каждомъ соединеніи представлений, въ каждомъ движеніи чувства. Въ рѣшеніи сосредоточивается энергія, которая— правда, не въ такой интенсивной формѣ— есть во всякомъ познаніи и во всякомъ чувствѣ. Психологія воли обнимаетъ поэтому собственно всю область сознательной жизни (ср. IV, 7 е). Такъ называемыя явленія воли служатъ только завершеніемъ процесса, который тянется черезъ всю жизнь сознанія.

5. Воля и бессознательная душевная жизнь.

а. Относительно воли еще съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ другія формы душевной жизни, можно сказать, что ее нельзя вполне понять, пока мы будемъ держаться свѣтлой стороны сознанія. Даже если наши рѣшенія и поступки опредѣляются мотивами, вытекающими изъ нашей собственной внутренней природы, то это еще вовсе не значитъ, что они всегда ясно доходятъ до нашего сознанія. Правда, въ такихъ случаяхъ мы знаемъ, что мы хотимъ, и чего мы хотимъ, но не знаемъ ясно, *почему* мы этого хотимъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ (см. III), есть цѣлая скала переходовъ отъ бессознательнаго къ сознательному. Въ каждый моментъ въ центрѣ сознанія находится, конечно, одна мысль, одно настроеніе, а всѣ другія мысли и чувства данной минуты погружаются въ область бессознательнаго. Какъ другіе, такъ и мы лучше всего понимаемъ то, что опредѣляется постоянной мыслью и вытекаетъ изъ господствующаго чувства. Но вовсе нѣтъ надобности, чтобы то, что одинъ или нѣсколько разъ занимало центръ сознанія, — чтобы оно и на самомъ дѣлѣ непремѣнно коренилось въ сокровенной глубинѣ нашей природы. *Центръ индивидуальности* не всегда совпадаетъ съ центромъ сознанія. А когда приходится дѣйствовать, то не удивительно, если совершается то, что поражаетъ какъ зрителей, такъ и само дѣйствующее лицо. Можетъ всплыть что-нибудь такое, чего до тѣхъ поръ никогда не было въ сознаніи, и чего индивидуумъ, пожалуй, и не признастъ своимъ.

Природа съ самаго начала даетъ намъ толчекъ впередъ, и уже при пробужденіи сознанія мы видимъ себя въ дѣятельности. Только постепенно сознаніе можетъ приобрести вліяніе на (внутреннюю или наружную) дѣятельность, но это вліяніе никогда не бываетъ полнымъ. Самопроизвольный позывъ къ движенію, реф-

лкторныя и полусознательныя движенія, сопровождающіяся смутнымъ чувствомъ, всегда сохраняютъ извѣстную самостоятельность, даже и послѣ того, какъ завѣдомо взяла верхъ сознательная мысль. То же самое происходитъ съ рядами произвольныхъ представлений и волненій. Безсознательность и произвольность принимаетъ то или другое участіе при всякомъ сознательномъ хотѣніи и по временамъ даетъ открытый отпоръ. Таковы, напр., смутныя побужденія, — ихъ, конечно, знаетъ каждый, — разбить тотъ или другой предметъ, прервать серьезную рѣчь или вообще ни съ того, ни съ сего сдѣлать что-нибудь бессмысленное. Это явленіе называли «антилогіей воли» *). Противъ разумной воли поднимается непонятное намъ самимъ влеченіе, съ которымъ обыкновенно удается сладить, но иногда съ большимъ трудомъ. Подобныя явленія доказываютъ ту истину, что мы узнаемъ свой характеръ только по своимъ дѣйствіямъ. Такъ какъ наша природа или нашъ характеръ обширнѣе той небольшой части, которая ярко освѣщена сознаниемъ, и такъ какъ наши поступки никогда не могутъ исполнѣть и всесторонне выказать нашу природу передъ нами самими и передъ другими, то всегда остается возможность новыхъ свѣдѣній.

Пока безсознательныя влеченія къ дѣятельности держатся того же направленія, какъ и сознательныя мысли и чувства, до тѣхъ поръ они не замѣчаются. Ихъ сила сливается съ силой сознательныхъ мотивовъ, которымъ мы и отдаемъ честь или позоръ всего поступка. Мы чувствуемъ себя свободными и нестѣсненными въ своей дѣятельности. Только когда эти влеченія идутъ наперекоръ цѣли сознательнаго стремленія, мы замѣчаемъ, что мы съ чѣмъ-то въ себѣ не совладали, да никогда—во всякомъ случаѣ теперь—и не совладаемъ. Внутренняя раздвоенность, чувство сопротивленія является въ то же время и чувствомъ несвободы.

Такое чувство несвободы часто означаетъ переходъ къ высшей ступени волевой жизни. Оно является условіемъ, чтобы можно было произнести сужденіе надъ нашимъ прежнимъ хотѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока наша воля работаетъ со всей полнотой энергіи, до тѣхъ поръ нѣтъ мѣста оцѣнкѣ или сужденію, но мы идемъ по прямой линіи все впередъ и впередъ. Промежутокъ во-

*) Spitta: Die Willensbestimmungen und ihr Verhältniss zu den impulsiven Handlungen, Тюбингенъ, 1881.

времени, о которомъ шла рѣчь раньше, здѣсь является во всемъ своемъ значеніи. Онъ можетъ вызвать остановку, колебаніе или дисгармонію духа, но необходимъ для высшаго развитія. Онъ же можетъ повести даже къ полному осужденію и порицанію прежняго направленія воли. И если въ воспоминаніи мы возвращаемся къ такимъ временамъ, когда въ насъ боролись противныя силы, то мы часто склоняемся на сторону побѣжденной. Въ *досады и раскаяніи* мы сознаемъ, что потерпѣла пораженіе лучшая, разумная часть нашего я. Какъ раздумье можетъ повести къ тому, что теряешься въ безконечной рефлексіи, такъ раскаяніе можетъ повести къ болѣзненному терзанію тѣмъ, чего нельзя уже передѣлать. Но въ раскаяніи чувствуется естественное влеченіе къ высшему развитію, пробуждающееся, какъ и всякое влеченіе, благодаря контрасту между идеаломъ и дѣйствительностью. Самоуниженіе и самопрезрѣніе, къ которымъ можетъ вести раскаяніе, были бы невыносимы, если бы какъ разъ само раскаяніе не указывало на то, что въ насъ есть благородство. Что ранитъ, то и лѣчитъ. Это самоуниженіе имѣетъ большое психологическое и этическое значеніе: это знакъ, что мы готовы отдѣлаться отъ того направленія воли, которое господствовало до сихъ поръ, все равно какъ послѣ душевной болѣзни признакомъ выздоровленія служитъ признаніе, что былъ боленъ.

в. Если строго эмпирически оставаться только при томъ, что въ сознаніи и до его пробужденія, обнаруживается до и во время дѣйствія, то нельзя доказать примѣнимости закона причинности къ области воли или вообще къ области душевной жизни. Законъ причинности здѣсь, какъ и вездѣ, служитъ только предположеніемъ, постулатомъ, съ которымъ мы подступаемъ ко всякому изслѣдованію. Если мы вообще что-нибудь понимаемъ, то это только благодаря тому, что находимъ причинную связь, и слѣдовательно, если мы хотимъ понять жизнь воли, мы должны также допустить, что законъ причинности можетъ найти себѣ тутъ такое же приложеніе, какъ и въ другихъ областяхъ. Это мнѣніе говоритъ само за себя и не можетъ быть опровергнуто. Въ самомъ дѣлѣ, даже тамъ, гдѣ нельзя найти никакого, даже гипотетическаго объясненія, естественнѣе всего предположить, что или причины лежатъ такъ глубоко, или обстоятельства, при которыхъ онѣ дѣйствуютъ, такъ запутаны, что мы ихъ не въ силахъ подмѣтить. Таковъ выводъ, который мы дѣлаемъ во всякой области

изслѣдованія, когда намъ не хватаетъ объясненія. И психологическое наблюденіе тоже не можетъ привести къ другому выводу. Возможно, что оно представляетъ такія явленія, причины которыхъ мы не можемъ найти, но по существу дѣла оно никогда не можетъ привести къ результату, что *нѣтъ* причины для того, что не поддается объясненію.

Психологія, какъ и всякая другая наука, должна быть детерминистическою, т.-е. она должна исходить изъ предположенія, что законъ причинности приложимъ и къ жизни воли, подобно тому, какъ допускается, что онъ имѣетъ значеніе для всей остальной сознательной жизни и для матеріальной природы. Если это предположеніе имѣетъ границы, то онѣ совпадаютъ съ границами самой психологіи.—Но, оставивъ въ сторонѣ эти принципиальныя разсужденія, не трудно показать, какъ существенно важно признаніе причинной связи въ области воли.

1) Много путаницы произошло отъ того значенія, какое придавалось слову *мотивъ*. Если подъ мотивомъ понимать опредѣляющую силу, которая отлична отъ насъ самихъ, отъ нашей природы, то легко показать, что утверждающій зависимость всякой воли отъ мотивовъ, дѣлаетъ ее рабою чего-то внѣшняго. Мы сами въ этотъ случаѣ рабы языка, по которому мотивы дѣйствуютъ на насъ, какъ гири, накладываемыя на чашку вѣсовъ. Но мотивомъ, силой, возбуждающей волю, въ дѣйствительности *всегда бываемъ мы сами въ известной формѣ или съ известной стороны.* Нашими мотивами служатъ известныя представленія, известныя чувства, безъ которыхъ невозможно никакое опредѣленное хотѣніе; и всякое хотѣніе должно быть направлено на что-нибудь опредѣленное, должно имѣть опредѣленное содержаніе или цѣль. Содержаніе или цѣль охватывается представленіемъ и опредѣляетъ чувство, и то, что мы называемъ хотѣніемъ, есть служеніе этой цѣли или содержанію, актъ, который, какъ мы видѣли, въ своей простѣйшей формѣ проявляется въ томъ какъ мы прилаживаемся къ выполненію известнаго движенія (VII А, 6а).

Но мотивы опредѣлены не только нашей природой, но и нашими прежними хотѣніями и дѣйствіями. Какъ мы не разъ подчеркивали, произвольныя и произвольныя дѣйствія находятся въ необычайно сложномъ взаимодействіи. Наши волевые акты и поступки имѣютъ значеніе не только своими внѣшними

проявленіями,—они вліяють также на нашу непроизвольную, бессознательную жизнь, производя въ ней всякаго рода преобразованія. Уже то обстоятельство, что чувство разъ нашло себѣ выходъ, можетъ имѣть рѣшающее значеніе на способъ, какимъ оно проявится въ слѣдующій разъ; тутъ оно можетъ найти или помѣху, или подкрѣпленіе, или новое направленіе. Это открываетъ возможность болѣе или менѣе сознательнаго (хотя, конечно, шагъ за шагомъ обоснованнаго) воздѣйствія на мотивы. Благодаря этому воля можетъ сама себя воспитывать (ср. VII В, 2). Чего тутъ можетъ достигнуть въ этомъ отношеніи индивидуумъ, это зависитъ отъ его усилій и можетъ быть опредѣлено только экспериментальнымъ путемъ. Въ комъ не пробудилось влеченія или желанія, тотъ, конечно, этого даже не попробуетъ.

2) Детерминизмъ утверждаетъ непрерывность въ развитіи сознательной жизни, принимая причинную связь и въ области воли. Индетерминизмъ, т.-е. ученіе о томъ, что бываютъ волевые акты, для которыхъ нѣтъ причинъ, совсѣмъ разрываетъ внутреннюю связь и непрерывность сознательной жизни. Намъ предстоитъ выборъ между двумя воззрѣніями: законъ причинности долженъ или имѣть силу, или оставаться безъ приложенія, непрерывность или должна быть, или ея быть не должно. И совершенно безразлично, какъ великъ перерывъ въ причинности. Тутъ передъ нами вопросъ принципиальный. Грузъ, привязанный къ веревкѣ, падаетъ на землю, перерѣжемъ-ли мы веревку въ одномъ или во многихъ мѣстахъ. Волевой актъ безъ причины представлялся бы чѣмъ-то чуждымъ, безъ всякаго отношенія къ природѣ я. Здѣсь, какъ не разъ уже и въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, мы опять наталкиваемся на психологическое воззрѣніе, которое въ большей или меньшей степени, болѣе или менѣе послѣдовательно разлагаетъ сознательную жизнь на рядъ или сумму членовъ, атомовъ или моментовъ, которые не имѣютъ между собой ничего общаго. Въ противоположность этому всегда старались доказать, что подобный недостатокъ причинности проявляется только тамъ, гдѣ сознание или не достигло полного развитія, или начинаетъ распадаться. Что касается въ частности воли, то здѣсь не мѣшаетъ только напомнить, что намѣреніе и рѣшеніе связаны съ воспоминаніемъ, и что поэтому нельзя допускать правилъ и законовъ, которые имѣли бы силу для воспоминанія и ассоціаціи

представленій, но не годились бы для воли. Далѣ, если воля тѣсно связана съ воспоминаніемъ, то это значить, что она связана съ я, съ формальнымъ и реальнымъ единствомъ сознанія (V В, 5). Поступокъ безъ причины не можетъ исходить отъ я; оба понятія: *самоопредѣленіе* и *свобода отъ закона причинности*, которыя часто считаются равнозначными, уничтожаютъ другъ друга, какъ только слову я придается опредѣленное значеніе.

Съ этимъ согласно то, что тѣмъ яснѣе можно понять волю, чѣмъ выше она развита. Энергичные, точно вылитые характеры мы можемъ понимать, потому что у нихъ всякое проявленіе и поступокъ опредѣляется мыслями и чувствами, рельефно рисуемыми характеръ. И такіе особенно выработанные характеры сами обыкновенно склоняются на сторону детерминистическаго воззрѣнія (стоики, кальвинисты, англійскіе философы). Гдѣ недостижимо психологическое пониманіе, тамъ мы обыкновенно стоимъ передъ тревожнымъ броженіемъ и дикою необузданностью, т.-е. какъ разъ передъ тѣмъ, что составляетъ противоположность самоопредѣленію и истинному хотѣнію. Если ужъ угодно видѣть въ психической области что-нибудь не подверженное закону причинности, то это, пожалуй, можно бы найти прежде всего въ безсвязныхъ представленіяхъ (въ «погонѣ за идеями») и въ мимолетныхъ выдумкахъ безумныхъ и идіотовъ. Но въ такой жизни сознанія какъ разъ царитъ несвобода; тутъ нѣтъ *свободы*, если понимать это слово не въ смыслѣ свободы отъ закона причинности, а въ томъ естественномъ смыслѣ въ которомъ его употреблялъ уже *Сократъ*, именно въ смыслѣ сосредоточенія и самостоятельности воли, вслѣдствіе чего человѣкъ въ теченіе всей своей жизни всегда находится въ согласіи съ своими завѣтными убѣжденіями и глубокими чувствами. Въ этомъ смыслѣ свобода — цѣль, къ которой стремится духовное развитіе; это — противоположность не необходимости, а случайности и слѣпой силѣ.

3) Индетерминизмъ идетъ наперекоръ не только психологіи, но и физиологіи, вступая въ непримиримое противорѣчіе съ принципомъ сохраненія энергіи въ области органической природы. Кто признаетъ хотѣніе безъ причины, тотъ и для функцій мозга и нервной системы долженъ допускать возникновеніе безъ причины.

4) Эти доводы такъ тяжеловѣсны, что индетерминизмъ все

больше и больше отказывался отъ какого бы то ни было теоретическаго обоснованія и оправданія и теперь ссылается главнымъ образомъ на нравственные доводы. Сторонники индетерминизма поняли, что объясняя дѣйствія, не поддающіяся другому объясненію, волей, предполагаемой для этой цѣли и не подверженной закону причинности, они только замазываютъ свое незнаніе, совершенно такъ же, какъ это было при ссылкѣ на жизненную силу для объясненія органическихъ явленій. Напротивъ, въ индетерминизмѣ видятъ предположеніе нравственной отвѣтственности и вмѣняемости. Разъясненіе этого—скорѣе дѣло этики, чѣмъ психологіи *).

Здѣсь не мѣшаетъ сдѣлать одно только замѣчаніе. Въ чувствѣ отвѣтственности и въ раскаяніи самою по себѣ заключается только то, что индивидуумъ признаетъ, что хотѣлъ дѣйствія, а также то, что онъ осуждаетъ его, такъ какъ выработалъ лучшее убѣжденіе. Представленіе, что можно было бы поступить иначе, чѣмъ поступилъ, обнаруживается не у всѣхъ индивидуумовъ, и гдѣ оно сказывается, тамъ его надо объяснять частію какъ метафизическое предположеніе, смѣшанное съ психологическимъ опытомъ, частію какъ иллюзію. Эта иллюзія возникаетъ естественнымъ путемъ, когда съ новымъ убѣжденіемъ и съ искреннимъ желаніемъ поступить иначе живо переносишься въ самый моментъ дѣйствія, не будучи однако въ состояніи замѣтить и уяснить себѣ всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ.

С. Индивидуальный характеръ.

1. Всякая сознательная жизнь индивидуальна. Воспоминаніе и мышленіе, удовольствіе и страданіе, влеченіе и рѣшеніе—все это предполагаетъ общій внутренній центръ. Задача психологіи—представить элементы, формы и законы, общіе всякой сознательной жизни. Но въ дѣйствительности они проявляются въ бесконечно разнообразныхъ сочетаніяхъ и отбѣнкахъ. Общая, отвлеченная индивидуальность, о которой говоритъ психологія,—это только схема, выполняемая на разные лады въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Этого разнообразія не можетъ исчерпать общая психологія; это—дѣло жизненнаго опыта, искусства, преимуще-

*) См. послѣднюю главу моего сочиненія: Die Grundlage der humanen Ethik.

ственно поэзіи, и исторіи. Психологія должна только намѣтить нѣкоторыя *типическія различія*, обусловленныя отношеніемъ различныхъ душевныхъ элементовъ и формъ дѣятельности.

Во-первыхъ, характерная разница будетъ зависѣть отъ того, беруть-ли въ индивидуумѣ верхъ элементы познанія, или элементы чувства, или элементы воли. Затѣмъ въ каждомъ отдѣльномъ разрядѣ господствующихъ элементовъ можетъ въ свою очередь существовать извѣстное направленіе, получающее перевѣсъ. Такъ въ области познанія противоположностями являются чувственное воспріятіе и мышленіе; въ чувственномъ же воспріятіи—различныя чувства (ср., напр., разницу между дарованіями живописца и музыканта), а въ мышленіи—сочетанія сходства и смежности. Въ области чувства большое значеніе имѣетъ противоположность между физическими и идейными чувствами; затѣмъ противоположность между удовольствіемъ и недовольствомъ, эгоизмомъ и симпатіей. Наконецъ, что касается воли, то есть лица, которыя руководятся преимущественно инстинктомъ и влеченіемъ, тогда какъ другія съ трудомъ пробираются черезъ цѣлый рядъ рѣшеній. У нѣкоторыхъ воля выступаетъ главнымъ образомъ въ качествѣ задержки, у другихъ больше всего проявляется положительная и творческая дѣятельность воли.—И ко всѣмъ этимъ различіямъ въ каждой отдѣльной области присоединяются еще различія въ силѣ, быстротѣ и объемѣ.

Уже съ древнихъ временъ психологія придавала особенный вѣсъ врожденнымъ наклонностямъ чувства, опредѣляющимъ основной тонъ духовной жизни, каково бы ни было ея направленіе. Какъ *талантъ*, такъ и *характеръ* опредѣляется *темпераментомъ*, подобно тому, какъ чувство по отношенію къ познанію и волѣ занимаетъ центральное мѣсто. Темпераментъ опредѣляется органическимъ складомъ и обнаруживается въ чувствѣ жизни, этомъ основномъ настроеніи, овладѣвающимъ душой независимо отъ извѣстныхъ внѣшнихъ опытовъ. Темпераментъ—одна изъ главнѣйшихъ составныхъ частей реального я (V B, 5), это—уровень чувства въ индивидуумѣ (VI E, 2). Какъ основа, данная съ самаго рожденія, онъ обусловливаетъ родъ и способъ, какимъ воспринимаются всѣ опыты индивидуума, а слѣдовательно, родъ и способъ его воздѣйствія на внѣшній міръ.

Уже въ древности *Галенъ* установилъ ученіе о четырехъ темпераментахъ, соотвѣтственно четырѣмъ элементамъ Эмпедокла и

четыремъ органическимъ сокамъ Гиппократъ. Физиологическая теорія, на которую опиралось ученіе о темпераментахъ, давно уже оставлена. Обыкновенно за основаніе принимаютъ теперь, вслѣдъ за *Галлеромъ*, раздражительность. Такимъ образомъ различія въ темпераментахъ зависятъ отъ различія силы, быстроты и живости при воспріятіи и сохраненіи внѣшнихъ впечатлѣній. *Кантъ* различалъ темпераменты чувства и дѣятельности: къ темпераментамъ чувства относятся легкокровный (сангвиническій) и тяжелокровный (меланхолическій), а къ темпераментамъ воли — теплокровный (холерическій) и холоднокровный (флегматическій). Въ новѣйшее время *Вундтъ* положилъ въ основаніе отношеніе силы и быстроты душевнаго волненія и такимъ образомъ другимъ путемъ пришелъ къ старому дѣленію: холерическій темпераментъ (сильно и быстро), меланхолическій (сильно и медленно), сангвиническій (слабо и быстро) и флегматическій (слабо и медленно)*).

Какъ ни существенна эта точка зрѣнія, такъ какъ раздражительность или способность реагировать является основнымъ свойствомъ всего живого, но въ старомъ дѣленіи на четыре темперамента оставлена безъ вниманія склонность къ одной изъ двухъ великихъ противоположностей въ жизни чувства, которыми, однако, опредѣляется окраска и характеръ всего настроенія. Къ старымъ четыремъ темпераментамъ можно бы поэтому добавить веселый и мрачный темпераментъ. И эта противоположность гораздо важнѣе той, которая лежитъ въ основаніи первыхъ четырехъ темпераментовъ, такъ какъ она коренится въ основныхъ условіяхъ индивидуальнаго организма. Удовольствіе или недовольство, какъ мы видѣли, соотвѣтствуютъ, вообще говоря, подъему или упадку жизненнаго процесса (VI D). Физиологически противоположность между веселымъ и мрачнымъ темпераментомъ, кромѣ того, указываетъ на вліяніе растительныхъ функций на мозгъ, тогда какъ первые четыре темперамента надо сводить къ большей или меньшей легкости, съ которою внѣшнія раздраженія приводятъ въ дѣятельность центральные органы нервной системы**).

*) *Кантъ*: Anthropologie, 2-е изд., стр. 255 и слѣд.—*Вундтъ*: Phys. Psych. II, стр. 347 и сл.

**) *James Sully*: Pessimism, a history and a criticism, Лондонъ 1877, стр. 405—414.

2. *Происхожденіе индивидуальнаго характера* заставляетъ вернуться къ происхожденію отдѣльнаго организма. Мы имѣли уже случай по другому поводу (VI С, 3) упомянуть, какъ рано образуется зародышъ новаго организма. Когда оплодотвореніе совершилось и начинается ростъ, то результатъ въ каждый отдѣльный моментъ рѣшается отношеніемъ между внутреннимъ ростомъ и дифференцировкой съ одной стороны, а съ другой — между *механическими условіями*, при которыхъ совершается развитіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ крайне трудно сказать, обусловлено-ли образованіе формы внутренними процессами, или вліяніемъ «механическихъ моментовъ». Часто возникаютъ уродливости изъ первоначально здороваго зародыша, если его развитіе идетъ ненормально*).—И послѣ рожденія большое значеніе приобрѣтаютъ физическія условія (пища, климатъ и т. под.). Тѣлесное уродство, наприм., ведетъ и къ умственному уродству, и статистика доказываетъ вліяніе внѣшнихъ условій на поступки людей. Но относительно каждаго отдѣльнаго индивидуума сила внѣшнихъ условій постоянно видоизмѣняется отъ внутреннихъ, съ которыми индивидуумъ вступаетъ во внѣшній міръ. Слѣдовательно, тутъ всегда предполагается индивидуальность.

То же относится и къ *соціальнымъ* причинамъ. Подражаніе, воспитаніе, авторитетъ играютъ очень большую роль въ умственномъ развитіи каждаго индивидуума. Даже *Фихте*, такъ односторонне и энергически защищавшій внутреннюю первоначальность личности, ея способность къ самоопредѣленію, и тотъ не можетъ объяснить развитія высшихъ степеней изъ низшихъ, не предполагая внѣшняго вліянія, хотя бы оно ограничивалось однимъ только толчкомъ. При умственномъ ростѣ еще труднѣе выдѣлять внутреннія и внѣшнія вліянія, чѣмъ при тѣлесномъ. Тогда какъ нѣкоторые думаютъ, что индивидуальность дана съ самаго начала, такъ что пережитое, испытанное и изученное получаетъ совершенно второстепенное значеніе, другіе иногда (какъ *Гельвецій*, а въ новѣйшее время *Стюартъ Милль*) выводили различныя духовныя способности изъ различнаго воспитанія. Этому противорѣчитъ фактъ, что воспитаніе преимущественно дѣй-

*) *Kölliker*: Entwicklungsgeschichte des Menschen, 2-е изд., стр. 385 и сл.—
Panum: Bidrag til Kundskab om Misfostrenes fysiologiske Betydning (къ вопросу о физиологическомъ значеніи уродовъ), Копенгагенъ 1877 (программа), стр. 70 и слѣд.

ствуєть на посередственності. Возникновеніє большихъ различій, не смотря на одинаковое воспитаніє, точно такъ же показываєть, что всегда обнаруживается врожденная основа.

Болѣе глубокую точку зрѣнія даетъ намъ *наслѣдственность*. Органическіе индивидуумы возникаютъ путемъ размноженія. Зародыши новыхъ организмовъ развиваются изъ прежнихъ, и такъ какъ оказывается, что новые организмы въ большей или меньшей мѣрѣ наслѣдуютъ качества старыхъ, то естественно допустить, что возникновеніе и свойства индивидуальности обязаны корню, отпрыскомъ котораго она является. Свойства, необъяснимыя физическими и социальными причинами, можетъ быть, найдутъ себѣ объясненіе, если обратиться къ прежнему поколѣнію. Что непонятно въ особи, можетъ стать яснымъ въ родѣ. Нѣтъ такой индивидуальной черты, которой нельзя было бы освѣтить съ какой-либо стороны, если изучать исторію рода. Подобное изслѣдованіе затрудняется и запутывается оттого, что наслѣдственность развѣтвляется до безконечности, и иногда можетъ сдѣлать скачокъ черезъ нѣсколько поколѣній (атавизмъ)*. Что разъ осѣло въ человѣческомъ организмѣ, того не такъ-то легко искоренить. Это взаимодействіе между устойчивымъ типомъ (который, даже прекратившись, можетъ появиться вновь благодаря атавизму), т.-е. свойствами, вкореняющимися отъ скрещиванія, и между свойствами, приобрѣтенными отъ приспособленія къ новымъ жизненнымъ условіямъ, отъ навыка и страданія, — открываетъ виды на безконечно разнообразныя комбинаціи и синтезы.

Наслѣдственность въ родѣ часто сравнивали съ памятью отдѣльнаго человѣка. Но какъ память не сохраняетъ всего, что бываетъ въ жизни человѣка, а потому и не объясняетъ многого, точно такъ же наслѣдственность — больше ничего, какъ стремленіе природы сохранять приобрѣтенное. Какъ далеко идетъ эта склонность, и въ какой степени она способна преодолѣть новыя отношенія и опыты, — это вопросъ, который приходится ставить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Поэтому эмпиризмъ, выводящій содержаніе и особенности сознанія изъ индивидуальнаго жизненнаго опыта, всегда удерживаетъ подъ собой почву. Въ родѣ, какъ и въ индивидуальномъ сознаніи, есть два теченія, двѣ склон-

*) Выраженіе „атавизмъ“ впервые употребилъ *Дюшенъ* относительно растений. *Proper Lucas*: Traité phyl. et physiol. de l'hérédité naturelle, Парижъ 1847—50. II, стр. 43. — Уже *Аристотель* зналъ это явленіе. *Hist. anim.* VII, 6 (по изд. Беккера 585 b). *De gener. anim.* I, 18, (722 a).

ности (ср. V B, 2), которыя могутъ находиться въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ между собою. Цѣлый особый классъ индивидуальныхъ отличій основанъ какъ разъ на томъ, играетъ-ли больше роли при образованіи характера первоначально данная организація, или опытъ жизни. Такъ сангвиническій и холерическій темпераменты допускаютъ больше вліянія со стороны внѣшнихъ воздѣйствій, чѣмъ меланхолическій и флегматическій.

Не касаясь здѣсь ближе теорій наслѣдственности, мы отмѣтимъ лишь нѣсколько общихъ выводовъ*). — 1) Чѣмъ глубже что-либо зашло въ организацію, тѣмъ легче оно наслѣдуется. То, что приобрѣтено недавно, находится въ неустойчивомъ равновѣсіи и легко исчезаетъ отъ скрещиванія. — 2) Физическія качества наслѣдуются легче душевныхъ, простые таланты — легче такихъ, которые основаны на взаимодействіи нѣсколькихъ душевныхъ способностей. Легче всего наслѣдуются инстинкты, затѣмъ склонности чувства и качества внѣшнихъ чувствъ, а затѣмъ уже умственные способности. — 3) Наслѣдуются только элементарныя формы и предрасположенія. Такимъ образомъ то, что прирождено, отличается большею или меньшею неопредѣленностью, и отъ индивидуальнаго опыта зависитъ степень и направленіе его развитія.

3. Физическія, социальныя и унаслѣдованныя отношенія являются элементами, изъ которыхъ воздвигается индивидуальность. Нашъ опытъ не даетъ намъ другихъ областей, гдѣ бы мы могли отыскать камней для этой постройки. Только чисто мистическій путь позволилъ бы обойти нескончаемыя изслѣдованія, необходимыя такимъ образомъ по отношенію ко всякой индивидуальности. Иногда индивидуальности приписывали абсолютную первоначальность, въ ней видѣли «первоположеніе», вѣчную «монаду». Если взять за основаніе такое предположеніе, то, конечно, отпадаетъ всякій вопросъ о происхожденіи индивидуальности. Но такое предположеніе произвольно и ненаучно. Конечно, можно сказать, что въ природѣ существуетъ законъ индивидуальности, такъ какъ развитіе во всѣхъ областяхъ отличается характеромъ дифференцировки, ведетъ къ образованію различій и индивидуальныхъ особенностей. Но именно задача изслѣдованія

*) Ср. Декандоль: „О вліяніи наслѣдственности, объ измѣнчивости и подборѣ въ развитіи человѣческаго рода» (въ сочиненіи *Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles*, 1873, стр. 308—408). — Ribot: *L'hérédité psychologique*, 2-е изд., Парижъ 1882 (рус. переводъ А. Черемшанскаго, Спб. 1884).

въ томъ, чтобы открыть элементы, изъ которыхъ образуются эти единицы, а также и законы, по которымъ онѣ возникаютъ. Изслѣдованіе можетъ и должно сознаться, что ему не удастся закончить съ индивидуальнымъ, что кое-что ускользаетъ отъ него, что индивидуальность является поэтому несоизмѣримою величиною, которую можно опредѣлить только приблизительно. Но важнѣе всего здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ уберечь эмпирическое изслѣдованіе отъ вліянія мистики и умозрѣнія.

Съ чисто психологической точки зрѣнія мы должны сдѣлать еще шагъ дальше. Если бы даже индивидуальный *организмъ*, который, не смотря на свою цѣльность и относительную замкнутость, все-таки не что иное, какъ собраніе клѣтокъ, можно было объяснить изъ элементовъ, его составляющихъ, а его происхожденіе было бы понятно на основаніи закона сохраненія энергіи, все же это не объяснило бы индивидуальнаго *сознанія*, образованія особаго центра воспоминанія, дѣйствія и страданія. Возможность возникновенія такого внутренняго центра — основной вопросъ всякаго нашего познанія. Каждую отдѣльную черту, каждое отдѣльное качество мы, можетъ быть, въ состояніи объяснить силой наслѣдственности и вліяніемъ опыта; но внутреннее единство, къ которому приводятся всѣ элементы, и благодаря которому индивидуальность является *психической* индивидуальностью, представляется для насъ вѣчною загадкою. Какъ замѣчено уже раньше, мы не въ состояніи провести въ области духа что-нибудь подобное закону сохраненія энергіи. Психическая индивидуальность — одна изъ фактическихъ границъ науки.

4. Въ новѣйшее время наслѣдственностью пытались объяснить не только индивидуальныя, семейныя и расовыя свойства, но также формы и характерныя признаки всякаго сознанія. Еще до появленія гипотезы *Дарвина* о происхожденіи видовъ *Гербертъ Спенсеръ* (въ первомъ изданіи *Principles of Psychology* 1855) установилъ теорію, что основныя формы и силы сознанія развились въ силу того, что предки примѣнялись къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ имъ приходилось жить. Поэтому формы мышленія и чувства, типичныя для человѣческаго рода, априорны относительно отдѣльнаго индивидуума, т.е ихъ нельзя вполне объяснить его опытомъ, но этотъ опытъ обусловливается первоначальной основой. Напротивъ, эти формы находятъ себѣ объясненіе, если обратиться къ безконечному ряду опытовъ цѣлаго рода, которые онъ дол-

женъ былъ продѣлать въ теченіе своей жизни. Такимъ образомъ, что для индивидуума *a priori*, то для рода было бы *a posteriori*.

Эта гипотеза является попыткой дать новое направление спору апіоризма и эмпиризма и признать должное за тѣмъ и другимъ. Апіоризмъ правъ по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, тогда какъ эмпиризмъ примѣнимъ къ роду. При прежнемъ обсужденіи вопроса (ср. споръ между *Локкомъ* и *Лейбницею*, *Юмомъ* и *Кантомъ*, *Стюартомъ Миллемъ* и *Юэллемъ*) обращалось вниманіе собственно на индивидуальное сознаніе. Спенсеръ покинулъ одну изъ самыхъ передовыхъ позицій эмпиризма, чтобы съ тѣмъ большей энергіей занять болѣе умѣренное мѣсто, куда старому эмпиризму мѣшала вступить его узкая точка зрѣнія.

Эта попытка разрѣшенія вопроса вызываетъ однако недоумѣнія двоякаго рода.

Во-первыхъ, *родъ*—*собирательное понятіе*. Въ каждый данный моментъ родъ состоитъ изъ извѣстнаго числа индивидуумовъ. Эти индивидуумы борются за существованіе, упражняютъ свои силы и приобрѣтаютъ отъ приспособленія къ жизненнымъ условіямъ извѣстную организацію, которая можетъ быть унаслѣдована слѣдующимъ поколѣніемъ. Сколько бы мы ни обращались назадъ, индивидуумы являются намъ всегда съ извѣстной организаціей,—значитъ, съ извѣстными формами и силами, которыя они приобрѣли не сами, слѣдовательно, съ чѣмъ-то для нихъ апіорнымъ. На всякой ступени великаго процесса развитія находится данная основа, которою опредѣляется дѣйствіе всѣхъ опытовъ. Итакъ и въ родѣ, и въ индивидуумѣ внѣшнее всегда должно предполагать внутреннее, приобрѣтенное должно обуславливаться первоначальнымъ складомъ. Это—основное отношеніе, которое повторяется постоянно.

Теорія Спенсера напоминаетъ мистическое ученіе *Платона* о познаніи, какъ воспоминаніи изъ прежняго существованія *). Конечно, между ними громадная разница. Тогда какъ Платонъ ту область нашего сознанія, которой нельзя вывести изъ нашего опыта, объясняетъ тѣмъ, что приобрѣтено до появленія нашего въ міръ, когда души въ обществѣ боговъ созерцали вѣчныя идеи,—по Спенсеру основаніе, на которомъ созидается наша ду-

*) Ср. мою статью о психологіи Платона въ *Tidsskrift for Filologi* (журналъ филологіи), Копенгагенъ 1876, стр. 209 и слѣд.

ховная жизнь, закладывается благодаря работѣ, страданіямъ и борьбѣ миллионѣвъ людей. Но какъ Платонъ, такъ и Спенсеръ упускаютъ изъ виду, что дѣло идетъ о принципиальномъ вопросѣ, и что если существованіе предполагаетъ a priori, то его же предполагаетъ и всякое предсуществованіе,—все равно, будемъ-ли мы представлять его себѣ мистически или реалистически. Абсолютно перваго и послѣдняго мы не можемъ достигнуть по природѣ нашего познанія. Основное отношеніе между внутреннимъ и внѣшнимъ, этотъ законъ всякой, а слѣдовательно и душевной жизни, служитъ только частнымъ примѣромъ всеобщаго закона отношенія. Изъ одного принципа, изъ одного только предположенія, какъ уже было указано раньше (V D, 5), нельзя получить никакого результата.

Во-вторыхъ, надо выдѣлять *психологическую точку зрѣнія и точку зрѣнія теоріи познанія*. Психологически гипотеза развитія большой шагъ впередъ. Она открываетъ намъ широкій горизонтъ и виды на разъясненіе, которые до сихъ поръ были для насъ закрыты. Какъ психологически, такъ и физиологически вполнѣ оправдывается и все болѣе доказывается плодотворность принципа, что необъяснимое въ особи объясняется въ родѣ. Но съ точки зрѣнія *теоріи познанія* дѣло представляется нѣсколько иначе. Послѣдніе принципы, къ которымъ насъ ведетъ анализъ нашего познанія, являются также и послѣдними предположеніями, до которыхъ мы можемъ дойти. Всѣ объясненія, доказательства, гипотезы—слѣдовательно, и самая гипотеза развитія—основываются на этихъ предположеніяхъ. Какъ далеко идетъ эта логическая основа всякаго нашего знанія, — это вопросъ теоріи познанія, а не психологіи. Психологія есть частная наука, которая предполагаетъ всеобщіе принципы нашего познанія, но не можетъ объяснять ихъ значенія. Оплотомъ идеализма является *необходимость въ мышленіи, которая лежитъ въ основаніи всякой состоятельной реалистической гипотезы*. Какъ бы далеко мы ни зашли въ объясненіи человѣка при помощи міра, все-таки міръ мы опять объясняемъ человѣкомъ; ибо мы не можемъ идти дальше того, что для человѣка является необходимостью въ мышленіи.

У К А З А Т Е Л Ь.

А.

- Аграфія 167.
Активность и пассивность 55 и слѣд., 112 и слѣд., 135 и слѣд., 182 и слѣд., 198 и слѣд., 325 и слѣд., 348 и слѣд., 378, 389
Алкмеонъ 60.
Аристотель. Основатель эмпирической психологіи 30 и слѣд. Психологическое двухчастное дѣленіе 100. Развитіе высшихъ душевныхъ формъ изъ низшихъ 101. О симпатіи къ тѣмъ, которымъ оказано благодѣяніе 282. О мѣстѣ чувства 309. О біологическомъ значеніи чувства 314. Различіе между сатирой и комедіей 342. Завершеніе обдумыванія 394. Атавизмъ 408.
Ассоціація идей, см. сочетаніе представленій.
Ассоціаціонная психологія 56, 107, 178, 202 и слѣд.
Аффектъ 327.
Анедія 391.

Б.

- Безсознательная дѣятельность души 80 и слѣд. Безсознательность, какъ сознание въ возможности 92 и слѣд. Воля и безсознательная душевная жизнь 398.
Безкорыстные чувства 296.
Беконъ (Френсисъ), о знаніи и силѣ 246.

- Белль (Чарльзъ). Мозгъ, какъ мѣсто чувства 309.
Бенеке. О безсознательномъ 82. О расширяемости чувства 351 и слѣд.
Бень (Александръ). Количество нервныхъ клѣтокъ въ корѣ мозга 46. Самопроизвольное движеніе 149, 360. Воспріятіе пространства 222, 229. Чувства отношенія 323. Нейтральные чувства 333.
Беркъ. О высокомъ 336.
Бернаръ (Клодъ). О дѣйствіи кураре 13 и слѣд. Кровь какъ milieu intérieur 39. О точкѣ зрѣнія физиологіи 39 примѣч. О чувствительности, какъ качествѣ органической матеріи 93.
Бернулли 318.
Беръ (К. Э. ф.), о ростѣ и рожденіи 285.
Биша. О мѣстѣ чувствъ 309. О вліяніи повторенія 325.
Бонне о галлюцинаціяхъ 164. О волѣ 365.
Брандесъ (Георгъ) о характерѣ Ласалея 394.
Брехнеръ о безсознательномъ 85.
Брока объ органѣ рѣчи 46.
Бруссе 17, 69.
Брэдъ о моноидеизмѣ, какъ условіи гипнотизма 52.
Булье о самоулаженіи печалью 297.
Бурдахъ о психическомъ отношеніи впечатлѣнія 90.

В.

- Веберъ (Э. Г.) объ ощущеніяхъ различія 130, 140. Различная тонкость осязана на различныхъ частяхъ тѣла 136. Ощущеніе возникаетъ скорѣе чувства 255.
- Вивесъ (Людовикъ) 337, 339.
- Влеченіе и инстинктъ 104. Влеченіе и чувство 270. Влеченіе и воля 363, 374.
- Вилькенсъ 288.
- Вниманіе 107. Непроизвольное вниманіе 136 и слѣд., 366. Произвольное вниманіе 366. Вниманіе и сочетаніе представленій 182, 346 и слѣд.
- Возвышеное, чувство возвышеннаго 334 и слѣд., 344.
- Воля—начало и конецъ 111 и слѣд., 358. Волевой моментъ въ мышленіи 107 и слѣд., 199 и слѣд. Воля и чувство 111 и слѣд., 349 и слѣд., 368. Психологія воли 358—404 (см. оглавленіе). Физиологическое мѣсто воли 363 и слѣд. Влеченіе и воля 383. Воля и движеніе 359 и слѣд.
- Воображеніе, см. воспоминаніе и фантазія.
- Воспоминаніе, какъ основное душевное явленіе 54. Воспоминаніе не всегда доказываетъ сознательность воспріятія 82 и слѣд. Элементарное воспоминаніе 132. Связанное воспоминаніе 141. Свободное воспоминаніе 143. Воспоминаніе 160 и слѣд., 183. Живость образовъ воспоминанія 166 и слѣд. Условія воспоминанія 168 и слѣд. Отнесеніе воспоминаемаго къ опредѣленному времени 212. Воспоминаніе чувствъ 277 и слѣд. Воспоминаніе и воля 380, 402.
- Воспріятіе (перцепція) 140 и слѣд., 147 и слѣд.
- Время, воспріятіе его 211—218.
- Вундтъ о физиологическомъ времени 106, объ ассоціаціи цѣлаго и частей 175, объ апперцепціи (сознательномъ

вниманіи) 183, объ оцѣнкѣ времени 214, о воспріятіи пространства 230, 234, ощущеніе и чувство 256, аналогія ощущеній 354 и сл., центры движенія въ большомъ мозгу 364, физиологія вниманія 367, ученіе о температурахъ 406.

Выборъ, элементарный 138, 198. Сознательный выборъ 382.

Г.

- Галлюцинаціи 164 и слѣд., 238.
- Галль. Теорія локализаціи 46. Мозгъ—мѣсто чувства 309.
- Гальтонъ. Зрѣніе и зрительное воспоминаніе 167. О среднихъ представленіяхъ 191.
- Гамильтонъ (серъ Вильямъ). Обратное отношеніе между ощущеніемъ и воспріятіемъ 147. Основные законы сочетанія представленій 180, 183. Относительность познанія 249. Сознаніе то же, что познаніе 276. О привлекательности глубокой печали 297.
- Геккеръ. Физиологическое объясненіе смѣха 338.
- Гельмгольцъ. Безсознательныя заключенія 84. Сложная природа слуховыхъ ощущеній 118 и слѣд. Ощущеніе и воспріятіе 142 и слѣд. О воспріятіи пространства 222.
- Генетическая теорія воспріятія пространства 233 и слѣд.
- Гербартъ. Попытка математической психологіи 25. Атомистическое ученіе о душѣ 56, 161 и слѣд., 163 и слѣд.
- Герингъ объ основныхъ цвѣтахъ 116. Нативистическая теорія воспріятія пространства 231.
- Гетте. Понятіе функціи 69. Объ основныхъ цвѣтахъ 116. Галлюцинаціи 166. Фантазія 207, 210. Вліяніе цвѣтовъ на чувство 262 и слѣд. „Пастушекъ“ 293. Вліяніе повторенія на чувство 326. Ширина чувства 352. „Ученикъ чародѣя“ 384. Смирненіе 389.
- Гертли (Давидъ) о психической хи-

ми 204. Психологическое развитие
эгоизма въ симпатію 281.

Гипнотизмъ 52.

Гисленъ. О душевной болѣзни въ
ея первой стадіи 355.

Гипотеза развитія см. Спенсеръ.
Гипотеза тождественности объ от-
ношеніи души и тѣла 74 и слѣд.

Гнѣвъ 269.

Гоббесъ. Законъ психологическаго
отношенія 52, 318. Вліяніе чувства
на сочетаніе представленій 183. Смѣхъ,
какъ выраженіе чувства силы 340, 345.

Гольбахъ 17, 70.

Голодь 259.

Гольдшмидтъ (М.) 355, 384.

Гольцъ о локализации въ мозгу 47
и слѣд., 346.

Гомеръ. Матеріализмъ 10. Описание
скорби 274. Ослѣпленіе и раскаяніе
300.

Горвичъ. Сознаніе начинается съ
чувства 108, 256. Нельзя допускать
нейтральныхъ чувствъ 333.

Горнеманъ о предсмертной агоніи
12.

Гризингеръ. Распадъ сознанія отъ
душевной болѣзни 53. Объ ощуще-
ніяхъ при дѣятельности мозга 60. О
психическомъ рефлекторномъ движе-
ніи 66.

Грусть 274, 276.

Д.

Дарвинъ (Чарльзъ) о способности
издавать звуки 178. Выраженіе гнѣва
у маленькихъ дѣтей 269. Эгоизмъ
самца 287. Ухаживаніе у животныхъ
289. Развитіе симпатіи 290. Улыбка
маленькихъ дѣтей 337. Улыбка и смѣхъ
у обезьянъ 339. Физиономика само-
углубленія 367.

Дарвинъ (Эразмъ) о психологиче-
скомъ значеніи жизни плода 3 и слѣд.

Движеніе и чувственное воспріятіе
133 и слѣд. Различные роды движе-
нія 358.

Двойственность сознанія 159
и слѣд.

Декартъ. Понятіе души 11 и слѣд.
Объ отношеніи между душой и тѣ-
ломъ 67. О воспріятіи разстоянія 223.
Мѣсто чувства 309. Удивленіе, какъ
начало всякаго чувства 323.

Детерминизмъ 400 и слѣд.

Джемсъ (В.) о различныхъ предста-
вленіяхъ 193. Чувство, какъ родъ ощу-
щенія 313.

Дифференцировка 96 и слѣд.,
101 и слѣд., 193, 266 и слѣд.

Долгъ, чувство его 300.

Достоевскій. Психологія преступ-
ленія 348. Сознаніе воли 396.

Дуалистическая гипотеза объ от-
ношеніи между душой и тѣломъ 63
и слѣд., ср. 7 и слѣд., 67 и слѣд.

Душа. Понятіе души 1, 11, 14. Мета-
физическое ученіе о душѣ 15 и слѣд.
Душа и тѣло 33—80 (см. оглавленіе).
Объемъ душевной жизни 81—97.

Дѣйствіе контраста въ области
ощущеній 127 и слѣд., между новыми
и повторными ощущеніями 139 и слѣд.,
между ощущеніями 183 и слѣд., меж-
ду чувствами 318 и слѣд., 344.

Дѣйствительность, критерій ея
въ области внѣшняго опыта 236 и слѣд.,
срав. 147 и слѣд., въ области воли 395
и слѣд.

Дюбуа-Реймонъ. О явленіяхъ со-
знанія и законѣ причинности 94. Ос-
новной законъ нервной физиологіи 119.

Е.

Единство, какъ характерный при-
знакъ сознательной жизни 53 и слѣд.
Формальное и реальное единство со-
знанія 154 и слѣд.

Ж.

Жажда 259.

Желаніе 279.

Жоржъ-Зандъ. Переходъ инстинк-
та въ идейное чувство 290.

З.

Забываніе 161 и слѣд., 184 и слѣд.
Задержка 49 и слѣд., 59, 115 и
слѣд., 362, 390.

Звуковыя ощущенія, см. слуховыя
ощущенія.

Зиббернъ. Гипотеза тожества 77—
79. Спорадическое развитіе 97. Чув-
ство и воля въ отношеніи къ позна-
нію 111 и слѣд. Понятіе перцепціи
142. Объ ассоціаціи цѣлаго и частей
176. Смѣшанныя чувства 274.

И.

Идеализація 209 и слѣд.

Идеализмъ. Идеализмъ въ теоріи
познанія (субъективизмъ) 70, 71, 77
и слѣд., 250 и слѣд., срав. 412. Худо-
жественный идеализмъ 209 и слѣд.
Идеализмъ въ чувствѣ 302, 353.

Идіоты. Улыбка и смѣхъ 338 и слѣд.
Владѣть органами чувствъ и членами
тѣла начинаютъ поздно 373.

Иллюзіи 165.

Индетерминизмъ 402 и слѣд.

Индивидуальныя представле-
нія 187.

Индивидуальность, какъ основ-
ная форма духовнаго существованія
76. Законъ индивидуальности въ при-
родѣ 97. Ограниченность энергіи ин-
дивидуума 105, 111 и слѣд. Центръ
индивидуальности и центръ сознанія
398. Типическія индивидуальныя от-
личія 405. Начало индивидуальности
55 и слѣд., 284.

Инстинктъ. Его отношеніе къ реф-
лкторному движенію и влеченію 102
и слѣд., 270, 362, 374. Инстинктъ
самосохраненія 279. Симпатическіе
рефлексы 285 и слѣд. Инстинктъ и
чувство 285 и слѣд., 289. Инстинктъ
и рефлексія 371. Инстинктивныя дви-
женія у дѣтей 372.

Интеллектуальное чувство
304.

Искусство. Происхожденіе искус-
ства 305. Прямой и ассоціатив-
ный факторъ художественнаго дѣй-
ствія 306. Красота въ искусствѣ и
природѣ 307 и слѣд. Художническая
фантазія 208 и слѣд.

К.

Кабанисъ о психологическомъ зна-
ченіи жизни плода 4, о матеріи 70,
о гениальности въ годы половой врѣ-
лости 293.

Кальдеронъ. Жизнь—сонъ 252.

Кампанелла 386.

Кантъ. Сознаніе—синтезъ 55. Крити-
ка метафизической психологіи 18
и слѣд. Гипотеза тожества 79. Пси-
хологическое трѣхчастное дѣленіе
100. Содержаніе и форма познанія
133. Обратное отношеніе ощущенія
къ воспріятію 147. Значеніе воспоми-
нанія для воспріятія 147. Понятіе при-
чинности 244. Познаніе какъ дѣй-
ствительная сущность сознанія 275.
Чувство долга 300. Связь между нрав-
ственнымъ и религіознымъ чувствомъ
303. Аффектъ и страсть 327. Недо-
вольство—условіе удовольствія 329.
Чувство высокаго 335 и слѣд. Смѣш-
ное 343. Борьба съ ипохондріей 388.
Ученіе о темпераментахъ 406.

Карданусъ. Относительность чув-
ства 318. Недовольство—условіе удо-
вольствія 329.

Карпентеръ о безсознательной
мозговой дѣятельности 92. О выжи-
дательномъ вниманіи 353. Физиологія
вниманія 368.

Кинси. Всплываніе старыхъ воспоми-
наній 162. Повышеніе чувства време-
ни 226. Утрата способности прини-
мать рѣшенія 394.

Киркегоръ. О повтореніи 324.

Клиффордъ о всеобщемъ одуше-
вленіи 93.

Кондильякъ о вниманіи 137 и
слѣд.

Кошмаръ 259.
 Красота природы (чутье къ ней) 307.
 Кусмауль о душевной жизни новорожденныхъ 4 и слѣд. Физиологія языка 48. Глухота и слѣпота къ словамъ 142. Забываніе словъ 169. Потеря рѣчи при сохраненіи ума 196.

Л.

Ланге (Альбертъ) о воспріятіи одновременнаго разнообразія 219.
 Ланге (Карль) о скрытой иннервации 259.
 Лапласъ 318.
 Ларошфуко. Самодержавіе эгоизма 281.
 Лейбницъ о выраженіяхъ языка для душевныхъ явленій 2 и слѣд. Незнаваемый ростъ душевной жизни 92 и слѣд. Безсознательность, какъ сознание въ возможности 93. О критеріи дѣйствительности 252.
 Лейкоккъ. Дѣйствіе наркотическихъ веществъ 40. Мозговое рефлекторное движеніе 66. Кошмаръ 259. Смѣхъ отъ опухоли въ мозгу 337.
 Леманъ о дѣйствіи цвѣтовъ на чувство 264.
 Леопарди 329.
 Лессингъ 342.
 Литре объ одномъ случаѣ самопроизвольнаго возбужденія чувства 278.
 Лихтенбергъ 351, 356, 387, 388.
 Личное уравненіе 23.
 Логика и психологія 31 и слѣд., 200 и слѣд.
 Локкъ о выраженіяхъ языка для душевныхъ явленій 2. Объ ассоціаціи идей 178. Объ отвлеченныхъ представленіяхъ 189.
 Лотце о субстанціи 15, о нервной дѣятельности 40, объ отношеніи между душой и тѣломъ 71 и слѣд., о мѣстныхъ знакахъ 230 и слѣд., о биологическомъ значеніи душевной жизни

Г е ф д и н г г . Психологія.

ни 316, о вліяніи чувства жизни на возникновеніе представленій 347.
 Любовь въ самомъ общемъ смыслѣ 270. Любовь какъ симпатія 284 и слѣд. Чувство любви 288 и слѣд.

М.

Мадвигъ. Языкъ выражаетъ въ образахъ непространственное пространственно 3. О происхожденіи языка 178.
 Маймонъ. Чистыя ощущенія—только отвлеченіе 133. Критика кантовой теоріи причинности 244.
 Маршалъ Галль. Теорія рефлекторныхъ движеній 66.
 Матеріализмъ 17, 66 и слѣд.
 Механическое міровоззрѣніе 12 и слѣд., 35 и слѣд. 248, 350.
 Метафоры 174 и слѣд.
 Материнское чувство 287.
 Метафизика и психологія 16 до 18, 70 и слѣд., 77—79.
 Милль (Джемсъ) 178, 184, 281.
 Милль (Стюартъ). Сознание, какъ рядъ состояній 54, срав. однако 156. Безсознательная дѣятельность мозга 91. Логическая теорія 203. Субъективный идеализмъ 251. Психологическое развитіе симпатіи 281. Значеніе воспитанія 407.
 Миеологическое воззрѣніе на душу 7 и слѣд. Миеологическое понятіе причинности 247 и слѣд.
 Модальность (ощущенія) 120.
 Мозгъ. Физиологія мозга 44 и слѣд. Мозгъ и сознание 57 и слѣд., 309 и слѣд., 362 и слѣд.
 Монизмъ (въ тѣсномъ смыслѣ) см. гипотеза тождества.
 Монистическая гипотеза 67 и слѣд.
 Моноидеизмъ 52.
 Мотивы 377, 389, 401.
 Музыка 306, 355.
 Мункъ о локализациі въ мозгу 46 и

слѣд., 310, 364. Слепота и глухота души 142.

Мышленіе. Элементарное мышленіе при всякомъ ощущеніи 132, при всякомъ воспріятіи 147 и слѣд., при всякой ассоціаціи представлений 180 и слѣд. О собственномъ мышленіи въ отношеніи къ произвольному теченію представлений 198 и слѣд.

Мюллеръ (Юг.) объ ощущеніи силы 135. О самопроизвольномъ движеніи 360.

Мюллеръ (Максъ). О выраженіяхъ языка для душевныхъ явленій 3, о корневыхъ и поэтическихъ метафорахъ 175 и слѣд., о ступеняхъ въ развитіи языка 186 и слѣд.

Н.

Нагловскій объ ощущеніи и чувствѣ 254, объ аналогіи ощущеній 354.

Надежда, какъ первоначальное предрасположеніе 151, какъ родъ чувства жизни 259; какъ дѣйствіе чувственныхъ раздраженій 262, опредѣляемая представленіями 272.

Намѣреніе 382.

Наслѣдственность 408 и слѣд., ср. 29, 120, 233 и слѣд., 290.

Нативизмъ 223, 228, 231 и слѣд.

Нейтральныя чувства 332.

Ненависть 270, безкорыстная ненависть 291.

Необходимость 247 и слѣд., 350.

Нервная система 42 и слѣд.

Нервный процессъ 40 и слѣд., 93 и слѣд., 314 и слѣд.

Нравственное чувство 299 и слѣд.

О.

Обоснованіе 202. Обоснованіе и доказательство причины 245.

Общее ощущеніе 4, 158, 257.

Общія представленія 189.

Ожиданіе 338, 354.

Органическая жизнь и ея существованіе 38 и слѣд.

Отвлеченіе 189 и слѣд.

Отвращеніе 269.

Отношеніе. Законъ отношенія въ области ощущеній 129, въ области представлений и понятій 248, въ области чувства 318, въ области воли 365.

Отцовская любовь 287.

Отчаяніе 272.

Ощущеніе 114—137. Ощущеніе и воспріятіе 138. Ощущеніе и чувство 253—266. Аналогія ощущеній 355.

Ощущеніе силы 134.

Ощущеніе жизни, см. общее ощущеніе.

Ощущеніе движенія 131, 260, 369.

П.

Панумъ. Физиологія, какъ органическая физика 11, 41. Способность органическихъ существъ переносить страданіе различается степенями 12. Объ органической основѣ воспріятія пространства 234. Объ отношеніи между физическимъ и физиологическимъ взглядомъ на цвѣта 266.

Параллелизмъ между развитіемъ мозга и сознанія 57 и слѣд.

Платнеръ. Изслѣдованіе воспріятія пространства у слѣпорожденного 226.

Платонъ. Душа и тѣло 10. Мѣсто мысли въ головѣ 60. Части души 98, 309. Высшія и низшія формы души 101. Смѣшанное чувство 273. Самохраненіе и размноженіе 288. Эросъ 292. Страсть, какъ ошибочное познаніе 329. Ученіе о предсуществованіи 411.

Повтореніе, какъ условіе жизни сознанія 138. Его значеніе для мышленія 244. Его вліяніе на чувство 323 и слѣд.

Пожеланіе 375.

Познаніе (психологія познанія) 114—252. Познаніе и чувство 107—110, 184, 253 и слѣд., 267 и слѣд., 345 и слѣд. Познаніе и воля 107, 135 и слѣд., 183, 383 и слѣд.

- Половой подборъ 289, 305.
 Понятіе 201.
 Почтеніе 301.
 Послѣдовательное воспріятіе яснѣе и легче, чѣмъ одновременное 130 и слѣд., 229.
 Предметъ 237.
 Представленіе. Представленіе и воспріятіе 146 и слѣд., 164. Единичное представленіе 187. Представленіе и чувство 182, 267 и слѣд., 350. Представленіе и воля 365 и слѣд., 374 и слѣд., 384 и слѣд.
 Представленія движенія 149, 197, 368 и слѣд.
 Причинность (понятіе). Примѣненіе его предполагаетъ послѣдовательность 64 и слѣд. Его основаніе въ познаніи 240 и слѣд. Психологическое развитіе его 246 и слѣд., 350. Примѣненіе его въ жизни воли 400.
 Промежутокъ между раздраженіемъ и отвѣтомъ на него 103, 379.
 Прейеръ. Единство я не врождено 157. О воспоминаніяхъ изъ первыхъ годовъ жизни 170 и слѣд. Первые сужденія ребенка 202. Недовольство господствуетъ въ первые годы жизни 331. Смѣхъ маленькаго ребенка 337. Инстинктивныя движенія у дѣтей 361.
 Пространство, воспріятіе его (см. оглавленіе) 211 и сл. Абсолютное и психологическое пространство 235.
 Психологія. Предварительное опредѣленіе 1. Послѣдній источникъ 13. Опытная психологія и метафизика 13 и сл. Методъ 18 и слѣд. Субъективная и объективная психологія 27. Экспериментальная психологія 24. Психологія и физиологія 27 и слѣд., 78, 94 и слѣд. Психологія и логика 31 и слѣд., 19 и слѣд. Психологія и этика 31, 328, 404. Психологія и теорія познанія 18, 30, 70 248, 412.
 Психофизика (экспериментальная психологія) 24.
- Пфлюгеръ о способности животнаго организма образовывать органическія ткани 40 прим. О раздражительности органическихъ тканей 359.
- Р.**
- Радость 270.
 Раздражительность 39, 359, 406.
 Разстояніе (воспріятіе разстоянія) 229 и слѣд., сраб. 189.
 Раскаяніе 300.
 Расширяемость чувства 352 и слѣд. Сосредоточеніе и расширеніе душевной жизни 101 и слѣд., 275.
 Реализмъ, какъ направленіе въ искусствѣ 209, какъ противоположность идеализму въ теоріи познанія 412 и слѣд.
 Религіозное чувство 301 и слѣд.
 Рефлекторное движеніе 42 и слѣд., 65 и слѣд., 102, 361.
 Рише. Воспоминаніе предполагается чувствомъ боли 108, 256. Прерывистость боли 321.
 Руссо. Самостоятельность и значеніе чувства 100. Чувство красоты природы 308. Противъ Мольера 342.
 Рѣшеніе 382.
- С.**
- Самопроизвольное движеніе 134, 149, 359.
 Свобода воли 398 и слѣд.
 Свободныя представленія 143.
 Симпатія 270, 281 и слѣд. (см. оглавленіе).
 Скрытая иннервация 258 и слѣд.
 Сложныя представленія (индивидуальныя представленія) 187.
 Слово. Значеніе слова особенно для общихъ представленій 194 и сл.
 Слуховыя ощущенія 118, 121, 129, 261.
 Слѣдъ отъ образа воспоминанія 167.
 Слѣдъ отъ образа 164.
 Слѣпорожденный 122, 140, 224, 226, 235.

- Слѣпота и глухота къ словамъ 142.
- Смирение 389.
- Смитъ (Адамъ) объ инстинктѣ распознаванія у животныхъ 223. О подражательномъ влеченіи, какъ основѣ симпатіи 283.
- Смѣхъ, какъ чисто физиологическое явленіе 337 и слѣд. Чувство смѣшного 337—345.
- Смѣшанное чувство 271—274.
- Совѣсть 300, 321, 348.
- Сознаніе. Предварительная характеристика 51. Сознаніе и мозговая дѣятельность 57 и слѣд. Сознаніе и бессознательность 80 и слѣд. Центръ сознанія и центръ индивидуальности 398.
- Сонъ и дѣйствительность 236 и слѣд. Образы во снѣ 164. Состояніе сна 88 и слѣд.
- Соображеніе 382.
- Сочетаніе представлений (ассоціація идей). Законы сочетанія представлений 171—183.
- Спекулятивная философія, см. метафизика.
- Спенсеръ (Гербертъ) о миеологическомъ воззрѣніи на душу 8 и слѣд. Общіе законы развитія духа и матеріи 96 и слѣд. Объясненіе модальностей чувствъ посредствомъ гипотезы развитія 120. Ритмъ движенія 138. Обратное отношеніе ощущенія къ воспріятію 147. Объясненіе воспріятія пространства посредствомъ гипотезы развитія 233. Объясненіе симпатіи посредствомъ гипотезы развитія 288, 290. Объ удовольствіи въ печали 297. Игра, какъ зародышъ искусства 306. Ритмъ въ выраженіи чувства 321. Біологія чувства по объясненію гипотезы развитія 316. Смѣшное 343. Ширина чувства 352. Гипотеза развитія душевной жизни 241.
- Спиноза. Понятіе субстанціи 15 и слѣд., 105. Объ ассоціаціи чувства 275. Психологическое развитіе симпатіи 282. Безкорыстная злость 291. Безкорыстная любовь 298. Законъ отношенія въ области чувства 318, 322. Чувство покоряется только чувствомъ 328. Зависимость воли отъ воспоминанія 380. Смирение 389.
- Спиритуализмъ 15 и слѣд. Дуалистическій спиритуализмъ 62 и слѣд. Монистическій спиритуализмъ 71 и слѣд.
- Сталь (г-жа). Объ импровизаціи 207. О ширинѣ чувства 352.
- Страсть въ отличіе отъ аффекта 327.
- Страхъ 259, 262, 271.
- Субъектъ и объектъ 249 и слѣд.
- Субъективизмъ 251 и слѣд.

Т.

- Тегнеръ (Э). Недостатокъ выражений въ языкѣ для извѣстныхъ представлений 196.
- Телеологія 349 и слѣд.
- Темпераментъ 405 и слѣд.
- Теорія познанія 18, 31, 70, 248, 412.
- Типическое индивидуальное представленіе 189.
- Тождество, принципъ тождества въ логикѣ 202, 203 и слѣд. Принципъ тождества и причинности 242 и слѣд.
- Токвиль 378.

У.

- Удивленіе 322, 344.
- Узнаваніе 53, 140 и слѣд., 158, 213.

Ф.

- Фантазія 153, 204 и слѣд. Значеніе фантазіи для симпатіи 294.
- Фейербахъ (Ансельмъ фонъ). Способность страсти пробуждать аффекты другого рода 328. Объ ослѣпляющей силѣ страсти 348.
- Фейльбергъ (Людвигъ). О вліяніи, возбуждающемъ чувство 351.
- Фехнеръ. Формула прироста ощу-

пненій 25 и слѣд., 125. Обь отношеніи между душой и тѣломъ 79. Слѣдъ отъ образа несознаннаго раздраженія 86 и слѣд. Ощущенія абсолютныя 130 и слѣд. Слѣды отъ образовъ воспоминанія 167. Прямой и ассоціативный факторъ эстетическаго дѣйствія 306. Біологическое значеніе чувства 314. Ощущенія при вниманіи 367 и слѣд.

Физиологія. Точка зрѣнія и методъ 11 и слѣд., 37 и слѣд., 65 и слѣд. Физиологія и психологія 24 и слѣд., 78, 79, 94 и слѣд. Физиологія познанія 46 и слѣд., 57 и слѣд., 142. Физиологія чувства 309 и слѣд. Физиологія смѣха 337. Физиологія воли 363. **Физиологическое время** 58, 106 и слѣд.

Фихте (І. Г.). Субъективный идеализмъ 251. Связь между нравственнымъ и религиознымъ чувствомъ 303. Самопроизвольное движеніе 361. Индивидуальное и внѣшнія воздѣйствія 407.

Флурансъ. Полемика противъ локализациі въ мозгу 56. Инстинктъ связанъ съ большимъ мозгомъ 363.

Функція 69.

Ц.

Цвѣтотвыя ощущенія 116 и слѣд., 122, 128 и слѣд. Ихъ вліяніе на чувство 262 и слѣд.

Цѣльность (законъ) 181.

Ч.

Челлини. Иллюзія на основѣ галлюцинаціи 165.

Чувство. Безсознательный ростъ 87. Самостоятельность по отношенію къ другимъ сторонамъ сознанія 100, 255 и слѣд., 275 и слѣд. Чувство и познаніе 106—110, 253 и слѣд., 267 и слѣд., 345 и слѣд. Чувство и воля 111, 270, 348, 385 и слѣд. Физиологія и біологія чувства 309 и слѣд. Медлительность чувства сравнительно съ по-

знаніемъ 255, 272, 276, 282, 346, 351 и слѣд.

Чувство жизни, или общее чувство 4, 87, 109 и слѣд., 158, 257 и слѣд., 330, 337, 347, 406 и слѣд.

Чувство силы 258.

Чувство справедливости 299.

Ш.

Шекспиръ. Король Лиръ 123, 176. Отелло 273. Гамлетъ 273, 392 и слѣд. Ричардъ III 291. Макбетъ 348. Юморъ Шекспира 345.

Шефтсбери 240.

Шюдте 210.

Шиллеръ „Пляска“ 175. Удовольствіе и любовь 289. Происхожденіе искусства 306.

Шнейдеръ (Г. Г.) о проявленіяхъ сознанія у низшихъ животныхъ 109, о послѣдовательномъ и одновременномъ контрастѣ 130.

Шопенгауеръ. Отрицательный характеръ чувства удовольствія 329 и слѣд. Воля къ жизни 105. О половомъ инстинктѣ 289.

Штумпфъ. Противъ закона отношенія 131. Нативистическая теорія воспріятія пространства 228, 231, 233.

Э.

Эврипидъ. Чувствительность 298. Характеръ Ореста 392.

Эгоизмъ 279.

Элементарное воспоминаніе и сравненіе 132.

Элементарный выборъ 138.

Элементарныя ощущенія 115 и сл.

Элементарныя чувства 254 и слѣд., 266.

Элементы. Элементы сознанія 99 и слѣд. Элементы сознанія и матеріальные элементы (атомы) 75 и слѣд., 160 и слѣд.

Энергія, сохраненіе энергіи 35 и слѣд. Слѣдствія по отношенію къ душѣ и тѣлу 63 и слѣд. Сохраненіе

энергии и принципъ индивидуальности 76, 96. Сохраненіе энергии и индетерминизмъ 403.

Эрстедъ объ эстетическихъ вліаніяхъ цвѣтовъ 263.

Эстетическое чувство 305 и слѣд.

Эсхиль 392.

Этика и психологія 31 и сл., 253 и сл., 404.

Эшрихтъ о психологіи идіотовъ 338, 373 и сл.

Ю.

Юморъ 342, 345, 389.

Юмъ. Сознаніе только какъ послѣдовательность 54. Критика понятія причины 240 и сл. О сочетаніи чувствованій 277. Чувство можно одолѣть только чувствомъ 325. Широта чувства 352.

Я.

Я и не-я. 3—8. Психологическое понятіе объ я 154 и сл.

Языкъ. Выраженіе для душевныхъ явленій 2 и слѣд. Физиологія языка 48. Происхожденіе языка 177. Языкъ и представленія 194—198.

7348
~~7013.~~

О ПЕЧАТКИ.

На страницѣ 15, строка 17 снизу, вм. «дѣла» слѣдуетъ читать «тѣла».

На страницѣ 39, строка 3 сверху, вм. «органическія» слѣдуетъ читать «неорганическія».

НБ ПНУС

7348